

*Профессорско-преподавательскому составу
Владимирского юридического института ФСИН России,
коллективу редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»*

Уважаемые товарищи!

На основании решения Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 октября 2008 г. № 38/54 научно-образовательный журнал «Вестник Владимирского юридического института» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Ваш журнал имеет заслуженный авторитет в системе образования и науки Российской Федерации, на его страницах находят отражение передовой опыт подготовки кадров для правоохранительных органов, научные достижения, вопросы нравственного и эстетического воспитания личного состава. Материалы журнала востребованы читателями, среди которых ученые, преподаватели вузов, работники территориальных органов и учреждений ФСИН России, студенты, курсанты и слушатели, представители общественности.

Сердечно поздравляю вас со столь знаменательным событием!

Желаю вам здоровья, благополучия, успехов в работе, в сохранении и приумножении высокого интеллектуального, научного, организационного и методического потенциала, которым сегодня обладает Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний!

Заместитель руководителя
Федеральной службы
по надзору в сфере
образования и науки

Ф.И. Шамхалов

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Полякова Т. А., Ширшов С. Р. <i>Исторические истоки юридической профессии и роль юристов в формировании правового государства</i>	6
Емельянов С. Н. <i>Реализация основных положений Конституции Российской Федерации в нормах оперативно-розыскного законодательства</i>	10
Головкин Р. Б., Воронкова М. А. <i>Специфика религиозно-правового регулирования семейной жизни в пенитенциарной системе</i>	13
Горбунов В. А. <i>Обучение осужденных в уголовно-исполнительной системе России: теоретические и практические аспекты</i>	17
Дроздов А. И. <i>Институт изменения условий отбывания лишения свободы в современной системе уголовно-исполнительного права</i>	21
Емельянова Е. В. <i>Международный опыт привлечения осужденных к труду и возможность его использования в отечественной пенитенциарной системе</i>	26
Илиджев А. А., Абуталипов А. Р. <i>Особенности уголовно-правовой регламентации форм соучастия и учет их особенностей при квалификации пенитенциарных преступлений по УК РФ</i>	32
Ирисханов А. З. <i>Особенности личности и статуса осужденных как факторы пенитенциарной преступности</i>	37
Колосков А. М. <i>Дисциплинарно-правовое принуждение и дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы: содержание и соотношение</i>	42
Кудрявцев А. В., Васильчиков В. Б. <i>Проблемы организации внутреннего взаимодействия при осуществлении розыскной работы в исправительных учреждениях</i>	45
Кудрявцев В. Н., Лебедев А. В. <i>Применение принципов системного анализа в информационно-аналитической деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации</i>	47
Мазалева Л. В. <i>Генезис отечественного законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности</i>	53
Мельникова Н. А. <i>Виды административной деятельности органов и учреждений ФСИН России: их классификация и сущность</i>	56
Меркурьев В. В., Богачевская Е. А. <i>Тюремная субкультура как динамичный доминантный фактор организованной пенитенциарной преступности. Структура криминального сообщества в местах лишения свободы</i>	59
Парсегов А. И., Зубарев Д. В. <i>Роль аналитических исследований в предупреждении утечки государственных секретов в уголовно-исполнительной системе</i>	67
Спицына О. О. <i>Особенности трансформации правосознания сотрудников ФСИН России в условиях реформирования отечественной правовой системы (по материалам социологического исследования)</i>	72
Тайгозин Ю. А. <i>Основные функции режима в местах лишения свободы и его организация</i>	77
Шпилевой О. Н. <i>Актуальные проблемы правового регулирования организации и тактики раскрытия преступлений против жизни и здоровья оперативными аппаратами колоний-поселений</i>	79
Щетнев Л. Е. <i>Некоторые вопросы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе</i>	83

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Шамхалов Ф. И. <i>Общественные и гуманитарные науки в России: современное состояние</i>	88
Морозов В. М. <i>Правовая реформа как фактор становления российской государственности</i>	95

Воронков А. В.	
Личность как педагогическое понятие	97
Ашин А. А., Добрынина М. Л.	
Теоретические аспекты обеспечения прав и свобод личности: основные детерминанты и тенденции	99
Богатырев В. В., Юдина Е. В.	
Унификация места и роли судебного прецедента в правовых системах мира и становление его как источника глобального права	105
Галимов С. А.	
Некоторые особенности механизма посягательства на жизнь сотрудника милиции (криминалистический аспект)	111
Головинская И. В., Ульянов А. В.	
Роль института надзорного судопроизводства в защите конституционных прав человека	115
Головкин Р. Б., Лесявин С. В.	
Юридическая ответственность за поведение, не противоречащее правовым запретам	120
Давлетов С. Ф.	
Категории «контроль» и «надзор»: сущность понятия и их соотношение	125
Дедов В. А.	
Научно-правовой взгляд на модернизацию образовательной системы: совершенствование контроля качества образования	128
Ермаков С. В.	
Уклонение от уплаты налогов и(или) сборов с организации: проблема определения понятия	134
Ешкилева Н. А.	
Отдельные аспекты государственного контроля в сфере защиты прав потребителей (на примере Владимирской области)	136
Земсков В. А.	
Нормотворчество как форма участия органов местного самоуправления в реализации государственных функций	140
Кобозева Т. Ю.	
Принуждение как способ совершения преступления	142
Колосов А. С., Курысева О. К.	
Компьютерные преступления: проблемы теории и практики	147
Кравченко О. А.	
Регулятивные и охранительные правоотношения как относительно самостоятельные типы	149
Кулагин А. В.	
Правовое воспитание как составная часть единого формирования личности сотрудников МЧС России	153
Лазарева Л. В.	
Некоторые особенности соотношения специальных и правовых знаний	155
Лапаев Д. Ю.	
Понятие и правовая природа корпоративных норм	158
Лапшин В. Е.	
Генезис суицидального поведения молодежи	161
Леонтьев С. А.	
Право в контексте современного нормативного правопонимания	164
Лобанов С. В.	
Противодействие расследованию преступлений, совершенных организованными преступными группами: сущность, проблемы и способы его преодоления	169
Маринкин Д. Н.	
Некоторые особенности механизма преступной деятельности, связанной с хищениями, легализацией и иными злоупотреблениями ответственных служащих управляющих компаний, в сфере жилищно-коммунального комплекса	173
Меркурьев В. В., Колосов А. С., Александров Д. Е.	
Современные угрозы безопасности человека	177
Михайлов А. Е.	
Проблемные вопросы допустимости использования нетрадиционных источников получения информации при производстве предъявления для опознания	181
Михайлова О. Е.	
Обязательство о явке как мера процессуального принуждения	186
Морохова О. А.	
Ценностные ориентиры профессионального языкового образования	191
Назарова М. Г.	
Актуальные проблемы образования и воспитания в современном обществе	196
Николаева М. И., Медведев М. А.	
Отдельные вопросы назначения и проведения судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа при расследовании преступлений	199

Овчинников О. М.	
<i>Профилактика лиминального и виктимного поведения несовершеннолетних</i>	204
Павлинов А. В., Дятлова Е. Ю.	
<i>Особенности проявлений экстремизма в молодежной среде и меры противодействия ему</i>	208
Петрова С. М.	
<i>Соотношение объема обязанностей личности и государства</i>	210
Пичугин С. А.	
<i>Несколько приговоров в отношении одного лица и их влияние на назначение и исполнение наказания</i>	212
Рубан А. С.	
<i>Развитие представлений о следственном эксперименте в российском уголовном судопроизводстве</i>	215
Сабанов А. Ю.	
<i>Взрывные устройства как элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с криминальными взрывами</i>	221
Самитов Э. О.	
<i>Некоторые особенности выявления истязаний</i>	224
Сенкевич В. В.	
<i>Уголовное законодательство Российской Федерации и стран – участниц СНГ об ответственности за побег из мест лишения свободы</i>	227
Смирнова Е. Ю.	
<i>Некоторые аспекты регулирования социальной политики в области занятости молодежи в современной России</i>	232
Тараканов И. А.	
<i>Некоторые особенности уголовно-правовой оценки использования технических устройств и приспособлений для защиты имущества от преступных посягательств</i>	236
Ткачук Т. А., Есин С. Н.	
<i>Актуальные проблемы правового обеспечения розыска лиц, скрывшихся от дознания, следствия и суда</i>	238
Тюлин В. Е.	
<i>Об отдельных аспектах коррупционных проявлений (на примере Владимирской области)</i>	242
Шаханов В. В., Лавров В. А., Киселев С. В.	
<i>Правовая конструкция «источник повышенной опасности»: недоработка законодателя или применение юридико-технического приема «умолчание законодателя»?</i>	246
Яшин Р. Е.	
<i>Методические аспекты использования экономической информации в диагностике незаконного предпринимательства</i>	248

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Амосова О. А.	
<i>Городское сословие в России во время реформ Петра I</i>	253
Жукова О. С.	
<i>Особенности организации труда осужденных в исправительно-трудовых учреждениях в период 1935–1940 гг.</i>	256
Ключников М. И.	
<i>Учение о наказании в политической и правовой мысли России во второй половине XIX – начале XX в.</i>	259
Кострюков К. В.	
<i>Особенности организации и тактики борьбы с мошенничеством: исторический аспект</i>	263
Попова А. В.	
<i>Проблема соотношения права и нравственности в русской неолиберальной политико-правовой мысли</i>	268

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Байдуж Р. В.	
<i>Ресоциализация осужденных в Украине: проблемы теории и практики</i>	276
Богатырев И. Г.	
<i>Пенитенциарная система Украины как институт реализации государственной политики в сфере исполнения наказаний</i>	278
Маринчев Н. В.	
<i>Философско-теологические основы правосознания в традиционной правовой системе Древней Индии</i>	282
Ульянов А. В.	
<i>Международный опыт пересмотра вступивших в законную силу приговоров суда</i>	287
Чупрова О. В.	
<i>Общее и особенное в государственно-правовых взглядах О. фон Бисмарка и Н. Макиавелли</i>	293

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Т. А. Полякова,
*заместитель директора
Департамента законодательства
о государственной безопасности
и правоохранительной деятельности
Минюста России*

С. Р. Ширшов,
*начальник управления кадров
и профессионального образования
ФСИН России*
кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ И РОЛЬ ЮРИСТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Впервые в этом году в России отмечается как профессиональный праздник День юриста (учрежден Указом Президента РФ «Об установлении Дня юриста» от 4 февраля 2008 г. № 130). Это свидетельствует не только о внимании государства к людям данной профессии, их роли в обеспечении защиты прав человека и гражданина, формировании правосознания, но и подтверждает значение права при построении демократического правового государства.

Преобразования в различных сферах жизни российского общества способствуют формированию правового государства и гражданского общества, повышению правовой культуры и правового образования граждан, а следовательно, ведут к усилению роли юристов в обществе. С деятельностью юристов связано развитие нашего гражданского общества, создание таких механизмов, которые позволили бы Российскому государству называться правовым.

Несмотря на то, что в России уже отмечаются такие праздники, как День работника прокуратуры (утвержден Указом Президента РФ от 29 декабря 1995 г. № 1329), День специалиста юридической службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (утвер-

жден Указом Президента РФ от 31 мая 2006 г. № 549), сегодня люди юридической профессии, специализирующиеся в различных отраслях права, ученые-правоведы, посвятившие себя правотворческой деятельности, работающие в иных сферах создания и применения норм права, также имеют свой официально установленный профессиональный праздник.

Среди целей, стоящих перед юридической наукой и юридическим образованием, особое значение имеет воспитание юристов в духе неукоснительного соблюдения положений закона и норм профессиональной этики, а это, в свою очередь, способствует обеспечению престижа и авторитета юридической профессии.

В связи с этим профессиональный интерес вызывает и исследование вопроса о возникновении этой профессии, издавна считающейся одной из самых почетных, уважаемых, но вместе с тем сложной и ответственной.

Откуда же появилась такая профессия, каковы ее гносеологические корни и предназначение?

Принято считать, что слово «юрист» латинского происхождения (от лат. *jus (juris)* право). В различных словарях иностранных слов *jurist* в переводе с немецкого языка – это человек, имеющий юридическое образование, специалист по правовым вопросам, практикующий в области права¹. В толковом словаре В. И. Даля юрист определяется как правовед, законник, законовед, законоведец, а юрисконсульт – «как правовед, состоящий при каком месте для совеща́нья». В словаре русского языка С. И. Ожегова юрист – это специалист по юридическим вопросам, юридическим наукам². В разговорной речи понятие «юрист» употребляется значительно ши-

¹ См.: Васюкова И. А. Словарь иностранных слов. М., 1999. С. 631.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М., 1981. С. 811.

ре: адвокат, нотариус, а также студент юридического учебного заведения и т. д.

Jurisprudentia в переводе с латинского языка означает знание о праве. Исследователи происхождения права полагают, что корни юриспруденции находятся в Древнем Риме. Первыми юристами принято считать жрецов-понтификов, собиравших и хранивших знания о праве, прецедентах, дававших юридические советы. Только после того, как в III веке до н. э. главным понтификом начали даваться консультации публично всем желающим, юриспруденция стала развиваться как светское знание, и каждый считал необходимым быть сведущим человеком в вопросах права, чтобы правильно заключать юридические сделки, составлять иски. Таким образом, юристы были в первую очередь практиками. Позднее самые опытные римские юристы стали возводиться в особый ранг. Их мнение было обязательным для судей, они оказывали огромное влияние на правоприменительную практику при рассмотрении схожих дел, что способствовало развитию юридической науки, появлению комментариев к практике, кратких систематических учебников, монографических исследований и т. д. Однако основу их деятельности по-прежнему составляла практика. Упадок Римской империи сказался и на юриспруденции, в связи с этим до наших дней сохранилось не так уж много трудов римских юристов, но именно они легли в основу права и европейской юридической науки.

Следует отметить, что значительный интерес в России к древнеримской правовой культуре как с научной, так и с практической точки зрения проявился только в XVIII в. Этому способствовала положительная оценка Петром I и его преемниками достижений европейской цивилизации. Положительным импульсом развития римского права в России наряду с источниками и историей русского права также является открытие в 1755 г. императорского Московского университета, где впервые в России был создан юридический факультет, в котором преподавали и учились многие известные юристы.

Столь значительный интерес к римскому праву в России, а оно преподавалось вплоть до 1917 г. (преподавание римского права возобновилось в СССР только в 1945 г.),

имел немаловажную практическую цель – правовое воспитание русских юристов и содействие их правотворческой и правоприменительной деятельности.

Самым древним памятником законодательства на Руси принято считать «Русскую правду» Ярослава Мудрого и Ярославичей (Краткую, Пространную и Сокращенную), которую называют кодексом правовых норм XI–XII вв. Следует отметить, что слово «правда», часто встречающееся в древнерусских источниках, означало правовые нормы, на основании которых вершился суд. В свою очередь, Ярослава Мудрого в соответствии со сложившейся традицией и сегодня принято считать покровителем государственных мужей, юристов, судей и прокуроров. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», давая оценку «Русской правде», охарактеризовал ее как: «...Сей остаток древности, подобный двенадцати доскам Рима, есть верное зеркало тогдашнего гражданского состояния России, драгоценен для истории».

Первым официальным сборником преимущественно процессуальных норм после объединения Московской Руси является Судебник 1497 г., а первым печатным сборником законов – Соборное Уложение 1649 г., которое состояло из 25 глав, включающих 967 статей. Анализ этих древнейших памятников русского права, их роли в становлении права России посвящено множество научных исследований. Однако с датой, установленной в современной России как профессиональный праздник юристов, связано не их создание.

О роли, которую сыграла судебная реформа 1864 г. в истории нашего государства, написано много. Сегодня необходимо отметить влияние, которое оказала судебная реформа того времени, длившаяся более 30 лет, на возникновение таких юридических профессий, как судья, адвокат (присяжные и частные поверенные), нотариус, следователь и ряд других.

В небольшом историческом экскурсе, посвященном этим событиям, невозможно отразить, какой продуманной, цельной, демократической и последовательной мерой по тем временам была судебная реформа 1864 г. в ряду российских преобразований второй половины XIX в.

В связи с этим представляется неслучайным и оправданным выбор даты для учреждения Дня юриста 3 декабря, поскольку именно в этот день (20 ноября 1864 г. по ст. ст.) были утверждены Судебные уставы, и императором Александром II был подписан Указ об их публикации «ко всеобщему сведению». В Указе отмечалось, что задачей судебной реформы является: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных... возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе уважение к закону... которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего». Судебные уставы произвели огромное впечатление на общество и составили эпоху в истории русского права. Это историческое событие первостепенной важности, так как именно оно юридически оформило создание в России суда, присущего любому развитому государству.

При анализе содержания реформы и утвержденных Судебных уставов прослеживается связь времен в становлении практически всех юридических профессий. Они имеют глубокие исторические корни и про каждую из них написано много книг не только детективного жанра, но и глубоко профессиональных исследований.

На историческом пути к цивилизованному обществу, правовому государству трудно переоценить значение судебной реформы в России, проведенной с 1864 по 1899 г., и установление права как основы государственности. В Судебных уставах были закреплены основные принципы, на которых и сегодня основывается правосудие: независимость суда от администрации, создание всесословного суда, равенство всех перед судом, несменяемость судей, гласность, состязательность, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности, выборность мировых судей и присяжных заседателей.

Именно Судебными уставами были учреждены институт судебных следователей, адвокатура, суд присяжных, реорганизована прокуратура, создана более четкая система судебных инстанций.

Судебные уставы представляют собой комплекс законов, и в их числе следует отметить Учреждение судебных установле-

ний, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства. Преодолев хаотичность сословных судов, Судебные уставы ввели стройную систему судебных органов со строго очерченной компетенцией, при этом судьба человека и общества должна зависеть не от настроения отдельных властей, а только от равного для всех закона.

Таким образом, следует признать, что судебная реформа в России, несмотря на все проблемы с ее проведением в жизнь, длительными сроками, имеет огромное значение в мировой практике, поскольку и в России до 1917 г. правоведы отмечали этот день, считая его своим праздником.

Вместе с тем следует рассмотреть роль и место в становлении правовой системы России, проведении судебной реформы, отведенные Министерству юстиции РФ, которое в 2002 г. отметило 200-летний юбилей.

На созданное в соответствии с Манифестом Александра I 8 сентября 1802 г. Министерство юстиции возлагались функции подготовки актов законодательного характера, а также управления деятельностью судов и прокуратуры. Для решения этих ответственных задач были необходимы известные в стране личности и высококвалифицированные юристы. И первым Министром юстиции генерал-прокурором Российской империи был утвержден выдающийся государственный деятель, поэт Гавриил Романович Державин, проявивший себя талантливым организатором новой юстиции. В связи с острой нехваткой юридических кадров в 1835 г. при министре Д. В. Дашкове было открыто Училище правоведения, из стен которого вышло немало выдающихся юристов.

Осуществляя управление всей системой юстиции, Министерство с первых дней своего образования большое значение придавало совершенствованию российского законодательства. В связи с этим такое направление деятельности Министерства юстиции, как систематизация законодательства, не было оставлено без внимания. В 30-гг. XIX в. под руководством талантливого юриста М. М. Сперанского была проведена систематизация и кодификация российского законодательства. Эта монументальная работа является

беспрецедентной в мировой истории. Она была завершена изданием в 1833 г. Полного собрания законов Российской империи (56 томов) и Свода законов Российской империи (15 томов) и явилась существенным прорывом в правовом развитии России.

Следует отметить, что М. М. Сперанским был использован и зарубежный опыт упорядочения законов, особенно кодификации римского права (Феодосия II и Юстиниана). Задачи, поставленные им в этой работе, и в настоящее время не потеряли своей актуальности: повышение качества законотворческой и правоприменительной деятельности; обеспечение официальной правовой информацией государственных структур и подданных; создание базы для проведения правовых исследований и подготовки специалистов, связанных в своей деятельности с правом.

Как справедливо писал М. М. Сперанский, «трудность в законоведении» не преодолеть, если законы не будут приведены в порядок. Без этого «нельзя нам ожидать ученого законоведения. Основание его лежит на правильном составе самих законов. Оно начнется в полном его значении с изданием Свода. Тогда только можно будет помышлять об учебных и ученых книгах и твердом образовании нашего юношества в отечественных законах».

Таким образом, в указанный исторический период Министерство юстиции обладало достаточными правами не только по формированию судейского корпуса Империи, но и определяло, проводило в жизнь правовую политику страны.

После Октябрьской революции 1917 г. Министерство юстиции было заменено Народным комиссариатом юстиции, который имел достаточно широкие полномочия как в формировании судов, так и создании огромного массива нового законодательства. Кроме того, начиная с 1928 г. министру юстиции были непосредственно подчинены в качестве заместителей прокурор и Председатель Верховного Суда республики.

С 1956 по 1963 г. министерства юстиции СССР и союзных республик были упразднены, а их полномочия в сфере организации деятельности судов были переданы верховным судам союзных, автономных республик, краевым, областным и прочим

судам, а также местным советам. Обязанности по систематизации и кодификации законодательства перешли к юридическим комиссиям, созданным при Совмине СССР и совминах союзных республик.

Только в августе 1970 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были воссозданы органы юстиции. Структура и функции Министерства юстиции РФ полностью оформились к середине 1972 г. после утверждения Советом министров соответствующего Положения о Министерстве.

С 1991 г. начался новый исторический этап в жизни Министерства юстиции. В настоящее время в соответствии с Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» от 13 октября 2004 г. № 1313, Министерство юстиции РФ является многопрофильным федеральным органом исполнительной власти, основные задачи которого состоят: в разработке общей стратегии государственной политики и нормативно-правовом регулировании в установленной сфере деятельности, обеспечении в пределах своих полномочий прав и свобод человека и гражданина. Перед Министерством юстиции РФ сегодня поставлены важнейшие государственные задачи, определенные Президентом РФ Д. А. Медведевым в Послании Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г., связанные с формированием качественно новой правовой системы и независимого суда, избавлением от коррупции и правового нигилизма, преодолением пренебрежения к праву, укреплением демократических институтов.

Правовым, а следовательно, и справедливым государством может быть только такое, где все ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная, гражданское общество, каждый его гражданин хорошо знают и уважают законодательство своей страны, принцип верховенства права лежит в основе формирования и проведения государственной политики. При этом должна постоянно возрастать роль юристов в воспитании высокого уровня правового сознания людей.

Особое значение в формировании высокопрофессиональных юристов имеет система юридического образования, с ее слав-

ными традициями в нашей стране, но, несомненно, нуждающаяся в реформировании в современных условиях.

Исторический опыт показывает, что именно проблемы совершенствования государственного управления и законодательства вызвали усиление внимания со стороны государства к формированию юридического образования в XVIII в. и его интенсивному развитию в XIX в. – «золотом веке» российского государственно-правового образования, когда система юридических учебных заведений развивалась параллельно и отвечала потребностям развития политико-правовой системы России.

Для подготовки высококвалифицированных юристов необходимо обеспечить взаимодействие юридического образования и юридической науки, являющейся важным инструментом формирования правового сознания и правовой идеологии.

Выступая на Съезде Общероссийской общественной организации «Ассоциация

юристов России», Президент РФ Д. А. Медведев высоко поднял планку для юристов, обозначив их роль в обществе: «Юрист в любом обществе выполняет особую миссию. Его профессиональный ресурс позволяет быть проводником идеи верховенства закона, способствуя формированию правового государства и полноценного гражданского общества».

Библиографический список

1. *Сперанский, М. М.* Краткое историческое обозрение комиссии составления законов. Предположения к окончательному составлению законов / М. М. Сперанский // Рус. старина. – 1876. – № 2.

2. *Сперанский, М. М.* Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский. – СПб., 2002.

3. *Пиголкин, А. С.* Понятие и формы систематизации законодательства в Российской Федерации / А. С. Пиголкин. – СПб., 2003.

С. Н. Емельянов,
*начальник Владимирского
юридического института ФЦИН России
кандидат педагогических наук, доцент*

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НОРМАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Двенадцатого декабря 2008 г. действующей Конституции РФ исполнилось 15 лет. Это событие было отмечено большим количеством научно-практических мероприятий, которые проводились научно-исследовательскими и образовательными учреждениями по всей стране. Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний не стал исключением. Так, в стенах данного учебного заведения к 15-летию принятия Основного закона страны был проведен «круглый стол» «Конституция Российской Федерации – символ эпохи».

Актуальность, историческую роль и значение действующей Конституции РФ в становлении суверенного, демократического,

федеративного государства трудно переоценить. В сложный, противоречивый период истории нашей страны появился этот Основной закон. Развал огромного мощного государства, который повлек за собой крушение многих государственных институтов, кризис экономики, поляризацию общества, гигантский рост преступности, без преувеличения деморализацию власти, практически поставил страну на грань гибели. К декабрю 1993 г. страна уже два года жила без Основного закона. В этих условиях несколько рабочих групп (по разным отзывам три) рассматривали различные варианты проектов Конституции РФ. И 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием была принята и вступила в законную силу Конституция РФ.

По своим структуре, содержанию и концептуальным положениям эта Конституция поистине стала революционной. С первых же дней в среде юристов, ученых, практиков мнения и позиции в отношении Основного закона разделились. Вместе с тем время показало и доказало его жизнеспособность и легитимность. Сегодня мы живем в абсолютно другой стране. Как отметил

Президент РФ Д. А. Медведев в Послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г., «...Конституция утверждает свободу и справедливость, человеческое достоинство и благополучие, защиту семьи и Отечества, единство многонационального народа – не только как общепризнанные ценности, но и как юридические понятия, т. е. придает им практическую силу и поддерживает всеми ресурсами государства, всем авторитетом самого Основного закона, формирует социальные институты и образ жизни миллионов людей»¹.

В рамках настоящей статьи на примере оперативно-розыскного законодательства показано, каким образом Конституция придает практическую силу и поддерживает всеми ресурсами государства провозглашенные ею же жизненно важные ценности, которые благодаря ей же обрели статус юридических понятий.

Представляется, что основой государственной политики высшего руководства страны и всех государственных институтов является ст. 2 Конституции РФ, которая провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, определяет признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства². Каким образом эти основополагающие положения Конституции РФ реализуются в оперативно-розыскном законодательстве? Это вытекает уже из самого понятия оперативно-розыскной деятельности. Так, согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ она определяется «как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями *государственных органов... в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина...*» (курсив наш. – С. Е.). Таким образом, оперативно-розыскной закон буквально с первых строк определяет не только концептуальную направленность оперативно-розыскного законодательства, но и содержание са-

мой оперативно-розыскной деятельности, систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, гарантированных Конституцией РФ. Это положение находит свое закрепление и в ст. 3 «Принципы оперативно-розыскной деятельности» рассматриваемого Закона, согласно которой оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также в ст. 4 «Правовая основа оперативно-розыскной деятельности», согласно которой правовую основу оперативно-розыскной деятельности составляют Конституция РФ, собственно сам Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты *федеральных органов государственной власти*.

Особо в данном случае следует остановиться на анализе ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» рассматриваемого Федерального закона. Часть 1 указанной статьи вменяет в обязанности органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (гарантированы ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), неприкосновенность жилища (гарантирована ст. 25 Конституции РФ) и тайну корреспонденции (гарантирована ч. 2 ст. 23 Конституции РФ). Таким образом, основные права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ, закреплены в нормах оперативно-розыскного законодательства и защищаются при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем специфика и характер задач, решаемых оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию: Послание Президента РФ Федер. Собр. от 5 нояб. 2008 г. // Рос. газ. 2008. 6 нояб.

² Данные концептуальные положения указанной статьи конкретизируются в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ.

от преступных посягательств, в определенных случаях обуславливают необходимость получения оперативно значимой информации, имеющей значение в деле выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. В данном случае речь идет об оперативно-розыскных мероприятиях, предусмотренных пп. 8, 9, 10 и 11 перечня оперативно-розыскных мероприятий, представленного в ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (если речь идет о проведении данного мероприятия без ведома владельца помещения, здания или сооружения); контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи. Возникает вопрос о возможном противоречии рассматриваемой нормы оперативно-розыскного закона основным положениям Конституции РФ в области прав и свобод человека и гражданина. Ответ на него может быть только отрицательным, поскольку гарантированные Конституцией РФ права и свободы согласно предусмотренным ею же положениям могут быть ограничены на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23, ст. 25 Конституции РФ). Таким образом, указанные выше оперативно-розыскные мероприятия оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, могут и вправе проводить только на основании судебного решения. Нормы оперативно-розыскного законодательства, закрепленные в ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий», ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» и ст. 9 «Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий», строго регламентируют основания и порядок проведения

рассматриваемых оперативно-розыскных мероприятий, что исключает возможность их необоснованного проведения, а следовательно, нарушения конституционных прав граждан. Это свидетельствует о незыблемости основных положений Конституции РФ, а также законодательном закреплении ее гарантий в федеральных законах в целом и в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», в частности. Казалось бы, специфический вид правоохранительной деятельности, к которому относится оперативно-розыскная деятельность, предполагающий пресечение противоправных криминальных проявлений, задержание преступников на месте совершения преступления либо в результате розыска с применением силовых методов, тем не менее реализует, защищает и обеспечивает установленные Конституцией РФ права и свободы граждан.

На наш взгляд, следует обратить внимание на одно немаловажное положение, закрепленное в ст. 60 Конституции РФ, которая определяет, что гражданин Российской Федерации может осуществлять *в полном объеме* свои права и обязанности с 18 лет. На первый взгляд данное положение вряд ли может корреспондироваться с соблюдением прав и свобод граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем анализ оперативно-розыскного законодательства показывает, что оперативно-розыскной закон позволяет органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, заключать контракты о конфиденциальном сотрудничестве с *совершеннолетними* дееспособными лицами независимо от их гражданства (ч. 2 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Таким образом, основные положения Конституции РФ реализуются, конкретизируются и обеспечиваются нормами федерального, в том числе оперативно-розыскного законодательства.

Библиографический список

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. – М., 2002.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон : [от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ] // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.

Р. Б. Головкин,
начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
М. А. Воронкова,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

Особое место в регламентации взаимосвязи между людьми занимает религия. Это одна из особенностей бытия человека, духовное измерение его жизни, проявляющееся в ощущении человеком того, что «жизнь есть нечто большее», нежели обретение материальных благ и удовлетворение повседневных нужд. Через религию человек воспринимает свою собственную жизнь как часть некоей непрерывной цепи, континуума, поэтому, несмотря на определенные начало и конец жизни, она включена в более широкое целое всеобщего бытия, которое отлично от чисто физического, неодушевленного мира. Религия затрагивает все стороны жизни человека, выступает мощным социальным регулятором¹.

Исследуя религию в контексте регламентации семейной жизни, целесообразно, прежде всего, уточнить ее дефиницию.

В религиоведении разработан ряд концепций религии: теологические (конфессиональные), философские, социологические, биологические, психологические, этнологические и др.² К этой проблеме обращались мыслители самых разных эпох и направлений: П. А. Флоренский, К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер, З. Фрейд, В. Джеймс и др.³

¹ См. об этом: Головкин Р. Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества. Владимир, 1999.

² См.: Основы религиоведения / Под ред. И. Н. Яблокова. М., 1994. С. 13.

³ См.: Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 146–159, Т. 23. С. 26–28, 140–146; Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 366–368; Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психопсихология. Религия, культура. М., 1991. С. 53–54; Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. М., 1910. С. 26–27.

Анализ названных, причем различных, точек зрения позволяет заключить, что они взаимосвязаны, влияют друг на друга, заимствуют друг у друга определенные идеи, корректируя их в соответствии с собственными исходными посылками, но часто оказываются противоречивыми при выделении конкретных свойств религии.

Отсутствует единый подход и в современной справочной литературе. Так, Большой энциклопедический словарь трактует религию как «основанные на вере в сверхъестественное: мировоззрение, мироощущение, само поведение человека и специфические действия»⁴. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой термин «религия» рассматривается в трех значениях: 1) одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов и духов), которые являются предметом поклонения; 2) одно из направлений общественного сознания (мировые религии); 3) сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-либо идее, принципу, нравственному закону, ценности⁵.

Таким образом, поскольку однозначного определения религии нет, то для формулирования дефиниции религии исследованию обратимся к ее структуре.

Религия представляет собой сложное системное образование, где переплетены идеальная и материальная (практическая) деятельность, которая способствует возникновению определенных отношений между людьми, часто оформляющихся в специфические организационные формы (учреждения, институты). В философско-социологической литературе обычно выделяют две основные части религии: религиозную веру и религиозный культ⁶. В результате анализа содержания веры и культа в рамках данной концепции можно выделить следующие основные компоненты религиозной системы: религиозное сознание (вера), религиозный культ, религиозные

⁴ Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М.; СПб., 2000. С. 1009.

⁵ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 87.

⁶ См., напр.: Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М., 1985. С. 87–89; он же. Психология религии. М., 1986. С. 92–132; 187–218.

отношения, религиозные организации и религиозные нормы.

В целом соглашаясь с типовой структурой религии, обоснованной в религиоведении, мы предлагаем дополнить ее еще одним компонентом – религиозными установками. Дело в том, что некоторые люди, не исповедуя никакой религии (даже для себя), вполне могут проявлять отчетливые религиозные или духовные привязанности. Например, им может быть свойственно обостренное восприятие нескончаемости жизни, выходящей за пределы отведенного им земного срока, или они могут ощущать духовное сосуществование с другими людьми.

Другими словами, многие люди иногда бессознательно имеют религиозную установку, которая складывается под воздействием окружающего мира, прежде всего, под воздействием информации, в том числе религиозной. Эти установки могут противостоять мирскому подходу, отличающемуся занятостью материальной стороной жизни и удовлетворением повседневных нужд. Однако невозможно провести четкую грань между тем, что мы называем «духовным» и «мирским». Например, прослушивание музыки может доставить человеку чисто физическое удовольствие, что не имеет никакого отношения к духовной стороне жизни. Но при этом некоторые слушатели, помимо физического наслаждения, могут испытывать душевный подъем и переживания, близкие к духовным, которые можно определить как «религиозные».

Рассмотрев структуру религии, можно сформулировать ее определение. Религия представляет собой единство и взаимосвязь религиозного сознания, религиозных установок, религиозного культа, религиозных отношений, религиозных организаций и религиозных норм.

Таким образом, основываясь на предложенных структуре и определении, можно сказать, что религия, помимо выполнения общесоциальных функций, регулирует взаимоотношения в системе частной жизни, в том числе семейные отношения.

Религия, выступая социальным явлением, входит во внутреннее пространство семейной жизни лишь отдельными частями, которые могут обособливаться от общества. Поэтому представляется целесообразным

отнести к семейной жизни следующие элементы религии:

1) религиозное сознание и сознательная и неосознанная его части;

2) религиозные установки, которые могут внешне проявляться в неосознанных действиях квазирелигиозного характера (избегать супружеской измены, воздерживаться от сексуальных отношений до брака и т. д.);

3) часть религиозного культа, элементы которого осуществляются вне публичности (обряды, осуществляемые в домашних условиях, молитвы, произносимые мысленно, и т. д.);

4) религиозные отношения в части, касающейся взаимосвязей личности с богом, межличностных взаимодействий религиозного характера в семье и т. д.;

5) часть религиозных норм, реализованных в поведении индивида и регулирующих его поведение в условиях, которые можно отнести к семейной жизни (нормы о взаимоотношениях супругов, об осуществлении обрядов в домашних условиях и т. д.).

Отсюда следует, что все элементы религии в той или иной степени присутствуют в семейной жизни, и это предопределяет специфику регулирования взаимосвязи между людьми в данной сфере.

Такая специфика главным образом выражается в воздействии на взаимоотношения людей в сфере семейной жизни со стороны права и религиозной морали. Эти два регулятора отражают и содержат в себе элементы основных социальных норм. Следовательно, право и религиозная мораль – одни из главных нормативных регуляторов взаимосвязи между людьми в семейной жизни.

Характер взаимоотношений данных регуляторов напрямую зависит от правового режима отделения государства и церкви или, наоборот, режима государственной церкви, что обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, церковь, являясь социальным институтом, может непосредственно взаимодействовать с государством и одновременно влиять на семейную жизнь.

Во-вторых, церковь путем многократно повторяющихся действий верующими постепенно формирует у них привычку всегда осуществлять религиозные обряды (например, молиться, поститься и т. д.), т. е. церковь может прямо вмешиваться в семейную

жизнь, создавая религиозно-психологические механизмы контроля.

В-третьих, церковь разрабатывает сложную, многоступенчатую систему санкций, включающую поощрительные и репрессивные меры, которые в случае режима государственной церкви имеют силу закона.

В-четвертых, церковь создает систему надзора, которая выступает как совокупность формальных и неформальных способов обнаружения нежелательного поведения с целью его пресечения, в том числе и в сфере семейной жизни. Государство посредством права устанавливает санкции за незаконное пересечение границ семейной жизни.

В связи с этим можно предположить, что при режиме государственной церкви увеличивается объем взаимосвязи права и религии, и они выступают в большей степени как взаимодополняющие и взаимоподдерживающие явления. При режиме отделения церкви от государства возрастает основанная на их различиях противоречивость и конфликтность.

Учитывая обозначенные взаимоотношения церкви и государства, а также исследуя специфику взаимодействия права и религии при регламентации взаимосвязи между людьми в сфере семейной жизни, можно сделать вывод об их согласованном, однонаправленном воздействии на данную сферу, обусловленном единством и взаимопроникновением данных социальных регуляторов, а также об их противоречивости, определенной различиями¹.

Семейная жизнь как элемент частной жизни – это естественное субъективное право. Она существует в различных областях жизнедеятельности общества, в том числе и в пенитенциарной системе. Однако пребывание подозреваемых, обвиняемых и осужденных в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах и исправительных учреждениях (тюрьмах и колониях) делает правовой статус указанных выше категорий физических лиц специальным, так как общие права и сво-

боды ограничиваются, и появляется ряд дополнительных обязанностей. Все это в полной мере касается права на неприкосновенность частной (в том числе и семейной) жизни.

В ноябре–декабре 2006 г. авторами было проведено социологическое исследование, задачами которого были: установление наличия права на неприкосновенность частной (и семейной) жизни в местах государственной изоляции; определение его структуры, круга норм, регулирующих данную сферу жизнедеятельности индивидов, степени необходимых ограничений данного права в местах государственной изоляции; выявление степени защищенности частной жизни у спецконтингента, путей совершенствования реализации права на неприкосновенность частной жизни личности в пенитенциарной системе современной России.

Исследование проводилось в два этапа: первый – анкетирование сотрудников уголовно-исполнительной системы; второй – анкетирование осужденных, отбывающих уголовные наказания в учреждении ФГУ «Т-2» (Владимирский централ).

На первом этапе исследования было опрошено 100 сотрудников уголовно-исполнительной системы, обучающихся на факультете заочного обучения Владимирского юридического института. В анкетах сотрудников учитывались срок службы и образование. В опросе приняли участие сотрудники со средним специальным (74 %) и средним неюридическим (28 %) образованием. По срокам службы группы распределились следующим образом: до 5 лет – 24 %, до 10 лет – 52 %, до 15 лет – 15 %, свыше 15 лет – 9 %.

На втором этапе анкетирование проводилось среди 64 осужденных. При этом учитывались сроки, к которым были приговорены данные лица (большинство приговорено за особо тяжкие преступления на сроки от 10 лет лишения свободы и более): до 3-х лет – 10 %; до 8 лет – 48 %, до 15 лет – 38 %, свыше 15 лет – 4 %.

Анкеты для всех категорий лиц состояли из 10 вопросов: два были личностно-биографического плана и восемь касались исследуемой проблемы. По теме исследования вопросы можно сгруппировать по трем направлениям: 1) выявление объема сторон частной (а значит, и семейной) жизни в местах государственной изоляции; 2) регу-

¹ Среди крупных философов, социологов и религиоведов данный подход так или иначе разделяют такие мыслители и исследователи, как И. Кант, М. Вебер, А. Дж. Тойнби, К. Г. Юнг, Э. Фромм и др. Не чужд этот подход и правоведам (см.: Тихонравов Ю. В. Религии мира. М., 1996; Лейст О. Э. Право, мораль, правосознание // Сущность права. М., 2002. С. 159–160).

лирование неприкосновенности частной (соответственно и семейной) жизни; 3) реализация права на неприкосновенность частной (безусловно, и семейной) жизни в пенитенциарной системе.

Гипотеза опроса предполагала, что право на неприкосновенность частной (а соответственно и семейной) жизни – это естественное право, и поэтому оно должно реализовываться в местах государственной изоляции.

В результате исследования гипотеза подтвердилась: право на неприкосновенность частной (конечно, и семейной) жизни, выступающее в качестве субъективного права, имеет и в пенитенциарной системе традиционную структуру.

Во-первых, это – возможность обособления от общества и государства, общения с близкими людьми, урегулированная правовыми и религиозными нормами.

Во-вторых, данное субъективное право включает в себя возможность требования от администрации учреждения соответствующего поведения, которое должно обеспечить названные правомочия. С нашей точки зрения данный элемент структуры права на неприкосновенность частной (в том числе и семейной) жизни корреспондирует с обязанностями государства по невмешательству в эту сферу человеческой жизнедеятельности и защите информации о ней.

В-третьих, данное право включает возможность пользования социальными благами: индивидуальными, семейными и культурными ценностями. Перечисленные аспекты частной жизни, урегулированные правом и религией, безусловно, являются социальным благом, так как личностные и внутрисемейные отношения выступают предпосылкой общественной жизни и выполняют ценностно-ориентационную функцию для человека. В пенитенциарной системе это осуществляется путем свиданий и корреспонденции.

В-четвертых, данное право включает в себя правомочие – возможность требовать обеспечения защиты со стороны государства при незаконном вмешательстве в сферу частной жизни как самого государства в лице соответствующих должностных лиц, так и при вмешательстве других изолированных лиц.

Анализируя взаимоотношения права и религии в регламентации взаимосвязи между

людьми, ограниченной рамками семейной жизни (в том числе и в пенитенциарной системе), можно сделать следующие выводы.

1. Право и религия отражают и содержат в себе, применительно к настоящему исследованию, элементы всех основных социальных норм: корпоративных, моральных и обычаев. Право отражает общесоциальную мораль, а корпоративные, религиозные нормы выражаются в религиозной морали. Обычаи в религиозной сфере, как правило, охватываются религиозными нормами. Следовательно, право и религиозная мораль – основные нормативные регуляторы взаимосвязи между людьми в сфере семейной жизни.

2. Право и религия, регламентируя взаимосвязь между людьми, тесно переплетаются и поддерживают друг друга.

3. Взаимопроникновение права и религиозной морали в крайней форме – в виде государственной религии – приводит к деструкции частной (а соответственно и семейной) жизни и фактическому ее отождествлению с общественной.

4. Право изначально создается государством как средство, обеспечивающее охрану границы семейной жизни от проникновения через нее в общество интимных проявлений (например, запрет на порнографию) и т. д. Религия, напротив, через восприятие в индивидуальном сознании способствует ее экспорту в общественное сознание и отношения.

5. Современное право защищает семейную тайну, запрещает вмешательство в дела семьи. Религиозная мораль «размывает» границы семейной жизни, открывая в нее доступ единоверцам и государству.

6. В сфере семейной жизни уровень притязаний права и религиозной морали различен. Современное российское право устанавливает свободу совести и вероисповедания индивида, включая право исповедовать религию индивидуально (в рамках семейной жизни) или совместно с другими лицами (ст. 28 Конституции РФ), не вмешиваясь в существо самой религии. Религиозная мораль, являясь плотью от плоти самой религии, безусловно, регламентирует все ее стороны не только в общественной, но и в семейной жизни.

7. Регулятивное воздействие религиозной морали отнюдь не ограничивается только сферой собственно сакрального. Религиозная мораль всегда претендовала и

претендует на господствующее положение среди всех других нормативных систем, на подчинение религиозным ценностным установкам всех сфер человеческой жизни. В случае наличия правового режима государственной церкви или религиозной правовой системы экспансия религиозной морали удастся. Такой итог тоже приводит к вмешательству в семейную жизнь. Дело в том, что право, становясь частью религии, внедряется в семейную жизнь, в ее внутреннее пространство и «приводит» за собой государство.

Рассмотрев специфику структуры права на неприкосновенность частной (а значит, и семейной) жизни у лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, мы пришли к следующим выводам:

- 1) оно имеет типовую структуру субъективного права;
- 2) является основным и естественным;
- 3) обеспечивается государством;

В. А. Горбунов,

*начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
доктор педагогических наук*

**ОБУЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЕ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Проблема получения образования осужденными в уголовно-исполнительной системе России занимает особое место. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, учебная деятельность оказывает положительное влияние на осужденных, способствует развитию у них моральных качеств, расширяет поле их коллективной деятельности и общения. Во-вторых, успехи в обучении повышают социальный престиж осужденных, укрепляют их положение в коллективе, способствуют самоутверждению общественно полезными средствами и способами. В-третьих, осужденные не просто приобретают новые знания, а обогащают опыт коллективной деятельности, вступают в новые взаимоотношения с окружающей их действительностью.

4) ограничивается в содержании правомочий;

5) прямо не урегулировано законом;

6) требуется законодательная дефиниция и регламентация данного права в местах государственной изоляции;

7) требуют пересмотра законодательное закрепление и способы реализации правомочий, входящих в рассмотренное право, подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

Библиографический список

1. Головкин, Р. Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества / Р. Б. Головкин. – Владимир, 1999.

2. Лейст, О. Э. Право, мораль, правосознание / О. Э. Лейст // Сущность права. – М., 2002.

3. Основы религиоведения / под ред. И. Н. Яблокова. – М., 1994.

4. Тихонравов, Ю. В. Религии мира / Ю. В. Тихонравов. – М., 1996.

Богатый отечественный опыт становления тюремного образования свидетельствует о том, что педагоги еще в царской России старались пробудить у арестантов интерес к учению, любознательность, самостоятельность мышления. В обучении широко использовались наглядные пособия: географические карты, атласы, чертежи моделей машин, приборы.

Часто обязанности учителей тюремных школ исполняли священнослужители, состоящие при тюремных церквях. Поэтому не случайно в царских тюрьмах задача образования заключенных сводилась к тому, чтобы научить их читать церковные книги, которые помогут им раскаяться в преступлении – грехе.

В 20–30-е гг. XX в. задача получения неполного и полного образования осужденными вытекала из общей государственной задачи – подготовить политически грамотное поколение, которое могло бы вести страну по пути научно-технического прогресса.

На современном этапе уголовно-исполнительное законодательство получение общего и профессионального образования определило как одно из средств исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 12 УИК РФ «в исправительных учреждениях организуется обяза-

тельное получение осужденными к лишению свободы, не достигшими возраста 30 лет, основного общего образования. Осужденным, желающим продолжить обучение в целях получения среднего (полного) общего образования, администрацией исправительного учреждения и соответствующими органами местного самоуправления создаются необходимые условия».

Для сдачи экзаменов осужденные освобождаются от работы. Получение ими основного общего и среднего (полного) общего образования поощряется и учитывается при определении степени их исправления. Все средства воздействия на осужденных, в том числе общеобразовательная подготовка, направлены на достижение основной цели – развитие нравственно-волевых установок на исправление и ресоциализацию. Исправить осужденного невозможно, если не убедить его в ошибочности преступного образа жизни. Изменение сложившихся асоциальных убеждений связано с обращением, прежде всего, к сознанию осужденного, его разуму. Важнейшим условием формирования убеждений является приобретение осужденным знаний о человеке как личности, преобразующей мир. В исправительных учреждениях для осужденных предусматривается получение основного общего и профобразования. В этих целях администрация исправительных учреждений совместно с государственными органами образования обязана создавать общеобразовательные школы или учебно-консультационные пункты, а также профессиональные училища и обеспечивать их необходимым оборудованием, учебной литературой, а осужденных – письменными принадлежностями. Положительное влияние образования, как показала практика, связано с расширением и углублением знаний осужденных о мире, о других людях, о себе, что способствует их интеллектуальному развитию, отвлечением осужденных от праздного времяпрепровождения. При этом административно-принудительное обучение не способствует пробуждению интереса к знаниям. Однако ст. 77 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными гласит: «Обучение неграмотных и молодежи должно быть обязательным и администрация должна обра-

щать на него особое внимание»¹. В зарубежной пенитенциарной практике обучение рассматривается как устойчивая модификация поведения заключенного. Обучаемый рассматривается как субъект, активно вовлеченный в разработку своих когнитивных стратегий, т. е. преобразующий свои знания в практическую деятельность. Образование, в свою очередь, представляется в виде составной части нового подхода к решению проблем исправления осужденных.

В последнее время на дистанционную форму обучения осужденных в уголовно-исполнительной системе обращают все больше внимания. Дистанционное обучение в виде заочного обучения зародилось в начале XX столетия. Сегодня заочно можно получить высшее образование, изучить иностранный язык, подготовиться к поступлению в вуз и т. д. Эта форма обучения имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, в связи с плохо налаженным взаимодействием преподавателей и студентов и отсутствием контроля над учебной деятельностью студентов-заочников в периоды между экзаменационными сессиями качество подобного обучения оказывается значительно ниже, нежели при очном обучении. С другой стороны, компьютерные телекоммуникации способны обеспечить передачу знаний и доступ к разнообразной учебной информации наравне, а иногда и гораздо эффективнее, чем традиционные средства обучения. Качество и структура учебных курсов, равно как и качество преподавания при дистанционном обучении часто намного лучше, чем при традиционных формах обучения.

Пенитенциарные системы ряда стран руководствуются Европейскими пенитенциарными правилами (далее: ЕПП), согласно которым в каждом исправительном учреждении обучение должно идти по общеобразовательным программам, обеспечивающим всем заключенным возможность развивать способности. Их цель – совершенствование перспектив, ресоциализация, нравственное воспитание, развитие в каждом человеке самоуважения. В ЕПП определено, что а) образование должно рассматриваться как форма организации свободного

¹ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Воспитание и порядок. 1990. № 6, 7.

времени заключенных; б) ему должен придаваться такой же статус, как и труду; в) оно должно стать составной частью программы исправления; г) большое внимание в исправительных учреждениях должно уделяться образованию молодежи, иностранцев и представителей национальных меньшинств; д) должны быть разработаны особые программы для заключенных со специальными проблемами (имеющие психолого-педагогические отклонения, ВИЧ-инфицированные, больные туберкулезом и т. д.); е) образовательные программы, по которым обучают в тюрьмах, должны интегрироваться с системой образования в стране, чтобы после освобождения каждый мог продолжить образование; ж) заключенные имеют право обучаться вне тюрьмы¹.

Специфика усвоения знаний учащимися осужденными заключается в следующем: осужденные – взрослые люди, имеющие жизненный опыт и соответствующие знания, умения и навыки; у многих осужденных сложился стереотип мышления, ими приобретены навыки умственной деятельности, при этом часть осужденных имеет ошибочные, неверные представления, понятия и убеждения, особенно в области нравственности и права; многие осужденные обладают профессиональным опытом, знаниями, в том числе и криминальными.

В процессе обучения у осужденных должны быть сформированы мотивы-стимулы, побуждающие к овладению знаниями и дающие возможность освоить новые виды деятельности в условиях рыночной экономики, так как в связи с переходом на рыночные отношения появились и новые профессии (предприниматель, банковский работник, брокер, маркетолог и т. д.).

Мотивы могут быть внешними и внутренними. К внешним относятся все стимулы и побудители, которые толкают к цели извне: требования близких, похвала учителей, ожидание будущих благ и пользы. К внутренним мотивам обучения осужденного относят такие, которые служат достижению определенной цели, например, получение интересной и хорошо оплачиваемой профессии, по-

ступление после освобождения в среднее или высшее учебное заведение, а также интерес к знаниям. Такие мотивы являются оптимальными с педагогической точки зрения, а их формирование – важнейшая задача учителя. Итак, на процесс обучения влияют особенности личности. Отношение к обучению складывается в зависимости от того, насколько осужденные понимают и осознают значимость получения образования, специальности, в каком психическом состоянии находятся, были у них или нет перерывы в учении, имеют или не имеют навыки учебной работы, развиты или нет у них познавательные потребности и т. п.

В ст. 108 УИК РФ указано, что «в исправительных учреждениях организуется обязательное начальное профессиональное образование или профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный сможет работать в исправительном учреждении и после освобождения из него». Инвалиды, мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет получают профессиональную подготовку по желанию. Осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, профессиональную подготовку получают непосредственно на производстве. Отношение осужденных к получению начального профессионального образования учитывается при определении методов их исправления и ресоциализации. Профессиональная подготовка осужденных позволит им после освобождения быть социально защищенными, не остаться безработными и не совершать новых преступлений.

О важности профессиональной подготовки в формировании личности осужденных в исправительных учреждениях писали Н. А. Беляев, А. И. Васильев, А. И. Зубков, Я. Г. Крахмальник, Н. И. Панкин, Д. И. Перанчук и другие авторы. Однако нередко значительные средства, выделенные на профессиональное обучение осужденных, оказываются потраченными напрасно, так как многие профессиональные училища исправительных учреждений ориентированы на подготовку специалистов для работы непосредственно в исправительных учреждениях, и полученная в учреждении специальность может не пригодиться осужденным в дальнейшей жизни. Новая концепция профессио-

¹ См.: Алферов Ю. А. Международный пенитенциарный опыт и его реализация в современных условиях: Сб. лекций. Домодедово, 1993.

нального образования осужденных предполагает создание общеобразовательной базы подготовки и расширение профиля специальной подготовки, помогающих развитию способностей и постоянному обновлению знаний. Целью непрерывного профессионального образования осужденных является совершенствование связей между системой подготовки кадров и производством с тем, чтобы осужденным, получающим профессии в исправительных учреждениях, было гарантировано трудоустройство после освобождения из мест лишения свободы. В широком смысле система непрерывного обучения представляет собой единство основной подготовки и переподготовки, общего и профессионального образования, обучения и производства. Такое единство предполагает внедрение труда в сферу начальной профессиональной подготовки путем создания учебных центров при исправительных учреждениях, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих различного уровня. Учебные центры, по мнению Н. А. Тюгаевой, могут создаваться на базе действующих в каждом исправительном учреждении профессиональных училищ или их филиалов, поскольку они имеют необходимое учебно-методическое и техническое оснащение и профессионально подготовленные педагогические кадры¹.

Профессиональное образование может быть индивидуальным либо системным (курсы, профессиональные училища).

Профессиональное образование осужденных служит:

- объектом изучения психологического процесса овладения человеком трудовыми навыками, профессиональными знаниями, умениями и мастерством, развития способностей;
- методом проверки правильности теоретических гипотез, изучения производственных действий и эффективности систем и методов производственного обучения с точки зрения психических процессов и свойств личности;
- способом реализации предложений профессиональной педагогики и частных методик обучения, непосредственно связанных с деятельностью педагогов профессионального училища.

¹ См.: Тюгаева Н. А. Образовательные программы исправления осужденных. Рязань, 1997.

Все виды профессиональной подготовки можно классифицировать следующим образом: 1) подготовка для технологически простой работы, когда обучение ведется с помощью простейших пособий; 2) обучение для более сложной работы, базирующееся на анализе производственных операций и профессиональных навыков; 3) получение профессии, связанной с технически сложной работой; 4) переподготовка для приобретения новой специальности; 5) повышение квалификации – курсы для рабочих.

О том, как обстоят дела в данной сфере на современном этапе, можно проследить на примере учреждений Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Татарстан (далее: ГУФСИН России по РТ). В них функционируют 8 вечерних (сменных) общеобразовательных школ: при ИК-2, ИК-3, ИК-4, ИК-5, ИК-8, ИК-10, при лечебном исправительном учреждении № 1 и Казанской воспитательной колонии. Работают два филиала базовой общеобразовательной школы при ИК-2, ИК-18 и ИК-19, пять учебно-консультационных пунктов при изоляторах № 1, 3, 4, и 5, а также при колонии-поселении № 17 в пос. Дегитли.

В 2006/2007 учебном году завершили обучение 1500 осужденных, в том числе 300 несовершеннолетних. Основное общее образование получили 138 человек, в том числе 60 несовершеннолетних. Среднее (полное) общее образование получили 379 осужденных, из них 54 несовершеннолетних.

В начале 2007/2008 учебного года к занятиям приступили 1453 осужденных, в том числе 253 несовершеннолетних. Из 331 осужденного, подлежащего обязательному основному общему обучению, 326 начали обучение в общеобразовательных учреждениях.

В целом по Республике Татарстан укомплектованность школ при исправительных учреждениях составляет 96 %. Имеющиеся вакансии педагогического персонала замещены совместителями. Все учителя имеют высшее педагогическое образование и большой опыт работы в уголовно-исполнительной системе. В школах при исправительных учреждениях Республики Татарстан трудятся 94 педагогических работника, в их числе 6 педагогов имеют звание «заслуженный учитель школы Республики Татарстан», 12 учителей – «отличник народного просвещения», 34 учи-

теля являются специалистами первой категории, 3 человека – высшей категории. Педагогические коллективы в школах и учебно-консультативных пунктах в основном стабильные, 40 учителей работают по 10 и более лет. В настоящее время за счет финансовых средств родственников или самих осужденных свыше 130 осужденных ГУФСИН России по РТ обучаются по заочной и дистанционной формам обучения в средних и высших учебных заведениях.

Средняя стоимость обучения составляет от 6 до 12000 руб. в год. Обучение в духовных учебных заведениях бесплатное.

Наибольшей популярностью среди спецконтингента пользуются следующие специальности: менеджмент, экономика, бухгалтерский учет, маркетинг, юриспруденция.

Согласно соглашению между ГУФСИН России по РТ и Социально-гуманитарной академией в исправительных учреждениях, где количество осужденных, желающих получить образование, достаточное для создания группы (не менее 20 человек), силами Социально-гуманитарной академии открываются компьютерные классы для дистанционного обучения осужденных.

Приоритетными задачами обучения является развитие у осужденных интереса к обучению, самообразованию и самовоспитанию, формированию у них активной жизненной позиции. После освобождения бывшие осужденные могут продолжить свое обучение по дистанционной форме, а также перейти на дневную или заочную форму обучения. В ГУФСИН России по РТ в исправительных учреждениях имеется

8 профессиональных училищ, 1 филиал профессионального училища, 45 учебно-технических кабинетов и классов.

Срок обучения в них составляет от 10 месяцев до 1 года 6 месяцев. В процессе обучения осужденные получают специальность, необходимую для работы после освобождения (столяр строительный, электросварщик ручной сварки, стропальщик, штукатур, слесарь-ремонтник, слесарь механосборочных работ, электрогазосварщик, слесарь по сборке металлоконструкций, оператор котельной, каменщик, швея, слесарь по ремонту автомобилей, портной, повар и др.).

В заключение еще раз подчеркнем, что общеобразовательное обучение и профессиональная подготовка являются приоритетными факторами исправления, способствующими позитивной самореализации личности, правильному восприятию действительности, последующей ресоциализации и социальной реабилитации осужденного.

Библиографический список

1. Воспитательное воздействие общеобразовательного обучения на осужденных : учеб. пособие / Ю. А. Алферов [и др.] ; под ред. А. В. Шамис. – М., 1990.

2. Минимальные стандартные правила обращения с осужденными : [утверждены I конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Женева, 30 авг. 1955 г.] // Рос. юстиция. – 1992. – № 2,3.

3. Тюгаева, Н. А. Образовательные программы исправления осужденных / Н. А. Тюгаева. – Рязань, 1997.

А. И. Дроздов,
*преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
Самарского юридического института
ФСИН России*

ИНСТИТУТ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Выяснение сущности, понятия и правовой значимости норм института изменения условий содержания требует четкого опре-

деления предмета его регулирования и формулирования признаков, наличие которых позволяет относить те или иные нормы именно к указанному институту уголовно-исполнительного права.

Проблема оформления самостоятельности рассматриваемого института длительное время оставалась полностью не решенной. Основная причина заключается в сравнительно недавнем законодательном выделении изменения условий содержания в качестве самостоятельного правового института посредством соответствующего урегулирования нормами действующего уголовно-исполнитель-

ного законодательства. Дело в том, что ИТК РСФСР 1970 г. изменение условий отбывания наказания относил к мерам поощрения и взыскания. Другая причина состоит в формальном сходстве с проявлением и реализацией иных норм уголовно-исполнительного законодательства, что в теории уголовно-исполнительного права давало дополнительные основания для дискуссии.

Достаточно жесткой была позиция А. С. Михлина в оценке рассматриваемого института, по мнению которого, перевод осужденных из исправительных колоний общего и строгого режима в колонии-поселения относится к мерам поощрения, «...о чем прямо говорится в ч. 3 ст. 113 УИК РФ»¹.

Некоторые авторы аргументируют необходимость и целесообразность включения в систему мер поощрения и взыскания изменения условий отбывания наказания в пределах исправительной колонии². Более того, предлагается право на перевод из обычных условий в льготные в исправительных колониях увязать с наличием у осужденного поощрения³.

С. Л. Бабаян полагает, что изменение условий отбывания наказания в сторону смягчения относится к характеру поощрений⁴.

Аналогичную позицию занимает и А. И. Васильев, обращая внимание на то, что «изменение условий содержания классифицируется по такому признаку, как изменение условий содержания в одном и том же исправительном учреждении и путем перевода в исправительное учреждение иного вида режима. В большинстве своем изменение условий содержания осужденных рассматривается именно как применение мер поощрения и взыскания»⁵.

¹ Михлин А. С. Помилование в Российской Федерации. М., 2001. С. 21.

² См.: Бабаян С. Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 79.

³ См.: Сизый А. Ф. Совершенствование правового регулирования системы изменения условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы // Актуальные проблемы укрепления режима в ИТУ. Рязань, 1979. С. 98.

⁴ См.: Бабаян С. Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 1. С. 12.

⁵ Васильев А. И. Изменение условий содержания осужденных в системе мер поощрения и взыскания // Система воспитательной работы: Сб. науч. тр. Рязань, 1982. С. 109.

По мнению П. Г. Пономарева, реализация института изменения вида исправительного учреждения осуществляется в рамках применения к осужденным мер поощрения и взыскания⁶. Основным аргументом такого понимания роли и значения рассматриваемого института выступает фактическое изменение условий содержания осужденных как правовое последствие применения мер взыскания или поощрения, с одной стороны, и изменения условий отбывания наказания или вида исправительного учреждения – с другой.

Н. А. Стручков, напротив, утверждал, что изменение условий содержания осужденных к лишению свободы не может быть видом «...поощрения и взыскания в собственном значении этих понятий...», поскольку составляет содержание одного из способов реализации самостоятельного института исправительно-трудового права, не входящего в институт применения поощрений и взысканий к осужденным»⁷.

Говоря о самостоятельности института изменения условий содержания, Ю. М. Ткачевский и Г. А. Аванесов обосновывали свою позицию исходя из количественного и временного аспектов. Они полагали, что отличительным свойством института мер поощрения и взыскания является применение этих мер за единичные поступки, и что меры поощрения и взыскания являются рядовым актом, не влекущим длительного изменения правового положения осужденных⁸.

В современной учебной литературе также весьма однозначно высказано мнение о том, что законодатель рассматривает институт изменения условий содержания в качестве меры воздействия более широкого характера, чем поощрения и взыскания⁹.

При анализе мер поощрения и взыскания, действительно, можно установить значитель-

⁶ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ / Под общ. ред. С. В. Степашина. М., 1999. С. 273.

⁷ Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы общей части. М., 1984. С. 95.

⁸ См., напр.: Ткачевский Ю. М. Проблемы прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний // Проблемы совершенствования уголовных наказаний. Рязань, 1983. С. 20; Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). М., 1968. С. 10.

⁹ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. В. И. Селиверстова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 319.

ное сходство с изменением условий содержания. Они совпадают по многим параметрам. Так, те и другие выражают реакцию администрации исправительного учреждения на поведение осужденного в процессе отбывания наказания, и поощрение и улучшение условий содержания призваны стимулировать правопослушное поведение, в то время как порядок наложения взыскания и порядок ухудшения условий содержания одинаково связаны с наличием материального критерия, а также способны существенно повлиять на степень изоляции осужденного (например, водворение в штрафной изолятор или единое помещение камерного типа и перевод в строгие условия либо в учреждение с более строгим видом режима). Наконец, несмотря на обособление указанных институтов, в нормах УИК РФ, определяющих перечень поощрений (ст. 113), изменения условий содержания также поименованы. Сходство во многом обусловлено и тем, что, находясь в местах лишения свободы, круг интересов, возможностей и способностей каждого осужденного ограничен аналогичными для всех и строго регламентированными условиями отбывания наказания. А все предусмотренные законом меры положительного стимулирования или негативного реагирования в той или иной степени касаются именно качественного состояния этих условий применительно к конкретному осужденному. Таким образом, для разграничения сходных категорий необходимо использовать специфичные для лишения свободы категории.

Поддерживая сформировавшееся в теории уголовно-исполнительного права мнение о том, что изменение условий отбывания осужденных к лишению свободы является частью механизма прогрессивной системы исполнения наказания, мы критически относимся к некоторым оценкам его места и значения в системе поощрительных норм¹. Анализ доводов, приводимых в обоснование отнесения изменения условий содержания к мерам поощрения и взыскания, позволяет выявить либо сугубо практическую позицию авторов, либо формальный подход к разрешению данного спора.

¹ См. подробнее: Маликов Б. З., Маликова Н. Б., Дроздов А. И. О роли института изменения вида исправительного учреждения в механизме ресоциализации // Юрист Поволжья. 2006. № 11–12. С. 39–43.

На наш взгляд, самостоятельность норм рассматриваемого института обосновывается не меньшим количеством доводов. Согласно ч. 3 ст. 113 УИК РФ к положительно характеризующимся осужденным могут быть применены меры, предусмотренные ч. 2 ст. 78 и ст. 87 УИК РФ, однако прямо в числе мер поощрения они не названы. По нашему мнению, такая законодательная конструкция свидетельствует о нежелании отнести положительный аспект изменения условий содержания к мерам поощрения, а введена лишь для некоторой систематизации позитивных возможностей исправительно-воспитательного процесса. Кроме того, в ст. 113 УИК РФ содержатся ссылки на возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 4) или возбуждения ходатайства о помиловании (ч. 5). Следуя логике отнесения института изменения условий содержания по принципу упоминания в соответствующей статье УИК РФ, к мерам поощрения должны быть отнесены и эти институты уголовного права.

Необходимо также обратить внимание на явное несоответствие в субъектном составе лиц, к которым применяются все перечисленные в ст. 113 УИК РФ меры. Так, упоминая о возможности позитивного изменения положения осужденного, законодатель четко определяет их категорию – положительно характеризующиеся, в то время как означенные в ч. 1 ст. 113 УИК РФ меры поощрения могут быть применены к осужденным к лишению свободы. Таким образом, для применения мер поощрения законом не предусмотрено отнесение осужденного к категории положительно характеризующихся. Мы вполне можем предположить, что практика применения мер поощрения идет по пути отождествления формальных условий для применения мер поощрения (хорошего поведения, добросовестного отношения к труду, обучению, активного участия в работе самодеятельных организаций осужденных и в воспитательных мероприятиях) и оценочной категории «положительно характеризующийся осужденный». Более того, можно согласиться с тем, что именно совокупность перечисленных законом формальных условий для применения мер поощрения можно положить в основу признания лица положительно характеризующимся. Однако все

это относится лишь к правоприменительной практике.

Рассматривая теоретический аспект проблемы, следует отметить, что законом предусмотрена возможность применения мер поощрения к любому осужденному. При этом определяющим фактором является отсутствие необходимости его классификации по каким-либо признакам, в том числе по степени его исправления. Таким образом, ст. 113 УИК РФ не сводит все обозначенные средства воздействия на осужденных к мерам поощрения, а только группирует их, и это проявление определенной законодательной тактики при кодификации законодательства. Можно сказать, что это выступает еще одним свидетельством реального подчинения уголовно-исполнительного законодательства целям исправления осужденных. Как справедливо отмечает В. В. Геранин, отсылка к институту изменения условий содержания, сделанная в заключительных частях статей УИК РФ, устанавливающих виды мер поощрения и взыскания, подчеркивает необходимость соблюдения последовательности (очередности) их применения¹.

Различны также основания применения мер поощрения и взыскания как обособленного института и изменения условий содержания. В основу применения первых всегда ложится разовый положительный или отрицательный поступок осужденного. Фактором, влияющим на изменение условий содержания, является оценка его поведения в течение определенного времени. Именно поведение свидетельствует о степени исправления осужденного. В связи с указанным обстоятельством, поощрение используется «за определенные поступки», в то время как иные позитивные меры уголовно-правового воздействия применяются «к лицу, обозначившему определенную линию поведения».

Кроме того, имеются существенные различия между субъектами принятия решений о применении мер поощрения или взыскания, переводе осужденного из одних условий в другие, об изменении вида

исправительного учреждения. Если в первом случае речь идет о реализации своих полномочий начальником исправительного учреждения или лицом, его замещающим, то в других случаях законом специально определены лица и органы, правомочные принимать соответствующее решение. В частности, решение о переводе осужденного из одних условий в другие принимает специально создаваемая комиссия исправительного учреждения (ч. 3 ст. 87 УИК РФ), а изменение вида исправительного учреждения осуществляется судом (ч. 5 ст. 78 УИК).

Отличие состоит и во временном факторе, а именно меры взыскания носят срочный характер и в любом случае погашаются по истечении одного года со дня отбытия дисциплинарного взыскания, если осужденный не будет подвергнут новому взысканию. Изменение условий содержания (кроме перевода осужденного в тюрьму) не ограничено конкретными сроками. После принятия решения об их применении только поведение осужденного является решающим фактором в их сохранении либо дальнейшем изменении.

Необходимо отметить, что позиция авторов, относящих изменение условий содержания к мерам поощрения и взыскания, имеет еще одну слабую сторону. Так, следуя логике оппонентов, изменение условий содержания в сторону их ухудшения по всей вероятности должно относиться к мерам взыскания. Однако в ст. 115 УИК РФ 1996 г. отсутствует упоминание об изменении условий содержания. Более того, в ранее действовавшем ИТК РСФСР в ст. 21, говорящей о возможности изменения условий содержания, в тексте применительно к изменениям условий в пределах одного исправительно-трудового учреждения речь идет лишь о предоставлении улучшенных условий содержания либо их отмене. Таким образом, изменение условий содержания в пределах одного исправительно-трудового учреждения практически не включало в себя такой важный элемент, как изменение условий содержания в сторону ухудшения.

На наш взгляд, слабость критикуемой позиции об отнесении норм института изменения условий содержания к мерам по-

¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под общ. ред. Ю. И. Калинина. М.; Рязань, 2006. С. 173.

ощрения и взыскания состоит в том, что она построена с учетом законодательных конструкций предшествующего кодекса. В нем, как известно, меры поощрения и взыскания были регламентированы одной главой и все возможные позитивные и негативные способы воздействия на осужденных были перечислены в соответствующих статьях. Фактически ИТК РСФСР к мерам поощрения относил любое положительное воздействие на осужденного. Действительно, с позиции самого осужденного или работника исправительного учреждения, любая положительная динамика в процессе отбывания лишения свободы может расцениваться как поощрение. Однако, проводя исследование сущности вопроса, приходим к выводу о том, что такой подход упрощает сам институт лишения свободы, так как исключает разницу в природе и реализации отдельных его составляющих, коими являются изменение условий содержания, а также меры поощрения и взыскания. Разделение этих правовых явлений и их детальная регламентация в данном случае будет только способствовать дальнейшей дифференциации и индивидуализации карательно-воспитательного воздействия. Необходимо учитывать, что действующий УИК РФ в большей степени, чем предыдущий отвечает требованиям прогрессивной системы исполнения наказаний. В настоящее время более четко оформлен принцип воздействия закона на осужденного: либо это положительное стимулирование, либо карательное реагирование. Причем эта тенденция равным образом выражена во всех нормах УИК РФ, именно поэтому нет необходимости формировать главу, регулиющую поощрительное и взыскательное воздействие. По сути дела в предыдущем кодексе указанная глава этот принцип отчасти заменяла. Сейчас, когда законодатель пошел по пути выражения конкретных принципов в нормах всех статей, перечисление возможных позитивных изменений по мере их возрастания вплоть до полного освобождения осужденного сделано лишь для наглядности и в целях стимулирования правопослушного поведения. В настоящее время институт мер поощрения в его законодательном выражении несколько су-

жен¹, однако при этом он стал более формально определенным и близким к лексическому значению понятия «поощрение». Это является проявлением положительной тенденции в процессе ресоциализации осужденных. Поскольку процесс ресоциализации в самом общем виде предполагает изменение самого осужденного, т. е. его деятельность, а не только воздействие, оказываемое на него, очень важно разграничивать поощрение как метод воздействия и изменение условий отбывания как результат долгосрочной деятельности самого осужденного.

Таким образом, изменение условий содержания представляет собой самостоятельный институт уголовно-исполнительного права, имеющий свой индивидуально определенный метод урегулирования отношений, складывающихся при изменении условий отбывания наказания в виде лишения свободы.

Библиографический список

1. *Аванесов, Г. А.* Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система) / Г. А. Аванесов. – М., 1968.
2. *Бабаян, С. Л.* Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2003.
3. *Васильев, А. И.* Изменение условий содержания осужденных в системе мер поощрения и взыскания / А. И. Васильев // Система воспитательной работы : сб. науч. тр. – Рязань, 1982.
4. *Маликов, Б. З.* О роли института изменения вида исправительного учреждения в механизме ресоциализации / Б. З. Маликов, Н. Б. Маликова, А. И. Дроздов // Юрист Поволжья. – 2006. – № 11–12.
5. *Сизый, А. Ф.* Совершенствование правового регулирования системы изменения условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы / А. Ф. Сизый // Актуальные проблемы укрепления режима в ИТУ. – Рязань, 1979.

¹ За счет обособления изменения условий содержания (по нашему мнению, это следует относить лишь к законодательному закреплению соответствующих норм, поскольку даже конструкция норм исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г. позволяла обособить нормы института изменения условий содержания). – *Примеч. авт.*

Е. В. Емельянова,
докторант кафедры
теории и социологии управления
Академии управления МВД России
кандидат экономических наук, доцент

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ
И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ**

Интеграция Российской Федерации в Европейское сообщество предполагает приведение системы исполнения наказаний в соответствие с международными стандартами. Важная роль при этом отводится изучению зарубежного опыта в области организации труда осужденных.

На наш взгляд, наибольший интерес для отечественной пенитенциарной системы может представлять опыт по организации трудовой деятельности осужденных таких стран, как США, Англия, Германия, Австрия, Япония.

Исполнение наказания в виде лишения свободы в США осуществляется в исправительных учреждениях, в систему которых входят федеральные тюрьмы, тюрьмы штатов и местные тюрьмы.

О большом внимании со стороны государства к проблеме трудового использования осужденных говорят следующие факты. При Канцелярии президента создана служба по экономическим вопросам, которая располагает определенными фондами и деятельность которой направлена на реализацию программ по профессиональному обучению, улучшению условий отбывания наказания в тюрьмах, оказанию помощи освобожденным из мест лишения свободы. В Министерстве труда создано специальное управление, которое занимается вопросами, связанными с профессиональным обучением заключенных и их трудоустройством в тюрьмах.

Управление федеральными тюрьмами осуществляется Министерством юстиции, где имеются отделы тюрем и условно-досрочного освобождения. Решение основных вопросов, связанных с организацией труда в тюрьмах и разработкой программ по исправлению заключенных, а также других вопросов возложено на отдел тюрем.

С 1965 г. осужденным федеральных тюрем стало предоставляться право на выход за пре-

делы пенитенциарного учреждения, который разрешался для выполнения оплачиваемой работы или прохождения учебной программы в данном населенном пункте на добровольной основе. Работа за пределами пенитенциарного учреждения была разрешена, если:

- вопрос согласован с представителями центрального органа местного профсоюза или другими профсоюзными организациями;
- оплачиваемая работа не приводила к увольнению уже нанятых рабочих, предоставлялась в сфере ремесел, профессий или занятий, в которых в данной местности имеется избыток рабочих рук, не сказывалась отрицательно на заключенных контрактах;
- размер оплаты труда и другие его условия не хуже тех, которые характерны для той местности, где выполняется работа¹.

В США еще в 1934 г. было создано Федеральное тюремное промышленное объединение, которое использует труд осужденных на государственных промышленных предприятиях².

Широкое распространение имеет практика заключения контрактов исправительных учреждений с предпринимателями о поставке рабочей силы. При этом предприниматели во многих случаях берут на себя расходы по конвоированию заключенных к месту работы и обратно, а также по надзору за ними в течение рабочего дня. Считается выгодным строить промышленные предприятия вблизи исправительных учреждений. Заключенные привлекаются для работы на заводах по производству бетонных блоков и кирпича, переработке древесины, металлообработке, на швейных и табачных фабриках. Кроме того, они работают в своих мастерских по ремонту автомобилей, на лесозаготовках, в животноводстве, т. е. труд заключенных используется фактически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства³.

¹ См.: Стручков Н. А., Шупилов В. П. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах (США, Япония): Учеб. пособие. М., 1978. Вып. 3. С. 17–18.

² См.: Пенитенциарные системы зарубежных стран: Учеб.-практ. пособие / Сост.: В. И. Гуржий, М. П. Мелентьев. Киев, 1993. С. 28.

³ См.: Senna Joseph P., Siegel Larry G. Introduction to criminal Justice. North-Eastern University. W.P.C., 1999. P. 489–501.

Отбор осужденных на работу вне тюрьмы – основная задача центров по подготовке осужденных к освобождению. В этих учреждениях, расположенных вне тюрем, осужденные проживают в ожидании освобождения и осуществляют поиск работы. Заработанные деньги фактически являются финансовой основой их существования в первое время после освобождения. В выходные дни им предоставляются отпуска для посещения семьи и для отдыха. Наблюдение за осужденными в этот промежуточный период помогает вынести решение об освобождении на основании того, как человек продемонстрирует способность решать проблемы, с которыми он сталкивается на свободе.

В соответствии с федеральным законодательством при содействии управления штатов по трудовому исправлению осужденные и освобожденные из мест лишения свободы могут получать в случае необходимости помощь от частных предприятий. Взаимодействие управлений с частными учреждениями предусматривает обучение осужденных квалифицированным специальностям. Контракты могут заключаться с общественными и частными организациями с целью получения рекомендаций для трудоустройства. Кроме того, частные и государственные клиники предоставляют необходимое медицинское обслуживание этим лицам и оказывают содействие в проведении обслуживания психологами.

Многие исправительные учреждения имеют контракты с частными предпринимателями об организации профессионального обучения заключенных. Выпускники получают свидетельства об окончании курсов обучения, которые обеспечивают устройство на работу в данную фирму¹.

Несколько подробнее необходимо остановиться на применении в США так называемых образовательных программ. Профессиональные программы являются главными из всех остальных видов программ, поскольку получение заключенными рабочей специальности, которая поможет им трудоустроиться после освобождения и стать законопослушными гражданами, издавна считалось залогом их исправления. К тому же, как свиде-

тельствует статистика, обычно около двух третей заключенных на момент задержания являются безработными².

К данному виду программ относятся программы по приобретению специальности, производственные программы, направленные на поддержание финансового благополучия учреждения и лишь косвенно позволяющие заключенным получить ту или иную специальность, а также программы по жизнеобеспечению учреждения, необходимые для функционирования различных служб.

Программы по приобретению специальности (Vocational Programs) призваны выработать у заключенных профессиональные знания, умения и навыки, имеющие спрос на рынке труда. В случае успешного окончания программы заключенный получает государственную лицензию, сертификат или диплом³.

С успехом реализуются следующие программы: «Автомеханик», «Бизнес-администратор», «Оператор персонального компьютера», «Плотник», «Повар», «Садовод», «Сварщик», «Специалист по обслуживанию помещений», «Специалист по наладке климатических/отопительных систем и холодильных установок», «Специалист по электрическим и электронным технологиям».

Программы по приобретению специальности имеют большое значение для функционирования исправительного учреждения, поскольку заключенные с успехом применяют полученные знания и умения на практике, например, прокладывают тротуары на территории учреждения и возводят бетонированные площадки для иных целей (программа «Каменщик»); производят различные строительные и ремонтные работы для нужд не только учреждения, но и округа («Плотник»); изготавливают окна, щетки, полки, стеллажи, ширмы, несгораемые шкафы, скамейки, прицепы, выполняют самую разнообразную работу по металлу как для своего учреждения, так и других учреждений округа («Сварщик») и т. п.

К сожалению, программы по приобретению специальности наряду со всеми остальными подвергаются постоянным на-

¹ См.: Пенитенциарные системы зарубежных стран. С. 67.

² Тарабрина С. Е. Образовательные программы в исправительных учреждениях Соединенных Штатов Америки: Дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2003. С. 111.

³ См.: там же.

падкам со стороны общественности, которая выступает против того, чтобы заключенные осваивали какие-либо ценные специальности, к тому же бесплатно. Считается, что приоритет должен отдаваться законопослушным гражданам¹.

Существует еще одна проблема, состоящая в том, что программы обучают всего лишь умениям и навыкам, непосредственно связанным с профессиональной деятельностью. Однако для успешного трудоустройства необходимы качества, которые относятся к образу жизни работающего человека в целом: пунктуальность, ответственность, уважение к начальству, доброжелательность к коллегам, умение преподнести себя, инициативность. У бывших заключенных они почти отсутствуют, так как благодаря внутреннему распорядку весь день оказывается расписанным буквально по минутам, что совершенно лишает их возможности вырабатывать нужный стиль поведения.

Производственные программы (Prison Industry Programs), функционирующие в исправительных учреждениях США, являются одним из подвидов профессиональных программ и осуществляются на базе крупных фирм. Заключенные-участники программ изготавливают продукцию, необходимую для нормального функционирования учреждения либо продаваемую на внешнем рынке, и получают зарплату, приближающуюся к минимальной².

На производстве работают далеко не все заключенные, так как структура производственных программ сохраняет в себе систему найма и увольнения, существующую на обычных предприятиях. После освобождения участники программ получают направление в агентства, которые занимаются распределением бывших заключенных на рабочие места, где последние трудоустраиваются в соответствии с полученной квалификацией.

Исследования, проведенные Федеральным бюро исправительных учреждений, свидетельствуют о том, что заключенные, принимающие участие в производственных программах, имеют гораздо меньше

дисциплинарных взысканий по сравнению с теми, кто в программах не участвует. Выйдя на свободу, они лучше трудоустраиваются, рецидив преступлений у них во много раз ниже³.

Не менее интересным в области организации труда заключенных является опыт Великобритании.

Управление английскими тюрьмами осуществляется департаментом тюрем Министерства внутренних дел. Пенитенциарная система Великобритании состоит из центральных и местных тюрем. Это деление позволяет иметь достаточно гибкую сеть исправительных учреждений для различных категорий преступников⁴.

В местных пенитенциарных учреждениях (тюрьмах графств, городских тюрьмах) содержатся лица, ожидающие суда и вынесения приговора, а также некоторая часть из них, осужденных на краткие сроки лишения свободы за малозначительные преступления.

Центральные тюрьмы делятся на учреждения открытого, полуоткрытого и закрытого типов. Учреждения открытого и полуоткрытого типов не имеют охраны, решеток на окнах, предусматривают работу за пределами учреждения. Сеть этих заведений постоянно увеличивается, поскольку обходится государству дешевле тюрем закрытого типа и позволяет сохранять социально полезные связи заключенных с внешним миром. Тюрьмы закрытого типа функционируют в классическом стиле: вооруженная охрана, высокие стены, строгая изоляция, работа внутри учреждения, минимальные контакты с внешним миром.

В соответствии с Правилами отбывания наказания лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях до вынесения судом приговора, могут привлекаться к труду, если они проявляют желание. В свою очередь, лица, отбывающие в тюрьмах наказание, назначенное судом, должны привлекаться к труду.

Тем не менее в условиях безработицы в стране привлечение заключенных к произ-

³ См.: там же. С. 118.

⁴ См.: Стручков Н. А., Шутлов В. П. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах (Англия, ФРГ): Учеб. пособие. М., 1978. Вып. 2. С. 3–37.

¹ См.: Тарабрина С. Е. Указ. соч. С. 117.

² См.: там же.

водственному труду является весьма непростым делом. В целях улучшения создавшегося положения в тюрьмах Ее Величества Королевы Великобритании был создан специальный Консультативный комитет по вопросам привлечения заключенных к труду. В его состав вошли члены парламента, представители тред-юнионов, а также руководители промышленных фирм.

В рекомендациях данного Комитета указывалось на необходимость пересмотра системы оплаты труда заключенных. Для этого имелись веские основания, так как оплата труда заключенных как в Англии, так и во многих других странах остается на низком уровне и не является побудительным мотивом к трудовой деятельности. Увеличение же оплаты привело к некоторому росту производительности труда.

Руководством Министерства внутренних дел Англии в департаменте тюрем были учреждены должности старшего инженера по производственным вопросам и администратора по вопросам рынка.

В Англии и ряде других стран Европы под общественно полезным трудом осужденных понимаются не только занятость на производстве, но и работы по хозяйственному обслуживанию тюрем: уборка помещений и территории тюрьмы, стрижка газонов, уход за зелеными насаждениями и др. Осужденные, не имеющие начального образования, или иностранцы, изучающие язык, освобождаются от обязанности трудиться и получают небольшую «стипендию» для приобретения предметов первой необходимости.

Пенитенциарные учреждения Германии находятся в системе органов юстиции. Исполнение наказания в виде лишения свободы осуществляется в учреждениях открытого и закрытого типов. Учреждения, предназначенные для закрытого исполнения наказания, должны осуществлять содержание заключенных под охраной. Учреждения открытого типа могут вовсе ее не иметь или иметь возможность применять минимальные меры против побегов.

Согласно пенитенциарному законодательству Германии заключенный должен обеспечиваться работой с учетом его способностей, подготовленности и наклонностей. До принятия единого уголовно-испол-

нительного закона трудовая занятость осужденных находилась в ведении учреждений, исполняющих наказания. С изменением задач уголовно-исполнительной системы изменилось и назначение труда осужденных. Он рассматривается не как составная часть наказания, а как неотъемлемая часть социально-педагогической работы с осужденными¹.

В целях обеспечения трудом заключенных законом предусмотрена обязанность органов управления пенитенциарными учреждениями заботиться о том, чтобы каждый заключенный привлекался к труду. К этому делу привлекаются соответствующие федеральные органы, занимающиеся организацией труда. При учреждениях, исполняющих наказание, создаются производственные предприятия, на которых трудятся заключенные, а также соответствующие заведения для профессионального обучения. На предприятиях и в учебных заведениях должны быть созданы условия, аналогичные существующим на обычных предприятиях и в учебных заведениях. Предприятия и учебные заведения должны принадлежать частным предпринимателям, которые осуществляют техническое и профессиональное руководство.

Поскольку в стране существует проблема безработицы, невозможно обеспечить работой всех заключенных. В настоящее время для решения этого вопроса в местах заключения создаются классы для обучения различным ремеслам. Здесь можно получить квалификацию столяра, слесаря, электрика, каменщика, пекаря, маляра-лакировщика, механика, печника, полиграфиста. Обучение проводят опытные специалисты. Своих лучших учеников они направляют в соответствующие учебные заведения для сдачи экзаменов и получения диплома. Заключенные имеют также возможность получить общее образование и соответствующий документ об окончании школы первой или второй степени.

Все работающие и обучающиеся осужденные получают заработную плату, две

¹ См.: Андреев Н. А., Морозов В. М., Ковалев О. Г., Дебольский М. Г. и др. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект): Учеб. пособие. М., 2001. С. 16.

трети от которой они имеют право расходовать на свои нужды по безналичному расчету, а одна треть идет на хранение. Поэтому каждый осужденный получает определенную сумму при освобождении. Осужденные, которые не имеют таких денег не по своей вине, обеспечиваются «карманными» деньгами самим учреждением. Осужденные, работающие по свободному найму, получают заработную плату в соответствии с действующими тарифами, но они обязаны оплачивать свое содержание в тюрьме из этих средств. Каждый работающий осужденный имеет право на 18-дневный оплачиваемый отпуск¹.

Заключенный может обращаться к администрации за социальной помощью, чтобы разрешать имеющиеся у него трудности. Ему оказывают содействие в решении вопросов, связанных с обязанностью помогать своим родным, а также обеспечением сохранности имущества, находящегося вне учреждения. Во время отбывания наказания заключенный нуждается в поддержке при осуществлении своих прав и обязанностей в отношении возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Правовой основой исполнения наказаний в Австрии является Закон «Об исполнении Тюремных наказаний, в том числе лишения свободы, и мерах по реабилитации и предупреждению правонарушений» от 26 марта 1969 г. (Тюремный кодекс), поправки в который вносились несколько раз, последние были сделаны в 2003 г.²

Все заключенные тюремной системы Австрии обязаны трудиться. Такая же обязанность распространяется и на заключенных, содержащихся под стражей (арестом), за исключением случаев, когда это прямо определено судом.

Как правило, заключенные имеют довольно низкий уровень образования и профессиональной подготовки, что делает их труд экономически не эффективным, однако имеющим большое терапевтическое значение.

Диапазон выполняемых осужденными работ довольно разнообразен: от работы по дереву и ткани до работы в сфере услуг, книгопечатной и переплетной деятельности. Выпущенная продукция распространяется как в тюремной системе, так и за ее пределами.

Необходимо отметить, что занятость осужденных предполагает возможность не только заработать, но также получить необходимые профессиональные знания и навыки, что, в свою очередь, станет залогом скорейшей ресоциализации осужденного и возвращения его в общество.

В настоящее время тюремная служба Австрии не имеет каких-либо серьезных проблем в сфере труда осужденных. Работой заключенных (до 78 %) обеспечивают мастерские, расположенные на территории исправительных учреждений³.

Статьей 9 Уголовного кодекса Японии, действующего с 1908 г., установлено, что основными наказаниями являются смертная казнь, лишение свободы с принудительным трудом, лишение свободы без принудительного труда, денежный штраф, условный арест и малый штраф⁴. Срочное лишение свободы может быть назначено на срок от одного месяца до 15 лет.

Осужденные к лишению свободы отбывают наказание в тюрьмах закрытого и открытого типов.

Пенитенциарные учреждения финансируются из государственного бюджета, однако они могут получать помощь и в порядке благотворительности.

Как и в большинстве зарубежных стран, в Японии труд считается одним из основных средств исправления. Вид его определяется после изучения личности заключенного и зависит от срока назначенного ему наказания, здоровья, профессии, способностей, прогноза поведения в будущем.

Труд организуется на основе положений трудового законодательства (8-часовой рабочий день при 44-часовой рабочей неделе)⁵. Однако начальник тюрьмы может уве-

¹ См.: Андреев Н. А., Морозов В. М., Ковалев О. Г., Дебольский М. Г. и др. Указ. соч. С. 17.

² См.: Доттер-Шиллер К. Тюремная Система Австрии // Социальные и правовые проблемы зарубежной пенитенциарной науки и практики: Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 9.

³ См.: там же. С. 14.

⁴ См.: Спицын В. Наказание и его исполнение в местах лишения свободы Японии // Преступление и наказание. 2004. № 12. С. 31.

⁵ См.: Пенитенциарные системы зарубежных стран. С. 31.

личивать или сокращать продолжительность рабочего дня в зависимости от особенностей учреждения, состава осужденных, характера выполняемых работ. Продолжительность рабочего дня может быть сокращена также по просьбе самих работающих, но не более чем на два часа.

Осужденные освобождаются от работы в воскресные дни, в дни национальных праздников, а также в связи со смертью отца или матери. Рабочие задания даются заключенным в начале каждого дня. При этом определяются вид работы и дневная норма. Задание может быть дано на группу или конкретному заключенному. В первом случае оно распределяется поровну между всеми членами группы. Индивидуальное задание устанавливается с учетом возраста и здоровья работника.

Заключенные в Японии работают в основном разнорабочими. Примерно половина из них используется в дерево- и металлообрабатывающих, портняжных мастерских и типографиях. Несмотря на то, что производительность труда заключенных ниже, чем у свободных рабочих, получаемая прибыль довольно высока.

Весь доход поступает в государственную казну. Работающий получает за свой труд вознаграждение, размер которого зависит от достигнутых показателей и его поведения. Из вознаграждения вычитается сумма причиненного заключенным умышленно или по неосторожности вреда имуществу тюрьмы, орудиям труда, готовой продукции.

В качестве мер поощрений с целью стимулирования требуемого поведения заключенному может быть изменен вид работы, увеличена сумма вознаграждения до 20 %, предоставлено улучшенное питание, разрешено ношение собственной одежды и др.

При организации труда определенным категориям заключенных, обладающих высокой квалификацией и имеющих отличные показатели в труде, может быть разрешено в процессе работы пользоваться собственным инструментом (который в необходимых случаях приобретается за деньги, полученные в качестве вознаграждения), работать на себя в течение 2 часов сверхустановленной продолжительности рабочего дня.

Таким образом, пенитенциарные системы в зарубежных странах создавались с учетом исторических особенностей развития каждого государства. Необходимо отметить тот факт, что правовое регулирование современных пенитенциарных систем учитывает международные нормы, определяющие порядок обращения с осужденными, а также международные документы, касающиеся как тюремного заключения в целом, так и организации труда осужденных.

С учетом современных условий функционирования отечественных исправительных учреждений, при организации трудовой деятельности осужденных, на наш взгляд, можно использовать:

- развитие заинтересованности предпринимателей в использовании труда осужденных на своих предприятиях с помощью таких мер, как предоставление налоговых льгот, размещение государственных заказов;
- заключение контрактов между исправительным учреждением и предпринимателями на поставку рабочей силы;
- заключение контрактов с предпринимателями об организации профессионального обучения осужденных, чтобы выпускники получали свидетельства об окончании курсов обучения, которое бы им обеспечило трудоустройство в данную фирму;
- разработку и применение образовательных программ в центрах трудовой адаптации по приобретению специальности, жизнеобеспечению учреждения, а также производственных программ.

Библиографический список

1. Андреев, Н. А. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект) : учеб. пособие / Н. А. Андреев [и др.]. – М., 2001.
2. Пенитенциарные системы зарубежных стран : учеб.-практ. пособие / сост.: В. И. Гуржий, М. П. Мелентьев. – Киев, 1993.
3. Стручков, Н. А. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах (Англия, ФРГ) : учеб. пособие / Н. А. Стручков, В. П. Шупилов. – М., 1978. – Вып. 2.
4. Тарабрина, С. Е. Образовательные программы в исправительных учреждениях Соединенных Штатов Америки : дис. ... канд. пед. наук. – Рязань, 2003.

А. А. Илidgeв,
доцент кафедры уголовно-правовых
и специальных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
А. Р. Абуталипов,
заместитель прокурора
Ново-Савиновского района г. Казани
кандидат педагогических наук

**ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФОРМ СОУЧАСТИЯ
И УЧЕТ ИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ
ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УК РФ**

Проблема форм соучастия в пенитенциарной системе как конкретизация его сущности при квалификации преступления имеет не только познавательное, теоретическое, но и большое практическое значение. Большинство преступлений в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний совершаются именно путем совместного умышленного участия в различных пенитенциарных преступлениях.

Под формой обычно понимается внешнее очертание, наружный вид предмета, внешнее выражение чего-нибудь, обусловленное определенным содержанием¹. Форма с позиций философии есть внешнее проявление содержания.

Главное в форме не то, что она отражает, а то, что она закрепляет. Поэтому форму соучастия в преступлении можно определить в качестве способа закрепления его содержания, который неотделим от этого содержания и служит его внешним выражением. В связи с этим формы соучастия призваны отражать различную структуру совместной деятельности соучастников.

В отечественной литературе традиционно соучастие подразделяется на совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и без такового. А. Н. Трайнин одним из первых обосновал классификацию форм соучастия в преступлении на основе характера и степени субъективной связи между соучастниками. Он выделил следующие формы соучастия: простое, квалифицированное предварительным сговором и особого рода, т. е. соучастие в преступном объединении².

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М., 1981. С. 761.

² См.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 79.

Обращает на себя внимание отсутствие единого критерия классификации. Первые два вида соучастия выделяются по признаку сговора, третий – по степени организованности, хотя он тоже входит в группу преступлений по предварительному сговору.

Дифференциация соучастия в пенитенциарной системе в зависимости от наличия или отсутствия предварительного соглашения фактически проводилась во всех кодифицированных источниках уголовного права.

Научно обоснованная и практически значимая классификация форм соучастия, на наш взгляд, должна основываться на таком критерии, который отражает саму его природу и материальное содержание. Классификационные типы соучастия должны различаться между собой по степени общественной опасности. Только в этом случае законодатель и правоприменитель могут с пользой для дела использовать классификацию форм соучастия в процессе дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и назначения наказания.

Каждое типичное проявление соучастия в пенитенциарной системе обладает совершенно определенным (индивидуальным) сочетанием объективных и субъективных показателей общественной опасности, т. е. объективных и субъективных признаков преступления. Признавая основным критерием деления соучастия на формы характер участия в преступлении, можно выделить: 1) сложное соучастие; 2) соисполнительство; 3) преступную группу и 4) преступное сообщество.

Ученые не пришли к единому мнению в отношении не только признаков преступной группы, но и соучастия в целом. Так, Л. Л. Кругликов, Ю. И. Жих и другие считают взаимную осведомленность обязательным признаком преступной группы³. А. Р. Зайнутдинова исходит из того, что этот признак является обязательным для всех форм соучастия. Данная позиция неоднократно проявлялась в теории уголовного права⁴.

Необходимо заметить, что и данная точка зрения подвергается сомнению⁵.

³ См., напр.: Жих Ю. И. Уголовная ответственность за групповое хулиганство: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 18, 22.

⁴ См., напр.: Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 53; Уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 230–231 и др.

⁵ См.: Комиссаров В. С. Курс уголовного права. Общая часть. М., 1999. С. 393.

Поскольку сущностью соучастия является характер совместного участия нескольких лиц в совершении преступления, то при классификации форм соучастия, в том числе его групповых проявлений, следует исходить из этого сущностного признака. Преступная группа, взятая в качестве разового понятия, отличается от сложного соучастия тем, что она предполагает участие в выполнении признаков объективной стороны преступления либо всеми, либо несколькими (не менее двух) ее членами. Все иные признаки преступной группы, выделяемые в литературе, так или иначе характеризуют совместность совершения преступления.

Исходя из законодательной дефиниции группы лиц и группы лиц по предварительному сговору можно сделать вывод о том, что все члены этих групп своим непосредственным участием осуществляют преступное деяние сообща. Однако некоторые авторы признают наличие группы лиц по предварительному сговору и в тех случаях, когда наряду с исполнителем в совершении преступления участвуют и другие соучастники.

Организованная группа и преступное сообщество могут сочетать в себе только соисполнительство или же соисполнительство с распределением ролей (сложным соучастием), когда отдельные их участники выполняют функциональные роли, непосредственно не причастные к выполнению объективной стороны преступления. Однако, поскольку формы соучастия подтверждают значительную организованность, свидетельствующую об устойчивости или сплоченности преступных образований, законодатель рассматривает всех их участников, независимо от выполняемых ими функций, в качестве исполнителей преступления.

Таким образом, соучастие прежде всего подразделяется на сложное и групповое. При сложном соучастии деяние, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части УК РФ, совершается только исполнителем, а другие соучастники выполняют действия, находящиеся за пределами этого деяния. Поэтому при сложном соучастии следует говорить не о совместности участия в совершении преступления, а об участии соучастников в совершении преступления. Если и признавать в данном случае совместность, то она должна пониматься с учетом отмеченного обстоятельства.

В основе же групповых форм соучастия, которые охватывают все разновидности преступной группы, лежит признак совместности участия соучастников в совершении преступления. В групповых преступлениях все соучастники, как правило, принимают участие в выполнении объективной стороны преступления. Признак совместности в этих случаях приобретает качественно иное содержание по сравнению с соучастием с распределением ролей. В связи с этим неслучайно групповые способы совершения преступлений законодатель рассматривает в качестве более опасных форм соучастия.

Из групповых форм соучастия в пенитенциарной системе можно выделить организованные его формы. Конечно, для всех форм группового соучастия характерны те или иные элементы организации и взаимодействия соучастников. В меньшей мере они проявляются при совершении преступления группой лиц без предварительного соглашения. В группе лиц по предварительному сговору моменты организованности и взаимодействия соучастников проявляются уже в большей степени. Однако они не могут быть отнесены к организованным формам соучастия.

Как отмечает А. Р. Зайнутдинова, само наименование этих форм соучастия в преступлении предполагает, что преступные деяния совершаются определенными объединениями физических лиц. «Сущность организованных форм соучастия заключается в систематическом совершении объединениями (организованными группами, преступными организациями и сообществами) как совокупностью физических лиц создание и функционирование преступных образований на началах планомерной деятельности, внутренней дисциплины, сплоченности, единства, целостности и строгого порядка»¹.

Сущность организованных форм соучастия раскрыл видный российский криминалист Н. С. Таганцев. По его мнению, «со стороны субъективной шайка предполагает соглашение на несколько преступных деяний, на целый ряд их, и притом соглашение на периодически повторяющиеся, а общее — на постоян-

¹ Зайнутдинова А. Р. Ответственность за организованные формы соучастия по российскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 70.

ную преступную деятельность»¹. По этому признаку она главным образом и отличается от сговора на отдельное преступление, который также может быть повторим. Данный признак организованной группы, преступного сообщества (преступной организации) как организованных форм соучастия обосновывается и в современной литературе². Рассмотрим особенности содержания признака совместности участия применительно ко всем указанным выше формам соучастия.

Совместность в сложном соучастии характеризуется таким сочетанием объективных и субъективных показателей, когда наряду со своеобразным содержанием умысла виновных на лицо совершения преступления, в котором одни соучастники (организатор, подстрекатель и пособник) лишь создают условия для более успешного непосредственного совершения преступления исполнителем³. Иными словами, соучастники в этом случае выполняют различные роли. Особенности рассматриваемого признака при сложном соучастии заключаются в том, что деяние, предусмотренное в статье Особенной части УК РФ, совершается только исполнителем, а другие соучастники лишь создают благоприятные для него условия выполнения этого деяния либо путем совершения определенных физических действий, либо путем воздействия на его сознание, возбуждения или укрепления решимости совершить преступление.

Сложному соучастию обычно предшествует своеобразный предварительный сговор; исполнитель обычно сознает, что его подстрекают к преступлению или облегчают его совершение, а другие соучастники исходят из того, что исполнитель под их воздействием совершит преступное деяние. Однако сложное со-

участие, если в нем отмечается только один исполнитель, не может свидетельствовать о наличии группы лиц по предварительному сговору или без него. Такую позицию традиционно занимают высшие судебные инстанции России. Так, в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. № 6⁴ отмечается, что в случае получения взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, организатор, подстрекатель и пособник как соучастники этого преступления несут ответственность по ст. 33 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Признаки совместности при совершении преступления группой лиц без предварительного соглашения приобретают качественно иное, чем при сложном соучастии, содержание. Предполагается, что все соучастники в полном объеме или частично выполняют объективную сторону преступления, совершают деяние, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Каждый соучастник сознает, что он совершает преступление не один, а совместно с другими лицами, вполне осознанно присоединяется к коллективному совершению преступления. «Такая группа лиц, — отмечает Д. М. Миненок, — выступает единым и одновременно множественным субъектом преступления, единство которого обеспечивается консолидирующими целями, эмоционально-волевым настроем, внезапностью умысла, быстротечной реализацией в тождественных или однородных действиях многих людей»⁵. По мнению С. А. Балеева, в них нет четкой функциональной структуры, а также руководителя, решение о совершении преступления принимается спонтанно, нередко под влиянием эмоций⁶. В таких ситуациях обычно проявляет себя случай. В связи с этим В. М. Быков

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая: Лекции. М., 1994. Т. 1. С. 334–335.

² См.: Галимов И. Г., Сундугов Ф. Р. Организованная преступность: тенденции, проблемы, решения. Казань, 1998. С. 195; Иванцова Н. В. Понятие организованной группы в уголовной законодательстве (проблемы квалификации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 76; Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М., 2000. С. 20; Хмелевская Т. А. Виды групповых преступлений и их квалификация по УК Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 26; Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 17–22 и др.

³ См.: Галиакбаров Р. Р. Указ. соч. С. 17.

⁴ См.: Рос. газ. 2000. 23 февр.

⁵ Миненок Д. М. Формы соучастия в новом Уголовном кодексе России // Актуальные вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. Калининград, 1998. С. 10.

⁶ См.: Балеев С. А. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 62.

определяет эту форму соучастия как случайную группу лиц, ситуативно объединившихся для совершения преступления. При этом многие лица участвуют в совершении преступления из «чувства солидарности с остальными, случайно, в силу того, что оказались со всеми в данном месте, либо в результате внезапно возникшей ситуации»¹, например, при отражении несколькими лицами преступного посягательства и превышении пределов необходимой обороны и т. п.

В силу отсутствия предварительного сговора соучастники ощущают меньшую зависимость от группы и других лиц, участвующих в совершении преступления, менее ориентированы и целенаправлены в своих действиях. Их действия могут быть менее продуманными и целеустремленными, а порой они носят импульсивный и хаотичный характер.

Группа лиц по предварительному сговору также включает в себя только исполнителей преступления, что отражено в ее определении, изложенном в ч. 2 ст. 35 УК РФ. Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору – наиболее часто встречающаяся в судебной практике форма соучастия. Если от группы лиц данная форма соучастия отличается прежде всего наличием предварительного соглашения, то от сложного соучастия она отличается главным образом содержанием признака совместности, поскольку и сложному соучастию может предшествовать предварительный сговор. Чтобы правильно квалифицировать действия соучастников, необходимо установить характер и содержание деяния, предусмотренного тем или иным составом преступления (кража, грабеж, разбой, убийство, изнасилование и др.). Анализ практики показал, что неправильное понимание признаков деяния приводит к судебным ошибкам.

Качественно иной характер приобретает признак совместности участия в совершении преступления в организованной группе, преступной организации и преступном сообществе. Эти формы соучастия отличаются прежде всего высокой степенью соорганизованности. Если организованная группа определяется в законе как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ),

то преступная организация и преступное сообщество рассматриваются как сплоченная организованная группа (преступная организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданных в тех же целях (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Речь идет об устойчивых и сплоченных организационно оформленных образованиях со своей структурой межличностных отношений, распределением функций, соответствующей дисциплиной и взаимной ответственностью. Поэтому и совершение преступлений характеризуется высокой степенью соорганизованности.

Более высший уровень совместности и соорганизованности соучастников имеет место в преступном сообществе (преступной организации). «Исходя из законодательного определения преступного сообщества (преступной организации), – отмечает А. Р. Зайнутдинова, – это своего рода высший уровень соорганизованности его членов»². Речь в данном случае идет не только об устойчивом, но и о сплоченном преступном образовании. С точки зрения Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова, сплоченность характеризуется рядом дополнительных (по сравнению с устойчивостью) признаков: «круговая порука», конспирация, общая касса («общак»), наличие специальных технических средств и т. д.³

Однако следует обратить внимание на то, что признак совместности участия в организованных формах соучастия приобретает несколько иное содержание. В этих случаях не требуется, чтобы все участники принимали непосредственное участие в выполнении деяния; некоторые из них могут выполнять, допустим, действия по приготовлению к преступлению (добывать орудия, средства совершения преступления, устранять препятствия к его учинению и т. д.). Тем не менее все они должны привлекаться к ответственности как исполнители преступления.

Характер совместности участия в совершении преступления позволяет провести последовательную классификацию форм соучастия с учетом их важных объективных и субъективных признаков и в конечном итоге на основе степени их общественной опасности.

² Зайнутдинова А. Р. Указ. соч. С. 64.

³ См.: Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. М., 1997. С. 10.

¹ Быков В. М. Виды преступных групп // Рос. юстиция. 1997. № 12. С. 19.

Проведенный анализ объективных и субъективных признаков совместного участия в совершении преступления позволяет сделать ряд выводов.

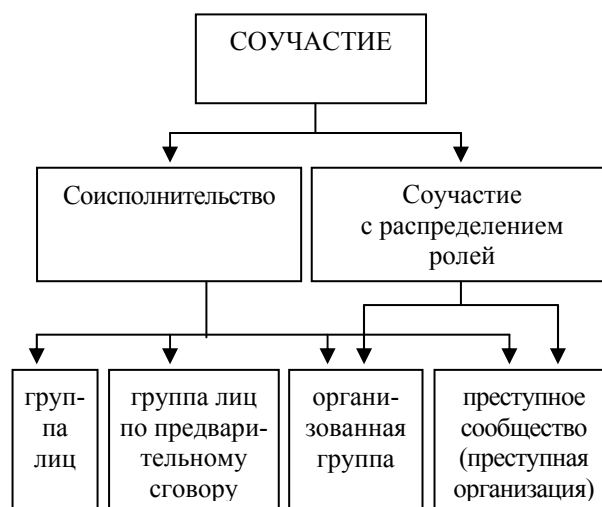
Во-первых, в ст. 33 УК РФ законодатель, проводя классификацию видов соучастников, фактически выделяет две формы соучастия: соисполнительство (ч. 2) и соучастие с распределением ролей (ч. 3–5). Строго говоря, соисполнительство предполагает не соучастие, а участие нескольких лиц в непосредственном осуществлении преступного деяния. Например, применительно к спортивным соревнованиям обычно говорят об их участниках (а не соучастниках). Характерно также, что в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран исполнители называются участниками, а подстрекатели и пособники – соучастниками преступления. Так, в ст. 47 УК Голландии в качестве основных участников называются лица, которые совершают уголовное правонарушение либо лично, либо совместно с другим лицом или другими лицами, или субъекты, заставляющие невиновного совершить уголовное правонарушение, а в ст. 48 УК Голландии соучастниками признаются пособники преступления.

Во-вторых, из групповых разновидностей соучастия выделяется еще одна форма соучастия. Если совершение преступления группой лиц и группой лиц по предварительному сговору полностью охватывается соисполнительством, то организованная группа и преступное сообщество (преступная организация), поскольку отдельные их члены могут выполнять иные функции, кроме исполнения преступного деяния, представляют собой по характеру совместности сочетание соисполнительства и сложного соучастия. Именно на этой основе эти проявления групповых преступлений можно выделить в качестве самостоятельной формы соучастия. Кроме того, они характеризуются высшей степенью соорганизованности, т. е. устойчивостью и сплоченностью их участников.

В-третьих, ряд авторов (Р. Р. Галиакбаров и др.) выделяют преступную группу, включая в качестве самостоятельных форм соучастия и организованную группу, и преступное сообщество. Мы не разделяем полностью данную точку зрения, поскольку законодатель дает определение преступного сообщества, используя понятие организационной группы

(преступное сообщество (преступная организация) – это сплоченная организационная группа). По характеру совместного участия в преступлении между организованной группой и группой лиц по предварительному сговору значительно больше различий, нежели между организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией), так как преступные образования могут основываться не только на соисполнительстве, но на его сочетании с распределением ролей между их участниками. Не случайно законодатель в ч. 5 ст. 35 УК РФ регламентирует особые условия уголовной ответственности организаторов, руководителей и участников, как организованных групп, так и преступных сообществ (преступных организаций) без какой-либо дифференциации в зависимости от вида преступного образования.

По нашему мнению, в зависимости от характера участия в преступлении, а также таких дополнительных признаков, как наличие или отсутствие предварительного соглашения и степени соорганизованности схема форм соучастия должна выглядеть следующим образом:

Библиографический список

1. Галимов, И. Г. Организованная преступность: тенденции, проблемы, решения / И. Г. Галимов, Ф. Р. Сундуков. – Казань, 1998.
2. Гаухман, Л. Д. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М., 1997.
3. Зайнутдинова, А. Р. Ответственность за организованные формы соучастия по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001.

**ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
И СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ КАК ФАКТОРЫ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Личности преступника посвящены многочисленные работы юристов, психологов, социологов, представителей других отраслей знания. С позиций уголовного и уголовно-исполнительного права наиболее удачным представляется определение этого понятия как системы тех социально значимых свойств совершившего преступление лица, которые отражают возможности его исправления с помощью уголовно-правовых средств наказания или иных мер уголовно-правового характера¹.

Как показывает анализ научной литературы и практики, отличительными особенностями личности пенитенциарного преступника являются агрессивность и жестокость, которые присущи преступному миру в целом. Наиболее ярко они проявляются в исправительных учреждениях (ИУ), где сконцентрированы субъекты, характеризующиеся повышенной криминогенностью².

Личность осужденного, пребывающего в среде себе подобных, подвержена опасности негативных изменений. Это зависит не только от возрастных, образовательных, профессиональных и иных особенностей осужденного, но и от его статуса в процессе отбывания наказания. Поэтому важно своевременно выявить факторы, влияющие на поведение, среду обитания, в недрах которой зарождаются преступления, место осужденного в этой среде, что позволит более эффективно вести профилактическую работу. Н. Г. Шурухнов, исследуя личность пенитенциарного преступника, отмечает специфическое влияние среды на человека в местах лишения свободы, где в закрытых коллективах наблюдается строгая неофициальная иерархия, комплекс формальных норм поведения, определяющих взаимоотношения индивидов и целых групп. Длительное пребывание в таких условиях при-

водит к переформированию личности, приобретению ею комплекса особых качеств³.

Специфика личности осужденных, совершивших преступления в ИУ, выражается не только в тех чертах и качествах, которые составляют своеобразие духовного мира, определяющего его поведение до помещения в колонию или тюрьму, но и в тех, которые определяют характер восприятия им социальных условий отбывания наказания. Это особый социальный тип. Осужденный, изолированный от общества, взаимодействует не только с администрацией колонии, но и с другими осужденными, что вынуждает его адаптироваться к новым условиям жизни, самостоятельно строить свои взаимоотношения с новым окружением⁴.

К числу факторов, влияющих на формирование личности и поведение пенитенциарного преступника, относятся: а) неформальные уровни управления в среде осужденных; б) иерархия осужденных с учетом их правового положения в колонии в целом и их место на том или ином уровне.

Условно неформальные уровни управления можно подразделить на три вида: высший, средний и низший.

Высший уровень представляет собой «элитное» управленческое звено. Его возглавляет «вор в законе», а в его отсутствие – «положенец». Их функции в соответствии с воровской моралью выражаются в урегулировании споров и противоречий; налаживании, пополнении и распределении поступающих извне материальных средств; поддержании воровских идей, традиций и т. п. Как показывает практика, причинами совершения преступления на данном уровне могут быть: ужесточение режимных требований, в том числе затрагивающих (ущемляющих) интересы «тюремной элиты»; противоправные действия администрации (оскорбление или избиение осужденных, нарушение правил применения физической силы, специальных средств, оружия и т. д.). Доказать их участие в организации преступлений трудно, поскольку они непосредственно могут и не участвовать в совершении преступлений, оставаясь их теньевыми организаторами.

¹ См.: Ермакова Л. Д. Субъект преступления // Уголовное право РФ. Общая часть. М., 1996. С. 222.

² См.: Михлина С. Характеристика осужденных к лишению свободы. М., 2001. С. 142–148.

³ См.: Шурухнов Н. Г. Личность пенитенциарного преступника // Соц. исслед. 1993. № 2. С. 74.

⁴ См.: Каретников И. В. Характеристика преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых колониях: Учеб. пособие. М., 1986. С. 46.

Средний уровень составляют «мужики», т. е. лица, работающие на производстве. Составляя основную массу осужденных, они могут постоять за себя, но при этом стараются не вмешиваться в дела, непосредственно их не касающиеся. «Мужики» могут исполнять мировские законы, но вправе им и не следовать. При этом они, как правило, участвуют в пополнении «общака». Администрации ИУ необходимо постоянно работать с осужденными, составляющими данный уровень, привлекая их к участию в самостоятельных организациях осужденных. Преступления на этом уровне чаще всего совершаются в результате межличностных конфликтов, а также на почве употребления спиртных напитков, решения производственных или иных проблем. Преимущественно это преступления против личности, в том числе против криминальных авторитетов, если последние открыто и грубо нарушают права «мужиков».

Низший уровень составляют отверженные, а также морально и физически опустившиеся лица. Преступления здесь совершаются, как правило, на бытовой почве, при этом часто с особой жестокостью.

Таким образом, изучение личности пенитенциарного преступника предполагает прежде всего выяснение его социальной позиции в крайне деморализованной среде со специфическими представлениями о допустимом. Это будет способствовать выяснению мотивов и непосредственных причин совершения преступления.

Н. Г. Шурухов выделяет три основные группы лиц, совершающих преступления во время отбывания наказания:

- 1) криминально активные лица, устойчиво ориентированные на совершение преступлений;
- 2) лица, склонные к криминальной деятельности, но не имеющие постоянной установки на совершение преступлений;
- 3) лица, случайно вовлеченные в преступления¹.

Для криминально активных лиц закономерна прочная связь между нарушениями режима отбывания наказания и совершением преступлений. Для лиц, не имеющих постоянной установки на совершение преступлений, такая связь не характерна. Их преступное поведение отличается непоследователь-

ностью: нарушения режима отбывания наказания обычно необдуманно и бессистемны, действия – менее избирательны, отличаются стихийностью и противоречивостью.

Наиболее разнообразной по своим личностным качествам является категория осужденных, случайно вовлеченных в преступную деятельность. Анализ показывает, что эти лица принадлежат к различным группам осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы².

Проведенное нами программное конкретно-социологическое исследование уголовных дел осужденных к лишению свободы взрослых мужчин, совершивших преступления в различных ИУ, показало, что больше всего преступлений из числа изученных совершено в колониях строгого вида режима (43,4 %). Там отбывают наказание осужденные, имеющие большой преступный опыт и сравнительно более устойчивую анти-социальную направленность. Многие из них до осуждения вели паразитический образ жизни, не стремились к созданию семьи. В колониях общего вида режима совершено 22 % пенитенциарных преступлений, а в колониях-поселениях – 21,3 %. Меньше всего преступлений совершено в тюрьмах – 12,5 %.

Сведения, характеризующие преступника по предыдущему месту совершения преступления, за которое назначено наказание в виде лишения свободы, являются исходными для изучения его личности и выработки мер индивидуально-профилактического воздействия. По нашему мнению, изучение личности осужденного в ИУ позволяет: 1) уточнить его привычки, черты характера, ценностные ориентации, нравственно-психологические особенности, их глубину и стойкость, проявившиеся в совершенном преступлении; 2) выявить те положительные индивидуальные качества и нравственно-психологические особенности, которые необходимо укреплять и развивать в целях его ресоциализации; 3) решить вопрос о том, какие индивидуальные особенности в первую очередь целесообразно использовать для преодоления антиобщественных взглядов и привычек, какие средства, методы и подходы могут обеспечить наибольший успех.

¹ См.: Шурухов Н. Г. Указ. соч. С. 75–76.

² См.: Дымов Г. А. Криминологическая характеристика и профилактика грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 32–40.

Рассматривая в качестве признака, характеризующего личность, профессиональную подготовку осужденного, И. В. Шмаров отмечал достаточно четкую зависимость между отношением осужденных к труду и поведением в процессе отбывания наказания, с одной стороны, и их трудовым стажем и уровнем профессиональной подготовки, с другой. Чем больше трудовой стаж и выше профессиональная подготовка осужденных, тем лучше его поведение и добросовестное отношение к труду¹.

Полученные в проведенном нами исследовании данные подтверждают этот вывод: из числа совершивших преступления на основном производстве работали 44,4 % осужденных, на хозяйственном обслуживании в жилой зоне – 25 % и за пределами ИУ (расконвоированные осужденные) – 10,8 %. Таким образом, основные профилактические усилия должны быть сосредоточены на сфере производства как наиболее криминогенно опасном участке.

В настоящее время общественная самодеятельность в ИУ (ее профилактический потенциал) находится в кризисном состоянии. На наш взгляд, это объясняется следующим: 1) она не находит поддержки и одобрения в среде осужденных, является причиной преследования со стороны отрицательно настроенной части осужденных; 2) недостатки в работе сотрудников уголовно-исполнительной системы. Так, по результатам нашего исследования, из числа лиц, совершивших преступления, общественной работой не занимались 69,8 %, выполняли отдельные поручения – 25 %, активно участвовали в общественной работе – 0,69 % осужденных.

В изучении личности преступника важными являются неформальные отношения между осужденными, исполнение ими законов и традиций преступного мира. От этого зависит неформальный статус осужденного и возможность прогнозировать поведение осужденных в различных ситуациях. Многие преступления в ИУ совершаются именно поэтому. Это становится проблемой не только пенитенциарных учреждений, но и общества в целом, являясь показателем его криминальной зараженности.

Личность пенитенциарного преступника раскрывается при изучении его взаимоотношений с потерпевшим. Они могут выступать в роли факторов, способствующих совершению преступления, сдерживающих или препятствующих этому.

Проведенное исследование показало, что большинство преступлений совершили лица, которые познакомились с потерпевшим во время отбывания наказания (44,8 %), а также лица, знакомые по совместной работе на производстве (19,8 %). Непосредственное общение разных по характеру и темпераменту лиц, с разной степенью криминальной и нравственной деградации в такой специфической сфере социальной действительности, как ИУ, с неизбежностью порождает между ними противоречия, и одним из путей их разрешения является совершение преступления.

Изучение криминологической характеристики личности осужденных к лишению свободы, совершивших преступления в ИУ, позволяет сделать обобщающие выводы об основных типах преступников. Во-первых, это лица с ярко выраженной антиобщественной установкой (47,6 %); во-вторых, отрицательно характеризующиеся лица без ярко выраженной установки (42,8 %); в-третьих, ситуативные преступники (9,6 %).

Проведенное нами психодиагностическое обследование осужденных, склонных к побегу и законвоированных за нарушения порядка отбывания наказания, показало следующее. Более чем у 50 % обследованных прослеживаются такие характерологические особенности, как пренебрежение к принятым общественным нормам, моральным и этическим ценностям, установленным правилам внутреннего распорядка; эмоционально-волевая неустойчивость; раздражительность; вспыльчивость, нетерпеливость; решительность в достижении личных целей; высокий уровень активности, который часто проявляется в пренебрежении к требованиям администрации; энергичность в действиях; агрессивность; частая смена настроения, подверженность эмоциональным срывам.

Деятельность таких людей, как правило, направлена на удовлетворение сиюминутных эгоистических потребностей. Осужденные данной группы в основном довольно общительны, умеют входить в доверие, легко устанавливать контакт.

¹ См.: Шмаров И. В. Социологические проблемы исполнения уголовного наказания. Рязань, 1980. С. 27.

Изучение личности преступников, совершивших действия, дезорганизующие деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, показало, что подавляющее большинство осужденных, совершивших преступления, предусмотренные ст. 321 УК РФ, судимы неоднократно. Степень общественной опасности поведения личности, носителя рецидива, возрастает с увеличением количества судимостей, особенно за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершаемые в ИУ. Она заключается в реальной возможности совершения им нового преступления, порождаемого антиобщественными, индивидуалистическими взглядами и привычками виновного¹.

Психологическое состояние каждого осужденного, отбывающего лишение свободы, характеризуется напряженностью, которую порождают: изоляция от общества, строгие режимные правила быта, концентрация осужденных, отличающихся грубостью нравов и т. п. В такой обстановке для каждого осужденного, отбывающего лишение свободы, характерна внутренняя готовность защитить себя от возможных посягательств окружающих. Особенно это присуще неоднократно судимым преступникам, способным на насильственное противодействие администрации ИУ.

Общеизвестно, что осужденные, сконцентрированные в одном месте, производят антиобщественную мораль, асоциальные правила поведения, совершенствуются в криминальном ремесле, передавая свой опыт друг другу. Даже те из них, кто не хотел совершать правонарушения, под воздействием криминальной субкультуры уступают массовому воздействию отрицательно настроенной части осужденных.

Изучая личность осужденных по ст. 321 УК РФ, Д. Б. Вальяно исследовал их социально-демографические, психологические, уголовно-правовые и социально-ролевые характеристики². В частности, возрастная характеристика преступников позволила сде-

лать вывод о криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп.

Так, среди осужденных по ст. 321 УК РФ наиболее криминогенной является группа лиц в возрасте от 18 до 24 лет. Ими совершается 35 % действий, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества. Доля осужденных в возрасте 25–29 лет составляет 20 %. Для данных категорий осужденных характерно совершение действий агрессивного, импульсивного характера.

После 30 лет доля осужденных за указанное преступление составляет 25 %; от 40 до 50 лет – 15 %. Противоправное поведение лиц этих категорий более обдуманное с точки зрения возможных последствий.

Таким образом, действия, дезорганизующие работу ИУ, являются преступлением, в большей мере характерным для осужденных среднего возраста. В этом возрасте у них велико стремление к самоутверждению, причем влияние полезных социальных связей на формирование личности значительно ослаблено. Нередко лиц данной возрастной группы отличают безволие, безразличие к окружающим, неумение разобраться в жизненных конфликтах, бесконтрольность поведения, которому присущи отклонения от норм нравственности, наличие узкоэгоистических взглядов и стереотипов.

Лица в возрасте 30–49 лет чаще выступают в роли организаторов преступления. Совершаемые ими преступные действия носят менее спонтанный характер, более осмысленны, чаще сопровождаются призывами к массовому неповиновению администрации ИУ.

Среди осужденных по ст. 321 УК РФ преобладает доля судимых во второй и третий раз. При этом повышается общественная опасность преступных деяний.

Важной составляющей уголовно-правовой характеристики личности осужденных, по нашему мнению, является срок наказания, который определяется судом с учетом не только характера и степени общественной опасности совершенного преступления, но и личности виновного.

Строгое соблюдение правил поведения в учреждениях, исполняющих наказания, у многих осужденных не превратилось в привычку, что связано с субъективными пред-

¹ См.: Назаров С. В. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Моногр. / Под ред. А. А. Магомедова. Владимир, 2002. С. 97.

² См.: Вальяно Д. Б. Предупреждение преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 91.

ставлениями о степени опасности своих действий. Лица, судимые неоднократно, не поддающиеся исправлению, резко отрицательно относятся к осуждению и воспринимают наказание не как кару за преступление, а как следствие разоблачения. Это предопределяет поведение таких осужденных в местах лишения свободы. Многие преступники отчужденно и даже враждебно относятся к деятельности администрации колоний, направленной на их исправление. С нашей точки зрения, поскольку это уже сложившиеся и, как правило, наиболее деградированные личности, воспринимающие только решительность и силу, то в местах лишения свободы они не станут полноценными гражданами, людьми нравственными и законопослушными.

Особенности психологического склада позволяют осужденных рассматриваемой категории делить на два типа: с устойчивым и неустойчивым характером.

Поступки осужденных с устойчивым характером полностью соответствуют их взглядам, поэтому их поведение можно предугадать. Как поведут себя осужденные с неустойчивым характером, полностью зависит от складывающихся обстоятельств. Личность с неустойчивым характером не может успешно противостоять различным отрицательным влияниям и попадает в зависимость от создавшейся ситуации. Отсюда понятно, насколько важно изменить условия, в которых находится такая личность.

Наиболее существенными при совершении осужденными по ст. 321 УК РФ так называемых ситуативных преступных посягательств (в данном случае нападений на администрацию места лишения свободы) оказались психопатические расстройства. Они были сопряжены с внезапным возникновением обстоятельств, способствующих совершению преступлений, неожиданным появлением умысла и кратковременностью его реализации (обычно не более 30 минут), отсутствием предварительного планирования и импульсивностью противоправных действий.

Неожиданно возникающая ситуация диктовала повышенные требования к личности осужденного, в большей части способствовала обострению имевшихся у них психопатических свойств.

Для истерических личностей особое криминогенное значение приобретали обстоя-

тельства, требующие необходимости смириться с отрицанием их авторитета; для неустойчивых – обстоятельства, требующие противостоять влиянию товарищей, удержаться от использования удобного момента.

В связи с этим основными организационными мероприятиями в процессе исправления осужденных должны быть своевременное выявление и учет лиц с психическими аномалиями, которые могут совершить рассматриваемое преступление. Информация о таких лицах может быть получена путем:

1) изучения результатов медицинских осмотров или медицинской документации осужденных по ст. 321 УК РФ в связи с возможностью совершения ими преступлений (по мере необходимости);

2) медицинского освидетельствования отбывающих наказание алкоголиков и наркоманов, осужденных с психическими аномалиями, подвергнутых принудительному лечению (постоянно);

3) ежегодного медицинского освидетельствования (диспансеризации) осужденных этой категории (периодически).

В местах лишения свободы также необходимы специальный учет и лечение психически неполноценных осужденных. Для этого следует обеспечить администрацию мест лишения свободы соответствующей документацией (заключениями судебно-психиатрических и психолого-психиатрических экспертиз). С полученными данными должны быть ознакомлены все сотрудники ИУ, которые непосредственно контактируют с осужденным. В связи с этим заслуживают внимания предложения о расширении практики назначения судебно-психиатрической экспертизы и о создании в ИУ психиатрической службы.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Лица, совершающие преступления в период отбывания лишения свободы, в уголовно-правовом плане характеризуются совершением тяжких и особо тяжких преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка, а также неоднократностью совершения преступлений. Уголовно-исполнительная характеристика отражает их открытое игнорирование установленных законом режимных требований отбывания наказания; грубое, а порой и дерзкое поведение

по отношению к представителям администрации ИУ; антагонистическое отношение к осужденным – членам самодеятельных организаций из секций дисциплины и порядка; стремление к самоорганизации в неформальные малые группы, деятельность которых направлена на захват власти над остальной частью осужденных, а также на «борьбу за справедливость», против законной деятельности администрации ИУ.

А. М. Колосков,

начальник кафедры

административно-правовых дисциплин

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

ДИСЦИПЛИНАРНО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: СОДЕРЖАНИЕ И СООТНОШЕНИЕ

Одним из важнейших средств обеспечения эффективности уголовно-исполнительной деятельности является дисциплинарная практика, которая регламентируется нормами административно-правового института дисциплинарной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС).

Природа дисциплинарной ответственности сотрудников УИС напрямую связана с феноменом дисциплинарно-правового принуждения. Дисциплинарная ответственность – составная часть дисциплинарно-правового принуждения. Меры дисциплинарной ответственности являются разновидностью мер дисциплинарно-правового принуждения. Наряду с ними в зависимости от непосредственных целей дисциплинарно-правового принуждения могут применяться меры пресечения и восстановительные меры¹.

Названные меры составляют структуру дисциплинарно-правового принуждения. Подобная неравномерность структуры дисциплинарно-правового принуждения обусловлена различием непосредственных целей и способов реализации охранительных

Библиографический список

1. Ермакова, Л. Д. Субъект преступления / Л. Д. Ермакова // Уголовное право РФ. Общая часть. – М., 1996.

2. Шмаров, И. В. Социологические проблемы исполнения уголовного наказания / И. В. Шмаров. – Рязань, 1980.

3. Шурухов, Н. Г. Личность пенитенциарного преступника / Н. Г. Шурухов // Соц. исслед. – 1993. – № 2.

правоотношений, возникающих в связи с нарушением дисциплины².

Д. А. Гавриленко, кроме названных мер, в структуре дисциплинарно-правового принуждения выделяет меры дисциплинарного дестимулирования, которые оказывают дополнительное воспитательно-правовое воздействие на нарушителей дисциплины посредством лишения их определенных видов поощрения (премии, вознаграждения по итогам работы за год, льготные путевки в дома отдыха и санатории и др.)³. Таким образом, сущность дестимулирования выражается в лишении премий, с поощрением.

С точки зрения Ю. С. Адушкина, кроме собственно мер дисциплинарной ответственности к правонарушителю могут быть применены меры дисциплинарного дестимулирования: лишение премии полностью или частично, уменьшение размера вознаграждения по итогам годовой работы предприятия. При этом он указывает, что эти меры применяются независимо от мер дисциплинарного или общественного взыскания⁴.

По мнению А. А. Абрамовой, неполучение премий при недостижении показателей и несоблюдении условий премирования не является мерой юридической ответственности, так как у работника не возникает права на премию, а следовательно, нет и лишения такового⁵.

Среди современных исследователей Е. В. Климкина отмечает, что дисциплинар-

² См.: Гавриленко Д. А. Государственная дисциплина: сущность, функции, значение / Под ред. А. П. Шергина. Минск, 1988. С. 271.

³ См.: там же. С. 272.

⁴ См.: Адушкин Ю. С. Дисциплинарное производство в СССР / Под ред. В. М. Манохина. Саратов, 1986. С. 125.

⁵ См.: Абрамова А. А. Дисциплина труда в СССР: (Правовые вопросы). М., 1969. С. 123.

¹ См.: Бахрах Д. Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 6. С. 48.

ное взыскание не следует отождествлять с иными мерами воздействия (например, такими как лишение премии, льготных путевок и т. п.). Применение к служащему указанных мер воздействия не считается привлечением к дисциплинарной ответственности¹. Однако необходимость нести такие негативные правовые последствия, как, например, лишение премии, является существенным изменением правового статуса государственного служащего вследствие наложения дисциплинарных взысканий².

Применительно к службе в УИС порядок осуществления поощрения регламентирован Положением о службе в органах внутренних дел³.

На наш взгляд, дисциплинарное дестимулирование не относится к дисциплинарной ответственности. В данном случае целесообразно исходить из следующего соображения. Премии по своей сути относятся к такому методу обеспечения дисциплины, как поощрение (стимулирование)⁴. Под стимулированием дисциплины в наиболее общем виде следует понимать целенаправленно используемый побудитель к добросовестному труду, в соответствии с которым сотрудник добровольно выполняет свои служебные обязанности, руководствуясь при этом личной материальной или моральной заинтересованностью в результатах своего труда, оптимально сочетаемой с интересами коллектива и общества в целом⁵. В соответствии со ст. 36 Положения о службе в органах внутренних дел основанием применения поощрения к сотрудникам УИС является образцовое исполнение обязанностей и достигнутые высокие результаты в службе.

¹ См.: Климкина Е. В. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 37.

² См.: там же. С. 38.

³ См.: Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: Постановление Верхов. Совета РФ от 23 дек. 1992 г. № 4202-1 (ред. от 1 дек. 2007 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70; Рос. газ. 2007. 4 дек.

⁴ См.: Гавриленко Д. А. Дисциплина в советском государственном аппарате и организационно-правовые средства ее обеспечения. Минск, 1979. С. 128.

⁵ См.: Лебедев В. М. Стимулирование дисциплины труда в производственном коллективе // Советское государство и право. 1971. № 7. С. 133.

При отсутствии оснований поощрительные меры не применяются. Неприменение поощрительных мер нельзя рассматривать как меру дисциплинарно-правового принуждения. Меры дисциплинарной ответственности, в свою очередь, относятся к методу принуждения наравне с мерами пресечения и восстановительными мерами.

Меры пресечения направлены на прекращение совершения сотрудником дисциплинарных проступков.

К таким мерам относится временное отстранение от исполнения должностных обязанностей.

Статьей 16 Положения о службе в органах внутренних дел также предусмотрена возможность временного отстранения сотрудника от должности в случае привлечения его в качестве обвиняемого в совершении преступления, а также в случае грубого нарушения служебной дисциплины, делающего невозможным исполнение им служебных обязанностей. В ст. 8.3 Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы данная норма детализируется: «отстранение от должности применяется в крайних, не терпящих отлагательства случаях, а также в целях полноты и объективности расследования уголовного дела или служебной проверки»⁶.

Таким образом, для дисциплинарно-правового принуждения в УИС характерно применение мер пресечения, что находит отражение в нормативных правовых актах.

По нашему мнению, применение данных мер должно быть регламентировано законом, поскольку они существенно затрагивают правовой статус сотрудника. Поэтому рационально закрепить их в Дисциплинарном кодексе правоохранительной службы.

О необходимости такого закрепления свидетельствует включение соответствующей нормы в ст. 32 Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» от 27 июля 2004 г.

⁶ Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: Приказ Министерства юстиции РФ от 6 июня 2005 г. № 76 (ред. от 29 июля 2008 г.) // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2005. № 27.

№ 79-ФЗ¹. Согласно данной статье в качестве оснований отстранения от замещаемой должности гражданской службы предусмотрены следующие: 1) появление на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; 2) непрохождение в установленном порядке обучения и проверки знаний и навыков в области охраны профессиональной служебной деятельности (охраны труда); 3) привлечение в качестве обвиняемого, в отношении которого судом вынесено постановление о временном отстранении от должности в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Как видно, формулировка, закрепленная в указанном Федеральном законе, отличается от тех, что были названы выше.

Восстановительные меры своим назначением имеют возобновление правового положения, существовавшего до совершения правонарушения.

Необходимо отметить, что в период становления дисциплинарной ответственности как одного из видов ответственности государственных служащих четкого разграничения между дисциплинарной ответственностью, носящей карательный характер, и правовосстановительной материальной ответственностью не проводилось. Законодатель стремился одновременно покарать правонарушителя и возместить причиненный им ущерб. Например, в XVIII в. был распространен штраф «с возвращением причиненного убытка», предусмотренный гл. 29 Генерального регламента от 27 февраля 1720 г.²

Среди действующих в настоящее время восстановительных мер следует назвать такие, как меры материальной ответственности, отмена или приостановление приказа или иного решения, принятого в нарушение законности и дисциплины.

Следует отметить небольшую распространенность восстановительных мер в практике деятельности органов и учреждений УИС. Это в определенной мере связано с тем, что государственное принуждение в этой сфере направлено не на пресечение или наказание, а

на побуждение к действию, т. е. оно предстает как сложный регулятор управленческих отношений. На это свойство государственного принуждения в государственном управлении указывает в своей работе Е. А. Агеева³.

Основную массу мер дисциплинарно-правового принуждения составляют меры дисциплинарной ответственности.

Некоторые ученые объединяют восстановительные меры и меры ответственности под общим понятием юридических санкций⁴.

При этом различия состоят в том, что восстановительные меры являются по своей сути мерами защиты, а меры ответственности носят штрафной, или карательный, характер.

Мерами дисциплинарной ответственности выступают дисциплинарные взыскания.

Таким образом, дисциплинарная ответственность – часть дисциплинарно-правового принуждения наравне с мерами пресекающего и восстановительного характера. По нашему мнению, целесообразно в законодательстве более четко провести разграничения указанных групп мер, поскольку каждая из них имеет свои цели, основания, содержание и правовые последствия. Закрепление в действующих нормативных правовых актах внутренне согласованной системы мер дисциплинарно-правового принуждения способствует развитию правовых начал в дисциплинарном принуждении, а следовательно, не может не оказывать положительного влияния на укрепление дисциплины в органах и учреждениях УИС.

Библиографический список

1. Агеева, Е. А. Юридическая ответственность в государственном управлении (социально-правовой аспект) / Е. А. Агеева. – Л., 1990.

2. Бахрах, Д. Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации / Д. Н. Бахрах // Государство и право. – 2006. – № 6.

3. Климкина, Е. В. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего России : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

² См.: Сергеев А. В. Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 63.

³ См.: Агеева Е. А. Юридическая ответственность в государственном управлении (социально-правовой аспект). Л., 1990. С. 33.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 1. С. 272.

А. В. Кудрявцев,
доцент кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России,
кандидат юридических наук
В. Б. Васильчиков,
соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ВНУТРЕННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

В настоящее время понятие «взаимодействие» широко используется в понятийном и категориальном аппарате многих наук, как технических, так и гуманитарных, что обусловлено тесной интеграцией научных знаний в различных областях через постановку общих задач и выработку общей терминологии, применением достижений, накопленных фундаментальными науками, например философией, а также более «молодыми», но бурно развивающимися научными направлениями.

Первоначально понятие «взаимодействие» входило в понятийный аппарат таких наук, как философия, кибернетика, общая теория систем, достижения которых во многом заложили основу для развития науки управления. Важнейшее значение в этом плане имеют положения диалектического и исторического материализма о развитии, единстве и борьбе противоположностей, всеобщей связи и зависимости явлений.

Взаимодействие вообще – это «философская категория, отражающая процессы взаимодействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения связи»¹.

Системный подход к исследуемой проблеме предполагает выявление качественных характеристик взаимодействия в системе общественных отношений, включая область противодействия преступности, осуществляемого различными субъектами.

В теории оперативно-розыскной деятельности понятие взаимодействия имеет несколько значений, которым присущи общие признаки, характеризующие сущность данного термина:

1) взаимодействие обозначает такое качество, как согласованность оперативно-розыскной деятельности по задачам, направлениям и времени²;

2) осуществление оперативно-розыскной деятельности в соответствии с законами и подзаконными нормативными правовыми актами;

3) наличие единой цели согласованных действий – своевременное предупреждение, быстрое и полное раскрытие преступлений, розыск скрывшихся преступников.

Существенно дополняя эти характеристики, В. М. Ахмажитов отмечает, что взаимодействие многоаспектно: оно может носить уголовно-процессуальный, оперативно-розыскной, административный, организационно-управленческий характер и осуществляется с «применением наиболее целесообразного сочетания присущих взаимодействующим субъектам сил, средств и методов»³.

А. Г. Лекарь, в свою очередь, под взаимодействием понимал «совместные или согласованные по времени, месту и целям действия двух или более аппаратов (органов) по решению конкретных задач борьбы с преступностью»⁴.

По мнению Д. В. Гребельского, взаимодействующие органы осуществляют управление в одной отрасли государственной деятельности (борьбе с преступностью), функционирующей с одной общей целью⁵.

А. Ю. Шумилов, раскрывая содержание понятия взаимодействия субъектов оперативно-розыскной деятельности, отмечает, что оно заключается в совместной согласованной по целям, задачам, лицам, месту и времени деятель-

² См.: Дедюхин В. В., Канцарин Ф. Г. Взаимодействие частей и служб исправительно-трудовых учреждений в борьбе с правонарушениями среди осужденных. М., 1978. С. 4.

³ Ахмажитов В. М. Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений: Учеб. пособие. М., 1981. С. 16.

⁴ Лекарь А. Г. Предотвращение преступлений органами охраны порядка: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. С. 308.

⁵ См.: Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД. М., 1977. С. 90.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 88.

ности (сотрудничестве) самостоятельных в организационном отношении субъектов ОРД¹.

Таким образом, в целом разделяя позицию вышеуказанных авторов, предлагаем под взаимодействием оперативных подразделений исправительных учреждений с иными субъектами при осуществлении розыскной работы понимать установленную нормативными правовыми актами совместную и(или) согласованную деятельность по обеспечению достижения целей борьбы с преступностью, осуществляемую в пределах предоставленной им компетенции, а также с использованием наиболее оптимального сочетания имеющихся в их распоряжении сил, средств и методов.

Поддерживая высказываемые в юридической литературе мнения, отметим, что внутреннее взаимодействие структурных подразделений в исправительном учреждении обусловлено следующими обстоятельствами:

1) исполнение наказаний имеет многофункциональную систему организации, предусматривающую деятельность различных структурных подразделений исправительного учреждения;

2) деятельность структурных подразделений направлена на достижение общих целей исполнения наказаний – исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами;

3) решение задач, стоящих перед исправительным учреждением, невозможно без участия всех структурных подразделений;

4) возникающие в исправительных учреждениях проблемы, осложнения оперативной обстановки, чрезвычайные ситуации криминального и иного характера требуют совместных действий по их разрешению².

К числу обстоятельств, обуславливающих потребность внутреннего взаимодействия оперативных подразделений исправительных учреждений, можно отнести:

– необходимость реализации информации, когда это не входит в компетенцию оперативных отделов исправительных учреждений;

– невозможность достижения положительного результата в тех случаях, когда профилактическое воздействие будет про-

водить какая-то одна служба или когда негласные мероприятия необходимо проводить в сочетании с гласными;

– целесообразность принятия дополнительных мер для зашифровки источников получения и реализации оперативно-розыскной информации.

При этом следует указать факторы, негативно влияющие на эффективность организации взаимодействия структурных подразделений в исправительных учреждениях в целом и в ходе розыскной работы, в частности. Основываясь на данных проведенного нами исследования, к таким фактам можно отнести:

а) отсутствие у ряда руководителей исправительных учреждений необходимых знаний по основам организации розыскной работы, слабое представление о профессиональных возможностях персонала структурных подразделений по обеспечению правопорядка;

б) недостаточное знание руководителями исправительных учреждений причин и условий, способствующих совершению побегов осужденными, неэффективность принимаемых решений по организации их розыска;

в) неиспользование возможностей структурных подразделений исправительного учреждения в ходе розыска осужденных, совершивших побег;

г) недостатки системы организационно-правового обеспечения взаимодействия структурных подразделений при розыскной работе.

Кроме того, наиболее существенное отрицательное влияние на рассматриваемую сферу деятельности оказывают такие организационно-управленческие факторы, как:

1) несовершенство информационного обеспечения, разработки, принятия и реализации решений, координации, контроля и оценки эффективности организации взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения в ходе розыска бежавших осужденных;

2) недостаточное кадровое обеспечение рассматриваемого направления деятельности оперативных подразделений;

3) несовершенство функционально-организационной структуры;

4) недостаточное материально-техническое обеспечение розыскной работы³.

¹ См.: Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2004. С. 33.

² Подробнее об этом см.: Барабанов Н. П., Кутуков С. А. Организация взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения по обеспечению правопорядка // Человек: преступление и наказание. 2003. № 4. С. 9–10.

³ См.: Кутуков С. А. Организация взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения по обеспечению правопорядка: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.

Таким образом, несмотря на имеющиеся научные разработки по вопросам как общей теории взаимодействия, так и особенностей внутреннего взаимодействия структурных подразделений в условиях исправительных учреждений, остаются проблемы, требующие своего разрешения, в частности, касающиеся организации розыскной работы, ее правового регулирования, а также тактики осуществления.

В. Н. Кудрявцев,

начальник ФБУ НИИИиПТ

ФСИН России (г. Тверь)

кандидат физико-математических наук

А. В. Лебедев,

начальник лаборатории

ФБУ НИИИиПТ ФСИН России

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ
СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В ИНФОРМАЦИОННО-
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Современный системный анализ является прикладной наукой, нацеленной на выяснение причин реальных сложностей, возникших перед «обладателем проблемы» (обычно это конкретная организация, учреждение, предприятие, коллектив), и выработку вариантов их устранения.

Системность – не нововведение, не последнее достижение науки. Это всеобщее свойство материи, форма ее существования, а следовательно, и неотъемлемое свойство человеческой практики, включая мышление. Появление проблемы – признак недостаточной системности; решение проблемы – результат ее повышения.

В настоящее время системность представляет собой не только теоретическую категорию, но и осознанный аспект практической деятельности. Поскольку большие и сложные системы по необходимости стали предметом изучения, управления и проектирования, потребовалось обобщение методов исследования систем и методов воздействия на них. Системный анализ стал связующим звеном между абстрактными категориями системности и живой системной практикой.

Библиографический список

1. *Атмажитов, В. М.* Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений : учеб. пособие / В. М. Атмажитов. – М., 1981.

2. *Кутуков, С. А.* Организация взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения по обеспечению правопорядка : дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.

Особенности системного анализа вытекают из самой природы сложных систем. Имея в качестве цели ликвидацию проблемы или выяснение ее причин, системный анализ привлекает для этого широкий спектр средств, использует возможности различных наук и практических сфер деятельности. Являясь по существу прикладной диалектикой, системный анализ придает большое значение методологическим аспектам любого системного исследования. С другой стороны, прикладная направленность системного анализа приводит к использованию всех современных средств научных исследований: математики, вычислительной техники, моделирования, натуральных наблюдений и экспериментов.

Уголовно-исполнительная система Министерства юстиции Российской Федерации (далее: УИС) является составной частью (подсистемой) правовой системы России.

Первое упоминание термина «правовая система» содержится в высказываниях Е. Б. Пашуканиса, который выделял различные стадии эволюции правовых понятий, включая и высшую стадию. «Эта высшая стадия развития, – указывал он, – соответствует определенным экономическим и социальным отношениям. В то же время эта стадия характеризуется появлением системы общих понятий, отражающих теоретически правовую систему как законченное целое»¹. Однако данное положение касается в основном понятий теории права, характеризующих правовую систему как сугубо юридическое явление. И здесь речь не идет о правовой системе как о целостном информационном образовании.

¹ *Пашуканис Е. Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 65.

Понятие «система» в правоведении было введено Д. А. Керимовым. Еще в 1960 г. он высказал мнение о том, что «автомат, человек и общество имеют совершенно различную природу, но каждый из них представляет сложно организованную систему, некоторые процессы информационного функционирования которой имеют количественную тождественность между собой»¹. В процессе философско-правового осмысления работ по системным исследованиям ученый пришел к выводу, что применение категории системы, системный подход к познанию правовых явлений имеют исключительно важное теоретическое значение. В связи с этим он рассмотрел ряд проблем системного описания права и, в частности, определил правовую систему как объективное объединение по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной автономностью и самостоятельностью функционирования. Д. А. Керимов на примере отраслей, институтов и норм права охарактеризовал признаки правовой системы, к числу которых он отнес объективность правового целого, соединенность частей правового целого по содержательным признакам, единство и структурную упорядоченность правовой системы, относительную самостоятельность последней и ее функционирование².

В. Н. Кудрявцев подчеркивал, что с точки зрения перспективного развития юридической науки серьезного внимания заслуживает системный подход к анализу правовых явлений, основывающихся на положениях теории больших систем. Исходя из современных представлений о системных исследованиях он выделил функциональные системы в области права как соответствующие социальные системы, сложившиеся объективно и существующие в связи с выполнением возложенных на них функций. С точки зрения теории оптимизации В. Н. Кудрявцев рассмотрел отдельные части правовой системы общества, в целом правовую надстройку, деятельность государственных органов, ведущих борьбу с преступностью («система уголовной юсти-

ции»), правовое регулирование и правосознание. Он охарактеризовал ряд признаков самоуправляемых правовых систем: наличие подсистем и элементов в функциональной правовой системе, потоков информации в ней, действие прямых и обратных связей, взаимодействие систем в области права и внешней среды и др.³

Позднее В. Н. Кудрявцев, А. М. Васильев и В. П. Казимирчук, исходя из широкого определения права и генезиса понятия «правовая система», обосновали важность исследования правовой системы общества во взаимодействии с экономической, политической, идеологической, нравственной, культурной и другими системами. В понятие социальной системы они включили «как правовые доктрины, нормы и институты, так и процессы правообразования и правореализации, направленные на развитие общественных отношений». Они осуществили разграничение между категорией «правовая система» и другими смежными понятиями, представили правовую систему в статике и динамике и осветили такие ее черты, как системность, целенаправленность, коммуникативность, связь с деятельностью правовых учреждений, людей, социальными противоречиями, эффективностью⁴.

Проанализировав системные исследования в области права, Н. В. Витрук пришел к выводу, что по существу все государственные и правовые явления можно рассматривать как связанные системы. Базируясь на кибернетическом толковании сложной динамической системы, он рассмотрел понятие системы в социально-правовой сфере как совокупность или комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих в направлении поставленных целей частей и элементов целого. С точки зрения оптимизации ученый описал такие сложные целостные системы в области права, как «правообщественные отношения» и «механизм правового регулирования». При этом он изучил ряд признаков этих самоуправляемых правовых систем: наличие в них структуры,

³ См.: Кудрявцев В. Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика. М., 1973; он же. Функциональные системы в области права // Вопросы кибернетики. Правовая кибернетика. М., 1977. Вып. 40. С. 12–18.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н., Васильев А. М., Казимирчук В. П. Правовая система социализма // Правовая система социализма. М., 1986. Т. 1. Понятие, структура, социальные связи. С. 37–65.

¹ Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960. С. 206.

² См.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 274–287.

целей, информационных потоков, прямых и обратных связей, программ регулирования¹.

Учитывая вышеизложенное, по нашему мнению, УИС и ее подсистемы должны рассматриваться как системные информационные образования, т. е. как множество определенным образом расположенных и взаимосвязанных в направлении определенных целей частей, подсистем, элементов, главным отличительным признаком которых является наличие системно-информационных качеств и признаков. Иными словами, исследованию подлежат любые правовые образования, отражающие различную информацию, любые сведения и данные, интересующие государственные структуры управления.

При анализе любого правового информационного образования (правовой системы в целом, ее подсистем) могут быть выделены статистический и динамический аспекты, но не обособленно друг от друга, а в тесном переплетении. То есть в ходе рассмотрения любого из указанных образований в первую очередь следует проанализировать совокупность частей, подсистем и элементов (изучение образования в статике). В применении к УИС речь идет о построении конфигуратора².

При описании процессов, происходящих в хозяйствующих субъектах, признано необходимым использовать три типа показателей: натуральные (экономико-технологические), денежные (финансово-экономические) и социально-ценностные (идеологические, политические и т. д.). Деятельность субъекта описывается на этих трех языках, образующих конфигуратор по отношению к целям автоматизированной системы управления.

В проектировании организационных систем конфигуратор должен состоять из описания распределения власти (структуры подчиненности), ответственности (структуры функционирования) и информации (организации связи и памяти системы, накопления опыта, обучения, истории). Указанные структуры могут не совпадать тополо-

гически, хотя связывают одни и те же части системы.

Конфигуратор является содержательной моделью высшего возможного уровня. Перечисляя языки, на которых мы будем говорить о системе, мы тем самым определяем тип системы, фиксируем наше понимание природы системы. Как всякая модель конфигуратор имеет целевой характер и при смене цели может утратить свойства конфигуратора.

Определившись с конфигуратором системы, можно переходить к построению модели системы. Избранная нами модель достаточно жестко определит, какие части войдут в ее состав (модель состава) и как они связаны (модель структуры). Образованное множество элементов потребует установления отношений на заданном множестве элементов, т. е. произведения агрегирования.

Одна из задач агрегирования состоит в том, что совокупность данных, с которыми придется иметь дело, слишком многочисленна и плохо обозрима, с такими данными трудно работать. В нашем случае на первый план выступит такая особенность агрегирования, как уменьшение размерности: агрегат объединяет части в целое.

Простейший способ агрегирования состоит в установлении эквивалентности между агрегируемыми элементами, т. е. в образовании классов.

Если представлять класс как результат действия агрегата оператора, то такой оператор имеет вид

ЕСЛИ (условия на агрегируемые признаки), ТО (имя класса).

В результате создания конфигуратора мы должны зафиксировать все хозяйствующие субъекты, учреждения и объекты УИС, для них следует провести описание распределения власти, ответственности и информации.

После вышеизложенного следует провести однозначное агрегирование. Данная проблема напрямую связана с деятельностью отдела ОКПО, функционирующего в рамках института, но должна рассматриваться значительно шире. В настоящее время в институте ведутся работы по созданию конфигуратора.

Далее в процессе исследования вычленяется организационное состояние этих частей, подсистем, элементов, т. е. их упорядоченность (продолжение изучения образования в статике); внимание концентрирует-

¹ См.: Витрук Н. В. Сложные динамические системы в сфере государственно-правовой надстройки // Основы применения кибернетики в правоведении. М., 1977. С. 28–44.

² Конфигуратор – это агрегат, состоящий из качественно различных языков описания системы и обладающий тем свойством, что число этих языков минимально, но необходимо для заданной цели.

ся на взаимосвязях правового информационного образования (анализ образования в статике и динамике); рассматривается взаимодействие подсистем, элементов частей в направлении поставленных целей (изучение информационного образования в динамике). После этого следует выделить образование правового целого из подсистем и элементов, которые характеризуются такими качествами и признаками, как единство, информативность и управляемость (анализ системы в статике и динамике). В завершение необходимо исследовать организацию информационных процессов в правовой системе в целом и ее подсистемах (характеристика образования в динамике).

Данная проблематика заключается в сборе и анализе статистической информации. Названные виды статистических учетов осуществляются в ФБУ НИИИиПТ ФСИН России, созданным в соответствии с приказом ГУИН Минюста России от 6 июня 2003 г. № 197. В составе НИИИиПТ функционирует Главный информационный центр.

В настоящее время особую важность приобрела задача, состоящая в том, чтобы в процессе создания единого информационного пространства разработать и начать внедрение технологического процесса производства информационных продуктов. Это связано с тем, что с момента передачи УИС из МВД России в Министерство юстиции Российской Федерации на подразделения УИС обрушился поток сведений, ранее проходивший в ГИЦ МВД России, который имеет многолетний опыт деятельности в данном направлении, а также значительную материальную базу по передаче и приему информации.

Следует отметить, что создание информационных ресурсов сопоставимо с производством продукции, которое требует соответствующей организации и технического оснащения. Создаваемая в НИИИиПТ ФСИН России автоматизированная система статистики (АСС) будет представлять собой информационное производство со своими функциями и задачами.

Функции АСС определяются задачами, стоящими перед ведомственной статистикой по сбору и обработке статистической информации и их совершенствованию в условиях постоянно возрастающих требований к аналитичности и многоаспектности статистических данных. Они включают в себя:

- решение на новой технологической основе всех *регламентных статистических задач*, т. е. задач, для которых заранее определены содержание и сроки обработки. Наиболее важным видом регламентных задач являются задачи обработки статистической отчетности – подготовка всех видов отчетов по всем формам, включенным в состав АСС;

- информационно-справочное обслуживание руководящих органов по их запросам – разовая (единовременная) подготовка всех видов отчетов на основе показателей, входящих в состав АСС;

- решение аналитических задач, т. е. задач автоматизированной обработки статистических материалов, необходимых на отдельных этапах статистического анализа;

- создание автоматизированного банка данных (АБД) АСС, обеспечивающего автоматизированное формирование, ведение и многостороннее использование информационного фонда статистики;

- широкое применение полной системы методов статистической обработки на основе текущих и накапливаемых фондов статистических данных и возможностей современной вычислительной техники;

- создание постоянно действующей службы проектирования, обеспечивающей с минимальными затратами времени и средств организацию решения новых и корректировку действующих задач при неизбежных изменениях объектов и программ статистического исследования.

Осуществление вышеизложенных шагов приведет к выделению и изучению признаков, которые позволят выйти за рамки традиционных нормативно-правовых представлений о действительности, делать заключения и выводы о наличии или отсутствии правовой системы как явления, которое поддается информационно-управленческим воздействиям. Наличие определенных подсистем, элементов в сфере права, их специфическая упорядоченность, взаимосвязи, взаимодействия и целенаправленность в процессе функционирования позволят различать информационные образования, исследовать и изучать их структуру, функции, каналы связи, потоки правовой и иной информации и др.

Наличие информационных связей и взаимодействий внутри УИС доказывает, что последняя выступает как единый, информационный организм в процессе взаи-

модействия с другими образованиями (например, экономического или политического порядка). Уголовно-исполнительная система активно воздействует на свои подсистемы и элементы, преобразует их в процессе решения конкретных задач. В результате отдельные подсистемы, элементы меняют некоторые свои регулятивные, информационные характеристики и свойства, приобретают новые качества (в нашем случае с течением времени могут упрощаться или усложняться поведение субъектов правоотношений, сокращаться или увеличиваться потоки правовой информации и др.).

Правовые информационные образования имеют свой набор подсистем и элементов. Части правовых образований объединены не механически, а с учетом их внутренней организации, объективных закономерностей формирования и развития этих информационных образований. С точки зрения информации и управления в сфере правовой реальности это государственные органы, включая и правовые учреждения, нормы права, общественные отношения, каналы связи, правовая информация и др., взаимодействие которых и образует правовое целое.

Состав исследуемых подсистем, элементов представляет собой содержание правового информационного образования. Причем от внутренней организации подсистем, элементов зависит социальная и информационная природа целого, его направленность.

Система не является статическим, застывшим явлением. Она в той или иной форме воздействует на соответствующие части правового информационного образования (по уровням, видам, линиям), объединяет их с разнорядковыми отношениями, придает им определенную общность и вызывает появление новых системных, информационных и иных качеств. Большое значение для оптимального информационного обеспечения в сфере права и развития правовой системы общества имеет относительная устойчивость структуры (норм права, правоприменительной деятельности государственных органов, информационно-правового воздействия и др.). На структуру правового информационного образования постоянно влияют изменения, происходящие в отдельных его подсистемах, элементах (перестройка законодательства, изменения в организации работы органов управления и т. д.). Од-

нако она в своей основе (политической, конституционной, экономической) остается стабильной. В условиях отсутствия стабильных связей, взаимодействия подсистем правовое информационное образование вряд ли смогло бы эффективно осуществлять те социальные цели, функции и задачи, которые она призвана осуществлять.

Следует отметить, что все правовые информационные образования, как и любые системы и составляющие их подсистемы, элементы расположены определенным образом. Это означает, что им присуща множественность структур, а наряду с односистемными есть и многосистемные информационно-правовые образования. Поэтому можно, например, в известной мере условно рассматривать механизм правового регулирования общественных отношений на уровне отдельной нормы права как относительно простое, односистемное информационное образование.

Очевидно также, что информационная деятельность в области права имеет определенную цель. Это естественно, поскольку действие без цели есть бессмысленное действие. Сведение всего многообразия целей, стоящих перед теми или иными правовыми информационными образованиями, к какому-то обобщенным целям весьма трудно. Поэтому возможно выделить следующие основные виды целей, отражающих характер социальной, информационно-правовой деятельности правовой системы в целом и ее подсистем и обусловленные разнообразными по своей сущности факторами: социально-экономические цели правовой системы, состоящие в обновлении и развитии хозяйственных отношений и управления; социально-политические цели правовой системы, заключающиеся в укреплении общественного строя, содействии наилучшему решению задач социального прогресса общества, укреплении обороноспособности страны и др.; расследование и раскрытие преступлений (одна из целей системы уголовной юстиции), оперативное распространение правовой информации (одна из целей общегосударственной системы правовой информации, частью которой является уголовно-исполнительная правовая информационная система) и т. д.

Многоцелевой характер правовых информационных образований обусловлен также

тем, что в их основе лежит функционирование различных подсистем, элементов, объединенных в единое целое для решения определенных юридических, информационных и иных задач. Деятельность многих из них (например, правоохранительных органов, должностных лиц) регламентирована законами. Перед каждой из них ставятся задачи, направленные на достижение определенных целей, которые взаимно дополняют друг друга. В то же время они имеют различную направленность. Однако по всей социальной природе они непротиворечивы. В результате правовые информационные образования выступают как целостные механизмы для решения задач, возникающих в связи с достижением установленных целей.

Все без исключения правовые информационные образования можно разделить на субъекты и объекты информационно-правового регулирования, правотворчества, правового воспитания и т. д., выполняющие указанные выше функции регулирования, т. е. способные вырабатывать цели и задачи регулирования, собирать и обрабатывать нужную информацию, принимать необходимые решения, доводить их до исполнителей, контролировать их выполнение и др. К субъектам информационно-правового воздействия относятся соответствующие органы государственной власти, управления, органы и организации, исполняющие наказания, должностные лица. Субъект информационного воздействия применяет нормы права, санкции, реализует правовые идеи, установки и другие правовые и неправовые средства. В этом смысле он выступает в роли широкой и содержательной социально-правовой общности или целостности, выполняющей функции управления и воздействующей на разнообразные объекты. Объект информационного воздействия – это поведение субъектов правоотношений, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, специалистов, граждан и т. д. В качестве объектов информационного воздействия могут выступать и сами правовые образования и их подсистемы, элементы.

Субъекты и объекты правового воздействия связываются каналами прямых и обратных информационных связей, в качестве которых выступают государственные служащие, средства массовой информации, средства связи, граждане и др. Каналы прямых информационных связей идут от воздействующей

щей подсистемы к воздействуемой, а каналы обратной информационной связи – от воздействуемой к воздействующей. Каналы прямых и обратных информационных связей являются важнейшими структурными компонентами правовых информационных образований, и без них образования остались бы в статике, без движения.

Выше отмечалось, что правовым информационным образованиям присуще саморегулирование. В процессе постоянного взаимодействия через каналы связи указанных подсистем оно направлено на сохранение качественной определенности правовых образований посредством сбора, обработки и оценки информации, принятия юридических решений, осуществления обратной информационной связи и иных действий. В условиях гражданского общества это саморегулирование осуществляется в широких рамках. Гражданское общество располагает всеми необходимыми условиями, средствами и методами для крупномасштабного и действенного информационно-правового воздействия на разнообразные общественные отношения. Однако при этом необходимо учитывать объективные условия и возможности информационного обеспечения, на которое общественная жизнь и практика накладывают определенные ограничения.

Информационно-правовым образованиям (особенно это касается такой глобальной системы, как правовая система общества в целом) свойственны определенные закономерности их функционирования и развития. Эти закономерности характеризуют объективность связей между явлениями. Все это необходимо учитывать и использовать в процессе системно-информационного подхода к явлениям и процессам, системно-информационного исследования права на современном этапе развития юридической теории. Саморегулирование правовыми информационными образованиями в данном случае направлено против проявления стихийности и дезорганизации общественных явлений.

В ходе управления правовые образования переходят из одного качественного состояния в другое и реализуют как внутренние функции (по постановке целей, задач, организации, установлению коммуникаций и др.), так и внешние (по регулированию общественных отношений, укреплению законности, борьбе с преступностью, охране прав и интересов гра-

ждан и т. д.). В первом случае информационные потоки циркулируют внутри систем и, следовательно, процессы управления осуществляются внутри социально-правового целого. Во втором случае правовые образования связываются с внешней средой, т. е. с окружающими ее экономическими, политическими, культурными, правовыми и другими системами, получают от них сигналы (информацию), «ощущают» соответствующее влияние, а также оказывают определенное информационное воздействие на внешнюю среду.

Взаимосвязи правовых информационных образований с внешней средой реальны. Это находит свое выражение во всех правовых образованиях с их большим числом информационных связей и отношений, которые, как и все социальные процессы, с трудом поддаются учету, математическому анализу. Последнее обстоятельство делает

Л. В. Мазалева,
*адъюнкт кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Процесс формирования правового государства, продолжающийся в настоящее время в России, предусматривает законодательное регулирование различных сторон жизни общества и направлений деятельности государственных органов, общественных и иных негосударственных формирований. Одна из основных задач этого процесса заключается в выработке новых демократических подходов к решению вопросов борьбы с преступностью, обеспечении законности, приведении правовых норм в соответствие с общепризнанными актами по правам человека и современными политическими и социально-экономическими реалиями.

Как известно, нормативно-властное воздействие государства происходит путем установления правовых норм по юридически значимым вопросам, возникающим в рамках общественных отношений. Правовые нормы при этом образуют определенную систему, а любая система – это в первую очередь целостность, совокупность взаимо-

управление правовыми информационными образованиями сложным видом управления и создает трудности в процессе его оптимизации с точки зрения средств и методов информатики и кибернетики.

Библиографический список

1. *Витрук, Н. В.* Сложные динамические системы в сфере государственно-правовой надстройки / Н. В. Витрук // Основы применения кибернетики в правоведении. – М., 1977.
2. *Керимов, Д. А.* Свобода, право и законность в социалистическом обществе / Д. А. Керимов. – М., 1960.
3. *Кудрявцев, В. Н.* Уголовная юстиция как система / В. Н. Кудрявцев // Правовая кибернетика. – М., 1973.
4. *Папуканис, Е. Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства / Е. Б. Папуканис. – М., 1980.

связанных и взаимообусловленных элементов (частей), которые в своем единстве приобретают качественно новые свойства. Как справедливо отмечает Л. Н. Калинкович, «правовые нормы, непосредственно регламентирующие оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел, представляют собой не случайную сумму, а совокупность взаимосвязанных правовых предписаний, то есть сложную систему»¹.

Оперативно-розыскная деятельность (далее: ОРД) УИС, представляющая собой один из видов правоохранительной деятельности и предназначенная для решения ее задач, должна, как и иные функции уголовной юстиции, иметь надлежащую правовую форму. В связи с этим мы разделяем точку зрения Д. В. Гребельского, согласно которой термин «государственно-правовая форма» в отношении ОРД применим, во-первых, по той причине, что названная деятельность имеет государственный характер, поскольку осуществляется по велению государства и специально уполномоченными на то государственными органами; во-вторых, имеет четко выраженную правовую основу и осуществляется в строгом со-

¹ См.: *Калинкович Л. Н.* Сущность, правовые и организационные основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Учеб. пособие. М., 1988. С. 38.

ответствии с требованием законности¹. Следовательно, ОРД, обеспечивая реализацию уголовной политики, функционирует в правовых рамках. Однако в отличие от уголовного и административного процесса она опирается и на законы, и на ведомственные нормативные правовые акты в силу организационных и тактических особенностей.

Восемнадцатого апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР в связи с принятием закона «О милиции» постановил разработать проект закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Под руководством Комитета Верховного Совета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью была создана рабочая группа для разработки в сжатые сроки приемлемого варианта законопроекта. В результате 13 марта 1992 г. парламент России принял Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»², который был введен в действие с 29 апреля того же года и применялся до вступления в силу Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее: ФЗ «Об ОРД»)³.

Следует отметить, что принятие Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» создало реальные предпосылки:

- для формирования новой отрасли российского законодательства, а именно в области ОРД;

- признания реальности уголовно-розыскного права – отрасли российского права, нормами которой регулируются специфические общественные отношения в оперативно-розыскной, контрразведывательной и частной сысковой деятельности, возникающие в связи с совершением преступления и необходимостью осуществления соответствующих процедур. Таким образом, с момента вступления в силу данного закона РФ правовое регулирование ОРД было переведено в качественно новый режим. Вместо закрытой ведомственной регламентации сысковой работы, не гарантировавшей соблюдение прав и свобод человека и гражданина в России, появились единые для всех спецслужб и правоохранительных орга-

нов правила их негласной деятельности. Кроме того, принятие указанного Закона имело следующие положительные результаты:

- закрепление общих правил ОРД на развивающемся уровне правового регулирования вместо подзаконного;

- выделение основных правил ОРД из ранее имевшегося в подзаконных актах конгломерата правовых предписаний и их обособление в оперативно-розыском законе, т. е. начало процесса кодификации правовых норм ОРД;

- повышение значения соблюдения прав и свобод человека и гражданина в ОРД;

- законодательное определение ОРД;

- существенное законное расширение субъектов (государственных органов), наделенных правами на осуществление ОРД;

- необходимость обязательной государственной регистрации в Минюсте России ведомственных оперативно-розыскных актов, затрагивающих права и законные интересы граждан, а также нормативных актов, которые носят межведомственный характер;

- правовая регламентация вневедомственного контроля и надзора за состоянием законности в ОРД;

- включение в сферу правового регулирования общественных отношений, которые ранее не подвергались воздействию права.

За время действия Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», затем ФЗ «Об ОРД», а также других законов, содержащих нормы об ОРД, оперативно-розыскная теория и практика накопили значительный опыт по их реализации в борьбе с преступностью и обеспечении национальной безопасности. Создана обширная ведомственная и межведомственная нормативная база по применению норм оперативно-розыскного законодательства. В связи с этим мы считаем необходимым остановиться на дискуссии по поводу кардинального изменения ФЗ «Об ОРД».

В настоящее время в теории оперативно-розыскной деятельности выделяются два основных подхода к вопросу существования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, ряд ученых (В. М. Аتماжитов, В. Г. Бобров, А. Ю. Шумилов и др.) полагают, что ныне действующий ФЗ «Об ОРД» нуждается в значительном совершенствовании, которое оптимально произвести путем разработки и принятия закона в новой редакции, так как внесение в него изме-

¹ См.: Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 20.

² См.: Рос. газ. 1992. 29 апр.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

нений и дополнений, по их мнению, малоперспективно¹. Рассмотрим эту точку зрения с практической стороны. Любое кардинальное изменение чего-либо – это дополнительный и порой болезненный процесс. Принятие нового закона об ОРД, безусловно, может явиться шагом вперед в развитии научной базы об ОРД, но необходимо ли это на современном этапе?

В случае принятия нового закона об ОРД неизбежны процессы его адаптации в следующих аспектах:

- организационном (уточнение текста, «обкатка» и др.);
- финансовом;
- законодательном (изменение некоторых федеральных и практически всех ведомственных нормативных актов в области ОРД);
- правоприменительном (изучение нового закона непосредственными исполнителями, изменение установленной документации, наработка правоприменительной практики) и др.

Исследуя данную проблему, методом опроса мы выясняли мнение оперативных работников УИС по поводу принятия нового закона. Большинство из них (85 %) однозначно высказались за «стабильность», т. е. сохранение ныне действующего ФЗ «Об ОРД». Справедливости ради следует отметить, что те же практические работники указывают на существующие пробелы в действующем ФЗ «Об ОРД». Одной из основных проблем, по мнению сотрудников, является отсутствие в нем полного объема задач ОРД в УИС. В частности, ст. 2 ФЗ «Об ОРД» не предусматривает осуществление ОРД в целях борьбы с нарушениями режима содержания со стороны осужденных и подследственных, административными и дисциплинарными правонарушениями граждан в сфере деятельности ОРД УИС². Вместе с тем п. 1 ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» предусматривает одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий сведения о признаках противоправного деяния. Причем, как представляется, данное

понятие включает в себя все вышеперечисленные составы правонарушений.

Примером временных и организационных процессов, сопровождающих вступление в силу нового закона, может послужить принятие Трудового кодекса РФ. Длительность, непроработанность – это те издержки, которые непосредственным образом сказались на многих тысячах граждан России. Не проводя аналогии, вместе с тем следует задуматься о том, не будет ли на какое-то время дезорганизована работа оперативных аппаратов на местах.

Существует и иная точка зрения (Ю. С. Блинов, К. К. Горяинов, В. С. Овчинский), согласно которой предлагается совершенствовать закон с помощью «точечных воздействий», т. е. путем модификации его отдельных статей, частей и пунктов³. Мы разделяем данную позицию, признавая, что всеми правоохранительными органами, включая органы суда и прокуратуры, наработана практика применения ФЗ «Об ОРД», имеющая значительную правовую ценность и способствующая обеспечению требования законности при осуществлении ОРД. Принятие нового Закона повлечет за собой необходимость отказа от использования этой практики и неизбежные правовые конфликты при формировании новой системы норм, регулирующих общественные отношения в сфере ОРД.

По нашему мнению, в современных условиях реформирования различных сфер жизнедеятельности российского общества совершенствование оперативно-розыскного законодательства целесообразно осуществлять путем улучшения существующего ФЗ «Об ОРД», что не повлечет за собой кардинальных изменений правоприменительной практики.

Библиографический список

1. *Атмажитов, В. М.* О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров. – М., 2003.

2. *Гребельский, Д. В.* Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Д. В. Гребельский. – М., 1977.

³ См.: Оперативно-розыскная деятельность: Учеб. / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001. С. 772.

¹ См.: *Атмажитов В. М., Бобров В. Г.* О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Науч. докл. М., 2003. С. 6–7.

² Такого мнения, в частности, придерживаются Ю. Ф. Кваша и Н. Н. Васильев (см.: *Кваша Ю. Ф., Васильев Н. Н.* Основные направления (концепция) оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания: Учеб.-метод. материалы по курсу «Организация и тактика ОРД органов, исполняющих наказания». М., 1994. С. 22–23.

Н. А. Мельникова,
преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики
ФСИН России

ВИДЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ: ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ И СУЩНОСТЬ

Немаловажное значение при определении конкретных видов административной деятельности имеет их классификация. Классификация как один из методов познания занимает особое место в современной науке применительно к различным отраслям: юриспруденции, истории, социологии, биологии, медицине, математике и т. д. В процессе проведения научных исследований ученые-юристы уделяют особое внимание данному методу¹. Как справедливо отметила О. С. Хохрякова, «классификация дает возможность, с одной стороны, составить общее представление об изучаемом явлении, объекте, предмете, а с другой стороны, конкретизировать наше знание об исследуемом объекте»².

Классификация – акт теоретического познания, она показывает, как отражаемое явление реализует себя в действительности, вскрывает его сущность, отграничивает от других объектов, а также позволяет обеспечить логичность и последовательность научного поиска³. Более того, «правильно составленная классификация, отобразив закономерности развития классифицируемых объектов, глубоко вскрывает связи между изучаемыми объектами и помогает исследователю ориентироваться в самых сложных ситуациях, служит основой для обобщающих выводов и прогнозов»⁴.

¹ См., напр.: Чуманов В. Е. Классификация в российском законодательстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005; Лопарев Д. А. Теоретические и методологические основы классификации общественно опасных последствий // Рос. следователь. 2007. № 14; Маршакова Н. Н. Классификация преступлений против общественной безопасности // Безопасность бизнеса. 2007. № 4; Сыч К., Литвинов И. Классификация преступлений против правосудия по признакам субъекта их совершения // Уголовное право. 2008. № 1 и др.

² Хохрякова О. С. Источники советского трудового права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 30.

³ См.: Чуманов В. Е. Указ. соч. С. 11.

⁴ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 247.

С философской точки зрения понятие «классификация» (лат. *classis* – разряд, класс и *facere* – делать) представляет собой систематическое деление и упорядочение понятий и предметов⁵. В Большом Российском энциклопедическом словаре отмечается, что классификация – это система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов⁶.

Принято различать естественные и искусственные (вспомогательные) классификации. Для первых основаниями выступают существенные признаки объектов, для вторых – несущественные признаки объектов. Примером последних являются каталоги (алфавитно-предметные указатели) в библиотеках. Следует подчеркнуть, что для исследования правовых явлений наибольшее значение имеют естественные классификации, так как они позволяют не только обеспечить систему, но и изучить содержательную сторону объекта познания.

Подобную классификацию С. В. Познышев считал первым и чрезвычайно важным шагом, который должен проводить исследователь, и отмечал, что как прием изучения классификация имеет двоякое значение для научного исследователя: со стороны внешней вносит в изучение систему и порядок; со стороны внутренней этот прием предопределяет полноту и правильность выводов изучения⁷.

Для того, чтобы назвать виды административной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) в рамках конкретных классификаций, следует первоначально определить их основания.

В соответствии с тем, что органы и учреждения, исполняющие наказания, представляют собой систему, которая имеет внутреннюю и внешнюю среду существования, и соответственно их административная деятельность может иметь разный вектор направления, одним из оснований клас-

⁵ См.: Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е. Ф. Губского, Г. В. Корблевой, В. А. Лутченко. М., 1998. С. 212.

⁶ См.: Большой Российский энциклопедический словарь. М., 2007. С. 688.

⁷ См.: Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 5.

сификации административной деятельности можно выбрать ее направленность.

Так, в зависимости от направленности следует различать внутриорганизационную (внутрисистемную) и внешнюю (внешнесистемную) административную деятельность.

Внутрисистемная административная деятельность осуществляется непосредственно в рамках УИС и имеет своей целью организацию работы всех ее элементов. Возникающие при этом правоотношения основываются на принципе соподчиненности. Субъектами данных правоотношений выступают вышестоящие и нижестоящие органы, учреждения, их структурные подразделения, сотрудники.

Внутрисистемная деятельность характерна не только для административных подразделений (организационно-аналитический отдел (группа), отдел кадров), но и для воспитательных, режимных, охранных подразделений, т. е. для всех служб органов и учреждений УИС как внутренняя сфера работы, имеющая своим предназначением организацию функционирования УИС, совершенствование структуры и управления.

Важно подчеркнуть, что внутрисистемная административная деятельность имеет разное значение для различных звеньев УИС. Существует определенная зависимость от занимаемого уровня. Так, чем выше положение звена в управленческой иерархии, тем больший объем внутренней административной деятельности данное звено выполняет и наоборот. Если для учреждений организующая деятельность выступает как вспомогательная наравне с основным предназначением – исполнением уголовных наказаний, то уже для территориальных органов функции руководства подчиненными учреждениями, планирования, контроля приобретают значение основных наряду с другими функциями. Применительно же к уровню ФСИН России (центрального аппарата) внутрисистемная управленческая функция является определяющей.

Внутреннюю административную деятельность составляют такие подвиды, как:

- деятельность по определению структуры и штатов органов и учреждений УИС;
- деятельность по комплектованию штатов, подготовке и переподготовке сотрудников;
- планирование и организационно-аналитическая деятельность;

– принятие управленческих решений и контроль за их исполнением;

– деятельность по поддержанию законности и дисциплины среди сотрудников.

Внешнесистемная административная деятельность предполагает деятельность органов и учреждений ФСИН России, направленную вне их системы, в рамках которой они вступают в административные правоотношения с неподчиненными им государственными органами, предприятиями, учреждениями, общественными и религиозными объединениями, гражданами.

В процессе этого вида деятельности решаются задачи по поддержанию правопорядка, общественной безопасности, по борьбе с правонарушениями и их профилактике. Поэтому законодатель совершенно оправданно наделил их юрисдикционными полномочиями в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

Практическую реализацию внешней административной деятельности в наибольшем объеме осуществляют учреждения УИС, сотрудники которых непосредственно отвечают за безопасность и порядок на их территории, в том числе используя административно-правовые методы.

Необходимо отметить, что внешняя административная деятельность не является основной для УИС, как, например, для органов внутренних дел (таковой выступает предметная деятельность – исполнение уголовных наказаний), но именно внешняя административная функция выступает качественной характеристикой органов и учреждений УИС как субъектов государственного управления.

Во внешней административной деятельности УИС можно выделять следующие подвиды:

- производство по делам об административных правонарушениях;
- деятельность по рассмотрению обращений граждан;
- взаимодействие с другими правоохранительными органами по поддержанию правопорядка;

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22 июля 2008 г.). Ст. 23.4 // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

– взаимодействие с государственными, муниципальными, общественными и религиозными организациями, средствами массовой информации.

Каждый из указанных видов административной деятельности регулируется специальными нормативными актами, как федерального (например, КоАП РФ, Закон РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г. № 4866-1¹), так и ведомственного уровней (например, приказ Министерства юстиции РФ «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» от 6 июня 2005 г. № 76 (ред. от 29 июля 2008 г.)²).

Для характеристики любого явления одно из определяющих значений имеет его содержание. В научной литературе существуют три точки зрения на определение данного понятия. В соответствии с первым подходом содержание – это элементы, составляющие определенное явление (вещь, предмет, процесс)³. Сторонники второго подхода полагают, что содержание является основой вещи, т. е. его сущностью⁴. Представители третьего подхода рассматривают содержание как глубинные процессы развития, протекающие внутри явления⁵. На наш взгляд, наиболее приближенной к действительности, где все явления находятся в постоянном движении, взаимодействии внутреннего и внешнего, выступает последняя точка зрения.

Если рассматривать административную деятельность как процесс, то в зависимости

от его содержания можно выделить такие составляющие, как:

1) *правотворческая административная деятельность (правотворческий процесс);*

2) *правонаделительная административная деятельность (правонаделительный процесс);*

3) *юрисдикционная административная деятельность (юрисдикционный процесс).*

Правотворческая административная деятельность – это вид административной деятельности, который предполагает подготовку и издание актов, содержащих административно-правовые нормы.

Правонаделительная и юрисдикционная административная деятельность выступают правоприменительными процессами, в рамках которых разрешаются конкретные дела и принимаются индивидуальные решения.

Каждый названный процесс включает определенные административные производства. Например, дисциплинарное производство (в отношении сотрудников УИС), производство по делам об административных правонарушениях – это юрисдикционный процесс; поощрительное производство (в отношении сотрудников УИС), деятельность по определению структуры и штатов органов и учреждений УИС, деятельность по комплектованию штатов – это правонаделительный процесс.

Таким образом, в зависимости от различных оснований можно выделить следующие направления административной деятельности органов и учреждений ФСИН России: по направленности – внутрисистемная и внешнесистемная; в зависимости от сущности административной деятельности как процесса – правотворческая, правонаделительная и юрисдикционная.

Библиографический список

1. *Лопарев, Д. А.* Теоретические и методологические основы классификации общественно опасных последствий / Д. А. Лопарев // Рос. следователь. – 2007. – № 14.

2. *Маршакова, Н. Н.* Классификация преступлений против общественной безопасности / Н. Н. Маршакова // Безопасность бизнеса. – 2007. – № 4.

3. *Чуманов, В. Е.* Классификация в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.

¹ См.: Рос. газ. 1993. 12 мая.

² См.: Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2005. № 27; 2008. № 33.

³ См., напр.: *Фурман А. Е.* О соотношении формы и содержания в развитии организмов. Диалектический материализм и современное естествознание. М., 1957.

⁴ См., напр.: *Зиннуров Ф. Т.* Содержание и форма. Волгоград, 1957; *Артюхин Н. И.* Диалектика содержания и формы. Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1955.

⁵ См., напр.: *Чернов В. И.* К вопросу о категориях содержания и формы в материалистической диалектике // Уч. зап. Калин. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина. 1954. Вып. 1. Т. XVII. С. 167; *Гаркавенко Ф. И.* Диалектика формы и содержания // Вопросы диалектического материализма. М., 1960. С. 261; *Шентулин П. А.* Система категорий диалектики. М., 1967.

В. В. Меркурьев,
*ведущий научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры РФ,
вице-президент Российской
криминологической ассоциации
доктор юридических наук, профессор*

Е. А. Богачевская,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА
КАК ДИНАМИЧНЫЙ ДОМИНАНТНЫЙ ФАКТОР
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ. СТРУКТУРА
КРИМИНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Противодействие, нарушающее порядок деятельности исправительных учреждений (далее: ИУ), организуется лидирующими в местах лишения свободы группировками, стремящимися к захвату и удержанию неформальной власти над остальными осужденными. Данные группировки представляют собой организованные преступные формирования, имеющие специфическую структуру (см. схему). По мнению Д. Б. Вальяно, они обладают всеми признаками организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ) и преследуют единую для всех участников цель, направленную на разрушение организованности ИУ как социальной системы, созданной государством для исполнения наказания в виде лишения свободы. Деятельность по захвату и удержанию неформальной власти на территории ИУ они осуществляют посредством применения насилия к осужденным, сотрудникам ИУ или их близким, а также покушения на уголовно-исполнительные правоотношения, обеспечивающие порядок управления в ИУ. Поэтому данная деятельность обладает высоким уровнем общественной опасности.

Вместе с тем за весь период действия послереформенного уголовного законодательства правоохранительными органами не было возбуждено ни одного уголовного дела по ст. 210 УК РФ в отношении организаторов и активных участников проти-

водействия, дезорганизирующего деятельность ИУ¹.

Очевидно, мы имеем дело со вторым типом организованных преступных формирований – криминальными сообществами, выполняющими координирующие, организационно-управленческие функции по отношению к криминальным организациям – преступным формированиям первого типа². Состоящие из профессиональных преступников, отбывающих наказания в ИУ, криминальные сообщества обеспечивают интересы той части тюремного населения, которая решает свои проблемы вне закона (вопреки требованиям уголовно-исполнительного законодательства РФ). В местах лишения свободы таковыми являются сообщества «воров в законе».

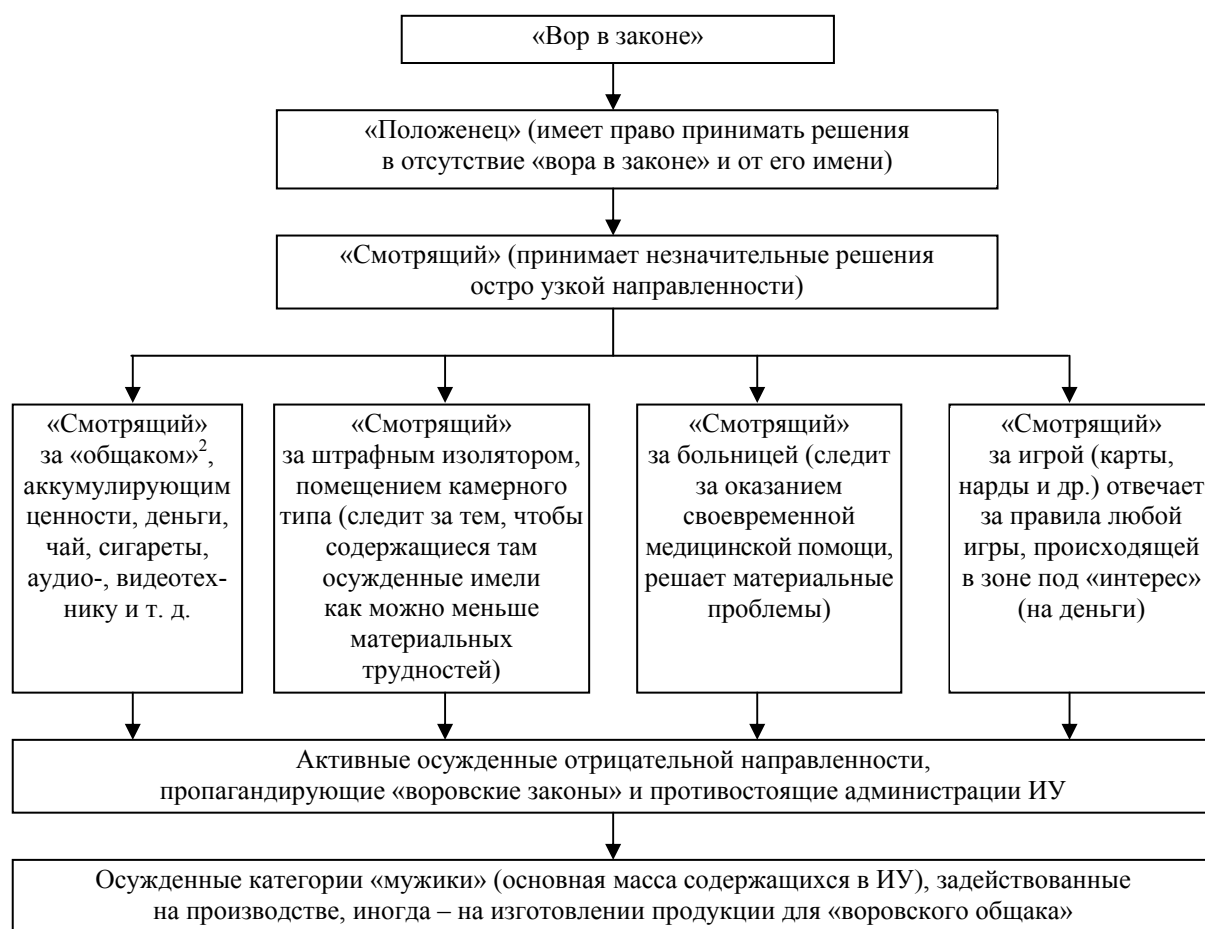
Вместе с тем, когда их участники принимают совместное решение о совершении преступления, они одновременно становятся либо организованной группой, либо иной криминальной организацией первого типа.

Таким образом, одной из форм организованной преступности, распространяющей негативное влияние на все сферы жизнедеятельности ИУ, является криминальное сообщество, в том числе такая его разновидность, как организованная преступная группировка (далее: ОПГ), – субъекты широкой криминальной организационно-управленческой деятельности, дезорганизирующей законную деятельность ИУ.

В местах лишения свободы ОПГ – это устойчивые формирования численностью, как правило, не более 10 человек, заранее объединившихся для совершения преступлений (главным образом грабежей, вымогательства, насильственных действий сексуального характера в отношении других осужденных). Такие группы наиболее распространены в исправительных колониях (далее: ИК) общего и строгого режимов и обычно формируются стихийно на почве общих антиобщественных установок, прежних знакомств, связей в криминальной среде, землячества, по национальному признаку и т. п.

¹ См.: Вальяно Д. Б. Предупреждение преступлений, дезорганизирующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 5.

² См.: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 355.

СТРУКТУРА КРИМИНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ¹

Типичными чертами ОПГ являются: наличие конкретного организатора, осуществляющего с помощью ближайшего окружения централизованное управление членами группировки на основах неукоснительного соблюдения дисциплины и конспирации; наличие определенных материальных фондов (денежных и продуктовых «общаков»), формируемых путем поборов с других осужденных и расходуемых большей частью на финансирование противоправной деятельности

¹ Данная схема разработана кандидатом юридических наук А. В. Кисляковым.

² «Воровской общак» («воровское благо») – это материальная база сплочения преступного сообщества, паразитирующего на идеях коллективизма и товарищеской взаимопомощи. Наличие «общака» предполагает деятельность по его постоянному пополнению (за счет других категорий осужденных), установлению норм распределения, отражающих иерархию в преступном сообществе. Для организации сбора «общака» выделяются надежные люди из окружения авторитетов, для его хранения – «казначей» («кассир»). Распределение средств происходит под строгим руководством криминальных лидеров.

группировки и удовлетворение личных потребностей ее руководства; осуществление контроля за поведением осужденных, в том числе посредством внедрения своих представителей в каждую локальную зону, отряд, бригаду, камеру и т. д., навязывания антиобщественных традиций и обычаев, участия в разрешении конфликтов, возникающих между осужденными, и т. п.; осуществление преступной деятельности, носящей скрытый, замаскированный характер.

Ряд ученых уже останавливались на криминологических характеристиках отдельных делинквентных групп. Однако все они, по мнению В. М. Анисимова, отражали явление фрагментарно, выделяя те или иные криминальные формирования и их отличительные черты, в недостаточной степени связывали специфику рассматриваемой микросреды с ее искаженными ценностными ориентациями³.

³ См.: Анисимов В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003. С. 37.

В частности, А. П. Некрасов считает, что рецидивистов отличает стремление к объединению в группировки как в ИУ, так и в обычных условиях на свободе. Часто являясь носителями «воровских законов» и традиций, они оказываются организаторами и руководителями преступных группировок. В связи с этим важное значение приобретает знание сотрудниками ИУ и ОВД особенностей таких группировок, характера их влияния на состояние оперативной обстановки в ИУ, на определенной территории¹.

Иными словами, данный аспект проблемы оказался разработанным в наименьшей степени.

По нашему мнению, первым и непременным свойством группировок профессиональных преступников в местах лишения свободы является их устойчивая иерархия. Как было отмечено выше, связанная общностью целей и деятельности группа представляет собой статусно-ролевое построение, включающее лидера, его окружение и ведомых (см. схему). Восхождение осужденного по иерархической лестнице в субкультурном мире воспринимается тюремным миром как благо, а нисхождение может обернуться несчастьем. Важно подчеркнуть, что верхнюю ступень в сообществе (группировке) могут занять только осужденные, обладающие общими, характерными для всех лидеров, качествами. В социальной психологии таковыми считаются: наличие определенных организаторских способностей, активность, компетентность в решении вопросов групповой деятельности, общительность. Кроме того, наши исследования показали, что к рассматриваемому типу организованных преступников в основном относятся волевые и жестокие люди (см. таблицу).

Названные свойства лидеров являются материальной предпосылкой их высокого неформального статуса. Им также присуща ярко выраженная антиобщественная установка личности, сформированная в специфичной среде. Анализ данных по их проти-

воправной деятельности свидетельствует, что чаще всего лидерами становятся лица, имеющие судимости².

Кроме общих и субкультурных качеств лидеры обладают специальными качествами, на которые обратили внимание А. И. Гуров, В. В. Зайцев, Н. А. Якушин, А. Е. Чечетин, Н. П. Барабанов, Д. Б. Вальяно, В. М. Анисимков и др.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МНЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИДЕРОВ УГОЛОВНОЙ СРЕДЫ В ИУ

Отличительные черты лидеров уголовной среды в местах лишения свободы, указанные в ответах персонала ИУ	Степень единодушия в ответах, %
Обладают хорошими организаторскими способностями	51
Умеют искусно влиять на других осужденных, подчинять их своей воле	47,5
Ведут себя подчеркнуто сдержанно при общении с окружающими, имеют опрятный внешний вид	16,6
Общительные, легко входят в контакт с другими людьми	18,3
Проявляют непримиримость в отношении тех людей, которые причинили им какой-либо ущерб	71

По мнению указанных авторов, к числу специальных качеств относятся: знание методов работы оперативных аппаратов, основ тактики следственной работы; ориентирование в уголовном законодательстве; обладание способностями к противодействию правоохранительным органам.

Высокий статус подобных индивидов признается всеми осужденными безоговорочно. Кроме того, нередко в ИУ, где нет «коронованных персон», функции традиционного лидера выполняются лицами, получившими мандаты от привычных преступников, подтверждающие их лидирующее положение в уголовной среде. Автори-

¹ См.: Некрасов А. П. Пенитенциарный рецидив в исправительных учреждениях: теория исследования и меры противодействия: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 374.

² См.: Козак Б. Б. Правовое регулирование воздействия на осужденных, злостно нарушающих режим в исправительно-трудовых учреждениях: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 56.

тет первых основывается на «харизме»; вторых – на традициях и обычаях, культивируемых в пенитенциарной «общине». По стилю лидерство является авторитарным, предполагающим единоличное направляющее воздействие, основанное на угрозе применения силы.

В иерархической структуре рассматриваемых сообществ вторую по значимости ступень занимает ближайшее окружение лидера, составляющее с последним универсальное ядро любого устойчивого формирования. Такое положение, по мнению В. М. Анисимкова, объясняется двумя основными причинами. Во-первых, субкультурная среда всегда демонстрирует равенство ее индивидов, а значит, приемлет преимущественно коллегиальную форму руководства. Во-вторых, единые ценностные ориентации, относительное тождество деловых и иных качеств лидера и окружения, в свою очередь, порождают указанную систему статусных взаимоотношений. Любой из названных членов группы фактически может претендовать на первую роль в ней. Выдвижение, утверждение и поддержание лица в определенном положении всецело зависит от окружения (авторитетов). За оказанное признание лидер вынужден платить особым к ним отношением и делегировать им часть своих функций, связанных с руководством группой.

Руководящее ядро («смотрящие») является для лидера (например, «положенца» или «вора в законе») своеобразным вспомогательным аппаратом, управляющим звеном, при помощи которого он решает организационные задачи, осуществляет групповые мероприятия. Ближайшее окружение, как и всякая иерархическая ступень, с одной стороны, служит возвышению лидера, утверждению его авторитета, с другой, являясь выразителем общих настроений и мнений, выступает сдерживающим фактором, когда лидер стремится к неограниченной власти, выходит за рамки обычных правил поведения («Кодекса арестантов»).

Иерархичность, категориальные взаимоотношения исследуемых формирований предопределяют неформальную роль и соответствующие функции их членов. Функции преступных авторитетов рассматрива-

лись в работах Ю. М. Антоняна¹ и В. М. Быкова. В. М. Анисимков обобщил эти знания, что позволило ему сформулировать следующие основные функции лидеров: информационная, организаторская, нормативная, принятия решения и стратегическая. Кроме того, «воры в законе» или положенцы через «институт "смотрящих"» обеспечивают консолидирующую, защитную, морально-поддерживающую и материально-обеспечивающую функции².

Консолидирующая функция, например, заключается в распространении и укреплении норм поведения, направленных на утверждение ценности «мы» в субкультурной среде, а также пропаганде отношений равенства. «Смотрящие» убеждают иных участников криминальных формирований и других осужденных, что наиболее справедливые отношения равенства поддерживаются в их мире, а не в обществе, и нередко демонстрируют это на практике. Являясь носителями «справедливости», по мнению членов неформального образования, они способны разрешать сложные, нередко конфликтные ситуации в сообществе. Их решения всегда обоснованы корпоративной этикой, поэтому приобретают свойство обязательности. В осуществлении указанной функции лидеры крайне заинтересованы, так как отмеченное направление деятельности, с одной стороны, поднимает их неформальную роль, с другой – служит распространению и укреплению норм-обычаев и традиций, которых они придерживаются. Все это способствует сплоченности воровского сообщества, присущей по наблюдениям многих авторов, всем субкультурным формированиям. Методологической основой для толкования отмеченного свойства служит теория деятельностного опосредования межличностных отношений в группе³, в соответствии с которой на третьем, самом глубоком, уровне развития групповой сплоченности все члены сообщества разделяют его цели. В ходе исследований мы выяснили, что цели представителей субкультурной сре-

¹ См.: Антонян Ю. М. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них. М., 1989. С. 18–21.

² См.: Анисимков В. М. Указ. соч. С. 46.

³ См.: Петровский А. В., Шпалинский В. В. Социальная психология коллектива. М., 1978. С. 74–76.

ды обусловлены множеством факторов, определяющих мотивацию противоправного и аморального поведения. К их числу относятся: общность взглядов, привычек, потребностей и, конечно, ценностных ориентаций. Причем сплоченность группы здесь не просто единство указанных элементов, характеристик и целей, а воплощение их в практических действиях.

При этом основное ядро группы, как правило, не привлекается к непосредственному совершению преступлений (члену группировки, являющемуся хранителем «общака», вообще запрещается совершать какие-либо правонарушения). В качестве исполнителей преступных замыслов используются иные находящиеся в зависимости от группировки осужденные («шестерки», «быки», «торпеды» и др.).

Третью ступень в иерархической структуре сообщества занимают, как правило, осужденные, морально или материально зависящие от авторитетов. В целом их функции сводятся к прислуживанию и исполнению. Последнюю осуществляют в основном лица, вновь принятые в сообщество, которые стремятся заслужить доверие, подняться на более высокую ступень «лестницы статусов». Функцию прислуживания выполняют осужденные, принадлежащие в криминальном мире к прослойке подхалимов и слуг и обычно именуемые «шестерками». Состав исполнителей неустойчив, поскольку лидеры преступного сообщества, используя все их возможности и связи, теряют к ним интерес и отказываются от их услуг.

Таким образом, субкультурная среда представляет собой особую иерархическую структуру статусных межличностных отношений ее представителей. Неформальный статус осужденного зависит от ряда факторов: во-первых, он объективно обусловлен его интеллектуальными, волевыми свойствами и организаторскими способностями; во-вторых, субкультурными и специальными качествами лица; в-третьих, приверженностью каждого члена своей группы (благонадежностью). Место осужденного в групповой иерархии становится его статусной функцией.

Следующим качеством криминального формирования, тесно связанным с предыду-

щими, является устойчивость. Не останавливаясь на всех имеющихся точках зрения относительно данного признака¹, поддержим позицию В. М. Анисимова, который устойчивость субкультурной группы определяет аналогично устойчивости всякой социальной среды, т. е. как сохранение ее состояния независимо от внутренних и внешних «возмущающих» воздействий. Рассматриваемое свойство выражается в относительной замкнутости криминального формирования². Представители тюремного сообщества стремятся к обособленности своих образований, и никто из «недостойных» проникнуть в них не может, чем обеспечивается постоянство состава группы, нарушаемое отбытием срока наказания и освобождением отдельных участников из мест лишения свободы. В свою очередь, тот, кто принят как равный в «семью блатарей», не вправе свободно выйти из нее (только с согласования преступного мира лицо может «завязать» – уйти в нормальное общество).

При изучении криминальных формирований в ИУ следует учитывать, по крайней мере, еще два обстоятельства: во-первых, подобные группировки существовали в местах лишения свободы издавна, поэтому они обладают устоявшейся нормативно-заданной структурой ролей и статусов их членов; во-вторых, активные участники данных сообществ весьма консервативны в следовании своим организационным и «этическим» принципам.

Любое криминальное образование в ИУ обладает таким признаком, как общественная опасность. Относительно ее содержания И. И. Карпец замечал, что она состоит, прежде всего, в преступном прошлом и настоящем лиц, совершивших преступления³. Отсюда прогнозирование возможного поведения этих лиц должно основываться на оценке степени их общественной опасности.

¹ См.: Галиакбаров Р. Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973. С. 123; Танесевич В. Г., Никулина К. Т. Некоторые вопросы соучастия. Изучение и предупреждение преступности. Вильнюс, 1971. Вып. 4. С. 136; Чечетин А. Е. Организация и тактика раскрытия организованных групповых преступлений аппаратами уголовного розыска: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1986. С. 21–22.

² См.: Анисимов В. М. Указ. соч. С. 50.

³ См.: Карпец И. И. Проблемы преступности. М., 1969. С. 98.

Иерархичность, устойчивость, опасность, сплоченность субкультурных групп в ИУ предопределяют и находятся в прямой зависимости от их организованности¹ – способности группы к самоуправлению и сочетанию разнообразных мнений и форм поведения с единством действий, направленных на достижение групповых целей. Обеспечивается организованность иерархичностью управления, распределением ролей (функций) между соучастниками, неформальными нормами поведения, принимаемыми мерами безопасности, технической оснащенностью, планированием преступной деятельности.

Исключительная роль исследуемых группировок выражается в разработке и поддержании ими корпоративных «законов», ценностных ориентаций и правил поведения. При этом следует особо подчеркнуть, что «теневое нормотворчество» в каждой такой группе подчинено единым принципам и образцам антиобщественного поведения, формировавшимся преступным миром веками. Поэтому такая среда осужденных, по наблюдениям В. М. Анисимкова, не может ограничиваться рамками одной или нескольких групп противоправной направленности, она существует реально как их качественная совокупность, как сообщество².

Данное утверждение подкрепляется анализом соответствующих организованных форм взаимоотношений между криминальными элементами этого типа. Несмотря на то, что возглавляемые лидерами преступной среды группировки создаются в различных ИУ, они не существуют изолированно друг от друга. Их представители постоянно поддерживают между собой связь путем нелегальной переписки. Чтобы выработать единую линию поведения, автори-

теты собираются на сходки. О распространенности названной формы взаимоотношений свидетельствуют результаты опроса персонала ИУ. Так, на вопрос: «Проводятся ли в ИУ сходки авторитетов?» – 89 % работников ИК общего режима и 93 % сотрудников ИК особого режима ответили утвердительно³.

На сходках выносятся решения, диктующие правила поведения осужденных применительно к данным условиям жизни, разбираются возникшие между авторитетами конфликты. В ходе их проведения участники ратуют за чистоту своих рядов, требуют наказания самозванцев (без оснований выдающих себя за хранителей криминальной субкультуры) или, напротив, принимают в свою «семью» новых членов. Подобные собрания заканчиваются, как правило, принятием постановляющих документов, обязательных для исполнения всеми авторитетами, так называемых воровских постановок, воззваний, прогонов.

Таким образом, в местах лишения свободы преступные группировки определяют, кто с кем и как может контактировать в зависимости от выбранной линии поведения и отношения к уголовным традициям, представляют собой проявление элемента организованности в противоправном поведении и как «группы порядка» стремятся к неформальной, неограниченной и твердой власти над другими.

Важно отметить, что в криминальных сообществах следует разграничивать понятия «руководство» и «исполнение». Авторитеты уголовной среды, присвоив себе неформальную власть, осуществляют теневое руководство осужденными в конкретных ИУ, но не берут на себя исполнение противоправных замыслов. Являясь сплоченным формированием, как правило, волевых и целенаправленных личностей, они осуществляют свое руководство посредством самого факта концентрации в одних руках материальных рычагов влияния – финансовых средств материальной помощи (воровского «общака»).

Кроме материальных рычагов влияния на осужденных, авторитеты для поднятия

¹ Многоплановые исследования организованных групп проведены А. Г. Ахалая, Б. И. Бараненко, А. И. Гуровым, А. Е. Чечетиным и другими учеными. Однако в них описаны особые виды групп с присущими им признаками, организованность же как качество групп предметно не изучалась. Следует отметить, что понятия «организованная преступность» и «организованность в преступности» не идентичны. Первое обозначает общественно опасное социальное явление, а второе – его качество.

² См.: Анисимков В. М. Указ. соч. С. 62.

³ См.: там же.

своего престижа используют фанатическую приверженность субкультурным ценностям отдельных лиц, отбывающих наказание. Они повсеместно насаждают гипертрофированное понятие «арестанской чести» своего сообщества, устраивают кровавые расправы с «ренегатами», искусно влияют на характер происходящих в ИУ событий. Авторитеты руководят осужденными как бы косвенно, но тем не менее эффективно.

Высокий уровень криминогенной напряженности в ИУ сохраняется вследствие того, что традиции и обычаи, существующие в наиболее криминализированных группировках осужденных, создают для других осужденных проблемы независимого поведения в период отбывания наказания. Как отмечал С. В. Познышев, арестант никогда не остается один, он находится в атмосфере циничных выходок и разговоров, безвозвратно растворяется в среде арестантов. Отдельные личности скрываются от воспитательного воздействия, поработаются группой, подчиняются тем грубым обычаям и традициям, которые складываются в арестантской среде, и утрачивают добрые черты своей индивидуальности, духовными же вождями сплоченных арестантских групп обыкновенно бывают худшие, а не лучшие. Слишком трудно в грубой арестантской среде сохранить чувство собственного достоинства¹.

Криминализация среды осужденных имеет прогрессирующие тенденции в тех ИУ, где криминальная идеология нейтрализовала воспитательный процесс и профессиональный авторитет персонала².

На основе объективной оценки криминальной ситуации в учреждениях УИС К. Ш. Бахтиаров делает вывод, что содержащиеся в них «воры в законе» направляют свои усилия на консолидацию осужденных для осуществления противоправной деятельности, подкуп должностных лиц правоохранительных и государственных орга-

нов исполнительной и законодательной власти³.

Следует отметить, что исполнение наказания в виде лишения свободы, связанное с ограничением прав и свобод осужденных, само по себе продуцирует противодействие с их стороны деятельности, осуществляемой администрацией ИУ. Основу этого противодействия составляет стремление личности, лишенной свободы, к расширению установленных законом рамок, ограничивающих ее возможности в удовлетворении возникающих потребностей. Дезорганизационная деятельность является разновидностью такого противодействия. Ее специфика заключается в том, что в отличие от нарушений установленного законом порядка отбывания наказания или преступного деяния, направленного на воспрепятствование отдельному сотруднику ИУ в исполнении возложенных на него служебных обязанностей, она направлена в целом на разрушение организованности всей системы управления в ИУ.

Дезорганизационная деятельность лидирующей в сообществе осужденных группировки обладает ярко выраженным насильственным характером: и захват, и удержание неформальной власти осуществляются группировкой посредством запугивания основной массы осужденных, а также сотрудников ИУ (психическое насилие) или применения физического насилия к лицам, покушающимся на авторитет так называемого воровского закона либо оказывающим активное противодействие, направленное на нейтрализацию приоритета неформального влияния авторитетов тюремного мира. На существование мер физического воздействия, применяемых к осужденным, нарушившим субкультурные нормы, указали 72 % сотрудников ИК, опрошенных в ходе исследования под руководством профессора В. М. Анисимкова⁴.

В структуре дезорганизационной деятельности выделяется специфическая роль организаторов криминального сообщества.

¹ См.: Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 158.

² См.: Барабанов Н. П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов: Моногр. Рязань, 2003. С. 115.

³ См.: Бахтиаров К. Ш. Оперативно-режимные службы: обеспечить выполнение поставленных задач // Ведомости УИС. 2000. № 2. С. 18.

⁴ См.: Анисимков В. М. Указ. соч. С. 63.

Разрабатывая непосредственно стратегию и тактику противодействия деятельности администрации ИУ, они осуществляют, с одной стороны, внешнее управление сообществом осужденных в целом, а с другой стороны, внутреннее управление, направленное на достижение определенного уровня сплоченности членов организованного преступного формирования, интеграцию их отдельных усилий в общую деятельность. В результате межличностные отношения участников криминального сообщества (группировки) приобретают характер внутригрупповых связей, обусловленных соответствующим развитием общей групповой деятельности в целом, что позволяет рассматривать лидирующую группировку в качестве системного социального образования. Данное обстоятельство, а также тот факт, что деяния, составляющие содержание дезорганизационной деятельности, направленной на захват и удержание неформальной власти в ИУ, находятся под запретом уголовного закона, наделяют лидирующую группировку юридическими признаками криминальной организации – коллективного субъекта организованных преступлений, организованной преступной деятельности.

При наличии устойчивых каналов нелегальной связи, обеспечивающих координацию и совместность деятельности лидирующих в различных ИУ группировок, последние образуют в своей совокупности преступное сообщество, преследующее единую цель – противодействие, дезорганизующее деятельность не только ИУ, но и УИС в целом. Лидирующие группировки в данном случае являются структурными подразделениями криминального сообщества, взаимоотношения между которыми приобретают характер межгрупповых отношений.

Вместе с тем субъектами противодействия, дезорганизующего деятельность ИУ, могут выступать не только руководители и активные члены криминального сообщества и входящие в него формирования, но и сотрудники ИУ, сознательно использующие свое служебное положение в интересах ОПГ, а также иные лица, не обладающие специальным статусом осужденного, доб-

ровольно сотрудничающие с группировкой ради удовлетворения меркантильных личных интересов (например, содержатели «общака», связные и т. п.).

В качестве внешней детерминанты, продуцирующей дезорганизационную деятельность группировки, лидирующей в ИУ, выступает корпоративное моральное сознание осужденных, обусловленное их реакцией на негативное отношение к ним общества в лице его массового сознания, которое лишает официальное право поддержки, отдавая ее неформальному нормативному регулированию.

С внутренней стороны конфронтацию администрации ИУ и неформальной лидирующей группировки обуславливает конфликт их противоположных интересов. Избежать его невозможно по той причине, что разнополярные интересы различных субъектов как формального, так и неформального управления складываются в отношении единого предмета их деятельности – осуществления власти над сообществом осужденных, представляющим собой единый и неделимый объект управления. Ослабление одной из сторон конфликта влечет за собой неременное укрепление позиций противоположной стороны.

Таким образом, анализ состояния пенитенциарной преступности и исследование криминальных сообществ, а также создаваемых ими лидирующих группировок в ИУ позволяют выявить особые черты группового поведения. Получение этих данных станет методологическим шагом к разработке системы правовых и организационных мер по нейтрализации тюремной субкультуры в целом.

Библиографический список

1. *Анисимков, В. М.* Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы / В. М. Анисимков. – СПб., 2003.
2. *Вальяно, Д. Б.* Предупреждение преступлений, дезорганизующих деятельность исправительных учреждений, совершаемых организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
3. *Долгова, А. И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. – М., 2003.

А. И. Парсегов,
заместитель начальника аппарата
директора ФСИН России
– *начальник режимного секретного отдела*

Д. В. Зубарев,
начальник отдела методологического
обеспечения защиты государственной
тайны и информации в УИС ФБУ
НИИИиПТ ФСИН России
кандидат технических наук

**РОЛЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ УТЕЧКИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕКРЕТОВ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

Предупреждение утечки сведений, отнесенных к государственной тайне, – реализация организационно-методических и инженерных (технических) решений, разрабатываемых на основе детального исследования условий и обстоятельств прохождения, обращения, использования и надежности обеспечения сохранности всех видов секретной информации, образующейся в ходе оперативно-служебной деятельности учреждений и органов ФСИН России, эксплуатации специальных изделий и техники, а также при осуществлении других секретных работ.

Основными направлениями в работе по предупреждению утечки сведений, отнесенных к государственной тайне, являются следующие.

1. Обеспечение режима секретности в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации о государственной тайне, а также ведомственными нормативными актами Минюста России и ФСИН России.

2. Заблаговременная разработка и внедрение дополнительных режимных мероприятий в учреждениях и органах ФСИН России при проведении секретных работ на основе результатов предварительной аналитической проработки всех особенностей секретных работ, выявления комплекса всех демаскирующих такие работы признаков и уязвимых с точки зрения утечки информации факторов на всех предстоящих этапах и стадиях работ.

Выделяют несколько видов аналитических исследований.

1. Аналитические исследования, связанные с составлением и уточнением перечня

сведений, подлежащих засекречиванию, Минюста России, других требующих охраны в интересах государства сведений по конкретным работам.

2. Аналитические исследования, проводимые в целях принятия решения о необходимости разработки и внедрения дополнительных режимных мероприятий (ДРМ) перед началом новых, наиболее важных секретных работ или в связи с изменением оперативной обстановки.

3. Аналитические исследования фактической эффективности и надежности мер по защите сведений, отнесенных к государственной тайне, при проведении конкретных секретных работ (или отдельных стадий, этапов таких работ), по конкретной теме НИОКР, проблеме, заказу, конкретно-му проекту и т. п.

4. Аналитические исследования тех сторон оперативно-служебной деятельности учреждений и органов ФСИН России, которые имеют существенное значение для обеспечения сохранности сведений, отнесенных к государственной тайне, на объекте по всем или большинству секретных работ (например, анализу открытых публикаций, подготовки электронных секретных документов, транспортировки и эксплуатации специальных изделий и техники, приема командированных лиц, осуществления международных связей, организации противодействия техническим разведкам и технической защиты информации).

На наш взгляд, в силу особенностей деятельности учреждений и органов ФСИН России, в уголовно-исполнительной системе наибольшее применение должен найти четвертый вид аналитических исследований.

Как правило, аналитические исследования проводятся с учетом ряда следующих основных факторов.

1) содержание и действительная государственная важность защищаемых сведений;

2) данные об осведомленности спецслужб противника о защищаемых секретных сведениях;

3) данные об устремлениях спецслужб противника к защищаемым секретным сведениям;

4) данные о формах и методах сбора спецслужбами противника интересующей его разведывательной информации;

5) сведения о возможностях иностранных технических разведок и перспективах их развития;

6) учет всех возможных причин утечки сведений, отнесенных к государственной тайне, и обстоятельств, способствующих такой утечке.

Очевидно, что в силу специфики деятельности учреждений и органов ФСИН России основными факторами, которые необходимо учитывать при проведении аналитических исследований, являются первый и шестой.

В рамках настоящей статьи подробно рассматриваются аналитические исследования, при которых учитываются все возможные причины утечки секретных сведений и обстоятельства, способствующие такой утечке.

Практикой организации и проведения аналитических исследований (анализов) надежности и эффективности обеспечения режима секретности выработана определенная наиболее целесообразная последовательность проведения таких исследований. Так, принято условно делить весь процесс исследования на четыре этапа.

Рассмотрим содержание, цели, задачи аналитических исследований и методы их решения последовательно на всех этапах.

Подготовительный этап

В ходе названного этапа решаются следующие задачи.

1. Уточнение и четкое формулирование целей аналитического исследования:

1) выявление фактической возможности утечки секретных сведений, в том числе по демаскирующим признакам, косвенным признакам и второстепенным данным с учетом особенностей дислокации и деятельности учреждений и органов ФСИН России;

2) выявление вопросов в деятельности учреждений и органов ФСИН России, наиболее уязвимых с точки зрения возможности утечки секретных сведений, определение причин и обстоятельств, способствующих возникновению возможностей утечки секретных сведений;

3) оценка надежности и эффективности действующей системы защиты государственных секретов и практической реализации этой системы в учреждениях и органах ФСИН России.

2. Предварительное изучение информации.

Предварительное изучение материалов заключается:

– в совместном с соответствующими специалистами определений (вычленении) наиболее важных сведений, составляющих государственную тайну, которые подлежат особой защите от утечки (с учетом содержания Перечня сведений, подлежащих засекречиванию, Министерства юстиции Российской Федерации);

– фиксации распределения информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, по носителям, документам, структурным подразделениям учреждений и органов ФСИН России, сторонним организациям;

– определении круга структурных подразделений, располагающих подлежащими особой защите сведениями, составляющими государственную тайну, объема этих сведений, а также структурных подразделений учреждений и органов ФСИН России, в которых необходимо проводить анализ организации и состояния режима секретности;

– определении сторонних организаций (предприятий, учреждений) и решений, на основании которых они принимают участие в совместных секретных работах, а также необходимой и фактически предоставленной информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну.

3. Подбор состава рабочих групп. Один из основных принципов в этой работе состоит в соединении усилий руководящего, научного, инженерно-технического состава режимно-секретных подразделений, иных структурных подразделений по защите государственной тайны учреждений и органов ФСИН России в интересах обеспечения высокого качества аналитических исследований.

Участие руководящих, научных, инженерно-технических работников учреждений и органов ФСИН России в аналитических исследованиях не только положительно влияет на профессиональный уровень этих исследований и их результаты, но и сопровождается более глубоким изучением специалистами всех руководящих материалов по вопросам организации и обеспечения режима секретности в уголовно-исполнительной системе, способствует привитию специалистам практических навыков по своевременному выяв-

лению и устранению возможных каналов утечки секретных сведений в их повседневной работе, повышает чувство ответственности за обеспечение сохранения государственной тайны и режима секретности проводимых ими секретных работ.

Всего лишь двухлетняя практика проведения ряда аналитических исследований режимно-секретным отделом аппарата директора ФСИН России совместно с отделом методологического обеспечения защиты государственной тайны и информации в уголовно-исполнительной системе ФБУ НИИИиПТ ФСИН России показала, что специалисты, привлекаемые к таким исследованиям, в дальнейшем иницируют разработку и внедрение методических рекомендаций по совершенствованию режима секретности в учреждениях и органах ФСИН России.

4. Разработка рабочего плана анализа, методических рекомендаций и организационно-распорядительных документов для учреждений и органов ФСИН России.

Качество рабочего плана анализа и методических рекомендаций, их полнота и всесторонность имеют особое значение для глубины последующего аналитического исследования.

Практикой выработана определенная структура рабочего плана, в котором должны быть отражены:

- наименование вопроса, по которому предполагается провести аналитическое исследование;
- цель аналитического исследования;
- краткое описание проделанной подготовительной работы;
- основные и частные вопросы, подлежащие анализу;
- учреждения и органы ФСИН России, в которых намечается проведение исследования;
- сроки начала и окончания работ;
- ответственные исполнители за проведение анализа по каждому основному или частному вопросу;
- методические рекомендации участникам анализа;
- субъекты, обобщающие материалы анализа, и сроки представления итоговых материалов руководству ФСИН России.

Каждый вопрос плана аналитического исследования согласовывается в рабочем

порядке с ответственными исполнителями до утверждения плана директором ФСИН России.

Первый опыт проведения аппаратом директора ФСИН России аналитических исследований, интерпретация их результатов и подготовка обзора о состоянии работ по защите государственной тайны в территориальных органах ФСИН России показал, что не следует ограничиваться изданием организационно-распорядительного документа, предписывающего исполнителям представить информацию по установленным формам. Развернутый план аналитических исследований с приложением необходимых формализованных и нормативных документов, утвержденный приказом директора ФСИН России, несомненно, позволит в дальнейшем повысить качество аналитических исследований, их достоверность и надежность, выработки лицом, принимающим решение, мер, адекватных результатам проведенных аналитических исследований.

5. Подготовка участников аналитического исследования к работе. Организовать и провести комплексное аналитическое исследование с целью выявления и устранения всех возможностей утечки государственных секретов нельзя без тщательной всесторонней подготовки, инструктажа ведущих специалистов, привлекаемых к этой работе.

Общий инструктаж, как правило, проводится руководством аппарата директора ФСИН России, а детальный методический инструктаж – руководителем рабочей группы.

Исследовательский этап

Это трудоемкий и ответственный этап. Он требует от участников аналитического исследования достаточно глубоких знаний различных сторон оперативно-служебной деятельности учреждений и органов ФСИН России, изобретательности в выявлении возможных каналов утечки секретных сведений, добросовестности и принципиальности.

Как показала практика, при проведении аналитического исследования в области защиты государственных секретов применяются различные частные методы, носящие специфический характер. Однако есть общие методы, которые успешно используются любым исследователем на всех этапах исследовательского процесса и в самых различных областях знаний. Такие общие

методы сохраняют свое значение для множества проблем в самых различных областях человеческой деятельности, ибо они указывают направление и общий подход к исследуемой проблеме.

Определенные трудности при проведении исследований возникают в связи с отсутствием в настоящее время разработанных и проверенных на практике конкретных методик аналитических исследований в области защиты государственных секретов.

Поскольку аналитические исследования в учреждениях и органах ФСИН России проводились в основном методом опроса, в рамках настоящей статьи они будут рассмотрены подробнее. Основные формы опроса: анкетирование, интервьюирование, метод Дельфы, мозговой штурм, дискуссия.

По нашему мнению, из-за большого количества участников аналитических исследований в области защиты государственных секретов, значительной разобщенности по месторасположению учреждений и органов ФСИН России основной формой опроса должно стать анкетирование с частичным применением удаленного (с использованием средств связи) интервьюирования отдельных участников опроса для уточнения, корректировки и детализации получаемых сведений.

Таким образом, второй этап аналитических исследований реализуется посредством применения различных методов, приемов либо уже готовых конкретных методик анализа. В ходе данного этапа решается ряд задач.

1. Организация работы специалистов, привлеченных к аналитическому исследованию. Во время проведения работы при изучении того или иного вопроса, относящегося к обеспечению сохранения государственных секретов, у специалистов могут возникнуть некоторые трудности. Задачей организаторов аналитического исследования является разъяснение, оказание методической помощи участникам анализа в уяснении трудных вопросов.

В ходе контактов с исполнителями секретных работ и документов, личного ознакомления с фактическим состоянием обеспечения секретности работ, изучения документов, имеющих отношение к исследуемому вопросу, у членов рабочих групп создается определенное представление о фактическом состоянии организации и обеспе-

чения режима секретности в учреждении или органе ФСИН России; недостатках и оmissions в обеспечении защиты государственных секретов; возможных каналах утечки секретных сведений, причинах и обстоятельствах, которые могут способствовать утечке государственных секретов.

2. Оперативное устранение недостатков. Организаторы аналитического исследования оперативно устраняют выявленные членами рабочих групп недостатки в обеспечении режима секретности, не ожидая конца всего исследования. С этой целью непосредственные участники анализа должны поддерживать тесный контакт с аппаратом директора ФСИН России, в частности режимно-секретным отделом, руководство которого при выявлении быстро устранимых недостатков сможет немедленно принять адекватные меры.

В тех случаях, когда в ходе обработки результатов опроса члены рабочей группы сталкиваются с явными нарушениями установленного режима секретности, невыполнением отдельными должностными лицами своих непосредственных обязанностей по обеспечению режима секретности или недостатками режима секретности, которые требуют немедленного устранения, целесообразно использовать следующий опыт. В указанных случаях члены рабочей группы составляют некий проект решения, в котором указывается структурное подразделение учреждения или органа ФСИН России, где обнаружена возможность утечки секретов, излагается суть установленного недостатка режима секретности или нарушения, указываются меры по его устранению и срок устранения. Решение подписывают члены рабочей группы, оно согласовывается с режимно-секретным отделом, в рабочем порядке – с руководителями режимно-секретного подразделения и структурного подразделения, где обнаружена возможность утечки секретов, учреждения или органа ФСИН России и утверждается начальником аппарата директора ФСИН России. Такие решения подлежат обязательному исполнению, которое может контролироваться автоматизированной системой контроля.

3. Составление итоговых документов по результатам опроса (результаты аналитических исследований, обзор состояния работы по защите государственных секретов в уч-

реждениях и органах ФСИН России, справки, статистические отчеты и т. п.).

По результатам изучения и анализа результатов опроса подготавливается обзор состояния работы по защите государственной тайны в учреждениях и органах ФСИН России. Обзор подписывается директором ФСИН России и рассылается в учреждения и органы ФСИН России, в которых проводились аналитические исследования.

В указанный этап входит последняя задача исследовательского этапа.

Создание итоговых документов.

Основной объем работы на этапе создания итоговых документов выполняет организатор аналитического исследования, режимно-секретный отдел аппарата директора ФСИН России и аналитическая группа, обобщающая полученные в результате проведенного анализа материалы.

Практикой выработана определенная структура обзора. В нем необходимо отразить:

- наименование вопроса или условное наименование темы (заказа, проекта), по которым проводились аналитические исследования (например, анализ организации и состояния работы по защите государственной тайны в учреждениях и органах ФСИН России (отдельно в территориальных органах или образовательных учреждениях или структурных подразделениях ФСИН России, в зависимости от преследуемой цели);

- цель аналитического исследования;
- вопросы, изученные в процессе анализа;
- общее количество опрашиваемых учреждений и/или органов ФСИН России;

- наименование структурных подразделений ФСИН России, проводивших методический инструктаж и осуществлявших методическое руководство рабочей группой;

- комплексную оценку состояния режима секретности в общем или по изученной теме, вопросу («удовлетворительно», «неудовлетворительно»);

- установленные недостатки, упущения, нарушения режима секретности;

- выявленные возможности утечки секретных сведений, причины и обстоятельства, способствовавшие возникновению таких ситуаций;

- имевшие место факты утечки секретных сведений, возможные последствия, которые могут наступить в результате утечки секретов;

- предложения по улучшению организации состояния режима секретности и совершенствованию системы сохранения государственных секретов в учреждениях и/или органах ФСИН России.

Одновременно с обзором, как правило, может разрабатываться проект приказа директора ФСИН России по результатам проведенного анализа.

Конкретные меры по предупреждению утечки государственных секретов могут представляться также в виде отдельного плана мероприятий по реализации результатов аналитического исследования с указанием сроков исполнения и конкретных исполнителей.

При разработке данных документов целесообразно придерживаться некоторых правил, выработанных и проверенных практикой организации и проведения аналитических исследований, в том числе в области защиты государственных секретов.

Реализация результатов аналитических исследований и контроль

Четвертый этап предполагает решение следующих задач.

1. Реализация результатов аналитических исследований. В решении именно этой задачи заключается основная цель проведения аналитического исследования по вопросам предупреждения утечки секретных сведений. Для ее решения необходимо:

- довести до сведения соответствующих руководителей учреждений и органов ФСИН России утвержденные директором ФСИН России меры по совершенствованию режима секретности (выводы и предложения обзора о состоянии работы по защите государственной тайны);

- в дальнейшем проверить, как практически работают вновь внедренные меры, достигается ли та цель, которая ставилась разработчиками этих мер, не допустить формализма и дискредитации предложенных мероприятий.

Следует отметить, что аналитические исследования по вопросам предупреждения утечки государственных секретов (как вообще любые прикладные исследования) включают в себя разработку и внедрение мер по результатам проведенных анализов. Это принципиальное положение, и нарушение данного принципа ведет, как свидетельствует практика, к отрыву аналитических исследований от практических потребностей и задач по обеспечению

сохранения секретов учреждений и органов ФСИН России, проведению анализов ради анализов, а также уходу от жизни в теоретические, чаще всего схоластические дебри необоснованных рассуждений и предположений.

2. Контроль за исполнением разработанных режимных мероприятий. После рассылки обзора о состоянии работы по защите государственной тайны в учреждениях и органах ФСИН России в контрольную картотеку (которая может вестись автоматизированно) заносится следующая информация:

- нарушение режима секретности, возможность утечки секретной информации и место вскрытия в ходе аналитического исследования;

- меры по устранению недостатков в режиме секретности, утвержденные руководством ФСИН России, субъекты-исполнители и срок исполнения;

- субъекты, осуществляющие контроль за качеством и сроками выполнения мероприятий.

Контрольная картотека позволяет систематизировать контроль за исполнением мероприятий по совершенствованию режима секретности по учреждениям и органам ФСИН России, срокам исполнения, видам нарушений и т. п.

Данная информация позволяет начальнику режимно-секретного отдела аппарата директора ФСИН России:

- своевременно принять меры по устранению вскрываемых недостатков режима секретности;

- определить факты совпадения отдельных событий на объекте с определенными нарушениями;

- использовать эти факты при проведении воспитательно-профилактической работы;

- планировать первоочередные мероприятия по предупреждению утечки секретных сведений;

- с большей экономической целесообразностью формировать план-график контрольных проверок состояния режима секретности.

Библиографический список

1. Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях / под ред. В. Г. Андреевкова, А. И. Орлова, Ю. Н. Толстовой. М., 1985.

2. О государственной тайне : закон Рос. Федер. : [от 21 июля 1993 г. № 5485-1] // СЗ РФ. – 1997. – № 41. – С. 8220–8235 ; Рос. газ. – 1993. – 21 сент.

3. Орлов, А. И. Статистика объектов нечисловой природы в экспертных оценках / А. И. Орлов // Прогнозирование научно-технического прогресса : тез. докл. III Всесоюз. науч. шк. – Минск, 1979. – Ч. 1.

4. Тюрин, Ю. Н. Анализ нечисловой информации / Ю. Н. Тюрин [и др.]. – М., 1981.

О. О. Спицына,

преподаватель кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин

Краснодарского филиала ВЮИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Современные модернизационные процессы, происходящие в российском обществе, направленные на формирование нового нормативного порядка, осложняются целым рядом факторов, так или иначе негативно влияющих на позитивный вектор государственно-правового развития. Подобное

положение структурной, институциональной и ценностно-мировоззренческой неопределенности, усиленное деформацией общественного правосознания, открывает простор противникам нынешней стабильной России для манипуляции общественным сознанием и коллективным поведением.

Несомненно, что правосознание является регулятором юридически значимого поведения, именно поэтому данной категории отводится такое важное значение. Большинство авторов рассматривают правосознание как совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным. Безусловно, что определенные категории граждан по-разному оценивают правосознание. В рамках настоящей статьи

в центре нашего внимания будут находиться представления сотрудников ФСИН России по данному вопросу.

Результаты проведенного нами социологического опроса показывают, что большинство сотрудников ФСИН России (29,7 %) под понятием «правосознание» подразумевают «знание правовых норм, оценку правовых норм, информированность о правовых нормах». Подобная точка зрения в основном является характерной для молодых людей в возрасте до 30 лет и представителей офицерского состава, как младшего, так и старшего поколения. Причем старшее поколение под правосознанием понимает «совокупность правовых знаний и чувств».

Кроме того, представление о понятии «правосознание» у служащих различных составов неодинаковое. Так, большая часть сотрудников начальствующего, медицинского и водительского составов определяет данное понятие как «знание правовых норм». Для оперативного и оперативно-технического составов смысл рассматриваемого понятия заключается в «соответствии реального поведения сотрудника требованиям закона», а сотрудники оперативно-постового, инженерно-технического и хозяйственного составов правосознанием называют «совокупность правовых знаний и чувств».

Также следует заметить, что понятие «правосознание» имеет различный смысл для сотрудников, имеющих боевой опыт, и тех, кто не принимал участия в боевых действиях. Для первых правосознание – это, прежде всего, «соответствие реального поведения сотрудника требованиям закона» (40,3 %), вторые под правосознанием подразумевают «знание правовых норм» (35,9 %). Налицо следующая зависимость: сотрудники, имеющие боевой опыт, смысл понятия «правосознание» видят прежде всего в *действии, соответствующем закону*, а для сотрудников, не принимавших участия в боевых действиях, правосознание заключается в *знании закона*.

Подобная поляризация взглядов, с нашей точки зрения, на правосознание происходит, с одной стороны, из-за различия в оценочных отношениях к праву вообще и правовой реальности, в частности. С другой стороны, представляется, что для большинства участников опроса правосознание со-

трудников зависит от качества их подбора и расстановки сотрудников.

Основная масса сотрудников уверена, что уровень правосознания повышается по мере их продвижения по службе (69 %), причем эта точка зрения в большей степени проявляется у младших офицеров. Кроме того, большинство служащих согласны с существованием следующей зависимости: чем выше уровень правосознания, тем выше уровень профессионализма (57,2 %).

Правосознание с точки зрения современной юридической науки можно представить как сложную социально-психологическую категорию, включающую ряд когнитивных и поведенческих установок. Когнитивная составляющая правосознания – это объем правовых знаний и степень готовности к познанию новой правовой информации. Под поведенческими установками подразумевается степень освоенности правовых норм и готовности к правомерному поведению. В случае же незначительных отклонений от правомерного поведения у индивида может развиваться деформация правосознания и тем самым спровоцировать девиационные процессы.

Результаты проведенных нами исследований свидетельствует, что большая часть сотрудников ФСИН России иногда испытывают недостаток правовых знаний при решении служебных вопросов. Вместе с тем настораживает тот факт, что количество сотрудников, часто испытывающих недостаток в юридических знаниях, преобладает над теми, у кого такого недостатка нет (21,6 % и 19 % соответственно).

Что касается степени и желания воспринимать правовую информацию, то приведенные данные говорят о том, что еще далеко не все сотрудники стараются приобщиться к юридическим знаниям, следить за обновлением законодательства, изучать правовую литературу. Регулярно расширяют свой юридический кругозор всего 30,7 %, причем наиболее сознательными в этом смысле оказались начальствующий состав (особенно старшие офицеры), служащие, имеющие боевой опыт, люди с высшим специальным образованием. Такой же процент опрошенных (30,7 %) старается знакомиться только с теми правовыми актами, которые необходимы по службе (в основном младший на-

чаествуемый состав). От случая к случаю знакомятся с новой правовой документацией 16 % респондентов (наиболее явно такую установку демонстрирует оперативно-технический состав и сотрудники, имеющие среднее образование), 12,7 % сотрудников, представителей инженерно-технического и водительского составов знакомятся только с теми материалами, которые могут пригодиться в службе. Отрадно отметить, что вообще ни с чем не знакомятся только 7 человек.

Касаясь оценок участников опроса относительно состояния правовой информированности сотрудников их подразделений, отметим, что большинство опрошенных считает ее удовлетворительной (68,8 %). Из тех, кто дал неудовлетворительную оценку состоянию правовой информированности в подразделениях, 32,6 % (большинство) уверены, что всему виной «загруженность по работе», 20 % считают, что на это состояние влияет «слабая обеспеченность нормативно-правовым материалом», 25,3 % причиной называют «отсутствие квалифицированных специалистов».

Подавляющее большинство опрошенных всегда придерживаются норм законов и ведомственных приказов в служебной деятельности (71,6 %), что говорит об очень высоком уровне профессионального правосознания и правовой культуры. Стремление соотносить свое поведение согласно предписаниям законов и приказов, по мнению большинства опрошенных (54,4 %), в основном достигает своего результата. Тем не менее 33,2 % из тех, кто выражает подобное стремление, считают, что такое нормативно одобряемое поведение иногда заканчивается неудачей.

Наиболее значимой причиной соблюдения юридических и служебных норм является, по мнению участников опроса, «внутренняя убежденность в необходимости их соблюдать» – 33,7 %. Второй по значимости причиной является «боязнь привлечения к ответственности за нарушение запретов» (19,9 %), третьей – «совпадение личных интересов с требованиями запретов» (16 %). Самой непопулярной причиной является следующая позиция: «...соблюдаю потому, что так себя ведут другие сотрудники».

Среди сотрудников отмечены те, кто не считает необходимым придерживаться норм законов в служебной деятельности

(28,4 %). Мотивы такого поведения в большинстве случаев объясняются целями упрощения выполнения поставленной задачи (44,8 %). Не последнюю роль здесь играют «жизненные реалии» (33,3 %).

Вместе с тем, несмотря на то, что подавляющее большинство сотрудников придерживается норм законов и ведомственных приказов в своей служебной деятельности, многие из них указали на то, что в реальности им приходится нарушать их, но все же 38,6 % стараются этого не допускать. Иногда, как указывает большая часть опрошенных, приходится нарушать ведомственные приказы и инструкции для «достижения результатов работы» (31,4 %). Нарушить приказ ради дела можно в любое время, считают 17 % опрошенных; 13,1 % сотрудников нарушают приказы в том случае, если считают их нецелесообразными, т. е. в последнем случае на первый план выступает субъективный оценочный компонент.

Данные о характере когнитивных и поведенческих установок сотрудников ФСИН России позволяют выделить следующие четыре группы сотрудников в зависимости от уровня их правосознания (т. е. глубины отражения правовой реальности).

Первая группа включает сотрудников с высоким уровнем правосознания, которые стараются знакомиться практически со всеми публикуемыми нормативными документами (законами, указами, постановлениями органов власти, ведомственными приказами и распоряжениями) и лишь иногда испытывают недостаток в правовых знаниях при решении служебных вопросов, всегда придерживаются норм законов и ведомственных приказов в служебной деятельности и никогда не нарушают ведомственных приказов и инструкций (47,4 %). Вторая группа сотрудников отличается средним уровнем правосознания, когда сотрудники знакомятся только с теми нормативными актами, которые необходимы по службе, иногда испытывают недостаток в правовых знаниях при решении служебных вопросов, всегда придерживаются норм законов и ведомственных приказов, но считают, что ради дела ведомственные приказы и инструкции нарушить можно (19 %). Третья группа характеризуется низким уровнем правосознания сотрудников, которые знакомятся с

публикуемыми нормативными документами лишь изредка и только с теми, которые могут пригодиться в жизни, иногда испытывают недостаток в правовых знаниях, конформны нормам закона и ведомственных приказов, стараются их придерживаться, но иногда нарушают ведомственные приказы и инструкции для достижения результатов в работе (21,2 %). Четвертую группу составляют сотрудники, которые изредка знакомятся с публикуемыми законами, указами, приказами и распоряжениями, которые могут пригодиться в жизни, и при этом не испытывают недостатка в правовых знаниях при решении служебных вопросов. Представители этой группы, в отличие от первых трех, не всегда придерживаются норм законов и ведомственных приказов и считают, что для достижения результата работы нарушить их можно (12,4 %).

В процессе анализа результатов опроса было установлено, что от уровня правосознания существенно зависит направленность представлений о правосознании. Так, большинство респондентов, имеющие высокий уровень правосознания, под последним понимают «знание правовых норм» (42,8 %). Средний и низкий уровни правосознания порождают представление о нем, как о поведении, соответствующем требованиям закона (31,0 и 38,5 % соответственно). А вот для сотрудников, имеющих очень низкий уровень правосознания, его смысл заключается в «умении использовать правовые нормы в своих целях» (26,3 %), а также – в ином (36,8 %).

На основе проведенного анализа результатов исследования нами составлены социально-демографические характеристики респондентов в каждой группе (см. таблицу).

Социальная характеристика	Уровень правосознания, %			
	Высокий	Средний	Низкий	Очень низкий
1. Категория сотрудников				
прапорщики	43,0	17,6	26,7	12,7
младшие офицеры	50,6	23,5	12,9	12,9
старшие офицеры	53,8	20,5	15,4	10,3
2. Состав по должности				
начальствующий	75,9	9,3	7,4	7,4
оперативный	60,4	18,9	11,3	9,4
оперативно-постовой	47,7	29,5	6,8	15,9
оперативно-технический	27,8	30,6	27,8	13,9
инженерно-технический	35,3	17,6	32,4	14,7
хозяйственный	26,0	12,0	48,0	14,0
медицинский	60,0	20,0	10,0	10,0
водительский	27,3	18,2	36,4	18,2
3. Образование				
основное общее (9 классов)	16,7	8,3	54,2	20,8
среднее полное общее (11 классов)	46,7	20,0	20,0	13,3
начальное профессиональное (ПТУ)	46,2	19,2	26,9	7,7
среднее профессиональное (техникум)	32,3	22,6	35,5	9,7
среднее специальное	35,4	33,3	14,6	16,7
высшее профессиональное (гражданский вуз)	60,0	17,8	13,3	8,9
высшее военное	48,4	25,8	12,9	12,9
высшее специальное	75,0	3,8	11,5	9,6
4. Возраст, лет				
до 30	57,8	14,7	21,6	6,0
от 30 до 40	39,5	19,8	21,6	19,1
от 40 до 50	47,8	30,4	21,7	

* Жирным шрифтом выделена наиболее представительная в данной категории кластерная группа

В ходе исследования выявлены следующие социально-психологические факторы, оказывающие влияние на уровень правосознания сотрудников ФСИН России.

Фактор 1. Степень информированности о своих основных (конституционных), должностных и специальных правах. Уровень правосознания снижается, если сотрудник не имеет полной информации о своих правах. Особенно данная зависимость проявляется в степени информированности о гражданских, политических, должностных и социальных правах.

Фактор 2. Оценка уровня социально-правовой защищенности. Сотрудники, высоко оценивающие уровень защищенности такими правовыми гарантиями, как Конституция РФ, законы, регламентирующие деятельность силовых ведомств, указы Президента РФ, Правительства РФ, имеют высокий уровень правосознания. Не оказывает влияния на уровень правосознания оценка социально-правовой надежности ведомственных приказов и контракта на службу.

Фактор 3. Степень удовлетворенности условиями контракта на службу. Чем ниже уровень правосознания, тем меньше удовлетворенность условиями контракта. Так, большинство респондентов, имеющих очень низкий уровень правосознания, совершенно не удовлетворены этими условиями (34,2 %).

Фактор 4. Оценка соотношения взаимобязательств между ФСИН России и ее сотрудниками. Основная масса сотрудников, имеющих высокий уровень правосознания, позитивно оценивают баланс взаимобязательств – они равны и конкретизированы. Большинство респондентов со средним и низким уровнями правосознания считают, что четко определены только их взаимобязательства, а служащие, демонстрирующие очень низкий уровень правосознания, видят дисбаланс в сторону определенности обязательств у ФСИН России.

Фактор 5. Представление о наличии качественной определенности правосознания сотрудников ФСИН России. Для сотрудников, имеющих высокий уровень правосознания, последнее не просто философская

категория – это понятие имеет для них конкретное качественное наполнение. Не задумывались над этим вопросом в основном сотрудники, имеющие средний уровень правосознания, а низкий и очень низкий уровни правосознания порождают отрицание его (правосознания) качественной специфики.

При оценке респондентами уровня правосознания сотрудников подразделения, в котором они служат, были получены следующие ответы: 38,6 % участников опроса дали высокую оценку этому уровню, при этом необходимо заметить, что и младший, и старший офицерский состав в основном уровень правосознания в своем подразделении считают удовлетворительным; низкий уровень правосознания в своем подразделении отметили сотрудники медицинского (70 %), инженерно-технического (38,2 %), оперативно-постового (50 %) составов; высокий уровень – представители начальствующего (55,6 %), оперативно-технического (50 %), хозяйственного (38 %) и водительского (45,5 %) составов.

Таким образом, исходя из данных проведенного опроса, можно сделать вывод, что специфика правосознания на индивидуальном уровне составляет качественную основу поведенческого фона большинства сотрудников ФСИН России. При этом общий уровень профессионального правосознания отличается достаточно высокими показателями. Вместе с тем в отношении определенной части сотрудников необходимо проводить целенаправленную работу по повышению их общей культуры, профессиональной подготовки и формированию профессионального правосознания и правовой культуры.

Библиографический список

1. *Караваев, А. Ф.* Введение в педагогику органов внутренних дел : учеб. пособие / А. Ф. Караваев, Т. Н. Кильмашкина. – Омск, 2002.
2. *Общая теория права и государства :* учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2000.
3. *Черданцев, А. Ф.* Теория государства и права : учеб. для вузов / А. Ф. Черданцев. – М., 1999.

Ю. А. Тайгозин,
начальник Кировского филиала
Академии ФСИН России

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ РЕЖИМА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

Режим является структурным элементом целостной системы средств исправления осужденных или, как принято говорить в теории управления, ее подсистемой. Поскольку структурный элемент любой системы создается для исполнения определенной функции-задачи, то в функциях режима проявляется его сущность. Однако разные ученые по-разному определяют суть функций режима.

Так, А. И. Васильев к функциям режима в местах лишения свободы относит: карательную; обеспечение эффективного применения мер исправительно-трудового воздействия; воспитательную; регулирования уголовно-правовой кары; частного и общего предупреждения.

Ф. С. Бражник отмечает, что режим исполнения и отбывания наказания выполняет функции: реализации кары, т. е. восстановления социальной справедливости; воспитания в осужденном сознания необходимости соблюдать установленный порядок; ресоциализации – привития социально полезных качеств; создания условий для применения других средств исправления¹.

По мнению С. И. Курганова, только при лишении свободы в полной мере реализуются все функции режима: карательная, превентивная, обеспечивающая, воспитательная².

В последних изданиях, в том числе и учебниках по уголовно-исполнительному праву, выделяют режим лишения свободы с точки зрения обеспечения реализации следующих функций. Например, В. И. Селиверстов называет карательную, воспита-

тельную, обеспечивающую, социального контроля (профилактическую)³.

В. Е. Южанин считает, что, помимо установления порядка реализации наказания, режим выполняет и иные функции. К ним он относит такие, как:

- создание условий для применения других средств исправления;
- воспитательная;
- регулирование уголовно-правовой кары (правоограничений, установленных для осужденных);
- общее предупреждение преступлений;
- частное предупреждение преступлений;
- социальный контроль⁴.

Для определения сущности каждой функции рассмотрим их более подробно.

Суждение, что карательная функция реализуется путем установления различных правоограничений осужденным в процессе отбывания наказания, находит свое отражение практически у всех перечисленных авторов. Режим, по мнению В. А. Уткина, дает для мер исправительно-трудового воздействия своего рода точку опоры, благодаря которой организация и восприятие мер исправительно-трудового воздействия проходит более предметно и облегчает целенаправленность самовоспитания. Поэтому, как правильно отмечают некоторые ученые, режим имеет функцию создания условий для применения других средств исправления, поскольку процесс исправления имеет принудительный характер.

Режимные требования определяют порядок привлечения осужденных к труду (обязанность осужденных трудиться), посещения воспитательных мероприятий, установленных распорядком дня, и участие осужденных в проводимых воспитательных мероприятиях учитывается при определении степени их исправления, а также при применении мер поощрения и взыскания.

Посредством режимных требований реализуется такое важное средство исправления, как получение общего образования и профессиональная подготовка. В законе определено, что

¹ См.: Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: Учеб. для вузов / Под общ. ред. засл. юриста РФ М. К. Кислицына. М., 2001. С. 82–88.

² См.: Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». М., 2004. С. 40.

³ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. В. И. Селиверстова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 302.

⁴ См.: Туманов Г. А. Организация исполнения управленческих решений в органах внутренних дел. М., 1971. С. 5.

для осужденных до 30 лет является обязательным получение основного общего образования (ч. 1 ст. 112 УИК РФ), а для лиц, не имеющих специальности, обязательна профессиональная подготовка (ч. 1 ст. 108 УИК РФ).

Общественное воздействие впервые включено в законодательство в качестве одного из средств исправления. Положение ч. 2 ст. 9 УИК РФ нашло свое отражение в различных статьях уголовно-исполнительного законодательства. Так, в ст. 23 УИК РФ подчеркивается, что общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимают участие в исправлении осужденных. Особый акцент делается на участии общественных объединений в работе воспитательных колоний.

Воспитательная функция выражается в том, что в процессе реализации уголовно-правовой кары достигается задача исправления осужденного. В законе прямо указывается, что режим – одно из основных средств исправления осужденного. Именно в этом состоит его гуманная, воспитательная сущность, поскольку принуждение воспитывает человека, формирует у него полезные привычки, качества, навыки к постоянному соблюдению предписанных правил поведения, необходимые в обществе. Это возможно только тогда, когда режим сочетается с другими средствами исправления.

Режим выполняет также функции общего и частного предупреждения. Частнопредупредительная функция реализуется: путем изоляции осужденных и постоянного надзора за ними; точного и неуклонного выполнения ими обязанностей; цензуры корреспонденции; досмотра посылок, передач, бандеролей; применения мер взыскания и безопасности; проведения оперативно-розыскных мероприятий; использования технических средств надзора и контроля. Эти меры непосредственно направлены на профилактику совершения осужденным нового преступления. Принудительный порядок отбывания наказания вызывает у лиц, уже отбывших наказание, чувство неприязни, а порой и страха перед будущим наказанием, что удерживает их от совершения преступления. Но гражданами, не подвергшимися наказанию и имеющими обыденное представление о деятельности исправительного учреждения, такой порядок воспринимается абстрактно, в соответствии с уровнем правосознания, как нечто такое, что может повлечь за собой неприятные изменения привычного образа жизни.

Функция социального контроля распространяется на трудовую деятельность осужденного, поведение в быту, за пределами исправительного учреждения. Реализация этой функции неразрывно связана с правовым статусом осужденного: чем строже режим отбывания наказания, тем интенсивнее реализуется функция социального контроля. Сущность данной функции заключается в следующем: администрации исправительного учреждения предоставлено право осуществления контроля по соблюдению осужденными правил внутреннего распорядка, правил взаимоотношения с осужденными, соблюдение режимных требований на прилегающей территории.

Все функции режима как порядка исполнения и отбывания лишения свободы реализуются комплексно и направлены на достижение одной цели – исправление осужденного. Каждая из них, осуществляясь самостоятельно, создает одновременно условия для успешной реализации всей совокупности функций.

Рассматривая вопрос содержания порядка исполнения и отбывания лишения свободы можно констатировать, что только должным образом организованный режим создает условия для эффективного применения средств исправительного воздействия на осужденных.

Понятие «организация» в специальной литературе рассматривается в двух основных аспектах: как состояние управляемого объекта (системы) и как функция управления. При этом подчеркивается, что организация как функция управления – это деятельность по построению и совершенствованию структуры какой-либо социальной системы, а также деятельность по проведению в жизнь управленческих решений. В этом смысле организация «является центральным рабочим элементом управленческого цикла», а «организационные моменты буквально пронизывают всю деятельность по управлению». Разграничивая понятия «управление» и «организация», А. Г. Перегудов отмечает, что «управление применимо только к организации. Нет организации – нет системы, процессов, а значит, управлять нечем. Из этого следует, что организация всегда является первичной по отношению к управлению»¹.

¹ См.: Перегудов А. Г. О значении понятий «цель», «задача», «функция» в управлении исправительно-трудовой колонии // Проблемы функционирования органов, исполняющих наказания: Тр. Акад. МВД СССР. М., 1987. С. 27.

По своему содержанию организация режима в исправительных учреждениях – явление многоплановое и требует детального анализа. В качестве необходимых компонентов процесса организации режима выступают субъекты в лице сотрудников уголовно-исполнительной системы. Однако четкое их функционирование возможно только в результате приведения в действие механизма реализации функциональных обязанностей сотрудников.

Организация режима находится в основе образования исправительного учреждения как системы, которая, в свою очередь, обладает определенными признаками, основными из которых являются: границы (параметры функционирования) системы, внутренняя структура системы, взаимосвязь элементов единой системы, способность функционировать и взаимодействовать с иными внешними системами. В данном случае режим выступает как системообразующий фактор, позволяющий функ-

ционировать исправительным учреждениям в определенных законом параметрах. И для поддержания надлежащего функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы в пределах установленных параметров главным обстоятельством выступает управление, в том числе порядком исполнения и отбывания наказания в исправительном учреждении.

Библиографический список

1. Курганов, С. И. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. 021100 «Юриспруденция» / С. И. Курганов. – М., 2004.
2. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В. И. Селиверстова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.
3. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учеб. для вузов / под общ. ред. засл. юриста РФ М. К. Кислицына. – М., 2001.

О. Н. Шpileвой,
*соискатель кафедры организации
оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ОПЕРАТИВНЫМИ АППАРАТАМИ КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ

Деятельность по раскрытию преступлений, совершаемых в колониях-поселениях, заключается в проведении комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При этом процессуальная сторона указанных действий обеспечивается точным выполнением предписаний уголовно-процессуального закона, а производство оперативно-розыскных мероприятий в ходе раскрытия преступлений урегулировано иначе.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает только обязанность органов дознания принимать необходимые оперативно-розыскные меры в целях установления лиц, совершивших преступления (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»

от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ закреплены задачи, права и обязанности органов, осуществляющих данную деятельность, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, установлен их исчерпывающий перечень. Что касается правового регулирования организации и тактики осуществления оперативно-розыскных мер, в том числе направленных на раскрытие преступлений, то ст. 4 названного Закона носит бланкетный характер и отсылает к ведомственным нормативным актам¹.

Вместе с тем, как свидетельствует правоприменительная практика, при производстве органами дознания неотложных следственных действий возникает ряд проблем, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) вызванные несовершенством уголовно-процессуального законодательства и 2) недостатками организационно-тактического характера. В рамках настоящей статьи остановимся на первой из указанных группы проблем.

Исходя из анализа содержания действующих ведомственных приказов, инструкций, наставлений и указаний, регулирующих вопросы организации взаимодействия органов

¹ См.: Рос. газ. 1995. 18 авг.

внутренних дел МВД России и учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний ФСИН России в сфере оперативно-розыскной деятельности, можно сделать вывод о недостаточно детальной правовой регламентации взаимодействия данных правоохранительных структур по раскрытию, расследованию и предупреждению насильственных преступлений, в том числе убийств и причинения тяжкого вреда здоровью, в исправительных учреждениях. Так, половина изданных нормативных актов ставит лишь общие задачи по раскрытию преступлений и никак не конкретизирует способы решения этих задач.

В связи с этим, по мнению подавляющего большинства опрошенных нами оперативных работников, в настоящее время назрела необходимость в принятии нормативного акта, который регламентировал бы вопросы раскрытия преступлений в местах лишения свободы, поскольку его отсутствие является одной из причин неудовлетворительной организации оперативными аппаратами данного вида деятельности в пенитенциарных учреждениях, особенно колониях-поселениях.

Кроме того, потребность в подобном акте обуславливается следующими факторами:

- отсутствием комплексного нормативно-правового акта по вопросам организации и тактики раскрытия преступлений оперативными аппаратами МВД и ФСИН России;

- важностью четкого определения и разграничения прав и обязанностей субъектов взаимодействия во избежание дублирования и неправомерного вторжения деятельности одного структурного подразделения в деятельность другого;

- необходимостью полного исключения возможного нарушения прав и интересов государственных учреждений, организаций и отдельных граждан при раскрытии преступлений;

- необходимостью обеспечения режима законности в оперативно-розыскной деятельности при раскрытии преступлений.

На наш взгляд, указанный нормативный акт призван способствовать обеспечению быстрого и полного раскрытия каждого преступления и, следовательно, должен включать положения, предписания, практическое осуществление которых позволит использовать в раскрытии преступлений силы и средства всех аппаратов и служб органов внутренних дел, а также исправительных учреждений.

Необходимо, чтобы он целиком отвечал основным принципам деятельности по раскрытию преступлений: законности, полноты и объективности осуществляемых мероприятий, комплексного подхода к использованию сил и средств, координации и взаимодействия, использования помощи населения.

Согласно тексту данной статьи правовая основа указанной деятельности является составной частью правовой основы раскрытия преступлений, регламентированной соответствующими статьями УПК РФ и уголовно-исполнительным законодательством (ст. 84 УИК РФ), а организационно-тактические аспекты раскрытия преступлений должны регулироваться ведомственными нормативными актами.

Субъектами деятельности, связанной с раскрытием преступлений, являются орган дознания и следователь, каждый из которых наделен уголовно-процессуальным законом соответствующими полномочиями. Согласно п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ в исправительных учреждениях органами дознания выступают их начальники.

Вместе с тем начальник пенитенциарного учреждения, в частности, колонии-поселения, вправе поручить производство расследования того или иного преступления лицам начальствующего состава колонии, для чего он должен вынести постановление о возбуждении уголовного дела и в его резолютивной части указать лицо, которому поручается производство дознания (его должностное положение, звание, фамилию). Это будет являться правовым основанием для производства расследования названным в постановлении лицом. По нашему мнению, им может быть именно представитель начальствующего состава колонии, имеющий соответствующую юридическую подготовку, а не оперативный работник во избежание отвлечения его от проведения оперативно-розыскных мероприятий. Однако на практике нередко неотложные следственные действия при совершении убийств, причинении тяжкого вреда здоровью проводятся оперативными работниками колоний-поселений.

Исходя из смысла п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ компетенция начальника колонии-поселения по возбуждению уголовного дела ограничена. Она определяется характером преступления, пределами территориальной подследственности и субъектом преступления.

Производство по уголовному делу, осуществляемое органами дознания, в том

числе начальниками колоний-поселений, включает: принятие процессуальных решений, а также проведение неотложных следственных и розыскных действий в пределах полномочий, предоставленных уголовно-процессуальным законом.

Согласно ч. 2 ст. 150 УПК РФ по делам об убийствах, причинении тяжкого вреда здоровью обязательно предварительное следствие, поэтому дознание по ним производится по правилам ст. 146 УПК РФ.

В условиях колоний-поселений при совершении преступлений, подследственных органам предварительного следствия, возбуждение уголовных дел и проведение неотложных следственных действий в каждом третьем случае осуществляется органом дознания. Это объясняется рядом причин: значительным удалением колоний-поселений от УЛИУ, где находятся следственные отделения или группы; малочисленностью следственных работников; отсутствием устойчивой связи; нередко – бездорожьем и т. д. Более того, нередки случаи, когда в силу указанных причин уголовные дела указанной категории расследуются работниками колоний-поселений.

Начальник колонии-поселения, возбудив уголовное дело, должен произвести неотложные следственные действия по обнаружению и фиксации следов преступления. При этом УПК РФ в отличие от ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства¹ не содержит перечня таких действий, а предусматривает лишь цель, которую преследуют органы дознания при их совершении, – обнаружение и фиксация следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Это позволяет сделать вывод, что орган дознания вправе выполнить в качестве неотложного любое следственное действие при соблюдении условия, заключающегося в необходимости его безотлагательного проведения, и наличии преду-

смотренных уголовно-процессуальным законом оснований для этого².

Вместе с тем анализ уголовно-процессуального законодательства заставляет усомниться в правомерности производства органами дознания в качестве неотложных следственных действий задержания и иных мер процессуального принуждения по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Соотношение процессуального положения начальника колонии-поселения как органа дознания и лица, производящего дознание, основывается на требованиях уголовно-процессуального закона. Однако некоторые авторы считают, что это соотношение требует дальнейшей детальной регламентации³. Полагаем, что с данной точкой зрения можно согласиться и считаем необходимым разработать и принять специальную Инструкцию о производстве дознания в подразделениях и учреждениях ФСИН России, поскольку действующая Инструкция, объявленная приказом МВД СССР от 26 июня 1989 г., устарела и не учитывает современной организационно-правовой специфики исправительных учреждений.

Потребность в указанной Инструкции обусловлена специфическими условиями, в которых осуществляется деятельность начальника исправительного учреждения как органа дознания. В связи с этим в данном документе целесообразно регламентировать порядок приема, регистрации, рассмотрения, проверки и разрешения сообщений о преступлениях, включить в него развернутые рекомендации по методике производства неотложных следственных действий и первоначальных оперативно-розыскных мероприятий, организации и осуществлению взаимодействия начальника исправительного учреждения с органами предварительного следствия, другими органами дознания. На последнем из перечисленных положений остановимся подробнее.

Раскрытие преступлений – это совместная задача работников следственного аппарата и органов дознания, она определяет необходимость теснейшего взаимодействия между ни-

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР при наличии признаков преступления, по которым производство предварительного следствия обязательно, орган дознания возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей.

² Например, в ст. 182 УПК РФ закреплены основания и порядок производства обыска, в ст. 183 УПК РФ – основания и порядок производства выемки, в ст. 186 УПК РФ – основания и порядок производства контроля и записи переговоров.

³ См.: напр.: *Петров С. В.* Системный анализ проблемы дознания. М., 1997. С. 62.

ми. Содержание уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вопросы взаимодействия органов дознания и следствия, достаточно полно освещено в юридической литературе. В частности, авторы сходятся во мнении, что взаимодействие представляет собой основанную на законе и подзаконных актах согласованную деятельность следователей и органов дознания с целью наиболее успешного и эффективного выполнения ими задач уголовного судопроизводства¹.

Правовой основой взаимодействия следователя и органа дознания, в нашем случае – начальника колонии-поселения, являются уголовно-процессуальное законодательство и ведомственные нормативные акты. Нормативные положения, включенные в ст. 1, 20, 38, 40, 41, 86, 95, 113, 152, 157, 164, 210 УПК РФ, содержат уголовно-процессуальную регламентацию такого взаимодействия. Вместе с тем при реализации указанных в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ форм взаимодействия следователя с органами дознания возникает ряд вопросов, не получивших четкого правового регулирования.

Во-первых, в ст. 38 УПК РФ не прописан срок исполнения органом дознания поручений следователя о производстве розыскных и следственных действий, поэтому на практике данный вопрос решается в соответствии со ст. 152 УПК РФ, которой установлен 10-дневный срок выполнения отдельных поручений следователя.

Во-вторых, необходимо более четко обозначить пределы поручений следователя органу дознания. Иначе говоря, в законе надлежит конкретизировать, что свои поручения органу дознания о производстве следственных действий следователь должен давать, как правило, в случаях отсутствия у него возможности провести их лично (например, если необходимо одновременно или в сжатые сроки выполнить несколько следственных действий, а также когда данное следственное действие работник органа дознания произведет быстрее и оперативнее, чем следователь).

В-третьих, в уголовно-процессуальном законе целесообразно уточнить круг тех следственных действий, производство которых может быть поручено следователем органу доз-

нания, поскольку на этот счет в УПК РФ отсутствуют какие-либо прямые указания. По мнению некоторых авторов, следователь может давать поручения органу дознания о производстве следственных действий только в пределах п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Они мотивируют это тем, что иное противоречило бы точному смыслу ст. 38 УПК РФ, поскольку выполнение процессуальных действий вне рамок данной статьи требует высокой процессуальной культуры, соответствующих навыков ведения следствия, каковыми работники органов дознания в большинстве своем не обладают, а также тем, что по смыслу уголовно-процессуального закона это составляет исключительную компетенцию следователя². Нам же такое мнение представляется спорным по ряду причин:

а) в ч. 1 ст. 157 УПК РФ речь идет о неотложных следственных действиях, а не о следственных действиях вообще, причем по делам, по которым обязательно предварительное следствие, т. е. законодатель предполагает, что органу дознания достаточно произвести ряд неотложных следственных действий и совсем не обязательно производить другие следственные действия, поскольку эти дела подлежат передаче следователю;

б) в ст. 38 и 152 УПК РФ законодатель не содержит предписаний относительно круга следственных действий, производство которых следователь мог бы поручить органу дознания, поэтому следователи часто выходят за рамки установленного ч. 1 ст. 157 УПК РФ перечня, что, по нашему мнению, не противоречит закону.

В-четвертых, на практике нередки случаи, когда у органа дознания в связи с выполнением поручения следователя (например, при производстве розыскных действий) возникает потребность срочно провести неотложные следственные действия, но нет возможности быстро связаться со следователем и получить от него соответствующие поручения. Полагаем, что оперативный работник поступит правильно, если в подобном случае выйдет за пределы поручения следователя.

Таким образом, в отечественном законодательстве вопросы организации и тактики раскрытия преступлений в исправительно-

¹ См., напр.: Дербенев А. П. Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании преступлений. М., 1983. С. 6.

² См.: Шибанов Н. А. Некоторые вопросы организации дознания в горрайорганах внутренних дел // Проблемы организации расследования преступлений. М., 1979. С. 83.

трудовых учреждениях, практически не регулируются, как не урегулирована в полном объеме деятельность субъектов раскрытия преступлений нормативными актами МВД и ФСИН России (приказами, инструкциями, наставлениями, указаниями), издаваемыми на основе и во исполнение законов. В настоящее время в нормативно-правовых актах только в общих чертах сформулированы условия и порядок взаимодействия оперативных аппаратов исправительных учреждений с другими отраслевыми службами.

В этой связи необходимо отметить, что сегодня силы и средства борьбы с преступностью рассредоточены по аппаратам и службам в соответствии с выполняемыми ими конкретными функциями. Как известно, данные функции различны, поэтому возможности аппаратов и служб в раскрытии преступлений также неодинаковы. В Инструкции о производстве дознания в подразделениях и учреждениях ФСИН России целесообразно предусмотреть исчерпывающее использование таких возможностей. Для этого надлежит сформулировать четкие положения, обеспечивающие эффективное взаимодействие аппаратов, частей и служб, а также отдельных подразделений между собой при раскрытии преступлений. В частности, должны быть определены:

- организующая роль руководителей уголовно-исполнительной системы ФСИН России, территориальных органов внутренних дел МВД России, а также руководителей отраслевых служб (УР, ОБЭП, следственных подразделений, оперативных аппаратов исправительных учреждений) в осуществлении взаимодействия;

Л. Е. Щетнев,
*преподаватель кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Процесс доказывания, как известно, сопряжен с весьма сложной и многогранной процедурой, которая составляет основу любого уголовного дела, независимо от его сложности и объема оперативных и следственных действий. В связи с этим в послед-

- конкретные формы и методы проведения совместных мероприятий по раскрытию преступлений;

- целесообразная инициатива работников всех служб и аппаратов при раскрытии преступлений.

В предлагаемый нами нормативный акт целесообразно также включить положения относительно организации раскрытия преступлений по горячим следам, порядка подготовки и осуществления комплекса неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мер в целях быстрого обнаружения преступника, организации и тактики оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию отдельных видов преступлений. Этот нормативный акт может быть общим для всех субъектов раскрытия преступлений (органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы ФСИН России) с четким распределением между отраслевыми сотрудниками обязанностей по раскрытию конкретных преступлений, отнесенных к их ведению либо относящихся только к уголовно-исполнительной системе ФСИН России.

Библиографический список

1. *Дербенев, А. П.* Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании преступлений / А. П. Дербенев. – М., 1983.
2. *Петров, С. В.* Системный анализ проблемы дознания / С. В. Петров. – М., 1997.
3. *Шибает, Н. А.* Некоторые вопросы организации дознания в горрайорганах внутренних дел / Н. А. Шибает // Проблемы организации расследования преступлений. – М., 1979.

ние годы получила широкое развитие идея о необходимости более активного использования в уголовном процессе данных, полученных при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), включая и преобразование их в судебные доказательства.

Исходя из практической значимости правового регулирования порядка легализации результатов ОРД и ряда возникающих сегодня проблем, по нашему мнению, необходимо рассмотреть некоторые положения Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дозна-

ния, следователю, прокурору или в суд¹ (далее: Инструкция) и провести краткий сравнительный анализ с ранее действовавшей Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд (далее: Инструкция от 13 мая 1998 г.)².

Согласно Инструкции результатами ОРД являются «сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ³ (далее: ФЗ об ОРД), о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

Помимо этого в само название Инструкции внесен (ранее известный) дополнительный субъект уголовного судопроизводства – дознаватель, который получил свое законодательное закрепление в связи с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ⁴ (далее: УПК РФ).

Следует отметить, что введение в действие Инструкции обусловлено как минимум тремя основными факторами:

- потребностью в совершенствовании правового регулирования порядка представления результатов ОРД;
- необходимостью приведения его в соответствие с действующим уголовно-процессуальным законодательством;
- изменением перечня органов, осуществляющих ОРД.

¹ См.: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: Приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, МО РФ № 147 от 17 апр. 2007 г. // Рос. газ. 2007. 16 мая.

² См.: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: Приказ ФСНП РФ № 175, ФСБ РФ № 226, МВД РФ № 336, ФСО РФ № 201, ФПС РФ № 286, ГТК РФ № 410, СВР РФ № 56 от 13 мая 1998 г. // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 1998. № 23.

³ См.: Рос. газ. 1995. 18 авг.

⁴ См.: там же. 2001. 22 дек.

Сравнительный анализ Инструкции от 13 мая 1998 г. и рассматриваемой Инструкции позволяет сделать вывод о несомненных преимуществах последней. Во-первых, она меньше по объему (если в прежней было 26 статей, то в действующей – 21). Во-вторых, в ней даны бланки основных документов по процедуре представления материалов ОРД. В-третьих, порядок представления результатов ОРД прописан точнее и детальнее.

В данном документе четко определено требование к представляемым результатам ОРД – наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Это также распространяется на материалы, представляемые по инициативе оперативно-розыскных служб в ходе реализации дел оперативного учета или по результатам проверки первичной оперативно-розыскной информации.

Согласно п. 1 Инструкции представление материалов ОРД возможно по результатам выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ) по уголовным делам, находящимся в их производстве. По поводу упомянутых поручений органа дознания и дознавателя следует отметить, что в УПК РФ такое право за этими субъектами уголовного процесса прямо не закреплено. В то же время в ст. 7 ФЗ об ОРД поручение органа дознания предусмотрено в качестве основания для проведения ОРМ, чем в определенных случаях данным органам необходимо пользоваться. Следовательно, допустимо представление материалов ОРД дознавателю и органу дознания, если таковая осуществлялась на основании их поручения.

Таким образом, чтобы избежать коллизий и пробелов между двумя федеральными законами (УПК РФ и ФЗ об ОРД) в части полномочий дознавателя и органа дознания выносить поручения, в ст. 40 и 41 УПК РФ целесообразно внести изменения, наделив данных субъектов указанными правами.

Кроме того, в Инструкции предусмотрено представление материалов ОРД прокурору в порядке выполнения его указания о проведении ОРМ. Однако в настоящее время данное положение должно быть исключено из ее текста, поскольку 24 июля 2007 г. принят Федеральный закон № 214-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"»¹, согласно которому указания прокурора исключены из перечня оснований проведения ОРМ.

Результаты ОРД могут представляться в суд в порядке исполнения его требования по уголовным делам, находящимся в его производстве. На практике нередко возникают ситуации, когда суд при рассмотрении уголовного дела сталкивается с проблемой соблюдения законности со стороны оперативных подразделений при проведении ими того или иного ОРМ, материалы которого фигурируют в деле. В этих случаях он может затребовать необходимые документы, подтверждающие обоснованность и правомерность их действий.

Согласно п. 2 Инструкции установленный порядок представления оперативно-розыскных данных может также применяться в случаях осуществления ОРД по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств, если он не противоречит международным договорам и законодательству Российской Федерации. Таким образом, указанные запросы следует рассматривать в качестве самостоятельного основания представления результатов ОРД.

Согласно п. 5 Инструкции результаты ОРД, содержащие сведения о лицах, внедренных в организованные группы, штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности. Сравнительный анализ содержания Инструкции и ст. 12 ФЗ об ОРД позволяет сделать вывод о том, что данное правило подлежит расширительному толкованию и должно распространяться не только на случаи представления материалов ОРД прокурору, но также следователю, органу дознания и в суд.

В Инструкции предусмотрены два варианта представления материалов ОРД: в виде рапорта и сообщения. К сожалению, при этом не конкретизируется, как должны действовать оперативные работники в той или иной ситуации.

О рапорте об обнаружении признаков совершенного преступления речь идет и в ст. 143 УПК РФ. Рапорт об обнаружении признаков преступления необходим в тех случаях, когда о криминальном событии стало известно впервые и оно еще не прошло регистрацию в правоохранительных органах.

Рапортом как одной из форм представления материалов ОРД можно ограничиться, когда уже в первичной информации содержатся конкретные признаки преступления, на основании которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела, и не требующие дополнительной проверки путем проведения ОРМ. При этом необходимо учитывать требования ст. 12 ФЗ об ОРД о защите сведений о штатных негласных сотрудниках и лицах, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранительным органам.

В ситуациях, связанных с реализацией материалов оперативной проверки или оперативной разработки, материалы ОРД представляются в виде сообщения, о чем излагается в п. 9–15 Инструкции. Эта процедура состоит из трех основных этапов: рассмотрения вопроса о необходимости рассекречивания содержащихся в представляемых результатах ОРД сведений, составляющих государственную тайну; подготовки необходимых документов; фактической передачи результатов ОРД.

Решая вопрос о необходимости рассекречивания тех или иных документов, следует руководствоваться п. 14 Инструкции, где указывается, что представление результатов ОРД, содержащих сведения об организации и тактике проведения оперативно-технических мероприятий, используемых технических средствах, о штатных негласных сотрудниках оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений, должно в обязательном порядке согласовываться с исполнителем соответствующих мероприятий.

Получая данные документы, следователь или дознаватель приобщает (с вынесением постановления о признании и приобщении к материалам уголовного дела веществен-

¹ См.: Рос. газ. 2007. 1 авг.

ных доказательств или без вынесения такового) их к материалам уголовного дела. В конце предварительного расследования указанные участники уголовного судопроизводства в порядке ст. 217–218 УПК РФ предъявляют обвиняемому материалы уголовного дела, а также вещественные доказательства и по просьбе обвиняемого или его защитника – фотографии, материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и иные приложения к протоколам следственных действий. В результате обвиняемый и его защитник имеют возможность ознакомиться и с документами, которые до вынесения постановления об их рассекречивании составляли государственную тайну в соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1¹. Таким образом, в сущности данные документы не теряют статуса документов, составляющих государственную тайну. Кроме того, при ознакомлении с видеоматериалами, на которых задокументирована преступная деятельность обвиняемого, последние нередко узнают лицо, их документировавшее. Сопоставляя это с предоставленными оперативно-служебными документами, не трудно узнать личность, скрытую под псевдонимом, и передать данные сведения другим участникам преступной группы, а также иным заинтересованным лицам. В сложившейся ситуации необходимо обеспечить безопасность граждан, оказывавших содействие оперативным подразделениям. В соответствии со ст. 18 ФЗ об ОРД государственная и правовая защита обеспечивается лицам, *оказывающим* содействие органам, осуществляющим ОРД. Однако отсутствует упоминание о лицах, *содействовавших* органам, осуществляющим ОРД. Последние оказываются исключенными из правового поля ФЗ об ОРД в части обеспечения государственной и правовой защиты.

Следовательно, необходимо внести изменения и дополнения в ст. 18 ФЗ об ОРД в части, касающейся защиты лиц, содействовавших органам, осуществляющим ОРД.

Процедура представления результатов ОРД предписывается в регистрации рапорта или справки в порядке, установленном

нормативными правовыми актами органов, осуществляющих ОРД.

В учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы таким документом выступает Инструкция о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях².

После регистрации рапорта или справки об обнаружении признаков состава преступления и проведенной по ним проверке сотрудниками структурных подразделений ФСИН России принимаются следующие решения:

- вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании ст. 24 УПК РФ;

- возбудить уголовное дело (ст. 146 УПК РФ) по делам, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 150 УПК РФ), производство неотложных следственных действий (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ); в течение 10 суток с момента его возбуждения направить дело по подследственности (ч. 3 ст. 157 УПК РФ);

- направить зарегистрированный материал по подследственности на основании ст. 151 УПК РФ.

По нашему мнению, подлежит уточнению следующее положение Инструкции: принятие решения о рассекречивании сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД, руководителем оперативного подразделения ФСИН России или его заместителем. В соответствии с п. 15 Инструкции должно выноситься постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей. В то же время в ней, к сожалению, не указывается место хранения постановления, поэтому можно только предположить, что оно составляется в единственном экземпляре и хранится в деле оперативного учета, а при отсутствии такового – в специальном номенклатурном деле. В данном случае возникает вопрос о проверке законности предоставления и приобщения документов, составляющих государственную тайну, к материалам уголовного дела,

¹ См.: Рос. газ. 1993. 21 сент.

² См.: Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях: Приказ Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 // Рос. газ. 2006. 5 авг.

при отсутствии правовой основы, а именно постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей.

На втором этапе готовится постановление о представлении результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд. При анализе содержания документа обнаруживается неточность, допущенная разработчиками. В п. 10 Инструкции указывается на необходимость утверждения постановления руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем). В то же время в прилагаемом образце постановление выносится от имени руководителя такого органа и не предполагает визирование его кем-либо иным. В этой ситуации надлежит руководствоваться ч. 3 ст. 11 ФЗ об ОРД, где предусматривается вынесение постановления от имени руководителя органа, осуществляющего ОРД.

В п. 10 Инструкции также требуется составлять постановление о представлении результатов ОРД в двух экземплярах, первый из которых направляется адресату, а второй приобщается к материалам дела оперативно-учета либо специального номенклатурного дела. Следует заметить, что согласно Инструкции от 13 мая 1998 г. составлялся только один экземпляр такого постановления (он находился в делах оперативно-учета). Против этого возражали следователи и судьи, поскольку часто это препятствовало более эффективному использованию результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с Инструкцией вместе с результатами ОРД необходимо представлять первые экземпляры постановлений о проведении ОРМ, выносимых в установленных законом случаях. Как известно, в ч. 8 ст. 8 ФЗ об ОРД указывается на вынесение таких постановлений при проведении проверочной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента и оперативного внедрения.

Существенной новацией нормативного акта является обязательность представления наряду с результатами ОРД копий су-

дебных решений о проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища.

Закрепление данной нормы решает возникающие ранее вопросы органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда о законности проведения указанных мероприятий. Однако, на наш взгляд, судьи, принимающие решения о допуске проведения таких ОРМ, ограничены в изложении мотивов, послуживших принятию такого решения, в целях недопущения нарушения режима секретности.

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что помимо названных способов вовлечения в уголовный процесс сведений, полученных оперативным путем, для каждого из указанных в законе видов оперативных мероприятий характерны свои особенности, которые оказывают влияние не только на способы такого вовлечения, но и на саму возможность их последующего использования в качестве доказательств. Результаты любого ОРМ могут быть использованы в доказывании по уголовным делам только при условии их легализации в рамках процессуальной формы, установленной в УПК РФ для собирания, проверки и оценки доказательств.

Библиографический список

1. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон [от 17 янв. 1992 г. № 2202-1] // Рос. газ. – 1995. – 25 нояб.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон [от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ] // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.
3. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, МО РФ № 147 от 17 апр. 2007 г. // Рос. газ. – 2007. – 16 мая.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2005.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Ф. И. Шамхалов,
*заместитель руководителя
Федеральной службы по надзору
в сфере образования и науки
доктор экономических наук, профессор*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В результате глубоких технико-технологических и экономических глобально значимых преобразований, происшедших в результате информационно-телекоммуникационной революции, изменилась общая ситуация развития общества – сообщества, установился новый миропорядок. Произошли огромные преобразования в социальной и культурной сферах, изменилась расстановка сил на международной арене. Сложившийся миропорядок объективно формирует новое знаниевое пространство, ставит новые задачи перед наукой, фиксирует иные условия ее функционирования, диспозицию разных научных сфер и дисциплин, иначе определяет их приоритеты.

Проблема взаимодействия различных научных дисциплин и сфер (точных, естественных, гуманитарных, общественных наук) возникла во второй половине XX столетия как рефлексия на научно-техническую революцию, что нашло отражение в специально посвященных этому вопросу работах, материалах многочисленных конференций, семинаров, особенно в 60–80 гг. XX в. Основное внимание уделялось необходимости применения точных методов исследования в гуманитарных науках, прежде всего математических методов в истории, культурологии, уточняющих исследования, осуществляемые в их пространствах. Темы же именно взаимодействия разных наук по большей части не рассматривались. Более того, значение гуманитарных и общественных наук в развитии точных и естественных наук практически не обсуждалось, речь шла лишь о взаимодействии философии и естественных наук. При этом на протяжении последней четверти XX

и начале XXI в. приоритетными являются точные и естественные науки. Это подтверждается отношением общества и государства к разным дисциплинам, в данном случае точным, естественным, экономическим наукам, с одной стороны, и гуманитарным, общественным – с другой. Отношение это рассматривается как объективно обусловленное тем вкладом, который обеспечивают разные науки в развитие общества.

Новейшие информационно-телекоммуникационные, био-, нано- и иные высокие технологии стали универсальным средством экономического, геоэкономического, военно-промышленного, политического и геополитического развития современного мира. Они ведут к возникновению качественно новых направлений и отраслей экономики, изменению характера, сущности и форм экономической и научно-технологической деятельности, в результате чего во все более растущей степени набирает темпы процесс смены экономико-технологических укладов, характера и структуры общественного производства и потребления. Наука и техника получают новую смысловую нагрузку. Достиг своего логического завершения разворачивавшийся на протяжении всего XX в. процесс технологизации науки, она стала неотъемлемой составляющей корпораций и государства. Более того, ведущие университеты фактически превратились в деловые корпорации. Неслучайно в современном мире все более заметным и влиятельным институтом становятся так называемые «фабрики мысли» (Think tanks), занимающиеся производством и продвижением знаний, информации и идей. При этом сам термин «фабрика» указывает, что данный вид деятельности носит технологический, индустриальный характер. В таких институтах концентрируются люди, способные на основе производимых ими знаний строить собственные экономические и социально-политические стратегии, оказывая тем самым более или менее существенное влияние на принятие важных законодательных или исполнительных решений.

Таким образом, развитие человечества невозможно вне категорий стремительно развивающихся науки и техники. Первостепенное значение имеют науки, связанные с разработкой и внедрением новейших высоких технологий, дающих быстрые и ощутимые результаты. Иными словами, жизнеспособность и прогресс общества в значительной степени оказались в зависимости от развития и совершенствования технологической инфраструктуры, формирования, размещения и использования информационных ресурсов, от их способности собирать, производить, обрабатывать и усваивать поступающую информацию. Естественно, все это самым непосредственным образом отражается на человеческих факторах производства, занятости, квалификации, условиях труда, трудовых отношениях, тем самым способствуя качественным сдвигам во всей структуре и организации производства и потребления. Сегодня большинство людей, приходя на работу, погружаются в мир идей и информации. В связи с этим Э. Тоффлер отмечал, что экономика становится сверхсимволической, живущей «по законам, совершенно отличным от законов, действующих в эпоху "фабричных труб"»¹. Информация и знание приходят на смену труду и капиталу в качестве определяющих факторов развития и функционирования общества.

В целом можно утверждать, что в последние десятилетия сформировался новый тип экономики, которая приобрела отчетливый информационно-телекоммуникационный облик. Она характеризуется высочайшей наукоемкостью, энерго- и трудосберегаемостью, гибкостью и способностью оперативно реагировать на изменения потребностей и спроса населения. Перспективной стала не любая, а наукоемкая и информационно-технологическая экономическая активность. Статус государства и нации в мировом сообществе, их способность на равных конкурировать во всех сферах общественной жизни с ведущими мировыми державами во все более растущей степени определяются не столько размерами территории, численностью населения, запасами

природных богатств, сколько способностью эффективно использовать достижения науки и техники, разрабатывать и оперативно внедрять новейшие технологии. Это свидетельствует о том, что в современном мире в обозримой перспективе именно интеллектуальный потенциал будет определять как основные тенденции и направления мирового развития вообще, так и факторы, которые могут служить основой сохранения Россией статуса великой державы. Создается впечатление, что «технологический императив» приобрел едва ли не прочность аксиомы. А экономический рост, как верно подметил Д. Белл, стал «своего рода новой общемировой метафизической религией»². При этом роль науки как важнейшей преобразующей силы в развитии общества становится все более значимой и все более осмысленной человеком. Однако при выдвигании приоритетов в этой области основное внимание уделяется развитию научно-технического потенциала и активизации инновационной деятельности. Естественно, России необходимы инновационные, высокие, нано- и прочие технологии, поскольку без них невозможен технологический прорыв в сторону экономики знаний, наноэкономики. В этом плане действительно приоритет принадлежит технологической парадигме.

И здесь общественным и гуманитарным наукам как бы негласно отведено второстепенное место, своего рода придатка к точным и естественным наукам с технологическим уклоном.

Соответственно все усилия, энергия, внимание (без учета вопросов финансирования) концентрируются на технологической парадигме, определении технологических приоритетов, инновациях, разработке и внедрении новейших технологий в производство и сферу услуг. Такая позиция отразилась, в частности, в разделении института академических грантов на два подразделения: Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). При этом следует заметить, что при рассмотрении фундаментальных наук и исследований подразумеваются точные и естественные науки. Такое положение по сути дела может трак-

¹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2002. С. 120.

² См.: Эксперт Украина. 2006. 20 нояб.

товаться как фактический отказ руководства научного сообщества о присвоении общественным и гуманитарным наукам статуса фундаментальных. Естественно, складывается впечатление, что им уделяется внимание по остаточному принципу. Тем более, что практически не создаются условия для организации в этих сферах больших научных проектов, а также целенаправленного решения важных проблем.

Таким образом, создалась определенная, но и чрезвычайно опасная, способная привести к катастрофе, ситуация отношения соответствующих сфер и институтов управления и организации науки, государства в целом к науке и оценке ее реальной роли в общем развитии общества, когда фактически общественные и гуманитарные науки перестали быть стратегическими приоритетами государства.

Парадоксальность сложившегося положения заключается в том, что в условиях функционирования современного общества, невиданного прорыва в технико-технологической сфере и принципиального изменения экономических оснований развития общества, объективно обеспеченных деятельностью, усилиями человека, его общекультурными достижениями, развитием его сознания, ростом интеллектуального потенциала, именно человек, его культурные характеристики, возможности, отношения к важнейшим сферам жизни общества, способности к оценке происшедшего, задачи в организации самого общества, а также способности оценить современность в общем культурно-историческом процессе, области его научной деятельности, в которых он может определиться как реально действующий в этих преобразованиях субъект, оказались вне зоны повышенного внимания соответствующих общественных и государственных институтов, ответственных за развитие науки. Непонятным остался тот факт, что только большие проекты и серьезная поддержка систем собственно гуманитарного знания – социологии, философии, истории, психологии и других наук, специальная организация научной деятельности в этой сфере и осознание всей сложности задач, стоящих перед обществом, способны выработать стратегию развития общества не только в рамках объективно задаваемых проблем, но и ставя-

щихся обществом как субъектом и развивающим себя в их решении.

Во взятом на развитие науки государственном курсе объективно не учитывается такой принципиально значимый момент, как ее роль в развитии общества в целом, а не только отдельных определенных его сфер.

Именно в этом состоит отмеченная выше парадоксальность, поскольку общий потенциал и уровень развития общества зависит не только от его технико-технологического и экономического потенциала (несмотря на то, что определяется им), но и от общекультурного потенциала человека, обеспечивающего прежде всего технико-технологические и экономические достижения общества, способного понимать и оценивать их как свои человеческие достижения, ставить цели и решать задачи по их умножению.

В настоящее время для достижения новых рубежей в развитии общества, управления изменениями в условиях своего существования и определения способов сохранения и воспроизведения культуры на новых уровнях человек должен иметь хотя бы такой культурный потенциал, чтобы не потерять те достижения, которые определяют современную ситуацию и обеспечивают устойчивость функционирования технико-технологических и экономических достижений, и способствовать дальнейшему прогрессу общества.

При этом для определения роли и значения гуманитарных и общественных наук необходимо учитывать следующее.

1. Знаниевое пространство, в том числе наука, выступает как целостное явление, определяющее уровневые характеристики развития общества, проблемные поля поисков. Ведь именно уровневое состояние, степень и характер объективной интеграции научных знаний при дифференцированности конкретных дисциплин и разных их сфер (естественных, технических, общественных и гуманитарных), активно осуществляемой в XX в., стали основанием развития общего интеллектуального потенциала человека, обеспечивающего осуществляемый прогресс общества, в том числе технико-технологический, изменивший ситуацию развития современного общества. При всех различиях методов, подходов гуманитарных, технических и естественных

научных знаний именно их интегральное действие и объективное взаимодействие формировало нормы культурного развития общества, его прогресса.

В. И. Вернадский отмечал, что «научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии (вообще – *Ф. III.*) с другими сторонами духовной жизни человечества»¹. С его точки зрения, «развитие научной мысли никогда долго не идет дедукцией или индукцией – оно должно иметь свои корни в другой, более полной поэзии и фантазии областей: это или область жизни, или область искусства, или область, не связанная с точной дедукцией, или индукцией, рационалистическим процессом – область философии»². Более того, известно прямое воздействие – взаимодействие эвристических открытий, находок в сфере, например, искусства и технических решений. Сам потенциал ученых, работающих в области технических, естественных, экономических наук, формируется как общий результат их культурного развития в знании-пространстве в целом, включающем высокий потенциал гуманитарного образования, обеспечивающего соответствующее видение значимых для человека задач, в том числе в сфере технико-технологических поисков. А общекультурный уровень общества и конкретного человека, характер и уровень миропонимания обеспечивает и обуславливает ту среду, в которой и совершаются открытия. Иными словами, наука – это не просто совокупность отдельных видов дисциплин, а особое научное миропонимание, где, в частности, принцип измерения и объяснения преимущественно технико-технологических и естественных наук, например, с необходимостью требует понимания, понятийного мышления, характерных для гуманитарных дисциплин, а также раскрытия механизмов такого понимания, познания и принятия решений человеком (исследуемых в так называемой когнитивной науке).

Поэтому наука может активно развиваться только в своей многогранно, многохарактерно представленной целостности. При этом сегодня особенно остро стоит вопрос о новом

уровне и характере диалога разных наук и механизмах интеграции получаемых в них новых знаний в единое пространство науки. Однако это вызывает необходимость проведения специальных исследований.

2. Вышеотмеченная парадоксальность, выявляемая в организации научных знаний в современном обществе, обуславливается недостаточным учетом и малой представленностью программ исследования характера, степени, временных скоростей, пространств воздействия, степени и причин торможения, а также путей адаптации технико-технологических внедрений и экономических достижений населения в рамках большого и малого социума, микросоциумов, их адекватности конкретно-исторической ситуации и возможности культурной освоенности программ, обеспечивающих их (не только экономическую и технико-технологическую) содержательную социальную значимость и т. д. Не только эвристически совершающиеся открытия и глобально значимые прогрессы в технико-технологической и экономической составляющих развития общества, но и планируемые, определяемые человеком цели в определенной ситуации требуют исторического осмысления, оценки их культурной значимости, совместимости с состоянием общества, отношения к ним человека, овладения человеком. Так, на протяжении последних лет создано значительное количество научных трудов по разработке новых поколений компьютеров, компьютерных программ, технико-технологических исследований сферы их действия и т. д. Вместе с тем создано мало работ по комплексному исследованию принципиально значимых изменений, вносимых данными программами в жизнь конкретного человека, развитие общественных отношений и связей, общение, не только в плане емкости получаемой информации, но и возможностей, форм ее восприятия, емкости, характера изменения культурного поля человека, развития языка, мышления и т. д. Однако без глубокого научного осмысления культурно-исторических и социальных оценок названных и других достижений могут произойти серьезные сбои не только в рамках рассматриваемой ситуации, связанной с введением в жизнь общества конкретных технико-технологических средств, имеющих

¹ Источник: *Вернадский В. И. Труды по философии естествознания*. М., 2000. С. 51.

² Архив РАН, ф. 518, оп. 7, № 48, л. 54.

огромное значение как в организации жизни человека, так и в развитии общества в целом (в частности, в социальной, политической, культурной ориентации подрастающего поколения, его реального культурного роста).

3. В настоящее время особую актуальность приобрела проблема субъекта, действующего на современной исторической арене, в основе решения которой находятся гуманитарные и общественные науки. Недостаток глубоких, четко ориентированных и охватывающих соответствующие сферы оценок обуславливает не только те или иные ошибки или недостатки конкретных решений, но и отсутствие адекватного понимания реальной ситуации в организации социокультурного пространства и реальной политической ситуации современного мира.

Сегодня происходят кардинальные изменения на всех уровнях (локальном, субнациональном, национальном, региональном и глобальном) общественной жизни. Произошел фундаментальный разрыв между национальными государственно-политическими институтами, призванными контролировать экономические процессы, и международными экономическими силами, подлежащими контролю. Суверенное национальное государство перестает играть роль единственного субъекта принятия жизненно важных для той или иной нации решений, поскольку оно вынуждено делить власть, во всяком случае, в экономике с транснациональными корпорациями, международными организациями, крупными заинтересованными группами и т. д. В результате возникает все более растущее число ограничений на свободу выбора государства. Решения, принимаемые по тем или иным жизненно важным вопросам за пределами государства, нередко приобретают для его граждан большую значимость, чем решения, принимаемые властями самого государства.

Следствием этого являются осмысление и историческая оценка реально существующих субъектов, определяющих культурно-историческую, политическую характеристику современного пространства в его глобальной и дифференцированной оценке, которые становятся важнейшей задачей гуманитарных и общественных наук, в частности истории, культурологии, социологии, политологии.

4. В контексте проблем субъекта современной исторической ситуации особо остро

стоит проблема этнического самоопределения в условиях активно осуществляемых сегодня разноуровневых интегративных процессов. Ее решение требует особых подходов историков, этнографов, культурологов, социологов, психологов, искусствоведов, философов. Эффективное научное исследование и решение проблем этнического самоопределения и условий, особенностей функционирования этносов в современном мире может быть выполнено лишь при специальной организации сложных многоаспектно формулируемых комплексных программ в сфере гуманитарных и общественных наук.

В рамках разработки названных вопросов важное место занимает проблема идентичности (актуальная в более широких аспектах ее изучения как механизм интеграции и дифференциации действующих субъектов), в данном случае идентичности этнической.

Следует отметить, что перед Россией стоит кардинальная проблема определения своей национальной идентичности, своего национально-государственного проекта.

Технологическая парадигма по определению не может стать основой национальной идеи, способной объединить народы России в единую нацию. В 90-е гг. XX в. власти поручали академическому сообществу создать некий новый вариант национальной идеи. Однако это не было реализовано, поскольку любая идеология основывается на философских, политических или религиозных доктринах, созданных авторитетными мыслителями-учеными. При отсутствии фундаментальных исследований и разработок всего комплекса общественных и гуманитарных наук могла получиться лишь имитация национальной идеи. В связи с этим В. В. Путин отмечал, что без достижений в социальных науках невозможен подъем всей российской науки, а для создания настоящих учебников нужны фундаментальные, а не конъюнктурные исследования.

5. В системе современных научных знаний, требующих координации всех научных сил и особенно сферы гуманитарных и общественных наук особую значимость приобрели исследования принципиально новых форм, уровней, структур и систем отношений взаимодействия. Такими основаниями являются информационные и телекоммуникационные технологии.

На их базе выстраиваются, в частности, системы отношений, определяющих действие новых правил и норм регулирования социальных и экономических процессов; они с той или иной степенью императивности ставят перед политическими и государственными деятелями новые проблемы.

Не лишены основания доводы и аргументы тех исследователей и аналитиков, которые говорят о том, что в индустриально развитых странах изменяются сами философия и идеология, на которых традиционно основывался бизнес. И действительно, в силу общеизвестных факторов в последние десятилетия наблюдается все более заметная тенденция к беспрецедентному возрастанию в жизни как отдельно взятых народов, так и мирового сообщества в целом роли и значения социо-культурного, социально-психологического, информационно-идеологического компонентов, ставших одним из действенных инструментов внешней политики, эффективным средством обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов. Как показывает опыт войн в Ираке и Афганистане, военная мощь более не является гарантией победы и защиты национальных интересов. Культурная, информационно-идеологическая экспансия стала одним из ключевых инструментов пропаганды и распространения соответствующих ценностей, институтов, образа и философии жизни, завоевания престижа, влияния государства на международной арене.

Данный факт приобретает особую значимость, если учесть, что мировое информационное пространство превращается в поле глобальной конкуренции и борьбы различных моделей общественного устройства, идей, образов и эталонов жизни, доктрин, имиджей и авторитетов за мировое лидерство. На арену мировой экономики выходят новые национальные и региональные модели – японская, китайская, индийская, которые вступают в конкуренцию как между собой, так и с традиционными моделями: американской, континентально-европейской, скандинавской и т. д. Они оказывают все более возрастающее влияние как на перспективы развития человечества в целом, так и на судьбы отдельно взятого человека, его место и роль в общественно-исторических процессах, в частности. Стало очевидно, что в современных условиях

важнейшие характеристики и приоритеты мировой политики не всегда формируются, определяются и трансформируются при помощи военной силы. Здесь необходимо применять комплекс ресурсов и преимуществ государства, не связанных с военной силой, в основе которого лежат культура и ценности, идеи, символы, мифы и т. д.

Осмысление новых условий функционирования и форм взаимодействия субъектов исторического процесса на современном уровне его выполнения, осуществляемого при разной их (субъектов) представленности в разных пространствах действия на рассматриваемых здесь (информационно-телекоммуникационных) основаниях может быть осуществлено лишь при широком комплексном исследовании такого взаимодействия с использованием средств и методов гуманитарных и общественных наук. Именно в рамках этих научных дисциплин возможно выявить цели, этнические и моральные нормы, социальную и политическую оценку разного рода взаимодействий, самих субъектов как исторически определенных участников таких взаимодействий, их содержания, значений и смысла.

6. Объективно повышается роль гуманитарных и общественных наук, несмотря на то, что плохо проходит процесс осмысления и реализации (в рамках больших комплексных программ) в такой важной сфере, как духовное воспроизводство человека в условиях современного кризиса и разрушения многих моральных устоев, прежних норм поведения и отношений. Приобретает особое значение формирование, воспитание ответственного и целеустремленного человека, обладающего высокой духовностью, способного не только успешно осваивать как глобальные экономические и технико-технологические преобразования, так и накопленный духовный и общекультурный потенциал, но и сохранять и приумножать его.

Следует признать, что сегодня духовный кризис, кризис миропонимания, стал вызовом жизнеспособности и перспективам народов. Кроме того, отмечается отставание в гонке за научно-технологический прогресс. Однако беспрецедентные успехи в научно-технологической сфере резко контрастируют с фактическим дефицитом каких-либо прорывных разработок и идей в области общественных и гуманитарных наук.

Система образования, социальные и гуманитарные науки, культура являются главными инструментами воспроизводства и сохранения единства и цельности общества. Они играют главную роль в определении национальной идентичности и индивидуальности, которые реально дают нам шанс занять достойное место в современном мире. Они призваны прогнозировать и нейтрализовывать негативные последствия научно-технического прогресса для духовного, социо-культурного развития человечества и отдельно взятого человека, разрабатывать пути и средства их минимизации или нейтрализации. Иными словами, новые мировые реальности императивно требуют новых теорий, идей, подходов.

В связи с этим особое значение приобретает мобилизация сил, знаний ученых-гуманитариев, способных не только проводить серьезные научные исследования, но и создавать соответствующие учебники, обеспечивающие действительные потребности.

Во всем мире сейчас возникает непреодолимое ощущение, что происходит нечто неопределенное в самих бытийных основах жизни, культурных и духовных системах, ментальных структурах человечества и народов. Возможно, это важнее для судеб человечества, чем любые технологические и экономические достижения, хотя все это тесно связано между собой. Однако очевидно, что технологии, а в более широком смысле естественно-научные дисциплины, не могут создать и предложить смыслы, образы, имиджи, идеалы, так необходимые человечеству и каждому отдельно взятому народу, поскольку это – прерогатива общественных и гуманитарных наук. Нельзя забывать, что прогнозирование, выявление и учет социальных, политических, социо-культурных, идеолого-информационных, психологических и иных последствий разработки и широкого внедрения новейших технологий имеют не менее важное значение для перспектив как человечества в целом, так и конкретных стран, чем сами эти технологии для общественно-исторического развития. Любая цивилизация, любое государство, каким бы могущественным оно ни было, не имеет будущего без связывающего его в единое целое осевого идеала. Если этот идеал подвергается эрозии, само государство и даже цивилизация постепенно тоже подвергается эрозии и рано или поздно исчезает.

По нашему мнению, инновации, понимаемые как разработка и использование фундаментальных теорий, концепций, идей общественно-исторического, социального, политического и ментального развития современного мира, необходимы не в меньшей степени, чем инновации в технологиях и экономике. Материальный достаток (или как говорят в США, две машины в гараже и две индейки в кастрюле) не обязательно обеспечивает моральное и духовное здоровье общества, от которого не в меньшей степени, нежели от прогресса в научно-технологической сфере, зависят жизнеспособность, конкурентоспособность и историческая перспектива того или иного народа.

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть актуальность расширения процесса формирования комплексных программ развития этих знаниевых пространств. Потому что технологическая парадигма показывает человечеству лишь весьма размытые контуры направления, в котором оно движется. А какими именно будут формы, характер и конкретное содержание этого пути, образно говоря, его зигзаги, подъемы и спуски, зависит от развития самого человека. «Чтобы не попасть в ад, необходимо тщательно изучить дорогу, ведущую в рай», – предупреждал мудрый Н. Макиавелли. Технологии по своей природе нейтральны, они стоят по ту сторону добра и зла. Лишенные духовного, гуманитарного начала они могут превратиться в нечто вроде легендарного Франкенштейна, который, как правило, пожирает своих создателей. Чтобы не попасть в ад, не создавать чудовищ разума, требуются некие аналоги нано-, био- и иных технологий, призванные составить основу того, что мы назвали бы гуманитарной парадигмой, предназначением которой должны стать выявление, определение и разработка социо-культурных, социально-философских, политико-культурных, идеологических приоритетов в развитии человека, который способен не только совершенствовать мир своего существования, но и утверждать свое человеческое предназначение.

В этом плане естественные и точные науки, с одной стороны, и общественные и гуманитарные науки, с другой, составляют две равновеликие и взаимодополняющие несущие конструкции современного мира. Поэтому было бы крайне контрпродуктивно противопоставлять их друг другу, искать

здесь какие-то градации, ставить какой-либо один из этих комплексов наук на иерархической лестнице выше, а другой ниже. Научно-технологический прогресс, оторванный от духовной сферы, культуры, морали, рано или поздно приведет к нравственной деградации общества. Здесь главная роль принадлежит общественным и гуманитарным наукам, на дальнейшее развитие и поднятие которых на качественно новый уровень как общество в

В. М. Морозов,

декан факультета внебюджетного

образования ВЮИ ФСИН России

советник ФСИН России

доктор социологических наук, профессор

ПРАВОВАЯ РЕФОРМА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

За всю историю своего существования Россия знает немало реформ. Самой известной небезосновательно принято считать судебную реформу 1864 г. Результатом ее проведения стало полное обновление системы судостроительства и судопроизводства. Многие действующие в настоящее время правовые нормы являются прямой рецепцией законодательства, отраженного в Судебных уставах Российской империи XIX в. Однако, в отличие от судебной реформы, проводимая сегодня правовая реформа еще никогда не провозглашалась в истории России.

Понятие правовой реформы более широкое по сравнению с судебной. Правовая реформа – это создание целого комплекса предпосылок для того, чтобы наша страна стала подлинно правовым и одновременно социальным государством. Однако правовое государство невозможно без правового и справедливого общества, т. е. государство таково, каково общество. По нашему мнению, они пока еще далеки от правовых идеалов. И если не проводить в стране правовую реформу, то все реформы, осуществляемые в других сферах, окажутся неэффективными. Только право может служить основой дальнейшего развития России. Председатель Конституционного Суда РФ Валерий Дмитриевич Зорькин справедливо полагает, что правовую реформу не зря называют «детонатором» всего реформаторского процесса, включая реформирование экономи-

целом, так и государство должны обратить самое пристальное внимание.

Библиографический список

1. *Вернадский, В. И.* Труды по философии естествознания / В. И. Вернадский. – М., 2000.

2. *Тоффлер, Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М., 2002.

ки. Рыночная экономика не может быть создана без правовых гарантий стабильности собственности и предсказуемости предпринимательской активности, с одной стороны, и эффективного разумного правового регулирования экономических процессов, с другой.

Правовая реформа является составной частью всего реформаторского процесса в стране, так как она имеет большое значение, с одной стороны, для стимулирования всестороннего развития, а с другой – для поддержания баланса интересов в государстве и обществе. Правовая реформа выступает инструментом проведения необходимых реформ, нахождения баланса конкурирующих интересов, обновления и поддержания экономики и развития гражданского общества. По сути дела, в истории России государство никогда не выдвигало концепции или программы правовой реформы. Все, что делалось в разные исторические периоды, сводилось в основном к судебной реформе, которая, несмотря на то, что является основой правовой реформы, не охватывает всех ее сторон, связанных с регулированием социальной, политической и экономической жизни.

В проводимой в России правовой реформе можно выделить три основных направления: правовую основу развития российского общества; изменение и стабилизацию системы права; реализацию качественной системы правоприменения, гарантирующей доступ граждан к правосудию и обеспечению своих прав и свобод. Положительные результаты правовой реформы можно ожидать только после комплексного и одновременного решения этой триединой задачи.

Любая правовая система – это не только свод законодательных актов, но и инструментов их реализации. Право создано обществом, для общества и направлено на членов этого общества. Оно призвано оформлять те или иные общественные представления о должном и справедли-

вом, которые не являются универсальными. Движение общества и государства к сближению действующей правовой системы с «естественным правом» и справедливостью и есть правовая трансформация российского общества.

Правовая реформа включает в себя судебную реформу, вопросы системы и содержания законодательства, юридического образования, правосознания населения. Вопросы развития судебной реформы сформулированы в Концепции судебной реформы РСФСР, которая и в настоящее время имеет юридическую силу и значение. Последовательное осуществление принципа разделения властей, предусмотренного Конституцией РФ, неотделимо от соблюдения независимости принципа обеспечения суда. Судебная реформа направлена на реформирование судов, прокуратуры, адвокатуры, следствия, исполнительного производства. Учитывая особенности исторического развития России, можно утверждать, что без широкомасштабной правовой реформы трудно провести и успешную судебную реформу.

Правовая реформа проводится комплексно, с разбивкой на этапы, определяемые политическими циклами и экономическими возможностями. Следует подчеркнуть, что правовая реформа должна решать в первую очередь вопросы экономического развития страны и создания гражданского общества.

Общеизвестно, что принятие хороших законов не решает проблемы правовой реформы. И дело не только в законах. Соблюдение баланса между принимаемыми законами и отражением в них потребностей общества – еще одно направление реформы.

Важным фактором правовой реформы является социальная стабильность и социальная справедливость, опирающиеся на массовые представления о должном и справедливом. Стабильность правовой системы – залог социальной, политической, экономической и в конечном итоге государственной устойчивости, т. е. залог развития общества и государства.

Россия – не только правовое, но и социальное государство. Практическая реализация ст. 7 Конституции РФ представляет собой непростую проблему, включающую как вопросы права, так и вопросы справедливости. Сегодня еще существует разрыв между справедливостью и законом. Разрешение данного вопроса призвана обеспечить правовая реформа.

Правовая реформа направлена на трансформацию и стабилизацию системы права,

а следовательно, на совершенствование законодательства, повышение его качества, обеспечение его последовательности.

Существующее в настоящее время правовое поле еще далеко от совершенства. Некоторые из принимаемых законов противоречат и букве, и духу Конституции РФ, нередко принимаются законы, противоречащие международному законодательству. Правовые обязательства России по международным конвенциям и соглашениям, согласно Конституции РФ, имеют приоритет перед внутренним правом. Поэтому одной из задач правовой реформы является приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, поскольку соблюдение международно-правовых стандартов – основа успеха отечественных реформ. Недостаточная квалификация и опыт значительной части российских законодателей выступают объективным фактом, снижающим качество законодательства. Поэтому у истоков законодательного процесса должны быть высокие профессионалы, способные освоить и критически осмыслить весь богатейший российский и международный исторический правовой опыт, применить его к совершенствованию специфической российской правовой системы.

Проблема российского права обусловлена также нестабильностью законодательства. Изменения, внесенные во вновь принятые кодексы, коснулись почти половины содержащихся в них норм, при этом вносимые изменения не только не устраняют пробелы, но и создают новые коллизии.

Кроме того, определенные трудности вызывает кадровый состав юристов. В настоящее время остро ощущается потребность в высококвалифицированных юристах, поскольку развитие национальной экономики предопределяет необходимость существования как юристов, понимающих экономические проблемы, так и экономистов, разбирающихся в вопросах права. Именно поэтому необходимо направить особые усилия на воспитание юристов высокой квалификации. С нашей точки зрения, каждый человек, получающий юридическое образование, должен задумываться о своей дальнейшей востребованности на рынке труда.

Одним из направлений правовой реформы является качественная система правоприменения: от судов всех типов и всех инстанций до структур исполнения судебных решений, в том числе исполнения наказаний.

Реформирование системы государственной власти – еще одно направление правовой реформы, которое осуществляется силами не только государственных органов, но и юридического сообщества, а также широкой общественности. Отношение общества в целом и каждого его члена, в частности, к конституционным ценностям свидетельствует о состоянии гражданского общества в России.

Принятие Конституции 1993 г. стало важным этапом реформаторского процесса в России. Оно положило начало проведению комплексной правовой реформы. Однако реформирование всей системы государственного устройства и управления – процесс длительный, многоэтапный, участником ко-

торого является каждый член нашего общества. Без подлинного правосознания граждан невозможно построение развитой правовой системы. Задача эта крайне сложная. Для нее не существует готовых безошибочных решений. Вместе с тем без решения этой важной задачи не может быть большого будущего у России.

Библиографический список

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. – М., 2007.

2. О Конституции судебной реформы в РСФСР : постановление Верхов. Совета РСФСР от 24 окт. 1994 г. № 1801-1 // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

А. В. Воронков,

заместитель начальника

ВЮИ ФСИН России по учебной работе

кандидат педагогических наук, доцент

Личность как педагогическое понятие

Проблема личности всегда была одной из центральных в педагогике, а проблема воспитания личности – главная проблема педагогической теории и практики воспитания. Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, П. Ф. Лесгафт и другие крупнейшие педагоги XX в. видели в воспитании личности главную задачу педагогической деятельности. К. Д. Ушинский в предисловии к своему фундаментальному труду «Человек как предмет воспитания» наметил обширную программу того, что должен знать педагог о личности своих воспитанников, ибо «кто хочет учить, тот должен снизойти до потребности ученика, заглянуть в его душу»¹.

В то же время наблюдается парадокс в развитии педагогической теории. Рассматривая личность как цель, объект, субъект и результат воспитания, проанализировав огромное число проблем, связанных с воспитанием личности, педагогическая теория не имеет ни одной завершенной концепции личности и концепции целостного процесса воспитания личности. Такое положение сдерживает дальнейшее развитие теории воспитания и разработку направлений, способствующих повышению эффективности воспитательного процесса.

Подход к определению личности как педагогического понятия должен базироваться на наиболее общем философско-психологическом различии дефиниций «человек – индивид – личность». Личность – это совокупность качеств человека, приобретаемых им в процессе общественной жизни. В педагогике личность представляет собой развивающуюся систему отношений человека, с одной стороны, к себе и с самим собой, а с другой – к миру и с миром². Отношение человека к миру – это реализация концепции его жизни, т. е. то, каким он видит мир. Она включает в себя основы мироздания и картину мира. Если человек направлен на разрушение, его концепция жизни деструктивна.

Под картиной мира, по нашему мнению, следует понимать создаваемое у человека представление об окружающей социальной действительности. Человек живет в мире, который многолик, разнообразен и многозначен. С возрастом расширяется социальное пространство, в котором протекает жизнедеятельность человека. На наш взгляд, для профилактики разрушительного взаимодействия с миром необходимо полностью исключить как открытую, так и скрытую рекламу психоактивных веществ в средствах массовой информации и кино, на эстраде, по радио, телевидению; установить жесткий контроль за соблюдением законодательства в этой области и оперативно принимать самые жесткие санкции к нарушителям.

¹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М., 1948. Т. 2. С. 455.

² См.: Мудрик А. В., Никитский М. В. и др. Теория и методика создания условий развития личности в воспитательных организациях. М., 2007. С. 17.

В течение жизни у человека формируется мировоззрение. Согласно концепции Э. И. Монозана, мировоззрение – это обобщенная система взглядов, убеждений и идеалов, в которых человек выражает свое отношение к окружающей его природной и социальной среде¹. Оно играет роль прожектора, который высвечивает различные явления окружающей действительности; можно сказать, что это компас, указывающий направление и оценку причинно-следственных связей между явлениями и процессами. Становление картины мира выступает как основа мировоззрения. Отношение человека к миру зависит от осознанного отношения к своему здоровью и навыков безопасного образа жизни, исключающих применение искусственных веществ «счастья».

«Чтобы существовать как личность, человек должен творчески относиться к миру и "развивать" свой собственный взгляд на него, ставить перед собой новые задачи и решать их новыми способами»². Успешность и социальная значимость реализации себя личностью зависят от того, на какие сферы жизнедеятельности направлены интересы человека, в каких формах и насколько социально ценно и личностно значимо он себя реализует, насколько его поведение в окружающем мире определяется мировоззрением. Человеку присуще стремление как к сущностной, так и к внешней реализации себя. Последнее наиболее отчетливо проявляется в желании выделиться и утвердиться любыми способами, вплоть до социально неприемлемых (употребление психоактивных веществ, криминальные действия). Вместе с тем еще Э. Фромм писал: «Развитие личности достигается только упорным кропотливым трудом, сосредоточенностью, умением взять себя в руки, сконцентрировать свое внимание. У человека всегда есть две реальные возможности: либо остановиться в своем развитии и превратиться в порочное существо, либо полностью развернуть свои способности и превратиться в творца»³.

Сущностная реализация себя – это стремление раскрыть свои возможности и

дарования в контакте с миром и служении обществу и утвердиться в процессе успешной реализации себя в окружающей жизни. Отношение человека к себе – это представление человека о себе самом (включает образ «Я» – общественное представление о себе; с возрастом изменяется, углубляется и дифференцируется). Система частных самооценок органически входит в образ «Я», формируя его, однако не совпадает с ним, а отдельные самооценки могут ему даже противоречить. Это зависит от значимости для человека определенной черты характера, успеха или неудачи в различных сферах жизнедеятельности. Если школьник низко оценивает свои учебные успехи и высоко – спортивные (они для него наиболее значимы), то и на его отношение к себе больше влияют успехи в спорте, чем неудачи в учебе. С возрастом влияние внешних факторов на самооценку человека становится меньше, что ведет к возрастанию роли самоанализа.

Подход к развитию личности как к процессу решения специфических для каждого возраста задач предполагает рассмотрение трех групп задач.

1. *Естественно-культурные*. Они определяются физическим созреванием человека, которое в конкретных социально-культурных условиях имеет свою специфику: темпы полового созревания детей в различных регионах страны, представления о мужественности и женственности, характерные для разных этнических социально-культурных общностей.

2. *Социально-культурные*. Объективно они определяются обществом в целом, региональным и ближайшим окружением, в частности. Данные задачи подразделяются на две группы: 1) предъявляемые личности институтами воспитания в вербализованной форме; 2) воспринимаемые личностью из общественной практики, нравов, обычаев, психологических стереотипов непосредственного окружения. Достаточно часто указанные группы противоречат друг другу⁴.

3. *Социально-психологические*. Определяются физическим, психологическим и социальным созреванием человека. К ним можно отнести самосознание человека, самоопреде-

¹ См.: Монозан Э. И. Педагогический процесс как целостное явление. М., 1993. С. 54.

² Allport Y. W. The functional autonomy motives // Amerikon journal of psychology. 1973. Vol. 50. P. 141.

³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 250.

⁴ См.: Мудрик А. В., Никитский М. В. и др. Указ. соч. С. 18.

ление, самоутверждение. На каждом возрастном этапе содержание данных задач и способы их решения имеют качественно и количественно специфический характер.

Человек осознанно или неосознанно определяет реальность и успешность достижения определенных целей, что позволяет ему, обнаружив расхождение между своими запросами (целями) и объективными возможностями их реализации (достижение цели), определенным образом реагировать на это. Он может изменять цели, искать более реальные пути их достижения. Таким образом, человек не пассивен в решении объективных задач, а является в определенной степени творцом своей жизни, ибо сам ставит перед собой кон-

кретные цели. Можно сказать, что человек – субъект собственного развития.

Библиографический список

1. Мудрик, А. В. Теория и методика создания условий развития личности в воспитательных организациях / А. В. Мудрик, М. В. Никитский [и др.]. – М., 2007.

2. Allport, Y. W. The functional autonomy motifs / Y. W. Allport // *Amerikon journal of psychology*. – 1973. – Vol. 50.

3. Моносан, Э. И. Педагогический процесс как целостное явление / Э. И. Моносан. – М., 1993.

4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М., 1994.

А. А. Ашин,
*заведующий кафедрой уголовного права
и процесса факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета*
кандидат юридических наук

М. Л. Добрынина,
*доцент кафедры уголовного права
и процесса факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета*
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В юридической литературе, отечественных и международных нормативных правовых актах часто употребляется понятие «права и свободы человека». Так, в ст. 2 и ряде других статей Конституции РФ речь идет о правах и свободах человека. В связи с этим возникает вопрос о признаках, отличающих права человека от его свобод. Сразу следует подчеркнуть, что по своей юридической природе и системе гарантий права и свободы идентичны. Они охватывают социальные возможности человека в различных сферах, обеспечиваемых государством.

Вместе с тем анализ конституционного законодательства свидетельствует о том, что термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не обозначая конкретного ре-

зультата: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова» (ч. 1 ст. 29); «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания...» (ст. 28) и др. Между тем термин «право» определяет конкретные действия человека (например, право участвовать в управлении делами государства, право избирать и быть избранным). Однако четко разграничить права и свободы человека очень трудно, поскольку нередко всю сферу прав с четко определенными правомочиями также именуют свободами.

Термин «свобода» употребляется в юридической литературе в двух значениях, хотя и неразрывно связанных. В общем смысле он означает состояние народа и отдельного человека, которое характеризуется возможностью действовать по своему усмотрению. Этот термин в Конституции РФ выполняет роль основополагающего философского принципа, который реализуется через весь комплекс конституционно-правовых норм. Иное дело – свобода как субъективная возможность совершать или не совершать какие-то действия (например, свобода совести, свобода слова и др.). В этом смысле термин «свобода», по существу, тождествен термину «субъективное право», а различие объясняется только тем, что такая юридическая лексика сложилась исторически (в XVIII–XIX вв. – учение о свободе). Однако нельзя не учитывать, что свобода в субъективном понимании (как субъективные права) является юридической формой реализации свободы народа и отдельного

человека в общем, философском, смысле этого слова. Один из постулатов учения о свободе гласит, что ни один набор прав не исчерпывает содержания свободы.

Рассмотрим понятия «права человека», «права личности», «права индивида». Хотя они и являются однопорядковыми, тем не менее не тождественны. Человек, с одной стороны, часть природы, с другой – существо социальное. «Индивид – тоже, что индивидум – отдельный живой организм, особь»¹. «Понятие «личность» отражает лишь социально значимое в человеке. Это его общественная сущность, которая развивается вместе с обществом и только на его основе»². Человек – это единство природного (биологического) и общественного (социального). Поэтому, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что понятие «права человека» включает в себя понятия «права индивида» (как части природы, как человеческой особи) и «права личности» (как части общества).

В этой связи интересна точка зрения И. В. Ростовщикова, который использует термин «личность» как объединяющий по отношению к понятиям «человек» и «гражданин», обосновывая такой взгляд тем, что это «нередко встречается и в международно-правовых актах, и в конституциях отдельных стран (России, Испании, Германии и др.)»³.

Однако следует заметить, что не любая личность является гражданином (например, лицо без гражданства). Поэтому, на наш взгляд, понятие «гражданин» уже понятия «личность». Конституция РФ, характеризуя этот статус, применяет оба понятия, фиксируя права и свободы человека и гражданина.

Понятие «права человека», на наш взгляд, подчеркивает неотъемлемость прав человеческой личности как таковой, вытекающих, как отмечается в преамбуле Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., из «присущих всем членам человеческой семьи достоинства и свободы». Человек здесь

выступает вне исторических или территориальных общностей, принадлежности к гражданству какого-либо государства.

Понятие «права гражданина» исходит из незабываемых прав личности как гражданина государства, определяет его права и свободы в качестве такового и тесно связано с гражданством лица.

Разграничение, «раздвоение» прав человека и прав гражданина вытекает из различия, существующего между гражданским обществом и государством, преодолевает одностороннее рассмотрение человека в его взаимосвязи только с государством, сужение сферы его самоопределения. Человеку как таковому отводится автономное поле деятельности, где движущей силой выступают его индивидуальные интересы. Реализация такого интереса осуществляется в гражданском обществе, основанном на частной собственности, семье, и опирается на естественные права человека, принадлежащие ему от рождения. Государство, воздерживаясь от вмешательства в эти отношения, призвано ограждать их не только от своего, но и от чьего бы то ни было вмешательства. Таким образом, «в гражданском обществе на основе прав человека создаются условия для самоопределения, самореализации личности, обеспечения ее автономии и независимости от любого незаконного вмешательства», т. е. для реализации частных интересов»⁴.

Права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством (сферу публичных интересов), в которой он рассчитывает не только на ограждение своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие государства в их реализации. Статус гражданина вытекает из особой правовой связи с государством института гражданства.

Все статьи гл. 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина» последовательно проводят различие между правами и свободами по указанному принципу. Это находит свое отражение в формулировке статей. Там, где речь идет о правах человека, Конституция РФ использует формулировки: «каждый имеет право», «каждый может», «каждому гарантируется» и т. д., что свидетельствует о признании указанных прав за

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986. С. 281.

² Семинарские занятия по философии: Учеб.-метод. пособие / Под ред. К. М. Никонова. М., 1991. С. 225.

³ Ростовщиков И. В. Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практики ОВД: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 5.

⁴ Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1996. С. 32.

любим человеком, находящимся на территории России, независимо от того, является ли он гражданином РФ, иностранцем или лицом без гражданства.

Наряду с этим в ст. 31–33, 36 сформулированы права, принадлежащие только гражданам РФ. Это преимущественно политические права: право собраний, митингов, демонстраций; право участвовать в управлении делами государства; право избирать и быть избранным; право равного доступа к государственной службе; право на участие в отправлении правосудия и др.

На современном этапе развития концепции прав человека термин «права человека» неотделим от понятия «правовое государство». Существует немало работ, посвященных правовому государству (С. С. Алексеев, В. Н. Кудрявцев, В. В. Лазарев и др.), где перечисляются десятки различных признаков правового государства, среди которых: господство права и верховенство правового закона во всех сферах социальной жизни, признание прав и свобод человека в качестве высшей ценности, взаимная ответственность государства и личности, разделение властей, наличие гражданского общества, создание надежных механизмов препятствия узурпации власти кем бы то ни было, контроль общества за деятельностью государственного аппарата, правовая защищенность всех субъектов общественных отношений и др. То есть различные исследователи выделяют различное количество признаков государства, однако среди них неизменно присутствует обеспечение прав человека и гражданина.

Русский либеральный юрист Б. А. Кистяковский отмечал, что главное и самое существенное содержание права составляет свобода, и право есть только там, где есть свобода личности. «Если мы сосредоточим свое внимание на правовой организации правового государства, то для уяснения его природы наиболее важным является именно это свойство права. Поэтому правовой порядок есть конституционная система отношений, при котором все лица данного общества обладают наибольшей свободой деятельности и самоопределения»¹.

¹ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1990. № 3. С. 56.

П. Новгородцев, анализируя природу правового государства, основанного на свободе и правах человека, подчеркивал, что именно в этом качестве государство сохранило практическую ценность необходимой и целесообразной организации, оказывающей человечеству элементарные, но незаменимые услуги².

В. С. Нерсисянц к числу отличительных признаков правового государства относит верховенство закона, реальность прав и свобод индивида, организацию и функционирование суверенной судебной власти на основе принципа разделения властей, правовую форму взаимоотношений личности и общества³.

Можно приводить и другие определения понятия правового государства, однако, при различиях конкретных структурных элементов, включенных в это понятие, неизменным элементом выступает свобода личности, объективированная в системе ее неотъемлемых прав.

Часть 1 ст. 1 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством с республиканской формой правления. Смысл правового государства раскрывается через ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Существует множество понятий прав человека. Так, Е. А. Лукашева берет во внимание только основные права человека и определяет их следующим образом: «Под основными правами человека следует понимать права, содержащиеся в конституции государства и международных правовых документах по правам человека, в частности, в Международном Билле о правах, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Европейской социальной хартии (1961 г.)»⁴. Таким образом, она подходит к понятию прав человека с точки зрения их закрепления в государственном и международном законодательстве. Но, про-

² См.: Новгородцев П. Кризис современного правосознания. М., 1990. С. 388.

³ См.: Нерсисянц В. С. История идей правовой государственности. М., 1993. С. 15.

⁴ Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. С. 19.

должая свою мысль, она далее пишет: «Если какое-либо основное Право человека не вошло в конституцию государства, то оно должно быть признано в данном государстве независимо от его конституционного закрепления. Приоритет международного права по отношению к внутригосударственному в области прав человека является общепризнанным принципом международного сообщества»¹. Если задуматься над смыслом данного определения, то можно заметить, что основанием закрепления прав человека в основных законах различных государств и даже международных правовых актах являются их высокая ценность, естественность и неотчуждаемость. Поэтому, на наш взгляд, точнее будет толковать понятие «права человека» через их сущностную сторону, как, например, это сделано в словаре-справочнике «Международное право»: «Права человека – права, присущие природе человека, без которых он не может существовать как полноценное человеческое существо»².

Однако это определение тоже не лишено недостатков, так как существует некоторая тавтология (права человека – это права...). Поэтому, если рассматривать понятие «право» как возможность и притязание, то понятие «права человека» можно сформулировать следующим образом: права человека – это комплекс возможностей и притязаний человека в личной, социальной, экономической, политической и культурной сферах, присущих его природе, характеризующих его правовой статус по отношению к государству, признанных и законодательно оформленных во внешнем (международном) и во внутреннем (государственном), или только в международном праве (учитывая приоритет (примат) международного права) и гарантируемых всем международным сообществом, без которых он не может существовать как полноценное человеческое существо.

Происходящее расширение круга конституционных прав и свобод требует их определенной группировки, которая облегчила бы изучение связанных с данным ин-

ституту правовых проблем. Классификация может осуществляться по различным основаниям, однако следует иметь в виду, что она нередко весьма условна, ибо оказывается, что одно и то же право может принадлежать к нескольким классификационным группам. В таких случаях в предлагаемых ниже классификациях они относятся в те группы, к которым ближе по своему существу. Не следует также забывать, что права человека в целом неделимы и составляют единый комплекс.

В зависимости от способа закрепления (внутригосударственного источника закрепления) права можно разделить на закрепленные в конституционном законодательстве и закрепленные в текущем законодательстве (например, права должностного лица, права покупателя).

Критерием закрепления, в свою очередь, является социальная значимость прав и свобод для человека и общества. Следует также отметить, что конституционное закрепление находят наиболее важные, неотъемлемые (основные) права и свободы человека, которые составляют ядро правового статуса личности.

Классификация конституционных прав проводится по различным основаниям. Во-первых, в зависимости от наличия гражданства выделяют: права человека (право на жизнь, здоровье и др.) и права гражданина (право избирать и быть избранным и др.).

Во-вторых, в зависимости от субъекта права и свободы подразделяются на индивидуальные («каждый имеет право...» и др.) и коллективные (например, ч. 3 ст. 40 Конституции РФ гласит: «Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно...», или право объединений граждан иметь в частной собственности землю)³.

В-третьих, в зависимости от значимости, производности, роли права человека делятся на основные и дополнительные (производные). Например, право участвовать в управлении государством – основное право, а право избирать и быть избранным – дополнительное.

¹ Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. С. 19.

² Додонов В. Н., Панов В. П., Румянцева О. Г. Международное право: Слов.-справ. / Под общ. ред. В. Н. Трофимова. М., 1997. С. 235.

³ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб.: В 4 т. / Отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1995. Т. 1–2. С. 112.

В-четвертых, в зависимости от способа конституционного формулирования прав и свобод говорит о сформулированных позитивным способом («может», «имеет право», «вправе» и др.) и негативным способом («никто» или безличная формулировка в сочетании с глаголом с частицей «не», например «не должны»). Конечно, слово «никто» означает буквально отсутствие какого бы то ни было субъекта, но в законодательном контексте такого рода оно равнозначно выражению «все». Если в утвердительном предложении употребляется выражение «все», то в отрицательном, если мы имеем в виду всех вместе и каждого из них в отдельности, для обозначения этого невозможно никакое слово, кроме «никто».

В-пятых, по характеру обеспечения конституционных прав и свобод их можно разграничить на права, для осуществления которых требуется со стороны государства предоставление в распоряжение граждан определенных материальных и духовных благ (право на социальное обеспечение, на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также на защиту от безработицы) и права, для реализации которых достаточно поддержания общественного порядка и законности (неприкосновенность личности, жилища и др.). В предложенную классификацию не вписываются права, направленные на охрану других прав и свобод. К последним следует отнести: право на жалобу, право на судебный иск, право обвиняемого на защиту и др. Указанную группу прав можно именовать как категорию прав, выражающую правомочия граждан по защите своих прав и свобод.

Таким образом, по объекту основные права и свободы можно разделить на две группы: первую группу составляют те права, которые предусматривают пользование определенными социальными благами, вторая же группа направлена на охрану других прав и свобод¹.

В-шестых, в соответствии со сферами жизнедеятельности (самая распространенная классификация) права человека подразделяются: на гражданские (личные); политиче-

ские; социальные; экономические; культурные; экологические². Причем приведенная классификация не является исчерпывающей.

Правовой статус, его природа, права и обязанности как ключевые понятия привлекают пристальное внимание юристов. Существует несколько подходов к определению правового статуса личности. Структура правового статуса представлена различным набором элементов.

Некоторые ученые включают непосредственно в это понятие гражданство³. Однако, по нашему мнению, гражданство должно рассматриваться как определенное политико-юридическое состояние – предпосылка, определяющая правовой статус индивида в полном объеме, без каких-либо изъятий. Известно, что иностранцы, проживающие в данном государстве, а также лица без гражданства могут тоже обладать правовым статусом в ограниченном объеме (такого рода ограничения определяются конституционным либо иным законодательством той или иной страны).

В структуру правового статуса включают также общую правоспособность, гарантии⁴; законные интересы⁵; юридическую ответственность⁶ и др.

На наш взгляд, ряд дополнительных элементов следует считать либо предпосылками правового статуса (например, гражданство, общая правоспособность), либо элементами вторичными по отношению к основным (так, юридическая ответственность вторична по отношению к обязанностям, без обязанностей нет ответственности), либо категориями, далеко выходящими за пределы правового статуса (система гарантий). Законные инте-

² Некоторые авторы предлагают другую классификацию, например, А. И. Коваленко делит права человека на гражданские, политические и личные (см.: Коваленко А. И. Конституционное право РФ. М., 1995. С. 48–60), но большинство все же придерживаются данной классификации.

³ См.: Конституция РФ: Комментарий. М., 1994. С. 76.

⁴ См.: Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 21–26; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право РФ: Учеб. пособие. М., 1995. С. 189–192; Воеводин Л. Д. Указ. соч. С. 31.

⁵ См.: Витрук Н. В. Основы правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 29.

⁶ См.: Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 115.

¹ См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. М., 1997. С. 186.

рессы, т. е. интересы, которые прямо не закреплены в юридических правах и обязанностях, едва ли необходимо выделять в качестве самостоятельного элемента правового статуса личности. Интерес предшествует правам и обязанностям независимо от того, находят ли они прямое закрепление в законодательстве или просто подлежат правовой защите со стороны государства. Интерес – это категория внеправовая, или «доправовая», и, разумеется, закрепляется не только в конкретных правовых предписаниях, но и в общих принципах права. Правовое положение и защита интересов личности – одна из важных функций правовой системы государства. Поэтому, на наш взгляд, следует ограничить понятие правового статуса категориями прав, свобод и обязанностей, которые позволяют четко выделить его структуру. По всей вероятности, предстатусные и послестатусные элементы целесообразно включить в понятие «правовое положение личности», как это предлагают Н. В. Витрук и В. А. Кучинский¹.

Рассмотрим общую характеристику *гражданских (личных) прав*. Гражданские права и свободы выражают гуманистические основы жизни общества, защищают пространство личной жизни человека, индивидуальную свободу от вмешательства извне. Конституционное закрепление гражданских прав и свобод в Российской Федерации является законодательным признанием социальной значимости личной свободы, развития человеческой индивидуальности, возможности выбора различных форм организации личной жизни.

Специфические особенности этой группы прав и свобод заключаются в следующем:

- они являются по своей сущности правами человека, т. е. каждого, и не увязаны напрямую с принадлежностью к гражданству государства, не вытекают из него;
- эти права человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения;
- они охватывают такие права и свободы лица, которые необходимы для охраны его жизни, свободы, достоинства как человеческой личности, и другие естественные права, связанные с его индивидуальной, частной жизнью (равенство и равноправие; право на

жизнь; достоинство личности; право на свободу и личную неприкосновенность; право на частную жизнь; неприкосновенность жилища; национальная принадлежность; свобода передвижений и выбора места жительства; свобода совести и вероисповедания; свобода мысли и слова; общая характеристика политических прав и свобод личности).

Политические права и свободы раскрывают социальные позиции личности по отношению к власти, уровень ее политической свободы, участия в политических процессах. Во Франции их именуют «публичными свободами». Они представляют собой возможности граждан участвовать в управлении государственными и общественными делами.

В зависимости от способа привлечения граждан к осуществлению государственной власти политические права и свободы имеют своим назначением, во-первых, непосредственное участие граждан в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общего государственного и местного значения; во-вторых, способствуют развитию политической активности граждан и обеспечивают удовлетворение политических интересов граждан; в-третьих, гарантируют гражданам доступ к государственным должностям без каких-либо различий, за исключением специальных требований, установленных законом. К ним относят: право на объединение, право на мирные собрания и публичные манифестации, право на участие в управлении делами государства, право обращений, общая характеристика социально-экономических и культурных прав и свобод.

Социальные права и свободы – это группа прав, сформировавшаяся позже других, а именно в течение XX в., в которую входят реально гарантированные возможности использования материальных и духовных благ для удовлетворения потребностей человека в социальной сфере. Иными словами, они затрагивают область наемного труда и смежные с ней вопросы.

Экономические права и свободы в своей основе связаны с правом собственности, охватывают свободу человеческой деятельности в сфере производства, обмена, распределения и потребления товаров и услуг.

Совокупность культурных прав обеспечивает свободу доступа к духовным и ма-

¹ См.: Витрук Н. В. Указ. соч. С. 23–34; Кучинский В. А. Указ. соч. С. 119–135.

териальным ценностям, созданным человеческим сообществом.

Группа *экологических прав* оформилась позднее других – во второй половине XX в. Конституционное их закрепление стало необходимым в связи с проблемой выживания человечества как биологического вида в условиях использования атомной энергии, развития химической промышленности, разработки природных ресурсов новой техникой и т. д.

Таким образом, анализ различных подходов и интерпретаций прав и свобод показывает, что основные из них те, которые содержатся в конституции государства и международных правовых документах по правам человека.

Главным понятием, характеризующим содержание и особенности правового положения, выступает правовой статус личности, включающий в себя такие элементы, как: общую правоспособность, гарантии, законные интересы, юридическую ответственность.

Правовое положение и защита интересов личности является важнейшей функцией

правовой системы государства, демонстрирующей уровень развития правосознания и правовой культуры его граждан. Гражданские права и свободы личности выражают гуманистические основы жизни общества, в определенной мере защищают пространство личной жизни человека, индивидуальную свободу от вмешательства извне.

Анализ специальной литературы по проблеме демонстрирует целесообразность выделения следующих основных групп прав и свобод: общегражданские; политические; социальные; экономические; культурные и экологические.

Библиографический список

1. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М., 1997.

2. Ростовщиков, И. В. Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практики ОВД : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997.

В. В. Богатырев,

*заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

Е. В. Юдина,

*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

УНИФИКАЦИЯ МЕСТА И РОЛИ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ МИРА И СТАНОВЛЕНИЕ ЕГО КАК ИСТОЧНИКА ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА

В последние десятилетия в зарубежной и отечественной литературе, посвященной проблемам глобализации, повышенное внимание уделяется «нарастающей» общности, дальнейшему «сближению» (конвергенции) правовых систем и формированию на их основе единой «глобальной юриспруденции», единого «глобального сообщества судов» и единой «космополитической концепции юрисдикции»¹. Весьма показательным в этом

отношении являются исследования, проводящиеся в сфере судейского права вообще и его источников – судебных прецедентов, в частности. Данное исследование посвящено унификации судебного прецедента в правовых системах мира и становления его в качестве источника глобального права.

Современная наука наконец-то пришла к выводу, что глобализация – это объективный процесс, не зависящий от воли и желаний национальных элит и представляющий собой многомерный, объективный процесс становления глобальной общности людей в масштабе всего человечества в единстве с природной сферой планеты Земля².

При исследовании данного процесса было замечено, что параллельно в нем идут две противоположные тенденции – интегративная и дезинтегративная.

Известный исследователь глобализации М. А. Чешков интегративную тенденцию определяет как позитивный процесс растущей взаимосвязанности и целостности человечества. «Формула этого видения проста: мир становится единым, взаимосвязанным, це-

¹ См.: Berman P. The Globalization of Jurisdiction // University of Pennsylvania Law Review. 2002. № 2. P. 554, 545.

² См.: Барлыбаев Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М., 2003. С. 24.

лым и, более конкретно, предстает как система связей между людьми и народами... или же, в более общей версии, – как глобальная система. Это доминирующее представление о сущности глобализации не исключает других, более конкретных вариантов. К числу таковых относятся трактовки сущности глобализации как всемирно-исторической связи... как единства мира на базе мировых финансов и различных институтов... как процесса слияния национальных экономик в единую мировую экономику и т. д.»¹.

В этой связи глобализация представляет собой процесс все более возрастающего воздействия различных факторов международного значения на социальную действительность в отдельных странах, объективную, наиболее заметную и доминирующую тенденцию современного мирового развития.

Между тем многими исследователями глобализация рассматривается как дезинтеграционный, дегуманизирующий процесс, отражающий проблемы общечивилизационного развития его лидера – западной техногенной цивилизации, базирующейся на известных гуманистических ценностях западно-европейского рационализма². Осознавая подобный кризис, страны Востока пытаются интегрироваться в данный процесс, при этом предлагая свое решение возникающих проблем.

При это намечается распад крупных государственных образований на более мелкие, обусловленный возрастающим самосознанием малых народов, и как результат нарастание международного напряжения и разрастание межнациональных и межэтнических конфликтов.

¹ *Пырин А. Г.* Обсуждение энциклопедии «Глобалистика» // Вестн. Рос. филос. об-ва. 2004. № 1(29). С. 89–90.

² См.: *Мясникова Л. А.* «Новая экономика» в пространстве постмодерна // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 3–15; *Шиников Ю. В.* Глобализация и проблема экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами // Внешнеэкон. бюл. 2002. № 8. С. 3–18; *Клепацкий Л. Н.* Глобализация и национальные интересы // Междунар. жизнь. 2000. № 1. С. 87–95; Современный гуманизм: Проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. В. А. Решетникова. Иркутск, 2004; Парадоксы глобализации – вызовы и поиски ответа: Материалы постоянно действующего междисциплинар. семинара клуба ученых «Глобальный мир». М., 2001. Вып. 7 и др.

В любом случае процесс глобализации, как в интеграционном, так и в дезинтеграционном варианте, ведет к возрастающей напряженности в международных отношениях и необходимости создания новой, адекватной возникшим ситуациям, международной нормативной системы для направления данного явления в цивилизованное русло, дающей гарантии защиты человеческой цивилизации от возможных вооруженных потрясений. Целесообразно называть данную нормативную систему глобальным правом³.

Создание единой международной глобальной правовой системы невозможно без создания единой системы формально-юридических источников. Теоретически система формально-юридических источников в рамках теории права определена и состоит: из законов, подзаконных актов, правовых договор, судебных и административных прецедентов, правовых обычаев, правовых доктрин⁴. При этом стоит отметить, что в каждой правовой семье, а сегодня их насчитывается в основном три: романо-германская, англо-американская и смешанная, – содержание и значение того или иного формально-юридического источника сугубо индивидуально и своеобразно. В соответствии с темой настоящей статьи рассмотрим унификацию судебного прецедента в каждой из правовых семей мира, необходимую для гармоничного вхождения последних в единое глобальное право.

Прецедент как источник права известен с древнейших времен. В Древнем Риме в качестве прецедентов выступали устные заявления (эдикты) или решения по конкретным делам преторов и других магистратов. Первоначально они имели обязательную силу при рассмотрении аналогичных дел лишь для самих магистратов, их принявших, и то лишь в течение определенного срока. Однако постепенно наиболее удачные эдикты приобрели устойчивый характер и постепенно сложились в систему общеобязательных норм под названием преторского права.

³ См.: *Богатырев В. В.* Глобальное право как закономерный этап правового развития / Вестн. Иван. гос. энергет. ун-та. Приложение: Актуальные проблемы экономического и социально-гуманитарного знания. Иваново, 2006. С. 50–53.

⁴ См.: *Марченко М. Н.* Источники права: Учеб. пособие. М., 2006. С. 104–105.

В настоящее время под судебным прецедентом традиционно понимают такое решение по конкретному делу, которое подсказывает другим судьям, какое решение следует принимать при разрешении аналогичных дел в будущем¹.

Распространение правового прецедента как источника права обусловлено прежде всего несколькими факторами: во-первых, усилением роли судебной составляющей в системе разделения ветвей власти, при разрешении конкретных вопросов правосудия; во-вторых, увеличением скорости развития общественных структур, при которой законодатель физически не способен вовремя поспеть за возникающими общественными отношениями, требующими необходимого урегулирования правом, что дает основания для развития судебного нормотворчества². Как писал известный английский ученый-юрист Р. Кросс, «роль прецедента в качестве источника права во всех правовых семьях сводится к одному: почти везде судебный прецедент обладает убеждающей силой»³.

Привлекательность прецедентного права имеет ряд положительных черт, которые способствуют его распространению в условиях глобализации:

1. Прецедент обеспечивает необходимую степень единообразия в решении судов, что приводит к определенности судебных решений и к их надежности.

2. Данный источник права явно показал свою способность к развитию, так как могут формироваться новые положения права, а старые – приспосабливаться к возникающим условиям.

3. Прецеденты позволяют учитывать конкретные обстоятельства дела, что позволяет выносить справедливые решения по рассматриваемым делам.

4. Судебные решения по аналогичным делам конструируются с учетом реальных дел и уже существующим обстоятельствам, что, с одной стороны, может считаться положительным явлением, а с другой – отрицатель-

ным, так как они не могут осуществлять превентивного регулирования при возникновении новых обстоятельств и условий, которые могут возникнуть в будущем.

5. Общая правовая норма довольно гибка, так как позволяет распространить свое действие на значительное количество реальных ситуаций. Например, стандарт требования «не допускать небрежности в отношении окружающих людей», сформулированный в деле *Donoghue v. Stevenson* (1932), применяется ко всем случаям независимо от конкретных обстоятельств причинения вреда⁴.

Однако при этом данный формально-юридический источник не лишен ряда недостатков, что накладывает отпечаток на его распространение в мировом правовом пространстве.

Во-первых, отсутствие системности в формировании всей массы прецедентов, в которой еще и нет иерархии нормативных материалов, что усложняет его использование при разрешении конкретных дел.

Во-вторых, совокупность прецедентов настолько велика, что отдельный человек не может претендовать на то, чтобы знать их все. Даже умудренные опытом профессионалы-юристы иногда выпускают из виду некоторые важные нормы и положения права. Стоит отметить, что сегодня только в английском праве их насчитывается более 350 тыс. действующих прецедентов⁵.

В-третьих, многие ученые, особенно в английском праве, выделяют как негативную особенность прецедента его строгость. В общем праве считается, что отклонения от прецедента не допускаются, даже если его считают ошибочным. Но при этом стоит отметить, что уже в американской правовой системе при применении прецедента возможны отклонения и судьи жестко не связаны с прошлыми своими решениями.

В-четвертых, прецедентное право как система довольно медленно изменяется, так как оно зависит от рассмотрения судами конкретных дел, а поскольку судебные тяжбы могут затягиваться на долгое время, то и формирование нового права также затягивается на многие годы. Кто-то из английских

¹ См.: Романов А. К. Правовая система Англии: Учеб. пособие. М., 2002. С. 162.

² См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т.: Пер. с нем. М., 1998. Т. 1: Основы. С. 403.

³ Кросс Р. Прецедент в английском праве / Под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М., 1985. С. 25.

⁴ См.: Романов А. К. Указ. соч. С. 177.

⁵ См.: Ingham T. The English Legal Process. Blackstone Press, 1996. P. 242.

судей отметил в этой связи, что для введения через прецедент нового права требуется не менее ста лет, а нужда в нем уже отпадает. После этого должно пройти еще сто лет, чтоб от этого права можно было избавиться.

При этом важно отметить, что в глобальном праве данные негативные явления прецедентов легко гасятся иными формально-правовыми источниками права, в чем и заключаются преимущества в целом системы источников позитивного права.

В современном мире сохраняется особенность в подходах к прецеденту в различных правовых семьях: англо-американской, романо-германской и в смешанных правовых семьях.

В настоящее время основным источником права судебный прецедент является в правовых системах Канады, США, Великобритании и многих других стран. Сегодня почти треть мира живет по принципам, сформулированным в английском праве. Как источник права прецедент широко использовался в средние века. После захвата Англии в 1066 г. Вильгельмом I Завоевателем на смену разрозненным местным актам приходит общее для всей страны право. В этот период создаются королевские разъездные суды, которые решают дела с выездом на места и от имени короны. Выработываемые судьями решения брались за основу другими судебными инстанциями при рассмотрении аналогичных дел. Так стала складываться единая система прецедентов, общая для всей Англии, получившая название «common law» (общее право).

Однако нужно отметить, что даже внутри стран англо-американской семьи прецедент применяется по-разному. В Англии существует строгое правило прецедента, которое обозначается термином «stare decisis». В США правило прецедента действует не так жестко в силу особенностей федеративного устройства этой страны.

Следует обратить внимание на то, что при использовании судебного решения как источника права обязательными для судов являются не все решения или приговор, а только правовая позиция судьи, на основе которой выносится решение.

Каждое судебное решение в своем становлении проходит следующие этапы:

- установление существенных фактов дела, прямых и производных;

- изложение правовых принципов, применяемых к правовым вопросам, возникающим из конкретных обстоятельств;

- вывод судьи, основанный на предыдущих этапах.

Для самих сторон и заинтересованных лиц третий этап является основным, так как именно на нем окончательно устанавливаются их права и обязанности в отношении оснований дела. Однако с точки зрения доктрины прецедента наиболее существенным элементом в решении является второй этап, так как это и есть суть дела, или, как называют специалисты по англосаксонской правовой системе, «ratio decidendi». Остальная часть решения есть «obiter dictum» (попутно сказанное), и она не является обязательной для судей. Было бы ошибочным считать, что obiter dicta вообще не имеет силы прецедента. Оно является не обязательным, а только убеждающим прецедентом. Когда правовая аргументация исходит от суда более высокого ранга и представляет собой хорошо продуманную формулировку правовой нормы, а не случайно высказанное мнение, тогда "попутно сказанному", как правило, следуют, если, конечно, нет обязательного прецедента противоположного характера.

Другим видом убеждающих прецедентов являются решения судов, стоящих по иерархии ниже того суда, которому предлагается последовать этим решениям.

По отношению к закону прецедент находится в подчиненном положении. Это проявляется, в частности, в том, что законом может быть отменено действие судебного решения, и в том, что любой законодательный акт, принятый уполномоченным на то органом и в соответствии с установленной процедурой, должен в обязательном порядке признаваться и применяться судами. Сам суд, создавая прецедент, должен действовать в строгом соответствии с законом.

В странах с правом, относящимся к романо-германской правовой семье, отношение к прецеденту как источнику права довольно противоречиво¹. Это противоречие проявляется прежде всего в том, что в одних странах он признается в качестве формально-юридического источника, в других не признается вовсе, при этом в некоторых правовых систе-

¹ См.: International Encyclopedia of Comparative Law. 1994. Vol. II. Ch. 3. P. 112–113.

мах прецедент применяется довольно широко, а в отдельных странах – незначительно.

Данное обстоятельство, как утверждает М. Н. Марченко, обусловлено тем, что «не было выработано ни общей концепции относительно места и роли, а так же значимости прецедента в системе источников, ни единообразного его применения судами»¹. Но при том, хотя теоретически прецедент и не признается источником права, он применяется на практике во всех странах данной правовой семьи.

В частности, к странам, официально признающим и законодательно закрепившим прецедент как источник права, относится Швейцария. В Гражданском кодексе данной страны (ст. 1) особо указывается, что «право должно применяться во всех без исключениях случаях, исходя из буквы и духа содержащихся в ней положений». При наличии правового вакуума в конкретном деле «судья должен решать вопрос в соответствии с существующим обычным правом». При этом «в соответствии с создаваемыми им нормами и относительно их судья действует так, как если бы он был законодателем». В процессе осуществления такого рода деятельности судья не должен выходить за рамки, установленные «признанными правовыми доктринами и нормами прецедентного права»².

Подобной позиции придерживаются и в Испании, где решения Верховного суда Испании формируют так называемую общую правовую доктрину. Согласно закону нарушение ее является одним из важнейших оснований для обжалования судебных решений в Верховный Суд³.

В другую группу входят страны, где «судебное право формально не признается сколько-нибудь значащим источником права»⁴, но при этом оно играет в реальной жизни весьма значительную роль. К таким странам относятся ФРГ, Дания, Италия, Норвегия, Финляндия, Швеция, Голландия и Греция.

На примере Греции можно продемонстрировать, какую роль играет прецедент в данной

группе стран. Здесь формально – созидательная роль судебных решений обычно сводится только к толкованию законов, а законодательная функция осуществляется парламентом и другими государственными органами⁵. Соответственно в формальном плане судебные решения не рассматриваются в качестве источников права, и суды в своей деятельности «не связаны юридическим прецедентом, как это имеет место в англо-американской правовой семье»⁶. Но при этом, как отмечают многие исследователи, прецедентное право там действует. Это проявляется, с одной стороны, в том, что Верховный Суд страны принимает весьма важные решения, приравненные к прецеденту. С другой стороны, нижестоящие суды Греции «обычно приспосабливаются к решениям вышестоящих судов», «хотя технически они никак не связаны этими решениями»⁷. Аналогично обстоит дело и в Дании, где не только обычные суды «не связаны прецедентами», но и даже Верховный Суд «не связан» своими собственными решениями, «хотя и очень редко отклоняется от них». Тем не менее фактически судебные решения в этой стране имеют «значительный вес, в особенности если исходят от Верховного Суда»⁸.

На современном этапе в третью группу входит только Франция, в которой прецедент не только не признается как источник права, но и полностью отрицается. Согласно положению Декрета об организации судопроизводства от 16–24 августа 1790 г. (гл. II, ст. 10) судам полностью запрещалось «устанавливать правила общего порядка и общеобязательные прецеденты»⁹. Правда, позднее эти запреты были несколько модифицированы в ст. 4 и 5 Гражданского кодекса Франции 1804 г. (Кодекса Наполеона). Однако эти «фундаментальные и далеко идущие изменения в положении французских судов, по существу своему, до сих пор сохранились»¹⁰.

⁵ См.: Introduction to Greek Law / Ed. by K. Kera-meus, Ph. Koziris. Athens, 1987. P. 15.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Introduction to Dutch Law for Foreign Lawyers / Ed. by J. Chorus, P. Gerverj E. Hondius, A. Koekkoek. Kluwer, 1993. P. 16.

⁹ Источник: Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб., 2004.

¹⁰ Jackson R. The Machinery of Justice in England. Cambridge, 1987. P. 54–126.

¹ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 508.

² National Reports. 1998. Vol. I. P. 184–185.

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998. С. 104.

⁴ Foster N. German Law and Legal System. Mayfield, 1993. P. 47.

«С точки зрения строгой теории права во Франции вообще отсутствует прецедентное право»¹. Считается, что Гражданский и Уголовный кодексы вместе с другими законодательными актами «теоретически охватывают любую правовую ситуацию, с которой сталкиваются обычные суды». Поэтому можно утверждать, что во Франции, «строго говоря, прецедентное право не является источником правовых норм потому, что судья не обязан учитывать его при вынесении решения»². При этом не стоит забывать, что Франция является частью Европейского союза, где судебный прецедент имеет большое значение в создании единого европейского права, в формировании которого значительную роль играет Люксембургский суд Европейского сообщества. Исходя из этого судебный прецедент, пусть не прямо, но косвенно является источником французского права.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что судебный прецедент в странах англо-американской семьи до сих пор является главным источником права, а в основной массе стран, относящихся к романо-германской правовой семье, он тоже является формально-юридическим источником права, хотя в теоретическом плане отвергается как таковой. Данная практика, как писал Рене Давид, «является чаще всего признаком разрыва между теорией и практикой. Чтобы иметь правильное представление по вопросу о том, является ли судебное решение источником права, или не является, нужно не столько интересоваться формулировками различных авторов и доктринальными произведениями, сколько обратить внимание на другой фактор – на все увеличивающееся число различного рода сборников и справочников судебной практики»³. Среди юристов стран романо-германского права все больше доминирует мнение, согласно которому поиск права – «это задача, которая должна выполняться сообща всеми юристами, каждым в своей сфере и с использованием всех методов»⁴, включая, разумеется, и методы практикующих в суде юристов.

В смешанных правовых семьях правовой прецедент, как правило, используется в

странах, где публично-правовая сфера регулируется по образу и подобию англо-американской правовой семьи. Примером является, в частности, Сингапур, где в полной мере «применяется судебный прецедент как важный источник права»⁵. В Индии судебный прецедент имеет то же влияние, что и в английском праве⁶. Основным источником права в Шри-Ланке до настоящего времени остаются судебные прецеденты, при наличии конституции и правовых обычаев (в том числе религиозных)⁷.

Если говорить о международном праве, то решения международных судов и международных арбитражей, по мнению Г. И. Тункина, не являются формально-юридическими источниками международного права, а выступают стадиями в становлении, изменении и отмене международного права⁸. Однако имеют место и иные точки зрения, в частности, австралийский юрист О'Коннен утверждает, что «роль судьи в системе международного права подобно роли судьи в системе общего права, где он занимает главное место в формировании общих принципов, в их применении и изменении путем ссылок на соответствующее стечение обстоятельств, в расширении путей аналогии и выводов из принятой гипотезы»⁹. Тем не менее данная концепция не находит подтверждения в постановлении Статута Международного суда, ст. 38 которого говорит, что суд обязан решать переданные споры на основании международного права. В отношении конкретных источников, примененных судом, в ч. 1 п. «d» говорится, что суд применяет «с оговоркой, указанной в ст. 59, судебные решения и доктрины, наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм». В ст. 59 Статута говорится: «Решение суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу»¹⁰.

⁵ Правовые системы стран мира: Энцикл. справ. / Отв. ред. А. Я. Сухарев. М., 2001. С. 574.

⁶ См.: там же. С. 225.

⁷ См.: там же. С. 774.

⁸ Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2000. С. 143.

⁹ Jenks W. The Common Law of Mankind. L., 1958. P. 181.

¹⁰ <http://www.un.org/russian/docume/basicdoc/ctatut.htm#chap3>.

¹ Кросс Р. Указ. соч. С. 32.

² Там же.

³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 142.

⁴ Там же. С. 111.

Итак, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

- судебный прецедент как формально-юридический источник права весьма широко распространен, и его место и роль в правовых системах мира унифицируется;

- в англо-американской правовой системе судебный прецедент до настоящего времени является основным формально-юридическим источником и рассматривается как способ фиксации норм права. Судебная практика в Великобритании и других государствах данной правовой семьи не только реализует право, но и создает норму права;

- в романо-германской правовой семье с середины XX в. прецедент как источник права стал активно применяться, хотя теоретически за основной источник не признается;

- в смешанных правовых системах судебный прецедент как основной источник права главным образом распространен в странах с англо-американским публичным

правом и довольно слабо еще используется в государствах, где публичная сфера регулируется по образцу романо-германского права, хотя и там практика его использования расширяется;

- учитывая особенности судебного прецедента права как формально-юридического источника, мы можем утверждать, что в формирующемся глобальном праве он будет довольно широко использоваться для регулирования международных общественных отношений.

Библиографический список

1. *Богатырев, В. В.* Глобальное право как закономерный этап правового развития / В. В. Богатырев // Вестн. Иван. гос. энергет. ун-та. – Иваново, 2006. (Прил.: Актуальные проблемы экономического и социально-гуманитарного знания).

2. *Марченко, М. Н.* Источники права : учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М., 2006.

С. А. Галимов,

адъюнкт очного обучения кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА МИЛИЦИИ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Механизм преступления как научная криминалистическая категория на протяжении многих лет вызывает интерес у ученых-криминалистов, исследующих и разрабатывающих его понятие, сущность, элементы, которые и в настоящее время окончательно не определены.

Впервые понятие «механизм преступления» было введено в определение предмета криминалистики в 1971 г. А. Н. Васильевым¹.

Как объективная реальность, механизм преступления формируется и функционирует под воздействием определенных закономерностей, которые являются составляющими предмета криминалистики.

С нашей точки зрения, наиболее точное определение сформулировал А. М. Кустов:

«Это система процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки. Механизм преступления закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах»².

Являясь (на данном этапе развития криминалистики) одним из основных элементов криминалистической характеристики преступлений, механизм преступления содержит значительный объем информации (сведения о способах совершения преступлений, орудиях и средствах совершения и т. д.), поскольку он характеризует своеобразие типичных процессов взаимодействия (корреляционные связи) участников события между собой, с окружающей средой и т. д. Знание следователем наиболее типичных механизмов преступлений определенной группы позволит уже в начальной стадии расследования сформировать мысленную модель механизма совершенного пре-

¹ См.: Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. М., 1971. С. 7–8.

² Кустов А. М. Криминалистика и механизм преступления: Цикл лекций. М.; Воронеж, 2002. С. 26.

ступления и определить место и направление поиска отсутствующей информации о самом преступлении и его участниках.

Несомненно, что механизм преступления – это сложная динамическая система, включающая субъект преступления, его отношение к своим действиям и их последствиям, соучастникам; предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; преступный результат и др. К закономерностям, под воздействием которых формируется и функционирует механизм преступления, относятся следующие:

а) формирование, выбор и реализация способов подготовки, совершения и сокрытия преступления;

б) возникновение и развитие связей между элементами механизма преступления;

в) возникновение и развитие явлений, связанных с преступлением (до, во время и после его совершения), значимых для решения задач судопроизводства.

Все элементы механизма преступления, будучи взаимосвязанными, отражаясь друг в друге и в окружающей среде, образуют многочисленные следы преступления, содержащие информацию о нем и его участниках.

Сопоставляя криминалистическую характеристику и механизм преступлений, а точнее их элементы, можно предположить, что они тождественны, однако это не совсем верно. Криминалистическая характеристика преступления подразумевает прежде всего то, каким образом они могут быть совершены в той или иной обстановке, в каком наиболее вероятном месте, какие следы преступления с большей степенью вероятности необходимо искать, а также другую информацию о преступлении и его участниках. Это в большей степени «статичное» описание элементов данной категории.

В механизме преступления элементы «подвижны», т. е. возможно выделить действия преступника либо иного участника на каждом этапе и описать в соответствии с развитием события. В свою очередь, выделение действий и их анализ позволяют определить круг объектов, на которые были произведены воздействия, что дает возможность поиска определенных следов и конкретной доказательственной информации.

Каждое преступление представляет собой специфический вид деятельности, т. е. своеобразную форму внутренней (психиче-

ской) и внешней (физической, вербальной) активности субъекта, проявляемой в отношении объектов окружающего мира.

Можно смоделировать абстрактную ситуацию совершения насильственных действий в отношении работника милиции, когда гражданин, задержанный за какие-либо правонарушения или преступления, стоит перед «выбором» противозаконных действий (оскорбление, применение насилия или посягательство на жизнь). В связи с этим возникают вопросы: что в данном случае определяет выбор преступника; что является детерминантом его поведения, принятия решения о начале своих действий?

Исследуя уголовные дела, интервьюируя подозреваемых, осужденных, следователей и дознавателей, мы пришли к выводу, что в данной категории дел основную роль в выборе преступного поведения играла не только совокупность обстоятельств, сложившихся к моменту совершения преступления, но и состояние нашего общества на данном этапе развития, и как следствие этого – правовой нигилизм людей.

В данном случае это в большей мере относится к проявлениям насильственных действий как к тенденции в обществе, что несколько не оправдывает действий конкретного лица при их совершении. Однако этот фактор необходимо учитывать при выявлении цели, мотива совершенного преступления (например, при посягательстве на жизнь, ст. 317 УК РФ) в отношении сотрудников милиции как представителей власти в тех ситуациях, когда преступник и потерпевший не были знакомы.

Как правило, совершению рассматриваемых преступлений предшествуют конфликтные ситуации между потерпевшим и преступником, при задержании за правонарушение или преступление. Они могут возникнуть внезапно или быть результатом развития неприязненных отношений. При этом никогда детерминанты агрессивного поведения не могут полностью лежать вне ситуации. Учет ситуационных влияний – один из существенных моментов в анализе деятельности преступника¹.

Анализ деятельности преступника в криминальной ситуации, во-первых, предполагает выделение спонтанных и спровоциро-

¹ См.: Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 71–72.

ванных форм агрессии с учетом роли ситуационных влияний в каждой. Во-вторых, необходимо принимать во внимание моменты, связанные с процессом реализации поставленных субъектом агрессивных целей. Конкретизируя пути достижения поставленных целей, преступник должен учитывать возможные помехи: сопротивление жертвы, вмешательство посторонних, моральные преграды, возможность подвергнуться уголовному наказанию. Действия субъекта, не учитывающего основные предметные и социальные требования ситуации, носят малоопосредованный, импульсивный характер. Социально опосредованный, планомерный характер имеет поведение тех, кто действует с учетом встающих на пути реализации цели преград.

Следующим немаловажным фактором, влияющим на преступное поведение и выбор насильственных действий, является обстановка совершения преступления. Как правило, действия граждан, их поведение характеризуются противоправностью. Они совершали административные правонарушения либо преступления, а у сотрудников милиции появлялись законные основания пресекать эти деяния, задерживать и доставлять правонарушителей в органы внутренних дел для проведения последующих действий (например, составление административных протоколов, задержание в порядке ст. 91–92 УПК РФ).

Изучение временного периода совершения преступного деяния также имеет значение для механизма преступления. Анализ уголовных дел данной категории свидетельствует о том, что 87 % всех насильственных действий в отношении работников милиции совершаются в вечернее и ночное время. Кроме того, было установлено, что основное количество преступлений (90 %) совершено в будние дни.

Что касается пространственной категории, то анализ уголовных дел показал, что место совершения преступления в отношении работников милиции и место задержания правонарушителя не всегда тождественны, в 65 % случаев они не совпадают. Нередки случаи, когда криминальное событие охватывает три местоположения преступника: а) место совершения правонарушения (преступления); б) место совершения насилия в отношении милиционера; в) место фактического задержания.

Механизм преступления не опасного для жизни и здоровья насилия выглядит следующим образом. Гражданин совершает противоправные деяния (в отношении граждан, их имущества, нарушает правила дорожного движения, появляется в общественных местах в нетрезвом состоянии, унижающем честь и достоинство и т. д.), при этом его деяния не всегда могут носить умышленный характер. Вместе с тем административные правонарушения или преступления могут иметь подготовительную стадию. Как правило, сотрудники милиции пресекают действия правонарушителя (преступника) после совершения указанных действий. Пресекая противоправные действия, они имеют возможность использовать две формы воздействия: психическую и физическую. Психическая представляет собой воздействие на психику человека словами (при наличии на сотрудниках форменной одежды); физическая подразумевает применение физической силы и специальных средств, регламентированных Законом РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1.

Требую прекратить противоправные действия, работники милиции не всегда умело используют метод убеждения. Недостаточная подготовка рядового, младшего командного состава, а часто и офицерского корпуса иногда приводит не к прекращению гражданами неправомерных действий, а к провокации насилия.

Интервьюирование осужденных показало, что при обращении внимания милиционеров на совершенное ими правонарушение или преступление, у них возникало желание избежать: а) общения с сотрудниками, б) доставления в органы внутренних дел, в) разбирательства, г) наказания за ранее совершенное.

Насильственные действия, не опасные для жизни и здоровья, по исследованным нами уголовным делам преступниками при их задержании не планировались. Подготовкой насильственных действий они не занимались. Умысел на сопротивление милиционерам возникал совершенно внезапно. Большинство (95 %) осужденных отмечали, что происходило это под воздействием спиртных напитков и наркотических веществ, но при этом они отдавали отчет своим действиям, и только в двух случаях отмечено, что граждане не помнили обстоятельств произошедшего, но не отрицали их. В одном из рассмот-

ренных дел в нетрезвом состоянии находился не только преступник, но и сотрудник милиции, одновременно являвшийся жертвой грабежа. В период интервьюирования часть осужденных обвиняли сотрудников милиции в провокации насилия.

Способ совершения является важнейшим элементом механизма преступления. Следовательно, неперенный и наиболее значимый компонент исходных данных – информация о способе совершения преступления. Именно на ней основываются решения о направлении расследования в его начальный период, и она определяет выбор средств и приемов поиска и исследования доказательств по сути и в целях пополнения знаний о способе совершения и сокрытия преступления.

Основным способом преступники избирали нанесение ударов руками и ногами по телу работника милиции, причем первый удар всегда наносил преступник. В большинстве случаев (82 %) он приносил задерживаемому желаемый результат, позволяя скрыться либо продолжить нанесение ударов. Сотрудник милиции, застигнутый врасплох первым ударом, терял ориентировку в пространстве; в 18 % случаев избегал его, но при этом всегда вступал в единоборство. В 65 % случаев на помощь приходили товарищи, и только два раза сотруднику милиции была оказана помощь посторонними лицами. Как правило, очевидцы избирают пассивную форму поведения – наблюдение.

Таким образом, способ совершения преступления в значительной мере определяет и его содержание, поскольку с его помощью можно судить о целях, мотивах преступных посягательств, результатах этих действий, его последствиях. В то же время выбор способа зависит от целей и мотивов совершаемого преступного деяния.

Преступления, опасные для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ), имеют схожий механизм преступления, при этом действия преступника несут большую общественную опасность и нередко приводят к более тяжким последствиям.

В деятельности преступника в указанных видах преступлений, как правило, отсутствует мотив их сокрытия, так как граждане в подавляющем большинстве случаев задерживаются работниками милиции непосредственно после совершения насилия либо в течение короткого промежутка времени.

Оскорбление работника милиции гражданами имеет некоторые сходные черты с механизмами ранее рассмотренных преступлений.

Наиболее характерными являются оскорбления, выраженные словом или действием. Оскорбление словом выражается в произнесении обидных слов, выражений, нецензурной брани, обличенных в неприличную форму. Оскорбление действием выражено в совершении физического воздействия, а именно плевки в лицо, пощечина, хватание за рукав, волосы, уши и т. д., имеющие целью унижение чести и достоинства.

Вместе с тем реализация сотрудниками милиции профессиональных функций осуществляется, как было отмечено выше, в сложных, нередко экстремальных ситуациях, что приводит к необходимости постоянного выбора варианта поведения, причем неправильный вариант часто оказывается преступным. Неслучайно 28 % проинтервьюированных сотрудников милиции признали свою виновность в конфликтах, связанных с сопротивлением или оскорблением сотрудника, так как нередко они сами провоцировали их. Готовность реагировать насилием часто вызывается оскорблением сотрудников, несущих патрульно-постовую службу. Это отметили 9 % респондентов, причем у 85 % из них формируется стрессовая реакция, а 57 % готовы были применить насилие к «провокаторам».

Таким образом, в рамках настоящей статьи был рассмотрен ряд закономерностей, характеризующих механизм совершения преступлений. В свою очередь, механизм преступления представляет собой целостную систему обстоятельств, процессов и факторов, позволяющую определить материальные и иные источники возникновения информации, участников преступления, выдвигать общие и частные версии, планировать расследование, исследовать все обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с требованием закона.

Библиографический список

1. Зорин, Г. А. Теоретические основы криминалистики / Г. А. Зорин. – Минск, 2000.
2. Кустов, А. М. Криминалистика и механизм преступления : цикл лекций / А. М. Кустов. – М. ; Воронеж, 2002.

И. В. Головинская,
заведующий кафедрой
социально-экономических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

А. В. Ульянов,
адъюнкт кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

РОЛЬ ИНСТИТУТА НАДЗОРНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Происшедшие на рубеже XX–XXI вв. в Российской Федерации события: смена политического режима, принятие Конституции РФ, закрепляющей приоритет прав и свобод человека; вступление России в Совет Европы и последующая за этим ратификация многих международных нормативных правовых актов и др. – обусловили проведение масштабной реформы системы судостроительства и судопроизводства, которая неизбежно затронула все уголовно-процессуальное законодательство, в том числе и институт пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

По мнению М. Л. Позднякова, проблематика судебной реформы может быть рассмотрена комплексно, с учетом всех ее положений, к которым относятся: определение целей и задач судебной реформы; пересмотр процессуальных механизмов в соответствии с международными стандартами и общепринятыми принципами; выстраивание структуры судебной власти, адекватной поставленным целям и задачам и соответствующей процессуальным механизмам; материально-техническое обеспечение деятельности судов¹. Не оспаривая данное мнение, попытаемся определить роль современного института надзорного производства в российском уголовном процессе в защите прав и законных интересов человека, гарантированных Конституцией РФ.

Общепризнанно, что правосудие по своей сути является таковым, если оно отвеча-

ет требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах². Иными словами, каждому, чьи права нарушены, должно быть обеспечено право на пересмотр приговоров, постановлений и определений суда вышестоящим судом.

Действующий УПК РФ определяет надзорное производство как рассмотрение вышестоящими судебными инстанциями законности, обоснованности и справедливости приговоров, определений и постановлений судов нижестоящих инстанций с целью устранения нарушений и восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан, обеспечения гарантий реализации права на судебную защиту. Аналогичный конституционно-правовой смысл содержится в постановлениях Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности отдельных положений главы 30 УПК РСФСР³. Однако важность стадии надзорного производства определяется также тем, что в процессе пересмотра судебных актов суды надзорных инстанций выявляют и устраняют недостатки в работе судебных и других органов посредством инструктивного обеспечения деятельности судов первой, апелляционной или кассационной инстанций и дачи им конкретных указаний об устранении выявленных нарушений норм материального и (или) процессуального права, повлекших вынесение незаконного или необоснованного судебного акта.

² См.: Разинкина А., Курочкина Л. Реформирование института пересмотра судебных решений по уголовным делам // Уголовное право. 2005. № 3. С. 89–92.

³ См., напр.: По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашева и И. П. Серебrenникова: Постановление Конституцион. Суда РФ от 2 февр. 1996 г. № 4-П // Рос. газ. 1996. 15 февр.; По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шаглия: Постановление Конституцион. Суда РФ от 6 июля 1998 г. № 21-П // Вестн. Конституцион. Суда РФ. 1998. № 6; По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Абдулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпиченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло: Постановление Конституцион. Суда РФ от 14 февр. 2000 г. № 2-П // Рос. газ. 2000. 23 февр.

¹ См.: Поздняков М. Л. Судебная реформа: пациент скорее жив, чем мертв? // Адвокат. 2006. № 12. С. 28–34.

Нормы современного института пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда основаны на фундаментальных принципах осуществления правосудия, провозглашенных Конституцией РФ и закрепленных УПК РФ 2002 г., в числе которых можно выделить принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ), состязательность и равенство сторон уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ) и др. Установление законодателем приоритетного характера перечисленных норм-принципов уголовно-процессуального законодательства предполагает их неукоснительное соблюдение на любых стадиях уголовного процесса, в том числе и на стадии надзорного производства. Однако специфика рассматриваемой стадии допускает определенную трансформацию в процессе их реализации, в некоторых случаях носящую характер нарушения.

Так, в соответствии со ст. 402 УПК РФ ходатайствовать о пересмотре вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда посредством подачи надзорной жалобы вправе подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, их защитники или законные представители, потерпевший, его представитель, а также прокурор посредством принесения надзорного представления. Гражданский истец, гражданский ответчик или их представители вправе ходатайствовать о пересмотре вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда только в части, касающейся гражданского иска. По делу о преступлении, последствием которого явилась смерть потерпевшего, правом принесения надзорной жалобы на приговор, определение или постановление суда обладает его близкий родственник (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушки и бабушки, внуки).

Анализ ст. 402 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что круг субъектов надзорного обжалования по сравнению с ранее действовавшим УПК РСФСР и первоначальной редакцией действующего УПК РФ достаточно широк, однако он включает в себя далеко не всех субъектов уголовного судопроизводства. Так, обратиться за защитой своих прав и

законных интересов путем обжалования вступивших в законную силу приговоров, определений, постановлений суда не могут частный обвинитель, лицо, в отношении которого дело прекращено нижестоящим судом, и другие участники уголовного процесса, чьи права нарушены, к примеру, при проведении следственных действий. В этом смысле справедливым представляется мнение ученых, полагающих, что сложившаяся ситуация ограничивает право многих участников уголовного процесса, не включенных законодателем в круг субъектов, обладающих правом на защиту своих нарушенных прав и законных интересов путем обжалования вступивших в законную силу приговоров, определений, постановлений суда¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 120 Конституции РФ и ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд независим, он не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, в том числе права на подачу надзорного представления и надзорной жалобы. Более того, провозглашенный в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ принцип равноправного и состязательного правосудия, получивший развитие в ст. 15 УПК РФ, предусматривает отсутствие права председателей соответствующих судов самостоятельного инициирования надзорного производства. Тем самым законодатель подчеркнул особую значимость судебной ветви государственной власти в системе государственного устройства через гарантированное исполнение конституционной задачи соблюдения беспристрастности, объективности при разрешении спора и одновременно уравнивал в правах стороны в части обжалования состоявшихся и вступивших в законную силу судебных решений². Подобный подход также соответствует требованиям, изложенным в решениях

¹ См.: Надзорное производство как форма контроля над вступившими в законную силу судебными решениями: Учеб.-метод. пособие / И. В. Головинская, В. Ю. Кирсанов. Владимир, 2007. С. 14; Колоколов Н. А. Производство в надзорной инстанции: проблемы остаются // ЭЖ-Юрист. 2005. № 29.

² См.: Астахов П. Дневной и ночной надзор // ЭЖ-Юрист. 2007. № 5.

Европейского Суда по правам человека, неоднократно отмечавшего предусмотренный п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. принцип равенства сторон, включенный в понятие справедливого судебного разбирательства, как базовый для соблюдения положений ст. 6 данной Конвенции¹.

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство, уравнивая стороны в праве обращения в суды надзорных инстанций с целью обжалования вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений судов, ущемляет права тех участников уголовного процесса, которые лишены права непосредственного обращения в суды надзорных инстанций, предусматривая для них два возможных пути защиты нарушенного права: 1) обращение в Европейский Суд по правам человека; 2) заявление ходатайства соответствующему прокурору, дискреционные полномочия которого позволяют принести надзорное представление на явно незаконное решение суда первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Таким образом, по нашему мнению, исходя из смысла процессуального закона правом принесения надзорной жалобы должны быть наделены все участники уголовного процесса, нуждающиеся в обеспечении соответствующего права. Кроме того, законодательное закрепление данного положения позволит существенно снизить поток заявлений российских граждан в Европейский Суд по правам человека и другие международные суды, что положительно отразится на авторитете страны на международной арене.

Рассматривая надзорное производство как процедуру, предоставляющую сторонам уголовного процесса дополнительные гарантии конституционного права на судебную защиту нарушенных прав, необходимо отметить, что УПК РФ ограничивает данное право лица посредством закрепления действующей редакции ч. 1 ст. 412, запрещающей внесение повторных надзорных жалоб и представлений в суд надзорной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения.

Представляется, что ограничение права на повторное обжалование решений суда в

порядке надзора вполне обоснованно и является средством реализации общепризнанного международного принципа правовой безопасности и правовой стабильности, а также положений ст. 55 Конституции РФ, предусматривающей ограничение прав и свобод гражданина, в том числе и права на судебную защиту в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Более того, сложившаяся на сегодняшний день ситуация характеризуется, даже при наличии запрета повторного обжалования решений суда в порядке надзора, огромным потоком надзорных жалоб и представлений при катастрофической нехватке численности судебных кадров, необходимых для их изучения. Следствием этого является отклонение до 5/6 поступивших только в Верховный Суд РФ надзорных жалоб и представлений по формальным основаниям. Причем часто данную деятельность фактически осуществляют консультанты, специалисты и помощники судей. В некоторых случаях эти же лица готовят иные процессуальные документы (например, постановление судьи об отказе в возбуждении надзорного производства). Как правило, они принимают такое решение без истребования материалов уголовного дела и основываются исключительно на имеющихся в их распоряжении надзорной жалобы и обжалуемых судебных решениях. Таким образом, нередко о сути жалобы многие судьи знают только из доклада, а об истинной сути дела могут не догадываться ни судья, ни докладчик². Подобное положение дел никоим образом не способствует укреплению провозглашенных Конституцией РФ основных принципов правосудия, нарушает нормы уголовно-процессуального закона.

Кроме того, отказывая в возбуждении надзорного производства, судья порой исходит не из отсутствия судебных ошибок в обжалуемых приговорах, определениях или постановлениях, а из нежелания «задавать работу» президиуму суда во главе с председателем³.

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² См.: Колоколов Н. А. Указ. соч.

³ Там же.

Другой причиной большого числа надзорных жалоб является недостаточно качественная работа судов апелляционных и кассационных инстанций, в результате чего для проверки в надзорную инстанцию поступают отнюдь не тщательно выверенные нижестоящими судами судебные акты¹.

Однако, соглашаясь с мнением В. А. Давыдова, следует отметить, что, устанавливая ограничение права повторного обжалования вступивших в законную силу приговоров, определений, постановлений суда в порядке надзора, законодатель сформулировал этот запрет не совсем удачно².

Закрепленная уголовно-процессуальным законом процедура пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений, постановлений суда предусматривает обязательное рассмотрение надзорных жалобы или представления одним из судей суда надзорной инстанции, результатом которого может явиться одно из следующих постановлений:

1) об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления;

2) либо о возбуждении надзорного производства и передаче надзорных жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции (ст. 406 УПК РФ).

В последнем случае согласно ч. 1 ст. 408 УПК РФ по результатам рассмотрения уголовного дела суд надзорной инстанции вправе:

– оставить надзорные жалобу или представление без удовлетворения, а обжалуемые судебные решения без изменения;

– отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и прекратить производство по данному уголовному делу;

– отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение;

– отменить приговор суда апелляционной инстанции и передать уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение;

– отменить определение суда кассационной инстанции и передать уголовное дело на новое кассационное рассмотрение;

¹ См.: Морщакова Т. Г. Надзорное производство требует совершенствования // ЭЖ-Юрист. 2006. № 47.

² См.: Давыдов В. А. Надзорное производство в уголовном процессе. Практика применения гл. 48 УПК РФ // Право и экономика. 2004. № 6. С. 80–85.

– внести изменения в приговор, определение или постановление суда.

Анализ указанных норм уголовно-процессуального закона показывает, что полномочиями по отказу в удовлетворении заявленных надзорных жалоб и представлений обладают как судья суда надзорной инстанции, так и президиум суда надзорной инстанции, Судебная и Военная коллегии Верховного Суда РФ. В связи с этим возникает неопределенность в вопросе о том, какой из судебных актов является окончательным, и, следовательно, какой исключает возможность повторной подачи надзорной жалобы или принесения надзорного представления³.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения на данную проблему. Так, с точки зрения П. А. Лупинской, в ст. 412 УПК РФ имеются в виду и отказ в возбуждении надзорного производства по жалобе или представлению, и оставление без удовлетворения жалоб и представлений, если об этом вынесено постановление или определение надзорной инстанции. При этом, в случае вынесения постановления об отказе в возбуждении надзорного производства, заявитель вправе обжаловать его председателю или заместителю этого суда⁴. В целом соглашаясь с П. А. Лупинской, другие ученые полагают, что заявитель лишен даже права обжалования постановления об отказе в возбуждении надзорного производства председателю или заместителю соответствующего суда надзорной инстанции, поскольку «председатель суда должен рассматривать вопрос об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении жалобы или представления по собственной инициативе, в порядке служебного долга»⁵.

Неоднозначная формулировка ст. 412 УПК РФ привела к аналогичному пониманию и толкованию изложенных в указанной норме закона положений судьями и формированию соответствующей судебной практики, при которой субъекты обжалования ограничены в конституционном праве

³ См.: Поздняков М. Л. О форме отказа в порядке ч. 4 ст. 406 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 654.

⁵ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: Учеб. СПб., 2004. С. 621.

на судебную защиту нарушенных прав посредством повторного обращения в суд надзорной инстанции.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда, излагая свою правовую позицию по данному вопросу, полагает, что уголовно-процессуальным законом однозначно предусмотрена возможность оставления надзорной жалобы (представления) без удовлетворения как постановлением судьи, так и постановлением президиума соответствующего суда. При этом Судебная коллегия указывает, что решение судьи суда надзорной инстанции о возбуждении надзорного производства и передаче надзорной жалобы или представления на рассмотрение президиума суда субъекта Российской Федерации носит предварительный характер, однако было бы ошибочно считать предварительным отказ в удовлетворении надзорной жалобы (представления).

Такое положение уголовно-процессуального закона и сложившаяся практика его реализации на уровне суда субъекта Российской Федерации все же нарушают право потерпевшего на защиту нарушенных прав в суде надзорной инстанции. Вместе с тем Кемеровским областным судом выработана своеобразная практика, согласно которой отказ судьи областного суда в возбуждении надзорного производства по жалобе адвоката, подтвержденный письмом председателя областного суда об отсутствии оснований для отмены данного решения, не является препятствием для обращения с надзорной жалобой самого осужденного¹.

Кроме того, следует отметить, что судья, принимая решение о возбуждении надзорного производства, не вправе в соответствующем постановлении предрешать выводы суда надзорной инстанции². Однако многие постановления судей о возбуждении надзорного производства вообще не

содержат вероятностного суждения о возможном наличии в обжалуемых судебных решениях определенной ошибки, а утверждают или отрицают это в категоричной форме, оставляя суду надзорной инстанции лишь роль легитимизации происшедшего³.

По нашему мнению, описанная выше точка зрения является ошибочной, поскольку приводимые в ее защиту доводы, отождествляющие понятия «суд надзорной инстанции» и «судья суда надзорной инстанции», вступают в противоречие с иными положениями УПК РФ.

Так, уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений, постановлений суда в порядке надзора только коллегиальными судебными органами. Такими органами выступают: президиумы Верховного Суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа; Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ; президиум окружного (флотского) военного суда; Военная коллегия Верховного Суда РФ; Президиум Верховного Суда РФ. Перечень судов надзорных инстанций является исчерпывающим и не включает в себя судью суда надзорной инстанции, следовательно, он не является судебно-надзорной инстанцией и вынесенное им постановление об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления не может препятствовать реализации конституционного права заявителя на защиту нарушенных вступившим в законную силу решением суда прав посредством пересмотра таких решений в порядке надзора.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, согласно ч. 1 ст. 412 УПК РФ считаем единственным ограничением на обращение с повторными жалобами в ту же надзорную инстанцию, наличие решения данного суда надзорной инстанции, вынесенного по результатам рассмотрения жалобы по существу.

Изучение деятельности судов надзорных инстанций в части защиты конституционных прав и законных интересов граждан неизбежно сопровождается выявлением ряда

¹ См.: Обзор судебной практики Кемеровского областного суда по производству в надзорной инстанции за период 2004–2005 гг. от 11 янв. 2006 г. // Архив Кемеровского областного суда.

² О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 янв. 2007 г. № 1. П. 8 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 4. С. 2–6.

³ См.: Поздняков М. Л. Судебная реформа: пациент скорее жив, чем мертв?

проблем, как организационного, так и процессуального характера. Однако, несмотря на многочисленные проблемы, препятствующие реализации гражданами своих прав на судебную защиту посредством пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда судебно-надзорными инстанциями и недостаточную эффективность работы судов надзорных инстанций, практически все ученые, специализирующиеся в сфере уголовного процесса, указывают на особую значимость деятельности судебно-надзорных инстанций в деле реализации конституционного права каждого гражданина на вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Р. Б. Головкин,

начальник кафедры

государственно-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

доктор юридических наук, профессор

С. В. Лелявин,

соискатель кафедры

государственно-правовых дисциплин

ВЮИ ФСИН России

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОВЕДЕНИЕ, НЕ ПРОТИВОРЕЧАЩЕЕ ПРАВОВЫМ ЗАПРЕТАМ

Активные реформы, осуществляемые в нашей стране в последнее десятилетие, не только изменили жизнь российского общества, но и затронули глубинные слои сознания человека, обуславливающие его восприятие окружающей сферы, в том числе правовой реальности. Изменения в политической, экономической и духовной сферах жизнедеятельности общества повлияли и на внешние способы взаимодействия человека с юридическими нормами, т. е. правовое поведение людей. Последнее как феномен социально-правовой действительности проявляется в различных формах и объективируется в деятельности участников общественных отношений. Характер, масштаб и направление данного поведения во многом определяются не только особенностями самой личности, ее осознания общественных и личных перемен, правосознания, но и обеспеченностью принудительной силой государства в виде юридической ответственности.

Библиографический список

1. Давыдов, В. А. Надзорное производство в уголовном процессе. Практика применения гл. 48 УПК РФ / В. А. Давыдов // Право и экономика. – 2004. – № 6.
2. Колоколов, Н. А. Производство в надзорной инстанции: проблемы остаются / Н. А. Колоколов // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 29.
3. Надзорное производство как форма контроля над вступившими в законную силу судебными решениями : учеб.-метод. пособие / И. В. Головинская, В. Ю. Кирсанов. – Владимир, 2007.
4. Поздняков, М. Л. Судебная реформа: пациент скорее жив, чем мертв? / М. Л. Поздняков // Адвокат. – 2006. – № 12.

Теория юридической ответственности является одной из наиболее разрабатываемых в общей теории права, однако до настоящего времени среди ученых отсутствует единство взглядов относительно ее содержания и влияния на поведение человека¹. В целом, обобщая концепции, созданные в рамках общей теории права и отраслевых наук по интерпретации юридической ответственности, можно заключить следующее.

Во-первых, общая теория права оказала существенное влияние на отраслевые концепции.

Во-вторых, многие общетеоретические положения сложились под влиянием отраслевых юридических наук, особенно это касается теории уголовного права.

В-третьих, в настоящее время исследования понятия «юридическая ответственность» проводятся преимущественно в двух направлениях. Представители первого направления изучают юридическую ответственность как следствие правонарушения. Ученые, разрабатывающие другое направление, рассматривают юридическую ответственность во взаимосвязи не только с правонарушением, но и с ответственностью за будущие действия и выделяют позитивный и ретроспективный аспекты юридической ответственности².

¹ См., напр.: Цишковский Е. А. Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003; Бычкова Т. С. Взаимодействие государства и гражданского общества в механизме реализации юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008 и др.

² См.: Цишковский Е. А. Указ. соч.

В-четвертых, в проводимых исследованиях отсутствует терминологическая однозначность. Например, позитивную юридическую ответственность называют перспективной, статусной¹, интроспективной², правовой (противопоставляя тем самым ее юридической)³, умеренно-позитивной, активно-позитивной⁴, надлежащим исполнением обязанностей⁵, поощрительной⁶ и т. д. В свою очередь, ретроспективную ответственность называют также негативной, пассивной.

В-пятых, в последние годы были разработаны и получили развитие интегративные концепции ответственности, трактующие ее как целостное явление с различными формами реализации: добровольной и государственно-принудительной⁷.

Опираясь на приведенные результаты анализа различных концепций юридической ответственности, дадим рабочее определение данного понятия.

Как представляется, юридическая ответственность – *это установленный правовыми нормами масштаб государственного принуждения, применяемый за поведение, не соответствующее правовым и иным социальным регуляторам, а также процесс, в рамках которого лицо испытывает определенные лишения государственно-властного характера, и его результат, когда*

сумма лишений достигает установленного правоприменительным актом результата.

Изложенный подход позволяет по-иному рассматривать взаимосвязь юридической ответственности с предворяющим ее поведением. Дело в том, что большинство исследователей, затрагивая проблемы взаимодействия юридической ответственности и поведения человека, обращают внимание лишь на противоправное поведение, причем в основном на то, которое проявляется в виде нарушения правовых норм-запретов. Вместе с тем анализ практики применения юридической ответственности позволяет предположить о возможности возникновения последней за поведение, не противоречащее правовым запретам.

С целью проверки данной гипотезы следует рассмотреть содержание категории «правомерное поведение». Традиционно оно определяется как вид правового поведения, соответствующий правовым предписаниям⁸. Наряду с этим большинство авторов, затрагивающих проблему правомерного поведения, рассуждая о соответствии поведения юридическим нормам, выделяют виды правомерного поведения, не во всем соответствующие правовым предписаниям. Так, например, весьма распространена классификация, в рамках которой перечислены следующие виды правомерного поведения: правоактивное, правопассивное и ординарное⁹. Встречаются и иные классификации. В частности, Л. П. Рассказов выделяет по форме выражения: *активное поведение* (в качестве примера он называет уплату налогов) и *пассивное поведение* (например, воздержание от правонарушения). В зависимости от мотива автор различает: а) *маргинальное поведение* – соответствует праву из-за боязни государственного принуждения; б) *конформистское поведение* – пассивное соблюдение личностью норм права, приспособление своего поведения к мнению других; в) *привычное поведение* – действует в силу образовавшейся привычки, не противоречащей праву; г) *социально активное поведение* – направлено на реше-

¹ См.: Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 214.

² См.: Якушин В. А., Шаталова Л. И. Правовые аспекты субъективного вменения. Ульяновск, 1997. С. 31.

³ См.: Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности. М., 1998. С. 7 и сл.

⁴ См.: Чирков А. П. Ответственность в системе законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 7.

⁵ См.: Тихоненко И. Н. Основания освобождения от юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 8.

⁶ См.: Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права и их реализация. Саратов, 1993.

⁷ Данная концепция юридической ответственности отражена в следующих работах: Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995; Похмелкин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск, 1990; Номоконов В. А. Преступное поведение: механизм, детерминизм, причины, ответственность: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991; Липинский Д. А. Формы реализации юридической ответственности. Тольятти, 1999; Он же. О формах реализации юридической ответственности // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. Тольятти, 2000. Вып. 9.

⁸ См., напр.: Бабаев В. К. Правомерное поведение // Теория государства и права. М., 2002. С. 482; Рассказов Л. П. Теория государства и права. М., 2008. С. 409.

⁹ См., напр.: Кожевников С. Н. Правовая активность личности. Н. Новгород, 1994.

ние социальных задач и основано на целесообразности правомерного поведения¹.

По нашему мнению, некоторые представленные виды правомерного поведения не во всем соответствуют правовым предписаниям. Основываясь на вышеизложенном определении понятия правомерного поведения, можно заключить, что данные виды не являются правомерным поведением, поскольку последнее реализуется в трех формах: запрещающие нормы личность должна соблюдать, т. е. воздерживаться от действий, запрещенных законом под угрозой применения юридической ответственности; обязывающие нормы личность должна исполнять, т. е. действовать активно в соответствии с ее обязанностями; управомочивающие нормы личность должна использовать, т. е. осуществлять имеющиеся права.

Если представленное выше соответствие отсутствует, то, с одной стороны, нельзя говорить, что поведение адекватно правовым предписаниям, а с другой, его нельзя в полной мере назвать противоправным или правонарушением. В связи с установленными обстоятельствами предлагаем следующее.

Во-первых, к противоправному поведению относить только поведение, нарушающее нормы-запреты, а также неисполнение обязывающих норм, если они подкрепляются правовыми запретами, предусматривающими ответственность за нарушение обязанности (например, уклонение от воинской обязанности). Противоправное поведение можно подразделить на два вида: объективно-противоправное поведение и правонарушение.

Во-вторых, к правомерному поведению относить только поведение, реализующее юридические предписания в форме соблюдения, исполнения и использования.

В-третьих, поведение, которое не соответствует правовым нормам, можно обозначить как неправомерное. Полагаем, последнее помимо противоправного включает в себя медиальный тип поведения, иногда называемый лиминальным². Очевидно, что правомерное и противоправное поведение являются противоположностями. Исходя из

этого в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей между ними существует зона взаимоперехода³, которую и можно обозначить как медиальное поведение, которое неправомерно, но не противоправно (например, уклонение от реализации активного избирательного права).

Итак, с учетом изложенного анализа правомерное поведение представляет собой *предусмотренный правовыми мерами тип правового поведения, характеризующийся социальной необходимостью и полезностью, выражающийся во внешне проявляемых моторных и психических реакциях человека на внутренние и внешние раздражители*.

Конкретной трактовке правомерного поведения корреспондируют и технико-юридические приемы и средства обеспечения данного варианта правового поведения. Представляется, что в целях эффективной реализации норм права необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, нормы должны в целом отвечать общественным представлениям о сущем и должном.

Во-вторых, должны быть предусмотрены специальные механизмы реализации этих норм.

В-третьих, нормы должны опираться не только на принципы права, но и на доктринальные и практически-прикладные принципы⁴.

В-четвертых, следует осуществлять правовое просвещение населения, направленное не только на предотвращение нарушений правовых запретов, но и на обеспечение реализации прав и обязанностей.

В-пятых, для формирования устойчивых стереотипов правомерного поведения требуется организовать контроль за реализацией норм, особенно в первоначальный период после вступления этих норм в юридическую силу.

В-шестых, нормы должны предусматривать юридическую ответственность за поведение, не противоречащее правовым запретам.

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1998. С. 818–820.

⁴ Подробнее о принципах см.: Карташов В. Н. Общеизвестные принципы права (взгляды ученых и практиков на их природу) // Вестн. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. Экономика и юриспруденция. 2007. № 2. С. 64–69.

¹ См.: Рассказов Л. П. Указ. соч. С. 410–412.

² Подробнее об этом см.: Фортowa Л. К. Правовое поведение несовершеннолетних и его детерминация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

Для более детального изучения технологии обеспечения реализации правомерного поведения и обеспечения его юридической ответственностью нами было проведено социологическое исследование. Оно осуществлялось в два этапа: первый – устный опрос (интервьюирование) жителей и гостей г. Владимира, второй – анкетирование преподавателей и студентов неюридических специальностей Владимирского государственного педагогического университета (ВГПУ).

На первом этапе исследования с 6 по 9 сентября 2007 г. было проинтервьюировано 78 жителей и гостей г. Владимира. Интервью проводилось при поддержке студентов юридического факультета ВГПУ и курсантов ВЮИ ФСИН России на основании разработанных нами опросных листов. Устный опрос был относительно анонимным, т. е. устанавливались лишь общие демографические данные о поле, возрасте и образовании респондентов. Среди опрошенных: мужчин – 20 человек (средний возраст – 30 лет), женщин – 58 человек (средний возраст – 28 лет); 15 % имели только среднее образование, 62 % – среднее специальное и 23 % – высшее образование.

На втором этапе в октябре 2007 года опрашивались преподаватели и студенты неюридических специальностей ВГПУ – всего 110 человек (40 преподавателей и 70 студентов). Анкетирование было анонимным, принимались во внимание, как и на первом этапе, общие демографические характеристики (за исключением возраста). При подготовке отчета об анкетировании преподавателей и студентов выявлены весьма несущественные различия, следовательно, уровень образования в рассматриваемом исследовании не имел значения, поэтому результаты опросов преподавателей и студентов обобщались.

Опросные листы и анкеты для всех категорий лиц состояли из 6 групп вопросов: два – личностно-биографического плана и четыре – относительно исследуемой проблемы. Последние можно подразделить на две группы: 1) вопросы, направленные на выявление объема понятия и основных параметров правомерного поведения; 2) вопросы, касающиеся обеспечения правомерного поведения в современной России.

Гипотеза опроса предполагала, что в сознании лиц, не имеющих юридического

образования, правомерным считается поведение, за которое лицо не может быть привлечено к юридической ответственности, а также исполнение лицом своих обязанностей и осуществление имеющихся прав. Обеспечивается правомерное поведение за счет привычки и угрозы применения юридической ответственности.

Результаты опроса показали следующее.

В качестве основных элементов правомерного поведения назвали: свободу осуществлять имеющиеся права – 85 % интервьюированных (причем – 98 % мужчин) и 87 % проанкетированных (94 % студентов); неиспользование имеющегося права – 96 % респондентов устного опроса и 100 % проанкетированных; исполнение обязанности – 88 % и 92 % соответственно; соблюдение запрещающих правовых норм – 100 % всех респондентов. На моральную обоснованность правомерного поведения указали 98 % интервьюированных и 99 % проанкетированных. Противоправность аморальных поступков отметили 90 % жителей и гостей г. Владимира, 92 % преподавателей и студентов. Информацию о том, какие деяния правомерны, а какие неправомерны, получили из текстов соответствующих законов и подзаконных актов только 12 % опрошенных и 14 % проанкетированных. В качестве источников информации о правовых нормах чаще всего назывались: средства массовой информации, кинофильмы, друзья, соседи, сослуживцы и однокурсники, родители, учителя средней школы и преподаватели вузов.

В целом большинство респондентов отметили предусмотренные гипотезой элементы правомерного поведения, на основании которых можно заключить, что правомерное поведение – это любое поведение, не вступающее в противоречие с требованиями правовых норм. При этом в обыденном сознании нарушение требований правовых норм практически тождественно правонарушению.

На вопросы, касающиеся обеспечения правомерного поведения в современной России, мы получили следующие ответы.

В качестве средств обеспечения правомерного поведения называли правовые регуляторы, отражающие общечеловеческие представления о справедливости, 20 % проинтервьюированных и 32 % проанкетированных. По мнению 72 % и 78 % соответст-

венно человек действует в большинстве случаев правомерно, основываясь на принятых в его окружении образцах поведения. Тот факт, что правомерное поведение обеспечивается государственным принуждением, отметили 96 % проинтервьюированных и 98 % проанкетированных. Иные способы и средства обеспечения правомерного поведения отметили 24 % и 36 % соответственно. Среди иных способов обеспечения правомерного поведения чаще всего упоминалось воспитание в семье.

Таким образом, в целом по оценке результатов опроса гипотеза исследования подтвердилась. Правомерное поведение в сознании лиц, не имеющих юридического образования, – это поведение, за которое лицо не может быть привлечено к юридической ответственности, а также исполнение лицом своих обязанностей и осуществление имеющихся прав. Обеспечивается правомерное поведение за счет привычки и угрозы применения юридической ответственности.

С учетом проведенного исследования можно отметить ряд обстоятельств субъективно-объективного плана, которые существенно влияют на поведение, опосредованное правовыми нормами. Во-первых, заложенные в правовых нормах образцы правомерного поведения реализуются населением, не имеющим юридического образования, как правило, на основе правовой психологии, чем на четких, технически выверенных основах правовой идеологии. К реальным текстам законов большинство людей обращается от случая к случаю. К тому же само по себе чтение юридических текстов без соответствующей подготовки не только не проясняет смысла реализации права, но и может сформировать неверное представление о соответствии поведения правовым предписаниям. Так, например, многие устно опрошенные граждане считают, что должны *соблюдать* свои права, что вступление в брак реализуется в форме исполнения и т. д.

Во-вторых, восприятие и оценка правовой информации у исследованной категории лиц наслаиваются на интерпретационный план сознания, который следует рассматривать в качестве особой системы показателей восприятия, истолкования и оценки правовой информации. Разнородная входящая правовая информация (от друзей,

родственников, телевидения) взаимодействует с существующим интерпретационным планом личности, усваивается сознанием и часто вступает в психологическую коллизию с предписаниями правовых норм, созданных по идеальным технико-юридическим моделям. Данный процесс может иметь позитивный и ретроспективный аспекты и происходить по двум направлениям: от правовой модели в сознании к возможному будущему поведению, и наоборот – от прошлого поведения к его правовой оценке.

В-третьих, выбор варианта поведения зависит не только от целей, закрепленных в законе, но и от цели, которую ставит перед собой лицо. Телеологические аспекты правового поведения зависят от вида субъекта и объекта. Однако следует учитывать инерцию в правосознании исследованной категории лиц. Так, лица, не имеющие юридической подготовки, информацию о праве получают, как правило, с опозданием, а те сведения, которые им известны о данном социальном регуляторе или были восприняты ими от предшествующих поколений, сформировавшихся в условиях советского строя, вызывают недоверие к юридическим предписаниям и страх перед ними. Отсюда возникают медиальные привычки, граничащие с противоправным поведением (например, среди водителей широко распространен обычай предупреждать световыми сигналами встречный транспорт о наличии подвижного поста дорожно-патрульной службы).

В-четвертых, структурирование и переход правовой психологии на внешний поведенческий уровень могут осуществляться как осознанно, так и бессознательно, особенно в случае многократных повторений определенного варианта поведения. Иными словами, общепринятость в рамках референтной группы и многократная повторяемость – это основа стабильного поведения. Поэтому даже в условиях стресса человек будет реализовывать правовую норму, если это вошло в привычку.

В-пятых, за отдельные варианты лиминального поведения необходимо предусмотреть юридическую ответственность, так как некоторые образцы поведения, не противоречащего предписаниям правовых норм-запретов, социально деструктивны и могут повлечь негативные последствия в дальнейшем.

На основании представленного выше определения юридической ответственности и анализа результатов социологического исследования считаем, что юридическая ответственность за поведение, не противоречащее правовым нормам-запретам, возможна и необходима, но лишь в отдельных случаях.

Во-первых, юридическая ответственность возможна, когда лицо не нарушает правовых норм, но они отсылают к нарушениям иных социальных регуляторов, прежде всего норм морали. Например, такая возможность содержится в ст. 55 Конституции РФ, предусматривающей нравственный критерий ограничения прав и свобод, ст. 151 ГК РФ («Компенсация морального вреда»); ст. 169 ГК РФ («Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности»). В качестве примера можно привести и реализацию различных деонтологических кодексов чести сотрудников ОВД, ФСБ, прокуратуры и т. д.¹

Во-вторых, юридическую ответственность следует, на наш взгляд, применять за лиминальное поведение, граничащее с противоправным, например, за виктимное поведение, провоцирующее правонарушение; неиспользование субъективного права, если это повлекло социально-негативные последствия

С. Ф. Давлетов,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии права и управления (г. Москва)*

КАТЕГОРИИ «КОНТРОЛЬ» И «НАДЗОР»: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ И ИХ СООТНОШЕНИЕ

Несмотря на достаточное количество работ, посвященных проблемам контроля и надзора, необходимо признать, что теория государства и права уступает отраслевым юридическим наукам в исследовании данной проблематики. Между тем попытки теоретического осмысления ряда важнейших вопросов реализации государственного контроля и надзора непременно окажут добрую услугу практической деятельности государственного аппарата.

¹ См. об этом, напр.: *Абрамова Е., Антонова М.* Болезни внутренних органов // Рос. газ. 2008. 27 мая. С. 11.

(например, отказ от участие в выборах в органы государственной власти); невыполнение рекомендаций; непоощрение, когда это было возможно или необходимо, и т. д.

Таким образом, поведение, не нарушающее нормы-запреты, тем не менее может быть социально опасно, и поэтому требует корректировки с помощью юридической ответственности. Снятие с помощью негативного стимулирования конфронтации между правом и групповыми установками позволит более качественно реализовывать не только запреты, но и дозволения, обязывания, рекомендации, поощрения, так как правомерное поведение в подавляющем большинстве случаев – это обычное поведение, формирующееся на основе права и привычки действовать в рамках данной социальной группы.

Библиографический список

1. *Рассказов, Л. П.* Теория государства и права / Л. П. Рассказов. – М., 2008.
2. *Цишиковский, Е. А.* Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.
3. *Чирков, А. П.* Ответственность в системе законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1989.

Термины «контроль» и «надзор» довольно часто встречаются в научной, учебной литературе и повседневной жизни. «Контролировать ситуацию», «все под контролем» и т. п. – эти выражения стали привычными атрибутами публицистики и разговорной речи. Сегодня трудно найти исследователя проблем государственного управления, законности и правопорядка, который бы в той или иной мере не рассматривал цели, задачи, функции и принципы государственного контроля и надзора, компетенцию контрольно-надзорных органов. Частое оперирование терминами «контроль» и «надзор» создает иллюзию достаточной изученности этих явлений. Вместе с тем это далеко не так. Уже при первом ознакомлении с юридической литературой явствует, что среди ученых нет даже условного единодушия как относительно определения этих явлений, так и их соотношения.

В науке данные явления определяются по-разному: средство, фактор, форма, функция,

деятельность, система, обратная связь, условие, регулятор, гарант, явление, институт, метод, правомочие, атрибут и т. д.¹ При этом наблюдается многообразие дефиниций государственного контроля и надзора, которое во многом обусловлено тем, что тот или иной подход отражает не столько стремление дать универсальную формулу понятия государственного контроля и надзора, сколько является следствием рассмотрения данного феномена через призму интересов той или иной науки – философии, управления, политологии, юриспруденции и др.

Под государственным контролем, на наш взгляд, следует понимать публично-властную деятельность по обеспечению безопасности общества посредством установления соответствия фактического состояния общественных отношений нормативным (прежде всего, юридическим) установлениям и сдерживания выявленных отклонений. Государственный надзор, имеющий аналогичную природу, представляет собой деятельность специальных юрисдикционных органов по обеспечению законности посредством реагирования на ее нарушения.

Вопрос о соотношении контроля и надзора представляется не менее дискуссионным и острым, нежели вопрос о понятии каждого из этих явлений. Ни одно исследование проблематики государственного контроля не оставляет без внимания этот теоретически и практически важный вопрос. Однако приходится констатировать, что ни «административисты», ни «конституционалисты», ни «теоретики» пока не нашли компромисса при его решении. И это в период кульминации административной реформы, в период начала действия национального проекта борьбы с коррупцией, одним из ключевых вопросов которого собственно и выступает вопрос о сокращении излишних административных функций.

Довольно распространено мнение о соотношении контроля и надзора как целого и части, общего и частного. «Понятие государственного контроля, – пишет А. В. Калмыкова, – является более широким, чем понятие надзора, и имеет свои, специфические, признаки. Органы, осуществляющие

государственный контроль, наделены более широкими полномочиями, которые предусматривают проверку состояния дел подконтрольного объекта не только с точки зрения законности, но и целесообразности принимаемых решений. Более того, контрольные органы имеют право вмешиваться в хозяйственную, производственную деятельность организации, применяя меры административного взыскания»².

В учебнике по административному праву (авторы А. П. Алексин, Ю. М. Козлов, А. А. Кармолицкий) говорится о том, что в процессе деятельности по обеспечению законности и дисциплины в сфере управления государственные органы используют в пределах предоставленной компетенции контроль и *его разновидности – проверку исполнения и надзор*³.

В. И. Басков и Б. В. Коробейников считают прокурорский надзор самостоятельным видом государственной деятельности⁴. Однако мнение авторов несколько противоречиво, поскольку они же утверждают, что «прокурорский надзор будет оставаться наиболее целесообразной и эффективной *формой* высшего *государственного контроля* (выделено нами – С. Д.) за исполнением законов...»⁵.

Контроль не ограничивается наблюдением за правильной реализацией обязательных нормативных установлений. Органы контроля получают информацию (наблюдают) не только за правомерностью деятельности подконтрольного субъекта, но и за тем, насколько последний правильно, эффективно и целесообразно использовал при этом предоставленные ему полномочия и ресурсы. Есть также мнение, согласно которому надзорные органы в отличие от органов контроля не обладают правом вмешиваться в оперативную деятельность поднадзорных субъектов⁶.

² Калмыкова А. В. Совершенствование правового статуса федеральных контрольно-надзорных органов в условиях административной реформы // Журн. рос. права. 2004. № 8. С. 26.

³ См.: Административное право Российской Федерации: Учеб. М., 2000. С. 241.

⁴ См.: Басков В. И., Коробейников Б. В. Курс прокурорского надзора. М., 2001. С. 1.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ См.: Разаренов Ф. С. О сущности и значении административного надзора в советском государственном управлении // Вопросы административного права на современном этапе. М., 1963. С. 74–75; Государственный и общественный контроль в СССР. М., 1970. С. 180.

¹ См.: Тарасов А. М. Правовые и организационные основы президентского контроля за деятельностью органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 14.

Для надзора характерно несколько ограниченное проникновение в сферу деятельности органов, в отношении которых реализуются надзорные функции¹.

Однако анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о спорности такого суждения. Так, например, при осуществлении государственного пожарного надзора вполне допустимо вмешательство в оперативную деятельность проверяемого объекта. То же самое происходит и при проверках, осуществляемых санитарной эпидемиологической службой (например, принудительная госпитализация). Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору РФ может применить к владельцу разрешения и руководству объекта ядерного топливного цикла санкции, включая прекращение или приостановление действия разрешения.

Как видим, ни в действующем законодательстве, ни в юридической науке единого мнения по вопросу о сущности надзора и его соотношении с контролем нет.

Высказывалось мнение о том, что органы исполнительной власти вообще не обладают надзорными полномочиями, поскольку надзор является исключительной прерогативой прокуратуры².

Увы, как уже отмечалось, действующее законодательство также «обходит стороной» этот довольно острый вопрос³. Указ Президента от 9 марта 2004 г. № 314 (в ред. от 15 февраля 2007 г.) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», закрепляющий наряду с иными контрольно-надзорные функции исполнительной власти, содержит следующее разъясняющее положение: «Под функциями по контролю и надзору понимаются: осуществление действий *по контролю и надзору* за исполнением органа-

ми государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения; выдача органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) конкретных действий юридическим лицам и гражданам»⁴. Однако данное положение только на первый взгляд является разъясняющим. Определение функций по контролю и надзору через слова «контроль» и «надзор» не только не снимает понятийной путаницы, но и тавтологично.

В связи с этим выскажем ряд соображений. Большинство авторов, решая этот непростой вопрос, формулируют критерии отграничения контроля от надзора, как правило, на основе сравнения компетенции контрольных органов и прокуратуры. Действительно, прокуратура – классический пример государственного надзора, однако не единственный. По тем или иным причинам многие авторы забывают упомянуть об иных субъектах государственного надзора, например, об Уполномоченном по правам человека в РФ, анализ полномочий которого снимает всякие сомнения в надзорном характере его деятельности.

Не претендуя на соломонино решение этой проблемы, автор разделяет позицию ученых, считающих, что контроль и надзор соотносятся как общее и частное. Вместе с тем при наличии полярности научных взглядов относительно соотношения этих явлений, их не следует излишне дифференцировать, поскольку расхождение в их сущностных свойствах практически неуловимо, если не сказать условно. Не следует забывать, что и контроль, и надзор – прежде всего проверка чьей-либо деятельности и реагирование в случае выявления отклонения (правонарушения). И контроль, и надзор направлены в первую очередь на упреждение, коррекцию поведения (деятельности) и сдерживание его отклоняющихся форм.

¹ См.: Мелкумов В. Г. Советская прокуратура и проблемы общего надзора. Душанбе, 1970. С. 53.

² См.: Березовская С. Г. Прокурорский надзор за законностью правовых актов органов управления в СССР. М., 1959. С. 19.

³ На наш взгляд, А. В. Калмыкова не совсем точна, когда утверждает, что в тексте ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» содержится дефиниция государственного контроля. Дело в том, что в тексте указанного документа (ст. 2) одна дефиниция охватывает два явления – контроль и надзор.

⁴ Рос. газ. 2004. 11 марта.

По нашему мнению, снять напряженность в этом вопросе можно при помощи упорядочения (прежде всего в понятийно-категориальном аспекте) действующего законодательства, регламентирующего вопросы осуществления государственного контроля и надзора. Кроме того, представляется целесообразным сохранить статус надзорного органа за прокуратурой и более четко закрепить аналогичную компетенцию за Уполномоченным по правам человека в РФ. Статусом контрольных органов следовало бы наделить иные органы власти, для которых контроль

В. А. Дедов,
*преподаватель-методист учебного отдела
Воронежского института
Федеральной службы исполнения наказаний*

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Динамизм жизни современной человеческой цивилизации, потребность в высококвалифицированных специалистах, способных обеспечивать стабильность общества и его прогрессивное развитие, формирование рынка образовательных услуг, появление и развитие новых форм образовательного процесса – все это определяет актуальность проблемы качественной профессиональной подготовки обучаемых в вузах. Научный поиск методологов, социологов, преподавателей-практиков направлен: на определение требований к уровню (качеству) подготовки специалиста в вузе; выявление критериев и показателей, позволяющих корректно и объективно осуществлять качественную диагностику вузовского образования; разработку системы оценки и контроля качества образования. Об этом свидетельствуют многочисленные научные и научно-методические публикации последних лет, тематические конференции и симпозиумы, посвященные проблемам квалиметрии человека и образования. Ученые нередко вкладывают различный смысл в одни и те же термины, применяемые в своих исследованиях. Отсюда вытекает необходимость уточнения понятийного аппарата.

является имманентно присущим направлением деятельности, основной функцией.

Библиографический список

1. *Калмыкова, А. В.* Совершенствование правового статуса федеральных контрольно-надзорных органов в условиях административной реформы / А. В. Калмыкова // Журн. рос. права. – 2004. – № 8.
2. *Тарасов, А. М.* Правовые и организационные основы президентского контроля за деятельностью органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.

«Качество» – философская категория, выражающая существенную определенность объекта, благодаря которой он является именно этим, а не другим объектом. Понятие «качество» характеризует специфику объекта; то, что отличает один объект от других, и вместе с тем то общее, что характеризует весь класс однородных объектов. Важной содержательной стороной данного понятия является то, что оно не сводится к характеристике отдельных свойств объекта, но выражает целостное функциональное единство его существенных свойств, внешней и внутренней определенности, относительной устойчивости, его отличия от других объектов или сходства с ними.

Категория «качество» находится в тесной диалектической взаимосвязи с категорией «количество». Единство количества и качества характеризуется понятием «мера». Понятие «качество образования» выражает степень удовлетворения потребности людей в образовании¹.

Таким образом, понятие качества целесообразно трактовать как меру полезности. Качество образования в этой связи характеризует меру пользы образования для того или иного субъекта.

В роли субъектов образования выступают: государство, конкретный вуз, преподаватель, студент, курсант, работодатель. Для каждого из субъектов понятие качества образования обладает определенной спецификой. Так, для Министерства образования и науки РФ важной составляющей содержания понятия является длительность учебного процесса в том

¹ Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. М., 1997.

или ином вузе, относительный конкурс, соотношение количества зачисленных на обучение и завершивших его или исключенных; для вуза – число выпускников, трудоустроившихся по специальности, доля выпускников с красным дипломом; для преподавателя – в первую очередь хорошая академическая подготовка студентов по «его» специальности. Для самого студента «качество образования» – это и благоприятная учебная среда, влияние образовательного процесса на индивидуальное развитие, подготовку к карьере. Для работодателя важно, чтобы выпускник вуза умел соединять теорию и практику, а также применять полученные знания в трудовой деятельности.

Таким образом, понятие «качество образования» многомерно, включает в себя как общее, философско-методологическое содержание, так и специфическое, выражающее меру полезности образования для конкретного субъекта.

Одним из ключевых является понятие системы. Система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство¹. Данное понятие теснейшим образом связано с понятиями целостности, структуры, элемента, отношения, подсистемы и др.

Основными, отражающими свойства системы, являются следующие принципы:

- целостности: принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций внутри целого;

- структурности: возможность описания системы через установление ее структуры, т. е. сети связей и отношений системы; обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры;

- взаимозависимости системы и среды: система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия;

- иерархичности: каждый компонент системы, в свою очередь, может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы;

- множественности описания любой системы: в силу принципиальной сложности любой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы.

Система контроля качества образования относится к классу социальных систем, одной из важнейших характеристик которых является наличие в них процессов управления².

Управление представляет собой элемент, функцию организованных систем различной природы, обеспечивающей сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, целей деятельности. Таким образом, управление в обязательном порядке присутствует во всех системах в виде стихийного или сознательного механизмов.

В искусственно созданных социальных системах, к которым относится система контроля качества образования, сознательные факторы управления имеют первостепенное значение. Более того, создаются специфические общественные институты – субъекты управления, осуществляющие целенаправленное воздействие на общество.

Целеполагание, принятие соответствующих поставленной цели управленческих решений (планов, законов, правил и т. д.), организация выполнения решений, контроль за их выполнением, анализ результатов и постановка новой цели – таков ряд последовательных операций, осуществляемых субъектом управления, алгоритм его работы³.

Необходимо отметить, что система контроля качества образования – сложная система, имеющая собственную структуру, состоящую из множества элементов и подсистем, а также свои законы функционирования, управления.

Таким образом, любая система контроля качества образования должна соответство-

¹ Баранников А. В., Королев М. Ф., Науменко Б. Н. Управление качеством образования // Вестн. образования. 1992. № 6–7.

² Окрепилов В. В. Управление качеством. М., 1998.

³ Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М., 1999; Беспалько В. П. О критериях качества подготовки специалиста. Воронеж, 1977.

вать законам развития и функционирования собственно системы образования. В настоящее время система образования в России находится в процессе модернизации: происходят пересмотр содержания среднего образования, объективизация оценки образовательных достижений выпускников, утверждение многоступенчатости высшего профессионального образования, появление новых форм контроля качества образовательного процесса и др.

С нашей точки зрения, среди приоритетных направлений модернизации и развития российской системы образования необходимо выделить следующие.

1. Смещаются акценты при постановке цели и задач образования, что связано с изменением доминирующей образовательной парадигмы. На смену господствующей в конце XX в. «знаниевой» парадигме, направленной на формирование у обучающихся знаний, умений и навыков, приходит гуманистическая (у некоторых авторов – экогуманистическая) образовательная парадигма, ориентированная на развитие личности, становление в сознании субъектов учебного процесса картины мира, характеризующейся целостностью, непротиворечивостью, динамичностью, способностью к корректировке, «достройке» в течение всей жизни человека. Важным целевым аспектом новой парадигмы является приоритет личностной ценности образования над государственными интересами в этой области. Интересы общества при этом не исключаются: удовлетворение их будет происходить как результат самореализации и личностного роста человека.

2. Поскольку новая цель недостижима в русле «знаниевой» парадигмы, изменяется алгоритм отбора содержания образования. В содержание образования включаются оставшиеся ранее за рамками образовательного процесса различные точки зрения на учебные проблемы и задачи; истина мыслится не как данность, но как результат синтеза, совместного творчества на основе знаний и мыслительной деятельности каждого из участников учебного процесса, одним из которых выступает преподаватель. При этом в содержание образования привлекаются знания не только из различных областей науки, в особенности гуманитарных наук, экологии, но и из области культуры.

3. Согласно изменяющимся цели, задачам и содержанию образования претерпевают изменение и методы образовательного процесса. Принципиальным образом меняется сам подход к выбору и реализации последних. Традиционно в практике образования доминировал «субъект-объектный» подход, задающий строгие рамки, роли участвующим в учебном процессе и разделяющий их на воспитателя и воспитуемых, преподавателя и обучаемых. Такой подход плохо совместим с потребностями личностного развития человека, т. е. его становления как субъекта, как индивидуального, творческого представителя человечества, имеющего самостоятельную ценность. Именно поэтому все большее утверждение и распространение в образовании приобретает «субъект-субъектный» подход, характерной чертой которого является значительно более низкая иерархичность. Преподаватель не рассматривает себя как носителя истины, которую должен внушить обучаемым; он становится скорее организатором учения, создающим условия для совместного творчества и совместного поиска истины всеми участниками учебного процесса. Обучаемые не просто запоминают и воспроизводят истину, но сами активно участвуют в ее поиске, реализуя и развивая свой внутренний потенциал¹.

Существующая на сегодняшний день в России система контроля качества образования складывается из подсистемы внешнего (по отношению к вузу) контроля качества образования и подсистемы внутреннего контроля качества, т. е. тех, которые функционируют в самих учебных заведениях.

Деятельность подсистем контроля качества образования, вне зависимости от их уровня, регулируется законодательством Российской Федерации в области образования. Базовыми документами для организации и функционирования системы образования в целом и системы контроля качества образования, в частности, являются: Конституция РФ; Закон РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (ред. от 24 апреля 2008 г.)²; Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ (ред. от 15 июля 2008 г.)³.

¹ См.: Сериков В. В. Указ. соч.; Афанасьев Б. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981.

² См.: Рос. газ. 1992. 31 июля; 2008. 30 апр.

³ См.: там же. 1996. 29 авг.; 2008. 18 июля.

В Конституции РФ декларируется право любого россиянина на образование, а также устанавливаются другие права и свободы, определяющие возможность реализации гражданами права на образование.

Более детальному освещению механизма реализации права на образование посвящен Закон РФ «Об образовании»: вводятся понятия «образование», «система образования», «государственный образовательный стандарт», определяются принципы государственной политики России в области образования, основы управления образованием и др. В частности, под образованием в данном Законе понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества и государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов).

Область образования провозглашается Российской Федерацией приоритетной. Принципами государственной политики в области образования являются:

1) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности;

2) единство федерального, культурного и образовательного пространства; защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей;

3) общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся;

4) светский характер образования в государственных и муниципальных учебных образовательных учреждениях;

5) свобода и плюрализм в образовании;

6) демократический государственно-общественный характер управления образованием; автономность образовательных учреждений.

Таким образом, основы государственной политики Российской Федерации в области образования обуславливают возможность развития новой – гуманистической – образовательной парадигмы и реформирование в таком контексте всех звеньев системы образования, что, в свою очередь, требует совершенствования системы контроля и оценки качества образования.

Закон РФ «Об образовании» вводит несколько элементов системы контроля качества образования.

Во-первых, в России устанавливаются государственные образовательные стандарты, включающие в себя федеральный, региональный (национально-региональный) компоненты, а также компонент учебного заведения. Федеральный компонент государственного образовательного стандарта определяет обязательный минимум образовательных программ, максимальный объем учебной нагрузки обучающихся и требования к уровню подготовки выпускников. Независимо от форм получения образования государственные образовательные стандарты выступают основой объективной оценки уровня образования и квалификации выпускников.

Во-вторых, определяются компоненты системы образования Российской Федерации, а именно: совокупность взаимодействующих преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности; сети реализующих их образовательных учреждений; органов управления образованием и подведомственных им учреждений и организаций.

В-третьих, Закон РФ «Об образовании» определяет построение содержания образовательных программ в соответствии с государственными образовательными стандартами и общие требования к содержанию образования. Содержание образования должно быть ориентировано:

– на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации;

– развитие общества;

– укрепление и развитие правового государства.

Кроме того, содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений.

Закон РФ «Об образовании» также определяет общие требования к организации образовательного процесса. При этом государственные органы управления образованием обеспе-

чивают разработку базисных учебных планов и примерных программ курсов и дисциплин. Годовой календарный учебный график и расписание занятий разрабатываются и утверждаются образовательным учреждением самостоятельно. Образовательное учреждение независимо также в выборе системы оценок, формы, порядка и периодичности промежуточной аттестации обучающихся. К компетенции образовательного учреждения относятся и многие другие вопросы, связанные с организацией, реализацией и совершенствованием образовательного процесса, в том числе с внутренним контролем за качеством образования. За качество образования своих выпускников образовательное учреждение несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Если уровень и направленность образовательных программ, реализуемых образовательным учреждением, соответствуют требованиям государственной политики России в области образования, образовательное учреждение имеет возможность приобрести государственный статус, который устанавливается при государственной аккредитации образовательного учреждения.

Признание государственного статуса образовательного учреждения свидетельствует о том, что качество образования в таком учреждении контролируется государством.

Таким образом, в Законе РФ «Об образовании» определены основные характеристики качественного образования: целевые, содержательные и процессуальные; описана система реализации образования; в общем виде определены полномочия различных звеньев системы образования при организации образовательного процесса и контроля за его качеством. Необходимо еще раз подчеркнуть, что декларируемые в Законе ориентиры позволяют осуществлять развитие образования в Российской Федерации в русле новой образовательной парадигмы, с учетом интересов и потребностей каждого человека в личностном росте и самореализации, а также требований современного социокультурного процесса.

Помимо указанных законов, вузовская система контроля за качеством образования опирается на еще один базовый документ – Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», устанавли-

вающий структуру системы высшего и послевузовского профессионального образования, призванную реализовать качественное образование лиц, имеющих аттестат о получении общего (полного) среднего образования.

Качество высшего и послевузовского профессионального образования обеспечивается государственными образовательными стандартами высшего и послевузовского профессионального образования, поскольку данные стандарты являются основой объективной оценки деятельности образовательных учреждений, реализующих образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования. Кроме того, государственные образовательные стандарты в этой области обеспечивают единство образовательного пространства России.

Развивая положения Закона РФ «Об образовании», касающиеся системы контроля за качеством образования, Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» уточняет и конкретизирует их содержание, ориентирует на развитие вузовской системы контроля за качеством образования. Так, отмечается, что аттестация вуза государственной аттестационной службой проводится по заявлению самого высшего учебного заведения или по инициативе соответствующих органов правления, в ведении которых оно находится. При этом установление соответствия содержания, уровня и качества подготовки выпускников высшего учебного заведения требованиям государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям подготовки (специальностям) является целью и содержанием аттестации.

Отдельный пункт рассматриваемого Закона посвящен необходимости создания в вузе образовательной среды, способствующей получению качественного образования: «Высшее учебное заведение создает обучающимся необходимые условия для получения качества образования. Запрещается использование антигуманных, а также опасных для жизни или здоровья обучающихся методов обучения».

Следовательно, Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» вводит некоторые запреты, призванные повысить качество

образования в вузе и ответственность за это лиц, руководящих высшим учебным заведением. В частности, если государственное и муниципальное высшее учебное заведение в целом лишается государственной аккредитации по результатам аттестации, ректор высшего учебного заведения и отвечающие в пределах своей компетенции за качество подготовки выпускников проректоры освобождаются от занимаемых должностей.

Особо следует отметить регламентацию Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» кадрового обеспечения вузовского образовательного процесса. Так, научно-педагогические работники высшего учебного заведения обязаны:

- обеспечивать высокую эффективность педагогического и научного процессов;
- формировать у обучающихся профессиональные качества по избранному направлению подготовки (специальности), гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современной цивилизации и демократии;
- развивать у обучающихся самостоятельность, инициативу, творческие способности;
- систематически заниматься повышением своей квалификации.

При этом государство гарантирует создание необходимых условий для повышения квалификации не реже чем один раз в пять лет научно-педагогических работников государственных высших учебных заведений, выделяя на эти цели необходимые средства за счет федерального бюджета.

Таким образом, Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» углубляет основные положения Закона РФ «Об образовании» о системе контроля за качеством образования; определяет структуру системы высшего и послевузовского профессионального образования и системы контроля за качеством последнего; характеризует главные требования к организации качественного образовательного процесса в высших учебных заведениях, его кадровому обеспечению и др.

Содержание статей Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» не противоречит Конституции РФ, соответствует действующему Закону РФ «Об образовании» и, сле-

довательно, позволяет осуществлять развитие системы высшего и послевузовского профессионального образования в русле современных научных подходов, обеспечивающих получение субъектами учебного процесса качественного образования.

Важным документом, определяющим направления развития всей системы образования в нашей стране, является «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года»¹. В отличие от Конституции РФ и вышеуказанных законов, выполняющих в первую очередь регламентирующую функцию относительно создания системы образования и функционирования ее звеньев, данная Концепция играет ориентирующую роль, описывая направления изменений, конкретные меры и действия, призванные обеспечить создание механизма устойчивого развития системы образования, в том числе «достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования».

Более частными руководящими документами, регламентирующими создание системы контроля за качеством образования и функционирование ее звеньев, являются:

- 1) Положение о лицензировании образовательной деятельности²;
- 2) Положение о порядке аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений³ и др.

К научно-методологическим основам контроля качества образования относятся также публикации участников проектов по стандартизации в сфере военного образования и национальной системе оценки качества образования в России, широкий спектр которых отражен в материалах десяти ежегодных симпозиумов по квалиметрии чело-

¹ О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 дек. 2001 г. № 1756-р // СЗ РФ. 2002. № 1(ч. 2). Ст. 119.

² См.: Об утверждении Положения о порядке аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений: Приказ Минобрнауки РФ от 22 мая 1998 г. № 1327 (ред. от 11 авг. 2000 г. № 2439) // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 1998. № 21; 2000. № 35.

³ См.: Об утверждении Положения о лицензировании образовательной деятельности: Постановление Правительства РФ от 18 окт. 2000 г. № 796 (ред. от 26 янв. 2007 г. № 50) // Рос. газ. 2000. 27 окт.; 2007. 2 февр.

века и образования. Реальные перспективы этих исследований отражены в разделах по квалиметрическому мониторингу образования с описанием подходов к определению его содержания, организации и практической реализации¹.

Основным фактором обеспечения устойчивого развития государства является кадровый потенциал, становление которого осуществляется главным образом в рамках системы образования. Качество кадрового потенциала общества в целом и специализированного, в частности, определяет уровень развития государства. Таким образом,

С. В. Ермаков,

старший преподаватель

кафедры уголовного права и криминологии

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И (ИЛИ) СБОРОВ С ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

В ст. 199 УК РФ предусмотрены уголовные наказания за два способа уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации: непредставление налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, и включение в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений.

Ученые, занимающиеся проблемами налоговых преступлений, стремятся обобщить наиболее типичные способы уклонения от уплаты налогов. Так, И. Н. Соловьев выделяет следующие группы:

1) уклонение от регистрации в налоговых органах в качестве налогоплательщика, соответственно с сокрытием всех объектов налогообложения;

качество образования обуславливает состояние и перспективы развития общества.

Библиографический список

1. Беспалько, В. П. О критериях качества подготовки специалиста / В. П. Беспалько. – Воронеж, 1977.

2. Окрепилов, В. В. Управление качеством / В. В. Окрепилов. – М., 1998.

3. О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года : распоряжение Правительства РФ от 29 дек. 2001 г. № 1756-р // СЗ РФ. – 2002. – № 1(ч. 2). – Ст. 119.

2) сокрытие дохода (прибыли) и иных объектов налогообложения;

3) занижение полученных доходов и завышение производственных расходов;

4) переложение налоговых обязательств на несуществующих юридических лиц или индивидуальных предпринимателей;

5) неотражение в документах бухгалтерского учета и отчетности оборота товарно-материальных ценностей и денежных средств;

6) отсутствие учета объектов налогообложения при условии их сокрытия;

7) незаконное использование налоговых льгот².

В ходе изучения материалов уголовных дел по ст. 199 УК РФ, рассмотренных судами Владимирской области, нами было выявлено, что уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, совершенное путем непредставления налоговой декларации или иных документов, составило 18 % от числа изученных уголовных дел; уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, совершенное путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, – 82 %. В свою очередь, обман налоговых органов может выражаться в различных действиях, как то: недостоверный учет произведенных товаров, выполненных работ, оказанных услуг – 53 %; занижение объемов полученной выручки с реализации товаров, работ, услуг – 14 %; отнесение необоснованных расходов к затратам на производство (приобретение) и (или) реализацию, транс-

¹ Качество, содержание и технологии образования: Тез. докл. седьмого симпозиума «Квалиметрия человека и образования. Методология и практика. Проблемы измеримости образовательных стандартов и квалиметрического мониторинга образования» / Под науч. ред. Н. А. Селезневой и А. И. Субетто. М., 1998. Кн. вторая. Ч. III, IV.

² См.: Соловьев И. Н. Налоговые преступления и преступность. М., 2006. С. 376–378.

портировку, хранение товаров, работ или услуг – 13 %; иные действия составляют 20 %. При этом важно отметить, что наиболее распространенными налогами, которые уклоняются платить организации, являются налог на прибыль и налог на добавленную стоимость.

Обращаясь к вопросам законодательного закрепления способов налогового преступления, следует сказать, что их казуистическое описание является нецелесообразным. Максимально конкретное раскрытие в законе способов уклонения будет способствовать лишь возникновению дополнительных уловок, позволяющих избежать уголовной ответственности. В этой связи некоторые ученые предлагают вообще отказаться от закрепления в уголовном законе способа совершения налогового преступления с тем, чтобы исключить возможные пробелы уголовного законодательства¹. Однако мы не можем согласиться с этой точкой зрения, так как нельзя необоснованно расширять сферу уголовной ответственности.

Понятие уклонения от уплаты налогов и (или) сборов конкретизируется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64. Под уклонением от уплаты налогов и (или) сборов, ответственность за которое предусмотрена ст. 198 и 199 УК РФ, следует понимать умышленные деяния, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации. Способы уклонения от уплаты налогов и (или) сборов могут быть как действия в виде умышленного включения в налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, заведомо ложных сведений, так и бездействие, выражающееся в умышленном непредставлении налоговой декларации или иных указанных документов².

¹ См.: Бобырев В. В., Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Уклонения от уплаты налогов и их квалификация по Уголовному кодексу Российской Федерации // Право и экономика. 2007. № 9.

² См.: О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28 дек. 2006 г. № 64 // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2007. № 3.

В связи с изложенным мы считаем, что, во-первых, диспозиция ст. 199 УК РФ является некорректной, во-вторых, разъяснения понятия «уклонение», данные Пленумом, представляются неполными, и вот почему. Такой способ уклонения, как включение в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, на наш взгляд, неточно отражает сущность преступного деяния – уклонения, совершенного путем активных действий. Так, субъект, включивший в декларацию заведомо ложные сведения, может при этом не иметь намерения подавать ее в налоговый орган. Включение в декларацию или иные документы заведомо ложных сведений не означает их автоматического использования для совершения налогового преступления. Здесь уместно провести аналогию ситуации с субъектом, изготовившим поддельные банковские билеты и не имевшим цели их сбыта. Не вызывает сомнения тот факт, что если субъект не подаст такую декларацию, то он все равно совершит налоговое преступление, но только первым способом – непредставлением декларации. Однако это преступное действие по времени будет считаться совершенным лишь после истечения сроков подачи декларации. Следовательно, уклонение, совершенное путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, обязательно должно предполагать их последующее представление в налоговый орган, и это положение должно быть прямо закреплено в законодательстве, а не следовать из его расширительного толкования.

Законодательная формулировка уклонения, совершенного путем бездействия, на наш взгляд, верно отражает сущность преступления.

Таким образом, термин «уклонение» следует определять: а) через действие – представление в налоговые органы декларации или иных документов с заведомо ложными сведениями; б) бездействие – непредставление налоговой декларации или иных документов.

В этой связи ч. 1 ст. 199 УК РФ может быть изложена в следующей редакции:

«1. Непредставление налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательст-

вом Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо представление налоговой декларации или иных документов с заведомо ложными сведениями, повлекшее неуплату налогов и (или) сборов в крупном размере...».

Библиографический список

1. *Бобырев, В. В.* Уклонения от уплаты налогов и их квалификация по Уголовному кодексу Российской Федерации / В. В. Бо-

бырев, С. П. Ефимичев, П. С. Ефимичев // Право и экономика. – 2007. – № 9.

2. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 28 дек. 2006 г. № 64 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2007. – № 3.

3. *Соловьев, И. Н.* Налоговые преступления и преступность / И. Н. Соловьев. – М., 2006.

Н. А. Ешкилева,

*преподаватель кафедры экономических и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Защита прав потребителей со стороны государства осуществляется посредством системы нормативных правовых актов, определяющих ее (защиты) порядок, способы, ответственность предпринимателей.

За последнее десятилетие созданы правовая и методическая базы в целях единого образного применения потребительского законодательства, сформирована национальная система защиты прав потребителей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, развернута система информирования населения об актуальных вопросах защиты прав потребителей. Кроме того, достаточно успешно реализуется право потребителей на досудебную и судебную защиту их законных интересов.

В выработке и осуществлении стратегических подходов потребительской политики учитываются опыт взаимодействия государственных органов и общественных объединений потребителей, передовая практика защиты прав потребителей за рубежом. В последние годы российское законодательство в области защиты прав потребителей становится все более соответствующим международным стандартам.

Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 устанавливает, что государственный контроль и надзор

в области защиты прав потребителей осуществляются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по контролю (надзору) в области защиты прав потребителей (его территориальными органами), а также иными федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в области защиты прав потребителей и безопасности товаров (работ, услуг) (ч. 1 ст. 40)¹.

Государственный контроль и надзор в области защиты прав потребителей предусматривают:

1) проведение мероприятий, связанных с контролем, – проверка соблюдения изготовителями (продавцами, исполнителями) обязательных требований законов и иных нормативных актов Российской Федерации, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей, а также обязательных требований к товарам;

2) выдачу в пределах полномочий предписаний изготовителям (продавцам, исполнителям и т. д.) о прекращении нарушений прав потребителей, необходимости соблюдения обязательных требований к товарам (работам, услугам);

3) принятие мер по приостановлению производства и реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг), которые не соответствуют обязательным требованиям, и информированию об этом потребителей;

4) направление в лицензирующий орган материалов о нарушении прав потребителей для рассмотрения вопросов о приостановлении действия или аннулировании соответствующей лицензии;

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

5) направление в органы прокуратуры, другие правоохранительные органы материалов для решения вопросов о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений, связанных с нарушением прав потребителей;

6) обращение в суд с заявлениями в защиту прав потребителей, а также с заявлениями о ликвидации изготовителя (продавца, исполнителя) либо о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя за неоднократное или грубое нарушение прав потребителей.

Федеральный орган исполнительной власти по контролю в области защиты прав потребителей, а также иные федеральные органы, осуществляющие функции по контролю и надзору в данной области, могут быть привлечены судом к участию в деле или вступать в дело по своей инициативе или по инициативе лиц, участвующих в деле, для дачи заключения по делу в целях защиты прав потребителей.

В России сложилась система органов, которые призваны осуществлять государственный контроль за соблюдением потребительского законодательства. В эту систему, в частности, входят: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и другие федеральные органы исполнительной власти в пределах своей компетенции. В их числе особо необходимо выделить первую из указанных служб. В соответствии с постановлением Правительства РФ «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» от 30 июня 2004 г. № 322 данная служба является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере защиты прав потребителей и потребительского рынка¹. В ее полномочия входят надзор и контроль за исполнением обязательных требований законодательства Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологичес-

кого благополучия, защиты прав потребителей и в области потребительского рынка, в том числе государственный контроль за соблюдением законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей, правил продажи отдельных предусмотренных законодательством видов товаров, выполнения работ, оказания услуг и т. д. Также данная Федеральная служба осуществляет в установленном порядке проверку деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан по выполнению требований санитарного законодательства, законодательства Российской Федерации в области защиты прав потребителей, правил продажи отдельных видов товаров и т. д.

В целях реализации полномочий в установленной сфере деятельности Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека имеет право, в частности, давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к ее компетенции; пресекать факты нарушения законодательства Российской Федерации в установленной сфере деятельности, а также применять предусмотренные законодательством Российской Федерации меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, направленные на недопущение и (или) ликвидацию последствий нарушений юридическими лицами и гражданами обязательных требований в установленной сфере деятельности и т. д.

Более детально рассмотрим вопросы деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека на примере ее территориального органа по Владимирской области (официальное сокращенное название – Управление Роспотребнадзора по Владимирской области). Приказом Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 6 сентября 2006 г. № 209 утверждено Положение об Управлении Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Владимирской области, в соответствии с которым данное Управление является территориальным органом Феде-

¹ См.: Рос. газ. 2004. 8 июля.

ральной службы и осуществляет защиту прав потребителей и потребительского рынка на установленной территории.

На основании анализа результатов деятельности указанного органа исполнительной власти за 2006–2007 гг. можно сделать вывод, что во Владимирской области сложилась достаточно эффективная система контроля в данной сфере. Всего в 2007 г. специалистами Управления было проведено 2785 мероприятий по контролю в сфере защиты прав потребителей (в 2006 г. – 2845), из них 619 плановых (в 2006 г. – 787) и 2166 внеплановых (в 2006 г. – 2058), в том числе специалистами отдела по защите прав потребителей проведено 987 проверок (в 2006 г. – 855), из них 349 плановых (в 2006 г. – 349) и 638 внеплановых (в 2006 г. – 506).

Если представить структуру проверок в 2007 г. по видам деятельности, то наибольший процент (76,6 %) в общем количестве проверок занимает розничная торговля (в 2006 г. – 67,2 %), 10,5 % проверок приходится на общественное питание (в 2006 г. – 10,05 %), 2,2 % – на жилищно-коммунальные услуги (в 2006 г. – 7,2 %), 2,9 % – на платные медицинские услуги (в 2006 г. – 1,3 %). Также проверялись и другие виды деятельности: бытовые услуги, услуги транспорта, туристско-экскурсионные услуги, долевое строительство и прочие виды деятельности.

Проверки проводились в соответствии с планом работы, заданиями и поручениями Роспотребнадзора, по материалам, направленным из уполномоченных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, по письмам и обращениям граждан.

В ходе проведенных контрольных мероприятий в 2007 г. специалистами Управления установлено 4027 нарушений (в 2006 г. – 4129), из них: 1852 нарушения Закона РФ «О защите прав потребителей» (в 2006 г. – 1449), 2175 нарушений иных нормативных правовых актов РФ (в 2006 г. – 2680). Наиболее распространенными нарушениями являются: непредоставление необходимой и достоверной информации о реализуемом товаре (работе, услуге), изготовителе, исполнителе; нарушение Правил продажи отдельных видов товаров; нарушения обязательных требований стандартов; обман потребителей; отсутствие вывески предпри-

ятия; включение в договоры условий, ущемляющих права потребителей.

Основное внимание специалистов отдела защиты прав потребителей Управления при проведении контрольно-надзорных мероприятий в 2006–2007 гг. уделялось контролю за производством и реализацией детских игр и игрушек, алкогольной продукции, в сфере оборота и распространения контрафактной аудиовизуальной продукции, а также контролю в сфере предоставления платных медицинских услуг. В 2008 г. Управлением решаются задачи повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в сфере жилищно-коммунальных услуг, строительстве жилья, оказании медицинских и финансовых услуг.

Следует отметить, что в сфере контроля на потребительском рынке территориальные органы Федеральной службы в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека активно взаимодействуют с органами внутренних дел. Правовой основой такого взаимодействия является Приказ МВД России и Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении Регламента взаимодействия органов внутренних дел и территориальных органов Роспотребнадзора при выявлении и пресечении административных правонарушений на потребительском рынке Российской Федерации» от 3 ноября 2006 г. № 879/746¹. Основными задачами взаимодействия органов внутренних дел и территориальных органов Роспотребнадзора являются: создание единой системы защиты прав потребителей товаров, работ и услуг от противоправных посягательств; защита экономических интересов добросовестных российских и зарубежных предпринимателей; защита потребительского рынка от распространения продукции, представляющей опасность для жизни и здоровья граждан, не отвечающей требованиям, предъявляемым законодательством РФ и др.

В УВД по Владимирской области в 2004 г. сформировано отделение по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства. Основные задачи данного отделения заключаются в обеспечении эффективной деятельности подразделений ми-

¹ См.: Рос. газ. 2006. 13 дек.

лиции общественной безопасности ГРУОВД области по борьбе с правонарушениями; контроле за исполнением нормативных правовых актов административно-правовой юрисдикции; практической деятельности по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в сфере экономики, относящихся к компетенции милиции общественной безопасности, защите потребительского рынка от распространения поддельной и некачественной продукции, представляющей опасность для жизни и здоровья граждан, не отвечающей условиям лицензирования и сертификации и др.

Отделение осуществляет контроль в сфере потребительского рынка по различным направлениям, например, в области экологии и нефтебизнеса, сфере распространения контрафактной аудиовизуальной продукции, обращения алкогольной продукции, оборота пиротехнических изделий, табачной продукции, фармакологии, в области игорного бизнеса и др.

Анализируя в целом работу ГРУОВД Владимирской области по исполнению административного законодательства за 2006–2007 гг., можно отметить, что в 2007 г. сотрудниками соответствующих подразделений ОВД было выявлено 992362 нарушения (в 2006 г. – 982370), из них 1957 нарушений в области экологии (в 2006 г. – 2091), 15248 нарушений в области экономики и предпринимательской деятельности (в 2006 г. – 15946), 3967 нарушений, связанных с продажей товаров ненадлежащего качества (в 2006 г. – 4171), 460 случаев обмана потребителей (в 2006 г. – 436), 29 случаев незаконного использования товарного знака (в 2006 г. – 20), 370 нарушений правил продажи алкогольной продукции (в 2006 г. – 412) и др. Всего за 2007 г. было взыскано штрафов на сумму 53474 тыс. руб., из них за нарушения, предусмотренные гл. 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности» КоАП РФ, – на сумму 448 тыс. руб.

Управление Роспотребнадзора по Владимирской области и органы внутренних дел организуют и проводят совместные целевые проверки по выявлению фактов нарушений на потребительском рынке. Так, например, ими проведены совместные проверки по выявлению фактов безлицензионного производства, оптовой и розничной торговли подкцизными товарами, правонарушений в

топливно-энергетическом комплексе, фактов продажи контрафактной продукции.

Следует отметить, что проверки территориальными органами Роспотребнадзора проводятся в порядке, установленном Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ¹, поскольку развитие рыночной экономики в России, активизация предпринимательской деятельности требуют соответствующего развития форм и методов ее государственного регулирования. В целях ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности, прежде всего, в сфере малого и среднего предпринимательства, Президентом РФ 15 мая 2008 г. был подписан Указ «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» № 797. Данный Указ положил начало серьезным изменениям в государственном контроле за субъектами предпринимательской деятельности. В том документе, в частности, предусматривается, во-первых, дальнейшее усиление гарантий защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора); во-вторых, проведение планового мероприятия по контролю в отношении одного юридического лица или индивидуального предпринимателя каждым органом государственного контроля не более одного раза в три года (в настоящее время – один раз в два года); в-третьих, проведение внеплановых мероприятий по контролю в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства только в целях выявления нарушений, представляющих непосредственную угрозу жизни и здоровью людей и по согласованию с прокурором субъекта Российской Федерации; в-четвертых, замена лицензирования отдельных видов деятельности обязательным страхованием ответственности или предоставлением финансовых гарантий; в-пятых, исключение внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок деятельности субъектов малого и среднего предпринима-

¹ См.: Рос. газ. 2001. 11 авг.

тельства, а также возможности составления должностными лицами этих органов протоколов об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности¹. Это не исчерпывающий список грядущих изменений. Президент РФ дал указание Правительству РФ в 2-месячный срок разработать и внести в Государственную Думу РФ проекты соответствующих федеральных законов, а также обеспечить приведение действующих нормативных правовых актов в соответствие с данным Указом.

Несомненно, новые правила, касающиеся государственного контроля в сфере предпринимательской деятельности, позитивно отразятся на развитии малого и среднего бизнеса в России. Но не будут ли эти правила способствовать ущемлению прав потребителей? Например, проведение внеплановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в соответствии с названным Указом становится весьма затруднительным. Напомним, что из всех проверок, проведенных специалистами Управления Роспотребнадзора по Владимирской области в 2007 г., плановые составили 22,2 %

В. А. Земсков,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

НОРМОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

Проблематика деятельности государства, его функционирования всегда была и остается важной и привлекает к себе повышенное внимание в силу постоянной динамики государственно-правового воздействия на социум. В юридической науке вопрос о функциях государства является одним из наиболее дискуссионных, он имеет как научно-теоретическую, так и политико-практическую значимость.

Основательно разработанная советскими правоведами концепция функций государства по-прежнему сохраняет свою методологическую значимость. Вместе с тем преждевременно исходить из того, что потенциал

(в 2006 г. – 27,6 %), внеплановые – 77,8 % (в 2006 г. – 72,4 %), при этом выявлены нарушения действующего законодательства в 95 % проведенных проверок. Эти цифры говорят сами за себя. Полагаем, что в дальнейшем защита интересов потребителей должна стать выгодной для самих предпринимателей. С этой целью в настоящее время создаются органы саморегулирования бизнеса, которые разрабатывают правила, устанавливающие повышенные по сравнению с законодательством обязательства бизнеса в отношениях с потребителями².

Библиографический список

1. О защите прав потребителей : закон РФ : [от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 : в ред. от 25 окт. 2007 г. № 234-ФЗ] // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766 ; Рос. газ. – 2007. – 27 окт.

2. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека : постановление Правительства РФ : [от 30 июня 2004 г. № 322] // Рос. газ. – 2004. – 8 июля.

данной проблематики исчерпан и окончательно решена проблема функций государства, его целей и задач. Тем более, что отечественная политико-правовая действительность постоянно порождает в науке проблемы и вопросы, требующие весьма серьезной проработки³.

С нашей точки зрения, в современном государствоведении мало изученными остаются теоретические аспекты участия органов местного самоуправления (далее: МСУ) в реализации функций государства⁴, а точнее государственных функций.

² Примером такой организации может служить действующее на территории Владимирской области некоммерческое партнерство «Ассоциация операторов рынка алкогольной продукции Владимирской области».

³ См.: Радько Т. Н., Пожарский Д. В. Понятие и классификация функций государства (Анализ подходов в отечественной юридической науке): Лекция. М., 2005. С. 3.

⁴ Данная проблематика активно обсуждалась в советской юридической науке, поскольку считалось, что после отмирания государства его функции перейдут к институтам коммунистического самоуправления (см., напр.: Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 200–214).

¹ См.: Рос. газ. 2008. 17 мая.

В рамках настоящей публикации будут рассмотрены наиболее устоявшиеся и общепринятые положения теоретико-правовой науки. Прежде всего следует отметить, что вышеуказанными терминами обозначаются различные по своему смысловому объему и содержанию понятия. Если функции государства охватывают необходимостью своей реализации весь механизм государства, то государственные функции есть прерогатива (элемент компетенции) отдельных звеньев (государственных органов) его структуры. Именно поэтому государственные функции в науке часто соотносят с функциями государственных органов¹.

В соответствии со ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Однако «...организационное обособление местного самоуправления в общей системе управления государством, – отмечает В. И. Фадеев, – не означает появление некоего "государства в государстве"»².

Полностью разделяя данную точку зрения, необходимо отметить, что органы местного самоуправления наряду с органами государства выступают проводниками, субъектами реализации государственных функций. Следует учитывать, что участие органов местного самоуправления в их осуществлении можно рассматривать *de facto*, если речь идет о выполнении функций, имеющих сходство в природно-сущностном аспекте с функциями государства³, и *de jure*, когда на уровень МСУ делегируются какие-либо конкретные полномочия публично-властного характера⁴.

Если вопрос о признании самостоятельности функций первого уровня (порядка) можно считать дискуссионным, то относи-

тельно системы функций МСУ, обусловленных выполнением полномочий государственно-властного характера, возражений быть не должно в силу легальной (правовой) регламентации принципов их реализации.

Теоретические положения отечественной теории функций государства с известной (на наш взгляд, незначительной) долей условности вполне можно проецировать на сферу МСУ. В таком случае вполне закономерно возникает вопрос о формах реализации функций МСУ, а также формах участия МСУ в осуществлении государственных функций.

В современной теории государства и права формы реализации (осуществления) функций государства классифицируются на два типа: правовые и неправовые (организационные). К формам первого типа обычно относят: правотворчество, правоприменение, правообеспечение (в том числе правоохранительную, контрольно-надзорную и судебную деятельность), договор, распорядительную деятельность. Соответственно к неправовым относят: организационную, экономическую, политическую, информационную и идеологическую деятельность⁵.

В правовых формах отражаются связь государства и права, обязанность государства действовать на основе права, в рамках закона. Кроме того, эти формы отражают работу государственных органов и должностных лиц, а также совершение ими юридических действий. Аналогичный вывод можно сделать и о правовых формах деятельности органов МСУ, поскольку действия и юридически значимые поступки органов и должностных лиц – не менее важная проблема в современной юридической науке, выходящая за рамки сугубо функционального подхода⁶.

Нормотворчество как форма участия МСУ в реализации государственных функций представляет собой процесс создания или санкционирования общеобязательных правил поведения (норм), регулирующих поведение

¹ См., напр.: Байтин М. И., Сенякин И. Н. Функции государства // Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 51.

² Фадеев В. И. Проблемы развития местного самоуправления в Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков. Конституционное и административное право: Материалы Всерос. конф. М., 2000. С. 96.

³ См., напр.: Лежикова Ю. Г. Правовое закрепление экономической функции местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

⁴ См., напр.: Соловьев С. Г. Система публичных институтов муниципального права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

⁵ См.: Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 8.

⁶ См.: Черногор Н. Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Дуров А. И. Организационные и правовые основы обеспечения законности в деятельности органов местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

участников местного самоуправления. В условиях продолжающегося формирования и совершенствования институтов правовой государственности, демократии и гражданского общества вне данной формы деятельность МСУ практически невозможна.

Нормотворчество в муниципальных образованиях – это самостоятельный вид нормотворческой деятельности, осуществляемый населением городских, сельских поселений и других территорий и их органами местного самоуправления. Результатом муниципального нормотворчества является правовой акт – локальный (в силу пространственной ограниченности муниципальной власти) нормативный акт, содержащий правовые нормы, обеспечиваемые возможностью государственного принуждения.

Нормотворчество как одна из форм участия МСУ в осуществлении государственных функций по своему содержанию имеет сходство с правотворческим процессом, в силу чего также может быть охарактеризовано именно как процесс со свойственным ему принципом стадийности.

Применительно к муниципальному нормотворческому процессу можно выделить следующие стадии:

- прогнозирование и планирование муниципального правового акта;

- инициирование принятия правового акта;
- подготовка проекта правового акта;
- рассмотрение проекта правового акта;
- подписание и обнародование правового акта;
- контроль за реализацией правового акта;
- отмена или приостановление действия правового акта (данная стадия не является обязательной).

Библиографический список

1. *Байтин, М. И.* Функции государства / М. И. Байтин, И. Н. Сенякин // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 1995.
2. *Бухтерева, М. А.* Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
3. *Радько, Т. Н.* Понятие и классификация функций государства (Анализ подходов в отечественной юридической науке) : лекция / Т. Н. Радько, Д. В. Пожарский. – М., 2005.
4. *Фадеев, В. И.* Проблемы развития местного самоуправления в Российской Федерации / В. И. Фадеев // Государство и право на рубеже веков. Конституционное и административное право : материалы Всерос. конф. – М., 2000.

Т. Ю. Кобозева,

*заместитель начальника отдела
правового обеспечения деятельности судов
Главного управления организационно-
правового обеспечения деятельности судов
Судебного департамента
при Верховном Суде Российской Федерации*

ПРИНУЖДЕНИЕ

КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) содержат 12 составов преступлений (ст. 120, 141, 142, 144, 147, 149, 179, 240, 302, 309, 333, 357), в которых категория «принуждение» выступает признаком объективной стороны преступления¹. В диспозициях этих статей зако-

нодатель так или иначе указывает на принуждение: либо как основное преступное деяние («принуждение к»), либо как способ совершения преступного деяния («воспрепятствование путем принуждения»).

В российском уголовном праве принуждение как способ совершения преступления можно рассматривать в двух вариантах:

1. Применительно к преступлению, в котором принуждение является единственным способом его совершения (ст. 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов»).

2. Применительно к преступлениям, в которых принуждение является одним из альтернативных способов их совершения (ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий», ст. 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов, документов референдума»).

¹ Статья 357 УК РФ содержит понятие «принудительная передача детей» как один из способов совершения геноцида.

Отношение ученых к данным составам преступления неоднозначно. Так, Н. В. Иванцова предлагает все преступления, в которых принуждение выступает способом совершения преступления, а также ст. 141.1, 142.2 УК РФ исключить из разд. VII «Преступления против личности», включив их в разд. X «Преступления против государственной власти», в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», поскольку они в первую очередь посягают на основы конституционного строя, а конституционные права и свободы личности являются дополнительным объектом посягательства этих преступных деяний¹.

В ст. 141 УК РФ принуждение является способом воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий наряду с такими способами, как подкуп, обман, применение насилия либо угроза его применения. Аналогично представлено принуждение и в ст. 142 УК РФ, однако среди вышеперечисленных способов здесь отсутствует обман.

Отнесение указанных способов преступного поведения к одному преступному деянию (воспрепятствованию или подделке) позволяет заключить, что законодатель разграничивает указанные понятия (способы совершения преступлений). Таким образом, основной акцент в раскрытии содержания категории «принуждение» как способа совершения преступления заключается в требовании нужного виновному поведения, которое не соответствует желаниям и интересам потерпевшего.

Н. В. Иванцова называет тавтологией одновременное употребление в указанной норме уголовного закона терминов «принуждение» и «применение насилия», и предлагает «исключить признак "принуждение", а признак "насилие" либо "угроза его применения" заменить на признак "физическое или психическое насилие"»². С этим утверждением можно согласиться, однако не потому, что термин «насилие» включает в себя и принуждение, а так как психологическая составляющая принуждения шире, чем у насилия.

Вместе с тем вследствие подобной замены за рамками данного состава окажутся случаи противоправного воздействия на граждан, не соответствующие определению подкупа, обмана, применения насилия или угрозы его применения (например, воспрепятствование, соединенное с применением шантажа, угрозы увольнения с работы или угрозы уничтожения имущества). Поэтому потребуется дополнение уголовного закона соответствующей нормой.

Необходимо особо подчеркнуть, что согласно Федеральному закону от 4 июля 2003 г. № 94-ФЗ³ данный состав преступления был дополнен таким способом его совершения, как принуждение. Такое дополнение свидетельствует об общественной опасности подобного влияния на человека и как следствие его оценки законодателем.

Принуждение в рамках данной статьи может осуществляться путем нарушения или угрозы нарушения законных прав и интересов принуждаемого, например, увольнения или угрозы увольнения с работы, уничтожения или угрозы уничтожения имущества⁴.

Непосредственным объектом воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) являются общественные отношения, обеспечивающие свободу печати и других средств массовой информации.

В данном составе принуждение выступает как единственный способ воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов. Однако само принуждение не конкретизировано.

Нужно отметить, что уголовная ответственность за аналогичное преступление предусматривалась и в прежнем УК РСФСР, где принуждение являлось деянием, образующим объективную сторону преступления, наряду с воспрепятствованием: «злостное воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналистов, а равно принуждение их к распространению либо отказу от распространения информации с целью ограничения свободы печати или других средств массовой информации». При этом предусматривался

¹ См.: Иванцова Н. В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005. С. 15.

² Там же. С. 40.

³ См.: Рос. газ. 2003. 8 июля.

⁴ См.: Уголовное право России. Особенная часть: Учеб. / Под ред. А. И. Рапога. М., 2004.

особо квалифицированный вид этого преступления, связанный с применением насилия над журналистом или его близкими, либо с повреждением или уничтожением их имущества, либо с угрозой насилия над ним или его близкими, повреждением или уничтожением их имущества, а также путем применения подкупа (ч. 3 ст. 140.1)¹.

То есть термины «воспрепятствование» и «принуждение» имели равную уголовно-правовую характеристику. Согласно действующему же законодательству наказуемо не любое воспрепятствование, а только совершенное путем принуждения.

Более того, в Модельном Уголовном кодексе, рекомендательном законодательном акте для стран СНГ, принятом на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников стран СНГ 17 февраля 1996 г.², предусмотрена ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 166). Причем квалифицирующими признаками этого деяния названы насилие, а равно уничтожение или повреждение имущества³.

По этому поводу в комментарии к УК РФ под редакцией А. В. Наумова говорится, что законодатель исключил из статьи положения о насилии, угрозе его применения и о близких родственниках в связи с тем, что «в УК имеются другие нормы, защищающие граждан от угроз и насилия, которые в равной степени распространяются и на журналистов»⁴.

С таким утверждением трудно согласиться. Действительно, в УК РФ содержатся многие другие нормы, защищающие граждан от угроз и насилия. Однако отсутствие в статье нормативного закрепления указанных способов объясняется законодательным несовершенством и отсутствием системности во многих нормах уголовного закона. Относительно ст. 144 УК РФ это говорит о невозможности ее применения по

совокупности совершенных преступлений (за исключением случая совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения), что, в свою очередь, ведет к тому, что статья в целом не применима на практике, а одна из важнейших гарантий свободы массовой информации носит декларативный характер. Отсюда и высокая латентность данных преступлений.

Между тем прежний уголовный закон позволял это делать, так как под насилием как способом совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 140(1), понималось причинение журналисту или его близким легкого телесного повреждения или побоев, а причинение менее тяжкого или тяжкого телесного повреждения, а также смерти квалифицировалось по совокупности ст. 140(1) и ст. 102, 103, 106, 108, 109⁵.

Содержанием объективной стороны преступления является воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации. Сам способ принуждения не конкретизирован. Поэтому буквальное толкование категории «принуждение» в данной статье охватывает довольно широкий спектр неправомерного воздействия на волю журналиста: любые формы физического насилия или угрозы его применения в отношении как самого журналиста, так и его родственников или иных близких ему лиц; а также психическое принуждение, угрозы уничтожения, повреждения имущества, угрозы разглашения, распространения порочащих их сведений, т. е. шантаж и др.

Анализ существующих научных комментариев к данной статье показал, что формы выражения принуждения противоречивы и порой даже взаимоисключающие. Единого мнения по вопросу содержания понятия «принуждение» не существует.

Так, с одной стороны, в комментарии к УК РФ под общей редакцией В. М. Лебедева и Ю. И. Скуратова говорится, что под принуждением в ст. 144 УК РФ «следует понимать самые различные способы воздействия, за исключением какого-либо на-

¹ См.: Уголовный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

² См.: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241285>.

³ Например, такая статья имеется в УК Белоруссии (ст. 198), УК Украины (ст. 171).

⁴ Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. В. Наумов. М., 1996.

⁵ См.: Кирсанов Э. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов // Законодательство и практика масс-медиа. 2002. Вып. 5.

сия, повреждения имущества или его уничтожения, а также угроз насилием. Способами воздействия на журналистов могут быть: шантаж, обещание продвинуть по службе либо, напротив, понизить и т. п.»¹.

С другой стороны, авторы учебников по уголовному праву считают, что принуждение может выразиться в применении к самому журналисту или его близким любого насилия, т. е. как опасного, так и не опасного для жизни или здоровья, либо в угрозе его применения, в уничтожении или угрозе уничтожения имущества, шантаже, т. е. угрозе разглашения нежелательных сведений и других действиях (Б. В. Здравомыслов, Л. Д. Гаухман²).

Достаточно широко раскрывают категорию «принуждение» применительно к ст. 144 УК РФ авторы учебника по уголовному праву Российской Федерации под редакцией А. И. Рарога: «...принуждение может выразиться в применении к самому журналисту или его близким насилия, как опасного, так и не опасного для жизни или здоровья, либо в угрозе его применения, в уничтожении или угрозе уничтожения имущества, шантаже... и других действиях, нарушающих законные права и интересы журналиста»³. Таким образом, по мнению данных авторов, к принуждению здесь не относится только подкуп.

Итак, принуждение выступает своего рода консолидированным способом.

Мы придерживаемся второй точки зрения и полагаем, что к понятию «принуждение» следует относить применение любого насилия либо угрозы его применения, причем не только к журналисту, но и к его близким.

Воспрепятствование деятельности журналиста предполагает воздействие как на самого журналиста, так и на близких ему лиц, причем само воспрепятствование означает лишение возможности выполнять свои профессиональные обязанности и пользоваться предоставленными полномо-

чиями по сбору информации, а также создание условий, которые существенно затрудняют профессиональную деятельность. Принуждение журналиста к распространению информации предполагает насильственное воздействие на него или его близких с целью заставить его обнародовать определенную информацию вопреки его воле.

Принуждение журналиста к отказу от распространения информации также заключается в воздействии на журналиста или близких ему лиц, но с обратной целью – заставить отказаться от обнародования известной ему информации.

Принуждение может выражаться и в таких противоправных административных действиях, как: осуществление цензуры, приостановление выпуска средства массовой информации, незаконное изъятие, уничтожение тиража печатной продукции, закрытие телеканала или канала радиовещания, дисциплинарное преследование по работе, лишение или понижение по работе, ущемление в выплатах авторского вознаграждения и т. п., если эти формы воспрепятствования осуществлялись путем принуждения журналистов к распространению или к отказу от распространения желательной для виновного лица информации.

Вместе с тем конструктивные особенности состава не позволяют трактовать его слишком расширительно. В диспозиции говорится только о воспрепятствовании распространению информации, т. е. воспрепятствовании ее выходу в эфир, в печать и т. п. Под распространением информации следует понимать ее доведение до неопределенного круга лиц, тем самым всякие иные действия, например, по воспрепятствованию сбора информации, отказ в предоставлении запрашиваемых сведений, запрещение производства звукозаписи, видеозаписи или киносъемки и т. д., не образуют состава преступления, так как поиск и сбор информации еще не означают, что журналист намерен ее распространить. Таким образом, момент совершения преступления должен определяться тем моментом, когда журналист уже собрал информацию и объективно начал осуществлять намерение по ее распространению.

Таким образом, действующим уголовным законом наказуемо воспрепятствование к распространению либо к отказу от

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1998. С. 314.

² См., напр.: Уголовное право: Учеб. / Ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1995; Гаухман Л. Д. Уголовное право. Особенная часть: Учеб. М., 2004.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учеб. / Под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 113.

распространения информации журналистами. Диспозиция статьи сводит законную профессиональную деятельность журналистов лишь к распространению информации. Для сравнения обратимся к ст. 149 УК РФ, согласно которой наказуемо как незаконное воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них, так и принуждение к участию в них. Полагаем, что воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов ничем не отличается по общественной опасности от воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ). Между тем законодательно установленные формы такого воспрепятствования значительно шире.

А. В. Наумов, комментируя соответствующую статью, отмечает, что под воспрепятствованием понимается противодействие законной профессиональной деятельности журналистов, а под принуждением как способом воспрепятствования понимается «физическое или психическое воздействие в отношении журналиста. Физическое воздействие выражается в умышленном причинении легкого вреда здоровью (ст. 115 УК) или в побоях (ст. 116 УК); психическое воздействие – в угрозе насилием над журналистом или его близкими, повреждением или уничтожением их имущества, распространением о них позорящих сведений»¹.

Авторы Курса уголовного права под редакцией Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова полагают, что принуждение журналиста к распространению информации означает насильственное воздействие на него или его близких с целью заставить его обнародовать определенную информацию вопреки его воле. Само принуждение обычно осуществляется путем физического или психического насилия (чаще всего это различного рода угрозы)². Согласно вышеуказанным авторам воспрепятствование деятельности журналиста путем применения к нему насилия или угрозы должно квалифицироваться по совокупности ст. 144 и

ст. 111 или 112 УК РФ в зависимости от тяжести насилия либо ст. 119 УК РФ.

Термин «воспрепятствование» используется также в ст. 141, 148, 149, 169, ч. 3 ст. 195, 294, 315 УК РФ. Причем в ст. 141 и 149 УК РФ упоминается также категория «принуждение». Анализ подобного использования терминов поможет уяснить первоначальный смысл их включения законодателем в конкретную статью уголовного закона.

Воспрепятствование не предполагает насильственного воздействия, если это прямо не оговорено законодателем. Например, формы воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) не содержат ни насилия, ни принуждения.

В ст. 149 УК РФ категории «воспрепятствование» и «принуждение» разделены и являются самостоятельными деяниями, образующими объективную сторону преступления, что обусловлено значением этих слов.

Так, термин «воспрепятствовать» означает не допустить кому-нибудь сделать что-нибудь, помешать кому-нибудь в чем-нибудь; не допустить чего-нибудь, а «принудить» – заставить что-нибудь сделать, силой побудить к чему-нибудь³.

И. М. Тяжкова, говоря о разноплановости данных понятий, отмечает, что «принуждение уже предполагает насилие и угрозу, тогда как в отношении воспрепятствования эти признаки должны быть оговорены особо»⁴.

С учетом изложенного полагаем необходимым внести соответствующие изменения в ст. 144 УК РФ в части уточнения категории «принуждение» как способа воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов, так как нередко сами потерпевшие, журналисты, не могут разобраться в том, от каких именно действий уголовный закон охраняет их законную профессиональную деятельность, не могут правильно оценить ситуацию, когда нарушаются их права.

Более того, несовершенством данной статьи является ограничение объективной стороны преступления только стадией распространения информации. Вместе с тем поиск и сбор информации также играют очень важную роль.

¹ Уголовное право России. Особенная часть: Учеб. / Под ред. А. И. Рарога. М., 1998. С. 88.

² См.: Курс уголовного права. Особенная часть: В 5 т. / Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. С. 322.

³ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008. С. 106, 795.

⁴ Курс уголовного права. Особенная часть / Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. Т. 3. С. 313.

Учитывая изложенное, можно предложить следующую редакцию ст. 144 УК РФ:

«Статья 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста»

1. Воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста, принуждение его к распространению или отказу от распространения информации, совершенные под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить вред правам и законным интересам журналиста или его близких...

А. С. Колосов,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук
О. К. Курысева,
курсант ВЮИ ФСИН России

**КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Сегодня трудно представить повседневную жизнь людей без сотовых телефонов, компьютеров, различных высокотехнологичных аксессуаров. Кроме того, все жизненные процессы, все отрасли экономики, производство, финансы, промышленность тем или иным образом связаны с таким понятием, как «хайтек», проще говоря, с высокими технологиями. К ним относятся и информационно-телекоммуникационная среда, и компьютеры, и проводная связь, и Интернет – словом, все то, посредством чего поддерживается связь, передается и хранится информация, управляются структуры жизнеобеспечения.

Компьютеризация современного общества затронула практически все сферы человеческой деятельности. С одной стороны, внедрение в производственные и общественные отношения информационных технологий послужило прогрессивной основой для развития данных отношений, но с другой, привело к возникновению негативных процессов, одним из которых стала компьютерная преступность.

Преступления, относящиеся к данной категории, почти всегда совершаются в ус-

2. То же деяние, совершенное:
а) с применением насилия;
б) лицом с использованием своего служебного положения;
в) с уничтожением или повреждением чужого имущества...».

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – М., 1998.
2. Курс уголовного права. Особенная часть. В 5 т. Т. 3 / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. – М., 2002.

ловиях неочевидности, т. е. существенной неполноты информации, содержащейся в заявлениях и иных источниках (ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Проблематичность установления факта совершения таких преступлений детерминируется рядом обстоятельств.

Компьютерная техника является самым передовым и вместе с тем наиболее сложным продуктом человеческой деятельности, а значит, как и при использовании любой техники, возможны отказы, сбои в работе¹, непреднамеренные ошибки работающего с компьютером человека при профилактике, техническом обслуживании, ремонте компьютерной системы или сети, использовании и хранении машинных носителей информации и т. д. Поэтому важно выяснить, что имело место: сбой, отказ, случайная ошибка персонала потерпевшей организации или преднамеренные преступные действия, посягающие на компьютерную информацию.

Кроме того, важно уяснить, что преступность в информационно-коммуникационной среде напрямую угрожает как отдельным гражданам, так и государству в целом, например, если кто-то осуществит неправомерный доступ к объекту критической инфраструктуры – химическому производству, атомной энергетике, жизнеобеспечивающим коммуникациям.

¹ По некоторым данным, вероятность ошибок программирования составляет 0,01–0,02 ошибки на 1 Кбайт загрузочного кода, из-за чего система сама угрожает безопасности хранимой и перерабатываемой информации (см.: Вопросы практической психологии. Саратов, 1997. Вып. 10. С. 88).

Проблема киберпреступлений относится к числу наиболее острых и мало разработанных в правовой науке. Большинство проводившихся исследований посвящены изучению ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ», хотя гл. 28 Кодекса включает в себя три статьи. Кроме того, несмотря на то, что УК РФ содержит специальную главу, посвященную преступлениям в информационно-коммуникационной среде, имеющихся норм недостаточно для обеспечения прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства, к тому же эти статьи далеко не идеальны.

Согласно ст. 272 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности, если, не имея права на доступ к охраняемой законом компьютерной информации либо имея такое право, но осуществляя его с нарушением установленного порядка, уничтожило, блокировало, модифицировало или копировало данную информацию либо своими действиями нарушило работу ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Оконченным преступление считается с момента наступления предусмотренных в статье последствий. Субъективная сторона данного преступления не предполагает его совершения с неосторожной формой вины, что исключает значительное число возможных посягательств, включая те действия, которые совершались злонамеренно, так как при расследовании обстоятельств крайне трудно будет доказать умысел компьютерного преступника.

Статья 273 «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» УПК РФ предусматривает, что лицо, создавшее программы для ЭВМ или внесшее изменения в существующие программы, заведомо зная, что это приведет к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, либо оно использовало или распространяло такие программы или машинные носители с этими программами. По смыслу статьи наличие исходных текстов вирусных программ уже является основанием для привлечения к ответственности.

Существует множество точек зрения относительно того, какую программу следует считать вредоносной. На основе анализа различных мнений ученых-юристов, мы пришли

к выводу, что вредоносной для ЭВМ является созданная либо модифицированная программа, заведомо приводящая к уничтожению, блокированию, модификации или копированию компьютерной информации, использование которой не санкционировано законным владельцем информации. Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 273 УК РФ, является усеченным, поскольку, как правило, на практике создание вредоносных программ для ЭВМ признается оконченным преступлением с момента, когда таковая создана либо внесены изменения в существующую программу, независимо от того, была ли она использована виновным или распространена. Кроме того, изменения, вносимые в уже существующие программы, по смыслу ч. 1 ст. 273 УК РФ обязательно должны обуславливать наступление оговоренных в законе последствий. Также исходя из буквального толкования уголовного закона распространение вирусной программы с использованием средств компьютерной техники либо передача машинного носителя (например, продажа CD-диска) с данной программой будут одинаково квалифицироваться как распространение вредоносных программ для ЭВМ.

Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ всегда предполагает активные действия со стороны лица, совершающего данное преступление. По нашему мнению, если указанное деяние выступает в качестве способа совершения другого преступления, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Статья 274 «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» УК РФ устанавливает уголовную ответственность в том случае, когда лицо, имеющее доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, нарушило правила эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети и тем самым своими действиями привело к уничтожению, блокированию или модификации охраняемой законом информации, т. е. деяние причинило существенный вред. Таким образом, наступление существенного вреда является обязательным признаком указанного преступления. Под последним следует понимать, прежде всего, вред, наносимый информации в ее значимой части. Отметим, что на практике данная статья не находит

применения. Скорее всего это объясняется некорректной формулировкой диспозиции.

Личность преступника, совершающего преступления, предусмотренные гл. 28 УК РФ, имеет специфические особенности. Данный вопрос требует глубокого криминологического изучения, поскольку знание отличительных признаков нарушителей указанных правовых норм позволило бы правоохранительным органам более эффективно бороться с компьютерными преступлениями.

Как известно, палитра виртуальных преступлений весьма разнообразна. В мировой практике даже известен случай виртуального убийства: преступники посредством коммуникаций отключили аппарат искусственного обеспечения жизнедеятельности, к которому был подключен очень важный для судебного процесса свидетель. Не известны, пожалуй, лишь случаи виртуального изнасилования¹.

Исходя из вышеизложенного не может не вызывать тревоги медлительность законодателей в решении вопросов противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий, в то время как пробелы в законодательстве способствуют отсутствию полноценного действия принципа неотвратимости наказания. Статьи УК РФ, регулирующие указанные отношения, имеют серьезные недостатки, но законодатель не спешит их исправлять, а диапазон противоправных действий, совершаемых с использованием компьютерной техники, постоянно увеличивается – от преступлений традиционного типа до требующих высокой материальной и технической подготовки. «Парадоксальная особенность компьютерных преступлений

состоит в том, что трудно найти другой вид преступления, после совершения которого его жертва не высказывает особой заинтересованности в поимке преступника, а сам преступник, будучи пойман, всячески рекламирует свою деятельность на поприще компьютерного взлома, мало что утаивая от представителей правоохранительных органов. И это вполне объяснимо психологически. Во-первых, жертва компьютерного преступления совершенно убеждена, что затраты на его раскрытие (включая потери, понесенные в результате утраты своей репутации) существенно превосходят уже причиненный ущерб. Во-вторых, преступник приобретает широкую известность в деловых и криминальных кругах, что в дальнейшем позволяет ему с выгодой использовать приобретенный опыт»².

Библиографический список

1. *Дворецкий, М.* Проблема квалификации преступлений, сопряженных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ / М. Дворецкий, А. Копырюлин // Уголов. право. – 2007. – № 4.
2. *Казанцев, С. Я.* Правовое обеспечение информационной безопасности : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / С. Я. Казанцев ; под ред. С. Я. Казанцева. – М., 2005.
3. *Мачабели, К.* Киберпреступность или новая мировая угроза / К. Мачабели // Профессинал. – 2008. – № 1 (81).
4. *Широков, В. А.* Компьютерные преступления: основные тенденции развития / В. А. Широков, Е. В. Беспалова // Юрист. – 2006. – № 10.

О. А. Кравченко,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

РЕГУЛЯТИВНЫЕ И ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ КАК ОТНОСИТЕЛЬНО САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ

Типология как научный метод имеет весьма существенное значение, позволяя систематизировать накопленный теорети-

ческий опыт и глубже проникать в сущность исследуемых явлений и процессов. В теории государства и права практически нет таких раздела или темы, где бы не использовались приемы научной типологии. Современной юридической наукой сформировано множество концепций и моделей, систематизирующих знание о политико-правовых явлениях, в основу которых положена типология (типология общества и государства, типология правовых семей

¹ См.: *Мачабели К.* Киберпреступность, или новая мировая угроза // Профессинал. 2008. № 1(81). С. 17.

² Правовое обеспечение информационной безопасности: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Под ред. С. Я. Казанцева. М., 2005. С. 151.

(систем), типы правового регулирования и функций права и т. п.).

Термин «типология» в научном обороте употребляется довольно часто, однако его четкой дефиниции не сформулировано. Типология определяется учеными с различных позиций: во-первых, как процесс построения – типологизация; во-вторых, как результат построения – типология; в-третьих, как процедура использования – типологизирование. Вместе с тем все авторы единодушно признают, что ключевой, центральной в типологии выступает категория «тип». Под типом (от греч. *typos* – отпечаток, форма, образец) понимается форма, модель чего-либо, содержащая в себе наиболее существенные признаки¹.

С типологией тесно связана классификация, однако это различные методы систематизации научного знания. Они строятся на единых началах и приемах деления содержания явления (понятия), однако основное различие состоит в критериях такого деления. В качестве критерия классификации используются те или иные видовые единичные признаки, не раскрывающие сущности объекта. Типология представляет собой более масштабную систематизацию научного знания. Ее критериями выступают не только видовые признаки, описывающие поверхностную сторону явления, но и родовые признаки, раскрывающие его наиболее устойчивые, глубинные качества, т. е. сущность.

Применительно к проблеме правоотношений типология и классификация имеют самое непосредственное отношение.

Принимая во внимание важность и методологическую значимость данной проблемы, мы не претендуем на универсальность и безупречность обосновываемой ниже теоретической модели типологии.

Прежде всего, по нашему мнению, необходимо обосновать существование определенных типов правоотношений, после чего считаем возможным перейти к рассмотрению вопроса о возможности выделения двух относительно самостоятельных типов правоотношений – регулятивных и охранительных.

Поскольку в отечественной науке, как правило, используется классификация пра-

воотношений, а не их типология, то в юридической литературе чаще всего предлагается краткая характеристика видов, а не типов правоотношений. Однако некоторые ученые считают постановку вопроса о выделении типов правоотношений вполне обоснованной. «Из признания правоотношений одним из основополагающих элементов понятия права и их индивидуально-волевого характера, – пишет А. В. Мицкевич, – следует необходимость определить основные структурные типы правоотношений»².

Представляется, что в основу одной из моделей типологии может быть положено уже ставшее общепринятым положение теоретико-правовой науки о делении права и его функций на охранительные и регулятивные.

В основе типологии правоотношений на регулятивные и правоохранительные находится функциональный критерий, точнее зависимость от того, какое воздействие (функция) права (охранительное или регулятивное) в большей мере проявляется в правоотношении. Н. Г. Александров один из первых, кто указал на плодотворность такого деления³.

Регулятивные, иногда называемые правоустановительные, правоотношения выступают проводником регулятивной функции права в ее статической и динамической формах. Они возникают на основе регулятивных норм права и направлены на регулирование общественных отношений путем установления субъективных прав и юридических обязанностей их участников. «Процесс правовой регламентации общественных отношений, – отмечает Т. Н. Радько, – в частности, установление правового статуса граждан, определение их правоспособности, компетенции органов власти благодаря трансформационной роли юридических фактов реализуется в регулятивных правоотношениях, являющихся основным средством осуществления правовых норм вообще»⁴. Регулятивное – значит правильное, правомерное правоотношение. Оно характеризует обычные, нормальные правовые связи между субъектами и направлено на упорядочение и развитие об-

² Теория государства и права / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2000. С. 531.

³ См.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе. М., 1955. С. 110.

⁴ Радько Т. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 331.

¹ См.: Синенко Ю. С. Типология государства: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9–10.

публичных отношений. Регулятивные правоотношения реализуются в рамках правомерного поведения, на основе юридических фактов (правомерных действий и поступков) и выступают индикатором уровня правового порядка в обществе.

Как известно, регулятивная функция права имеет две формы проявления: статическую и динамическую. В этой связи некоторыми авторами предприняты конструктивные попытки рассмотрения данных ипостасей регулятивной функции права применительно к договорной проблематике, поскольку договор в условиях возрастающей роли начал саморегуляции приобретает важное значение. Так, М. Е. Некрасова динамические и статические свойства регулятивной функции договора именует подфункциями¹. Считаем, что такой прием вполне оправдан и заслуживает поддержки. Применительно к правоотношениям, возникающим из договора, выделение данных подфункций представляется также оправданным, поскольку договор имеет в своей основе как статику (закрепляя статус, положение сторон), так и динамику (выражается в закреплении субъективных прав и обязанностей его участников). Договор выступает формой установления правовых связей между участниками экономического оборота, а также основанием возникновения их взаимных прав и обязанностей (регулятивная статическая функция договора)².

Охранительные правоотношения есть отношения, проводящие охранительную функцию права. Это та форма, в которой декларативное заявление государства (запрет, угроза санкцией) получает конкретное воплощение в случае совершения субъектами противоправных действий. Специфика охранительных правоотношений заключается в особой направленности (охрана интересов общества, государства или граждан), своеобразии их волевого характера (воздействие на волю

правонарушителя), а также субъектном составе (управомоченный и обязанный, потерпевшая и виновная стороны)³.

Охранительные правоотношения возникают в форме реакции государства на противоправное поведение субъектов права и имеют своей целью вытеснение, исключение социально вредных отношений.

Охранительные и регулятивные правоотношения могут вступать в тесную связь с материальными и процессуальными правоотношениями, точнее приобретать или видоизменять форму реализации (процессуальная или материальная).

Так, например, И. С. Крамской в числе процессуальных правоотношений различает процессуально-регулятивные (возникающие в ходе правомерного поведения его участников и не связанные с применением мер неблагоприятного воздействия к нарушителю) и процессуально-охранительные (имеют правоохранительную направленность и связаны с применением мер государственного принуждения к субъекту, нарушившему правовое установление)⁴.

В целом поддерживая высказанную точку зрения, отметим также, что анализ некоторых положений процессуального законодательства позволяет уточнить мнение некоторых авторов о том, что охранительные правоотношения всегда протекают в процессуальной форме⁵. Ведь в противном случае необходимо признать и обратное, а именно то, что все процессуальные отношения носят охранительный характер.

Представляется, что определенные виды судопроизводств, в частности гражданское, административное и конституционное (уставное), наряду с такими задачами, как защита (охрана) нарушенного права или законного интереса субъекта права, предусматривают и иные задачи, не связанные с нарушением права, например: разрешение спора о праве или компетенции, признание правообладателем одну из сторон, осуществление регистрационно-удостоверительных функций и др.

¹ См.: Некрасова М. Е. Договор как теоретико-правовая категория: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 14.

² См.: Мелькумов И. В. Правореализующий договор в механизме правового регулирования. Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 63; Руднева Л. А. Вопросы совершенствования договорного регулирования: условия, порядок заключения и классификация гражданско-правовых договоров: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 30.

³ См.: Радько Т. Н. Указ. соч. С. 335.

⁴ См.: Крамской И. С. Соотношение материальных и процессуальных правоотношений (на примере деятельности органов внутренних дел): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 58.

⁵ См., напр.: Радько Т. Н. Указ. соч. С. 335–336.

По мнению В. Л. Раслина, суды высшей инстанции в Российской Федерации могут *регулировать* (выделено нами. – О. К.) конкретные правоотношения в условиях отсутствия его законодательного регулирования¹.

Анализ положений действующего законодательства подтверждает резонность подобной позиции. Так, в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФЗ² содержится разд. II «Общие правила производства в Конституционном Суде Российской Федерации», его главы и статьи содержат процессуальные нормы, закрепляющие процедуру конституционного производства, в рамках которого Конституционный Суд Российской Федерации в числе прочих полномочий осуществляет интерпретационную деятельность, носящую скорее регулятивный, нежели охранительный характер.

Аналогичную природу имеет и избирательный процесс (о необходимости придания статуса самостоятельной отрасли которого заявляют отдельные авторы³), а также определенные административно-процессуальные отношения. При этом некоторые авторы отмечают, что «...в правоприменительной практике милиции и пенитенциарных учреждений нередко возникают ситуации, требующие разрешения в рамках конституционно-правовой процедуры»⁴.

По мнению Н. Ю. Хамановой, одним из видов административно-правовых отношений, регулируемых нормами процессуального характера, выступают отношения, складывающиеся в процессе реализации полномочий органами государственного управления (исполнительной власти)⁵.

Так, А. Е. Буториным справедливо отмечается необходимость «...различать административный процесс, как систему судебных органов, рассматривающих административные дела, возбуждаемые по искам граждан, считающих, что действиями и решениями (административными актами) органов управления и государственных служащих нарушены их права и свободы, и управленческий процесс, представляющий собой урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность органов управления, не только осуществляемую внутри администрации, но и направленную на внешнюю среду и влекущую правовые последствия»⁶.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в некоторых случаях процессуальные правоотношения имеют регулятивную направленность.

Если поставить задачу выделить в рамках указанных типов те или иные виды правоотношения, то необходимо отметить, что только уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения целиком и полностью охватываются понятием «охранительные». Применительно же к иным отраслевым видам правоотношений данный прием носит условный характер, поскольку нормы этих отраслей права могут носить охранительную или регулятивную направленность преимущественно, но не полностью. Например, среди большого количества норм гражданского права регулятивные явно доминируют, однако не являются единственными. В составе административно-правовых предписаний, несмотря на явное преобладание норм охранительной направленности, существуют и регулятивные установления.

Библиографический список

1. Крамской, И. С. Соотношение материальных и процессуальных правоотношений (на примере деятельности органов внутренних дел) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
2. Радько, Т. Н. Теория государства и права / Т. Н. Радько. – М., 2004.
3. Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2000.

⁶ Буторин А. Е. Административная юстиция в России (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 15.

¹ См.: Раслин В. Л. Правообразующая роль органов судебной власти в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

² См.: СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ См., напр.: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. А. А. Вешняков. М., 2003. С. 9–13; Игнатенко В. В., Князев С. Д., Кутафин О. Е. и др. Избирательное право Российской Федерации. Иркутск, 2001. С. 16.

⁴ Пожарский Д. В. Конституционное право России: отрасль права, наука и учебная дисциплина: Лекция. Владимир, 2006. С. 3.

⁵ См.: Хаманова Н. Ю. Административный процесс и административная юстиция // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сб. тез. ст. М., 2003. С. 130.

А. В. Кулагин,
*преподаватель кафедры физической культуры
Ивановского института государственной
противопожарной службы МЧС России*

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЕДИНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ

Одним из важных условий поддержания высокой боевой готовности сотрудников МЧС России выступает поддержание в них высокой воинской дисциплины и правопорядка. В связи с этим необходимо рассмотреть методы правовоспитательной работы как специально организованной деятельности по формированию правосознания сотрудников МЧС России.

В процессе правового воспитания прежде всего должен учитываться принцип единства сознания и деятельности. То есть речь идет о взаимном соответствии правового (законно-послушного) или противоправного поведения с особенностями правосознания сотрудников МЧС России. В данном случае можно говорить о формировании правовой ориентации сотрудников МЧС России, которая представляет собой совокупность правовых установок, непосредственно формирующих программу поведения личности в ситуациях, регулируемых правовыми нормами.

Своеобразие индивидуального поведения сотрудников МЧС России заключается в том, что наряду с внешними причинами и условиями его обуславливают и внутренние мотивы и цели. При этом факторы внешней среды (условия деятельности) становятся побуждающими силами поведения только преломившись в сознании сотрудников МЧС России.

Побудительную роль при переходе оценочных отношений в реальное поведение играет воля сотрудников МЧС России, которая может приобретать положительную или отрицательную направленность под влиянием интеллектуально-эмоциональных компонентов правосознания.

Формирование модели правомерного поведения в сознании сотрудников МЧС России, мысленная модель поведения составляют мотивационный, подготовительный этап. Он состоит из осознания мотивов и цели действия, борьбы мотивов и принятия решения действовать. Чтобы сделать побуждения ис-

точником действия, необходимо в процессе правового воспитания добиться глубокого их осознания каждым сотрудником МЧС России, превращения правовых представлений в императив правового действия.

При организации правового воспитания необходимо учитывать, что на стадии мотивации нередко возникает внутренний конфликт противоречивых побуждений. Как правило, конкурирующие мотивы являются побуждениями психологического и социального уровней, ими могут быть низменные чувства и доводы разума, личные индивидуалистические потребности и воинский долг, корыстный интерес, должностные обязанности и т. д. В содержание борьбы мотивов входит борьба мотивов правомерного и противоправного поведения. Иногда этот процесс довольно длителен и вызывает у сотрудников МЧС России определенные негативные психические состояния – подавленность, замкнутость, скрытость и т. п.

На этом этапе воздействия на личность сотрудника МЧС России правовое воспитательное воздействие должно быть направлено на формирование и укрепление уже имеющихся мотивов честного служения Родине, безусловного выполнения долга, приказов, требований воинской дисциплины.

Этап мотивации завершается принятием сотрудниками МЧС России решения о правомерном поведении или совершении правонарушения. Решение в пользу того или иного способа действий принимается после того, как определенные группы мотивов подавляются и лишаются роли побудителя действий. На этом этапе правовое воспитание наиболее эффективно осуществляется средствами индивидуальной воспитательной работы, изучения и учета особенностей личности сотрудника МЧС России, позитивной корректировкой ее ценностной ориентации, убеждением и т. п.

После принятия решения наступает этап действия. Если на стадии мотивации правомерное поведение проектируется во внутреннем (личностном) плане, то на стадии исполнения оно реализуется в конкретных поступках.

Влияние мотивов, установок и ориентации сотрудника МЧС России на его реальное поведение является достаточно очевидным. Подъем эмоциональной и интеллектуальной настроенности формирует установ-

ку на безусловное подчинение командиру и достижение поставленной цели правомерными способами. Это дает основание считать, что устойчивые установки на сознательное правомерное поведение представляют собой важные средства регуляции поведения сотрудников МЧС России.

Таким образом, формирование правосознания сотрудников МЧС России проходит ряд этапов:

- овладение правовыми знаниями (усвоение отдельных, наиболее важных понятий и положений);
- осознание правовой нормы (ее значения, общественной и личностной значимости);
- претворение приобретенных правовых знаний и убеждений в поведение.

При этом роль правовых знаний в формировании правосознания личности определяется тем, что они выступают основой, на которой утверждаются правовые взгляды, представления, убеждения, определяются направленность и установка поведения.

Организация правового воспитания сотрудников МЧС России является обязанностью начальника. Он обязан повседневно проводить работу по воспитанию личного состава в духе неукоснительного повиновения начальникам, организовывать и проводить правовую пропаганду.

Выполнение этих задач позволит поднять правовоспитательную работу в МЧС России на новый, более высокий, уровень, повысить ее качество и эффективность, активизировать ее воздействие на состояние воинской дисциплины, законности и правопорядка.

Говоря о правовом воспитании как составной части единого процесса формирования личности сотрудника МЧС России, следует иметь в виду, что основные пути, средства и формы его являются общими для всего воспитательного процесса в целом.

Вместе с тем некоторые методы, формы и средства правового воспитания сотрудников МЧС России имеют свои особенности, обусловленные спецификой его осуществления в условиях служебной деятельности.

Главная цель правового воспитания – формирование у сотрудников МЧС России правосознания, правильных ценностных ориентаций в правовой сфере, стимулирование их правового поведения. Правовое воспитание призвано обеспечить соблюдение сотрудниками МЧС России всегда и

везде законов, воинских уставов, требований военной присяги, соотнося свое поведение и активно участвуя в их проведении в жизнь.

Основными элементами правового воспитания, способствующими реализации его главной цели, являются:

- правовое информирование (правовая пропаганда);
- формирование правового сознания (правовое обучение);
- формирование навыков и привычек правильного правового поведения.

Сознательное и точное соблюдение правовых норм возможно лишь на основе их знания. Поэтому работа по правовому воспитанию включает в себя сообщение сотрудникам МЧС России необходимой правовой информации, вооружение их знаниями о государстве, праве и законности, об их основных правах и обязанностях, закрепленных в праве.

Знание норм права оказывает воспитательное воздействие на сотрудников МЧС России, позволяет им правильно ориентироваться в требованиях законности, получить представление о должном, дозволенном и недозволенном, запрещенном в поведении и деятельности.

Прежде всего, сотрудники МЧС России должны знать нормы, исполнение которых обеспечивает успешное выполнение ими своего гражданского долга.

Таким образом, содержание правового воспитания сотрудников МЧС России в современных условиях заключается в обеспечении превращения правовых знаний в убеждения и практические действия по строгому и четкому исполнению законов, воинских уставов, приказов и директив каждым сотрудником МЧС России. При этом процесс воспитания правосознания связан с формированием целостного миропонимания личностью сотрудника министерства, конкретных служебных функций, а также внутренним принятием возложенных на нее в этой связи обязанностей по службе.

Общий механизм правовоспитательного воздействия на сознание и поведение сотрудников МЧС России включает формирование модели правомерного поведения в их сознании. Чем выше уровень правосознания сотрудника МЧС России, тем проще ему построить эту модель, так как его пра-

вовые чувства более сформированы, внутренние мотивы на сознательное правомерное поведение устойчивы.

Библиографический список

1. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации : утв. Указом

Л. В. Лазарева,

доцент кафедры

уголовно-процессуального права

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ

Деятельность участников уголовного судопроизводства, как и любая другая деятельность, основана на использовании при ее выполнении соответствующих знаний. При этом качественные и количественные критерии использования зависят от знаний, имеющих историко-бытовой характер, и знаний, приобретенных в процессе профессионально-практической деятельности, характеризующей профессионально-юридические общеизвестные знания. Объем таких знаний неограничен и постоянно пополняется в процессе образования, повышения квалификации и т. д.

Вопрос о разграничении специальных и правовых знаний имеет довольно долгую предысторию. В криминалистической литературе давно сформировался стереотип, согласно которому правовые (юридические) знания специальными не являются. Объясняется это тем, что любая профессиональная деятельность для субъектов, ее осуществляющих, специальной быть не может, поскольку не выходит за пределы его профессии. Иначе говоря, собственная сфера деятельности специальной не является. Таковой может быть лишь та сфера практической деятельности, которая требует профессиональной подготовки в других отраслях знания либо иных сферах практического приложения этих знаний¹.

¹ См.: *Эксархонупо А. А.* Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005. С. 68.

Президента Рос. Федерации от 10 нояб. 2007 г. № 1495 // СЗ РФ. – 2007. – № 47, ч. 1. – Ст. 5749.

2. О совершенствовании воспитательной работы в системе МЧС России : приказ МЧС России от 30 нояб. 2005 г. № 859. – Док. опубликован не был.

Представляется, что существующие взгляды на специальные знания излишне смещены в сторону естественно-научных и технических знаний. Однако нигде в законе прямо не указывается, что юридические знания не могут быть специальными. Подобные трактовки обычно даются в комментариях к соответствующим статьям на основании известной много веков презумпции, действовавшей еще в советском процессуальном праве: *jura novit curia* (суду известно право; судьи знают право)².

Следует отметить, что данная проблема и в настоящее время не потеряла своей актуальности.

Еще А. А. Эйсман, определяя понятие специальных знаний, полагал, что «это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов, но... которыми не располагает адресат доказывания (следователь, суд, участники процесса)»³. По его мнению, «...познания в области законодательства и науки права, иначе – юридические знания, не относятся к специальным познаниям в том смысле, в каком это понятие употребляется в законе»⁴.

Анализ комментариев ученых XX в. показал, что большинство процессуалистов, говоря о специальных знаниях как одном из оснований экспертизы, исключали из объема специальных знаний любые знания, относящиеся к отраслям права. Одновременно они допускали возможность привлечения специальных знаний в области права (юриспруденции) вне производства по делу, но в связи с ним, т. е. для консультаций.

Сегодня многие ученые в данном вопросе имеют аналогичные позиции.

Так, на неправовой характер специальных знаний указывает Т. В. Сахнова: «...специаль-

² См.: *Треушников М. К.* Судебные доказательства. М., 1997. С. 269.

³ *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967. С. 89.

⁴ Там же. С. 91.

ные знания – это всегда научные знания не-правового характера, сопровождаемые адекватными (признанными) прикладными методиками, используемые для достижения определенных юридических целей»¹.

Поддерживая данную позицию, О. В. Евстигнеева отмечает, что «...принципиально важным признаком, характеризующим сущность понятия специальных познаний, используемых в уголовном процессе, является исключение из их числа познаний в области права»².

Однако среди ученых существует и противоположное мнение – о необходимости отнесения юридических знаний к категории специальных. Попытаемся проанализировать обоснованность приведенных ими аргументов.

Сведущих в отдельных отраслях права лиц давно уже привлекают для дачи консультаций по уголовным делам, т. е. фактически используют их специальные знания. Консультации специалистов в области банковского, предпринимательского, коммерческого, трудового, информационного, финансового, таможенного и других отраслей права, даваемые в устной или письменной форме, приобретают статус доказательств.

Процессы дифференциации научного знания, сопровождающие развитие науки вообще, отразились и на юридических науках. Как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, «право – не застывший формализованный свод правил. Оно изменяется и развивается по мере развития общества и государства»³.

Такое быстрое развитие неизбежно сопровождается принятием порой противоречащих друг другу законов, постановлений и иных нормативных актов. Для разрешения противоречий между правовыми взглядами, правовыми актами и нормами, между действиями государственных и иных структур предлагается новая концепция коллизионного права⁴.

В этих сложных условиях в каждой из отраслей права можно условно обозначить общеизвестные для практикующих юристов,

наиболее часто востребуемые ими знания и специальные знания. В то же время знание особенностей современного законодательства во многих случаях крайне необходимо для полного, объективного и всестороннего установления истины по уголовному делу.

Поддерживая эту позицию, Е. Р. Россинская указывает на тот факт, что «судья, следователь, дознаватель... как правило, владеют знаниями только из определенных отраслей права и не в состоянии в необходимой степени ориентироваться во всех тонкостях современного обширного законодательства, которое к тому же постоянно изменяется и развивается»⁵.

Следует отметить, что сегодня в том обилии нормативных актов, принятых за последние годы, которые необходимо знать при расследовании новых видов преступлений и которыми приходится руководствоваться следователям, прокурорам, судьям в своей работе, ни один юрист профессионально в требуемом объеме разобраться не может. Нельзя квалифицированно расследовать налоговые преступления, совершаемые в сфере предпринимательства и банковской деятельности, не имея достаточной подготовки в области гражданского, финансового и банковского права; преступления в сфере высоких технологий, не разбираясь в вопросах правового обеспечения информационной безопасности и т. д. Кроме того, по уголовным делам, связанным с имущественными преступлениями, обычно заявляются гражданские иски, требования по которым могут оказаться не менее разнообразными, нежели рассматриваемые в гражданском или арбитражном судопроизводстве.

С точки зрения противников данной концепции, если следователю (прокурору, судье) имеющиеся отрасли права невозможно освоить в полном объеме, то данные субъекты не могут соответствовать требованиям государственного образовательного стандарта, следовательно, не могут считаться квалифицированными юристами и выполнять задачи, возложенные на них законом⁶. В связи с этим

¹ Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. М., 2000. С. 8–9.

² Евстигнеева О. Б. Использование специальных познаний в доказывании на предварительном следствии. Саратов, 2001. С. 8.

³ Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. М., 2000. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 13, 16.

⁶ См.: Степанов В. В., Шапиро Л. Г. Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Вестн. криминалистики. 2004. № 4. С. 4–15.

возникает вопрос либо о пересмотре ГОСов, либо о повышении квалификации следователя (прокурора, судьи) с целью достижения соответствия профессиональным требованиям. Выход из данной ситуации они видят только в повышении профессиональной квалификации субъектов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

В то же время они признают, что в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности следователь, как правило, не имеет возможности обеспечивать пополнение полученных в вузе знаний всех отраслей права в условиях постоянно изменяющегося законодательства.

Трудно не согласиться с тем, что специфика специальности «Юриспруденция» обуславливает необходимость систематического изучения юристом нового законодательства во всех отраслях права в целях решения задач, соответствующих квалификации и квалификационным требованиям, предусмотренным ГОСом для специалистов-юристов.

Однако сегодня от правоприменителя требуется, чтобы он знал все законы и иные нормативные правовые акты, на которые сделаны ссылки в бланкетных диспозициях Особенной части УК РФ, помнил, в какой момент или до какого периода они действуют в той или иной редакции, и имел реальную возможность их найти. Все это выходит за рамки фактического объема знаний, получаемых в результате юридического образования и обычной юридической практики и требует более углубленной подготовки¹. Даже юристу самой высокой квалификации невозможно знать все законы и нормативные правовые акты, все изменения и дополнения, внесенные в эти законы и акты.

Л. Гаухман также обращает внимание, что в настоящее время зафиксирована тенденция общего снижения уровня квалификации работников правоохранительных органов вследствие небольшого в среднем стажа их работы по специальности, нежелания самостоятельно повышать свой профессиональный уровень, уверования в непогрешимость своих знаний, оттока наиболее способных и квалифицированных сотрудников в коммерческие структуры и т. д. В совокуп-

ности это приводит к нереальности выполнения упомянутых обязанностей. То, что можно было требовать от них 30 и более лет назад, когда в Российской Федерации действовали не более десятка кодексов, на базе которых формировались отрасли права, в современных условиях становится требованием нереализуемым². Распространять на следователя, дознавателя, прокурора и судью обязанность быть компетентным во всех вопросах всех известных сегодня отраслей права, знание которых может потребоваться в ходе расследования уголовного дела, означало бы поставить следователя в весьма затруднительное положение, когда «знать право они обязаны», но не могут реально освоить эти знания в необходимом объеме. Следователь, специализирующийся на расследовании уголовных дел, не может считать себя сведущим в вопросах, например, коммерческого права, как и лечащие врачи в вопросах судебной медицины.

Мы не разделяем мнения А. Кудрявцевой и Ю. Лившица, которые, допуская возможность обращения следователя к узким специалистам в области права, полагают, что полученная информация носит непроцессуальный характер³. Такая позиция вызывает серьезные возражения, тем более, что действующий УПК РФ закрепил консультационную помощь специалиста. Поэтому такие консультации, даваемые в письменном виде, могут быть оформлены в виде заключения специалиста и приобретают статус доказательств.

Для разъяснения вопросов в отдельных отраслях права по уголовным делам можно привлекать специалистов для дачи консультации. Именно специалисты в соответствующих отраслях законодательства, особенно те, кто осуществляет научную и практическую деятельность в сфере данного правового института, в случае их привлечения способны дать необходимую консультацию. Подобная помощь специалистов может существенно повысить эффективность применения правовых норм, поскольку они в наибольшей степени осведомлены о вносимых изменени-

² См.: *Эксархопуло А. А.* Указ. соч.

³ См.: *Кудрявцева А., Лившиц Ю.* Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // *Рос. юстиция.* 2003. № 1. С. 38.

¹ См.: *Гаухман Л.* Нужна правовая экспертиза по уголовным делам // *Законность.* 2000. № 4. С. 21–24.

ях и дополнениях, тонкостях их анализа и применения на практике.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на полярность мнений, большинство ученых-процессуалистов склоняются к тому, что без использования специалистом своих специальных знаний в некоторых областях юриспруденции следователю и судье бывает сложно принять обоснованное решение по делу. Сказанное подтверждает целесообразность включения знаний из различных отраслей права в понятие специальных.

Таким образом, анализируя позиции отдельных ученых по рассматриваемой проблеме, мы полагаем, что к юридическим знаниям следует относить знания субъектов доказывания (дознателя, следователя, прокурора и судьи), в частности, полномочий по квалификации деяний и выполнения процессуальных норм, реализации методики расследования преступлений и тактики

Д. Ю. Лапаев,

заместитель начальника факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации ВЮИ ФСИН России

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОРПОРАТИВНЫХ НОРМ

Как известно, под нормой в широком смысле понимается руководящее начало, правило, признанный обязательным порядок чего-нибудь. Нормы подразделяются на социальные и не социальные. Первые регулируют взаимоотношения между людьми. В частности, нормы поведения вносят в общественную жизнь порядок, стабильность, придают ей определенность и устойчивость, поскольку выступают ориентирами для людей, направляя их деятельность в определенное русло. Основное назначение социальных норм заключается в упорядочении связей между людьми. Не социальные нормы регулируют взаимодействие человека с природой, материальными объектами.

Чтобы точнее определиться с предметом заявленной темы, необходимо сравнить два смежных понятия: «корпоративное регулирование» и «корпоративные нормы». Очевидно, что понятие «регулирование» шире

производства следственных действий. Все остальные знания, в том числе и юридические, выходящие за пределы вышеуказанных знаний, используемых субъектами доказывания по конкретному уголовному делу, могут быть отнесены к специальным.

Библиографический список

1. *Евстигнеева, О. Б.* Использование специальных познаний в доказывании на предварительном следствии / О. Б. Евстигнеева. – Саратов, 2001.

2. *Степанов, В. В.* Концептуальные проблемы понятия специальных знаний в уголовном судопроизводстве / В. В. Степанов, Л. Г. Шапиро // Вестн. криминалистики. – 2004. – № 4.

3. *Эксархопуло, А. А.* Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А. А. Эксархопуло. – СПб., 2005.

понятия «нормативное регулирование». В связи с этим полагаем, что корпоративные нормы – это составная часть более широкого воздействия – корпоративного регулирования. Термин «корпоративный» означает принадлежность чего-либо к какой-либо корпорации, объединению, узкогрупповой, обособленный, замкнутый пределами корпорации¹. Следовательно, корпоративное регулирование – это присущая каким-либо объединениям система средств воздействия на поведение людей.

Следует отметить, что в отечественной юридической литературе корпоративное регулирование и корпоративные нормы, как правило, рассматриваются в качестве тождественных явлений².

¹ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 641; Словарь иностранных слов. М., 1999. С. 331.

² См., напр.: Лукьянов А. И., Лазарев Б. М. Советское государство и общественные организации. М., 1962. С. 61–62; Петров Г. И., Петров В. С. Социалистическая государственность и общественность // Правоведение. 1961. № 2. С. 18; Кравченко В. В. Общественные организации СССР на международной арене. М., 1969. С. 58; Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1994. С. 136; Тарасов Н. Н. Теория государства и права. М., 1997. С. 248; Гойман В. И., Радько Т. П. Право в системе нормативного регулирования // Общая теория права и государства. М., 1996. С. 114 и др.

На наш взгляд, такое единодушие, в общем, не свойственное правоведам, свидетельствует не о бесспорности проблемы, а скорее наоборот, – об отсутствии специальных исследований в рассматриваемой сфере. Дело в том, что представленная концепция вызывает вопрос, следует ли сводить все корпоративное регулирование только к уставным нормам общественных объединений, определенным образом зарегистрированных, или это понятие шире и включает в себя другие регулятивы.

Практически у всех авторов этот вопрос остается открытым. Полагаем, что его разрешение лежит в плоскости разграничения указанных понятий. Как уже отмечалось, корпоративное регулирование шире корпоративно-нормативного. Следовательно, к корпоративным нормам следует относить лишь в установленном порядке зарегистрированные нормы, а остальную их часть относить к корпоративному регулированию вообще. Такая позиция обосновывается тем, что нелегальная часть регулирования поведения членов общественных объединений – это скорее обычаи в форме традиции, чем корпоративные нормы. Данный вывод обусловлен следующими обстоятельствами:

1) нелегальные внутриорганизационные нормы, как правило, имеют неинституальный характер;

2) реализуются в силу привычки;

3) основаны на подражании.

Отсюда корпоративное регулирование состоит из двух подсистем нормативного регулирования: корпоративных обычаев и собственно корпоративных норм, закрепленных в уставах организаций (например, районного отдела милиции). Вместе с тем следует учитывать, что корпоративные нормы регламентируют в том числе отношения, выходящие за пределы сугубо внутриорганизационной деятельности, в частности, когда определенные органы государства полностью передают некоторые свои функции тем или иным общественным организациям. В этом случае отношения, ранее регулируемые правом, опосредуются соответствующими нормами общественных организаций. Так, например, с 1960 г. профсоюзы управляют санаториями, домами отдыха, курортами и некоторыми другими объектами, руководство которыми ранее осуществляло Министерство здраво-

охранения. Это означает, что профсоюзы играют роль органа исполнительной власти¹, а следовательно, целесообразно ввести в определение рассматриваемого понятия уже отмеченное свойство корпоративных норм – их институциональность. Именно она позволяет выделить данные регуляторы в самостоятельный вид социальных норм.

Кроме того, необходимо учитывать побудительные мотивы вступления людей в определенные организации². С одной стороны, цели той или иной общественной организации основываются на интересах лиц, вступающих в нее. С другой стороны, деятельность какой-либо организации вызывает у людей интерес, что побуждает их стать членом данной организации. Поэтому, прежде чем вступить в то или иное объединение, лицо анализирует, принимает к сведению все те требования, которые предъявляются к каждому ее члену, и, только убедившись в соответствии данных требований личным интересам, принимает решение о вступлении в данную организацию. С этого момента индивидуальная воля каждого члена общественной организации подчиняется коллективной воле, воплощающей в себе общность целей и интересов всех членов объединения. «В общественных организациях, – пишет А. И. Щиглик, – преобладают отношения, носящие характер своеобразного соглашения между членами. Способ решения вопросов и осуществления деятельности организации становится независимым от влияния личных черт характера ее членов»³. Следовательно, устанавливаемые компетентными органами общественных объединений социальные нормы выражают общую (коллективную) волю членов данных организаций.

¹ См.: Козлова Е. Вступая в ряды... (комментарий Федерального закона «Об общественных объединениях») // Человек и закон. 1995. № 9. С. 52–56; О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Закон РФ от 12 янв. 1996 г. № 10-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.

² В законодательстве наряду с термином «общественные объединения» в качестве синонима используется термин «общественные организации». Так, ст. 117 Гражданского кодекса РФ называется «Общественные и религиозные организации (объединения)».

³ Щиглик А. И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. М., 1977. С. 230.

Целесообразно также указать принцип добровольности вступления в объединения, который обуславливает в том числе порядок соблюдения норм общественных организаций. Как правило, эти нормы соблюдаются добровольно, что, впрочем, не исключает возможности применения в необходимых случаях мер корпоративного воздействия¹.

Таким образом, на основании вышеизложенного сформулируем определение понятия «корпоративные нормы»: это система институциональных (формальноопределенных) специально устанавливаемых компетентными органами общественных объединений обязательных для их членов правил поведения, выражающих коллективную волю членов указанных организаций и выступающих в качестве регуляторов внутриорганизационных и некоторых внешних (на основе функций, переданных органами государства) отношений, соблюдаемых на основе внутреннего убеждения и охраняемых мерами общественного, а в ряде случаев – государственного воздействия.

Отсюда, на наш взгляд, понятия «законодательные нормы» и «корпоративные нормы» соотносятся не как подчиненные, а как соподчиненные. Относительно объема их соотношения следует отметить, что в нормативно-правовой системе корпоративные нормы должны занимать подобающее им место. В частности, их число не должно быть слишком ограниченным, поскольку «вакуум» в регулировании жизни коллектива все равно будет чем-то заполнен: либо его захлестнет анархия, либо порядок в корпорации будет наводиться «государственной рукой». Но и чересчур большое количество корпоративных норм вряд ли будет полезным. Корпоративные нормы призваны отражать волю коллектива, но в то же время не должны сводить на нет волю индивидов. Корпоративная «заурегулированность» может ограничить свободу действий каждого члена коллектива.

Таким образом, корпоративными нормами должны регулироваться не все отношения, складывающиеся в организации, а лишь те из

них, которые затрагивают основы жизни коллектива (использование финансов, организацию производства, установление условий труда, поощрение сотрудников, порядок применения мер ответственности и т. п.). Отношения, которые не вызывают опасности дезорганизации жизни коллектива, могут быть урегулированы нормами индивидуальными, в частности, договорными. Следует иметь в виду, что коллектив складывается из отдельных личностей, у каждой из которых есть собственные специфические интересы, не всегда совпадающие с интересами коллектива. Подчинение личных интересов коллективным по основным вопросам производственной жизни оправдано, однако решение вопросов, носящих несущественный характер, целесообразно предоставлять самим членам коллектива.

Вместе с тем признание самостоятельного регулирующего значения корпоративных отношений вовсе не означает выведения их за рамки права, поскольку право – это не только система правовых норм, установленных государством. Корпоративные нормы органично включаются в нормативно-правовую систему, образуя свою подсистему.

Можно сказать, что в корпоративных нормах проявляется правовая природа, так как они тесным образом связаны с общегосударственными нормами. В частности, в нормах общего действия предусматривается возможность коллектива самостоятельно регулировать поведение его членов. Однако на разных этапах развития государства данная возможность реализовывалась по-разному. Так, в 40–60-е гг. XX в. корпоративное регулирование практически отсутствовало, в эпоху застоя возможность принятия корпоративных норм стала фиксироваться в законодательных актах в форме предварительного санкционирования или делегирования правотворческих полномочий коллективам предприятий. В последнее время законодатель перешел к закреплению презумпции компетентности предприятий на издание корпоративных норм. Это означает, что предприятия могут самостоятельно решать не только те вопросы, по которым законодатель сформулировал общие нормы, но и те, которые он оставил без внимания. Следовательно, соотношение законодательных и корпоративных норм стало характеризоваться не подчиненностью, а соподчиненностью.

¹ См., напр.: ст. 4 Положения о слушательском самоуправлении Рязанского института права и экономики МВД России. Утверждено советом института 12 мая 1988 г.

В общих нормах определяются направления корпоративного регулирования путем указания на цели, задачи общества, государства, того или иного нормативного акта либо назначение того или иного вида деятельности.

Таким образом, корпоративные нормы так же, как и нормы общего действия, соответствуют природе права, выражающей начала справедливости, принципам права (общим, отраслевым, межотраслевым), составляющим его стержень (принцип демократизма не дает права администрации по собственной воле без обсуждения и учета мнения сотрудников провести массовое сокращение, однако, как показывает практика, обращения совета коллектива в суд по данному вопросу сформировали новую категорию дел).

Законодательство устанавливает пределы корпоративного регулирования. В частности, в ст. 135 ТК РФ закреплено, что «условия оплаты труда работников, предусмотренные трудовым законодательством, не могут быть ухудшены корпоративными нормами. Ограниченное значение имеет и законодательная норма, устанавливающая запрещенные виды деятельности. Изданные государством нормы в ряде случаев определяют и процедуру принятия корпоративных норм.

Кроме того, корпоративные нормы по своему содержанию не должны противоречить нормам общегосударственным. Положение о том, что нормы, имеющие меньшую юридическую силу, не могут противоречить нормам, обладающим большей юридической силой, зависящей от местоположения правотворческого органа в иерархии государственных структур, – это одна из юридических аксиом. Ее применение при соотношении

корпоративных и законодательных норм является обязательным.

Однако самый главный фактор, подтверждающий правовую природу корпоративных норм, заключается в том, что корпоративные нормы могут обеспечиваться государственным принуждением (носящим опосредованный либо дополнительный характер). Например, руководитель организации может самостоятельно принять решение об увольнении нерадивого сотрудника, поставив об этом в известность профсоюзный орган, если в организации таковой имеется. Но если уволенный не согласится с решением об увольнении и предъявит в суд иск, то суд будет обязан перепроверить все обстоятельства дела и, не найдя нарушений, окончательно подтвердить (от имени государства) применение данной санкции.

Итак, несмотря на то, что корпоративные нормы создаются и реализуются главным образом на определенном предприятии или в учреждении, т. е. имеют территориально ограниченный объем действия, в силу своего соответствия праву и конструктивной социальной направленности они нередко соответствующим образом закрепляются и могут быть обеспечены государственным принуждением.

Библиографический список

1. Козлова, Е. Вступая в ряды... (комментарий Федерального закона «Об общественных объединениях») / Е. Козлова // Человек и закон. – 1995. – № 9.
2. Лейст, О. Э. Право в системе социальных норм / О. Э. Лейст // Общая теория права. – М., 1995.
3. Тарасов, Н. Н. Теория государства и права. – М., 1997.

В. Е. Лапшин,

первый заместитель начальника

Ивановского института государственной

противопожарной службы МЧС России

кандидат юридических наук

ГЕНЕЗИС СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В последние годы проблема самоубийств приобрела особую актуальность. Серьезную тревогу вызывают суициды у молодого поколения. Как свидетельствуют

статистические данные, среди различных возрастных категорий третье место по числу завершенных суицидов и первое – по числу суицидальных попыток и покушений на самоубийство занимает именно молодежь¹.

Отчасти это связано с тем, что молодые люди часто решаются уйти из жизни в результате конфликтов с родителями, учителями, сверстниками. Подростки-самоубийцы, с

¹ См.: Бойко О. В. Предотвратить суицид. Профилактика суицидального поведения в подростковом и юношеском возрасте // Психол. газ. 2002. № 78. С. 32.

одной стороны, являются жертвами тяжелейших жизненных коллизий, в которых они лишены поддержки взрослых, а с другой – жертвами собственной агрессии, собственных действий, истинные последствия которых подростки не всегда могут предвидеть.

Подростковые суициды имеют отличительные особенности. Во-первых, юноши и девушки редко прибегают к травматичным и калечащим способам самоубийства, поскольку они боятся физической боли. Е. Вроно, старший научный сотрудник Всесоюзного научно-методического суицидологического центра Московского НИИ психиатрии, в одной из своих работ приводит слова девушки 16 лет, однажды совершившей попытку вскрыть себе вены: «... из окна бросаться страшно, вешаться больно, травиться ненадежно»¹. Типичное подростковое решение трудной ситуации – желание устраниваться на время, «умереть не до конца». Подросток, выбирая для суицида совершенно «безвредные» таблетки, не предполагает, что их действие может оказаться смертельным. Такова цена «переигранных демонстраций».

Во-вторых, в покушениях на самоубийство у подростков действительно много демонстративного. Совершая суицидальную попытку, они предполагают жить, надеясь с помощью суицида изменить конфликтную ситуацию. Вместе с тем подростки никогда не имитируют суицид. Без длительных раздумий они совершают крайне опасные для жизни поступки, не вполне осознавая последствия своих действий. В основе такой беспечности лежит несформированность у подростков понимания ценности человеческой жизни как чужой, так и своей собственной. Подростки, как правило, не отдают себе отчета в необратимости, окончательности смерти; они убеждены, что можно казаться умершим для окружающих, но при этом наблюдать свои похороны и раскаянье обидчиков. Так, 12-летний мальчик, пытавшийся покончить с собой из-за того, что родители многократно обещали отправить его в интернат за школьные провинности, рассуждал следующим образом: «Буду висеть и смотреть, как они все плачут». Подросток хотел, чтобы родители осознали несправедливость и жестокость собственных угроз.

В-третьих, в ряде случаев действительной, осознанной целью покушения на самоубийство является смерть. Это – истинные суицидальные попытки. Они являются результатом сложных безвыходных коллизий, нередко создаваемых самими подростками. Русский психиатр начала XX в. известный ученый Е. К. Краснушкин отмечал, что особенности характера психологического строя, свойственные периоду отрочества, по одному факту своего существования предрасполагают к самоубийству². Подросток с его безудержностью, неустойчивостью, жадой впечатлений, тягой к самостоятельности, эгоцентризмом и максимализмом, крайней ранимостью и изменчивостью настроения, скрытностью, сменяемой навязчивой откровенностью, часто кажущийся невыносимым в общении, в сущности же беззащитен и болезненно уязвим.

В острой ситуации решение о самоубийстве возникает иногда моментально. Суицид совершается в решающий момент конфликта на глазах у окружающих при помощи первых попавшихся под руку предметов: ножа, бритвы, средств бытовой химии. Подростки могут избрать также наиболее опасный и часто применяемый в этих случаях способ – прыжок с большой высоты. Мотивы подобных поступков – месть, доказывание своей правоты, наказание обидчика. У подростков агрессивность и неистовство в любую минуту, а то и секунду, могут обернуться против него самого, и такие покушения нередко имеют тяжелые последствия.

Тяжелые жизненные обстоятельства побуждают молодых людей к тщательно обдуманному покушению на самоубийство, когда выбираются наиболее опасный для жизни способ, время суток (день, пока все на работе, или ночь, когда все спят), чтобы попытку суицида легче было скрыть. Вместе с тем многие пациенты суицидологического центра, по словам Е. Вроно, рассказывали, что, решившись на самоубийство, они пытались, пусть косвенно, предупредить близких о своих намерениях: оставляли на видном месте дневник «сердца горестных замет», прощальные записки, «намекали» в разговоре³. Однако взрослые не

¹ См.: Вроно Е. Смерть как выход из тупика // Воспитание школьников. 1994. № 5. С.41–50.

² См.: Краснушкин Е. К. Избранное. М., 1998. С. 423.

³ См.: Вроно Е. Указ. соч.

принимали эти предупреждения всерьез и воспринимали их как шантаж. Тогда покушение подростка на самоубийство оказывалось полной неожиданностью для всех.

Истинные суицидальные попытки в юном возрасте часто возникают из-за депрессии. Подавленное состояние и реакция возникают у подростков в трудных ситуациях довольно часто, поскольку одной из типичных черт их психики является неустойчивость настроения. Нельзя сказать, что депрессия сама по себе предопределяет появление суицидальных намерений. Но у подростка она протекает необычно: он не печален и подавлен, а взвинчен и раздражен; он не сидит в одиночестве, а проводит время неизвестно с кем и где. В таком состоянии подростки, как правило, начинают курить, выпивать спиртные напитки, пропускают школу, замыкаются и грубят при попытке вмешательства в их дела. Это – маскированные депрессии. Их высокая суицидоопасность заключается в трудности своевременного распознавания. Не подозревая, что у подростка душевное расстройство, окружающие применяют к нему различные воспитательные, чаще карательные меры. В результате возникают конфликтные ситуации, которые молодой человек в депрессивном состоянии расценивает как безвыходные.

Поводом к суициду служат проблемные ситуации в различных сферах жизни подростка. Истинной же причиной, которая выявляется при тщательном анализе, оказываются нарушенные взаимоотношения в семье. Опасность таят не только проблемные семьи, но и внешне благополучные. Ориентация на внешнее соблюдение общепринятых норм, стремление любыми средствами создать впечатление гармонии, завышенные и непоследовательные требования к детям с полным равнодушием к их проблемам и нежеланием помочь, практика унижительных и жестоких наказаний, полная неспособность родных обеспечить подростку поддержку характерны для внешне благополучных семей. Подростки из таких семей оказываются совершенно не защищенными в ситуации школьного конфликта. Родители объединяются с администрацией школы. В этом случае подросток не сомневается в полном своем одиночестве, ненужности и начинает расценивать смерть как единственный выход из создавшейся ситуации.

Школьные проблемы, по исследованиям суицидологов, встречаются у подавляющего большинства подростков-суицидентов. Симптомы школьной дезадаптации многообразны: плохая успеваемость, неудовлетворительное поведение, нарушение взаимоотношений в школьном коллективе, – но они имеют общие черты: прессинг школьного режима, тотальное неуважение к детям. Особенно трудно в школе приходится нестандартным молодым людям, которые отличаются необычными склонностями и интересами. Достаточно часто в школах наблюдаются полное пренебрежение к индивидуальности ученика, равнодушие к его судьбе, ощущение полной безнаказанности и правоты учителя. В построении отношений со школьниками наиболее распространенными методами являются угрозы и запугивания. «Ну что ты реवेश? – говорит учительница, поставив двойку в четверти мальчику, которого – и это ей отлично известно – жестоко наказывают дома за двойки. – Ты бы еще пошел и повесился!». А мальчик пошел и действительно повесился¹.

Полное бесправие учеников и их родителей вызывает много вопросов. Первые боятся учителей, вторые, сами бывшие ученики, не решаются вмешиваться в школьные конфликты, боясь за своих детей. Получается один из многих заколдованных кругов.

В особом ряду стоят самоубийства выпускников – абитуриентов. Эмоциональное напряжение, переходящее в крайнее отчаяние, порождает сознание собственной несостоятельности, страх не оправдать родительских надежд, тревогу, нагнетаемую в семье, переутомление. Суицидологи опубликовали выдержки из дневника десятиклассника, который повесился на чердаке своей школы: «Что будет с нами со всеми, и особенно с мамой, если я провалюсь (на экзамене – В. Л.)?»

Отдельно следует выделить покушения на самоубийства мистически настроенных молодых людей. В жизни каждого подростка существует период осознания себя как ценности, когда он начинает задумываться о собственном месте в мире, конечности жизни и сущности смерти. К метафизическим умозаключениям склонны все подростки, но некоторые из них глубже других погружены в

¹ См.: Вроно Е. Указ. соч. С. 48.

свой внутренний мир, они испытывают затруднения в общении с окружающими, чувствуют невозможность выразить себя. Сосредоточенные на собственных переживаниях, эти замкнутые подростки отрешены от действительности, сторонятся более активных сверстников, хотя при этом они хорошо адаптированы, не имеют конфликтов ни в школе, ни дома и, по мнению окружающих, вполне благополучны. Тем не менее своеобразие их психического склада в сочетании с юношеской восприимчивостью, несамостоятельностью суждений создает условия для их погружения в мир иррационального.

Общеизвестно, что в периоды социальных кризисов мистические настроения в обществе распространяются достаточно широко. В обыденное сознание сегодня включены парапсихология, хиромантия, астрология, суеверие, нетрадиционная медицина и т. д. Возникают клубы, кружки и объединения по соответствующим интересам. Для многих людей общение с иррациональным – способ уйти от обыденных проблем.

Для человека с неустойчивым типом высшей нервной деятельности, склонного к колебаниям настроения, подобный уход в иррациональное часто оказывается непосильным испытанием. Поэтому в последнее время среди подростков увеличилось количество покушений на самоубийство, казалось бы, без видимых причин. Е. Вроно рассказывает о семнадцатилетнем юноше, который после очередного бдения в спиритическом кружке выбросился с шестнадцатого этажа, причем родители его ничего необычного в поведении сына раньше не замечали. После самоубийцы остались тетрадь мистических стихов-прозрений и записка следующего содержания: «Никого не винить я безволен». Молодежь как наиболее чувствительный и уязвимый страт населения оказывается главной жертвой распространения мракобесия.

Сегодня суицидология – наука с тщательно отработанной методологией, обширной теоретической базой на многих языках мира. Как и любая другая, эта наука поддерживается фактами, в данном случае очень печальными. Они свидетельствуют о том, что спасать людей, особенно молодых, от добровольной смерти мы сможем только тогда, когда в каждой сугубо личной драме будем последовательно и кропотливо искать общественный источник трагедии, поскольку суицид – это не болезнь отдельного человека, а патология общества в целом, наша общая беда.

Библиографический список

1. Бойко, О. В. Предотвратить суицид. Превенция суицидального поведения в подростковом и юношеском возрасте / О. В. Бойко // Психол. газ. – 2002. – № 78.
2. Вроно, Е. Смерть как выход из тупика / Е. Вроно // Воспитание школьников. – 1994. – № 5.
3. Краснушкин, Е. К. Избранное / Е. К. Краснушкин. – М., 1998.

С. А. Леонтьев,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Владимирского государственного
гуманитарного университета*

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО НОРМАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Право относится к числу наиболее сложных, многоплановых явлений общественной жизни, поэтому анализировать его можно с различных точек зрения, выделяя те или иные основные признаки. Как следствие этого существует множество различных пониманий сущности права и соответствующих им определений.

На современном этапе развития отечественной правовой науки все существующие теории, при всем их многообразии, характеризуют собой два основных подхода к пониманию права – нормативный и широкий. Если право рассматривается как система норм, обеспечиваемых государством, то такое правопонимание называется нормативным. При широкой трактовке права вместе с нормами в определение права включаются правоотношения, правосознание и т. д.

Представители современного нормативно-го правопонимания рассматривают право как «систему общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или

санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений»¹, т. е. право – система юридических норм.

Критикуя сторонников нормативного правопонимания за то, что они не различают право и закон, под правом понимают систему, совокупность норм², противники нормативного правопонимания не обращают внимание на такую качественную характеристику права, как системность, тогда как системный подход в области общественных отношений позволяет воспринимать право как единое целое. Возможно, в формировании такого взгляда противников нормативного понимания права есть и доля вины сторонников современного нормативного правопонимания, поскольку ими основное внимание в научных исследованиях уделяется изучению сущности права, а другая сущностная характеристика права – системность норм – воспринимается как нечто само собою разумеющееся³.

Системность выступает одним из важнейших качеств права и присуща ему объективно. Объективность означает, что система права не может быть сконструирована произвольно, она обусловлена закономерностями общественной жизни, регулируемой частью социальной сферы.

Говоря о праве как о системе норм, необходимо иметь в виду, что любую систему образуют две составляющие: структура (основа, набор необходимых элементов) и факторы, позволяющие быть в единстве, целостности, взаимосвязи и взаимообусловленности, быть динамичным образованием. Поэтому право как система юридических норм (которыми могут быть только нормы – правила поведения) предполагает изучение не только самих юридических норм, структурных составляю-

щих системы, таких как отрасль права, институт и подотрасль права, предмета и метода правового регулирования, но и комплекс связующих эти нормы правовых элементов и явлений, которые преобразовывают совокупность юридических норм в систему. К таким элементам относятся правовые начала и принципы, дефиниции, задачи, цели и общие нормы права, которые не дают системе права превратиться в застывшую совокупность норм права. С учетом современного развития правовой науки нельзя согласиться с распространенным мнением, что нормами права, помимо правил поведения, являются правовые принципы, начала, основы, дефиниции, установления, задачи и иные «нестандартные» нормы права. Необходимо воспринимать данные «нестандартные» нормы права как правовые явления иного уровня, нежели нормы права – правила поведения, системные связующие элементы норм права, без которых невозможно формирование и функционирование системы юридических норм⁴.

Право представляет собой не механическую совокупность юридических норм, а внутренне согласованный, упорядоченный организм, где каждый элемент имеет свое место и значение. Системность права не может быть сконструирована произвольно, она обусловлена закономерностями общественной жизни, регулируемой социальной сферы. Системность юридических норм необходимо учитывать и в правотворческом, и в правоприменительном процессах. В правотворческом процессе учет свойств права ведет к требованию принимать нормативные правовые акты в системе, которые всесторонне и наиболее эффективно регулировали бы общественные отношения. При принятии нормативного правового акта необходимо проследить его взаимодействия со всеми нормативными правовыми актами, вносить соответствующие изменения или, напротив, установив противоречие с другими нормативными правовыми актами, признать, что принятие нового акта невозможно или нецелесообразно. В правотворческом процессе учет системности права приводит также к пониманию недопустимости произвольных решений. Если эти решения противоречат

¹ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 80.

² См.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999. С. 190; Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 24; Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права: Учеб. М., 1995. С. 291.

³ См.: Аверин А. В. К вопросу о системности в правопонимании // Вестн. Владим. гос. пед. ун-та. 2006. С. 115.

⁴ Там же.

системе права, эффективность таких экономических либо социальных решений будет ничтожна или даже, наоборот, окажется социально вредной. Достаточно будет вспомнить то количество льгот, предоставляемых гражданам, но на практике не применимых ввиду отсутствия экономической составляющей.

В правоприменительном процессе учет системы юридических норм означает возможность найти и применить наиболее точную норму для решения гражданско-правового спора либо рассмотрения уголовного дела. Подтверждением сказанному является пример из судебной практики. В октябре 2001 г. Октябрьским судом г. Владимира было вынесено решение по делу по иску гражданки П. к Министерству финансов РФ и Управлению федерального казначейства Минфина РФ по Владимирской области и к АО «Росгосстах-Владимир» о взыскании страховой суммы. Гражданка П. – наследница первой очереди своего мужа, умершего в октябре 2000 г. Муж истицы являлся военнослужащим и участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в результате которой он стал инвалидом II группы. Данный факт подтверждался решением Российского межведомственного экспертного совета. В соответствии с Федеральным законом «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 15 мая 1991 г. № 1244-1 (в ред. от 7 августа 2000 г. № 122-ФЗ), все граждане России, подвергшиеся радиоактивному воздействию вследствие чернобыльской катастрофы, независимо от места проживания подлежат обязательному бесплатному государственному страхованию личности от риска радиационного ущерба в пределах 20 тыс. руб.¹ Страховым случаем является развитие у застрахованного заболевания, установления группы инвалидности, а также его смерть (гибель) вследствие чернобыльской катастрофы, в том числе наступившие до вступления в силу Федерального закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Выплаты сумм по

обязательному бесплатному государственному страхованию личности от риска радиационного ущерба производятся независимо от выплат по социальному страхованию, социальному обеспечению и в порядке возмещения ущерба вследствие чернобыльской катастрофы. Вместе с тем суд в иске отказал, ссылаясь на то, что в соответствии с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2001 год» от 24 декабря 2002 г. № 176-ФЗ действие данной статьи приостановлено до окончания 2001 г.

Однако, по нашему мнению, суду при разрешении данного правового конфликта следовало обратить внимание на то, что страховой случай наступил в 2000 г., когда действие ст. 28 Федерального закона «О социальной защите граждан, подвергшихся радиоактивному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» не приостанавливалось, следовательно, страховой случай возник до принятия Федерального закона «О бюджете на 2001 год», а также на то, что на момент возникновения страхового случая действовал Федеральный закон «О Федеральном бюджете на 2000 год» от 31 декабря 1999 г. № 227-ФЗ, который не предусматривал приостановление действия вышеуказанной статьи. Следовательно, суд не должен был руководствоваться Федеральным законом «О бюджете на 2001 год», так как он не имеет обратной силы и не распространяется на отношения, возникшие до его принятия. Таким образом, суду следовало вынести решение в пользу гражданки П. Но, несмотря на вышеизложенное, суд отказал в удовлетворении исковых требований.

Приведенный пример из судебной практики свидетельствует о том, что в данном случае суд проигнорировал принцип системности правовых норм и как следствие не смог найти и применить наиболее точную норму для решения гражданско-правового спора.

Изучение права как системы юридических норм предполагает изучение не только отраслей права, институтов, подотраслей права, но и комплекса связующих эти нормы правовых элементов и явлений, таких как правовые начала, правовые принципы, правовые дефиниции, которые связывают и организуют в систему действующие

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

нормы права, позволяющие не искажать понимание, смысл и сущность системы права.

Системный подход к исследованию права является критерием определения соответствия конкретной нормы либо совокупности норм самой системе права¹.

Система юридических норм в действии есть гарантия взаимосвязи его элементов, когда применение одних норм обуславливает применение других, способствуя применению третьих; нарушение одних норм соответственно является основанием для применения других и т. д. Система юридических норм проявляется в последовательном, параллельном, неразрывном либо взаимоисключающем применении различных правовых норм, в каждой конкретной их взаимосвязи. Например, анализируя правовой конфликт, судья не может опираться лишь на свое внутреннее правосознание, а обязан исследовать норму права, подлежащую применению с точки зрения ее места в системе права. Правоприменительная практика, в частности судебная, достаточно убедительно свидетельствует в пользу данного утверждения. Яркой иллюстрацией является следующий пример из судебной практики.

Семнадцатого мая 2007 г. Фрунзенский районный суд г. Владимира вынес решение по делу по иску гражданина Ч. к гражданину П. и гражданке Х. о переводе прав покупателей по договору купли-продажи долей в общей собственности на квартиру, расположенную в г. Владимире².

Гражданин П., являясь собственником 7/18 долей в праве общей собственности на данную квартиру, изъявил желание продать свою долю в указанной квартире и 20 декабря 2005 г. обратился с заявлением к нотариусу Г. о передаче гражданину Ч. заявления с предложением покупки 7/18 долей квартиры. Свое заявление гражданин П. изложил следующим образом: «Прошу Вас не позднее 30 дней со дня вручения настоящего заявления сообщить нотариусу г. Владимира о своем желании или отказе приобрести 7/18 долей в праве собственности на квартиру за 267 300 рублей». Гражданин Ч. через нотариуса г. Владимира проинфор-

мировал гражданина П., что желает приобрести 7/18 долей квартиры и что у него имеется в наличии 86 % денежных средств от обозначенной гражданином П. суммы. При этом гражданин Ч. просил гражданина П. обсудить предложение о рассрочке выплаты денежных средств до получения им займа или кредита, а также дать ответ на поставленные вопросы. Однако гражданин П. не сделал этого и 19 мая 2006 г. заключил договор купли-продажи с гражданкой Х.

Не согласившись с принятым решением гражданина П. о продаже своей доли гражданке Х., гражданин Ч. обратился в суд с иском. Однако Фрунзенский районный суд г. Владимира в иске гражданина Ч. отказал, судебная коллегия по гражданским делам Владимирского областного суда решение суда первой инстанции оставила без изменения.

Спорные правоотношения для своего разрешения требовали применения судом нормы права, закрепленной в ст. 250 «Преимущественное право покупки» ГК РФ. Суд первой инстанции неверно истолковал содержание данной нормы гражданского права применительно к исследуемому правовому конфликту. Так, с точки зрения суда первой инстанции продавец доли в праве общей собственности, предупредив однажды остальных участников долевой собственности о потенциальном намерении продать свою долю, может произвести отчуждение доли в праве общей собственности третьему лицу через полгода, год, два и т. д. Суд первой инстанции, принимая решение, ошибочно исходил из того, что поскольку гражданин Ч. не купил доли гражданина П. в месячный срок, то он потерял право преимущественной покупки. Кроме того, исходя из материалов дела, у гражданина П. по состоянию на 20 декабря 2005 г. и 20 января 2006 г. отсутствовали какие-либо договоренности об условиях сделки в силу статьи 250 ГК РФ, и соответственно отсутствовал контрагент для договора купли-продажи.

Исходя из смысла статьи 250 ГК РФ преимущество остальных участников долей общей собственности при продаже доли возникает не само по себе, а по отношению к потенциальному покупателю (т. е. постороннему лицу), которому один из участников долей собственности продает свои доли. Срок, закрепленный законодателем в

¹ См.: Аверин А. В. Указ. соч.

² См.: Дело № 33-1634/07 // Архив Фрунзенского районного суда города Владимира.

данной норме, в течение которого остальные участники долей собственности должны приобрести продаваемую долю, защищает права не только продавца, но и потенциального покупателя. И если в данном случае руководствоваться логикой суда первой инстанции, становится неясно, по отношению к кому у сособственника возникает преимущественное право, и с какой целью законодатель установил именно месячный срок. Поэтому, на наш взгляд, суд пришел к ошибочному выводу о том, что у гражданина Ч. отсутствовало право требования перевода прав покупателей по договору купли-продажи.

В данном случае суду следовало истолковать фразу гражданина П., содержащуюся в заявлении, направленном гражданину Ч., как «хочу продать», как направление гражданину Ч. оферты с целью заключения договора купли-продажи доли, а ответ гражданина Ч. – как отказ от оферты и в то же время направление новой оферты. Исходя из этого суд должен был прийти к выводу о наличии правовых препятствий для заключения договора купли-продажи между гражданином П. и гражданкой Х. и перевести права покупателя по состоявшемуся договору купли-продажи доли в праве общей долевой собственности на квартиру на гражданина Ч.

Таким образом, системность юридических норм способствует определению соответствия конкретной правовой нормы праву в целом, что позволяет обращаться к Конституции РФ, а также использовать аналогию закона либо аналогию права, и именно подход системного анализа действующих норм права лежит в основе деятельности Конституционного Суда РФ.

Учитывая вышеизложенное, мы не разделяем мнения П. А. Оля, который, критикуя нормативное правопонимание, указывает, что законодатель может устанавливать правила, противоречащие объективным законам развития общества или даже природы. И в качестве примера задает вопрос о том, будет ли являться нормой права формально закрепленный, обращенный ко всем гражданам запрет на использование законов земного притяжения или предписание, обязывающее не болеть гриппом. По его мнению, с точки зрения нормативного правопонимания данные запреты должны

рассматриваться как правовые, поскольку формально определены, выражают государственную волю, могут исходить от государства и охраняться от нарушений возможностью государственного принуждения¹. Однако, перечисляя признаки, выделяемые представителями нормативного правопонимания, П. А. Оля не указывает такой признак, как системность, что и привело его к выводу о слабости нормативного правопонимания. В свою очередь, система правовых норм характеризуется единством, взаимосвязью норм права и наличием признаков их внутренней самоорганизации. И если какая-либо норма не будет «вписываться» в данную систему, то система попросту не воспримет эту норму.

Система юридических норм – это живой организм, который имеет механизмы защиты, проявляющиеся, как минимум, в виде деятельности Конституционного Суда РФ.

Недопустимо абсолютизировать форму права, обедняя ее содержание, поскольку это неизбежно приводит к абсурду.

Положительные моменты таких идей ученого заключаются в том, что он побуждает теоретиков права, формально придерживающихся современного нормативного подхода к правопониманию, вспомнить о сущности и содержании права, которые заключаются в том, что право есть социальный регулятор, реализация которого предполагает применение институтов государственного принуждения (официально-властный регулятор общественных отношений), а его содержание – система юридических норм, охраняемых институтами государственного принуждения.

Библиографический список

1. *Байтин, М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М., 2005.
2. *Кудрявцев, В. Н.* Современная социология права : учебник / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М., 1995.
3. *Оль, П. А.* Правопонимание: от плюрализма к двуединству / П. А. Оль. – СПб., 2005.

¹ См.: *Оль П. А.* Правопонимание: от плюрализма к двуединству. СПб., 2005. С. 146–147.

С. В. Лобанов,
соискатель кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ
ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ
ГРУППАМИ: СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ
И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Противодействие обнаружению, раскрытию и расследованию преступлений со стороны лиц, их совершивших, а также других лиц, не заинтересованных в выявлении и раскрытии преступлений, всегда являлось одним из факторов, осложняющих борьбу с преступностью.

В отечественной криминалистике до сих пор нет единого мнения относительно сути понятия «противодействие расследованию». Однако, несмотря на множество попыток определения данного понятия, прослеживается, на наш взгляд, ряд принципиальных позиций: 1) это система действий; 2) действия, направленные на воспрепятствование задачам расследования.

Так, по мнению Р. С. Белкина, противодействие предварительному расследованию представляет собой умышленную деятельность с целью воспрепятствовать расследованию и в конечном счете установлению истины по уголовному делу¹.

В. Е. Корноухов определяет противодействие предварительному расследованию как самостоятельный вид преступной деятельности или системы поведенческих актов, носящий аксиальный (направленный на передачу информации конкретным адресатам) или (и) ретинальный (направленный множеству адресатов) характер, ориентированных против достижения следователем тактических и правовых целей².

По мнению других ученых-криминалистов, противодействие предварительному расследованию представляет собой систему действий, преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления

в сферу уголовного судопроизводства и последующего их использования в качестве судебных доказательств³.

С нашей точки зрения, наиболее полно сущность противодействия (в том числе противодействия, оказываемого организованными преступными группами) раскрыта в определении А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений, по их мнению, есть совокупность противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений⁴.

В делах, связанных с организованной преступной деятельностью, противодействие следствию оказывается со стороны хорошо организованной, технически оснащенной группы, обладающей влиянием в определенных сферах значительным капиталом, допускающей применение насилия и обеспеченной квалифицированной юридической поддержкой, а в некоторых случаях также опирающейся на коррумпированных государственных служащих.

Способы противодействия могут быть различны как по форме, так и по содержанию. Р. С. Белкин по отношению к конкретному преступлению различает внутреннее (противодействие, оказываемое теми или иными лицами, в любой форме причастными к расследованию) и внешнее (деятельность лиц, либо не связанных с данным событием и лицом, осуществляющим расследование, либо связанных со следователем (дознавателем) процессуальными, служебными или иными властными отношениями, либо другими зависимостями) противодействие.

Способы противодействия расследованию в форме сокрытия преступления, его последствий или причастных к нему лиц по

¹ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 691.

² См.: Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. С. 190.

³ См.: Шукин В. И. Противодействие расследованию преступлений, совершенных организованными группами // Рос. следователь. 2003. № 4. С. 9.

⁴ См.: Волынский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: Материалы науч.-практ. конф. 29–30 окт. 1996 г., г. Руза. М., 1997. С. 95.

содержательной стороне можно разделить на следующие группы: утаивание информации и (или) ее носителей; уничтожение информации и (или) ее носителей; маскировка информации и (или) ее носителей; фальсификация информации и (или) ее носителей; смешанные способы¹.

Следует отметить, что в качестве мер криминального противодействия следствию используются преступные приемы. К их числу Н. П. Яблоков вполне обоснованно относит подкуп, запугивание и иное воздействие в отношении потерпевших, свидетелей и членов их семей с целью заставить их отказаться от дачи показаний или изменить ранее данные показания; использование заранее налаженных коррупционных связей в органах власти, правоохранительных органах, средствах массовой информации в целях помех расследованию, развала и прекращения уголовного дела; установление нелегальных каналов связи с арестованными членами организованной преступной группы для согласования линии поведения на следствии; терроризирование свидетелей, потерпевших и их родственников; физическое устранение свидетелей и потерпевших; симуляция различных заболеваний в целях затягивания расследования; использование недобросовестных защитников с целью создания всяческих помех расследованию, в том числе и с целью передачи задержанному подозреваемому различной информации от сообщников; целенаправленная дискредитация оперативно-розыскных сотрудников и следователей, расследующих преступную деятельность организованных групп, в том числе посредством клеветнических жалоб и заявлений; прямые угрозы убийством следователям, ведущим расследование, их близким, а иногда и реализация этих угроз; захват в качестве заложников работников правоохранительных органов; попытки вербовки сотрудников органов внутренних дел (часто под угрозой применения специально собранных против них компрометирующих материалов) с целью их использования как информаторов о планах следствия и оперативно-розыскных органов; попытки подку-

па следователей и оперативно-розыскных сотрудников и др.²

Выявление и изучение указанных приемов преступного противодействия позволяет криминалистам разрабатывать процессуальные и криминалистические методы и средства их преодоления и нейтрализации. Указанные меры Н. П. Яблоковым классифицированы на три группы:

- процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные приемы, методы и средства ведения предварительного следствия, сбора и фиксации источников доказательств, самих доказательств и иной криминалистически значимой информации по делу в разных следственных ситуациях, в том числе отягощенных противодействием преступников расследованию;

- оперативно-розыскные, криминалистические, процессуальные, организационно-технические средства, применяемые следователями в ответ на конкретные действия преступников и ситуации расследования;

- экстраординарные меры следствия, адекватные заранее подготовленным мерам противодействия, таким как включение коррупционных связей; манипулирование показаниями свидетелей путем их подкупа, угрозами убийством, уничтожением имущества; затягивание процесса расследования.

В следственной практике реализация следователем мер преодоления противодействия следствию носит ситуационно-эвристический характер, в связи с чем, по нашему мнению, целесообразно комбинировать указанные меры в соответствии с интенсивностью противодействия, временными факторами, наличием сил и средств, имеющихся в распоряжении следствия.

На наш взгляд, в случае обнаружения признаков противодействия расследованию посредством включения коррупционных связей задача следователя заключается в последовательной нейтрализации предпринимаемых этими лицами мер процессуальными средствами и организационно-управленческими приемами. Эффективными нередко являются официальные предупреждения лицам, проявляющим активность и интерес к делу, предупреждение о возмож-

¹ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 990.

² См.: Яблоков Н. П. Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002. С. 154–155.

ности их допроса в качестве свидетелей по расследуемому делу, а также направление специальных запросов в органы, где они работают, о предоставлении информации, необходимой для расследования, и т. п. Возможно также провоцирование следствием длительных командировок такого должностного лица, временного отстранения от дел при помощи предоставления очередного отпуска и пр.

Результаты проведенного исследования показали, что средства преодоления противодействия расследованию путем манипулирования показаниями свидетелей зависят от причин, провоцирующих свидетелей и потерпевших на сознательную помощь организованным преступным группам. В случае, если это связано с угрозами жизни свидетелей и потерпевших, такую ситуацию необходимо разрешать любым возможным способом (даже с помощью сложных дорогостоящих средств их защиты). В частности, к таким средствам большинство опрошенных следователей (87 %) относят изоляцию свидетелей и потерпевших от воздействия на них членов организованной преступной группы. Например, возможен тайный вывоз указанных лиц с семьями из города, размещение в пансионате, соответствующим образом оформленное их отсутствие на работе, охрана имущества и др. При выявлении иных причин лжесвидетельства применима демонстрация возможности обвинения свидетелей в пособничестве организованной преступной группе, привлечения к уголовной ответственности за лжесвидетельство и т. п.

Руководители преступных сообществ и лидеры входящих в них группировок часто не останавливаются перед убийством свидетелей, физической расправой с членами группировки, подозреваемыми в сотрудничестве с правоохранительными органами или оказавшимися в сфере их внимания.

Безусловно, недопущение подобного воздействия, защита указанных лиц от угроз со стороны преступников и прямых посягательств на жизнь и имущество их самих, а также членов их семей – важная задача следователя. По нашему мнению, на ее реализацию следует направить серьезные силы и немалые средства, если речь идет об обеспечении полного и объективного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

В настоящее время в России предприняты попытки создания отдельных элементов подобной системы защиты, однако, к сожалению, по-прежнему отсутствует комплексная программа защиты потерпевших, свидетелей и обвиняемых, дающих показания, разоблачающие организованную преступную деятельность. На период 2006–2008 гг. на осуществление мероприятий по защите свидетелей, потерпевших и обвиняемых из федерального бюджета выделены 948 млн 720 тыс. руб. Необходимо отметить, что успешно реализуются задачи по защите указанной категории лиц в Республике Татарстан, где денежные средства на осуществление мер по защите свидетелей, потерпевших и обвиняемых выделяются не только из федерального бюджета, но и из местного.

На практике в опасных для потерпевших, свидетелей, обвиняемых ситуациях применяются меры по их защите, в том числе личная охрана, охрана жилища и имущества, замена номера телефона, замена номерных знаков автотранспорта, временное помещение в места, обеспечивающие безопасность; в особых случаях – предоставление другого места жительства, изменение места работы или учебы, изменение фамилии, замена документов, проведение закрытых судебных заседаний и др.

Следует также отметить, что проблема защиты свидетелей, потерпевших, рассказавшихся обвиняемых неразрывно связана с обеспечением следственной тайны, сохранение которой при расследовании организованной преступной деятельности особенно важно, поскольку разглашение имеющейся информации может иметь особо тяжкие последствия как для лиц, сообщивших эту информацию следствию, так и для самого расследования.

Одним из ярких примеров применения на практике мер по защите свидетелей и потерпевших, на наш взгляд, является процесс над одной из самых кровавых казанских преступных группировок «Хади Такташ» в 2001–2002 гг. Тогда свидетелей и потерпевших привозили в суд под охраной спецназа в просторных балахонах с капюшонами, полностью скрывающими лицо. Они давали показания под вымышленными именами через микрофон. Голос при помощи специальной аппаратуры изменялся до неузнаваемости. И хотя на тот момент

подобные меры не были предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, Верховный Суд РФ счел их вполне оправданными, а следовательно, законными. Кроме того, по словам одного из высокопоставленных представителей республиканских силовых структур, в Татарстане применялись даже такие экзотические меры защиты свидетелей, как их фиктивные похороны¹.

Противодействие следствию часто сопровождается затягиванием расследования, реализуемым преступными группами обычно в случаях, когда следователь своими ошибками и недоработками (процессуальными, организационными, криминалистическими) предоставляет им такую возможность.

Указанные недочеты, как показывает практика, используются умелым защитником для «опорочивания» отдельных доказательств, склонения свидетелей к даче ложных показаний, заявления ходатайств, требующих длительной проверки, и т. д.

В рассматриваемом аспекте особое значение для преодоления противодействия следствию имеет работа следователя по разоблачению лжесвидетельства. Следует отметить, что ранее криминалистика и следственная практика не рассматривали свидетелей и потерпевших как потенциальных субъектов противодействия следствию, не разрабатывали особой тактики следственной работы с ними в таком качестве. Между тем в настоящее время учеными-криминалистами широко исследуется проблема противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших. Связано это с появлением новых, ранее не изученных форм противодействия. Нередко преступники действуют открыто, дерзко и цинично, оставаясь уверенными в своей безнаказанности, применяя к субъектам процесса различные приемы физического и психического давления. О масштабах этой проблемы свидетельствует статистика. Так, по данным ВНИИ МВД, в России свидетелями ежегодно выступают около 10 млн человек и каждый четвертый из них в ходе процесса меняет показания или отказывается от ранее данных показаний. А это примерно 2,5 млн граждан, препятствующих законному отправлению правосудия. Сейчас вполне обычное явление —

неявка свидетелей и потерпевших к следователю или в суд и лжесвидетельство, что создает большие трудности в собирании доказательств по уголовным делам и существенным образом влияет на законность и обоснованность принимаемых по делу решений. В результате дела утрачивают судебную перспективу, а лица, совершившие преступления, уходят от ответственности за содеянное.

Как показывает следственная практика, если лжесвидетель целенаправленно подготовлен организованной преступной группой для дачи ложных показаний и возникает в поле зрения следствия не сразу, а через определенное время после начала расследования, то разоблачение хорошо продуманного, часто подкрепленного другими доказательствами лжесвидетельства является тактически сложным делом. Как правило, разоблачение такого рода лжесвидетельства требует разработки и реализации криминалистической операции, по количеству и жесткости оперативно-розыскных и следственных мер не уступающей операции стратегического характера.

Поэтому в процессе разоблачения лжесвидетельства следователю приходится проводить специальные повторные осмотры помещений, фигурирующих в показаниях лжесвидетеля, и обыски в местах, где могут находиться объекты, доказывающие факт лжесвидетельства. Результаты этих следственных действий, по нашему мнению, могут использоваться как для разоблачения лжесвидетельства, так и для доказывания вины задержанных членов преступной группы. Не исключены и иные процессуальные средства разоблачения лжесвидетельства, например, следственные эксперименты и очные ставки.

На наш взгляд, вполне эффективным способом разоблачения лжесвидетельства может служить путь, при котором следователь скрупулезно выявляет и перепроверяет детали показаний, не соответствующих реальным фактам, и, используя их, разрушает всю искусственно сконструированную систему показаний лжесвидетеля.

Вместе с тем разоблачение лжесвидетельства по рассматриваемой категории дел имеет особенность, состоящую в том, что разоблачение одного лжесвидетеля не защищает следствие от появления другого, в связи с чем при разоблачении лжесвидетельства следует

¹ См.: Аксенов Е. Важному свидетелю сделают новое лицо // *Вечерняя Казань*. 2006. № 66(3216).

по возможности дольше держать этот факт в тайне, не давая возможности организованной преступной группе принять дополнительные меры противодействия следствию.

Следует заметить, что рассмотренные в ходе проведенного исследования меры противодействия организованных преступных групп следствию, приемы, средства и методы их нейтрализации не исчерпывают всего многообразия существующих в практике мер и методов преодоления противодействия расследованию.

Д. Н. Маринкин,

*адъюнкт кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России*

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА
ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ
С ХИЩЕНИЯМИ, ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ И ИНЫМИ
ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМИ ОТВЕТСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ, В СФЕРЕ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА**

В сфере управления хозяйством кроме государственных организаций действуют различные предприятия и учреждения негосударственного характера. Они осуществляют, в отличие от органов исполнительной власти, экономические, социально-культурные и иные функции в целях удовлетворения материальных, духовных и других потребностей граждан, общества и государства. Являясь субъектами экономических отношений, не обладая юридическими властными полномочиями, они предстают уже в качестве объектов управленческих отношений в сфере управления хозяйством, имеют свой административно-правовой статус¹.

Должностные лица муниципальных предприятий наделены полномочиями государственно-властного характера. Соответственно должностные лица государственных органов, осуществляющие контроль за хозяйственной деятельностью, имеют специально установленные государством контрольно-надзорные функции. Широкий перечень полномочий по управлению жилищно-коммунальным хозяйством (далее: ЖКХ) возложен и на органы исполнительной власти субъектов РФ.

¹ См.: Административное право. Часть первая: Учеб. М., 2005. С. 404.

Библиографический список

1. *Аверьянова, Т. В.* Криминалистика: учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. – М., 1999.
2. *Щукин, В. И.* Противодействие расследованию преступлений, совершенных организованными группами / В. И. Щукин // Рос. следователь. – 2003. – № 4.
3. *Яблоков, Н. П.* Расследование организованной преступной деятельности / Н. П. Яблоков. – М., 2002.

Значительный объем управленческой деятельности в данной сфере осуществляется также органами местного самоуправления. В их ведении находится муниципальный жилищный фонд.

Таким образом, сфера жилищно-коммунального комплекса имеет определенное структурное и системное выражение, закрепленное в законодательстве Российской Федерации и субъектов РФ (предмет совместного ведения). Управление в данной сфере – процесс взаимодействия многих государственных и частных структур.

Российскому законодательству известны три способа управления многоквартирными домами:

- непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме;
 - управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;
 - управление управляющей организацией².
- Сфере жилищно-коммунального комплекса наиболее свойственны следующие противоправные деяния:
- незаконное предпринимательство³;
 - уклонение от уплаты налогов с организации;
 - хищение имущества и денежных средств, а также их нецелевое использование;

² См., напр.: Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / А. В. Афонаина, Е. В. Гурьева, Л. П. Герасимова. М., 2006. С. 421.

³ См. подробнее: *Маринкин Д. Н.* К вопросу о предупреждении преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса // Роль правоохранительных органов в современном обществе: проблемы научно-практического обеспечения: Материалы XI междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. / Науч. ред. А. В. Чернов, А. В. Данеев. Улан-Удэ, 2007. Т. 1. С. 212.

– взятки и коммерческий подкуп руководителей государственных и муниципальных структур в процессе распределения заказов управляющими организациями на проведение ремонтных работ жилищной инфраструктуры;

– банкротство управляющих организаций (компаний) как средство ухода от ответственности и невыполнение взятых на себя обязательств.

Наряду с данными деяниями, безусловно, совершается и легализация, т. е. придание законной формы незаконно полученным в указанных случаях доходов.

Например, гражданину Г. органами предварительного следствия было предъявлено обвинение по факту хищения денежных средств – ссуды в сумме 1 млн 750 тыс. 600 руб., выделенной в 2003 г. из средств федерального бюджета на подготовку к осенне-зимнему периоду 2003–2004 гг. объектов ЖКХ, расположенных на территории Вешкаймского района Ульяновской области. Г. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 3 ст. 160 УК РФ; ч. 3 ст. 174.1 УК РФ; ч. 4 ст. 160 УК РФ и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ.

Приведем другой пример. Бывший начальник управления Министерства юстиции РФ по Тверской области Б. и двое ее сыновей обвиняются в хищениях денежных средств. Их неправомерными действиями причинен ущерб бюджету Российской Федерации на сумму 2 млн 23 тыс. 362 руб. Выявленный факт хищения касается выделенных средств управлению Министерства юстиции РФ по Тверской области на приобретение жилья сотрудникам в рамках федеральной целевой программы «Жилище». Похищенные денежные средства предназначались для обеспечения жильем сотрудников управления¹. Сын главы управления Министерства юстиции Максим Б. обвиняется в совершении 19 эпизодов мошенничества и 2 эпизодов легализации денежных средств, добытых преступным путем. Другой сын Дмитрий Б. обвиняется по 27 эпизодам хищения денежных средств.

Следует иметь в виду, что приемы и способы отмыwania денег становятся все более утонченными. Преступниками используются недостатки и пробелы во внутригосударст-

венных схемах регулирования данной проблемы. Ими осуществляется гибкое оперативное перемещение доходов через национальные границы. Используются расхождения в нормативном регулировании бизнеса как внутри стран, так и между национальными системами. При этом выгода извлекается от содействия нерегулируемой деятельности в рассматриваемой сфере ряда профессиональных категорий, равно как и регулируемых, но не обеспеченных самоконтролем при нарушении правовых и этических норм.

Все эти тенденции говорят о том, что легализация преступных доходов является растущей и общепризнанной международной проблемой.

Главная опасность хищений, легализации и иных злоупотреблений в сфере ЖКХ заключается в сокрытии преступлений, связанных с неправомерным получением денежных средств или иного имущества, в придании указанным средствам (имуществу) легального статуса.

Анализ оперативно-следственной практики показывает, что легализация преступно нажитых денежных средств может принимать следующие формы:

а) занижение в документах (декларациях и т. д.) фактической стоимости приобретенного имущества, причем в ряде случаев этот способ легализации реализуется только при условии сговора с продавцом;

б) покупка недвижимости производится по низкой цене и последующая продажа – по высокой, а приобретенные таким образом доходы имеют вид законно полученных;

в) завышение стоимости работ или услуг, выполняемых определенным лицом, как способ дачи взятки и одновременно легализации денежных средств (например, получение рядом высокопоставленных чиновников баснословно высокого гонорара за книгу или лекцию)²;

г) оформление преступно полученных денежных средств в качестве прибыли от законной деятельности предприятия, часто специально для этого созданного или приобретенного;

д) продажа похищенного имущества через законно функционирующие торговые точки;

² См., напр.: Герасименко Н. В. Развитие законодательства по противодействию легализации криминальных доходов: Российский и зарубежный опыт // Адвокат. 2006. № 2.

¹ См.: Рос. газ. (Верхняя Волга). 2006. 22 сент.

е) смешивание на многочисленных счетах потоков легально и нелегально полученных денежных средств;

ж) сдача в банк денежных средств, полученных якобы за оказание услуг.

В указанных криминальных схемах в сфере жилищно-коммунального комплекса в качестве субъектов совершения преступлений участвуют: руководители и бухгалтеры, кассиры, материально ответственные лица управляющей организации; руководство и персонал (работники) подрядчиков по ремонту помещений; должностные лица администраций (органов местного самоуправления); заинтересованные собственники жилых помещений (как элемент механизма отмыывания и легализации); контрагенты указанных организаций и лиц.

Сфере жилищно-коммунального комплекса свойственна легализация денежных средств, похищенного имущества, товаров и услуг ЖКХ¹.

В первую очередь речь идет о совершении финансовых операций или других сделок с денежными средствами или иным имуществом, которые позволяют получать незаконные доходы в результате завышения объемов выполненных работ за счет фальсификации при трудоустройстве лиц, осуществляющих уборку придворовой территории домов и подъездов, находящихся в обслуживании управляющей организации.

Другим направлением реализации преступного замысла является предоставление коммунальных услуг (электричество, газ, отопление, вода, канализация) с необоснованным завышением отдельных тарифов.

Кроме того, осуществляется заключение фиктивных договоров по производству текущего и капитального ремонта общего имущества жильцов многоквартирных домов (чердак, подвал, лифт, подъезд и т. п.).

Помимо этого практике известна сдача в «теневую аренду» нежилых помещений без соответствующего оформления договоров, с получением неучтенных наличных денежных средств.

Распространенным способом получения неучтенных денежных средств является незаконная, без обязательного юридического оформления, организация охраны дома, авто-

стоянки на придворовой территории (в том числе установка и эксплуатация домофона; содержание вахтера или (и) охранника; возведение и эксплуатация ограждений и запорных механизмов; содержание собак; эксплуатация стоянки: вода, электричество и т. п.).

Не единичны и факты включения расходов на функционирование управляющих организаций, в частности канцелярских расходов, затрат на покупку мебели; арендной платы и коммунальных платежей, расходов по выплате заработной платы сотрудникам, расходов на приобретение и содержание компьютерной техники, затрат на аудит организации, расходов на содержание автопарка, а также сумм коммунальных платежей «отдельных» жильцов в сумму оплаты по счетам, которые выставляются основной массе проживающих.

Например, в практике ЖКХ Пермского края имел место случай, когда задолженность по счетам умершего жильца, который жил в доме по договору социального найма, была распределена между остальными проживающими в данном доме. Интересной деталью является и то обстоятельство, что квартиру умершего по остаточной стоимости приобрел один из руководителей управляющей организации.

Указанные выше группы действий влекут за собой возникновение следующих признаков, подлежащих обнаружению в процессе оперативно-розыскного документирования и являющихся основой системы доказательств по уголовному делу:

- расхождения в документах по штатному расписанию работников;
- осуществление уборки придворовой территории и подъездов гостарбайтерами, а по документам – другими лицами, в том числе расхождения в оплате;
- оформление работников по потерянным или похищенным паспортам;
- взимание оплаты тарифов регулярно без оказания услуг (теплоснабжение летом и т. п.);
- превышение тарифов управляющей организацией в 2–3 раза от установленных предприятиями ЖКХ (-энерго, -тепло и т. п.);
- проведение работ по схеме многих субподрядов либо фирмами, не имеющими на это разрешений, либо вообще не занимающимися таковыми работами;
- несоответствие документальным реальным объемам выполненных работ (визуально, при замерах и расчетах по договорам; использование других материалов);

¹ См.: Расследование экономических преступлений: Учеб.-метод. пособие / Под ред. С. Ю. Журавлева, В. И. Каныгина. М., 2006. С. 376.

- наличие офисов организаций в подвалах жилых помещений и на чердаках, в том числе отсутствие каких-либо мер безопасности в них (пожарные, технические, экологические);
- оплата жильцами услуг и тарифов управляющей организации наличными, в том числе дополнительные сборы, а также частые расчеты управляющей организации;
- отсутствие бухгалтерских и иных необходимых документов у управляющей организации, подрядчиков;
- несоответствие сумм денежных средств на счетах управляющей организации документам, наличие множества счетов;
- частые предоплаты и авансы подрядчикам, иным лицам и организациям, в том числе наличными;
- оплаты векселями несуществующих организаций либо вызывающих сомнение;
- частое заключение договоров с организациями из других регионов, в том числе зарубежными;
- необоснованные частые командировки сотрудников управляющей организации.

Анализ законодательных норм и практики работы управляющих организаций позволяет сформулировать вывод о том, что совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, образуют объективную сторону вышеуказанных составов преступлений лишь в том случае, если с их помощью придается правомерный вид владению, пользованию или распоряжению названными средствами и имуществом¹.

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что большое значение приобретает реализация следующих мер по нейтрализации преступной деятельности, связанной с хищениями, легализацией и иными злоупотреблениями ответственных служащих управляющих компаний, в сфере жилищно-коммунального комплекса:

1) организация взаимодействия государственных правоохранительных и правоприменительных структур России и мирового со-

общества, вузов МВД, ФСБ и Прокуратуры РФ, НИИ, Росфинмониторинга, Общественной палаты, представителей общественности в форме ежегодных практических конференций с последующими предложениями;

2) проведение совместной подготовки специалистов – ревизоров финансовых потоков в вузах МВД, ФСБ и Прокуратуры РФ;

3) организация внутреннего контроля финансовых расходов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на законодательном уровне, с определенными льготами при налогообложении за предоставление информации о финансировании противоправной деятельности своих сотрудников либо иных организаций или лиц;

4) переход на безналичный расчет с разработанной системой контроля данных расчетов со стороны правоохранительных органов (в том числе предвидение: единого государственного реестра данных расчетов; защиты коммерческой и банковской тайн; порядка контроля за движением финансовых потоков по счетам; мер защиты и противодействия несанкционированного доступа к базам данных финансовых потоков, – а также улучшение процедур получения информации по запросам об источниках финансирования);

5) предвидение конфискации либо улучшение процедуры наложения ареста на имущество при получении информации правоохранительными органами о финансировании противоправной деятельности определенными лицами или организациями;

6) осуществление контроля источников денежных переводов из-за рубежа и на зарубежные счета гражданами России и иностранными гражданами (в том числе и инвестиционные потоки).

Библиографический список

1. Административное право. Часть первая : учебник. – М., 2005.
2. Герасименко, Н. В. Развитие законодательства по противодействию легализации криминальных доходов: Российский и зарубежный опыт / Н. В. Герасименко // Адвокат. – 2006. – № 2.
3. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / А. В. Афолина, Е. В. Гурьева, Л. П. Герасимова. – М., 2006.
4. Методика выявления и доказывания легализации доходов, добытых преступным путем (ст. 174 УК РФ). – Иркутск, 2005.

¹ См., напр.: Методика выявления и доказывания легализации доходов, добытых преступным путем (ст. 174 УК РФ). Иркутск, 2005. С. 15.

В. В. Меркурьев,
*ведущий научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры РФ
доктор юридических наук, профессор*
А. С. Колосов,
*старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*
Д. Е. Александров,
*адвокат адвокатской конторы № 3
Владимирской областной
коллегии адвокатов «Лига»*

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

С опасностями человек сталкивался с момента своего появления на Земле. Вначале это были природные опасности: пониженная или повышенная температура воздуха, атмосферные осадки, солнечная радиация, молнии, встречи с дикими животными, ядовитыми насекомыми и растениями, стихийные явления природы (землетрясения, наводнения, ураганы, лесные пожары и т. д.).

С развитием человеческого общества к природным опасностям добавились техногенные, или антропогенные, опасности. К сожалению, научно-технический прогресс наряду с благами принес и неисчислимые бедствия как для человека, так и для окружающей природной среды. Техногенные опасности могут проявляться в форме аварий технических систем, обрушений зданий и сооружений, пожаров, взрывов и других трудно предсказуемых событий. Люди, попадая в зону действия этих событий, рискуют получить заболевания или травмы различной степени тяжести либо погибнуть.

В современном русском языке опасность означает «возможность, угроза чего-нибудь опасного», т. е. «способного вызвать, причинить какой-либо вред, несчастье»¹. Согласно толковому словарю живого великорусского языка состояние опасности – это свойство лица «оберегать, охранять, стеречь, сторожить, караулить, наблюдать, присматривать, брать под свою опеку, покровительство», наконец, «быть заступни-

ком чего- или кого-нибудь»². Следовательно, опасность – это состояние возможного, вероятного причинения вреда, в том числе вреда интересам уголовно-правовой охраны.

Сам человек также может быть источником опасности. Своими действиями или бездействием он может создать для себя и окружающих реальную угрозу жизни и здоровью. Опасности, создаваемые людьми, весьма разнообразны: войны, социально-политические конфликты, преступления, алкоголизм, наркомания, ВИЧ-инфекция, голод, нищета, низкая культура общения между людьми и др. Все эти пороки человеческого общества относятся к социальным опасностям.

Таким образом, опасности окружающего мира условно делятся на три группы: природные, техногенные и социальные.

В условиях современного общества вопросы безопасности жизнедеятельности человека резко обострились и приняли характерные черты проблемы выживания человека, т. е. «остаться в живых, уцелеть, уберечься от гибели».

Представители науки безопасности жизнедеятельности утверждают, что какой бы деятельностью ни занимался человек, где бы он ни находился, всегда рядом с ним существуют скрытые силы, представляющие угрозу его существованию. Это – потенциальные, т. е. возможные, опасности. Наличие вокруг людей потенциальных опасностей вовсе не означает, что трагедия непременно произойдет. Для этого нужны определенные условия (причины). Для сохранения жизни, здоровья необходимо хорошо знать и своевременно устранять причины, при которых происходит превращение потенциальных опасностей в действительные.

Мы вынуждены констатировать, что уберечься от гибели или увечья удастся не всегда, потому что некоторые опасности не зависят от наших действий, проявляются внезапно, не оставляя времени на размышление, подготовку, спасение. Например, землетрясение, удар молнии или террористический взрыв и т. д.

Опасность может быть оценена количественно, например величиной риска. Под риском как количественной мерой опасности обычно подразумевают возможность (либо

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 15-е изд. М., 1984. С. 398.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. С. 676.

вероятность) возникновения нежелательного события за определенный отрезок времени.

По мнению В. Г. Шевченко, применительно к рассматриваемой проблеме можно говорить о триединстве «опасность – риск – угроза». Опасность является продуктом конкретных факторов и характеризуется неопределенностью. Угроза означает определенность опасности с точки зрения причинения конкретного вреда¹.

Мы часто говорим, что человек живет и работает в экстремальных условиях, он борется за выживание, постоянно подвергая себя каким-то воздействиям рискованного характера. Действительно, риск погибнуть или получить травму подстерегает человека постоянно на протяжении всей жизни. При этом величина риска – уровень безопасности – зависит от условий и обстоятельств, в которых протекает жизнь и деятельность человека. Следовательно, безопасность жизнедеятельности как антипод опасности – это состояние среды обитания, при котором с определенной вероятностью исключено причинение ущерба жизненно важным интересам личности.

Ежегодно стихийные бедствия, возникающие в различных районах страны, производственные аварии на объектах экономики, коммунально-энергетических системах городов вызывают крупномасштабные разрушения, гибель людей, большие потери материальных ценностей.

Стихийные бедствия – опасные явления природы, которые нарушают жизнедеятельность населения, разрушают и уничтожают материальные ценности, приводят к гибели людей. Они могут быть причиной аварий и катастроф, а также оказывать отрицательное воздействие на окружающую природную среду.

Ежегодно в мире происходит большое число производственных аварий, которые являются реальной угрозой здоровью и жизни населения.

Наиболее опасны аварии на предприятиях, производящих, использующих или хранящих ядовитые вещества, взрыво- и огнеопасные материалы, заводах и комбинатах химической, нефтехимической, нефтеперерабатывающей промышленности. Аварии на подобных предприятиях приводят к

многочисленным человеческим жертвам и значительному материальному ущербу².

Особую опасность для населения представляют аварии на атомных электростанциях, в результате которых может произойти радиоактивное загрязнение территории. Настоящей трагедией обернулась авария на атомной электростанции г. Чернобыля в апреле 1986 г. При тепловом взрыве атомного реактора в атмосферу было выброшено огромное облако радиоактивных веществ, распространившихся на сотни километров. На землю выпали радиоактивные осадки, что привело к радиоактивному заражению значительных территорий Белоруссии, России, Украины. В результате этой аварии около 100 человек погибли, многие тысячи людей получили заболевания различной степени тяжести. Из мест с повышенным уровнем радиации было вывезено более 115 тыс. человек.

В настоящее время особую актуальность приобрела проблема обеспечения безопасности в сфере транспорта. Так, по данным официальной статистики, в последнее десятилетие в нашей стране ежегодно только в результате дорожно-транспортных происшествий гибнет около 35 тыс. человек³.

Как известно, самые серьезные террористические акции последнего времени произошли на транспорте или совершены с помощью транспорта: атаки Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здания Пентагона в Вашингтоне; взрывы электричек в Испании, самолетов в 2004 г. в России, электричек в лондонском метро в 2005 г. Статистика последних лет показывает, что от 50 до 70 % терактов связано с транспортом. За последние семь лет число по-

² В качестве примера можно привести следующий. Третьего июля 1989 г. вблизи железнодорожных путей под Уфой произошел разрыв продуктопровода, по которому подавалась смесь из бензина и горючих газов (пропан и метан). Будучи тяжелее воздуха, смесь распространилась по лощинам, оврагам, заполнила складки местности. Образовалась сплошная зона загазованности. Из-за возгорания этой смеси произошел взрыв. Пламя мгновенно охватило огромную территорию. В огне оказались два пассажирских встречных поезда, в которых находились 1284 пассажира. Большинство вагонов сгорели, погибли 433 человека, госпитализированы – 808. В населенных пунктах, расположенных в 15 км от места взрыва, были выбиты стекла, оконные рамы, разрушены шиферные крыши; огромный материальный ущерб был причинен железнодорожному хозяйству. (Примеч. авт.)

³ См.: Доехать и не умереть // Рос. газ. 2007. 4 мая.

¹ См.: Шевченко В. Г. Безопасность России в XXI веке: Моногр. М., 2005. С. 16.

добных преступлений выросло с 97 в 1997 г. до 359 в 2003 г., а в 2004 г. – более 400¹.

В то же время в силу специфики деятельности транспортного комплекса проблема борьбы с терроризмом на транспорте должна рассматриваться как одна из составных частей транспортной безопасности страны.

Ежегодно в России регистрируется более 190 млн случаев заболеваний населения острыми и хроническими болезнями. Особенно быстрыми темпами растет заболеваемость врожденными аномалиями, болезнями системы кровообращения и мочеполовой системы.

Анализ основных угроз для жизни человека и его безопасного существования показывает, что смертность в результате природных и техногенных чрезвычайных ситуаций (далее: ЧС), связанных с нарушениями экологической безопасности, в общей структуре смертности населения Российской Федерации по основным классам причин составляет 76,1 %, почти 20 % – это удельный вес таких причин в совокупности, как самоубийства, убийства, случайные отравления алкоголем и транспортные травмы.

Принимая во внимание, что экологические ЧС – это качественное изменение биосферы, вызванное действием антропогенных факторов, порождаемых хозяйственной деятельностью человека, и оказывающее вредное воздействие на людей, животный и растительный мир, окружающую среду в целом, становится очевидно, что основная угроза человеку и человечеству в основном исходит от него самого².

По причинам возникновения можно выделить 5 классов (видов) ЧС: природные,

¹ См.: Безопасность в зеркале современных угроз // Рос. газ. 2005. 26 апр.

² Деградация окружающей среды является следствием урбанизации, резкого расширения масштабов хозяйственной деятельности человечества, бездумно потребительского отношения к природе. К ЧС экологического характера можно отнести: интенсивную деградацию почвы и ее загрязнение тяжелыми металлами (кадмий, свинец, ртуть, хром и т. д.) и другими вредными веществами, загрязнение атмосферы вредными химическими веществами, электромагнитными и ионизирующими излучениями; кислотные дожди; разрушение озонового слоя; температурные инверсии над промышленными городами, загрязнение, засоление и истощение водных ресурсов и другие ситуации, которые не только снижают качество жизни людей, но и угрожают их здоровью и жизни. (Примеч. авт.)

техногенные, биолого-социальные, социально-криминальные, социально-политические. Например, природные – это стихийные бедствия, под которыми следует понимать опасные природные явления или процессы, имеющие чрезвычайный характер и приводящие к нарушению повседневного уклада жизни значительных групп людей, человеческим жертвам, разрушению и уничтожению материальных ценностей³.

Социально-политические – крайне острая форма разрешения противоречий между государствами с применением современных средств поражения (региональные и глобальные военно-политические конфликты), а также межнациональные и религиозные противоречия, сопровождающиеся насилием.

Вооруженные конфликты с точки зрения безопасности жизнедеятельности представляют, по существу, совокупность опасных и вредных факторов, присущих всем стихийным бедствиям, производственным авариям и катастрофам. В войне с применением обычного оружия – это разрушение зданий и пожары в результате действий артиллерии и авиации, катастрофические наводнения в связи с повреждением гидротехнических сооружений, заражение обширных территорий радиоактивными, химическими веществами при разрушении атомных электростанций и химических предприятий. В случае же применения средств массового поражения резко возрастут масштабы разрушений, очагов радиоактивного, химического и бактериологического заражения, а также зон катастрофического затопления с вытекающими отсюда последствиями.

Успех демократии, рост новых глобальных торговых отношений, расширение сети глобальных коммуникаций, прорывы в информационных технологиях существенно повлияли на внешнюю и внутреннюю среду безопасности всех государств, привели к трансформации угроз национальной безопасности.

В начале XXI в. стали проявляться новые угрозы: международный терроризм и преступность; распространение оружия массового поражения; возникновение очагов национальной ненависти; опасность аг-

³ Больше всего люди страдают от наводнений (40 %), ураганов (20 %), землетрясений и засух (по 15 %). Около 10 % общего ущерба приходится на остальные виды стихийных бедствий. (Примеч. авт.)

рессии со стороны государств, поддерживающих терроризм; появление новых разрушительных технологий в военном деле; нарастание информационных воздействий на личность и общество; увеличение количества природных катаклизмов; опасность дезинтеграции целых государств¹.

Естественно, все виды существующих угроз жизнедеятельности человека должны быть учтены, а меры по их предупреждению предусмотрены в отраслевом законодательстве².

Особое место среди угроз жизнедеятельности человека занимает угроза экологической безопасности населения. Состояние здесь, если не критическое, то близкое к нему. По данным Роспотребнадзора, до 30 % проб воды поверхностных источников не соответствуют минимальным гигиеническим нормам. Значительная часть сельского и немалая часть городского населения не имеют доступа к качественной питьевой воде. То в одном, то в другом регионе фиксируются вспышки кишечных инфекций.

Сильное антропогенное воздействие испытывает Волга и ее притоки, из которых осуществляется до 40 % общего водозабора для населения страны. Затем, по данным Минздрава России, следуют загрязненные воды Дона, Оби, Лены, Печоры, Енисея и Амура.

Кроме того, наблюдаются массовые порубки леса, незаконные застройки по берегам водоемов, сбросы в окружающую среду опасных отходов. В разряд хорошо организованного промысла превратилось браконьерство. Устойчивые преступные группы уничтожают остатки осетровых рыб в Каспийском регионе. Миллиардный ущерб биоресурсам и экономике России наносит промышленное браконьерство, незаконная добыча и контрабанда рыбопродукции морскими судами.

Экологические преступления, являясь одним из наиболее распространенных и общественно опасных видов противоправных деяний, представляют реальную опасность для человеческого существования. Их последствия: катастрофическое ухудшение качества среды обитания, ведущее к снижению продолжительности жизни, уве-

личению заболеваемости, смертности и ухудшению генофонда нации; образование зон экологического неблагополучия и бедствия; деградация и истощение запасов природных ресурсов (снижение плодородия почв, сокращение рыбных, лесных, топливно-энергетических ресурсов, истощение минерального сырья); загрязнение воздушного бассейна и опасное изменение климата; ухудшение качества продуктов питания и товаров народного потребления; разрастание масштабов радиоактивного загрязнения; возрастание риска крупных экологических и техногенных катастроф и др.

Таким образом, по нашему мнению, все опасности, существующие на земле, можно подразделить по их генезису на природные, антропогенные (техногенные) и социальные. В свою очередь, последние также содержат биолого-социальные, социально-криминальные, социально-политические подвиды опасностей.

Природные опасности подразделяются следующим образом:

1) стихийные явления природы (бедствия), которые специалисты относят к классу природных ЧС. К основным видам стихийных бедствий относятся: землетрясение, извержение вулканов, цунами; наводнение, паводки, обильные дожди с градом; ураганы, штормовой или шквалистый ветер; сели, грязевые оползни; снежные заносы, обильные снегопады, бураны, лавины; лесные пожары, торфяные пожары; засуха и др.

2) пониженная или повышенная температура воздуха;

3) атмосферные осадки, не относимые к стихийным бедствиям;

4) солнечная радиация;

5) молнии;

6) встречи с дикими животными, ядовитыми насекомыми и растениями;

7) природно-очаговые и зооантропозные инфекции, которые могут привести к эпидемиям и эпизоотиям;

8) нападения домашних животных, неспровоцированные человеком.

Техногенные (антропогенные) опасности классифицируются по видам производственных аварий, которые создают реальную угрозу здоровью и жизни населения, так называемые техногенные ЧС, катастрофы и опасности, носящие более локальный ха-

¹ См.: Шевченко В. Г. Указ. соч. С. 17.

² См.: Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006. С. 72–73; 78–87.

раक्टर и связанные с отказами в нормальной работе механизмов и машин.

Техногенные ЧС по степени вероятности риска стать жертвой ЧС можно классифицировать следующим образом: 1) автокатастрофы (ДТП, связанные с гибелью людей); 2) пожары (ожоги) в жилом и производственном секторе; 3) аварии технических и технологических систем жизнеобеспечения (теплоснабжения, канализации, водоснабжения и т. п.); 4) аварии на энергетических системах; 5) авиакатастрофы; 6) аварии на железной дороге; 7) промышленные аварии (на шахтах, предприятиях, производящих, использующих или хранящих ядовитые вещества, взрыво- и огнеопасные материалы и т. д.); 8) аварии на ядерных реакторах, в результате которых может произойти радиоактивное загрязнение территории; 9) обрушение зданий и сооружений, например, в результате взрыва природного газа, и другие трудно предсказуемые последствия.

Социальные опасности представляют наибольшую сложность для классификации, поскольку их великое множество и по мере развития социума число их возрастает. Однако по разрушительной силе для человека они сравнимы с техногенными и наиболее опасными природными ЧС. Мы выделяем некоторые виды социальных

А. Е. Михайлов,

*преподаватель кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Одним из важнейших способов установления истины по делу является производство следственных действий, порядок проведения которых закреплен в УПК РФ. Однако в некоторых случаях установленный законодательством порядок может не соответствовать требованиям конкретной ситуации. Например, в ходе расследования уголовного дела о разбойном нападении на магазин, которое было совершено лицом, одетым в маску, скрывающую большую часть лица нападавшего, было произведено предъявление для

опасностей по степени вероятности риска стать их жертвой: 1) заболевания системы кровообращения и мочеполовой системы у людей; 2) отравления и инфекционные заболевания, которые специалисты относят к биолого-социальным ЧС; 3) самоубийство; 4) убийство или причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть; 5) случайное отравление алкоголем; 6) заболевания органов дыхания, новообразования; 7) падение в результате несчастного случая; 8) террористические акции; 9) общественно опасное поведение человека; 10) столкновение обязанностей; 11) региональные и глобальные военно-политические конфликты; 12) международные и религиозные противоречия, сопровождающиеся насилием; 13) международные вооруженные конфликты (войны) с применением оружия массового уничтожения.

Библиографический список

1. Безопасность в зеркале современных угроз // Рос. газ. – 2005. – 26 апр.
2. Меркурьев, В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности / В. В. Меркурьев. – М., 2006.
3. Шевченко, В. Г. Безопасность России в XXI веке : монография / В. Г. Шевченко. – М., 2005.

опознания подозреваемого по признакам голоса и речи¹. Вместе с тем в соответствии с установленным уголовно-процессуальным законодательством порядком проведения данного следственного действия должно быть визуальное восприятие опознаваемого лица при обстоятельствах, относящихся к уголовному делу. В результате протокол предъявления для опознания подозреваемого лица по признакам голоса и речи по указанному уголовному делу рассматривался как недопустимое доказательство и имел ориентирующее значение.

В связи с этим во избежание морального устаревания норм уголовно-процессуального права полагаем целесообразным проводить работу по регулярному внесению предложений, направленных на совершенствование порядка производства отдельных следственных действий.

¹ См.: Архив городского суда г. Радужного Владимирской области за 2008 г., уголовное дело № 20623.

Не умаляя важности всех следственных действий, считаем необходимым более подробно рассмотреть возможность расширения средств и объектов при производстве предъявления для опознания с точки зрения теории доказательств и теории следственных действий, а именно допустимости использования нетрадиционных источников получения информации в ходе проведения данного следственного действия.

В соответствии с действующим законодательством предъявление для опознания – это действия специально уполномоченного лица, совершаемые в установленном законом порядке и заключающиеся в предъявлении опознающему лицу для опознания другого лица, предмета либо трупа с целью выяснения тождества опознаваемого объекта с тем объектом, который опознающее лицо ранее видело и предварительно дало показания о приметах и особенностях, по которым может опознать данный объект (ст. 193 УПК РФ).

В данном случае законодатель определяет четкие рамки проведения предъявления для опознания. Самое главное требование этого следственного действия – опознающий должен был ранее видеть предъявляемый для опознания объект в условиях произошедшего события, по факту которого осуществляется уголовное судопроизводство. Указанное требование означает, что законодатель рассматривает возможность использования в качестве источника доказательств только сведения, полученные в результате зрительного восприятия объекта последующего опознания, определяя тем самым безусловный приоритет зрительных ощущений. Никакие другие виды ощущений, при которых могли бы быть восприняты сведения об объекте последующего предъявления для опознания, не принимаются вообще. Иными словами, предъявление для опознания определенного объекта по признакам, которые опознающий ранее воспринимал посредством слуха, обоняния, осязания либо на вкус, не допустимо, поскольку не предусмотрено законодательством¹.

Одновременно законодатель четко определяет возможные для предъявления объ-

екты. Ими могут быть только живые лица, предметы и трупы, опять же воспринятые опознающими посредством зрительных анализаторов.

Следует отметить, что в научной литературе отсутствует единство мнений по поводу того, какой предмет можно предъявить для опознания. Согласно определению, содержащемуся в словаре русского языка С. И. Ожегова, предмет – это всякая материальная вещь, а вещь – отдельный предмет, изделие².

Однако большинство ученых и практических работников считают, что объектами опознания могут быть и животные, и строения, и участки местности³. Ряд авторов полагают в качестве объектов опознания рассматривать голос и устную речь⁴, восприятие которых вообще осуществляется посредством слуха. На наш взгляд, подобные мнения имеют веские основания и важное практическое значение, поскольку уверенность опознающего в возможности узнавания объекта в ходе предъявления для опознания зависит от полноты мысленного образа, который формируется при восприятии любого объекта. Как правило, только опознающий в состоянии определить, может он узнать тот или иной объект при повторном восприятии в ходе предъявления для опознания или нет.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд. М., 2005. С. 96, 748.

³ В частности, Г. И. Кочеров, В. М. Лебедев, В. П. Божьев помимо местности, строений, животных к объектам предъявления для опознания относят также рукописный текст (см.: Руководство для следователей / Под ред. В. В. Найденова и П. А. Олейник. 2-е изд., перераб. М., 1981. С. 374; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева; Науч. ред. В. П. Божьева. М., 2002. С. 390). И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко указывают, что объектами опознания могут быть птицы и помещения (см.: Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 1994. С. 298). Н. Н. Гапанович отмечал, «что участки местности и неподвижные объекты (здания) также могут быть объектами опознания, однако установленная форма предъявления для опознания неприменима, поскольку практически невозможно соблюсти правило о подборе объектов» (Опознание в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы). Минск, 1975. С. 130).

⁴ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004. С. 487.

¹ См.: Мансурова Л. А. Проблемы предъявления для опознания объектов лицам с ограниченными физическими возможностями // Рос. следователь. 2008. № 1. С. 3.

Данная уверенность потенциального опознающего отражается в протоколе допроса, производство которого обязательно до предъявления для опознания. По нашему мнению, если допрашиваемое лицо заявляет даже о предположительной возможности опознать тот или иной объект, предъявление для опознания производить необходимо. По общим положениям теории доказывания результаты любого следственного действия, в том числе предъявления для опознания, не имеют заранее predetermined силы и оцениваются в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами¹. Если лицо заявляет, что неспособно опознать объект, то опознание производить нецелесообразно.

Вместе с тем исходя из смысла ст. 193 УПК РФ такие объекты опознания, как животные, строения, участки местности, помещения, голос и устная речь не могут рассматриваться в качестве допустимых, поскольку их использование прямо не предусмотрено действующим законодательством, ограничивающим круг объектов опознания живыми лицами, трупами и предметами. Так, живой организм согласно значению данного понятия нельзя считать предметом, который является объектом неживой природы. Участки местности, строения и помещения можно рассматривать как предметы только в широком смысле, поскольку они обладают лишь условными признаками предмета².

Однако на практике встречаются случаи предъявления для опознания и строений, и участков местности, и животных³. Почему же данные «предметы» используются при предъявлении для опознания, несмотря на возможность признания составленных в связи с этим протоколов соответствующего следственного действия недопустимыми доказательствами? По-видимому, это объясняется потребностью органов предварительного следствия и дознания в привлече-

нии новых источников доказательственной информации в связи с ростом преступности и увеличением форм преступных посягательств, с одной стороны, и противодействием правонарушителей органам предварительного следствия, с другой. Дискуссии по поводу возможности использования в качестве источника доказательств сведений, полученных посредством других органов чувств, кроме зрения, а также более широкого понятия объекта предъявления для опознания имеют более чем полувековую историю и не потеряли своей актуальности.

По мнению А. Б. Соловьева, предъявление для опознания – следственное действие, которое служит новым источником доказательств и одновременно способствует целям проверки уже имеющихся доказательств⁴. На наш взгляд, это в полной мере отражает сущность предъявления для опознания. Хотя приоритетной задачей производства данного следственного действия является получение прямых доказательств, результаты предъявления для опознания ввиду высокой степени их субъективности либо нарушения условий допустимости производства этого процессуального действия в ряде случаев носят ориентирующий характер. Они не формируют прямых доказательств, но позволяют более полно оценить результаты других следственных действий, выявить противоречия между ними, что в конечном итоге положительно сказывается на достижении целей уголовного судопроизводства, связанных с установлением объективной истины по уголовному делу.

Следует также обратить особое внимание на влияние субъективных факторов при оценке каждого конкретного доказательства. Так, И. Б. Михальская отмечает, что решение вопроса, в частности, об относимости доказательства, с одной стороны, опирается на обобщенные законодателем обстоятельства, подлежащие доказыванию, а с другой стороны – на субъективные представления лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, о логической связи сведений, составляющих содержание доказательства, с ука-

¹ См.: Громов Н. А., Пономаренков В. А., Гуцин А. Н., Францифоров Ю. В. Доказательства, доказывания и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: Учеб. пособие. М., 2001.

² Гапанович Н. Н. Указ. соч. С. 138.

³ См.: Гинзбург А. Я. Особенности предъявления животных для опознания // Материалы 2-й научной конференции аспирантов и соискателей юридического факультета Казахского государственного университета. Алма-Ата, 1965. С. 51–55.

⁴ См.: Соловьев А. Б. Следственные действия как процессуальные средства получения и проверки доказательств // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: Сб. науч. тр. Ташкент, 1982. С. 19.

занными обстоятельствами¹. Мы разделяем данную точку зрения, поскольку присутствие субъективного фактора соответствует принципам уголовного процесса, устанавливающим свободу оценки доказательств согласно внутренним убеждениям, основанным на совокупности имеющихся в деле доказательств, требованиях закона и совести. Вместе с тем лицо, производящее предварительное расследование, поставлено в жесткие рамки, ограничивающие пределы его действий. С одной стороны, это правильно, поскольку в противном случае было бы нарушено требование допустимости доказательств и произошел бы регресс к инквизиционному процессу. Но с другой стороны, добросовестная деятельность лица, производящего предварительное расследование, по достижению задач уголовного судопроизводства необоснованно сдерживается, и все попытки более объективного и всестороннего познания истины по делу сводятся к нулю. Безусловно, каждое совершенное преступление по-своему индивидуально, а меры, направленные на его раскрытие и расследование, формализованы и основываются на исторически накопленном опыте. Ни один следователь не в состоянии предугадать, с какими препятствиями он может столкнуться в ходе расследования дела, а столкнувшись с ними, вынужден искать законные методы их преодоления или, в случае отсутствия таковых, – «подгонять» под них те, которыми он обладает. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется использование не предусмотренных законодательством форм предъявления для опознания.

Некоторые ученые, рассматривая принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, указывали на приоритет человеческого разума, способного учитывать неповторимую индивидуальность как обстоятельств конкретного уголовного дела, так и каждого из имеющихся доказательств². Естественно, что при этом на выводы и оценку полученных в результате познания сведений повлияют как личный опыт, профессиональные знания и навыки, так и усвоенная система ценностей, стереотипы, предрассудки³.

В настоящее время доказана возможность производства нетрадиционных видов предъявления для опознания при предварительном расследовании уголовных дел. Так, в частности, разработаны методики производства опознания по голосу, выработан понятийный аппарат, позволяющий осуществлять данный вид предъявления для опознания и достоверно проверять его результаты⁴.

Одновременно следует отметить, что существующие наработки криминалистической одорологии указывают на генетически предопределенную индивидуальность запаха человека⁵. Это позволяет с полной уверенностью говорить о возможности единичного отождествления объекта по запаху. В настоящее время криминалистическая одорология активно изучает процессы образования запаховых следов и их восприятия биологическими анализаторами. Известны также случаи опознания предмета слепым человеком на ощупь⁶. А. Ф. Лубин, например, указывает и на возможность опознания дегустатором партии товара, который он ранее дегустировал⁷. В связи с этим представляется необходимым углубить работу по данным направлениям, разработать тактические рекомендации и методики производства следственных действий с использованием нетрадиционных приемов и способов, сформировать специальный понятийный аппарат.

Таким образом, указанные выше примеры свидетельствуют о возможности осуществления опознания объектов посредством не только визуального восприятия, но и других органов чувств – с помощью слуха, вкуса, обоняния, осязания. Данные факты можно объяснить как индивидуальными особенностями восприятия человека по отдельным чувственным каналам, связанным с профессиональными навыками либо физиологическими особенностями, так и воз-

⁴ См.: Ревтов Ю. И. Опознание человека по голосу и особенностям речи в процессе расследования: Дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1988.

⁵ См.: Криминалистика / Под ред. В. А. Образцова. М., 1995. С. 233.

⁶ См.: Белкин Р. С., Зуйкова Г. Г., Гинзбург А. Я. Криминалистика. В 2 т. / Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М., 1970. С. 163.

⁷ См.: Лубин А. Ф. Производство следственных действий: закон и тактика: Учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 2000.

¹ См.: Михальская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 104.

² См.: там же. С. 177.

³ См.: там же. С. 179.

возможностью замещения одного отсутствующего канала восприятия другим, который приобретает качественно иные возможности. Н. И. Порубов указывал по этому поводу: «Показания человека, имеющего физические недостатки, будут односторонними в одном отношении, но в то же время они будут более полными в другом, у глухих – зрение, у глухонемых – слух – кожные ощущения»¹.

По нашему мнению, для познания объективной истины по делу можно и необходимо применять любые формы познания, соответствующие основным принципам уголовного судопроизводства. Получаемые в ходе такого познания доказательства должны отвечать ряду требований, а именно: быть относимыми, допустимыми и достоверными по своему содержанию. В первую очередь это относится к протоколам следственных действий. Как правило, по поводу относимости доказательств, получаемых в ходе предъявления для опознания, особых вопросов не возникает. Однако, что касается допустимости, то здесь важно отметить следующее: такое следственное действие, как предъявление для опознания нетрадиционных объектов либо объектов воспринятых нетрадиционным способом (посредством слуховых, осязательных, обонятельных ощущений или на вкус), станет допустимым только в том случае, если законодатель расширит действующее понятие предъявления для опознания с учетом указанных параметров. С этой целью предлагаем пп. 1–3 ст. 193 УПК РФ «Предъявление для опознания» изложить в следующей редакции:

«1. Следователь может предъявить для опознания лицо или *иной объект* свидетелю, потерпевшему, подозреваемому и обвиняемому. Для опознания может быть предъявлен и труп.

2. Опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они воспринимали предъявленные для опознания лицо, *объект* или труп, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать.

3. Не может проводиться повторное опознание лица или *объекта* тем же опознающим и по тем же признакам».

¹ Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. М., 1973. С. 62.

В новом понимании предъявления для опознания по-прежнему наиболее важная роль должна быть отведена достоверности этого следственного действия, которая в данном случае заключается в способности источника доказательства правильно воспринимать событие преступления и правильно воспроизводить его.

Регламентированный законодателем перечень следственных действий автоматически подразумевает возможность получения при их производстве достоверных доказательств. При этом следует отметить, что предъявление для опознания по сути является производным от другого следственного действия – допроса, поскольку без предварительного допроса лица, у которого было выяснено о возможности им опознать ранее виденный объект, предъявление данного объекта для опознания нелогично и недопустимо. Показания лица, полученные в ходе допроса, и показания этого же лица, полученные в ходе предъявления для опознания, являются одноуровневыми и относятся к одному источнику – сведениям, которыми обладает допрашиваемое лицо в связи с восприятием обстоятельств произошедшего события. При этом, как правило, показания, полученные в процессе допроса, рассматриваются менее критично, чем результаты предъявления опознания. Во время фиксации показаний учитываются любые данные, воспринятые допрашиваемым лицом: и характерный запах, чувствовавшийся на месте преступления, и описание лица преступника, сделанное на основе ощупывания его в темном помещении, и признаки голоса и речи нападавших, и вкус добавленного в пищу наркотического средства.

Л. М. Карнеева отнесла показания к категории «личных доказательств», поскольку каждое из них отражает особенности личности допрашиваемого, его органов чувств, которые у каждого индивидуальны. При этом автор немаловажное значение отводит наличию профессиональных знаний и навыков, что в целом делает показания глубоко субъективными². Мы согласны с точкой зрения Л. М. Карнеевой, однако следует отметить, что показания, полученные в ходе допроса, считаются достоверными доказа-

² См.: Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе: Учеб. пособие. Волгоград, 1988. С. 53.

тельствами, как и результаты предъявления для опознания, проведенного в предусмотренном законом порядке, а результаты предъявления для опознания, произведенного нетрадиционными способами, как правило, ставятся под сомнение. В данном случае нам не ясна такая критическая позиция законодателя относительно нетрадиционных видов опознания, поскольку на практике существует уже достаточное количество наработок в данном направлении.

На наш взгляд, это объясняется, с одной стороны, низким уровнем исследования возможностей полноты восприятия с помощью органов чувств, не связанных со зрением, и традиционным предубеждением к способностям человека, а с другой – определенными трудностями тактического, методического и организационного характера при выделении

индивидуальных признаков объектов опознания с целью выяснения единичного тождества. Указанные проблемы частично носят объективный характер и заслуживают более глубокого изучения.

Библиографический список

1. Мансурова, Л. А. Проблемы предъявления для опознания объектов лицам с ограниченными физическими возможностями / Л. А. Мансурова // Рос. следователь. – 2008. – № 1.

2. Михальская, И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михальская. – М., 2006

3. Ревтов, Ю. И. Опознание человека по голосу и особенностям речи в процессе расследования : дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1988.

О. Е. Михайлова,

*соискатель кафедры уголовного процесса
Калининградского юридического
института МВД России*

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО О ЯВКЕ

КАК МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В УПК РФ в отличие от предыдущих мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке получила самостоятельное правовое регулирование¹. Согласно ст. 112 УПК РФ сущность обязательства о явке состоит в письменном разъяснении подозреваемому, обвиняемому, а также потерпевшему или свидетелю обязанности своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд, а в случае перемены места жительства незамедлительно сообщать об этом, а также последствий нарушения такого обязательства.

Однако анализ юридической литературы, уголовно-процессуального законодательства и практики его применения свидетельствует о том, что правовая регламентация обязательства о явке несовершенна и содержит ряд спорных и противоречивых положений,

касающихся, во-первых, круга лиц, к которым обязательство о явке может быть применено; во-вторых, оснований ее применения; в-третьих, процессуального оформления принятого решения о ее применении.

Согласно ч. 1 ст. 112 УПК РФ обязательство о явке может быть взято у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. Ни о каких других участниках процесса, в отношении которых могла быть применена данная мера процессуального принуждения, в названной статье не говорится.

Исходя из указанного положения ряд авторов делает вывод о том, что обязательство о явке в качестве меры принуждения может быть применено только к указанным участникам уголовного судопроизводства².

Вместе с тем многие ученые-процессуалисты отмечают, что УПК РФ предусматривает применение обязательства о явке не только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, но и ря-

¹ В УПК РСФСР данная мера принуждения регламентировалась ч. 4 ст. 89, которая предусматривала возможность взятия обязательства о явке только у обвиняемого, когда отсутствовали основания для применения к нему меры пресечения.

² См., напр.: Цоколова О. И. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. И. Радченко. М., 2003. С. 250; Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 32; Щерба С. П. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2002. С. 248 и др.

да других участников уголовного судопроизводства¹. Данная позиция основывается на положениях ст. 111 УПК РФ. Так, согласно ч. 2 названной статьи указанная мера процессуального принуждения, наряду с приводом и денежным взысканием, может быть применена также и к гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому.

Данная позиция, на наш взгляд, заслуживает поддержки. Однако для того, чтобы не возникало противоречий при трактовке закона, представляется целесообразным и в ст. 112 УПК РФ расширить перечень участников уголовного судопроизводства, у которых можно при необходимости взять обязательство о явке, путем приведения его в соответствие с ч. 2 ст. 111 УПК РФ.

Следует также отметить, что рядом ученых-процессуалистов на страницах юридической литературы высказывалось мнение о возможности отбора обязательства о явке у законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), статиста, представителя гражданского ответчика², представителя гражданского истца, защитника и др.³

Однако, как представляется, указанное мнение было основано на первоначальной редакции ч. 2 ст. 111 УПК РФ, которая до июля 2003 г. была изложена следующим образом: «2. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, дознаватель, следователь, прокурор или суд вправе применить к потерпевшему, свидетелю и другим участникам уголовного судопроизводства следующие меры процессуального принуждения:

- 1) обязательство о явке;

- 2) привод;

- 3) денежное взыскание».

Расширительное толкование этого положения и позволяло вышеназванным авторам говорить о возможности взятия обязательства о явке, в том числе у законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), статиста, представителя гражданского ответчика, представителя гражданского истца и защитника. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ⁴ сузил круг участников уголовного судопроизводства, к которым могут быть применены указанные выше меры процессуального принуждения, исключив расширительное толкование.

В то же время в юридической литературе высказывается мнение и о том, что «возложение обязательства о явке на потерпевшего и свидетеля... противоречит ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, предусматривающей, что каждый имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства»⁵.

Однако с данной позицией достаточно трудно согласиться. А. П. Рыжаков, комментируя эту точку зрения, вполне справедливо отмечает следующее: «Во-первых, в ст. 27 Конституции РФ ничего не сказано о потерпевшем и свидетеле, как и о подозреваемом и обвиняемом. Часть 1 статьи гласит: “Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства”. Уже только в этой связи можно утверждать, что закрепленное в данной статье конституционное право в равной мере касается как потерпевших и свидетелей, так и подозреваемых и обвиняемых. Любой из названных субъектов уголовного процесса может быть тем “каждым, кто законно находится на территории Российской Федерации”. Между тем даже автор вышеприведенного высказывания, И. Л. Петрухин, не рискнул заявить, что институт обязательства о явке нарушает конституционное право обвиняе-

¹ См., напр.: Михайлов В. А. Статья 112. Обязательство о явке // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 254; Калиновский К. Б. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2003. С. 313; Вандышев В. В. Уголовный процесс: Курс лекций. СПб., 2004. С. 274 и др.

² См.: Михайлов В. А. Указ. соч. С. 254–255.

³ См.: Калиновский К. Б. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Постатейный / Под общ. ред. А. В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2004. С. 310.

⁴ См.: СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

⁵ См.: Петрухин И. Л. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2002. С. 179–180.

мого (подозреваемого). Иначе он вынужден был бы говорить и о нарушении этого конституционного права избранием меры пресечения. А на это никто пока не решился.

Во-вторых, в отличие от мер пресечения, обязательство о явке не лишает лицо, в отношении которого оно применено, права свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. На лицо возлагается обязанность лишь своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд, а в случае перемены места жительства незамедлительно сообщать об этом»¹.

Действительно, лицо, у которого взято обязательство о явке, не лишается возможности передвигаться. Кроме того, оно может свободно менять место своего жительства, уведомляя об этом следователя, дознавателя, суд (судью).

Таким образом, обязательство о явке может быть взято у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и (или) понятого.

Законодатель в ч. 1 ст. 112 УПК РФ также не сформулировал конкретных оснований взятия обязательства о явке, а ограничился лишь указанием на то, что оно может быть взято у названных участников процесса «при необходимости». Данное оценочное выражение, как справедливо отмечает Б. Б. Булатов, не дает фактически никаких ориентиров для того, чтобы «диагностировать» ситуации, когда по обстоятельствам расследуемого уголовного дела требуется взятие у лица обязательства о явке².

В то же время содержание ст. 111 и ч. 2 ст. 112 УПК РФ указывает, как представляется, на то, что взятие обязательства о явке мотивируется необходимостью обеспечить своевременную явку по вызовам подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и иных лиц, указанных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, при возникновении необходимости в проведении следственных или процессуальных действий, а также тем, что эти участники уголовного процесса постоянно проживают в

месте ведения производства по уголовному делу либо в другом определенном месте.

По смыслу ст. 112 УПК РФ взятие обязательства о явке у подозреваемого, обвиняемого уместно при отсутствии сведений, указывающих на возможность их уклонения от предварительного следствия, дознания и суда, совершения действий, направленных на создание препятствий при производстве по уголовному делу, иначе необходимо избрание меры пресечения.

Отобрание обязательства о явке у потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и (или) понятого также обусловливается необходимостью обеспечения оперативной явки данных лиц к следователю, дознавателю или в суд для участия в следственных и иных процессуальных действиях.

Кроме того, на целесообразность взятия у перечисленных участников уголовного судопроизводства обязательства являться по вызову могут указывать данные о ранее имевших место с их стороны фактах несвоевременной явки без уважительных причин.

Таким образом, письменное обязательство явиться по вызову и сообщить о любой смене места жительства, сопровождаемое «угрозой» принудительного доставления в случае неявки без уважительной причины, выступает своеобразной страховкой для дознавателя, следователя и суда. «В таких случаях они, во-первых, знают точное их местонахождение, во-вторых, могут своевременно вызвать их для участия в процессуальных и следственных действиях и, в-третьих, рассчитывать на реальную явку данных лиц»³.

С учетом изложенного в качестве оснований взятия обязательства о явке можно рассматривать имеющиеся у дознавателя, следователя и суда (судьи) сведения о том, что подозреваемый, обвиняемый и иные лица, указанные в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, могут отказаться явиться по вызову. Условиями применения данной меры являются: 1) наличие у данных лиц постоянного или временного места жительства; 2) отсутствие оснований для избрания меры пресечения в отношении подозреваемого и обвиняемого.

¹ Рыжаков А. П. Получение обязательства о явке. Комментарий к ст. 112 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: Моногр. Омск, 2003. С. 136.

³ Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 204.

С содержательной стороны обязательства о явке состоит из двух частей. Во-первых, обвиняемый (подозреваемый) принимает на себя обязанность своевременно являться по вызовам. Во-вторых, они обязуются незамедлительно сообщать о перемене места жительства.

Под местом жительства понимаются: жилой дом, квартира, служебное помещение, специализированные дома (общежитие, гостиница, дом-интернат для инвалидов, ветеранов, специальный дом для престарелых и др.), а также иные жилые помещения, в которых граждане постоянно или преимущественно проживают в качестве собственников по договору найма (поднайма), договору аренды либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством России.

При этом следует согласиться с высказанной в юридической литературе точкой зрения, что необходимо также установить обязанность незамедлительного сообщения о перемене не только места жительства, но и места пребывания (выезд в командировку, к месту отдыха, в гости и т. д.)¹.

Рассматривая указанную меру пресечения, необходимо также остановиться на последствиях нарушения обязательства о явке. В ч. 2 ст. 112 УПК РФ данные последствия не указываются, а говорится лишь о том, что они должны быть разъяснены лицу, к которому эта мера применяется.

Применительно к подозреваемому, обвиняемому нарушение обязательства о явке может повлечь за собой избрание меры пресечения, в том числе самой строгой – заключения под стражу.

Однако применение меры пресечения в данном случае вовсе не обязательно даже в случае неявки подозреваемого или обвиняемого по вызовам. Так, согласно ч. 1 ст. 113 УПК РФ в случае неявки по вызову без уважительных причин они могут быть подвергнуты приводу.

Одни ученые вполне справедливо считают, что иными мерами процессуального принуждения, которые могут быть применены к лицу за нарушение обязательства о явке, выступа-

ют привод (ст. 113 УПК РФ) и наложение денежного взыскания (ст. 117 и 118 УПК РФ)².

Другие, напротив, говорят о невозможности наложения денежного взыскания на нарушителя обязательства о явке, и единственным последствием нарушения свидетелем (потерпевшим) обязательства о явке именуют привод³.

По мнению А. П. Короткова, последствия нарушения подозреваемым, обвиняемым обязательства о явке выражаются не только в избрании меры пресечения, но и наложении на него денежного взыскания⁴. При «невыполнении обязательства о явке, – считает В. А. Михайлов, – к лицу могут быть применены другие обеспечительные меры в соответствии с законом (мера пресечения, привод), а также меры ответственности (денежное взыскание (ст. 117), административное взыскание (ст. 17.7 КоАП РФ))»⁵.

Однако указанной нормой предусмотрена административная ответственность не за уголовно-процессуальное нарушение, коим является невыполнение предусмотренного ст. 112 УПК РФ обязательства, а за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Обязательст-

² См.: Цоколова О. И. Указ. соч. С. 250; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2003. С. 195; Ендольцева А. В. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А. А. Чекалина. М., 2006. С. 353.

³ См.: Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. С. 148; Качалова О. В. Статья 112. Обязательство о явке // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция. М., 2002. С. 225; Масленникова Л. Н. Глава 14. Иные меры процессуального принуждения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М., 2002. С. 260 и др.

⁴ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: В редакции Федерального закона от 29 мая 2002 г. / Под общ. ред. А. Л. Сухарева. М., 2002. С. 113.

⁵ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 250.

¹ См.: Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003. С. 36; Кутуев Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение: вопросы теории и практики: Моногр. СПб., 2004. С. 268.

во о явке не выступает требованием в буквальном смысле этого слова. Поэтому за его нарушение недопустимо привлекать обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и других участников уголовного судопроизводства к административной ответственности.

Б. Б. Булатов и В. В. Николук в ходе проведенного исследования приходят к выводу, что денежное взыскание не может налагаться на обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего в случае нарушения ими взятого у них обязательства¹.

В этой связи следует обратить внимание на то, что в настоящее время действительно денежное взыскание не может быть наложено на подозреваемого и обвиняемого, поскольку оно не входит в систему мер процессуального принуждения, применяемых к данным участникам уголовного процесса в соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ². Однако на возможность применения денежного взыскания к потерпевшему и свидетелю прямо указывается в ч. 3 ст. 188 УПК РФ, а также в ст. 117 УПК РФ. Последняя предусматривает применение денежного взыскания в любых случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей.

И все же, по нашему мнению, денежное взыскание в уголовном судопроизводстве могло бы применяться и в отношении обвиняемых и подозреваемых. «Экономическое принуждение в условиях рыночной экономики, в том числе в уголовном судопроизводстве, могло бы действовать более эффективно, особенно в отношении состоятельных лиц, чем внеэкономическое принуждение к ним, в том числе заключение под стражу»³.

В связи с этим необходимо дополнить ч. 1 ст. 111 УПК РФ пунктом пятым следующего содержания: «5) денежное взыскание».

Согласно ч. 2 ст. 112 УПК РФ процессуальный порядок применения обязательства о явке сведен к составлению соответствующего документа, именуемого письменным обязательством, в котором закрепляются обязанности лица являться по вызо-

вам дознавателя, следователя или в суд, а в случае перемены места жительства незамедлительно сообщать об этом, также фиксируется факт разъяснения последствий нарушения обязательств.

Поэтому в юридической литературе получила развитие точка зрения, согласно которой при применении данной меры принуждения следователю, дознавателю не требуется выносить соответствующего постановления⁴. В практической деятельности постановление о применении обязательства о явке также не составляется.

Однако данное суждение, как представляется, не в полной мере соответствует уголовно-процессуальному законодательству. Для применения к лицу меры процессуального принуждения следователь, дознаватель, суд (судья) обязаны принять мотивированное решение, в котором указываются основания ее применения. Данное решение должно оформляться соответствующим процессуальным документом (постановлением, определением). Поэтому в юридической литературе вполне справедливо высказывается мнение о том, что в уголовно-процессуальном законе необходимо предусмотреть обязанность составления дознавателем, следователем, судом постановления (определения) при отобрании обязательства о явке с указанием в нем оснований для избрания этой меры процессуального принуждения и вручения копии постановления лицу, в отношении которого оно вынесено⁵.

Необходимость вынесения мотивированного постановления при решении вопроса о взятии обязательства о явке будет

⁴ В то же время в юридической литературе существует и противоположная точка зрения. Так, В. Н. Григорьев, А. В. Победин и В. Н. Яшин отмечают, что решение о применении данной меры процессуального принуждения оформляется мотивированным постановлением (определением) органа или должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело (дознаватель, следователь, суд или судья) (см.: Григорьев В. Н., Победин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: Учеб. М., 2005. С. 249).

⁵ См., напр.: Гридюшко П. В. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения: Дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2004. С. 46; Бушина Н. В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 19 и др.

¹ См.: Булатов Б. Б., Николук В. В. Указ. соч. С. 44; Булатов Б. Б. Обязательство о явке // Рос. следователь. 2003. № 5. С. 16.

² См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 288.

³ Кутуев Э. К. Указ. соч. С. 270.

служить дополнительной гарантией законности и обоснованности ее применения.

Таким образом, с учетом изложенного и в целях оптимизации правового регулирования обязательства о явке ст. 112 УПК РФ «Обязательство о явке» необходимо изложить в следующей редакции:

«1. Для обеспечения явки к следователю, дознавателю или в суд у подозреваемого, обвиняемого, а также лиц, указанных в части второй статьи 111 настоящего Кодекса, имеющих определенное место жительства, может быть взято обязательство о явке. О взятии обязательства о явке следователь, дознаватель или судья выносят постановление, а суд – определение.

2. Обязательство о явке состоит в письменном обязательстве лиц, указанных в части первой настоящей статьи, своевременно являться по вызову следователя,

дознавателя или в суд, а в случае перемены места жительства или места пребывания немедленно сообщать об этом. При взятии обязательства лицу разъясняются последствия его нарушения.

3. Лица, нарушившие обязательство, подвергаются приводу или денежному взысканию, в порядке, установленном статьями 113 и 118 настоящего Кодекса. К подозреваемому и обвиняемому также может быть применена мера пресечения».

Библиографический список

1. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. – Омск, 2003.

2. Кутуев, Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение: вопросы теории и практики : монография / Э. К. Кутуев. – СПб., 2004.

О. А. Морохова,
доцент кафедры
профессиональной языковой подготовки
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Востребованность и перспективность студентов юридического вуза во многом зависит от того, насколько содержание образования соответствует современной системе ценностей и приоритетов, удовлетворяет потребностям социума, различных общественных групп и отдельно взятой личности.

Это положение приобретает особую актуальность в связи с присоединением России к Болонской конвенции по высшему образованию (сентябрь 2003 г.). Будущее юридического образования связано с определением места и роли отечественного образования в системе европейского образования. Полагая, что обмен идеями и достижениями поможет обогатить как отечественную, так и европейскую систему образования.

В настоящее время содержание гуманитарного образования обусловлено процессом вхождения России в единое европейское пространство, изменением социокуль-

турной ситуации в стране. Идеология российского общества сегодня направлена на развитие правового, демократического государства на основе международных общечеловеческих ценностей.

Очевидным становится тот факт, что студент юридического вуза должен научиться жить в поликультурном быстроменяющемся мире, осознать свою роль в этом процессе, а образование должно помочь формированию новых жизненных установок личности. Социально зрелый выпускник юридического вуза должен брать на себя ответственность при принятии решений, участвовать в развитии и регулировании демократических институтов общества, понимать и принимать многообразие культур и национальных традиций, владеть новыми технологиями, осуществлять инновационную деятельность, уметь адаптироваться в условиях глобализации проблем и изменчивости современного мира, быть готовым к совершенствованию профессионализма и развивать свою личность и человеческие качества. Перспективность будущих юристов будет достигнута через ценности, присущие качественному образованию, включающие развитие межспециализированных навыков и умений, таких как коммуникация и языки; через способность мобилизовать знания, решать проблемы, работать в команде и развиваться социально.

В современном мире основные ценностные ориентиры в образовании формируются мировым сообществом, приобретая глобальный характер, однако конкретизируются и интерпретируются с учетом традиций и условий каждой страны. Определение ценностных ориентиров профессионального языкового образования продолжает мировые и отечественные гуманистические традиции образования, которые, в свою очередь, создают необходимые условия для развития общества путем вхождения его в единое мировое и европейское социальное пространство. Гуманистическая развитость открывает личности ценности мировой культуры, в том числе собственно российские традиции.

Методологической основой, позволяющей решать поставленные задачи, может служить идея кросс-культурного диалога, которая находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных ученых. Проблема состоит в том, что всеобъемлющая философско-теоретическая разработка этой проблемы должна найти свое адекватное воплощение в современном образовании, должны быть определены механизмы реализации идей кросс-культурного диалога в обучении и воспитании. Теория кросс-культурного диалога направлена на создание «культуроцентристского» образования, в основе которого лежат идеи диалога личностей в пространстве культуры. Идея диалога затрагивает все области современного бытия человека и связана с переосмыслением ценностей в современном мире.

Как известно, в стандартах второго поколения трудно найти развернутые положения, определяющие ценностные ориентиры в образовании. Это может привести к возникновению серьезных трудностей у выпускников в процессе их адаптации к социуму, при выборе личностного и профессионального типа поведения, основанного на гражданской ответственности и толерантности.

Цель настоящей публикации, основанной на идее взаимосвязи профессионального и языкового образования, состоит в том, чтобы сформулировать ценностные ориентиры профессионального языкового образования на основе идей кросс-культурного диалога. В статье использованы базовые категории кросс-культурного диалога: «личность», «культура», «межкультурное взаимодействие».

Культурно-ценностная парадигма образования связана с погружением становящейся личности в культуру, освоением ее ценностей и традиций, развитием способности к творчеству.

В стенах учебного заведения происходит «встреча культур». В связи с этим одним из ценностных приоритетов можно признать обеспечение мирного и плодотворного взаимодействия разных культур, поскольку очевидно, что каждый обучающийся приносит в стены учебного заведения культуру своих родителей и друзей, этнической группы и социального слоя, к которому принадлежит. Будущему сотруднику важно осознавать себя и партнера по общению как представителей определенной социальной (профессиональной, культурной) группы. В то же время будущие сотрудники УИС должны быть готовы к встрече с разными субкультурами, включая субкультуру осужденных. Поэтому еще одним важным ценностным ориентиром профессионального языкового образования можно назвать подготовку к умению общаться с различными категориями граждан, сохранять самообладание в трудных, конфликтных ситуациях, уметь анализировать систему общения различных социальных групп и оказывать на них влияние с целью пресечения негативных проявлений.

Идея межкультурного взаимодействия в первую очередь предполагает взаимопонимание и сотрудничество. Эти ценностные ориентиры в полной мере могут быть воплощены в учебной аудитории: необходимо научить обучающихся думать и работать вместе, совместно исследовать выдвинутые проблемы и приходить к единому мнению относительно их решения. Такой метод обучения, при котором в диалоге преподавателя и обучающегося возникает новое знание, называется сократическим методом. В современной педагогике сократический метод дополняется понятием «живое знание» (В. П. Зинченко) – знание, которое возникает в процессе взаимодействия, сотрудничества в учебной аудитории и оказывает обучающее и воспитательное воздействие.

Восполнить пробел в определении ценностных ориентиров в профессиональном языковом образовании позволит разработанный европейскими учеными компетентный подход. Его использование позво-

ляет с большим вниманием относиться к проблеме развития аксиосферы у обучающихся. При таком подходе выделяются общие и специальные компетенции.

По классификации общие компетенции разделены на три категории: инструментальную, межличностную и системную.

Инструментальная категория включает когнитивные умения (способность понимать и использовать идеи и соображения); методологические умения (способность понимать и управлять окружающей средой, организовывать время, выстраивать стратегии обучения, принятия решений и разрешения проблем); технологические умения (умения, связанные с использованием техники, компьютерные навыки и способности информационного управления); лингвистические умения, коммуникативные компетенции.

Конкретизированный набор включает:

- способности к анализу и синтезу;
- способность к организации и планированию;
- базовые общие знания;
- базовые знания по профессии;
- коммуникативные навыки в родном языке;
- элементарные компьютерные навыки;
- навыки управления информацией (способность извлекать и анализировать информацию из различных источников);
- способность решать проблемы;
- способность принимать решения.

Межличностная категория связана с умением выражать чувства и отношения, критическим осмыслением и способностью к самокритике, а также социальными умениями, зависящих от процессов социального взаимодействия и сотрудничества (умение работать в группах, принимать социальные и этические обязательства). Набор межличностных умений в европейском подходе включает:

- способность к критике и самокритике;
- способность работать в команде;
- межличностные навыки;
- способность работать в междисциплинарной команде;
- способность взаимодействовать с экспертами в других предметных областях;
- способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия;
- способность работать в международном контексте;
- приверженность этическим ценностям.

Системная категория, т. е. сочетание понимания, отношения и знания, позволяет воспринимать, каким образом части целого соотносятся друг с другом, и оценивать место каждого из компонентов в системе (умение планировать изменения с целью совершенствования системы и конструировать новые системы). Они включают: способность применять знания на практике; исследовательские способности; способность к обучению; способности к адаптации к новым ситуациям; способность к генерации новых идей (творчеству); способность к лидерству; понимание культур и обычаев других стран; способность работать автономно; способность к разработке проектов и их управлению; способность к инициативе и предпринимательству; ответственность за качество; волю к успеху.

К профессиональным компетенциям относятся: профессиональные знания; способность к организации и планированию; толерантность; способность к сотрудничеству; ответственность и компетентность; готовность принимать решения и осуществлять их; предприимчивость и инициативность; сочетание практических умений с умением ориентироваться в профессиональной деятельности; психологическая готовность к профессиональной деятельности.

Представленный перечень компетенций соотносится с запросом отечественных работодателей, в котором преобладают общие положения: умение работать в коллективе и ориентироваться на рынке труда, стремление связать свою карьеру с продолжением образования, готовность менять профиль деятельности; умение самостоятельно работать с информацией и принимать решения¹.

Другим важным ценностным ориентиром в профессиональном языковом образовании можно назвать коммуникацию. Как известно, в демократическом обществе роль процессов коммуникации весьма высока. Развитию коммуникативных навыков уделялось огромное внимание в античности, где требовалось развитие навыков коммуникации, общей культуры как для решения вопросов внутренних, так и для взаимодействия с внешним миром – другими полисами, иными народами. Следует

¹ См.: *Иванова Е. О. и др.* Содержание образования: культурологический подход // Педагогика. 2005. № 1. С. 15.

признать, что без развитых коммуникативных навыков сегодня невозможно как профессиональное, так и личностное сотрудничество, взаимодействие будущих юристов.

Развитие коммуникативной компетенции должно стать основой стратегии обучения в профессиональном языковом образовании юристов. Это понятие предполагает овладение общением в единстве всех его функций: информационной, регулятивной, эмоционально-оценочной (ценностно-ориентационной) и этикетной. Коммуникативные умения включают владение методикой публичного выступления (умение самостоятельно готовить выступление; доходчиво и убедительно излагать материал; отвечать на вопросы слушателей; устанавливать и поддерживать контакт с аудиторией; применять технические средства, наглядные материалы, обладать риторическими навыками, навыками самообладания перед аудиторией; ориентации во времени), владение культурой научной дискуссии и обсуждения (умение выделить предмет обсуждения, слушать собеседника, четко и точно формулировать вопросы, отстаивать свою точку зрения, приходить к коллегиальному решению). В языковых дисциплинах закладываются основы профессиональной коммуникации и практической риторики.

От уровня сформированности коммуникативной компетенции зависит уровень профессионального мастерства, так как будущие сотрудники УИС обязаны использовать коммуникативную компетенцию в юридически значимых ситуациях как средство управления подчиненными и как средство осуществления различных видов взаимодействия.

Определение ценностных ориентиров в профессиональном языковом образовании требует обратиться и к понятию «социокультурная компетенция», поскольку социокультурная компетенция – главный ключ для достижения личного и профессионального успеха в установлении межкультурных отношений. Социокультурная компетенция определяется как взаимодействие ценностей, поведения, обычаев, традиций, языка, сформированных в определенном обществе и характеризующих его. Незнание социокультурных отличий (правил этикета, традиций и обычаев, вербальной/невербальной коммуникации) может

отрицательно влиять на развитие отношений между представителями разных культур. Будущим сотрудникам УИС необходимо уметь противопоставить носителям арготической субкультуры культуру речевых норм, общепризнанных в обществе.

Особенно важным в определении ценностных ориентиров представляется вопрос о формах и методах обучения иной культуре. На наш взгляд, обучение иной культуре следует начать с формирования личностной культуры каждого обучающегося. Форма взаимодействия преподавателя и студента строится на повышении статуса студента в образовательном процессе, постановке его в позицию активного субъекта познания и общения. Без такой активной позиции, грамотной организации и самоорганизации обучающегося трудно добиться высоких результатов в учебно-воспитательном процессе. «Должна произойти переориентация системы образования с подготовки сначала законопреданных, государственно-послушных граждан, затем специалистов и потом уже личности в другую последовательность: подготовка человека – личности, гражданина, а вот уже на этой базе – специалиста»¹.

Развитие коммуникативной компетенции в области профессиональной языковой подготовки юристов связано с тем, что большинство коммуникативных ситуаций в сфере профессионального сотрудничества зависят от выступлений на конференциях, форумах, симпозиумах, переговоров за «круглым столом», участия в дебатах. Следовательно, от обучающихся как будущих профессионалов требуются не только учебные и лингвистические умения, но и коммуникативные: умение отстаивать свою позицию и обсуждать проблему с различных точек зрения, а также принимать коллегиальные решения в кругу коллег. К профессиональной коммуникативной компетенции следует отнести умение использовать язык с целью пропаганды правовых знаний. Актуальными становятся также аспекты социального мышления: чувство уместности, искусство вести дискуссию, навыки приводить основания, избегать логических ошибок в рассуждении и достигать компромиссов.

¹ Соколов В. О деонтологической подготовке юристов // Высшее образование в России. 2007. № 5. С. 133.

Приобщение к гуманитарным наукам способствуют развитию творческих потенций будущего юриста. В известном смысле само творчество можно признать важным ценностным ориентиром языкового образования будущих юристов. Юрист должен творчески применять знания, обеспечивающие осуществление начал законности. «Юристу в связи с этим нужен строгий, настроенный на творческую волну ум, для того, чтобы разбираться в сложных жизненных ситуациях и выносить соответствующие решения»¹.

Определение ценностных ориентиров языкового образования юристов невозможно без определения этических принципов учебно-воспитательного процесса. Деятельность правоохранительных органов строится на принципах законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, гласности и гуманизма, поэтому профессию юриста называют профессией деонтологической, т. е. основанной на духовно-нравственных нормах поведения. В государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция» указывается, что выпускник вуза должен обладать гражданской зрелостью и высокой общественной активностью, профессиональной этикой, правовой и психологической культурой; глубоким уважением к закону и бережным отношением к социальным ценностям правового государства, чести и достоинству гражданина; высоким нравственным сознанием и гуманностью, твердостью моральных убеждений и чувством долга.

Система языкового образования направлена на усвоение обучающимися общечеловеческих норм гуманизма (истины, справедливости, доброты, уважения к окружающим), воспитание патриотизма, уважение к законам страны и гражданским правам личности. Воспитание патриотизма в контексте языкового образования включает воспитание:

- любви к родному языку и культуре своего народа;
- уважения к русскому языку как важнейшему средству межнационального общения и взаимосближения народов России;
- уважения к мировым языкам и языкам межнационального общения;

- уважения к международным нормам прав человека и народов;
- уважения к правам и свободам человека независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения;
- уважения к общечеловеческим ценностям;
- любви к Отечеству и ее многонациональному народу;
- уважительного отношения ко всем народам Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в отечественной педагогике существует точка зрения, согласно которой «почти единственным способом изучения уровня подготовки будущих специалистов продолжает оставаться выявление "остаточных знаний", а вовсе не уровня их общего развития, профессиональной компетентности, социальной активности и гражданственности»².

На наш взгляд, следует несколько иначе расставить акценты и признать знания изначальным ценностным ориентиром в учебно-воспитательном процессе. Деятельность обучающихся в языковом образовании складывается следующим образом: «знать–уметь–применять–развивать–воспитывать». Поэтому освоенность ценностей становится заключительным этапом обучения и воспитания.

Таким образом, можно выделить четыре направления, которые определяют ценностные ориентиры в профессиональном языковом образовании: «learning to be – учиться быть», «learning to do – учиться делать», «learning to live together – учиться жить вместе»; «learning to know – учиться знать». Задача языкового образования – показать богатство и красоту родного языка, воспитать уважение к языкам международного общения и сформировать основы профессионально-языковой грамотности. Можно утверждать, что ценностные ориентиры, которые закладываются в современном отечественном профессиональном языковом образовании юристов, служат отправной точкой для формирования у обучающихся определенной аксиологической системы в профессиональном поведении и повседневной жизни. Развитая система цен-

¹ Соколов В. Указ. соч. С. 131.

² Загвязинский В. И. Стратегические ориентиры и реальная политика развития образования // Педагогика. 2006. № 5. С. 14.

ностей будущих сотрудников УИС поможет им достичь высокого уровня профессионального мастерства, преодолевать коммуникативные барьеры и оказывать эффективное влияние на окружающих.

Библиографический список

1. *Загвязинский, В. И.* Стратегические ориентиры и реальная политика развития

М. Г. Назарова,
*старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном российском обществе по-прежнему наиболее остро стоят проблемы образования и воспитания подрастающих поколений. Это относится как к школьной, так и к вузовской системам образования.

Одной из главных целей образования в современном вузе является профессиональная подготовка обучающихся. Следует также помнить, что в каждом звене обучения продолжается воспитание гражданина России, человека высококультурного и нравственного. Важная цель всей педагогической деятельности состоит в формировании человека, готового к практической жизни, т. е. способного на самостоятельную направленность деятельности в реальных жизненных ситуациях. Осуществление этой цели предполагает выработку у учащегося навыков самостоятельной ориентации в окружающем мире, способности к самообучению и развитию критической самооценки, поэтому становится актуальным выбор необходимых предметов для достижения поставленной цели. Ориентация педагогики на самостоятельность обучения должна способствовать развитию у учащихся рефлексивных способностей¹.

Сегодня в условиях развития рыночной экономики смещаются акценты в сфере образования. Нельзя забывать, что образование выполняет в обществе, наряду с соци-

образования / В. И. Загвязинский // Педагогика. – 2006. – № 5. – С. 14.

2. *Иванова, Е. О.* Содержание образования: культурологический подход / Е. О. Иванова, И. М. Осмоловская, И. В. Шалыгина // Педагогика. – 2005. – № 1. – С. 15.

3. *Соколов, В.* О деонтологической подготовке юристов / В. Соколов // Высшее образование в России. – 2007. – № 5. – С. 133.

альными и коммуникативно-информационными, также культурные, гражданские, нравственные и другие функции, которые иногда игнорируются на современном этапе развития рыночной экономики.

Образование нельзя рассматривать отдельно с воспитанием, которое представляет собой силу духовного совершенствования, духовного «питания» человека. Кроме того, его сложно подчинить новым рыночным отношениям. Еще в XVIII в. Ф. Шиллер предупреждал об опасности, которую несет одностороннее узкоспециализированное развитие человека в условиях капитализма, когда теряется целостность мировоззрения человека, погибает богатый мир его эстетических взглядов, потребностей, этических ценностей, постепенно заменяясь только материальными предпочтениями, в результате утрачивается духовно-нравственная родовая сущность человека².

Известно, что только образование и воспитание обеспечивают преемственность поколений, осуществляя передачу жизненно важных идей, ценностей, знаний. В широком смысле образование и воспитание как сфера деятельности не являются принадлежностью только одного народа, государства, общественно-экономической формации, а представляют собой высшие и вечные непреходящие ценности, важнейшие способы социализации человека. Кроме того, образование – одно из основных прав человека, провозглашенных Всеобщей Декларацией прав человека (ст. 26)³, утвержденных Конституцией РФ (ст. 43)⁴, поэтому «заслуживают решительного осуждения любые

² См.: Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании // Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 300–307.

³ См.: Всеобщая Декларация прав человека (официальный текст). М., 1996. С. 13–14.

⁴ См.: Конституция РФ. М., 2007. С. 13.

¹ См.: Круглый стол «Философия–образование–общество» // Педагогика. 2006. № 4. С. 42–43.

попытки отказаться от рассмотрения образования в качестве фундаментального права человека и всеобщего достояния, полностью распространить на него категории рынка, превратить в товар, предмет купли-продажи» (В. П. Борисенков)¹.

Необходимо помнить, что образование выступает как основа всей духовной жизни человека. В современной педагогике отмечается, что оно должно иметь соответствующее содержание, ориентированное на *общечеловеческие ценности, включать основы мировой и национальной духовной культуры, изучение философии, этики, истории и других предметов*, главным образом гуманитарного цикла.

В педагогике ставится главная цель – образование и через образование воспитание ученика как *человека культуры*, т. е. творческой, вариативно мыслящей личности. Учащимся необходимо не только освоить достаточно большой объем знаний, развить различные навыки, умения, сочетать аналитическое и интуитивное мышление, но и овладеть нормами человеческого поведения, понять и научиться в дальнейшем практически применять знания, полученные по культуре, истории, этике, религиоведению и другим предметам. Особую роль в последнее время приобретает вопрос о знании религиозных праздников, народных обычаев и общенациональных ценностей.

Современные педагоги и психологи обращают внимание на то, что в воспитательном процессе важна традиционная *диалоговая форма* передачи опыта, ценностей. Так, М. С. Каган отмечает, что если в основе образования как процесса передачи знаний главным средством является монолог, то воспитание как формирование ценностей может быть эффективным только в диалогических контактах учителя и ученика². Поэтому в современной педагогике продолжает развиваться модель культурологического личностно-ориентированного образования, в рамках которой (начиная со старшего школьного возраста) смысловое значение приобретают процессы духовно-нравствен-

ного становления личности. Под духовно-нравственным становлением личности здесь следует понимать физическое и нравственное ее совершенствование, вхождение индивида в жизнь общества и социально-психологическую адаптацию к нему, а также осуществление жизненного самоопределения и саморазвития данного индивида.

Таким образом, в результате исследований и экспериментов современная педагогика и психология приходят к следующему выводу и акцентируют внимание на том, как меняется механизм личностного развития современного человека: на первый план выступает теоретическая подготовка по гуманитарным дисциплинам, диалог с культурой, а также интеграция знаний в целостную картину мира; культурная рефлексия становится необходимой составляющей данного процесса, в итоге индивид осуществляет творческий поиск решения в ситуациях выбора. Таким образом происходит саморазвитие личности.

В последнее время все более приоритетное значение в системе культурологического личностно ориентированного образования приобретают технологии, имеющие ценностно-ориентационный характер, например, проблемное обучение, которое развивает способности к выбору и другие технологии, развертывающиеся на ситуативной основе. В системе вузовского образования это технологии рефлексивно-творческого обучения, а не только репродуктивного, и построение учебного процесса лучше осуществляется на диалоговой основе.

В рамках индивидуально-личностного подхода сегодня развивается и метод эвристического обучения, под которым понимается образовательная деятельность ученика по конструированию им собственного смысла, целей, содержания и организации образования. Педагоги полагают, что учащиеся должны сами осуществлять рефлексию своей образовательной деятельности.

По мнению В. А. Метаевой, современное состояние развития государства, общества, экономики и культуры требует от теории и практики образования методологического и прикладного обоснования механизмов формирования новой компетентности человека XXI в., способного к анализу существующей ситуации, видению себя как активного субъекта деятельности, к самостоя-

¹ Круглый стол «Философия–образование–общество». С. 43–44.

² См.: Каган М. С. О педагогическом аспекте теории диалога // Диалог в образовании: Сб. материалов. СПб., 2002. С. 5.

тельному и ответственному принятию решения. Поэтому рефлексивная компетентность как предмет научно-практического исследования в настоящее время нуждается в дальнейшей проработке¹.

Одной из важнейших проблем современной педагогики является проблема фундаментальности образования. Однако в педагогической науке нет единого мнения относительно его понимания, несмотря на то, что дискуссии по данному вопросу идут давно. В связи с этим выделяются три концепции содержания образования. Первая рассматривает его как адаптированные основы наук, изучаемые в школе и вузе. Данный подход можно считать несколько сциентистским, т. е. абсолютизирующим роль науки и сдерживающим развитие способностей к самостоятельному творчеству.

Во второй концепции содержание образования предстает традиционно как совокупность знаний, умений и навыков, которые должны быть усвоены учащимися. Это способствует более углубленному изучению наук, а также нацеливает учащегося на изучение как комплекса гуманитарных наук, так и естественных, без знания которых немислим современный культурный человек. Такое представление о содержании образования во многом является традиционным как для школьного, так и для вузовского образования.

Наконец, третья концепция рассматривает содержание образования как педагогически адаптированный социальный опыт человечества и опыт культуры во всей ее динамике и статике развития. Эта концепция разработана в трудах В. В. Краевского. В соответствии с таким пониманием содержание образования должно включать кроме «готовых» образцов знаний и вариантов осуществления деятельности также опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений².

Данная педагогическая концепция опирается на культурологический подход. Подобные взгляды на развитие системы образования высказывают и другие ведущие ученые нашей страны. Например, В. А. Са-

довничий отмечает, что эталонным может быть только фундаментальное научное образование, главная цель которого – распространение научного знания как неотъемлемой части мировой культуры. По его мнению, фундаментальность высшего образования – это соединение научного знания и образовательного процесса, позволяющее человеку осознать тот факт, что все мы живем по законам природы и общества, которые никто не вправе игнорировать. Фундаментальность – одна из важнейших национальных традиций российского образования, которая сейчас оказалась под угрозой³.

В настоящее время, кроме культурологического подхода, используются системный, деятельностный и другие подходы. Кроме того, применяется бинарный подход, характерный для традиционной педагогики (рассматривает дихотомии, например, субъект–объект, необходимость–случайность и др.). В постнекласическом мировоззрении все шире используется тринитарная философская методология, которую пытаются применить и в педагогике. Так, Р. Г. Баранцевым рассмотрены системные (целостные) триады, единство которых создается тремя потенциально равноправными элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других. В образовательном пространстве он различает три составляющих: информационную, воспитательную и развивающую, полагая, что системная триада образования, выполняя синтезирующую роль, должна включать в себя и передачу знаний (рацио), и воспитание стиля (эмоции), и развитие умения (интуицию)⁴. В рамках данного подхода В. А. Тестов предлагает рассмотреть три компонента содержания образования: фундаментальность (передачу знаний), гуманистическую ориентацию (воспитание) и практическую (профессиональную) направленность (развитие конкретных умений)⁵. Здесь целостность образования достигается лишь при динамическом балансе всех составляющих этой триады.

³ См.: Садовничий В. А. Традиции и современность // Высш. образование в России. 2003. № 1. Также см.: Тестов В. А. Фундаментальность образования: современные подходы // Педагогика. 2006. № 4. С. 4–5.

⁴ См.: Баранцев Р. Г. Тринитарная методология в синергетике // Перспективы синергетики в XXI веке: Сб. материалов междунар. конф.: В 2 т. Белгород, 2003. Т. 1.

⁵ См.: Тестов В. А. Указ. соч. С. 5.

¹ См.: Металева В. А. Рефлексия как метакомпетентность // Педагогика. 2006. № 3. С. 61.

² См.: Краевский В. В. Общие основы педагогики. М., 2003.

Также важнейшей системной чертой фундаментальности образования является направленность на постижение глубинных, сущностных, системообразующих оснований и связей между явлениями и процессами окружающего мира. Фундаментальные знания – это знания стержневые, системообразующие, методологически значимые. Стержневые представления в ряде научных областей практически не меняются, поэтому их называют инвариантными.

Таким образом, педагогика пытается найти оптимальное решение проблемы фундаментального образования через культурологический, системный, деятельностный, бинарный, тринитарный и другие подходы, подчеркивая направленность содержания образования на историю и культуру, этику и психологию, формирование спо-

собностей личности к самостоятельному творчеству и рефлексии; самообразование, саморазвитие, реализацию внутреннего творческого потенциала. При этом главная цель заключается в воспитании Человека, формировании Личности, уважающей себя и других; подготовленного к жизни в современном обществе Индивида, грамотного специалиста-профессионала.

Библиографический список

1. *Каган, М. С.* О педагогическом аспекте теории диалога / М. С. Каган // Диалог в образовании : сб. материалов. – СПб., 2002.
2. *Краевский, В. В.* Общие основы педагогики / В. В. Краевский. – М., 2003.
3. *Тестов, В. А.* Фундаментальность образования : современные подходы / В. А. Тестов // Педагогика. – 2006. – № 4.

М. И. Николаева,

*доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук, доцент

М. А. Медведев,

*заместитель военного прокурора
в/ч 56680*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

На современном этапе развития уголовно-правовой системы в России неопределимую поддержку в раскрытии преступлений оказывают научно-технические средства, одним из которых является полиграф («детектор лжи»).

Полиграф (полиграфное устройство) – многоканальный медико-биологический прибор, позволяющий посредством специальных датчиков контролировать психофизиологические реакции опрашиваемого, возникающие в ответ на предъявленные стимулы.

Данный прибор является пассивным регистратором процессов, протекающих в организме человека, и не оказывает на них какого-либо обратного влияния. Опрос с использованием полиграфа представляет собой безвредную для здоровья опрашиваемого процедуру, направленную на получение

информации о каком-либо событии, имевшем место в прошлом. Однако применение полиграфа в ходе опроса является не единственным способом его использования в доказывании по уголовным делам. Речь идет о назначении и проведении психофизиологической экспертизы.

Нередко в процессе расследования преступлений возникают проблемы, связанные с обоснованностью и своевременностью назначения судебной психофизиологической экспертизы, установлением полного перечня вопросов эксперту, использованием полученных доказательств при расследовании уголовного дела и в суде.

Как показывает следственная и судебная практика, полиграф используется не всегда эффективно, а в ряде необходимых случаев не используется вовсе. Это приводит к затруднениям в расследовании уголовного дела, затягиванию сроков его расследования, существенно осложняет выработку версий и дальнейшее планирование действий.

Так, например, в период с 2000 по 2007 г. в военных прокуратурах коэффициент использования полиграфа составлял 0,15 % от общего количества расследованных уголовных дел. При этом при расследовании около одной трети преступлений, совершенных в условиях неочевидности, полиграф совсем не использовался следователями военных прокуратур.

В сентябре 2000 г. впервые в практике российского судопроизводства старший следователь военной прокуратуры Саратовского гарнизона к материалам уголовного дела № 26/13/0015-00Д приобщил в качестве документов – источников доказательств в соответствии со ст. 88 УПК РСФСР два заключения специалиста-полиграфолога Саратовской лаборатории судебной экспертизы. Впоследствии военный суд Приволжского военного округа вынес по данному делу обвинительный приговор¹.

Таким образом, несмотря на отсутствие единого нормативного акта, регулирующего применение полиграфа в различных сферах общественной жизни, в настоящее время этот прибор используется в рамках существующего уголовно-процессуального законодательства, во-первых, при осуществлении оперативно-розыскной деятельности уполномоченными на то органами (в том числе при выполнении поручения следователя, данного органам дознания в ходе выдвижения и разработки следственных версий); во-вторых, при производстве судебно-психофизиологической экспертизы.

Впервые в российской следственно-судебной практике в качестве формы психофизиологической экспертизы полиграф был применен осенью 2001 г. в рамках расследования уголовного дела № 09/20/0005-01Д в ходе комплексной судебной психолого-психофизиологической экспертизы. Полагаем целесообразным кратко изложить суть данного дела.

Девятого января 2001 г. военнослужащий А. М. Агеев, зная, что в квартире его знакомых в г. Лобне Мытищинского района Московской области находится только двенадцатилетняя С., совместно с А. Р. Хаметовым проник обманным путем в эту квартиру. А. М. Агеев начал искать деньги и ценности, а А. Р. Хаметов, затащив девочку в одну из комнат, задушил ее, пользуясь резинкой для волос и отрезанным от обогревателя кабелем. После заключения под стражу А. М. Агеев вместе с военнослужащими А. А. Богдановским и Н. Н. Блемом совершили побег с гауптвахты. Московским окружным военным судом заключение экспертов в отношении А. Р. Хаметова,

составленное по результатам комплексной психолого-психофизиологической экспертизы, было оценено в совокупности с другими доказательствами и положено в основу приговора, которым А. Р. Хаметову назначено наказание в виде 20 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с конфискацией имущества.

При этом в приговоре суда отмечалось, что в соответствии с заключением комплексной судебной психолого-психофизиологической экспертизы, проведенной с использованием полиграфа, при предъявлении А. Р. Хаметову среди других нейтральных фотографий обогревателя, от которого был отрезан кабель, использовавшийся при удушении С., и кровати, на которой она была задушена, у него получены значимые реакции, что позволяет сделать вывод о том, что последний присутствовал в квартире в момент убийства С. Поэтому суд отверг показания подсудимого А. Р. Хаметова о том, что в квартире он не был и С. не убивал, как не соответствующие установленным в суде обстоятельствам произошедшего².

Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа (СПФЭ) – это разновидность психофизиологической экспертизы, целью которой является выявление скрываемой информации посредством регистрации физиологических процессов.

В частности, использование полиграфа позволяет с помощью датчиков фиксировать физиологические показатели и отслеживать динамику психофизиологических реакций обследуемого лица, возникающих в ответ на предъявляемые вопросы тестов (стимулы). При анализе полученных полиграмм изучается фоновый уровень изменений физиологических показателей; отмечаются артефакты; устанавливается наличие (отсутствие) психофизиологических реакций на предъявленные вопросы тестов; проводится сравнительная оценка психофизиологических реакций обследуемого на различные вопросы; выделяется совокупность стимулов, значимых для индивида. Выводы по вопросам, поставленным на разрешение полиграфолога, делаются на основе комплексного анализа полученных в

¹ См.: Архив суда Приволжского военного округа, уголов. дело № 26/13/0015-00Д.

² См.: Архив Московского окружного военного округа, уголов. дело № 09/20/0005-01Д.

ходе исследования данных. Следует отметить, что информация, собранная в процессе проведения СПФЭ, имеет вероятностный характер и ориентирующее значение.

При расследовании уголовного дела о преступлении, совершенном, как правило, в условиях неочевидности, следователю необходимо решить ряд тактических задач: установить факт совершения противоправного деяния; очертить круг подозреваемых; установить участников преступления; определить склонности к признательным показаниям, установить факты преувеличения (преуменьшения) объема информации обследуемым человеком; собрать дополнительную информацию.

Как считает доктор биологических наук, академик В. А. Варламов – создатель первого в СССР чернильно-пишущего детектора лжи (1960 г.) и первого компьютерного детектора лжи (1986 г.), – «ложь и правда – взаимно исключающие социальные понятия, появление которых было обусловлено необходимостью коллективного общения людей»¹. На основе разработок этого ученого создана целая серия полиграфов «Барьер», «Крис», «Риф», не имеющих аналогов в мире. На международном конкурсе, проведенном в 2003 г., полиграф «Барьер-14» был признан лучшим.

Более чем 10-летний опыт практического применения метода опросов граждан с использованием полиграфа свидетельствует о его возможностях в решении разнообразных оперативно-служебных задач. Участие специалистов полиграфологов в раскрытии и расследований преступлений, а также в кадровом отборе сегодня стало обычным явлением.

Генеральная прокуратура РФ обобщила практику использования возможностей полиграфа при расследовании преступлений. В частности, в письме от 14 февраля 2006 г. №28-15-05 отмечается, что «правоохранительные органы ведут постоянную работу по внедрению в следственную практику криминалистических средств, способствующих своевременному раскрытию преступлений и формированию доказательственной базы по уголовным делам. В по-

следние годы следственные и оперативные органы все чаще стали обращаться к возможностям полиграфа (детектора лжи, “лай-детектора”), используемого более полувека во многих странах мира. Обобщение практики использования полиграфа при расследовании преступлений показало, что данное научно-техническое средство стало применяться не только при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, но и для получения новых доказательств путем производства психофизиологических исследований в виде заключения эксперта или специалиста. Опросы в основном проводятся специалистами-полиграфологами, состоящими в штате органов внутренних дел. Экспертизы назначаются и производятся в подразделениях МВД России и в экспертных учреждениях Минюста России, а также нештатными экспертами».

Одним из показательных примеров использования полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений является расследование уголовного дела по факту убийства Н. Захаровой (Амурская область), жительницы г. Шимановска. Ее труп с признаками насильственной смерти в виде двух проникающих колото-резаных ранений обнаружен 19 апреля 2004 г. на берегу реки Пера. На основании данных осмотра места происшествия следствие выдвинуло версию о том, что место обнаружения трупа являлось лишь местом его сокрытия. Был произведен осмотр жилища потерпевшей, в ходе которого между половицами пола и на вещах обнаружены следы вещества бурого цвета.

До исчезновения Н. Захарова сожительствовала с Ю. Бакановым, характеризовавшимся как агрессивный и жестокий человек. Согласно его показаниям, Н. Захарова уехала в неизвестном направлении, а он в интересующее следствие время находился у знакомых. Впоследствии Ю. Баканов изменил показания и заявил, что преступление совершил его брат. После того, как в результате проверки следственным путем алиби подозреваемого не подтвердилось, а местонахождение его брата установить не удалось, было принято решение при проверке Ю. Баканова на причастность к убийству использовать более широкий комплекс мероприятий, в том числе провести опрос с использованием полиграфа. Его примене-

¹ Варламов В. А. Противодействие полиграфу и пути нейтрализации. М., 2008.

ние превзошло все ожидания. Результаты указывали на то, что Ю. Баканов может быть причастен к совершению еще ряда аналогичных преступлений.

Полученная информация послужила импульсом для дальнейшей работы следственной группы. В итоге были собраны неоспоримые доказательства умышленного причинения Ю. Бакановым смерти его отцу, находившемуся в розыске как без вести пропавшее лицо, сожительнице, а также знакомым Барсукову и Горпанюку. Приговором Амурского областного суда от 10 мая 2005 г. Ю. Баканов признан виновным во всех инкриминируемых ему преступлениях и приговорен к длительному сроку лишения свободы.

Как показывает статистика, в настоящее время в российской следственной практике прослеживается тенденция к увеличению фактов применения полиграфа по уголовным делам.

Эффективность использования «детектора лжи» в отмеченных, а также многих других ситуациях, с которыми часто приходится сталкиваться работникам прокуратуры, безусловна. Следователь уполномочен самостоятельно определять направление расследования и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. При этом адекватным противодействием преступности является совершенствование путей поиска доказательств и придание им (дозволенными методами) труднооспоримой процессуальной значимости.

Вместе с тем следует соблюдать основной принцип проведения исследования с использованием полиграфа – добровольность процедуры. Кроме того, исследование должен проводить компетентный специалист, т. е. лицо, имеющее документы, подтверждающие наличие у него специальных познаний в области полиграфологии.

Как справедливо отмечается в Информационном письме прокуратуры г. Москвы «О проведении психофизиологических экспертиз» от 16 ноября 2005 г. № 21-05/06-05, «активизация борьбы с преступностью, равно как и защита интересов законопослушных граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, на фоне снижения ценности доказательственной информации, получаемой в ходе допросов обвиняемых, свидетелей и потерпевших, из-за участвовавших случаев из-

менения ими своих первоначальных показаний, обуславливают необходимость своевременного внедрения в следственно-судебную практику новых видов экспертиз».

При необходимости проведения СПФЭ следователь обращается в государственное судебно-экспертное учреждение, в котором имеются сертифицированное полиграфное устройство и эксперт-полиграфолог, прошедший специальную подготовку в области полиграфологии, имеющий свидетельство или диплом, удостоверяющие его право на ведение профессиональной деятельности в данной сфере, с целью определения возможности проведения соответствующей экспертизы. Эксперт-полиграфолог предварительно знакомится с имеющимися материалами, определяя объективную возможность или невозможность проведения экспертизы.

При положительном заключении эксперта о возможности проведения СПФЭ, в отношении обследуемого (в целях выявления возможных противопоказаний к проведению СПФЭ) в обязательном порядке проводится комплексная нарколого-психолого-психиатрическая экспертиза.

При отсутствии у обследуемого каких-либо медицинских противопоказаний к проведению СПФЭ следователь оформляет заявление о добровольном согласии опрашиваемого на ее проведение и выносит постановление о ее назначении. В случае назначения нескольких СПФЭ по одному уголовному делу на каждого человека выносится отдельное постановление.

В отношении лиц в возрасте 14–16 лет СПФЭ может проводиться только по делам о тяжких преступлениях. В таком случае данная экспертиза осуществляется с согласия законных представителей опрашиваемых лиц в соответствии с требованиями, предъявляемыми УПК РФ к допросу несовершеннолетних.

Перед экспертом в ходе проведения СПФЭ стоят следующие задачи: вынесение суждения о степени информированности обследуемого лица о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения СПФЭ, а также об обстоятельствах получения обследуемым лицом информации о данном событии (его деталях).

Экспертные задачи могут быть сформулированы в виде вопросов:

1. Выявляются ли в ходе психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что гражданин(ка) – ФИО располагает информацией о деталях случившегося?

2. Вследствие отражения каких обстоятельств могла быть получена обследуемым лицом эта информация? Могла ли она быть получена в момент события?

Принцип решения названных задач заключается в восстановлении образов, хранящихся в памяти обследуемого лица, путем предъявления вопросов, являющихся значимыми по конкретному делу, в определенном порядке подобранных и систематизированных. В результате анализа динамики психофизиологических реакций обследуемого в ответ на предъявляемые стимулы делается вероятный вывод о степени его информированности о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения СПФЭ.

Перечень тем, подлежащих выяснению при проведении СПФЭ, определяется следователем, назначившим экспертизу, по согласованию с экспертом-полиграфологом.

В ходе СПФЭ обследуемый вправе в любой момент отказаться от дальнейшего участия в процессе ее проведения. Отказ от СПФЭ не может рассматриваться в качестве подтверждения причастности обследуемого лица к совершению преступления и свидетельствовать о сокрытии известных ему сведений, а также вести к ущемлению его законных прав и свобод.

В случае отказа обследуемого от проведения СПФЭ эксперт готовит соответствующую справку с указанием причин отказа и направляет ее следователю, назначившему экспертизу.

В процессе экспертизы задаются только те вопросы, которые предварительно согласованы с опрашиваемым, и обязательно осуществляется видеозапись, которая по окончании экспертизы передается следователю для дальнейшего ознакомления обследуемого, его защитника и суда с ходом проведения СПФЭ.

Данная экспертиза может проводиться как в специально оборудованных для этих целей помещениях, так и в любых иных условиях, отвечающих необходимым требованиям.

Вследствие повышенной вероятности получения недостоверных результатов к

проведению СПФЭ имеются следующие противопоказания:

- наличие сведений об однократном (менее чем за 24 часа до экспертизы) или постоянном приеме опрашиваемым фармакологических препаратов стимулирующего или успокаивающего действия, а также регулярном употреблении наркотических и иных психотропных веществ;

- проведение СПФЭ непосредственно после длительных допросов либо иных следственных действий, а также отсутствие достаточно длительного сна накануне мероприятия;

- вторая половина беременности (после 16 недель);

- наличие у обследуемого явных признаков физического или психического истощения;

- наличие данных о психическом заболевании обследуемого;

- наличие у обследуемого заболеваний, связанных с резко выраженным нарушением функций сердечно-сосудистой или дыхательной систем;

- состояние алкогольного или наркотического опьянения, а также признаки выраженного абстинентного синдрома;

- возраст обследуемого менее 14 лет.

На основании проведенных исследований полиграфолог от своего имени дает письменное заключение и подписывает его.

В соответствии со ст. 204 УПК РФ в заключении должны быть указаны: дата, время и место проведения СПФЭ; основания ее проведения; сведения о следователе, назначившем СПФЭ; сведения об эксперте; вопросы, поставленные на его разрешение; материалы, предоставленные полиграфологу для проведения СПФЭ; фамилия, имя, отчество и год рождения обследованного лица; сведения об иных лицах, присутствовавших при проведении СПФЭ; использовавшиеся при ее проведении технические средства и методики; содержание тестов; ход и результаты СПФЭ; обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам. В заключении также отмечается факт получения письменного согласия обследуемого лица на проведение СПФЭ.

Материалы, иллюстрирующие заключение полиграфолога, а также документы, фиксирующие ход, условия и результаты проведения СПФЭ, приобщаются к заключению.

Полагаем, взаимодействие следователя с экспертами, надлежащее оформление заключения и использование экспертом технических средств, несомненно, будут способствовать повышению качества расследования уголовных дел, особенно о тяжких и особо тяжких преступлениях.

О. М. Овчинников,
*преподаватель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ПРЕВЕНЦИЯ ЛИМИНАЛЬНОГО И ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

При всей позитивности и оправданности традиционных концепций, которые подразделяют поведение на правомерное и неправомерное (противоправное), по нашему мнению, они требуют дополнения и уточнения. Указанные типы поведения являются противоположностями. В соответствии с законом единства и борьбы противоположностей между ними существует зона взаимоперехода¹, следовательно, между правомерным и неправомерным поведением тоже существует промежуточный, или пороговый (лиминальный), тип правового поведения. Пороговое, или лиминальное, поведение содержит элементы правомерности и противоправности.

С одной стороны, лиминальное поведение несовершеннолетних содержит элементы правомерности и включает в себя варианты поведения по форме правомерного, по сути антисоциального (например, нередки случаи, когда несовершеннолетние матери официально отказываются от своих новорожденных детей). С другой стороны, лиминальное поведение очень часто является предпротиправным. Например, само по себе употребление пива не противоправно, но неумеренное его потребление может привести к более негативному варианту поведения.

К лиминальному поведению относятся случаи, когда деяние несовершеннолетнего нарушает управомочивающие и обязывающие нормы, но не нарушает запрещающие

Библиографический список

1. Варламов, В. А. Противодействие полиграфу и пути нейтрализации / В. А. Варламов. – М., 2002.
2. Холодный, Ю. И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений / Ю. И. Холодный. – М., 2000.

правовые предписания, т. е. имеется нарушение предписаний, содержащихся в норме, а противоправность отсутствует. Например, Конституцией РФ предусмотрена обязанность сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам (ст. 58). Если несовершеннолетний в силу возраста или иных причин не выполняет этой обязанности, то он действует социально-деструктивно, однако его нарушение не достигает степени общественной опасности, так как отсутствует соответствующий правовой запрет.

В целом, с учетом изученных свойств и особенностей лиминального поведения несовершеннолетних, мы согласны с Л. К. Фортовой, которая предлагает следующую его дефиницию: «это пограничный (пороговый) тип правового поведения несовершеннолетних между правомерным поведением и правонарушением, характеризующийся социальной нейтральностью, ничтожностью либо низким уровнем социальной деструктивности, не достигающей степени противоправности»².

Лиминальное поведение связано с виктимностью. Виктимизацию мы рассматриваем как своеобразную характеристику виктимности, которая существует объективно и может быть измерена количеством случаев причинения вреда жертвам правонарушений.

Проблема виктимизации детей и подростков является одной из самых актуальных на современном этапе развития нашего общества.

Политические и социально-экономические изменения 90-х гг. XX в. сказываются на формировании молодого поколения. Оно оказалось без надежных социальных ориентиров. Представления несовершеннолетних о морали и праве в силу целого ряда причин, в том числе возрастных, находятся на вербальном уровне, не стали еще осознанными, тем

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1998. С. 818–820.

² Фортova Л. К. Правовое поведение несовершеннолетних и его детерминация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 13.

более автоматическими регуляторами их поведения. Поэтому нарастающие общественные противоречия сразу же сказываются на усилении роста негативных явлений в подростковой среде, провоцирующих девиантное поведение личности, ее деградацию.

Наиболее интенсивно и многообразно эти явления проявляются у подростков и юношей. Из всех возрастных групп они наиболее уязвимы в плане социально-нравственного самоопределения. В подростковом возрасте наблюдается относительный пик поведенческих расстройств. Определяется он прежде всего падением субъективной ценности нравственного здоровья. Разрушение традиционных форм социализации, основанной на социальной предопределенности жизненного пути, с одной стороны, повысило личную ответственность молодых людей за свою судьбу, поставив их перед проблемой выбора, с другой – обнаружило неготовность большинства из них включиться в новые общественные отношения. Современные процессы порождают у молодежи ощущение неопределенности, растерянности, глубокой апатии и пассивности или же, наоборот, выливаются в агрессивные проявления дома и в школе. Нарастает волна детской беспризорности, увеличилось количество детей, характеризующихся различными аномалиями психического или физического развития, употребляющих алкоголь, наркотики, нищенствующих и занимающихся проституцией. Именно в этих условиях особую важность приобретает анализ проблемы виктимности и виктимогенности несовершеннолетних.

Обычно в виктимологических исследованиях под виктимизацией понимается социальный процесс превращения лица (социальной общности) в жертву преступления и результат этого процесса.

Так, родоначальник отечественной виктимологии Л. В. Франк определяет виктимизацию как «процесс превращения в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровне». Развивая это определение, ученый приводит термины, производные от понятия виктимизации: виктимизировать означает превращать кого-либо в потерпевшего; виктимизироваться – быть превращенным в жертву; виктимизатор – личность конкретного посягателя ли-

бо тот факт, которому принадлежит основная роль в процессе виктимизации¹.

В литературе определение виктимизации, данное Л. В. Франком, подверглось критике. Ряд авторов отмечают невозможность определения одним термином таких двух самостоятельных явлений, как процесс и его результат. Так, Д. В. Ривман под виктимизацией понимает лишь процесс реализации виктимности лица в ходе преступного посягательства в отношении лица, а состояние реализованной потенциальной виктимности обозначает термином «виктимность – результат» или «реализованная виктимность». Вместе с тем он указывает, что виктимизацию следует рассматривать в двух аспектах: индивидуальном (виктимизация отдельного субъекта от конкретного преступления) и массовом (множество, суммарное выражение актов виктимизации, в конечном счете виктимизация от преступности)².

Поэтому, по нашему мнению, процесс превращения в жертву правонарушения всегда имеет свое завершение – становление лица жертвой, потерпевшей от преступления, т. е. результат такого процесса. Оба этих явления тесно взаимосвязаны и неизменно следуют одно за другим. Уже тот факт, что лицо подверглось преступному посягательству (виктимизация как процесс), несмотря даже на то, что преступное намерение может быть не доведено до конца, делает лицо, в отношении которого было направлено посягательство, виктимизированным (виктимизация как результат) – жертвой в том смысле, как описывает это понятие Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и прав человека.

Для проведения статистических исследований и составления на их основании виктимологических обзоров основное значение имеет именно виктимизация как результат превращения лица в жертву преступного посягательства.

Виктимизация в целом складывается из всех потерпевших от преступления, зарегистрированных и латентных, независимо от степени виктимности, способствования или даже прямой вины самих потерпевших³. Таким образом, можно говорить о понимании вик-

¹ Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1982. С. 34.

² См.: Ривман Д. В. Виктимологические факторы в профилактике преступлений. Л., 1990. С. 58.

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. М., 1998. С. 35.

тимизации как общей совокупности всех случаев причинения лицу (социальной общности) физического или морального вреда преступлением (преступностью). В этом значении понятие виктимизации как обобщение всей реализованной виктимности наиболее соответствует понятию преступности, являющемуся в определенной степени мерой обобщения человеческой деструктивности, реализующейся в преступлениях.

Рассматривая влияние права на процесс превращения несовершеннолетних в жертву правонарушения, можно сделать вывод о том, что виктимное поведение может осуществляться как в рамках лиминального, так и противоправного поведения. С учетом этого, мы выделяем первичную, вторичную и третичную виктимизацию.

Под первичной виктимизацией следует понимать причинение материального, физического и морального вреда жертве непосредственно в процессе совершения преступления.

Вторичная виктимизация охватывает случаи косвенного причинения вреда жертве, связанного с отношением к жертве социальной общности в целом, лиц из ближайшего социального окружения, органов социального контроля, посредников и персонала, работающего с жертвами. Перечень типичных форм вторичной виктимизации, содействующих отчуждению жертвы, ее десоциализации, составляют: стереотипная предубежденность в отношении «виновности» жертвы, грубое, невнимательное обращение и негативное отношение к ней как к лицу, чем-то запятнавшему себя, стереотипы «греховности» жертвы, ее запятнанности совершением преступления, унижение ее чести и достоинства.

Третичная виктимизация жертвы преступления представляет собой использование жертвы представителями правоохранительных органов и работниками средств массовой информации в своих целях и в целях проводимой уголовной политики.

Проблемами и последствиями такой виктимизации являются следующие: травмирование жертвы через средства массовой информации, назойливое проникновение в личную жизнь, использование правового статуса и позиций жертвы не во благо, а во вред ей, и т. п. Следует отметить, что в современной виктимологии отсутствует надежный инстру-

ментарий измерения последствий третичной виктимизации и методик ее исчисления.

Сегодня в целях виктимологического анализа преступности и ее соотношения с иными видами отклоняющегося поведения в большинстве случаев используется понятие первичной виктимизации. В свою очередь, анализом вторичной и третичной виктимизации занимаются специалисты по организации обращения с жертвами преступлений и по виктимологической профилактике.

С нашей точки зрения, в предупредительном воздействии в целях нивелирования виктимной активности несовершеннолетних необходим перенос акцента с виктимности (как некоего свойства личности) на виктимизацию (как социально-криминологический процесс).

Виктимизацию несовершеннолетних мы понимаем как специально направленную, законодательно определенную, юридически значимую деятельность различных субъектов по выявлению, устранению, нейтрализации детерминант и факторов виктимизации потенциальных жертв преступных посягательств, осуществляемую на различных уровнях с помощью конкретных форм реализации.

В комплексной системе мер по предупреждению виктимизации несовершеннолетних мы выделяем социальный и специальный (целенаправленный) блок.

Под социальным предупреждением виктимизации несовершеннолетних следует понимать предупредительное воздействие всех институтов общества, его социально-экономических, морально-нравственных, культурно-воспитательных, политических, идеологических, правовых, организационных ресурсов на социальные условия, которые детерминируют и способствуют развитию процессов виктимизации.

Специальное (целенаправленное) предупреждение виктимизации несовершеннолетних есть конкретная деятельность специальных субъектов, воздействующая на факторы, способствующие возникновению и развитию виктимности и виктимизации.

Специальное (целенаправленное) предупреждение виктимизации включает профилактику виктимизации, защитное и правовое предупреждение виктимизации.

Под профилактикой виктимизации понимается специальная деятельность:

– по идентификации, изучению и воздействию на причинно-детерминационный комплекс виктимизации несовершеннолетних;

– использованию психолого-педагогических и социально-правовых методов для восстановления и активизации у виктимных детей и подростков защитных свойств;

– разработке и совершенствованию специальных средств предупреждения преступных посягательств и исключения возможной виктимизации несовершеннолетних.

Система профилактических мер содержит раннюю профилактику и профилактику, осуществляемую в процессе раскрытия совершенного преступления, расследования и рассмотрения судом уголовного дела.

Защитное предупреждение виктимизации несовершеннолетних представляет собой деятельность по недопущению возможной виктимизации детей и подростков, обладающих потенциальной виктимной активностью в определенных жизненных ситуациях. Комплекс мероприятий защитного предупреждения включает в себя:

– возможности самозащиты и самообороны;

– меры воспитательного характера;

– доступность информации по статистике преступлений и правонарушений;

– охрану общественного порядка и безопасности;

– охрану личности;

– охрану собственности;

– неотвратимость ответственности за правонарушения.

Для реализации мер защитного предупреждения могут быть использованы: контроль, непосредственная охрана, техническая защита объектов, информационно-разъяснительная, общефизическая и воспитательная работа в среде несовершеннолетних.

Правовая превенция виктимизации несовершеннолетних реализуется посредством специальной деятельности по использованию правовых средств предупреждения виктимизации. Методы правового предупреждения предусмотрены законодательством. Это методы уголовной, уголовно-процессуальной, гражданской, административной и другой защиты, а также методы охраны нарушенных прав жертвы правонарушений и преступлений, их восстановления, компенсации полученного вреда.

Предупреждение виктимизации является сложным составным объектом, одновременно выступая подсистемой более общей системы предупреждения преступности.

Для превенции виктимизации характерны различные формы, среди которых можно выделить:

– правоохранительную деятельность, реализующуюся государственными правоохранительными органами;

– обеспечение безопасности, осуществляющееся негосударственными правоохранительными органами;

– самозащиту, обеспечивающуюся самими потенциальными жертвами преступных посягательств.

В этой связи представляется оправданным внесение в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300¹, следующих дополнений:

– в перечень основных задач в области борьбы с преступностью включить разработку правового механизма использования негосударственных правоохранительных структур в деле предупреждения, выявления и раскрытия преступлений;

– диспозицию «Угрозой физическому здоровью нации являются кризис систем здравоохранения и социальной защиты населения, рост потребления алкоголя и наркотических веществ» дополнить словами «особенно среди несовершеннолетних».

Феномен предупреждения виктимизации несовершеннолетних представляет собой системный объект, и это подтверждается наличием у него свойств комплексности, интегративности, функциональности, историчности, коммуникативности и т. д.

Библиографический список

1. Ривман, Д. В. Виктимологические факторы в профилактике преступлений / Д. В. Ривман. – Л., 1990.

2. Фортва, Л. К. Правовое поведение несовершеннолетних и его детерминация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2007.

3. Франк, Л. В. Виктимология и виктимность / Л. В. Франк. – Душанбе, 1982.

¹ См.: Рос. газ. 1997. 26 дек.

А. В. Павлинов,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
Е. Ю. Дятлова,
курсант 4-го курса ВЮИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕМУ

Современное российское общество характеризуется идеологией и практикой экстремизма, отличительными особенностями которого выступают нетерпимость и радикализм, а свойствами сознания – спрямленность мышления, деление мира на «свой» и «чужой».

Такое состояние сознания и поведения прежде всего присуще молодым людям в возрасте 14–25 лет, отдающим предпочтение противоправному поведению и подверженным «заражению» экстремизмом.

В настоящее время отечественные эксперты насчитывают около 150 молодежных группировок и организаций экстремистской направленности, действующих во многих регионах страны. По разным оценкам, суммарная численность таких молодежных экстремистских организаций колеблется от 10 до 500 тыс. человек¹.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что только в 2007 г. в России, по сравнению с 2006 г., число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности возросло на 35,4 % и составило 356.

Вместе с тем, по данным областной прокуратуры, во Владимирской области преступления экстремистской и террористической направленности, по сравнению с другими регионами, совершаются относительно редко. В 2007 г. было возбуждено 3 уголовных дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, в 2006 г. – 10. По результатам рассмотрения дел в суде вынесено 2 обвинительных приговора (в 2006 г. – 1). В основном экстремизм проявляется в распространении листовок и надписей. С определенной периодичностью заявляют о себе активные участники ряда оппозиционных структур, действующих на территории области и объе-

диняющих радикально настроенную молодежь в возрасте 18–25 лет. К числу таких организаций относятся: отделение «Движение против нелегальной миграции» (А. М. Панов), Владимирское региональное отделение молодежного общественного движения «Общественный гражданский фронт» (А. Д. Шляпужников), Владимирское региональное отделение межрегиональной общественной организации «Национал-Большевистская Партия» (Н. Е. Силина), «Российский общенациональный союз» (И. В. Артемов).

Учитывая социальную и возрастную неадаптированность подростков, стремление молодых людей к подражанию, юношескую тягу к коллективности и, к сожалению, массово культивируемую в обществе пропаганду насилия, жестокости и антиморали, следует отметить, что, по нашему мнению, вполне возможно появление отрицательно лидера, который объединит еще разрозненную молодежь в экстремистские группы, а в будущем, может быть, и все существующие экстремистские организации.

В связи с этим необходимо рассмотреть две особенности проблемы проявлений молодежного экстремизма:

1) экстремистская деятельность молодежи в подавляющем большинстве случаев носит групповой характер;

2) ей имманентна значительная сниженность контрольных функций сознания в силу как именно коллективных действий и ценностей, так и возраста виновных.

Уже давно исследователями было замечено, что человек утрачивает ряд своих индивидуальных качеств, если он действует в группе, организации, объединении, и проанализировано психологами (Г. Лебоном, С. Московичи, Г. де Тардом и др.). В отношении несовершеннолетних и молодежи этот эффект многократно усиливается. Социальная напряженность в центральных регионах России сопровождалась созданием неформальных и формальных объединений людей, воодушевленных отдельными политическими лидерами. Такие объединения, взбудораженные политиками и пришедшие в состояние ярости, на языке социальной психологии называются «толпами»². Покоряясь власти вождя, толпа

¹ См.: Аминов Д. И., Оганян Р. Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. С. 6.

² См.: Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004. С. 360–361, 370.

идет на преступления и выглядит как «социальное животное, сорвавшееся с цепи». Кроме того, средства массовой информации часто не только не препятствуют, но и способствуют консолидации и взбудораживанию толп, лидеры которых, используя средства массовой информации, вербуют себе новых сторонников (например, события в г. Кондопоге осенью 2006 г., основными участниками которых были представители молодого поколения).

В настоящее время при изучении феномена экстремистской деятельности возникают закономерные вопросы: насколько велико значение бессознательного в мотивации и поведении подростков, избивающих представителей другой расы и национальности, унижающих честь и достоинство людей другой религии, социальной группы; чего в таких проявлениях больше: инстинкта толпы, доведенной до крайности боязни других людей, или патологического зова предков, возвращающего человечество к истокам цивилизации; должно ли это влиять на правовую и уголовную ответственность участников коллективных актов подросткового и молодежного экстремизма исходя из принципов справедливости, вины; каковы должны быть меры наказания к таким лицам?

Следует заметить, что вопрос с привлечением либо непривлечением к уголовной ответственности лежит в правовой плоскости содержания ст. 21, 22 Общей части УК РФ и плоскости судебной психиатрии, как толкования, так и применения содержания медицинского критерия невменяемости.

Безусловно, нельзя не учитывать и те складывающиеся реалии, в которых живут и проявляют себя несовершеннолетние, подростки. Несмотря на предпринимаемые государством в последнее время усилия, социальное, семейное неблагополучие, имущественное расслоение, идеологический вакуум остаются той питательной средой, в которой и произрастает экстремизм. В первую очередь страдает от названных факторов молодежь.

Поэтому наиболее предпочтительными, по нашему мнению, являются шаги, направленные не на усиление карательного потенциала закона, будь то уголовного, административного или комплексного (Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ¹), а ме-

ры, устраняющие факторы, порождающие само явление.

Так, например, на федеральном уровне разработана и принята государственная программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.

В свою очередь, в качестве мер, направленных на эффективное противодействие проявлениям экстремизма среди молодежи во Владимирском регионе, мы предлагали в областной программе профилактики правонарушений в части противодействия угрозам терроризма и экстремизма предусмотреть:

- использование в полной мере несложной и уже апробированной формы взаимодействия с населением – «телефона доверия». Информация, получаемая от граждан, позволит совершенствовать специальную базу данных, правоохранительным органам (в первую очередь ФСБ) вести учет потенциальных экстремистов, получать сведения о готовящихся противоправных акциях и т. п. Для участковых уполномоченных такая информация станет основой исполнения требований вести учет членов молодежных объединений экстремистского толка;

- введение специального курса «Основы противодействия экстремизму и терроризму» в учебном процессе юридических вузов города и области, прежде всего ведомственных, направленного на обучение студентов, курсантов, слушателей-практиков правовым и организационным основам противодействия экстремистской деятельности и терроризму;

- включение в образовательные программы школ, лицеев, гимназий, профессиональных учебных заведений областного и районных центров дисциплины «Граждановедение. Антитеррор» для учащихся 7–9 классов общеобразовательных и профессиональных средних учебных заведений;

- повсеместное проведение пропаганды правовых знаний и навыков у населения для противодействия экстремистской идеологии; формирование через средства массовой информации позитивно-толерантного отношения к представителям других национальных, религиозных и социальных групп; формирование, в первую очередь в молодежной среде, патриотического сознания и ответственной гражданской позиции;

- создание на базе вузов города экспертного центра, оказывающего правовую по-

¹ См.: Рос. газ. 2002. 30 июля.

мощь правоохранительным структурам региона в борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма.

Часть этих и других предложений была воспринята и внесена в программу «Комплексные меры профилактики правонарушений во Владимирской области на 2007–2010 годы».

Библиографический список

1. Аминов, Д. И. Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян. – М., 2005.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Феде-

С. М. Петрова,

аспирант кафедры

государственно-правовых дисциплин

Владимирского государственного

гуманитарного университета

СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕМА ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА

Вопрос о соотношении объема обязанностей личности перед государством и государства перед личностью широко освещался и освещается в юридической литературе. Это и понятно, поскольку ранее существовавшая социалистическая идеология вызывала необходимость заполнения пространства в таких аспектах, как права и свободы человека и гражданина. Однако, говоря о правах и свободах, недопустимо умалять роль обязанностей гражданина в становлении правового государства, формировании гражданского общества и индивидуального правового статуса личности.

Живя в обществе и взаимодействуя с другими людьми, человек не может не иметь обязанностей по отношению и к обществу, и государству в целом. Поэтому обязанности – такой же важный и неотъемлемый элемент правового статуса, как права и свободы. Развитие концепции индивидуального правового статуса личности идет в направлении юридического закрепления таких ее основных постулатов, как равноправие индивида и государства; приоритет неотчуждаемых прав и свобод личности по отношению к интересам государства; признание абсолютного характера неотъемле-

мости в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : федер. закон : [от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ] // Рос. газ. – 2007. – 1 авг.

3. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Г. Тард ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М., 2004.

4. Соколов, Я. В. Граждановедение. Анти-террор : учеб. пособие для учащихся 7–9 классов, их родителей и учителей. Эксперимент. вариант / Я. В. Соколов, Д. В. Колесов, С. В. Максимов. – М., 2007.

мых прав личности, их неотчуждаемости. Это поднимает статус личности на качественно новый уровень, делает ее полноправным субъектом в отношениях с государством, требует от них взаимного уважения прав и интересов друг друга, препятствует появлению «правового нигилизма», чрезмерной концентрации власти у государства и злоупотреблению ею. Защита прав и интересов личности отныне становится юридической обязанностью государства.

При рассмотрении вопроса об объеме обязанностей личности и государства на первый взгляд может показаться, что у личности он гораздо шире, чем у государства, поскольку обязанности государства сформулированы в законодательстве более абстрактно, а обязанности личности – более детально и конкретно. Например, в ст. 57 Конституции РФ установлена обязанность гражданина платить законно установленные налоги и сборы. Казалось бы, данная обязанность личности является односторонней. Но при ее реализации государство, в свою очередь, получает возможность осуществлять различные социальные программы, тем самым выполняя обязанности по отношению к личности, например, по защите материнства и детства, различным социальным пособиям, охране правопорядка и т. д. Таким образом, после более глубокого рассмотрения вопроса об объеме обязанностей личности и государства становится очевидным, что нельзя говорить о преобладании обязанностей личности по отношению к государству, даже исходя из того, что неотъемлемым признаком правоотношений является в числе прочих наличие прав и обязанностей их участников.

Отношения «государство–гражданин» построены на основе взаимной ответственности, при которой конкретному праву, группе прав или всей системе прав одной стороны соответствуют обязанности другой и наоборот. Поскольку государство является носителем публично-политической власти, обладает особыми полномочиями, то можно предположить, что оно устанавливает для себя гораздо меньший объем обязанностей по сравнению с гражданами. Однако государство не может произвольно закреплять объем прав и обязанностей граждан, так как они детерминированы экономическими и иными условиями жизни.

Основные параметры связей государства и личности обозначены в системе конституционных прав и обязанностей граждан. Например, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду (ст. 58 Конституции РФ), каждый имеет право на жилище (ст. 40 Конституции РФ). Вместе с тем набор прав и обязанностей личности не исчерпывается его конституционным закреплением, а развивается и конкретизируется в текущем законодательстве. Так, обязанность по уплате конкретного налога или сбора возлагается на налогоплательщика и плательщика сбора с момента возникновения установленных законодательством обстоятельств (ст. 44 Налогового кодекса РФ), органы государственной власти и управления не вмешиваются в творческую деятельность граждан (п. 2 ст. 31 Основ законодательства Российской Федерации о культуре¹).

Во взаимоотношениях с гражданином государство не ограничивается юридической фиксацией прав: закрепляя права и свободы личности, оно берет на себя обязанность их гарантировать, хотя при этом государство имеет право требовать от граждан правомерного поведения. Поэтому государство формулирует свои требования к гражданам в системе обязанностей, устанавливает меры юридической ответственности. Именно система прав и обязанностей образует взаимную ответственность государства и гражданина, где обе стороны глубоко заинтересованы в их выполнении. Например, в ст. 57 Конституции

РФ, как мы уже говорили, установлена обязанность каждого платить налоги и сборы, а в информационном сообщении Федеральной налоговой службы РФ от 18 марта 2005 г. содержится положение о том, что налогоплательщик имеет право на получение имущественного налогового вычета².

Как было отмечено выше, обязанности государства в законодательстве прописаны наиболее глобально, поскольку оно является представителем всего общества. Конкретизировать их подробнейшим образом во многих случаях невозможно, потому что из одной общей обязанности вытекают другие, которые так или иначе обозначаются в действующем законодательстве. Например, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – одна из основных обязанностей государства, которая закреплена в ст. 2 Конституции РФ и детализируется в отраслевом законодательстве. В частности, в ст. 1069 Гражданского кодекса РФ установлено, что вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, подлежит возмещению. В Основах законодательства РФ о культуре содержится целый перечень обязанностей государства, а именно: поощрять деятельность граждан по приобщению детей к творчеству и культурному развитию; способствовать развитию благотворительности, меценатства и спонсорства в области культуры и др.

Таким образом, неперенным принципом правового государства выступает взаимная ответственность личности и государства. «Гражданин и государство Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями», – говорится в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П³. Граждане имеют обязанности и несут ответственность перед государством, обществом и друг перед другом. Государство также берет на себя необходимые морально-правовые обязательства по отношению к своим гражданам, что отражено во

¹ См.: Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 9 окт. 1992 г. № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

² См.: Предоставление имущественных налоговых вычетов в части расходов на приобретение жилого объекта: Информ. сообщ. ФНС России от 18 марта 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Рос. газ. 1996. 18 янв.

многих статьях Конституции РФ. Следовательно, такая связь является взаимной, двусторонней. В этом состоит одна из главных особенностей отечественной правовой системы и личности в ней.

Юридическое закрепление таких основных постулатов, как приоритет неотчуждаемых прав и свобод личности по отношению к интересам государства, равноправие индивида и государства и других, с одной стороны, делает личность полноправным субъектом в отношениях с государством, а с другой, требует от обоих участников указанных правоотношений взаимного уважения прав и интересов друг друга и исполнения возложенных обязанностей.

На наш взгляд, на современном этапе развития российского общества весьма актуально наиболее полно и всесторонне проанализировать соотношение объема обязанностей личности и государства, формы проявления этого соотношения, его роль в механизме правового регулирования и, что немаловажно, роль в воспитании граждан. Конституционно-право-

вой статус человека и гражданина, включая его основные права, свободы и обязанности, влияет как на создание сбалансированных способов взаимодействия людей друг с другом, так и на формирование гармоничных отношений человека, общества и государства¹. По верному определению Л. С. Явича, «зависимость между правами и обязанностями такова, что без юридических обязанностей исчезает и само право»².

Реализуя свои обязанности перед государством, личность в итоге реализует собственные интересы, которые направлены, прежде всего, на достойную жизнь. Это означает, что в справедливом правовом государстве объем обязанностей государства и личности должен быть максимально равным.

Библиографический список

1. Безуглов, А. А. Конституционное право России : учебник / А. А. Безуглов, Л. Л. Беломестных. – М., 2004.
2. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л., 1976.

С. А. Пичугин,
*старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

НЕСКОЛЬКО ПРИГОВОРОВ В ОТНОШЕНИИ ОДНОГО ЛИЦА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЗНАЧЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

В судебной практике нередко встречаются ситуации, когда в отношении одного лица имеется несколько полностью или частично неисполненных приговоров, различные сочетания которых по-разному влияют на назначение и исполнение наказания.

В большинстве случаев при наличии нескольких приговоров наказание назначается по правилам совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), согласно которым производится полное или частичное сложение наказаний по каждому из приговоров. В соответствии с первым абзацем п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 11 января 2007 г. № 2 (далее: Постановление) указанные правила «приме-

няются в случаях, когда осужденный после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания совершил новое преступление»³.

Ряд авторов (В. П. Малков, Т. Г. Чернова и др.) предлагают рассматривать совокупность приговоров как вид множественности преступлений наряду с совокупностью и рецидивом преступлений, а все случаи совокупности приговоров с точки зрения раскрытия порядка и пределов назначения наказания относить к одной из двух групп: 1) связанные с рецидивом преступлений; 2) не связанные с рецидивом преступлений⁴.

Положения о рецидиве преступлений законодательно закреплены наряду со ст. 18 УК РФ в п. «а» ч. 1 ст. 63, ст. 68, ст. 86 УК РФ.

¹ См.: Безуглов А. А., Беломестных Л. Л. Конституционное право России: Учеб. М., 2004. С. 343–344.

² Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 165.

³ См.: Бюл. Верхов. Суда РФ. 2007. № 4. С. 12.

⁴ См.: Малков В. П. Комментарий к ст. 70 Уголовного кодекса Российской Федерации // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. А. Чекалин; Под ред. В. Т. Томина, В. С. Устинова, В. В. Сверчкова. М., 2002. С. 55, 166; Чернова Т. Г. Назначение наказания по совокупности приговоров по уголовному праву России: Дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2001. С. 10–12, 48.

Назначение наказания при рецидиве преступлений, если предыдущий приговор не был исполнен в полном объеме, производится по правилам совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), с учетом требований ст. 68 УК РФ. К таким случаям следует отнести, например, совершение умышленного преступления не ниже категории средней тяжести во время отбывания наказания в виде лишения свободы по предыдущему приговору за умышленное преступление не ниже категории средней тяжести либо в течение неотбытой части срока при условно-досрочном освобождении.

Так как назначение наказаний по совокупности приговоров, в том числе и при рецидиве преступлений, достаточно подробно рассмотрено в литературе, мы остановимся на менее изученных вопросах, связанных с наличием нескольких приговоров в отношении одного лица.

Как уже было указано выше, не всегда такие случаи охватываются понятием рецидива преступлений. Так, согласно ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются:

а) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести;

б) судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет;

в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК РФ.

Если по одному из двух приговоров лицо осуждено только за указанные в ч. 4 ст. 18 УК РФ преступления (в том числе любые их сочетания), то имеет место совокупность приговоров, не связанная с рецидивом преступлений. Также сюда относятся судимости за неосторожные преступления, так как в силу ч. 1–3 ст. 18 УК РФ при рецидиве учитываются судимости только за умышленные преступления.

Кроме того, совершение лицом нового преступления после провозглашения приговора за предыдущее преступление, когда на момент совершения осужденным нового

преступления первый приговор не вступил в законную силу, является совокупностью приговоров, не связанной с рецидивом преступлений. При этом, согласно п. 36 Постановления в такой ситуации следует применять правила ст. 70 УК РФ, поскольку вынесение приговора завершается его публичным провозглашением.

Вместе с тем уголовный закон содержит ряд исключений из правила об обязательном сложении при назначении наказаний по совокупности приговоров, которые могут быть применены при совершении:

– преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой тяжести в течение испытательного срока условно осужденным (ч. 4 ст. 74 УК РФ);

– преступления по неосторожности в течение оставшейся не отбытой части наказания при условно-досрочном освобождении (п. «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ);

– нового преступления (не являющегося особо тяжким) несовершеннолетним осужденным, которому назначено условное осуждение, в течение испытательного срока (ч. 6.2 ст. 88 УК РФ).

В этих случаях возможно сохранение соответственно условного осуждения либо условно-досрочного освобождения, что влечет неприменение правил назначения наказания по совокупности приговоров, при этом каждый приговор подлежит самостоятельному исполнению (например, второй абзац п. 47 Постановления).

Признать эти случаи совокупностью преступлений нельзя, так как это противоречит содержанию ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой в совокупность преступлений входят деяния, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Не являются рассмотренные случаи и рецидивом преступлений. Совокупности приговоров здесь также нет, так как предусмотренные ст. 70 УК РФ правила не применяются.

С связи с этим возникает вопрос о квалификации таких случаев.

Так как в рассмотренных нами ситуациях речь идет о самостоятельном исполнении приговора в отношении одного лица, можно назвать данные случаи *множественностью приговоров*, под которой будем понимать наличие двух или более неисполненных приговоров в отношении одного лица при отсутст-

вии признаков рецидива преступлений и неприменении правил назначения наказания по совокупности приговоров.

Помимо указанных существуют и другие случаи неприменения правил ст. 70 УК РФ. В судебной практике нередко можно встретить ситуации, когда в отношении одного лица одновременно исполняется несколько приговоров, по крайней мере, по одному из которых наказание признано считать условным.

Так, в п. 43 Постановления указано: «При условном осуждении по второму приговору за преступление, совершенное до провозглашения первого приговора, по которому также было применено условное осуждение, суд... должен указать на самостоятельность исполнения указанных приговоров, поскольку испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием и не может быть ни поглощен более длительным испытательным сроком, ни частично или полностью сложен».

Таким образом, в подобной ситуации Верховный Суд РФ запрещает складывать сроки лишения свободы, назначенного условно, и испытательные сроки, а также указывает, что в данном случае каждый приговор исполняется самостоятельно.

Так же следует поступать и в случае, если после вынесения судом приговора в отношении условно осужденного лица будет установлено, что оно виновно еще и в другом преступлении, совершенном до вынесения приговора по первому делу. В соответствии с п. 47 Постановления (абзац третий) в данном случае «правила статьи 69 УК РФ применены быть не могут, поскольку в статье 74 УК РФ дан исчерпывающий перечень обстоятельств, на основании которых возможна отмена условного осуждения. В таких случаях приговоры по первому и второму делам исполняются самостоятельно». Следует отметить, что данное положение практически дословно воспроизводит третий абзац п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами уголовного наказания» от 11 июня 1999 г. № 40¹, т. е. данная проблема является отнюдь не новой.

Поэтому на практике могут встречаться и парадоксальные ситуации, например, отбывание осужденным лишения свободы по од-

ному приговору с одновременным течением испытательного срока при условном осуждении по другому приговору. Подобные случаи были описаны в литературе еще в 1999 г.²

В вышеприведенных случаях уголовно-правовой рецидив преступлений отсутствует и имеет место так называемое самостоятельное исполнение приговоров. Следует заметить, что такой термин в УК РФ и УПК РФ отсутствует. Однако существующий законодательный пробел компенсируется разработанностью данного вопроса судебной практикой и уголовно-правовой доктриной. В литературе справедливо отмечается, что подобные случаи связаны с недостатками в работе правоприменительных органов, когда по разным причинам уголовные дела в отношении одного лица не соединяются в одно производство, а расследуются и направляются в суд отдельно друг от друга³.

Необходимо также рассмотреть имеющуюся при назначении наказания проблему, если за одно из преступлений, которое входит в совокупность приговоров, назначено пожизненное лишение свободы. В силу специфики указанного вида наказания в данном случае фактически невозможно применить принципы полного или частичного сложения наказаний, и суды вынуждены применять принцип поглощения, несмотря на то, что закон (ст. 70 УК РФ) об этом умалчивает. Это свидетельствует о правовом пробеле в части регулирования назначения наказания и необходимости ее устранения путем внесения соответствующего указания в текст уголовного закона.

Таким образом, сочетания нескольких приговоров в отношении одного лица отличаются множеством вариантов из-за разнообразия ситуаций и совершенных лицом преступлений и влекут разные правовые последствия. Указанные случаи оказывают различное влияние и на исполнение наказания, так как в ситуациях, когда правила назначения наказания по совокупности приговоров не применяются, в отношении лица параллельно, самостоятельно исполняются два или более приговора. Кроме того, недостаточная правовая урегулирован-

² См.: Золотарев В. Условное осуждение с отбыванием в колонии // Рос. юстиция. 1999. № 3. С. 38.

³ См.: Бубон К. В. О самостоятельном исполнении нескольких приговоров // Адвокат. 2005. № 11. С. 37–41.

¹ Данное постановление утратило силу.

ность вопросов назначения наказания при наличии нескольких приговоров в отношении одного лица требует ликвидации данных законодательных пробелов.

Библиографический список

1. Бубон, К. В. О самостоятельном исполнении нескольких приговоров / К. В. Бубон // Адвокат. – 2005. – № 11.

А. С. Рубан,
*аспирант Российского
нового университета г. Москва*

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЛЕДСТВЕННОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Первые описания примеров проведения следственных экспериментов в российском судопроизводстве встречаются еще в дореволюционных изданиях второй половины XIX в., в частности в трудах А. Квачевского, Д. Тальберга, И. Я. Фойницкого, Л. Е. Владимирова.

Одновременно в юридической литературе появились теоретические размышления о природе данного следственного действия. Однако в работах отечественных процессуалистов и криминалистов конца XIX – начала XX в. ни следственный, ни судебный эксперименты фактически не получили глубокой теоретической и практической разработки. Кроме того, отсутствовало единство терминологии. Так, наряду с термином «эксперимент» в трудах ученых употреблялись термины «опыт», «судебный опыт» и т. д. При этом следует отметить, что многие процессуалисты в дореволюционной России достаточно активно изучали западно-европейский опыт, а значит, их выводы основывались на взглядах зарубежных процессуалистов и криминалистов того времени¹.

Развитие теории следственного эксперимента в конце XIX – начале XX в. достаточно полно исследовано и описано в трудах Р. С. Белкина, который подробно разъясняет

2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 янв. 2007 г. № 2 // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 2007. – № 4.

3. Чернова, Т. Г. Назначение наказания по совокупности приговоров по уголовному праву России : дис. ... канд. юрид. наук. – Йошкар-Ола, 2001.

позиции ученых и их доводы². Практические аспекты проведения следственного эксперимента до его нормативного урегулирования рассмотрены также в трудах Н. И. Гуковской³. Именно поэтому мы не будем останавливаться на данных моментах.

Вместе с тем до конца 1930-х гг. в советской процессуальной и криминалистической литературе вопросы следственного эксперимента детально не разрабатывались, а встречались только отдельные упоминания об опытным методе проверки доказательств, причем авторы, как правило, его не раскрывали.

В 1940–50-е гг. прошлого столетия в среде процессуалистов развернулась активная дискуссия относительно *места следственного эксперимента в общей системе следственных действий*. На наш взгляд, отсутствие единого мнения и однозначных подходов у ведущих ученых-юристов и практиков-криминалистов привело к тому, что именно в этот период появилось наибольшее количество научных исследований, учебников, монографий и научных статей, посвященных данной проблеме.

К концу 1950-х гг. процессуалисты пришли к общему пониманию самостоятельности следственного эксперимента, что нашло отражение в УПК РСФСР 1960 г., в который была включена соответствующая статья (ст. 183). Позже роль следственного эксперимента как самостоятельного следственного действия была подтверждена в УПК РФ 2001 г.

² См.: Белкин Р.С. Указ. соч. С. 89–101; он же. Теория и практика следственного эксперимента / Под общ. ред. проф. А. И. Винберга. М., 1959. С. 5–22; он же. Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1961.

³ См.: Гуковская Н. И. Следственный эксперимент. М., 1958.

¹ См.: Белкин Р. С. Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе и криминалистике. М., 1961. С. 91–95.

Кроме того, многочисленные теоретические споры вызывал вопрос *о целях и задачах следственного эксперимента*.

Большинство авторов сходились в едином мнении о том, что *целью следственного эксперимента* является проверка собранных по делу доказательств. Однако отдельные ученые не согласны с утверждением, что проверка показаний является единственной целью эксперимента. В частности, Р. С. Белкин в своих трудах выделял три цели следственного эксперимента: а) проверка и иллюстрация собранных по делу доказательств; б) проверка и оценка следственных версий; в) получение новых доказательств¹.

Д. А. Турчин при определении целей эксперимента основное внимание обращает на деятельную сторону следователя (следователь должен подтвердить, уяснить, проверить, получить) и указывает, что целями следственного эксперимента являются:

- 1) подтверждение места происшествия;
- 2) уяснение механизма события преступления;
- 3) проверка доказательств, находящихся в распоряжении следователя, и отыскание на месте событий новых доказательств;
- 4) получение данных, необходимых для других следственных действий².

Следует отметить, что вопросы о целях следственного эксперимента до настоящего времени остаются одними из наиболее острых и спорных в юридической литературе.

Активные дискуссии среди ученых-юристов вызывает *классификация видов следственного эксперимента*.

Попытка унификации видов следственных экспериментов была предпринята еще в 1953 г. Так, в приложении к приказу Генерального прокурора СССР от 14 октября 1953 г. приводился следующий перечень разновидностей следственного эксперимента: а) проверка видимости и слышимости; б) проверка вместимости в определенных помещениях или хранилищах определенных предметов; в) проверка возможности проникновения в помещение или выноса из него определенным путем определенных

предметов; г) проверка совершения определенных действий; д) проверка возможности совершения преступления определенным образом; е) выявление возможных результатов определенных действий.

Несколько позже, в 1958 г., Н. И. Гуковская предложила подразделять следственные эксперименты на виды в зависимости от предмета установления. В качестве такового она называет: а) возможность слышать; б) возможность видеть; в) возможность совершить какие-либо действия; г) возможность совершить какие-либо действия за определенное время; д) специальные или профессиональные навыки конкретного лица; е) каким образом произошло событие или отдельные его обстоятельства³.

Аналогичную классификацию, но несколько в иной редакции предлагал в 1959 г. Р. С. Белкин, который обобщил в своей работе теоретические и практические проблемы следственного эксперимента. Он предлагал классифицировать следственные эксперименты по установлению: а) возможности наблюдения, восприятия какого-либо факта, явления; б) возможности совершения какого-либо действия; в) возможности существования какого-либо явления; г) механизма события в целом или отдельных его деталей; д) процесса образования следов события, обнаруженных в ходе расследования; е) наличия или отсутствия профессиональных или преступных навыков⁴. В 1964 г. Р. С. Белкин исключил из указанного перечня последний пункт⁵.

В целом следует отметить, что в 1950-е гг. большинство юристов квалифицировали виды следственных экспериментов как определенные действия, т. е. как эксперименты для проверки видимости, слышимости, местоположения, возможности проникнуть в помещение, установить механизм происшествия и т. д. Фактически авторы исследований подменяли подлинную квалификацию перечнем конкретных случаев, в которых проводился эксперимент.

В одной из первых монографий, вышедших после введения в УПК РСФСР ст. 183,

¹ См.: Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. С. 23.

² См.: Турчин Д. А. Исследование места происшествия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1968. С. 21.

³ См.: Гуковская Н. И. Указ. соч. С. 53.

⁴ См.: Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. С. 42–43.

⁵ См.: Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964. С. 57.

выделившей самостоятельную роль следственного эксперимента, А. В. Дулов и П. Д. Нестеренко высказывали идею об объективной необходимости разделить все следственные эксперименты на две группы. В первую группу, по их мнению, следовало включить эксперименты, в ходе которых устанавливаются факты, проверяются обстоятельства, причинные связи, относящиеся к общежитским сведениям, для познания которых не требуются специальные знания, а во вторую – эксперименты, относящиеся к областям определенных наук¹. В качестве отдельных самостоятельных видов А. В. Дулов и П. Д. Нестеренко предлагали выделить психологический, тактический и эмоциональный следственные эксперименты².

В настоящее время Ю. В. Гаврилин, А. В. Победин, В. Н. Яшин выделяют пять видов следственных экспериментов в зависимости от цели их проведения: 1) проверка возможности восприятия каких-либо фактов, явлений (увидеть, услышать, распознать запахи, знаки и пр.); 2) проверка возможности совершения каких-либо действий, в том числе – за определенное время (поднять, пронести, пройти, нарисовать, запустить механизм, продемонстрировать профессиональные навыки и т. д.); 3) проверка возможности наступления какого-либо события (поглощение почвой определенного количества воды, обрыв проводов, самовозгорание и т. д.); 4) выявление последовательности события (что предшествовало событию, и что происходило вслед за ним); 5) установление механизма события и образования следов (возгорание предметов на определенном расстоянии, разрушительное действие взрыва и т. д.)³.

Учитывая разнообразие подходов ученых к вопросу о классификации видов следственных экспериментов, вполне закономерно, что в официальных комментариях ст. 181 УПК РФ также встречаются различные мнения по этому поводу.

Так, например, в 2002 г. в комментарии к УПК РФ под редакцией В. В. Мозякова выделено три вида следственных эксперимен-

тов: 1) воспроизведение действий обстановки и иных обстоятельств определенного события (путем реконструкции); 2) совершение необходимых опытных действий; 3) сочетание реконструкции с совершением необходимых опытных действий⁴.

В изданном в 2004 г. Комментарии под общей редакцией В. И. Радченко виды следственных экспериментов классифицируются в соответствии с целями экспериментирования, указанными в ст. 181, и подразделяются уже на пять видов в зависимости от предмета проверки, в частности: эксперимент по проверке восприятия фактов; возможностей совершения определенных действий; вероятности наступления событий; последовательности событий; механизма образования следов⁵.

Вместе с тем в одном из последних комментариев к ст. 181 УПК, изданном в 2006 г., приводится иная классификация и отмечаются всего две разновидности следственных экспериментов: 1) следственный эксперимент, содержанием которого является воспроизведение действий (производство опыта); 2) следственный эксперимент, заключающийся в реконструкции обстановки (обстоятельств) исследуемого события. Различие, по мнению авторов, состоит в том, что в первом случае воспроизведение обстановки сочетается с проведением опытных действий, которые и определяют существо эксперимента, во втором – содержание эксперимента ограничивается воссозданием обстановки (обстоятельств) для их обследования (осмотра) в реконструированном виде⁶.

На наш взгляд, такой подход недостаточно корректен. Во-первых, исходя из содержания ст. 181 УПК РФ, можно сделать вывод, что термин «воспроизведение» относится не только к «действиям», но и к «обстановке или иным обстоятельствам определенного события». Во-вторых, в содержании указанной статьи термин «реконструкция» отсутствует. В-третьих, сама по себе реконструкция может и не содержать

⁴ См.: Комментарий к УПК РФ / Под ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 412.

⁵ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. И. Радченко. М., 2004.

⁶ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. И. Радченко, В. Т. Томилина, М. П. Полякова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2006.

¹ См.: Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 196.

² См.: там же. С. 194–246.

³ См.: Гаврилин Ю. В., Победин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: Учеб. пособие. М., 2006. С. 53.

опытных действий, а следовательно, не будет являться экспериментом, так как отсутствует опытная составляющая.

Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие авторы. Так, В. М. Быков и Н. В. Ткачев относят реконструкцию к условиям проведения следственного эксперимента. Поскольку к моменту производства следственного эксперимента обстановка может не сохраниться, следователь до проведения следственного действия вынужден проводить ее восстановление – следственную реконструкцию¹.

А. П. Рыжаков приводит перечень из шести видов следственных действий по установлению: возможности восприятия какого-либо факта, явления; возможности совершения какого-либо действия; возможности существования какого-либо факта, явления; механизма события или его отдельных действий; времени, которое необходимо затратить на совершение тех или иных действий; последовательности происшедшего события и механизма образования следов².

Таким образом, можно констатировать, что среди ученых отсутствует единое мнение относительно классификации следственных экспериментов. При определении их перечня авторы используют различные подходы, основания, по-разному их интерпретируют. В целом согласимся с высказыванием Р. С. Белкина о том, что исчерпывающий перечень видов следственных действий бесконечен³.

Кроме того, до настоящего времени отсутствует точное определение термина «следственный эксперимент», который прочно вошел в уголовный процесс.

Первое упоминание о следственном эксперименте в официальных юридических документах встречается в 1932 г. Так, в методическом письме НКЮ РСФСР № 2 (циркуляр от 15 мая 1932 г. № 80) в связи с рассмотрением дела по обвинению Новиковых, Костренкова и Страусова подчеркнута необходимость производства эксперимента для проверки результатов сомни-

тельного опознания по голосу⁴. В 1936 г. аналогичное указание о целесообразности проведения экспериментальной проверки опознания по голосу отмечалось в методическом письме Прокуратуры СССР⁵. Однако в этих документах понятие «следственный эксперимент» не расшифровывалось.

Отсутствовало определение следственного эксперимента и в официальных изданиях периода 1930–40-х гг., раскрывавших установившиеся нормы права. Так, в первое издание Большой Советской Энциклопедии (1945 г.) была включена только небольшая статья «Следствие» с отсылками к статьям «Предварительное расследование» и «Судебные действия», в которых термин «следственный эксперимент» не был использован⁶.

Первые попытки сформулировать определение термина «следственный эксперимент» в официальных изданиях были приняты в начале 1950-х гг. Большинство предложенных определений характеризовали следственный эксперимент как воспроизведение обстановки или других обстоятельств события, тех или иных фактов, признаков, сторон исследуемого события.

Например, в Юридическом словаре, изданном в 1953 г., следственный эксперимент имел значение следственного действия, заключавшегося в воспроизведении следователем отдельных обстоятельств совершения расследуемого преступления или отдельных фактов, имеющих существенное значение для дела⁷.

Однако такое определение больше относилось к проверке показаний на месте, чем к следственному эксперименту, поскольку последний по своей сути должен содержать именно экспериментальные действия, научные исследования, опытные процессы. Восстановление, реконструкция обстановки позволяют достаточно убедительно подтвердить только полученные показания и сведения. В условиях реконструированной обстановки подследственные, обвиняемые, свидетели могут лишь показать, как они действовали, указать на те или иные особенности на месте происшествия.

¹ См.: Быков В. М., Ткачев Н. В. Принуждение при производстве следственных действий // Право и политика. 2005. № 5.

² См.: Рыжаков А. П. Следственный эксперимент. Комментарий к статье 181 УПК РФ. М., 2004. С. 7.

³ См.: Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. С. 57.

⁴ См.: Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959. С. 5–6.

⁵ Опознание личности обвиняемого при расследовании преступлений: Метод. письмо, утв. Прокурором СССР А. Я. Вышинским. М., 1936. С. 24–25.

⁶ См.: Большая Советская Энциклопедия: В 65 т. / Под ред. Ем. Ярославского. М., 1945. Т. 51. С. 383.

⁷ См.: Юридический словарь. М., 1953. С. 606.

Однако их показания могут быть как заведомой ложью, так и следствием заблуждений. В то время как задача эксперимента в том и заключается, чтобы доказать тот факт, что событие произошло именно так, как это указано в материалах дела, именно в данной последовательности, именно с такими последствиями и с участием указанных в деле лиц.

Таким образом, реконструкция обстановки не является самостоятельным следственным действием, она лишь служит для дальнейшего производства эксперимента как начальный этап его производства, условие получения объективных результатов исследования.

В Большой Советской Энциклопедии, изданной в 1956 г., следственный эксперимент определялся как следственное действие, заключающееся в искусственном воспроизведении следователем отдельных обстоятельств расследуемого события или отдельных фактов, имеющих существенное значение для дела¹. По сравнению с определением, данным в Юридическом словаре 1953 г., такую формулировку можно считать существенным шагом вперед, поскольку в нем особое внимание обращается именно на искусственное воспроизведение (создание обстановки), которое является основой эксперимента.

Вполне логичным было бы ожидать, что определение термина «следственный эксперимент» как действия, урегулированного уголовно-процессуальным законом, было сформулировано в 1960 г., когда в УПК РСФСР была включена соответствующая статья. Однако в ст. 183 УПК РСФСР определение термина «следственный эксперимент» отсутствовало, а приводились только его цели, пути и условия проведения.

Вместе с тем в связи с включением соответствующей статьи в УПК РСФСР формулировки понятия следственного эксперимента в советских официальных изданиях изменились. Так, в Большой Советской Энциклопедии (1976 г.) следственный эксперимент определялся как воспроизведение опытным путем действий, обстановки или иных обстоятельств, связанных с расследуемым преступлением².

Если сопоставить формулировки определения термина «следственный экспери-

мент», содержащиеся в энциклопедических изданиях разных лет (в Большой Советской Энциклопедии 1956 г. и 1976 г.), то можно обнаружить следующие отличия. В 1956 г. следственный эксперимент заключался в «искусственном воспроизведении обстановки и фактов», но, как уже отмечалось выше, искусственное воспроизведение является основным условием эксперимента. В 1976 г. основной упор в определении был сделан именно на опытным воспроизведении обстановки и иных обстоятельств дела. В издании 1956 г. говорится о том, что следственный эксперимент проводится для проверки собранных по делу доказательств, в частности, показаний свидетелей и обвиняемых, и выявления данных, существенных по обстоятельству³. В редакции энциклопедии 1976 г. также указывается, что следственный эксперимент проводится для проверки и уточнения фактических данных, имеющих доказательственное значение в уголовном деле. Вместе с тем уточняется, что следственный эксперимент позволяет установить: возможность совершения каким-либо лицом определенных действий в конкретных условиях; возможность видеть, слышать или иным образом воспринимать произошедшее событие, – а результаты следственного эксперимента используются при построении и проверке следственных версий⁴.

Несмотря на то, что с момента придания следственному эксперименту самостоятельного процессуального статуса в законодательном порядке прошло более 40 лет, законодатель до настоящего времени не сформулировал четкого определения термина следственный эксперимент. В перечне понятий, содержащихся в ст. 5 УПК РФ, отсутствует определение данного термина, как и в ст. 181 УПК РФ. Более того, авторы некоторых официальных комментариев к УПК РФ также избегают определения следственного эксперимента и раскрывают лишь его содержание⁵.

³ См.: Большая Советская Энциклопедия. М., 1956. Т. 39. С. 314.

⁴ См.: Большая Советская Энциклопедия. М., 1976. Т. 23. С. 556.

⁵ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В. М. Лебедева и В. П. Божьева. М., 1997; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

Вместе с тем в отечественной научной литературе последних лет имеется достаточно большое количество **формулировок рассматриваемого понятия**. При этом их содержание существенно отличается друг от друга.

Так, по мнению Ю. Н. Белозерова и В. В. Рябоконя, следственный эксперимент – это следственное действие, осуществляемое следователем (дознавателем и др.) в виде опытов, позволяющих ответить на вопрос, могли ли иметь место в действительности определенного рода обстоятельства или нет¹. В данной формулировке основной упор сделан на доказывании вероятности события.

Согласно определению, приведенному в учебнике по криминалистике под редакцией В. А. Образцова, следственный эксперимент – это проверка опытным путем в специально созданных условиях возможности возникновения каких-либо процессов, явлений или совершения каких-либо действий с определенным результатом для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела².

А. П. Аленин акцентирует внимание на роли следственных версий и доказательств. По его мнению, следственный эксперимент – это самостоятельное следственное действие, заключающееся в проведении различных опытных действий с целью проверки имеющихся версий и получения новых доказательств по рассматриваемому уголовному делу. Эксперимент, как и иные следственные действия, решает свои задачи, имеет свои цели и содержание³.

В работе Е. П. Ищенко и А. А. Топоркова подчеркивается значимость процессуальных норм. По их мнению, следственный эксперимент – это процессуальное действие, предусмотренное ст. 181 УПК РФ и производимое в целях проверки данных, имеющих значение для уголовного дела, путем совершения различных опытных действий после реконструкции обстановки и иных обстоятельств произошедшего⁴.

¹ Белозеров Ю. Н., Рябоконь В. В. Производство следственных действий. М., 1990. С. 62.

² Криминалистика: Учеб. / Под ред. В. А. Образцова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1999. С. 494.

³ См.: Аленин А. П. Тактика следственного эксперимента по делам о незаконном обороте наркотических средств // Наркоконтроль. 2007. № 1.

⁴ См.: Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: Учеб. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006.

В Комментарий к УПК РФ под редакцией А. Я. Суханова дается следующее определение следственного эксперимента: «это следственное действие, производимое в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, посредством воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершения необходимых опытных действий»⁵. Трудно спорить с обоснованностью данного определения, поскольку оно почти дословно повторяет содержание ст. 181 УПК РФ.

Итак, в научной литературе имеются различные вполне обоснованные подходы к классификации следственных экспериментов. Вместе с тем некоторые ученые пытаются в качестве классификации предоставить перечень случаев проведения экспериментов, но таких случаев может быть очень много, и с течением времени их становится все больше и больше. Полагаем, основанием классификации должны быть цели следственных экспериментов, хотя относительно целей следственного эксперимента также нет единого мнения.

Исходя из результатов исследования следственный эксперимент можно определить как самостоятельное следственное действие, выполняемое следователем для проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, а также получения новых доказательств, производимое путем совершения опытных действий в условиях, максимально сходных с условиями, существовавшими в момент проверяемого факта, явления, события.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике / Р. С. Белкин. – М., 1964.

2. Гаврилин, Ю. В. Следственные действия : учеб. пособие / Ю. В. Гаврилин, А. В. Победин, В. Н. Яшин. – М., 2006.

3. Рыжаков, А. П. Следственный эксперимент. Комментарий к статье 181 УПК РФ / А. П. Рыжаков. – М., 2004.

⁵ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. Я. Сухарева. Изд. 2-е, перераб. М., 2004.

А. Ю. Сабанов,
*адъюнкт очного обучения кафедры
управления органами расследования
преступлений
Академии управления МВД России*

**ВЗРЫВНЫЕ УСТРОЙСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С КРИМИНАЛЬНЫМИ ВЗРЫВАМИ**

Криминальные взрывы, совершаемые с использованием взрывных устройств (ВУ), относятся к трудно раскрываемым преступлениям¹, в том числе по причине недостаточно разработанной специальной криминалистической методики (криминалистическая взрывотехника), предметом которой являются криминальные взрывы, а также деятельность по их расследованию. Следует отметить, что в последние годы был издан ряд научных работ, посвященных проблемам предотвращения, раскрытия и расследования данного вида преступлений², однако указанная методика не нашла в них должного рассмотрения. Необходимость в этой частной методике расследования не теряет своей актуальности и в настоящее время. Снижение количественных показателей сопровождается опасными качественными изменениями. Подтверждением этому являются террористические акты, происходящие по всему миру, и их последствия.

Одним из факторов, способствующих эффективности следственной и розыскной деятельности по делам о преступлениях, связанных с использованием ВУ, выступает знание сотрудниками правоохранительных органов средств совершения данного вида преступлений. Указанный элемент механизма совершения криминального взрыва, на наш взгляд, должен входить в непосредственный, а потому и обязательный предмет специальных знаний специалиста-взрывотехника.

¹ По данным уголовной статистики, раскрываемость преступлений с применением взрывных устройств в последние годы составляет 22–25 % от их общего количества.

² См., напр.: Артамонов И. И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования: Моногр. М., 2002; Коткин П. Н. Тактика розыскных действий по делам о криминальных взрывах: Моногр. М., 2006.

Создание ВУ стало возможным с открытием взрывчатых веществ. Первоначально ВУ применялись в хозяйственных и военных целях. Однако в силу своих специфических свойств, связанных со значительным поражающим эффектом, ВУ стали использоваться и в преступных целях, что позволило их относить к источникам повышенной общественной опасности. В связи с этим государство вынуждено было предпринять ряд мер законодательного характера для предотвращения опасности, которая могла возникнуть при ненадлежащем обращении с ВУ или в результате их использования в качестве орудий совершения преступлений. Так, в действующем с 1 января 1997 г. УК РФ вводится понятие «взрывное устройство» в качестве самостоятельного конструктивного признака состава преступления (ст. 222–226 УК РФ).

Сегодня ВУ рассматриваются не только как орудия совершения преступления, но и в качестве самостоятельного предмета преступления. Так, самостоятельные составы преступлений образуют: незаконное приобретение, изготовление, хищение, вымогательство, передача, сбыт, хранение или перевозка ВУ.

Взрывное устройство – это обобщенное понятие, используемое в сфере средств вооружения и промышленно-хозяйственных изделий³. Как собирательное понятие оно охватывает боеприпасы, заряды, применяемые в промышленности, сигнальные или пиротехнические средства (взрывпакеты, фейерверки, петарды). Во всех случаях – это изделия, специально изготовленные для производства взрыва.

Для определения понятия ВУ, используемых в качестве орудий преступления и являющихся предметом криминалистического исследования, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

– в преступных целях используются ВУ, не всегда соответствующие ГОСТ 21972-76 (например самодельные взрывные системы);

– в качестве орудий совершения преступлений применяются ВУ, изготовленные с использованием не только взрывчатых веществ, но и пиротехнических средств, горючих составов и других веществ, не за-

³ На применение указанных сфер распространяются ГОСТ В 20313-74. Боеприпасы. Основные понятия. Термины и определения, 1982 г.

прещенных в гражданском обороте (например, спичечная зажигательная масса, газовоздушные смеси или пары бензина и т. п.);

– используется энергия не только химического взрыва, но и диффузного (газовоздушного), электромагнитного (искрового разряда), ядерного (атомного);

– усиливаются поражающие факторы ВУ нередко за счет мощного корпуса, добавления в него картечи, металлических шариков, гвоздей, иголок и других металлических и иных предметов.

По нашему мнению, *взрывное устройство – это изделие, сконструированное для производства взрыва и обладающее поражающим действием*¹.

Сущность данного определения с позиции науки криминалистики заключается в том, что ВУ представляет собой конструкцию, способную не только к взрыву, но и обладающую поражающей способностью. В связи с этим оно используется как орудие совершения преступления или может быть предметом преступного посягательства.

Взрывные устройства, применяемые в преступных целях, как правило, имеют сложную конструкцию и отмечаются видовым многообразием. В связи с указанными обстоятельствами возникла необходимость их классификации, которая для практики расследования данного вида преступлений имеет большое значение. На основе научной классификации ВУ можно более предметно разрабатывать превентивные меры по предотвращению криминальных взрывов. С ее помощью появляется возможность единообразного описания ВУ в актах обезвреживания и расснаряжения ВУ, справках и научно-технических ориентировках специалистов-взрывотехников, документальном оформлении результатов розыскных действий и протоколах следственных действий.

Исследователи криминалистической взрывотехники неоднократно обращались в своих трудах к классификации ВУ, используемых в

преступных целях². Однако рекомендуемые классификации ВУ различаются широким выбором оснований, разной степенью детализации и спецификой использования при решении конкретных задач.

На наш взгляд, из всего многообразия классификационных оснований ВУ наиболее приемлемыми являются следующие: способ изготовления; конструктивное исполнение; механизм действия; назначение; время срабатывания; способ управляемости; мощность взрывчатого вещества.

По способу изготовления ВУ подразделяются на промышленные и самодельные. Взрывные устройства промышленного изготовления – это изделия, изготовленные в заводских условиях в соответствии с нормативно-технической документацией. Они подразделяются на ВУ военного и хозяйственного (гражданского) назначения.

Взрывные устройства *военного назначения* – это боеприпасы (гранаты, мины, снаряды и т. п.), в том числе имитационные, сигнальные и учебные средства, а также ВУ специального назначения, имеющиеся на вооружении спецподразделений. Сюда же можно отнести изделия «Ключ» и «Импульс», а также светозвуковые гранаты «Заря» и «Пламя», используемые для проникновения в закрытые помещения или для оказания временного психофизиологического воздействия на лиц, причастных к криминальной деятельности.

На практике чаще всего используются в преступных целях гранаты РГД-5 или Ф-1, мины МОН-50 или МОН-90, артиллерийские снаряды.

Взрывные устройства *хозяйственного (гражданского) назначения* – это конструктивно оформленные заряды взрывчатого вещества, выпускаемые промышленностью в определенных объеме и массе. Они, как правило, имеют бумажную или полиэтиленовую оболочку с указанием марки взрывчатого ве-

¹ В науке криминалистике до настоящего времени не сложилось единого четкого определения понятия ВУ (см.: Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом: Моногр. М., 1999; Колотушкин С. М. Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики: Моногр. Волгоград, 2002).

² См.: Коткин П. Н. Использование данных криминалистической взрывотехники при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с применением взрывных устройств: Курс лекций по криминалистике. М., 1994; Ручкин В. А., Железняков А. И., Сенцов А. С., Калашников А. Н. Основы криминалистических знаний о боеприпасах и взрывчатых веществах и ответственность за преступное обращение с ними: Учеб. пособие. Волгоград, 1995.

щества и его веса. В преступных целях чаще всего применяются: подрывные тротилловые шашки; аммонитные заряды марок 6ЖВ, ПЖВ-20, скальный №1 (с добавлением гексогена и алюминиевой пудры); заряды ТГ-300, ПТ-300, ТЕТ-150Г, изготовленные на основе высокобризантных взрывчатых веществ – ТЭНа, гексогена и тротила.

Для их подрыва необходимы средства взрывания (капсюли-детонаторы и огнепроводный шнур или электродетонаторы и источник тока). Данные ВУ чаще всего используются в горнодобывающей, нефтяной и газовой промышленности, в строительстве и иных отраслях экономики.

К самодельным взрывным устройствам (СВУ) относятся устройства, в которых использован хотя бы один из элементов конструкции самодельного изготовления. В преступных целях изготавливаются СВУ по типу мин-ловушек, ручных гранат, подрывных зарядов со средством взрывания, имеющих, как правило, маскировочную оболочку.

По *конструктивному исполнению* ВУ могут быть сложные и простые. Сложные имеют не только корпус (оболочку), заряд взрывчатого вещества или взрывоспособной смеси, средство инициирования, но и сложный взрывательный механизм, имеющий предохранительное устройство, замедлительное приспособление или самоликвидатор, а также средство маскировки и т. д.

Простые могут иметь лишь заряд взрывчатого вещества или взрывоспособной смеси и средство его инициирования. В отдельных случаях простое ВУ может состоять только из средств инициирования (электродетонатора или нескольких электродетонаторов).

В зависимости от *конструкции взрывательного механизма* ВУ могут быть огневого, электрического, механического, химического или комбинированного срабатывания.

По *механизму действия* ВУ подразделяются на устройства фугасного, осколочного или кумулятивного действия. Например, некоторые штатные боеприпасы, выстреливаемые из оружия (снаряды, мины, гранаты, выстрелы), делятся на осколочные, фугасные, осколочно-фугасные, бронебойные, бетонобойные, кумулятивные.

По *назначению* различают ВУ, предназначенные для поражения людей, вывода из строя техники или транспортных средств,

разрушения или повреждения зданий, сооружений, а также объектов жизнеобеспечения населения. Например, штатные мины делятся на противопехотные, противотранспортные, объектные, сплавные и специальные. Противотранспортные мины предназначены для разрушения железных и автомобильных дорог, вывода из строя транспортных средств. Объектные мины, как правило, замедленного действия взрываются по истечении заданного срока замедления. Сплавные мины применяются на реках и срабатывают при встрече с преградой (мосты, понтоны, плавсредства). К специальным относятся мины-ловушки, сигнальные и диверсионные.

По *времени срабатывания* ВУ классифицируются на мгновенные, короткозамедленные и замедленные.

Мгновенные ВУ срабатывают незамедлительно, например, после преобразования в капсуле-детонаторе теплового (луча огня) или механического (накола, удара, трения) импульса во взрывной.

Короткозамедленное срабатывание происходит от 3 до 10 с (например, гранаты РГД-5, РГ-42, Ф-1, РГО и т. д.).

Взрывные устройства замедленного действия срабатывают по истечении заранее установленного промежутка времени – от нескольких минут до многих часов. В них используются часовые, химические или другие механизмы замедления.

По *способу управляемости* на расстоянии ВУ могут быть проводными (по типу связанных), механическими (шпагат, бечевка и т. п.), с использованием радиолиний.

В криминалистической литературе существует несколько точек зрения классификации ВУ по *мощности взрывчатого вещества* (в тротиловом эквиваленте)¹. По нашему мнению, наиболее оптимальной представляется пятиступенчатая классификация ВУ по массе взрывчатого вещества, предложенная И. Д. Моторным (менее 50 г, 50–1000 г, 1–10 кг, 10–100 кг, свыше 100 кг)².

Практическое значение классификации ВУ по мощности взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте представляется важным в

¹ См.: Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Основы криминалистического исследования самодельных взрывных устройств. М., 1991.

² См.: Моторный И. Д. Указ. соч. С. 177.

связи с дифференциацией уголовной ответственности по ст. 222 и 223 УК РФ (незаконное приобретение, изготовление, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ и взрывных устройств)¹.

Выбор того или иного средства совершения взрыва обусловлен многими обстоятельствами, среди которых основными являются следующие:

- возможности иметь то или иное ВУ и взрывчатое вещество (финансовые связи, место службы или работы и т. п.);
- наличие знаний и навыков во взрывном деле и смежных отраслях (взрывотехника, химия, электроника и т. п.);
- поставленная цель (убийство, уничтожение имущества, угроза и т. п.);
- характер объекта посягательства (наличие охраны, возможности доступа, степень защищенности, личные качества жертвы и т. п.);
- личные качества преступника (жестокость, дерзость, трусость и т. п.).

Э. О. Самитов,
*старший преподаватель
кафедры государственно-правовых
дисциплин и гражданского права
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат психологических наук*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ИСТЯЗАНИЙ

Несмотря на кажущуюся ясность понятия «выявление преступления», уяснить его сущность довольно сложно, о чем свиде-

¹ С нашей точки зрения, для этого имеются достаточные основания. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 (в ред. 6 февраля 2007 г. № 7) указывается, что при оценке степени общественной опасности содеянного и назначении наказания необходимо учитывать цели и мотивы действий виновного, источник и способ завладения, вид, количество, боевые свойства и стоимость похищенных боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств. Действительно, степень общественной опасности и тяжесть последствий взрыва ВУ во многом определяются массой заряда взрывчатого вещества.

Знание сотрудниками правоохранительных органов отмеченных закономерностей позволяет более точно оценить сложившуюся ситуацию, связанную с криминальным взрывом, обоснованно строить версии и оптимально осуществлять производство следственных и розыскных действий.

Библиографический список

1. *Артамонов, И. И.* Терроризм: способы предотвращения, методика расследования : монография / И. И. Артамонов. – М., 2002.
2. *Моторный, И. Д.* Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом : монография / И. Д. Моторный. – М., 1999.
3. *Ручкин, В. А.* Основы криминалистических знаний о боеприпасах и взрывчатых веществах и ответственность за преступное обращение с ними : учеб. пособие / В. А. Ручкин, А. И. Железняков, А. С. Сенцов, А. Н. Калашников. – Волгоград, 1995.

тельствуют первые специально посвященные этому теоретические изыскания².

В выявлении преступлений наиболее важным и, бесспорно, наиболее трудным представляется выявление так называемой латентной преступности, поскольку далеко не все совершаемые в обществе преступления становятся известными, одним из таких преступлений выступает истязание. При так называемых явных истязаниях процессы обнаружения и доказывания сливаются. То же самое происходит, когда новые истязания и лица, виновные в их совершении, обнаруживаются в процессе расследования уголовного дела или рассмотрения его судом. Есть одна задача – выявление истязаний. В ее решении в большей или меньшей степени принимают участие как оперативные службы органов дознания, так и следователь. Более того, во многих случаях необходимый этап в этой работе – именно выявление истязания и лиц, его совершивших, который часто начинается задолго до возбуждения уголовного дела.

² См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: В 3 т. М., 2007. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 297.

Выявить истязание значит обнаружить факт преступления, событие преступления, сделать его явным для тех органов, на которые возложена борьба с преступностью. Только факт обнаружения истязания служит поводом для возбуждения уголовного дела и дальнейшей работы по расследованию данного преступления. Без этого деятельность по раскрытию данной категории преступлений беспредметна, бесцельна¹.

Не вызывает сомнений следующее положение: до тех пор, пока факт совершения истязания не доказан, его нельзя считать установленным, точно так же, как нельзя считать установленным лицо, совершившее преступление, пока не доказана его вина. Можно иметь веские данные, например, оперативные, подтверждающие факт совершения истязания и виновность в том определенного лица, но пока эти данные не закреплены собранными по делу доказательствами, т. е. не получены процессуальным путем из источников, указанных в законе, то и факт истязания, и лицо, совершившее его, считаются не установленными, а преступление – не раскрытым. Доказывание события истязания со всеми его признаками и виновности конкретных лиц, совершивших его, – уже следующий, завершающий, этап процесса раскрытия преступления².

Своевременное выявление юридических признаков истязания – это первостепенная задача для правоохранительных органов в ходе раскрытия и расследования преступлений данной категории, которые осуществляются различными способами и от которых зависит реализация умысла.

Выявить факт истязания помогают его признаки, к которым относятся особенности способов совершения истязания, возникающие в результате психического и физического насилия над потерпевшим. Особую группу признаков преступной деятельности истязателей составляют следы, повреждения и уничтожения имущества и собственности потерпевшего.

Для своевременного выявления факта истязания необходимо знать источники, ко-

торые способствуют получению сведений о совершенном или готовящемся истязании.

В зависимости от конкретной следственной ситуации источниками осведомленности о фактах истязания могут быть: родственники, соседи, коллеги по работе, друзья, администраторы и другие работники обслуживающего персонала гостиниц, кафе, баров, ночных клубов, кемпингов, мотелей и т. п. (там преступники проводят свое свободное время, играют в азартные игры, организуют встречи), водители такси, посетители игорных домов, женщины легкого поведения, морально опустившиеся люди, вращающиеся в кругу антиобщественных элементов. Сведения о признаках истязания могут быть получены из результатов сообщений лечебных учреждений, школ, проверок неблагоприятных семей, исправительных учреждений, воинских частей и т. д.³

Источниками установления истязаний также являются материалы прекращенных милицией уголовных дел или отказов в возбуждении уголовных дел; информация бюро судебно-медицинских экспертиз, медицинских учреждений; показания экспертов и др.

Как показывает анализ материалов практики, многие истязания своевременно не выявляются и, следовательно, не попадают в уголовную статистику, оставаясь латентными. Поэтому в официальных сводках отражается не состояние преступности рассматриваемой категории, а показатели работы правоохранительных органов по их выявлению и раскрытию.

К факторам, обуславливающим латентность истязаний, относятся: нежелание огласки со стороны потерпевшего; малозначительность причиненного преступлением ущерба; неуверенность в реальности наказания преступника; особые взаимоотношения потерпевшего, свидетелей и преступника; боязнь угроз со стороны преступника; дефекты правосознания.

Методы выявления истязаний можно условно распределить на две группы.

Первая группа представлена следующими социологическими методами: наблюде-

¹ См.: Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965. С. 65.

² См.: Руководство для следователей / Под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. М., 2005. С. 732.

³ См.: Винокуров С. И. Криминалистическая характеристика преступлений, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений. Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976. С. 304.

ние (включенное наблюдение), опросы, анкетирование, экспертные оценки, обзоры виктимизации населения, контент-анализ материалов прессы и некоторые другие.

Во вторую группу, которую мы назвали оперативно-следственной, вошла совокупность приемов и способов выявления истязаний, применяемых в оперативной и следственной деятельности правоохранительных органов. Последний из указанных социологических методов – контент-анализ материалов прессы, который включает и проверку принятых мер по критическим выступлениям в печати, – может с успехом применяться и порой применяется в работе правоохранительных органов. Вместе с тем изучение документов, содержащих прямые или косвенные данные (сведения) об истязаниях, хотя и относится к социологическим приемам, но с учетом широкого его применения в оперативно-следственной практике мы посчитали необходимым отнести в группу оперативно-следственных методов.

Проведенные социологические исследования, полученные с помощью опросов, экспертных оценок, обзора виктимизации населения, говорят о том, что достоянием правоохранительных органов становится информация примерно об одной трети всех совершаемых преступлений, чуть более две трети из них остаются латентными¹.

Оперативно-следственная группа методов выявления истязаний охватывает довольно широкий спектр приемов обнаружения преступления. Некоторые из них (информационно-сравнительный) сводятся к сопоставлению и сравнительному изучению сведений, нашедших отражение в соответствующих приказах, решениях, представлениях, служебных справках, отчетах и иных документах, которые содержат количественные показатели, с официальными данными возбужденных по ним уголовных дел. Тем самым удается установить преступления, информация о совершении которых не была доведена до правоохранительных органов (естественная латентность), либо эти факты, став их достоянием, не повлекли законных мер реагирования (искусственная латентность).

¹ См.: Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000. С. 18.

К недостаткам данного метода можно отнести спорность определения числа классификационных групп истязаний и известную условность нижних и верхних их пределов, а также присущие данному процессу элементы субъективизма.

Выявлению истязаний во многом способствуют научно организованные опросы населения, предполагаемых потерпевших от преступлений (такой метод называется методом виктимологизации). Именно в этом случае можно установить (хотя бы примерно) соотношение между зарегистрированной и незарегистрированной преступностью.

Методом выявления истязаний может быть и метод экспертных оценок. В необходимых случаях можно приглашать несколько экспертов для сопоставления их мнений.

Иными словами, выявление истязаний – большая социальная проблема, позволяющая выявлять нам более точное число истязаний, преодолевать трудности в социальной практике, а значит, и более реально подходить к разработке мер предупреждения преступности.

Наиболее часто истязания совершаются в армии, исправительных учреждениях, школах, спортивных секциях, семьях музыкантов, художников, лиц с психической и органической патологией и неблагополучных семьях.

Дедовщина – это часть иерархической системы в армии, которая часто переходит в истязания. Такая иерархия возникает автоматически: каждый выясняет свои возможности в противостоянии с другими. Через какое-то время выстроится иерархическая система, количество стычек резко уменьшится, а во главе группы окажется самая сильная личность – доминант. Причем доминант будет сильнее других не столько физически, сколько психологически.

В гражданских сообществах, в отличие от армии, человек всегда может покинуть угнетающий его коллектив, потому взаимоотношения между людьми более человеческие, есть возможность избежать жестких форм взаимоотношений.

Относительно истязаний в тюрьмах, то дело здесь не в числе заключенных, а в опасности, которую эти люди представляют, и предотвращении негативного влияния преступных авторитетов.

В качестве рекомендаций по выявлению истязаний в исправительных учреждениях можно назвать следующие:

- необходимо наладить агентурную сеть;
- шире использовать видеокамеры;
- проводить индивидуальные собеседования с каждым заключенным в период его пребывания в местах лишения свободы по специально составленному психологами вопроснику с целью выявления особенностей психики, условий жизни и воспитания в семье, а также склонности к дракам, воровству, жестокому обращению с животными, насилию над младшими или более слабыми товарищами, алкогольной, наркотической зависимости и др.;
- вести специальный журнал индивидуальной работы, в котором должны быть отражены основные биографические, психологические и другие данные по каждому осужденному, а также все случаи нарушения им дисциплины, принятые по ним меры и оценка их эффективности;
- проводить обязательный визуальный осмотр осужденных с целью осмотра всех частей тела на предмет наличия синяков и ссадин;
- организовать работу медицинского персонала с осужденными по профилактике истязаний.

Насилие в школе – проблема, актуальная во многих странах мира. Решение ее требует усилий всего общества.

В связи с этим, начиная с 2002 г., в Совете Европы осуществляются интегрированные проекты, направленные на поиски способов противодействия бытовому и школьному насилию в демократическом обществе.

Первым шагом по выявлению любых истязаний является осуждение и их запрещение во всех формах по отношению к кому бы то ни

было. В школах подобное может быть осуществлено путем утверждения четкой программы и правил в отношении насилия и других форм агрессии. Все те, кто должен следовать линиям поведения или несут ответственность за их поддержание, должны быть представлены в органе, их разрабатывающем. Это учителя и другой школьный персонал, учащиеся, родители и члены сообщества, особенно те, кто занимается обеспечением правопорядка или здравоохранением и социальным обслуживанием, а также бизнесмены, религиозные лидеры и государственные чиновники. Люди гораздо охотнее поддерживают программы, в разработке которых они принимали участие, а меры по устранению насилия в школе будут более результативными, если они найдут поддержку в семье и сообществе.

В заключение отметим следующее. Несвоевременное выявление истязаний влечет чувство безнаказанности у преступников. Нередко истязания совершаются в совокупности с другими, более тяжкими, преступлениями против личности: убийствами, тяжкими телесными повреждениями, вымогательствами и т. п. Причем истязания становятся как бы первой ступенью к их совершению. Таким образом, учитывая особую опасность данного вида преступлений, правоохранительные органы должны приложить все усилия по своевременному выявлению истязаний.

Библиографический список

1. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : [принята Ген. Ассамблеей ООН 10 дек. 1984 г.] // Рос. юстиция. – 1995. – № 4.
2. Яблоков, Н. П. Криминалистика / Н. П. Яблоков. – М., 2000.

В. В. Сенкевич,
соискатель Академии ФСИН России

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН – УЧАСТНИЦ СНГ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБЕГ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Процесс становления на постсоветском пространстве независимых, демократических, социально ориентированных правовых госу-

дарств и стремление их к взаимной интеграции объективно обуславливает необходимость сближения правовых и законодательных систем. По своей сущности сближение правовых систем – процесс обоюдный, своеобразная конвергенция, т. е. взаимопроникновение правовых идей и законодательных решений. Сближение характерно и для уголовного законодательства стран – участниц СНГ.

Как в России, так и в других странах СНГ содержание уголовного права, его внутренняя структура в последние годы претерпели ради-

кальные изменения, обусловленные коренными, революционными преобразованиями общественной жизни в целом и демократизацией политической системы, в частности.

Современная ситуация преобразований в России, странах СНГ неизбежно вызывает интерес к опыту друг друга, его сопоставлению в России с другими странами СНГ. Учет опыта данных стран, особенно при тщательном изучении их специфических условий, позволяет использовать отраслевые правовые институты, имеющие позитивное значение, а также избежать непродуктивные. Однако, по мнению В. Е. Чиркина, «для того, чтобы правильно использовать такие возможности, необходимо знать различные модели и институты, коротко изучить их достоинства и недостатки. Лучше всего это достигается при сопоставлении...»¹. Сказанное в полной мере относится к законодательству в целом и уголовному праву (применительно к теме настоящей публикации) стран СНГ, в частности.

Отправной точкой для выяснения сущности любого преступного посягательства, в том числе и преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» и соответствующих статей УК стран – участников СНГ, является определение объекта посягательства, т. е. тех общественных отношений, которым оно причиняет вред.

По уголовному законодательству большинства государств – участников СНГ непосредственным объектом данного преступления является нормальная деятельность органов правосудия, деятельность органов предварительного расследования по реализации задержания подозреваемого и такой меры пресечения, как заключение под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в качестве необходимого условия для обеспечения уголовного преследования и правосудия². Исключение составляет УК Узбекистана, согласно которому объектом побега из мест лишения свободы (ст. 222) является нормальная деятельность учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы

или деятельность органов дознания, предварительного следствия или суда, а также здоровье лиц, препятствующих побегу³. По нашему мнению, данное утверждение нуждается в уточнении: нормальная деятельность учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы или деятельность органов дознания, предварительного следствия или суда в этом случае будет являться основным, а здоровье лиц, препятствующих побегу, – дополнительным объектом преступления.

Объективная сторона преступления выражается в побеге из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. Аналогичным образом данный элемент состава преступления сформулирован в уголовных законах всех государств – участников СНГ. Под побегом в уголовных кодексах всех республик понимается самовольное незаконное оставление места лишения свободы или пребывания под стражей лицом, отбывающим наказание или находящимся под предварительным заключением, т. е. выход за пределы охраняемой территории. Побег из-под конвоя имеет место независимо от места конвоирования. Уклонение от предписанного маршрута следования осужденного к лишению свободы, которому разрешено передвижение без конвоя (ст. 96 УИК РФ), побегом не является.

Следует заметить, что уголовное законодательство Украины побег из специализированного лечебного учреждения выделяет в самостоятельный состав преступления (ст. 394 УК Украины). От побега из места лишения свободы или из-под стражи (ст. 393 УК Украины) он отличается отсутствием квалифицирующих признаков и характером санкции – арест на срок от шести месяцев или лишением свободы на срок до двух лет (по ч. 1 ст. 393 УК Украины – лишение свободы на срок от трех до пяти лет).

Уголовное законодательство Молдавии в качестве самостоятельного состава преступления предусматривает «способствование побегу» (ст. 318). Объективная сторона состава преступления заключается в способствовании побегу любыми средствами (ч. 1 ст. 318 УК Молдавии). Указанная статья предусматривает квалифицирующие признаки: способствование побегу должност-

¹ Чиркин В. Е. Основы сравнительного государственного права. М., 1997. С. 5.

² См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 3. Особенная часть (главы XI–XXI). С. 488.

³ См.: Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть: Учеб. для вузов / М. Х. Рустамбаев. Ташкент, 2002. С. 332.

ным лицом (ч. 2 ст. 318 УК Молдавии); содействие побегу задержанного, арестованного или осужденного за тяжкое, особо тяжкое или чрезвычайно тяжкое преступление (ч. 3 ст. 318 УК Молдавии), – а также содержит норму, устанавливающую ответственность за содействие побегу по неосторожности (ч. 4 ст. 318 УК Молдавии).

Анализ объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 313 УК РФ, аналогичных статей уголовных кодексов других республик позволяет заключить, что признаки, характеризующие этот элемент преступления, по уголовным кодексам России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Азербайджана и других республик в целом совпадают, однако есть и отличия, в основном касающиеся объемов правового регулирования.

По российскому законодательству и уголовному законодательству большинства стран – участниц СНГ побег считается оконченным преступлением с момента самовольного оставления места лишения свободы или места пребывания под стражей. Уголовный кодекс Армении содержит норму, согласно которой лицо, совершившее побег, освобождается от уголовной ответственности, если уголовное производство было прекращено или вынесено оправдательное решение по делу, по которому лицо было осуждено к лишению свободы, аресту или было задержано (ч. 3 ст. 355).

В ст. 313 УК РФ, ст. 413 УК Белоруссии, ст. 393 УК Украины, ст. 304 УК Армении (кроме ст. 358 УК Казахстана) не предусматривается вариант освобождения от уголовной ответственности за побег лиц, добровольно возвратившихся в места лишения свободы или заключения под стражу. В то же время в уголовных кодексах некоторых стран СНГ имеются различные варианты освобождения от уголовной ответственности за побег лиц, добровольно возвратившихся в места лишения свободы или заключения под стражу.

В соответствии с уголовным законодательством Казахстана лицо, добровольно возвратившееся в семидневный срок с момента совершения побега в место заключения или под стражу, освобождается от уголовной ответственности за побег, если оно не совершило иного нового преступления, если побег не был сопряжен с применением насилия, опасного для жизни или здоровья,

либо с угрозой применения такого насилия, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (примечание к ст. 358 УК Казахстана).

Согласно примечанию к ст. 336 УК Киргизии лицо, добровольно возвратившееся в трехдневный срок с момента совершения побега впервые в места лишения свободы или под стражу, освобождается от уголовной ответственности, если оно не совершило нового преступления или если побег не был совершен группой лиц по предварительному сговору; организованной группой; с применением физического насилия, опасного для жизни или здоровья других лиц, либо с угрозой его применения; с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

В примечании к ст. 365 УК Таджикистана содержится указание на то, что лицо, добровольно возвратившееся в трехдневный срок в места лишения свободы под арест или под стражу, может быть освобождено судом от уголовной ответственности за побег.

Сама по себе идея возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших побег, в случае явки их с повинной и при наличии ряда установленных в законе обстоятельств, заслуживает внимания. Встречаются случаи, когда это преступление совершается спонтанно. Например, осужденный обнаруживает, что его охраняют небрежно, и, воспользовавшись этим обстоятельством, совершает побег; лицо, находящееся в заключении или под стражей, видит, как кто-то совершает побег и присоединяется к нему. Возможен также побег, вызываемый стрессовым состоянием, психическим срывом и т. д.

Многие из осужденных, совершивших побег, вскоре осознают бессмысленность и опасность содеянного для них самих. Поэтому желательно прописать в законе возможность рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности при добровольной явке с повинной, допустим, в трехдневный срок. Вполне понятно, что такое освобождение от уголовной ответственности должно осуществляться судом и в отношении лиц, совершивших побег впервые и без предварительного сговора или в организованной группе. Недопустимо такое освобождение от уголовной ответственности и за побег, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья,

либо с угрозой применения такого насилия, а также с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

В период разработки уголовного законодательства высказывались предложения о введении в УК РФ нормы, предусматривающей специальные основания освобождения от уголовной ответственности за побег. Например, авторы проекта Уголовного кодекса 1995 г. в примечании к ст. 307 указывали на подобную возможность при наличии трех обстоятельств: а) был совершен простой, а не квалифицированный побег; б) за время побега не совершено новое преступление; в) лицо в трехдневный срок с момента побега добровольно возвратилось в места лишения свободы.

Законодатель не согласился с таким подходом. Некоторые ученые полагают, что это верное решение, так как проект не учитывал специфику данного преступления, характеризующегося специальным субъектом, уже осужденным как минимум за одно преступление и в связи с этим предупрежденным от имени государства о недопустимости преступного поведения. По их мнению, реализация проекта могла вызвать чувство безнаказанности.

Другие авторы утверждают, что если бы такое предписание было установлено в УК РФ, то явка с повинной облегчила бы некоторым из тех, кто совершил побег, добровольное возвращение в место лишения свободы или содержания под стражей.

Субъективная сторона преступления. Субъективная сторона побега характеризуется виной в форме прямого умысла: неосторожные действия лица, находившегося под стражей, которые привели к временной утрате контроля над ним (лицо заблудилось во время разрешения передвижения без конвоя или сопровождения), не признаются преступными.

Субъект преступления. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, является лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы или находящееся под арестом (стражей) в качестве подозреваемого, обвиняемого или подсудимого и достигшее возраста 16 лет, задержанные и арестованные в административном порядке лица не являются субъектом рассматриваемого преступления. В случае побега с применением насилия или угроз в отношении охраны они подлежат ответственности против порядка управления, предусмотренной в том

числе ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»¹.

По уголовному законодательству Российской Федерации и большинства стран – участниц СНГ субъектом данного преступления могут быть лица вменяемые, достигшие 16-летнего возраста, отбывающие наказание в виде лишения свободы или ареста, а также находящиеся под стражей. При этом к лицам, находящимся под стражей, следует относить не только тех, в отношении которых избрана мера пресечения в виде ареста, но и тех, кто задержан по подозрению в совершении преступления. Исключение составляет уголовное законодательство Узбекистана (ч. 3 ст. 12 УК Узбекистана) и Белоруссии (ч. 2 ст. 27 УК Белоруссии), в которых ответственность за данное преступление наступает с 14 лет.

Квалифицирующие признаки. Уголовное законодательство Российской Федерации и всех государств – членов СНГ, предусматривающего ответственность за побег, содержит квалифицированные составы преступлений. Согласно УК РФ таковыми являются: побег, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 313); побег, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3 ст. 313).

Уголовные законы государств – членов СНГ, помимо указанных, в УК РФ предусматривают такие квалифицирующие признаки, как: побег, совершенный группой лиц (ч. 2 ст. 355 УК Армении, ч. 2 ст. 222 УК Узбекистана); побег, совершенный повторно; совершенный двумя или более лицами (ч. 2 ст. 317 УК Молдавии). Повторность как квалифицирующий признак имеет место и в УК Туркмении (ч. 2 ст. 207), и в УК Украины (ч. 2 ст. 393); побег, совершенный с причинением легкого или средней тяжести телесного повреждения; особо опасным рецидивистом (ч. 2 ст. 222 УК Узбекистана); побег, совершенный путем подкопа, а также с повреждением инженерно-технических средств охраны (ч. 2 ст. 393 УК Украины).

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2000. С. 965.

В соответствии со ст. 34 УК Азербайджана преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении совместно участвовали два или более лица.

Согласно ч. 1 ст. 18 УК Белоруссии преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности.

В отличие от УК Белоруссии, целью соединения в организованную группу по УК РФ (ч. 3 ст. 35) является совершение одного или нескольких преступлений, а не совместная преступная деятельность.

В УК Украины (ч. 3 ст. 28) преступление, совершенное организованной группой, признается таковым, «если в его приготовлении или совершении принимали участие несколько лиц (три или более), которые предварительно организовались в устойчивое объединение для совершения этого или другого (других) преступлений, объединенных единым планом с распределением функций участников группы, направленных на достижение этого плана, известное всем участникам группы».

Необходимо отметить, что ч. 2 ст. 341 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ предусматривает ответственность за совершение побега только группой лиц по предварительному сговору.

Санкции. Несмотря на то, что уголовное законодательство Российской Федерации и других государств – участников СНГ обладает широким диапазоном мер наказания, за побег установлен только один вид наказания – лишение свободы. За простой состав преступления мерой такого наказания является лишение свободы: сроком до 3 лет – УК РФ, УК Белоруссии, УК Армении, УК Казахстана, УК Киргизии, УК Туркмении; до 5 лет – УК Украины.

За квалифицированные составы побегов определены следующие сроки лишения свободы: до 5 лет – УК РФ; от 2 до 6 лет – УК Азербайджана; не свыше 8 лет – УК Армении; от 2 до 7 лет – УК Белоруссии; от 5 до 10 лет – УК Молдавии; до 7 лет – УК Казахстана; от 3 до 8 лет – УК Киргизии; от 5 до 20 лет – УК Таджикистана; от 3 до 6 лет – УК Туркмении; от 5 до 8 лет – УК Узбекистана и УК Украины.

В заключение рассмотрения уголовного законодательства России и других стран – участниц СНГ, предусматривающего ответственность за побег, следует отметить, что уголовные кодексы всех государств предусматривают ответственность за данное преступление. Оно в основном идентично по трактовке объекта преступного посягательства.

Одинаково сформулирована объективная сторона преступления – самовольное оставление места отбывания наказания в виде лишения свободы, содержания под стражей или под арестом; субъективная сторона преступления – умышленная форма вины. В большинстве республик ответственность за побег наступает с 16 лет. Уголовное законодательство только двух стран СНГ (Белоруссия, Узбекистан) предусматривает ответственность за побег с 14 лет. Данный состав преступления в уголовных кодексах всех государств СНГ имеет квалифицирующие признаки.

В то же время сопоставление уголовных кодексов указанных государств позволяет сделать вывод и о наличии значительных особенностей, по сравнению с УК РФ, норм, устанавливающих ответственность за это преступление. Среди них:

- УК РФ (ст. 313) содержит простой, квалифицированный и особо квалифицированный составы побега. Особо квалифицирующие признаки не имеют место в уголовном кодексе ни одной из республик. Уголовным законодательством Армении предусмотрен только простой состав преступления;

- в отличие от УК РФ и других государств уголовное законодательство трех стран предусматривает освобождение от ответственности в случае добровольного возвращения лица, совершившего побег, в места лишения свободы, ареста или содержания под стражей (УК Казахстана, Киргизии и Таджикистана). По нашему мнению, приведенный опыт заслуживает внимания российского законодателя.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановочными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С. И. Никулина. – М., 2000.
2. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 3. Особенная часть (главы XI–XXI) / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

Е. Ю. Смирнова,
*заместитель декана заочной формы
обучения Владимирского филиала
Российского университета кооперации*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ОБЛАСТИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Развернувшийся процесс реформирования экономики России объективно требует нового подхода к сущности происходящих явлений и процессов, выявлению тенденций в их развитии. Факт формирования и реализации успешной социальной политики можно рассматривать в качестве важного свидетельства и даже критерия эффективности реформ, свидетельства прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов.

Социальная политика реализуется с помощью управления социальной сферой. Объектом социальной политики в регионе выступают все его население, отдельные индивиды, социальные общности, действующие на соответствующей территории. Субъектами государственной социальной политики в регионе являются региональные законодательные, исполнительные и судебные органы власти, оказывающие воздействие на социальную сферу региона.

Сфера социальной политики распространяется не только на социальные, экономические, но и политические проблемы.

Правовое регулирование в социальной сфере формируется под воздействием государственной социальной политики, которая уточняется в правительственных программах социальных реформ, облеченных в форму подзаконных нормативных правовых актов: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты глав исполнительной власти субъектов РФ. В то же время следует учитывать, что регулирование социальной сферы (включая правовое регулирование) имеет определенную инерционность и основано на том положении, что такое регулирование должно привести к результатам не ниже имевшихся до включения процесса регулирования.

Правовая база развития социальной сферы включает в себя три уровня, формируемых соответственно органами власти Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований. В соответствии с Конституцией

РФ регулирование подавляющего большинства социальных вопросов находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В случае отсутствия федерального закона, регулирующего те или иные отношения в развитии отраслей социальной сферы, на практике субъектами Федерации с опережением принимаются свои законы. Органы местного самоуправления в соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 12 августа 1995 г. № 154-ФЗ¹ ведут активное нормотворчество по большому перечню социальных вопросов.

Региональная социальная политика федерального центра последние годы в большей степени ориентирована на передачу ряда социальных функций территориям при сохранении приоритета в решении вопросов пенсионного обеспечения социального страхования, занятости за федеральными органами. На наш взгляд, это вынужденная мера, а не желание центра укрепить самостоятельность регионов, поскольку постоянный спад производства существенно уменьшил экономический потенциал страны, соответственно и базу социальных реформ.

Важным аспектом социальной политики является правовое регулирование занятости населения.

Нормативно-правовой основой государственной политики занятости является Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1, в котором определены: понятие занятости, субъекты, считающиеся занятыми, порядок признания гражданина безработным, полномочия органов власти и органов местного самоуправления в области содействия занятости населения.

Несмотря на усиленное внимание к вопросам занятости, в отечественной экономической литературе отсутствует методологическая четкость в определении и анализе этого понятия.

По мнению ряда авторов (В. Костаков, А. Никифорова, Н. Гаузнер, Л. Киян²,

¹ См.: Рос. газ. 1995. 1 сент.

² См.: Костаков В. Прогноз занятости населения (методологические основы). М., 2000. С. 91; Никифорова А. Рынок труда: занятость и безработица. М., 1991. С. 29; Гаузнер Н. Методы регулирования занятости в странах Запада // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 1. С. 9; Киян Л. Маркетинг рынка труда. Воронеж, 1995. С. 9.

Н. Вологин, С. Дудников), это деятельность трудоспособного населения по созданию общественного продукта, национального дохода. Согласно ч. 1 ст. 1 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» «занятость — это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход». При проведении рыночных преобразований преобладало упрощенное понимание занятости: все проблемы сводились к безработице.

Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» можно считать первым, но не совсем удачным опытом оформления государственной политики занятости в рыночных условиях. В его положениях регулируется не занятость, а в основном защита безработных граждан, мало обращается внимания на устранение причин безработицы в стране.

С нашей точки зрения, приведенное выше определение не совсем конкретно и не учитывает новые подходы к решению проблем занятости. Ведь человек считается занятым и в том случае, если он, например, находится в отпуске, тогда как процесс труда ограничен рамками рабочего времени. Очевидно, что временные границы занятости и труда не совпадают.

Занятость гораздо шире и в пространственном, и во временном отношении, чем собственно практическая деятельность.

Несомненно, трудовая деятельность является главной составляющей занятости. Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, понятие «занятость» отражает процесс включения работника в хозяйственную и иную, не запрещенную законом деятельность и непосредственное его участие в этой деятельности. По содержанию занятость необходимо рассматривать в единстве демографических, экономических и социальных процессов.

В последние годы изменения и дополнения, вносимые законодателями в данный Закон, как правило, сводились к упорядочению выплаты пособия по безработице. Был расширен круг социально уязвимых работников на рынке труда, что отражалось в структуре расходов Государственного фонда занятости.

Важную роль в регулировании занятости и рынка труда в России призван сыграть введенный в действие с февраля 2002 г. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее: ТК РФ).

Третьего апреля 2001 г. в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент РФ обращал внимание на необходимость трудового законодательства, которое защищало бы права и интересы работников не на бумаге, а на деле.

В ранее действующей Конституции личная свобода граждан в сфере занятости была ограничена: труд провозглашался обязанностью всех трудоспособных членов общества, а уклонение от него преследовалось по закону.

В соответствии с ч. 2. ст. 37 действующей Конституции РФ принудительный труд запрещен.

Выше отмечалось, что Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» закрепил свободу выбора и личную свободу граждан в сфере занятости. Кроме того, гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному, творческому труду. Принуждение к труду в какой-либо форме не допускается.

Таким образом, законодательно закреплено право личной собственности на рабочую силу.

Однако перед юридическим закреплением свободы выбора возникают препятствия иного рода: экономические, политические, социальные, ограничивающие личную свободу выбора и мобильность субъектов на рынке труда.

Серьезным ограничителем свободы выбора населения в сфере занятости является материальный фактор.

На российском рынке труда легко обнаружить злоупотребления со стороны работодателей, реальная власть которых часто выходит за рамки равноправных отношений по найму. Это проявляется не только в занижении заработной платы, но и плохих условий занятости, игнорировании норм трудового законодательства, сознательном искажении информации о качестве рабочих мест. Выдача основной заработной платы «в конверте», делающая человека зависимым от субъективного мнения работодате-

ля, — только одно из проявлений неравных условий, в которых может оказаться одна из сторон трудовых отношений. Неравные, конкурентные возможности работников и работодателей закреплены трудовым законодательством и сложившимися традициями. В соответствии со ст. 15 ТК РФ работник обязан подчиняться правилам внутрифирменного распорядка, а фактически работодателю, который их утверждает. Это свидетельствует о том, что ТК РФ требует дальнейшего развития и конкретизации.

Преимуществом России, по сравнению, например, со странами третьего мира, к которым она близка по ряду социально-экономических, экологических и других параметров, является отвечающий мировым стандартам высокий уровень образовательного и профессионально-квалифицированного потенциала населения. Однако в настоящее время быстрое снижение заработной платы и падение престижа большого количества профессий и специальностей, требующих труда высокого качества, приводит к тому, что страна теряет накопленный человеческий капитал.

В России работники с высшим образованием представляют одну из наименее социально защищенных групп (об этом можно судить как по уровню их оплаты, так и по имеющимся у них гарантиям занятости). Сравнительно высокодоходной, а потому быстро набирающей престиж, категорией рабочей силы являются люди, занятые в сфере торговли и услуг на работах, не требующих или почти не требующих образования и профессиональной подготовки. В развитых же странах данная категория составляет наименее благополучный сегмент (без учета лиц, утрачивающих связь с рынком).

Сегодня политика занятости в России направлена на помощь традиционным группам риска и лицам, которым грозит высвобождение с промышленных предприятий. Проблемы же наиболее ценной (с точки зрения долговременной экономической отдачи) части трудового потенциала остаются нерешенными. Вместе с тем обесценивание и растрата человеческого капитала набирают силу в результате перехода квалифицированных работников на лучше оплачиваемую, но не требующую навыков и знаний работу, а также за счет «утечки мозгов». Этот процесс усугубляется тем, что молодежь отдает предпочтение

не получению образования и приобретению квалифицированных профессий, а примитивным видам занятий, быстро приносящих значительные доходы, или получению модных профессий, не востребованных на рынке.

Трудоустройство молодежи на рынке труда является одной из основных проблем социальной политики.

Так, в ходе исследования состояния рынка труда молодых специалистов Владимирской области в 2007 г. выявлено, что разрыв между предложением и спросом очень велик, предложение в сегменте рынка труда специалистов намного превышает спрос (по вакансиям специалистов). В результате 62 % выпускников вузов работают не по полученным специальностям, а также пополняют ряды безработных.

Среди безработных граждан, состоящих на регистрационном учете в центре занятости города Владимира, на 1 января 2007 г. доля молодежи составляет 29,4 %. Поэтому серьезной проблемой для рынка труда области является трудоустройство выпускников высших и средних специальных учебных заведений.

Основными причинами профессиональной невостребованности выпускников на рынке труда Владимирской области являются:

- несоответствие структуры профессионального образования актуальным и перспективным потребностям рынка труда по квалификационному уровню и профессиональной структуре;
- структура профессионального образования смещена в пользу высшей школы, при этом потребность работодателей в специалистах с высшим образованием ниже, чем соответствующее предложение на рынке труда;
- структура начального и среднего профессионального образования не отвечает потребностям рынка труда, поэтому спрос на квалифицированных рабочих и специалистов не может быть полностью удовлетворен;
- расширяется коммерческий сектор профессионального образования, что приводит к возрастанию роли населения при формировании спроса на образовательные услуги;
- профессиональная ориентация среди молодежи не носит системного характера, не оказывает должного влияния на формирование спроса на образовательные услуги;
- сохраняется низкий мотивационный уровень молодежи к работе по полученной

профессии, специальности, в том числе по причине условий и организации труда предлагаемого рабочего места (низкая заработная плата, тяжелые, вредные и опасные условия труда, травматизм и др.).

Все это означает, что разработку государственной политики занятости молодежи следует рассматривать как сложный, многоуровневый процесс.

На наш взгляд, необходимо законодательное закрепление определенных полномочий органов по делам молодежи всех уровней в целях лучшей правовой защиты молодых граждан.

Вместе с тем правовая неопределенность, фактически сложившаяся во многом из-за отсутствия научных правовых разработок в данной области, приводит к существенным изъянам в формировании правовых перспектив реализации государственной молодежной политики. В частности, Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года (утв. постановлением Правительства РФ от 15 августа 2001 г.) предусматривала полную передачу молодежной политики на региональный уровень. Причем речь идет как об уровне правового регулирования, так и об обеспечении финансовыми средствами, структурами органов по делам молодежи.

Корректировка возможна в сторону большей ориентации на необходимость нормативного правового регулирования статуса молодежи; определения приоритетов с учетом специфики федерального, регионального и местного уровней; соответствия задач финансовым ресурсам и реальности ожидаемых конечных результатов.

Для повышения эффективности молодежной политики уже в ближайшей перспективе предстоит четко разграничить функции по ее формированию на федеральном, региональном и местном уровнях. На уровне Российской Федерации следует осуществить разработку целостного федерального законодательства в области государственной молодежной политики, основанного на соответствующих положениях Конституции РФ, найти продуктивные формы представления интересов молодежи в структуре высшей законодательной и исполнительной власти; создать механизмы подготовки кадров для работы с молодежью, нормативно закрепить проведе-

ние регулярных научных исследований о молодежи; определить статус социальных служб для молодежи и социальных работников, работников по делам молодежи; обозначить международное сотрудничество в сфере молодежной политики.

На уровне субъектов Федерации необходимо принятие программ по реализации молодежной политики в данном регионе; комплекс решений по региональной государственной молодежной политике в области налогообложения, занятости, труда, отдыха и т. д., относящихся к ведению региона и обеспечивающих условия для реализации государственной молодежной политики; представление интересов молодежи в структуре исполнительной власти.

На муниципальном уровне: функционирование муниципальной службы для молодежи; введение в структуру службы занятости Владимирской области отдела работы с молодежью; обеспечение выполнения нормативных документов о молодежи, региональной программы «Молодежь» и разработанной на ее основе местной одноименной программы, представление интересов молодежи в структуре власти.

Следует отметить, что законодательная неопределенность сферы молодежной политики сегодня является препятствием в деле воспитания и развития подрастающего поколения. Поэтому необходимо законодательное регулирование данной сферы.

Таким образом, правовое регулирование социальной политики в России требует глубокой и детальной проработки данного вопроса.

Библиографический список

1. Гаузнер, Н. Методы регулирования занятости в странах Запада / Н. Гаузнер // Проблемы теории и практики управления. – 1993. – № 1.
2. Киян, Л. Маркетинг рынка труда / Л. Киян. – Воронеж, 1995.
3. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. – М., 2002.
4. Костиков, В. Прогноз занятости населения (методологические основы) / В. Костиков. – М., 2000.
5. О занятости населения в Российской Федерации : закон РФ : [от 19 апр. 1991 г. № 1032-1] // Рос. газ. – 1996. – 6 мая.

И. А. Тараканов,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВ
И ПРИСПОСОБЛЕНИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВА
ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ**

Проблема пределов защиты при необходимой обороне и ее правомерности включает в себя несколько аспектов, среди которых немаловажное место занимает вопрос о допустимости применения автоматических механизмов и приспособлений, устраиваемых для защиты имущества от воров (например, самострелы, капканы, волчьи ямы, набитые на забор гвозди, битое стекло на каменном заборе и т. п.)¹. Данная проблема является весьма актуальной и дискуссионной. Однако действующее уголовное законодательство не регламентирует подобные случаи, а в судебной практике они решаются по-разному. Вместе с тем, учитывая сложность криминогенной ситуации в стране, рост числа краж с проникновением в жилища, дачи, хозяйственные постройки и другие помещения, эта проблема заслуживает пристального внимания и своего законодательного решения².

Вопрос о допустимости использования специального устройства защитительных приспособлений, предназначенных для пресечения посягательства путем причинения вреда посягавшему, имеет давнюю историю. Многие отечественные ученые-юристы утверждали, что собственник, устанавливающий капканы у забора, включающий электрический ток в проволочную ограду своего владения или же минирующий вход в амбар, действует в состоянии необходимой обороны. Так, группа криминалистов во главе с В. Ф. Кириченко придерживалась точки зрения, согласно которой устройство защитительных приспособлений, удовлетворяющее условиям правомерности

оборонительных действий, не должно влечь уголовной ответственности³. Если же преступнику путем использования таких приспособлений был причинен больший вред, чем это требовалось для отражения нападения, то наступала ответственность за превышение пределов необходимой обороны.

Противники данной теории утверждали, что автоматические приспособления могут представлять опасность не только для преступников, но и для других лиц, случайно оказавшихся в районе их действия. Так как регулировка защитительных приспособлений – процесс очень сложный, поэтому они могут причинить вред больший, чем это допускается правилами о необходимой обороне. Сославшись на эти обстоятельства, И. И. Слуцкий пришел к выводу, что устройство защитительных приспособлений не может быть признано допустимым⁴. Данную точку зрения разделяют также В. Н. Козак, М. И. Якубович и Ю. В. Баулин⁵.

Кроме того, Наумов А. В. указывает на то, что недопустима необходимая оборона против посягательств, которые ожидаются в будущем. В связи с этим он полагает справедливым квалифицировать такие случаи как обычное умышленное или неосторожное преступление (в зависимости от особенностей психического отношения виновного к наступлению определенных общественно опасных последствий)⁶.

Судебная практика в целом отрицает состояние необходимой обороны в случаях срабатывания охранных приспособлений, поскольку отсутствие нападения исключает необходимую оборону.

³ См.: Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. Л., 1948. С. 67–68; Паше-Озерский Н. Н. Обстоятельства, исключающие ответственность по советскому уголовному праву. М., 1954. С. 85; Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 62.

⁴ См.: Слуцкий И. И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 57–59.

⁵ См.: Якубович М. И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 105–106; Козак В. Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. С. 81; Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 247.

⁶ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 332–333.

¹ См.: Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962. С. 84.

² См.: Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2003. С. 76.

С целью защиты своего имущества от преступных посягательств некоторые граждане используют капканы, ловушки, самострелы в своих автомобилях, домах, квартирах, гаражах, сараях, садовых домиках и т. д. Существует также практика оставления на видном месте бутылки с отравленным алкогольным напитком. Цель установки данных устройств очевидна – причинить определенный вред преступнику, который забрался в указанные объекты, лишив его возможности завершить хищение.

Естественно, если лицу причиняется смерть или тяжкий вред здоровью в результате использования охранных приспособлений, то оно не в состоянии покинуть объект, откуда намеревалось совершить кражу. В таком случае преступник будет обнаружен на месте происшествия владельцем квартиры, гаража и т. д. либо другими гражданами, в том числе и сотрудниками милиции.

Причем в этой ситуации важное значение будет иметь объяснение своих действий собственника, установившего ловушку. Если он указывает, что устройство предназначалось специально для того, чтобы нанести вред лицу, покусившемуся на его имущество, то налицо обнаружение умысла. В итоге гражданин рискует быть привлеченным к уголовной ответственности за совершение умышленного преступления.

Более юридически грамотный собственник будет настаивать на том, что, например, использовал бутылку с отравленной водкой для борьбы с насекомыми-вредителями и соответственно не имел умысла на отравление преступников, проникших в принадлежащее ему помещение, либо оставил капкан в помещении в «заряженном» состоянии для последующего ремонта. Таким образом, причинение вреда здоровью преступника будет представлено как казус. Однако данный вариант защиты неприменим в ситуации, когда в ходе осмотра места происшествия выясняется, что механическое устройство было размещено с целью внезапного срабатывания при входе лица в помещение. Таким устройством может являться, например, самострел, соединенный веревкой с входной дверью и нацеленный на ее дверной проем. К объяснению лица, утверждающего, что умысла на причинение вреда проникшим в помещение лицам у него не было, отнесется крайне недоверчиво.

Таким образом, вероятность привлечения к уголовной ответственности лица, установившего защитительное устройство, во многом зависит от данных им объяснений. Причем чем искреннее будут эти объяснения, тем, вероятно, суровее ожидается наказание. Действительно, если лицо поясняет, что пыталось при помощи данного устройства защититься от посягательств на его собственность, то ему грозит наказание за совершение умышленного преступления против личности. А в противном случае его деяние будет расценено как неосторожное или невиновное причинение вреда.

Возникает парадокс: в одной и той же ситуации преимущество имеет лицо, проявившее неискренность. Иными словами, ложь становится выгоднее, чем правда, и как следствие устанавливается порочная практика не сообщать правоохранительным органам истинных сведений.

Следует обратить внимание на возможность и обязанность собственника осознавать тот факт, что в принадлежащем ему помещении может появиться посторонний человек. Тем не менее признавать за лицом обязанность осознавать данный факт представляется необоснованным. Нужно учитывать, что собственник, исключив возможность свободного доступа в зону действия устройства, устраняет вероятность причинения вреда случайным лицам. В связи с этим недопустимы защитительные приспособления, действием которых является взрыв или распыление ядовитого вещества. Обязать же гражданина осознавать тот факт, что преступник в любое время может путем взлома проникнуть в его помещение, означает, во-первых, признание неудовлетворительным состояние борьбы с имущественной преступностью, а во-вторых, неспособность правоохранительных органов защитить имущество граждан.

Таким образом, лицо, установившее защитительное устройство внутри помещения, свободный доступ в которое невозможен, теоретически может, но не должно осознавать возможность проникновения туда посторонних граждан. Соответственно срабатывание данного устройства при незаконном проникновении преступника следует признать невиновным причинением вреда, т. е. казусом. Сходная ситуация будет в

случае, если вор, незаконно проникнув в помещение, случайно заденет электропровода, торчащие из неисправной розетки.

Тем не менее следует заметить, что если от рассматриваемого устройства пострадали члены семьи собственника либо другие граждане, имеющие право пребывания в помещении, но не предупрежденные об установленном приспособлении, то его следует привлечь к уголовной ответственности за причинение вреда жизни или здоровью по неосторожности.

Таким образом, отказ в возбуждении уголовного дела по факту причинения вреда преступнику вследствие срабатывания защитительного устройства представляется возможным при соблюдении следующих условий:

1) была исключена возможность свободного доступа в зону срабатывания устройства;

2) действие устройства исключало возможность причинения вреда посторонним гражданам.

Следует согласиться с В. В. Ореховым, что никому не запрещено заблаговременно готовиться к необходимой обороне против предполагаемого посягательства. Такая подготовка не может рассматриваться как преждевременная защита, если вред преступнику причиняется во время совершения им общественно опасного посягательства¹. Тем не менее представляется более объективным расценивать «автоматическое»

причинение вреда преступнику, незаконно проникшему в жилище, помещение или хранилище, как казус. Это позволит избежать обвинительного уклона в расследовании и существенно снизит вероятность привлечения лица, установившего защитительное приспособление, к уголовной ответственности, поскольку в таком случае вопрос о превышении пределов необходимой обороны просто не возникнет. В результате этого у граждан появится уверенность в допустимости данного способа защиты от хищений. А это, в свою очередь, позволит более эффективно бороться с общеуголовной корыстной преступностью, которая в настоящее время представляет собой серьезную угрозу для общества.

Библиографический список

1. Баулин, Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю. В. Баулин. – Харьков, 1991.

2. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М., 1996.

3. Орехов, В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключаящие преступность деяния / В. В. Орехов. – СПб., 2003.

4. Паше-Озерский, Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость / Н. Н. Паше-Озерский. – М., 1962.

Т. А. Ткачук,

*доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России*

кандидат юридических наук, доцент

С. Н. Есин,

*адъюнкт Московского университета
МВД России*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОЗЫСКА ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ ОТ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ И СУДА

Розыск лиц, скрывшихся от дознания, следствия и суда, – одно из важнейших направлений деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений, во многом предопределяющее ее результативность. Как правило, процесс доказывания в его конкретном выражении начинается только

тогда, когда есть кому доказывать, иными словами, когда установлено и задержано лицо, совершившее преступление. Именно поэтому проблемам розыска в криминалистике традиционно уделяется серьезное внимание. Их исследованию посвящены работы таких видных ученых, как Е. Ф. Коновалова, Т. В. Боголюбская, Р. С. Белкин, А. А. Закатов и др. Однако в основном эти научные труды написаны в то время, когда качественно иными были преступность и условия борьбы с ней, а в теоретическом аспекте проблемы розыска, по мнению Б. А. Большакова, сводились к дискуссиям о его понятии, которое предлагалось закрепить в УПК РСФСР, о полномочиях следователя и его взаимодействии с органами дознания².

² См.: Большаков А. П. Современные проблемы и пути совершенствования розыска скрывшегося обвиняемого: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 105–106.

¹ См.: Орехов В. В. Указ. соч. С. 78–79.

Следует отметить, что выдвигавшиеся при этом предложения не были реализованы ни в УПК РСФСР, ни в УПК РФ. Хотя в последнем в отличие от его предшественника приводится определение понятия «розыскные меры», в качестве которых признаются «... меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления» (п. 38 ст. 5 УПК РФ).

Вместе с тем, как нам представляется, законодатель необоснованно сузил круг объектов розыска, а соответственно и решаемых при этом задач. Анализируя данный аспект проблемы, В. А. Семцов справедливо отмечает, что «розыскные действия – это не только те процессуальные меры, которые направлены на выявление лица, подозреваемого в совершении преступления, но и меры по установлению места нахождения подозреваемого или обвиняемого, если тот скрылся, похищенного человека, а также ценностей и орудий преступления»¹. По нашему мнению, к этому следует добавить свидетелей и очевидцев преступления, и даже потерпевших, что нередко случается в современной практике раскрытия и расследования преступлений.

Относительно определения понятия розыска в УПК РФ, отметим, что это проблема скорее теоретического порядка, чем законодательного. В конечном итоге дискуссионной остается редакция определения розыска, но не его суть, которая очевидна с точки зрения процесса раскрытия и расследования преступления.

В действующем УПК РФ вопросам, связанным с розыском подозреваемого и обвиняемого, посвящено несколько статей. Так, одним из оснований приостановления предварительного следствия законодатель обозначил (ч. 1 п. 2 ст. 208 УПК РФ) следующее условие: «подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения неустановленно по иным причинам». При этом в ч. 5 данной статьи указано, что «...следователь выполняет все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие по-

дозреваемого или обвиняемого, и принимает меры по его розыску...».

Однако, какие именно меры должен принять следователь, закон не уточняет. Нет ответа на этот вопрос и в п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ, согласно которому следователь «...устанавливает место нахождения подозреваемого или обвиняемого, а если он скрылся, принимает меры по его розыску».

В то же время в ч. 1 ст. 210 УПК РФ, регулирующей непосредственно процесс объявления розыска, закреплено: «Если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление», а в ч. 2 данной статьи указано на то, что «розыск подозреваемого, обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением».

Анализ приведенных правовых норм позволяет сделать вывод, что до приостановления предварительного следствия розыском подозреваемого или обвиняемого должны заниматься и следователь, и орган дознания, реализуя соответственно процессуальные и непроцессуальные методы и средства. Вместе с тем изучение уголовных дел, приостановленных для розыска соответствующих лиц, показывает, что в абсолютном большинстве таких дел (около 90 %) отсутствует какая-либо информация о действиях следователя по розыску скрывшихся лиц за исключением направления в некоторых случаях отдельного поручения аппаратам уголовного розыска о производстве розыска. Не случайно, многие следователи считают, что процессуальные возможности решения розыскных задач крайне ограничены и этим должны заниматься оперативно-розыскные аппараты.

В этой связи полагаем необходимым закрепить в УПК РФ (возможно, в ч. 5 ст. 208) положение, обязывающее следователя незамедлительно передавать материалы органу дознания для осуществления розыскных мероприятий, если при проведении следственных действий установлено, что подозреваемый (обвиняемый) скрылся от следствия и место его нахождения неизвестно. Необходимость разрешения данного вопроса подтверждается анализом практики объявления розыска следователями органов внутренних дел. В

¹ Семцов В. А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 12.

частности, в Информационном письме Следственного комитета при МВД России от 11 апреля 2008 г. № 17/2-6113 приводятся факты о том, что следователи после приостановления производства по уголовному делу принимали решение об объявлении розыска подозреваемых и обвиняемых в нарушение установленных сроков (от 3 до 30 суток), иногда – до полугода.

До настоящего времени продолжают дискуссии по вопросу о производстве следственных действий по приостановленному уголовному делу с целью розыска скрывшегося преступника. К положительному разрешению данного вопроса в свое время склонялись такие ученые, как И. М. Гуткин, Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин, С. М. Кургиян, А. А. Закатов¹. На современном этапе развития института розыска это мнение разделяют А. П. Большаков, М. В. Бондарева² и др.

Однако действующий УПК РФ (ч. 3 ст. 209) по-прежнему исключает осуществление следственных действий после приостановления производства по уголовному делу. Как нам представляется, это наиболее оптимальное решение данного вопроса не только с правовой, но и организационной точек зрения. Нельзя допускать, чтобы следователь был обременен решением не свойственных ему задач, к тому же весьма специфических и в неограниченных временных пределах.

Одним из нововведений УПК РФ является обозначение в числе разыскиваемых лиц подозреваемых в совершении преступления. Однако при этом законодатель не обозначил даже основы правового механизма практического решения указанной задачи. Прежде всего, это касается мер пресечения и порядка их применения в отношении подозреваемых

в случае их обнаружения. Согласно ст. 108 УПК РФ, если подозреваемый скрылся и место его нахождения неизвестно, то лишь в исключительных случаях ему можно избрать меру пресечения, связанную с заключением под стражу. По этой причине на практике отмечаются далеко не единичные факты, когда, казалось бы, успешный розыск подозреваемого превращается в «погоню» за ним и во времени, и в пространстве.

Непоследовательно, как нам представляется, решен вопрос в УПК РФ об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и обвиняемого (ч. 5 ст. 108). Трудно, с точки зрения логики, найти объяснение тому факту, что эта мера допустима «только в случае объявления обвиняемого в международный розыск». Ясно, что обвиняемый еще не преступник, но, скрывшись от следствия и суда, он как бы подтверждает свою виновность в совершении преступления, демонстрируя при этом явное неуважение к закону и правосудию. Таким образом, он криминализирует свое положение в обществе, становясь более опасным для него. Очевидно и то, что общественная опасность данного лица определяется тяжестью преступления, в совершении которого он обвиняется, а не уровнем розыска (местный, федеральный, международный).

На это обращал внимание И. Л. Петрухин. По его мнению, «необходимо вообще устранить из закона ссылку на исключительные случаи, а вместо этого в самом законе четко сформулировать правило: заключение под стражу применять при совершении любого, наказуемого лишением свободы преступления, если обвиняемый нарушил условия ранее избранной меры пресечения»³. Разделяя это мнение, А. И. Кухтинов прямо указывает, что «отмена "заочного ареста" фактически провоцирует обвиняемых уклоняться от следствия. Для этой категории лиц система федерального розыска перестала быть эффективной. Дополнение в ст. 210 УПК РФ, которое предоставило возможность в случае обнаружения разыскиваемого обвиняемого задерживать его, не решило этой проблемы»⁴.

¹ См.: Гуткин И. М. О праве на следственные действия по приостановленному делу с целью розыска // Материалы первой Всесоюз. науч.-практ. конф. лучших следователей МВД СССР. Волгоград, 1969. С. 30–31; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. М., 1965. С. 270–280; Кургиян С. М. Приостановление и возобновление предварительного следствия и прокурорский надзор за соблюдением законности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 8–12; Закатов А. А. Розыскная деятельность следователя по приостановленным делам и вопросы обеспечения социалистической законности на предварительном следствии // Проблемы обеспечения социалистической законности на предварительном следствии: Сб. науч. тр. Волгоград, 1986. С. 23.

² См.: Большаков А. П. Указ. соч.; Бондарева М. В. Тактика розыска скрывшегося обвиняемого: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

³ Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 182.

⁴ Кухтинов А. И. Некоторые проблемы организации розыска лиц, обвиняемых в совершении преступлений // Уголовный розыск в XXI веке: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию создания уголовного розыска в России: В 2 ч. М., 2004. Ч. I. С. 341.

В этой связи представляется необходимым уточнить ч. 5 ст. 108 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается в случаях:

- 1) нарушения им ранее избранной меры пресечения;
- 2) объявления его в международный розыск¹;
- 3) если это сопряжено с расследованием тяжкого или особо тяжкого преступления».

Основанием для приостановления судебного производства по уголовному делу и объявления розыска обвиняемого (подсудимого) является факт его сокрытия от суда или же неизвестность его местонахождения. В этом случае согласно ч. 2 ст. 238 УПК РФ судья приостанавливает производство по уголовному делу и поручает прокурору обеспечить розыск обвиняемого. Однако в УПК РФ не определено, каким образом прокурор должен обеспечить розыск и на кого возлагается обязанность по контролю за результатами его проведения. Подобные пробелы в законе заставляют сотрудников правоохранительных органов самим принимать решения, руководствуясь субъективными представлениями об отношениях участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем до момента непосредственного объявления розыска может пройти не один месяц, поскольку решение о том, какой именно орган дознания должен осуществлять розыскные мероприятия, прокурор принимает лично, исходя из принципа территориальности. Однако данное решение является не процессуальным, а управленческим, что может привести, и нередко приводит, к затягиванию решения данного вопроса. В дополнение к этому – пересылка материала по почте. В результате розыск объявляется по прошествии 15–20 дней с момента принятия процессуального решения о его проведении. Такой временной разрыв в последующем негативно сказывается на проведении розыскных мероприятий в отношении обвиняемого или подсудимого и практически исключает возможность его задержания по горячим следам.

Аналогичная ситуация складывается и в случае, если уголовное дело принято судьей к рассмотрению, а подсудимый скрылся. Со-

гласно ч. 3 ст. 253 УПК РФ «...суд приостанавливает производство в отношении этого подсудимого соответственно до его розыска... Суд выносит определение или постановление о розыске скрывшегося подсудимого». При этом законодатель не раскрывает, каким образом судья должен действовать в последующем: кому направлять решение о розыске, с кого спрашивать его результаты, кто и как должен контролировать розыскной процесс.

Исходя из этого, по нашему мнению, содержание ч. 2 ст. 238 и ч. 3 ст. 253 УПК РФ следует дополнить положением о том, что при принятии судебного решения о розыске судья выносит постановление (определение), в котором указывает исходя из принципа территориальности, какой именно орган дознания должен осуществлять розыскные мероприятия, а прокурору поручает осуществлять контроль за его проведением.

Полагаем, правовое обеспечение розыска скрывшихся преступников теснейшим образом связано с решением проблемы рассмотрения уголовного дела в суде в отсутствие обвиняемого или подсудимого. При этом обращает на себя внимание позиция М. Г. Решетняк. По ее мнению, «исходя из равенства прав субъектов уголовного судопроизводства ... в случае, если расследование по уголовному делу завершено, произведены все необходимые следственные действия, направленные на собирание доказательств, обвиняемый в процессе расследования признал свою вину, а затем скрылся, и установлено, что он скрывается умышленно, следовательно, исходя из интересов другого равноправного субъекта уголовного процесса – потерпевшего, должен завершить производство по уголовному делу составлением обвинительного заключения и направить дело в суд.

Судья по поступившему делу вправе принять одно из двух решений:

1. Решение о назначении судебного заседания без участия обвиняемого.

2. Решение о приостановлении производства по уголовному делу в связи с тем, что обвиняемый скрылся»².

Аналогичной точки зрения придерживается и Х. Рустамов³.

² Решетняк М. Г. Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 16–17.

³ Рустамов Х. Заочное правосудие: реальность и перспективы // Рос. юстиция. 1997. № 8. С. 41–42.

В УПК РФ этому вопросу посвящены положения п. 1 ч. 1 и ч. 3 ст. 238, предусматривающие возможность рассмотрения уголовного дела по ходатайству одной из сторон в отсутствие подсудимого в случае, если он скрылся, либо место его пребывания неизвестно, либо известно, но реальная возможность его участия в судебном разбирательстве отсутствует. При этом ст. 247 УПК РФ предусматривает, что подобное рассмотрение возможно только в исключительных случаях по тяжким и особо тяжким преступлениям при условии, что подсудимый находится за пределами РФ или уклоняется от явки в суд.

Хотя ч. 4 ст. 247 УПК РФ предусматривает, что «судебное разбирательство в отсутствие подсудимого может быть допущено в случае, если по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести подсудимый ходатайствует о рассмотрении данного уголовного дела в его отсутствие». В то же время ст. 238 УПК РФ исключает возможность «заочного правосудия» в случае, если подсудимый скрылся и его место пребывания неизвестно или известно, но участие в процессе невозможно.

При этом возникает вопрос, в чем заключается отличие понятий «сокрытие от суда» и «уклонение от явки в суд или нахождение подсудимого за пределами РФ». По нашему мнению, и в том и в другом случае имеет место нарушение подсудимым избранной

ему меры пресечения, а также проявление явного неуважения к правосудию.

Безусловно, государство обязано гарантировать подсудимому право на самозащиту, но и подсудимый должен соблюдать возложенные на него по закону обязанности. Их несоблюдение, если не влечет дополнительного наказания, то должно предоставлять государству, т. е. органам правосудия, право выбора, в том числе право рассмотрения уголовного дела в суде при отсутствии подсудимого. Возможно, в таких случаях следовало бы за определенное до судебного заседания время сообщать в средствах массовой информации о решении рассмотрения уголовного дела заочно, если подсудимый не явится в суд. При этом, как нам представляется, в УПК РФ не должно быть ограничений на рассмотрение подобных уголовных дел в зависимости от тяжести совершенного преступления (небольшой или средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое).

Библиографический список

1. *Большаков, А. П.* Современные проблемы и пути совершенствования розыска скрывшегося обвиняемого : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003.
2. *Бондарева, М. В.* Тактика розыска скрывшегося обвиняемого : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002.
3. *Рустамов, Х.* Заочное правосудие: реальность и перспективы / Х. Рустамов // Рос. юстиция. – 1997. – № 8.

В. Е. Тюлин,
*соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Длительное время коррупция является негативной составляющей общественной жизни большинства государств, в том числе России.

В связи с этим необходимость проведения антикоррупционной работы обозначена практически в каждом ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собра-

нию¹, Указе Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции» от 19 мая 2008 г. № 815² и выступает приоритетным направлением деятельности МВД России.

Проблемами коррупции и количественными характеристиками криминогенных процессов занимается ряд международных организаций, среди которых наиболее известна Transparency International (в перево-

¹ См.: Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 25 апр. 2005 г. // Рос. газ. 2005. 26 апр.; Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // там же. 2006. 11 мая; Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 26 апр. 2007 г. // там же. 2007. 27 апр.

² См.: Рос. газ. 2008. 22 мая.

де с английского «Международная прозрачность»).

Эта некоммерческая неправительственная организация интегрирует данные научных исследований, проводимых в разных странах отдельными экономистами и организациями за 3 года, предшествующие расчету сводного индекса коррумпированности.

Согласно исследованиям Transparency International страны мира значительно дифференцированы по уровню развития коррупции¹.

Российской Федерации наряду с иными государствами СНГ в данном «рейтинге» отводится одно из самых последних мест (минимальная «прозрачность» экономики).

Интернет-опрос комитета общественных связей и СМИ администрации Владимирской области подтверждает факт распространения коррупции в данной области². Так, в ходе опроса установлен круг проблем, вызывающий наибольшие опасения у населения, в частности, состояние медицинского обслуживания (16 %), коррупция (14 %), низкий уровень жизни (11 %) и жилищные проблемы (11 %)³.

Следует отметить, что преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (должностные преступления) относятся к числу наиболее распространенных. Так, во Владимирской области в 2007 г. преступления, предусмотренные диспозициями статей 285–293 УК РФ, составляют 23,3 % от общего количества экономических преступлений (т. е. каждое четвертое), выявленных подразделениями (отделами) по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел Владимирской области (далее: ОБЭП ОВД).

Если проанализировать в целом показатели работы правоохранительных органов и ОБЭП по Российской Федерации и Центральному федеральному округу (ЦФО), можно сделать вывод, что в них должностные преступления в структуре преступно-

сти занимают меньшую долю, чем во Владимирской области (табл. 1⁴).

Таблица 1

Категория выявленных преступлений	Количество преступлений		
	РФ	ЦФО	Владимирская область
Выявленные правоохранительными органами в целом	3582541	764203	33779
В том числе экономической направленности	459198	100874	3789
Из них преступления, следствие по которым обязательно	307865	73150	3039
Выявленные ОБЭП ОВД экономической направленности	225966	52613	2198
В том числе преступления, следствие по которым обязательно	208140	50360	2021
Предусмотренные ст. 285–293 УК РФ, выявленные правоохранительными органами	35714	8826	610
В том числе выявленные ОБЭП ОВД	25850	6961	512

Оценивая работу правоохранительных органов нашего региона в 2007 г. по линии противодействия коррупции, следует отметить, что на 84 % результат обеспечен подразделениями БЭП ОВД (из 610 должностных составов, вскрытых правоохранительными органами, 512 выявлены подразделениями БЭП ОВД).

При этом анализ качества результатов свидетельствует о том, что подразделений БЭП ОВД от документирования малозначительных преступлений, не требующих серьезных оперативных разработок, переходят к регистрированию резонансных, значимых, преступлений с «высокой субъектностью».

Так, в апреле 2007 г. по материалам Управления БЭП УВД по Владимирской области осуждены к 5 и 4 годам лишения

¹ См.: Латов Ю., Левченко О. Современная антикоррупционная стратегия в России и за рубежом: Отчет о науч.-исслед. работе. М., 2007. С. 16–17.

² См.: <http://www.dialog.avo.ru>.

³ См.: <http://www.regnum.ru/news/806597.html>.

⁴ Сведения ГИЦ МВД России.

свободы условно чиновники регионального уровня – один из руководителей Управления Федеральной антимонопольной службы по Владимирской области и начальник областного отдела организации государственного противопожарного надзора МЧС России по Владимирской области. В обоих случаях задокументированы факты получения коррупционерами взяток в размере 50 тыс. руб. и 160 тыс. руб. соответственно.

В марте 2008 г. к 4,5 годам лишения свободы за взятку в размере 312 тыс. руб. осужден государственный инспектор управления областного Ростехнадзора.

Находится на рассмотрении в суде Владимирской области уголовное дело в отношении чиновника областной администрации по факту получения взятки в размере 9 тыс. долл. США с последующей легализацией полученных преступным путем денежных средств. Также находится на рассмотрении в одном из судов региона уголовное дело в отношении главы одного из сельских округов по фактам хищений земельных участков в размере свыше 2 млн руб. и последующей их легализации.

В настоящее время расследуется уголовное дело в отношении руководителя районного отдела Федеральной регистрационной службы Владимирской области по факту получения взятки в размере 650 тыс. руб. за регистрацию объектов недвижимости.

Приведенные примеры связаны с так называемой крупной (элитарной) коррупцией. Она характеризуется высоким социальным положением субъектов ее совершения, интеллектуальной изощренностью способов их действий, огромным материальным и нравственным ущербом.

Что касается низовой коррупции, то, существуя на уровне повседневных потребностей граждан и предпринимателей, она пронизывает самые различные слои общества¹. Однако это же делает ее более уязвимой с точки зрения разоблачения конкретных правонарушений. Не случайно основная масса официально регистрируемых криминальных коррупционных проявлений разоблачается и пресекается именно на этом уровне.

¹ См.: Лунев В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Москва, 9–10 сент. 1999 г. М., 2001. С. 17–18.

Так, в 2007 г. задокументированы многочисленные факты оформления за взятки в медицинских учреждениях листков временной нетрудоспособности. Реализованы материалы в отношении должностных лиц ряда контролирующих и медицинских учреждений, выдававших гражданам, не прошедшим медицинское освидетельствование, официальные документы для получения водительских прав, работы в сфере торговли и т. д. (376 преступлений по признакам ст. 290, 291, 292 УК РФ по областному центру, Ковровскому району, округу Муром и Муромскому району, Гороховецкому и Вязниковскому районам).

Кроме того, вскрыт ряд должностных подлогов в бухгалтерии одного из медицинских учреждений Вязниковского района (14 преступлений, предусмотренных ст. 292 УК РФ).

Выявлены факты выдачи фиктивных ветеринарных заключений (74 преступления по ст. 292 УК РФ в Вязниковском и Суздальском районах).

Установлен ряд руководителей учебных заведений, оформлявших гражданам документы о прохождении курсов без фактического обучения, занимавшихся «поборами» с учащихся (18 преступлений по ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 УК РФ в округе Муром и Муромском районе, Суздальском районе).

Наибольший общественный резонанс вызывает такая разновидность коррупционных проявлений, как получение взяток (ст. 290 УК РФ).

Анализ работы подразделений БЭП ОВД в 2007 г. показал, что, несмотря на малочисленность выявленных фактов взяточничества в органах власти и управления, размер незаконных денежных вознаграждений, получаемых чиновниками регионального уровня и главами муниципальных образований, несоизмеримо выше, чем в органах здравоохранения и образования (табл. 2).

Таблица 2

Сфера	Количество выявленных взяток	Средний размер взятки, руб.
Органы власти и управления	6	497 тыс.
Образование	2	5 тыс.
Здравоохранение	50	300

В последнее время во Владимирской области увеличилось количество выявленных

преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, однако данные показатели – результат не столько усилившейся активности правоохранительных органов в борьбе с этими правонарушениями, сколько последовательно возрастающего их распространения. Безусловно, значительный «пласт» коррупционных проявлений остается вне поля зрения оперативных аппаратов как ОВД, так и в целом правоохранительных органов региона.

Следует отметить, что ряд проблемных вопросов выявления и пресечения должностных преступлений находится вне компетенции ОВД, о чем прежде всего свидетельствует складывающаяся судебная практика. В частности, за 3 года во Владимирской области вынесено 163 приговора по уголовным делам, возбужденным по ст. 285–293 УК РФ. Реально за эти преступления судами привлечено к уголовной ответственности лишь 10 человек, из них 1 – ниже низшего предела.

Полагаем, разница количества направленных в суд уголовных дел и количества осужденных за данные преступления впечатляет.

Другой негативной особенностью современного развития коррупции является то, что сегодня она стала менее восприимчивой и осуждаемой обществом. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что обращений в ОВД по фактам взяточничества должностных лиц органов власти и управления поступают единицы.

Кроме того, как показал анализ ряда материалов, одним из факторов, благоприятствующих распространению коррупции, является нормативная база, сформулированная неоднозначно и тем самым предоставляющая должностным лицам возможность толковать одни и те же положения законодательства и принимать решения по собственному усмотрению.

Так, в рамках Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ¹ по различным причинам не удалось привлечь к уголовной ответственности бывшего мэра одного из городов области, заключавшего в одностороннем порядке без

проведения торгов договоры на размещение муниципальных заказов в интересах некой коммерческой организации.

Немалую выгоду отдельным чиновникам позволило извлечь несовершенство законодательства о приватизации. Например, руководитель одного из крупных леспромпхозов Владимирской области приватизировал на имя своего сына жилой дом, построенный за счет средств федерального бюджета. Размер ущерба составил свыше 3 млн руб. В возбуждении уголовного дела отказано по причине отсутствия корыстной или личной заинтересованности.

Таким образом, на основании вышеизложенного предлагаем ряд мер, которые, на наш взгляд, будут способствовать повышению эффективности борьбы с коррупцией.

Во-первых, необходимо разработать механизм социального контроля за деятельностью должностных лиц органов власти и органов местного самоуправления с созданием соответствующих общественных комитетов, обладающих широкими полномочиями. Как известно, большинство согласовательных процедур, например, оформление земельных участков, проектно-сметных документов, являются весьма сложными. При этом им сопутствуют подчас не всегда оправданная запутанность и дороговизна, чем создается «питательная среда» для коррупционных проявлений.

Полагаем, следует информировать общественность как о путях выхода из законодательных и искусственно создаваемых «тупиков», так и принимаемых в конечном итоге по ним решениях.

Во-вторых, назрела необходимость разработки законодательных актов, в том числе региональных, в свете развития национальных проектов, препятствующих совершению государственными служащими коррупционных сделок. Имеются в виду не только нормы запреты государственным служащим заниматься предпринимательской деятельностью или получать за свои действия вознаграждение. Речь идет о таких формулировках полномочий государственных служащих, которые не позволят им осуществлять произвольные действия и лоббировать чьи-либо интересы. Соответствующие обязанности в четком и максимально полном виде, исключающем два и более толкований, должны быть внесены в долж-

¹ См.: Рос. газ. 2005. 28 июля.

ностные инструкции чиновников всех уровней. Одновременно следует исключить возможность появления в законе норм, усложняющих (прямо или косвенно) управленческий процесс и формирующих тем самым «питательную среду» для возведения административных барьеров, вымогательства, взяточничества, других форм проявления коррупции.

В-третьих, в целях исключения фактов назначения на должности в органы государственной власти и управления, государственные и муниципальные учреждения лиц, имеющих непогашенную судимость, судимых за тяжкие преступления, имеющих преступные связи в криминальной среде, необходимо, на наш взгляд, осуществлять предварительные проверки кандидатов на должность по информационным и оперативным учетам ОВД, контролю за оборотом наркотиков, безопасности.

Актуальность проблем противодействия преступности коррупционной окраски, а также ее сложность и высокая латентность, обуславливают необходимость активизации работы по использованию возможностей Федеральной службы по финансовому мониторингу.

Кроме того, представляется целесообразным разработать и реализовать законодательные

инициативу по контролю за расходами должностных лиц органов власти и местного самоуправления, а также членов их семей.

Безусловно, серьезным шагом на пути противодействия рассматриваемому криминальному явлению будет принятие Федерального закона «О противодействии коррупции».

По нашему мнению, изменить складывающуюся ситуацию в сфере обеспечения экономической безопасности региона, в том числе по линии противодействия коррупции, возможно только путем максимального использования сил и средств правоохранительных органов региона, а также потенциала межведомственного взаимодействия.

Библиографический список

1. *Латов, Ю.* Современная антикоррупционная стратегия в России и за рубежом : отчет о науч.-исслед. работе / Ю. Латов, О. Левченко. – М., 2007.
2. *Лунев, В. В.* Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / В. В. Лунев // Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Москва, 9–10 сент. 1999 г. – М., 2001.
3. О мерах по противодействию коррупции : указ Президента РФ : [от 19 мая 2008 г. № 815] // Рос. газ. – 2008. – 22 мая.

В. В. Шаханов,
*старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

В. А. Лавров,
*преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*

С. В. Киселев,
*начальник курса факультета очного обучения
ВЮИ ФСИН России*

ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ «ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ»: НЕДОРАБОТКА ЗАКОНОДАТЕЛЯ ИЛИ ПРИМЕНЕНИЕ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРИЕМА «УМОЛЧАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЯ»?

Анализ многочисленных научных публикаций, в которых авторы подвергают критике действующее законодательство и

особенно его дефинитивную часть, подтолкнул нас к расширению дискуссии в сторону осознания позиции законодателя. Несмотря на значительное количество нареканий относительно качества законов, судебная система функционирует, а значит, механизм правового регулирования действует.

В качестве примера научной дискуссии по проблематике позиции законодателя можно рассмотреть правовое опосредование деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих и, в частности, конструкцию «источник повышенной опасности». Мы разделяем мнение С. Н. Абрамова и А. Ф. Попова, согласно которому «динамичное развитие фундаментальной и прикладной науки предопределяет необходимость разработки адекватной правовой модели, учитывающей все многообразие явлений, создающих повышенную опасность, предлагающей практикам единый и гармоничный методологический подход к реализации обязательств, возникающих из причи-

нения вреда особо опасной деятельностью»¹. Однако мы не согласны с некоторыми выводами указанных авторов. Так, в приведенных ими примерах предлагается (или по крайней мере допускается возможность) рассматривать в качестве источников повышенной опасности проезжую часть дороги, вес трактора и др. Следуя их аргументам, можно утверждать, что все нас окружающее представляет собой источник повышенной опасности.

Подобные настроения в судебном обществе привели бы к стагнации гражданского оборота. Субъекты гражданского права стали бы бояться совершать не только юридически значимые действия, но и действия фактические, по причине большой вероятности привлечения их без вины к гражданско-правовой ответственности как владельцев источника повышенной опасности. Причем последнее обстоятельство было бы для них полной неожиданностью.

Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящее время проблема создания правовой модели, регулирующей правоотношения с применением источника повышенной опасности, приобрела особую актуальность. Однако нужно ли начинать ее с создания легальной дефиниции рассматриваемого правового явления, которая до сих пор отсутствует? Ориентиром для правоприменителей является лишь достаточно «размытое» определение, приведенное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» от 28 апреля 1994 г. № 3². Согласно п. 17 данного Постановления «источником повышенной опасности надлежит признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами».

С нашей точки зрения, невозможно сформулировать определение источника повышенной опасности, которое получило бы высокую оценку всеми правоприменителями и детерминировало единообразие в принимаемых ими

решениях. На наш взгляд, этой логикой руководствовался и законодатель. Поэтому отсутствие соответствующей легальной дефиниции следует рассматривать как применение юридико-технического приема «умолчание законодателя». В пользу наших суждений свидетельствует наличие в ст. 1079 ГК РФ списка источников повышенной опасности. Несмотря на то, что перечень источников повышенной опасности постоянно пополняется, в настоящее время он по-прежнему остается открытым. Очевидно, что более правильным будет не поиск единственно верной дефиниции, а дополнение имеющегося перечня новыми, наиболее распространенными источниками повышенной опасности, с учетом наработанной судебной практики и достижений научно-технического прогресса, соответствующих критериям источника повышенной опасности.

При этом возникает вопрос о способах выявления этих критериев в отсутствие легальной дефиниции. В ответе на данный вопрос необходимо обратиться к материалам судебной практики и правовой доктрине. Здесь наличие дефиниций приветствуется, так как раскрыть их в рамках указанных источников права процедурно и технически проще, чем в тексте закона. Кроме того, как показывает практика, любая законодательная дефиниция требует дополнительного толкования посредством судебной практики и правовой доктрины, а наиболее работоспособны (понятны) дефиниции, содержащие перечни (исчерпывающие либо неисчерпывающие) определяемых правовых явлений или сопутствующих «неизвестных». Следовательно, такой прием юридической техники, как «перечень», следует использовать более активно, в том числе и при формулировании дефиниций.

Существует и еще одна проблема. Судебная практика всегда формируется после вступления в силу законодательного акта, который она конкретизирует. А вот здесь проявляются преимущества состязательного процесса, когда стороны должны не просто бездумно применять закон, но и творчески относиться к толкованию ситуации в свою пользу. Для этого необходимо хорошо ориентироваться в законодательстве. Любое сложное или неординарное дело требует наличия профессионала, который смог бы с ним разобраться. В классической ситуации будет достаточно имеющихся знаний права. В нашем случае «примитивный уровень» будет характеризовать источник из пе-

¹ Абрамов С. Н., Попов А. Ф. Источник повышенной опасности: проблемы понятийного аппарата // Законодательство. 2004. № 1, 2.

² См.: Рос. газ. 1994. 14 июля.

речня, а «неординарность» ситуации будет следовать из попыток подвести под источник повышенной опасности случай, не предусмотренный напрямую исчерпывающим перечнем.

Справедливость наших выводов можно продемонстрировать применив сравнительно-правовой метод. В ГК РСФСР 1964 г. также была предусмотрена ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Легальной дефиниции рассматриваемого правового явления здесь не существовало, а содержался исчерпывающий перечень источников повышенной опасности (или же видов деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих), куда входили: транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей (ст. 454 ГК РСФСР 1964 г.). То же самое можно сказать о правовом опосредовании причинения вреда деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих, в ГК РСФСР 1922 г. Согласно ст. 404 ГК РСФСР 1922 г. в перечень входят: железные дороги, трамвай, фабрично-заводские предприятия, торговцы горючими материалами, держатели диких животных, лица, возводящие строения и иные сооружения. Современный законодатель вполне обоснованно расширил перечень видов деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих: использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности, и др. (ст. 1079 ГК РФ). Таким образом, законодатель постоянно расширял перечень источников повышенной опасности, количество которых постоянно увеличивается. Становится очевидным, что на данном этапе дискуссию следует перевести из плоскости дефинитивной в

плоскость расширения законодательного перечня источников повышенной опасности.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что отсутствие легальной дефиниции, раскрывающей конструкцию «источник повышенной опасности», следует рассматривать не как недоработку законодателя, а как проявление юридико-технического приема «умолчание законодателя». При этом необходимо заметить, что делать подобные выводы можно только основываясь на использовании комплекса методологических средств, что и будет служить доказательством научности и непротиворечивости сделанных выводов. В заключение следует отметить, что мы не призываем отказываться от формулирования легальных дефиниций, а обращаем внимание на то, что не нужно чрезмерно увлекаться их созданием. Наиболее же благодатными источниками права для дефинирования, на наш взгляд, являются правовая позиция высших судебных инстанций и юридическая доктрина.

Библиографический список

1. *Абрамов, С. Н.* Источник повышенной опасности: проблемы понятийного аппарата / С. Н. Абрамов, А. Ф. Попов // Законодательство. – 2004. – № 1, 2.
2. *Красавчиков, О. А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. – М., 2005.
3. *Шишкин, С.* Источник повышенной опасности и его виды / С. Шишкин // Рос. юстиция. – 2002. – № 12.
4. *Шуйский, Р. Р.* Источник повышенной опасности: понятие, признаки, виды / Р. Р. Шуйский, С. И. Шуйская // Вестн. Федер. Арбитр. суда Зап.-Сиб. округа. – 2004. – № 3.

Р. Е. Яшин,

*оперуполномоченный ОБЭП ОВД
по Приокскому району г. Н. Новгорода*

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДИАГНОСТИКЕ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Под информацией принято понимать сообщение о чем-либо, сведения, разъяснения,

изложение. Одним из видов информации является экономическая информация. Ее максимально полное использование имеет большое значение для обнаружения и раскрытия преступлений в сфере экономики вообще и незаконного предпринимательства, в частности. При этом следует различать понятия: информации, носителей информации и источников информации.

Под экономической информацией можно понимать различные сведения о фактах хо-

зяйственной, коммерческой и финансовой деятельности субъектов, занятых в сфере производства и распределения продукции. Источником экономической информации выступает деятельность вышеназванных субъектов в форме осуществления коммерческих, хозяйственных и финансовых операций. Носителями экономической информации могут быть различные документы¹ на бумажных и электронных носителях.

В раскрытии преступлений важна не вся экономическая информация, а только криминалистически значимая. Под криминалистически значимой экономической информацией следует понимать ту ее часть, в которой находит отражение деятельность по подготовке, совершению и сокрытию преступлений. В связи с этим существенное значение приобретают вопросы, касающиеся закономерностей отражения преступной деятельности в носителях экономической информации.

Незаконное предпринимательство, будучи преступной деятельностью, в то же время является, по сути, одной из разновидностей экономической деятельности, хотя и преследуемой законом. Однако, как и законная экономическая деятельность, незаконное предпринимательство предполагает осуществление различных финансовых, хозяйственных и коммерческих операций, совершаемых во взаимодействии с различными лицами и организациями. В процессе этой деятельности обсуждаются ее подробности между участниками предполагаемых операций и составляются, как правило, различные документы. Следовательно, незаконная предпринимательская деятельность закономерно отражается в виде идеальных следов в сознании людей, принимающих участие в ее осуществлении, а также в виде материальных следов в документах, составляемых в связи с совершением операций, из которых складывается данная деятельность.

Несмотря на закономерный характер отражения преступной деятельности в окружающей среде, отражаемых сведений не всегда бывает достаточно для того, чтобы сделать вывод о наличии признаков преступле-

ния. Действительно, учитывая, что незаконное предпринимательство является обычно латентным преступлением, его следы или признаки имеют скрытый характер, и обнаружить их удастся не всегда. Для этого необходимы специальные средства и знания. В противном случае трудно или практически невозможно установить связь изменений в окружающей среде, включая экономическую информацию, с событием преступления. Кроме того, изменения в экономической информации, вызванные незаконным предпринимательством, не всегда достаточны для того, чтобы сделать вывод о совершении преступления. Например, нет следов преднамеренности действий. В этом случае необходимо собирать дополнительные сведения, указывающие на преднамеренность действий по осуществлению незаконного предпринимательства, причем не всегда для этого используется экономическая информация.

Незаконное предпринимательство как вид деятельности состоит из ряда операций, одни из которых в большей, а другие в меньшей степени связаны с криминальными действиями, непосредственно образующими состав преступления. Следовательно, и характер следов, указывающих на осуществление незаконного предпринимательства, будет в различных носителях экономической информации выражен с разной степенью детализации и связи с преступлением.

Исследуя вопросы закономерностей отражения преступной деятельности, необходимо принимать во внимание и возможность умышленного уничтожения или изменения следов преступления в экономической информации.

В связи с этим возникает вопрос: не утрачивается ли возможность обнаружения в экономической информации следов незаконного предпринимательства вследствие уничтожения или изменения данной информации? В ответе на данный вопрос необходимо учитывать следующие факторы. Во-первых, следы преступной деятельности, в том числе и незаконного предпринимательства, находят закономерное отражение не в одном, а одновременно в нескольких носителях экономической информации, которые находятся у разных участников хозяйственных, финансовых и коммерческих операций, в процессе или под видом кото-

¹ Документ – письменный акт, имеющий юридическую силу или носящий служебный характер (см.: Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. М., 2006. С. 208).

рых осуществлялась незаконная предпринимательская деятельность. Во-вторых, не все участники данных операций могут знать о том, что имело место незаконное предпринимательство. В-третьих, участники операций, совершаемых в процессе незаконной предпринимательской деятельности, как правило, имеют противоположные интересы, и поэтому для обеспечения защиты своих интересов сохраняют документы, подтверждающие участие в этих операциях различных сторон.

Следовательно, полностью все носители экономической информации, в которых закономерно нашла отражение незаконная предпринимательская деятельность, не утрачиваются. Кроме того, практически невозможно внести во все носители экономической информации искажения с целью маскировки следов преступления, поскольку эти носители находятся у различных физических и юридических лиц, имеющих несовпадающие интересы.

Таким образом, отражение в носителях экономической информации следов преступной деятельности, в частности незаконного предпринимательства, обусловлено объективными причинами и является закономерным. Полностью уничтожить или исказить информацию с целью сокрытия следов преступления невозможно.

Однако, как отмечалось выше, следы незаконного предпринимательства, отражаемые в экономической информации, носят скрытый характер, и поэтому необходимы специальные средства для их обнаружения. Одним из таких наиболее эффективных средств является криминалистическая диагностика.

Результаты нашего исследования показывают, что для проведения криминалистической диагностики незаконного предпринимательства прежде всего следует классифицировать: а) способы незаконного предпринимательства; б) следы преступной деятельности, оставляемые в носителях экономической информации; в) сами эти носители. Только при наличии таких классификаций создается потенциальная возможность распознать, различить и определить следы преступной деятельности, содержащиеся в экономической информации. Другим обязательным условием осуществления диагностического процесса является наличие разработанных на науч-

ной основе методических приемов и способов криминалистической диагностики незаконного предпринимательства по данным экономической информации. Еще одним обязательным условием является знание вышеуказанных классификаций, методических приемов и способов криминалистической диагностики лицами, связанными по роду профессиональной деятельности с раскрытием преступлений в сфере экономики, в том числе незаконного предпринимательства.

Криминалистическая диагностика имеет важное практическое значение. Исследуемое направление криминалистической диагностики на практике призвано обнаружить в экономической информации следы незаконного предпринимательства и установить связь данных следов со способом совершения преступления и потенциально причастными к этому лицами.

Роль и значение криминалистической диагностики характеризуется прежде всего задачами, которые она призвана решать. Задачами криминалистической диагностики незаконного предпринимательства на основе использования экономической информации являются следующие:

1. Определение места совершения преступления и носителей информации, содержащих признаки преступной деятельности (организации, ее структурных подразделений, наименований учетных и других документов).

2. Установление хозяйственных, коммерческих и финансовых операций, в процессе или под видом которых осуществлялась преступная деятельность, т. е. действий, совокупность которых характеризует способ преступления.

3. Определение времени (периода времени), в течение которого совершалось преступление, последовательности преступных операций, их влияния на формирование следов в носителях экономической информации.

4. Установление на основе документов, содержащих следы преступной деятельности, фамилий и должностей лиц, причастных к совершению преступления и наличии у них признаков профессиональных преступных знаний и навыков.

5. Определение на основе ретроспективного исследования следов преступления в носителях экономической информации, причинно-

следственных связей, характеризующих последовательность преступных действий.

6. Прогнозирование на основе имеющейся информации возможных преступных действий и состава экономической информации, в которой должны закономерно отразиться следы таких действий.

7. Формирование максимально полных сведений о механизме раскрываемого преступления (незаконного предпринимательства).

8. Создание объективной возможности проверки показаний допрашиваемых лиц, их соответствия данным, содержащимся в исследованных носителях экономической информации.

9. Установление причин и условий, способствующих осуществлению незаконного предпринимательства применительно к данному конкретному преступлению.

Характер задач, решаемых с помощью криминалистической диагностики, определяет ее предмет. Предметом криминалистической диагностики незаконного предпринимательства, по нашему мнению, является выявление изменений в содержании экономической информации, возникающих в результате совершения преступления, с целью обнаружения признаков и следов преступной деятельности, позволяющих установить основные обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовным делам.

Наряду с предметом криминалистической диагностики важное значение имеет и такая категория, как объект. По нашему мнению, объекты криминалистической диагностики незаконного предпринимательства на основе экономической информации следует разделять на диагностируемые, диагностирующие, искомые и проверяемые. При этом диагностируемыми объектами могут быть носители экономической информации, в которых закономерно отражается преступная деятельность. Диагностирующими объектами должны быть классифицированные сведения о способах преступной деятельности, их признаках и следах, отражаемых в носителях экономической информации и составе таких носителей. Искомыми объектами являются признаки и следы преступной деятельности, содержащиеся в экономической информации. Проверяемыми объектами могут быть разрабатываемые

версии о способах и субъектах незаконного предпринимательства.

Криминалистическая диагностика использует методы, присущие некоторым отраслям знаний и сферам практической деятельности. Так, с точки зрения Ю. Г. Корухова, «стержневым в любой диагностике – медицинской, технической или криминалистической – является сравнение по аналогии. С помощью приема аналогии выводят умозаключение, степень вероятности которого зависит от числа сходных признаков и от того, насколько они существенны»¹. Вместе с тем ученый полагает, что «наряду с методами аналогии и сравнения, в диагностическом процессе широко используются методы моделирования, эксперимента, экстраполяции»².

Не отрицая важности названных методов для криминалистической диагностики незаконного предпринимательства на основе экономической информации, полагаем, что данной сфере применения диагностики присущи и свои собственные методы, и прежде всего методы экономического (сравнения, группировки, факторного анализа) и экономико-криминалистического анализа (сопряженных сопоставлений, предельных расчетных показателей, стереотипов, корректирующих показателей).

Криминалистическая диагностика должна осуществляться в определенной последовательности, которая формирует ее структуру.

Процесс криминалистической диагностики незаконного предпринимательства на основе использования экономической информации предполагает несколько этапов, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие:

1. Предварительное изучение имеющихся сведений о возможных способах незаконного предпринимательства; определение состава носителей экономической информации, в которых должны закономерно отразиться признаки преступной деятельности и сбор этих носителей.

2. Выбор приемов и методов криминалистической диагностики незаконного пред-

¹ Криминалистика: Учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; Под ред. Р. С. Белкина. М., 2001. С. 109.

² Там же.

принимательства и ее проведение по данным, содержащимся в полученных носителях экономической информации.

3. Сравнение полученных результатов по аналогии с имеющимися классификациями.

4. Криминалистическая оценка результатов диагностики, при необходимости уточнение состава и сбор дополнительных носителей экономической информации.

5. Проведение криминалистической диагностики по дополнительным носителям экономической информации и повторная криминалистическая оценка полученных результатов.

6. Формирование выводов на основе результатов криминалистической диагностики о наличии признаков незаконного предпринимательства.

7. При наличии признаков преступной деятельности использование полученных результатов криминалистической диагностики для проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Существенное значение для решения задач правоохранительной практики имеет

конкретность выводов, получаемых на основе диагностики. На степень конкретности выводов криминалистической диагностики незаконного предпринимательства на основе экономической информации, по нашему мнению, оказывают влияние правильность выдвинутой версии о способе преступления, достаточность диагностируемой экономической информации, наличие соответствующих классификаторов, правильность выбранной методики диагностики, квалификация лица, осуществляющего криминалистическую диагностику.

Библиографический список

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская ; под ред. Р. С. Белкина. – М., 2001.

2. Мамкин, А. Н. Экономико-криминалистические средства диагностики преступлений в сфере экономической деятельности. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1225477>.

О. А. Амосова,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ГОРОДСКОЕ СОСЛОВИЕ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ РЕФОРМ ПЕТРА I

Город XVIII в. оставался такой же тяглой общиной, как и в XVII в. Население, помимо хлебопашества, занималось торговлей, ремеслами и промыслами. Это было добывающее население страны, в руках которого скапливались большие или меньшие денежные капиталы. Городское население Российского государства было призвано нести государево тягло, платить казенные сборы и подати.

Для обеспечения большой платежной способности горожан правительство стремилось утвердить за ними такие городские промыслы, как торговля и ремесленные промысловые занятия. Все не принадлежавшие к городскому обществу торговцы и промышленники обязаны были либо отказаться от своих торгов и промыслов, либо приписаться к посадскому обществу. Холопы и крестьяне, владевшие в городах тяглыми дворами и промышленными заведениями: лавками, погребами, амбарами и т. п., — обязаны были продать свое имущество тяглым посадским людям. Всем непосадским людям запрещалось впредь приобретать в городах и посадах тяглые дворы под угрозой их конфискации. Для увеличения числа посадских людей правительство записывало в посадскую общину даже «приборных служилых людей», которые состояли на государственной службе и получали жалование. Они также должны были платить все городские подати наряду с посадскими людьми. Если же они отказывались платить, то должны были продать свои лавки и промыслы тяглым посадским людям. Всем взятым в посадское тягло запрещалось уходить из посада. Тем, кто пробовал ослушаться, грозила торговая казнь и ссылка в Сибирь. Те, кто женился на вдовах тяглых

людей, причислялись по жене к посаду; если непосадский женился на посадской девушке так, что входил в дом ее родителей, то становился тем самым посадским.

Все данные законоположения сводились к закреплению посадских в одно, особое от других, замкнутое сословие городских торгово-промышленных людей, обладавших по роду их деятельности определенными правами и преимуществами. Наличие прав порождало определенные обязанности. Обязанностью торгово-промышленного населения городов и посадов перед государством являлась служба по финансовому ведомству. На места выборных финансовых чиновников могли попадать исключительно посадские люди. Правительство по сделанным им спискам и описям назначало общую сумму, какую хотело бы получить с того или иного города, уезда или волости. Посадская община выбирала голов и целовальников, которые отвечали за полноту сбора своим имуществом. Однако, отвечая за сборы перед правительством, посадские люди не были вполне самостоятельными в отбывании возложенной на них службы. Их контролировали воеводы, которые прочно обосновались в городах и принимали участие в жизни города.

В начале царствования Петра I общество было небогатым и по-прежнему земледелие в городах соперничало с промышленностью, люди в основном обеспечивали себя домашним трудом и трудом своей семьи.

В 1699 г. в городах были учреждены особые присутственные места — бурмистерские палаты, которым подчинялись земские избы всех городов. Эти земские избы должны были заменить собой приказные избы и воевод.

В 1699–1700 гг. была проведена первая городская реформа, ознаменованная преобразованием финансового управления страной с созданием центральной Ратуши и местных городских ратуш. Ратуша заменила собой все те разные приказы, которыми ведали города. Она стала ведать всем торгово-промышленным населением страны в его расправных, челобитных и купеческих делах. Также ратуша являлась местом верховного суда и упра-

вы всех городов. Земские избы по городам становились такими же местами суда и расправы для обывателей своего города. На волокиту своих земских изб обыватели могли жаловаться в ратушу, которой прямо подчинены были земские избы всех городов. Все пошлины, сборы, государевы доходы собирались на местах земскими должностными лицами, таможенными и кабацкими бурмистрами и сдавались ими земскому бурмистру в земской избе. Сборы должны были доставляться в Москву три раза в год: в марте, мае и ноябре. В случае обнаружения недоимки ее взыскивали с виновного сборщика. А в случаях недоставки сборов в установленные сроки с бурмистров взыскивался штраф – 10 % со всей суммы местного дохода. Такое устройство отчетности в сборах дает наилучшее представление о целях и характере нового учреждения – оно по преимуществу являлось финансовым учреждением и менее всего возникло для устройства местного управления.

Как финансовое учреждение ратуша была подчинена большой казне. При новом устройстве городские обыватели воспринимались по-прежнему как тяглецы, обязанные нести известного рода повинности для удовлетворения нужд казны и правительства. Поэтому все выборные представители городов являлись теми же правительственными служилыми людьми, обязанность которых заключалась в том, чтобы блюсти государственные интересы, а не интересы избравшего их населения. Государство требовало, чтобы обыватели выбирали ему на службу людей «добрых, прожиточных, имущества которых хватало бы на покрытие всегда могущих случиться недоборов. Там, где в посаде не оказывалось людей прожиточных, жили все людишки худые и скудные, там и земских изб с выборными бурмистрами не возникало. Например, такая ситуация складывалась во всей Сибири, где городское население было очень незначительно и скудно животами»¹.

В 1705 г. Петр I создал при ратуше и земских избах должность особого наблюдателя и инспектора, который был независим от всякого местного начальства и непосредственно докладывал ему о всех замеченных им

непорядках. В 1708 г. учреждение губернии повлекло за собой нарушение объединенного самоуправления посадов и городов и рассредоточение его среди восьми губернаторов и множества комендантов и ландратов. Однако изменение центрального органа, ведавшего государственной службой торгово-промышленного населения, мало отразилось на внутреннем состоянии самого посадского населения. На местах, в посадах и городах посадские люди по-прежнему судились своим судом, сами собирали подати, как и раньше отправляли возложенные на них повинности лично и через избранных ими бурмистров и целовальников. Между самоуправляющимися общинами и правительственной властью стояли только губернаторы, которым была вручена контролирующая и надзирающая власть над посадским самоуправлением и посадской службой. Следует отметить, что сам класс торгово-промышленных людей претерпел за это время некоторые изменения. Посадскими тяглецами стали считаться не только жители посадов, городов и слобод, но и все чернослободцы, уездные люди поморского края и торгующие крестьяне. Для того чтобы увеличить податные сборы, правительство Петра I позволило торговать всем лицам, обложив их посадским сбором. Размеры податей с городских обывателей были очень велики. Подати разделялись на постоянные и временные. Подать с посадских взималась по «сохам». «Соху» составляло определенное количество дворов. Различались сохи «лучших, средних, меньших и охудалых посадских людей»². Соха лучших людей состояла из 40 дворов, средних – 80, меньших – 160 и «охудалых» – 320 дворов. С каждой сохи взимался одинаковый податный оклад.

Среди повинностей, лежавших на посадских, особенной тяжестью отличались две – рекрутская и постойная. Посадские люди должны были выставять рекрутов на одинаковом основании с владельческими и казенными крестьянами. Кроме того, они должны были снарядить каждого новобранца и снабдить его хлебным запасом. Постойная повинность всей своей тяжестью ложилась преимущественно на горожан. Солдаты ставились на квартиры в до-

¹ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902.

² Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII веке. М., 1903.

ма посадских «по сколько человек на дворе придется», иногда вытесняя хозяев.

С 1718 г. начались преобразования в области центрального и местного управления и суда. В 1718–1722 гг. проведена всеобъемлющая административная реформа, основу которой составила реформа центрального государственного аппарата (коллежская реформа). В итоге приказная система была заменена системой отраслевых органов управления, работающих на принципах коллегиального обсуждения дел и принятия решений их административной верхушкой.

В ходе административной реформы в 1720–1721 гг. проведена и вторая городская реформа, ознаменованная созданием Главного и местных магистратов. Она формировала единую вертикаль управления городами, в известной степени защищала интересы посадского населения и создавала систему сословного ведомственного суда для него. В январе 1721 г. был издан регламент Главного магистрата, определяющий состав и назначение нового учреждения. Согласно регламенту Главный магистрат должен был состоять из назначенных царем обер-президента, президента, выборных бурмистров и ратманов, из которых половина были иностранцы, знающие русский язык.

В обязанности Главного магистрата входили следующие: 1) учредить во всех городах магистраты; 2) снабдить их уставами; 3) смотреть за тем, чтобы соблюдалось правосудие; 4) учредить полицию; 5) размножить купечество и мануфактуры. Городовые магистраты были прямо подчинены Главному магистрату и обязаны были соблюдать его указы, донося об исполнении рапортом. В противном же случае члены магистрата, в зависимости от вины, подлежали штрафу, ссылке на галеры, лишению имущества и даже смертной казни. По регламенту Главному магистрату и инструкции городovým магистратам членам магистратов предписывалось призывать к себе «добрых и умных» представителей городского мира для совещания с ними о делах. Раскладка подушной подати и уравнивание ее между плательщиками, пользование выгонами, лугами и ряд других вопросов могли решаться только при участии горожан по правилам, установленным мирским сходом. Поэтому органом участия горожан в жизни города являлись ста-

ринные мирские сходы. Посадский мир слагался из мелких самоуправляющихся союзов, которые назывались слободами и сотнями. Все посадские тяглецы были расписаны по слободам и сотням. Для рассмотрения местных дел созывались слободские и сотенные сходы. Слободы избирали своих старост. Слободские старосты при вступлении в должность получали от местного магистрата особые инструкции, по которым они были обязаны: 1) вести списки слобожан плательщиков налогов; 2) собирать подати и сборы; 3) следить за недоимками; 4) созывать слободские сходы; 5) надзирать за воспитанием и обучением малолетних слободских сирот; 6) надзирать за описью слободских оброчных статей; 7) представлять о слободских нуждах и о всем, «что будет усмотрено нового к лучшему устройению».

Таким образом, мирской посадский сход и после устройства магистратов остался истинным выразителем жизни и деятельности обывателей города.

Наиболее прочной стороной реформ было определение прав и обязанностей торгово-промышленного состояния городских обывателей и новая организация городских общин. Гильдейские старосты и старшины с согласия граждан уравнивали податные сборы по состоянию каждого лица и составляли при этом окладные книги для каждого разряда граждан. В 1722 г. посадские люди были избавлены от рекрутчины, причем за рекрутов должны были платить особый сбор. Постоянная повинность была оставлена на посадских, но была снята другая повинность – личная служба по финансовому ведомству. В 1722 г. особым указом было велено «к пошлинным, кабацким, соляным и другим сборам из посадских людей не выбирать». Такое освобождение от обязанностей обособляло горожан в особое сословие, наделенное своими правами и обязанностями, как от дворянства, с одной стороны, так и от крестьянства – с другой.

Таким образом, реформы Петра I практически уничтожили самоуправление, отдав городское общество в распоряжение многочисленного начальства. Сделаться заметной общественной силой городские общества не могли. Кроме того, малочисленные посадские общины были бедны и не имели возможности для свободного развития личной и

общественной инициативы в деле хозяйственного прогресса русской жизни, скованной условиями крепостного быта.

К концу петровского царствования городское сословие в России было занято в равной мере торговлей, земледелием и ремеслами. По по-прежнему решались вопросы уплаты казенных сборов и податей, отбывания натуральных повинностей по требованию начальства.

О. С. Жукова,

*аспирант Орловского государственного
технического университета*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В ПЕРИОД 1935–1940 гг.

В 1935 г. в СССР широкое распространение получило стахановское движение, в которое активно втягивались заключенные лагерей и колоний. Приказы НКВД о награждении заключенных лагерей и колоний, работавших по-стахановски, способствовали дальнейшей активизации этого движения (они получали досрочное освобождение за успехи в труде). Поощрение стахановцев, их досрочное освобождение широко пропагандировались в приказах по лагерю, листовках, плакатах, стенгазетах.

Вместе с тем анализ архивных документов показал, что развитие стахановского движения в местах лишения свободы во многих лагерях должностные лица пытались дискредитировать. Отдельные специалисты и руководители выдвигали доводы о невозможности применения стахановских методов на своих участках. Об этом свидетельствует приказ начальника Карагандинского ИТЛ «О противодействиях развитию стахановского движения в Чурубай Нуринском отделении» от 9 марта 1936 г. № 85.

В процессе реализации второго пятилетнего плана сфера применения административных методов управления расширилась. Постепенно стали накапливаться негативные последствия этого процесса. Особенно ярко это проявилось в начале 1935 г. Добиться намеченных целей в сфере производства помогало лишь массовое стахановское движение, развертывание которого

Библиографический список

1. *Богословский, М. М.* Областная реформа Петра Великого / М. М. Богословский. – М., 1902.
2. *Кизеветтер, А. А.* Посадская община в России в 18 столетии / А. А. Кизеветтер. – М., 1903.
3. *Князьков, С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени / С. Князьков. – СПб., 1914.

было обеспечено серьезным совершенствованием системы стимулирования труда, социальной политики. «Принципиальное значение, – пишет О. Хлевнюк, – имело введение в этот период неограниченной “потолками” сдельной оплаты»¹.

Стахановское движение, зародившееся в стране в 1935 г., имело важное значение в социалистическом соревновании. К началу 1936 г. лагеря и колонии насчитывали тысячи заключенных, работающих по-стахановски. Заключенные добивались больших результатов в выполнении производительности труда, своим примером увлекали товарищей на борьбу за высокие показатели. Однако стахановское движение среди заключенных развивалось главным образом по их инициативе. Администрация лагерей не всегда правильно решала вопрос об отнесении того или иного осужденного к числу стахановцев. В связи с этим в приказе ГУЛАГ НКВД от 28 января 1936 г. указывалось, что работающими по-стахановски могут быть только те осужденные, которые, освоив технику и рационализируя свою работу, систематически перевыполняют в несколько раз установленные нормы.

В процессе труда отдельные заключенные изыскивали возможность повышения его производительности посредством изобретательства и рационализации. Однако эти энтузиасты были предоставлены сами себе. Работа с изобретателями на местах не была организована, и систематическая помощь не оказывалась. Это порождало многочисленные жалобы и заявления в адрес руководства лагеря. Поэтому было принято решение при КВО Дмитровского ИТЛ создать Бюро со-

¹ Хлевнюк О. 18 партконференция. Время, проблемы, решения // Коммунист. 1988. № 1. С. 27–35.

действия рационализаторам и изобретателям, а в первой декаде сентября 1936 г. созвать вселагерную конференцию изобретателей, руководство их работой в районах возложить на заместителей начальников.

Администрация Дмитровского ИТЛ поощряла изобретателей и способствовала распространению их опыта. Об этом свидетельствует приказ начальника Дмитровского ИТЛ «О применении во всех районах изобретения заключенного Рассо М. И.» от 18 марта 1936 г. № 64. Заключенный предложил станок для обточки круглых ручек с сохранением волокон древесины, рационализировав кустарный способ изготовления. Станок позволял изготавливать 2 тыс. штук в смену и заменял труд 40 человек.

Данным приказом ему был произведен стахановский зачет за 1 квартал 1936 г. и выдана премия в размере 1 тыс. рублей с правом использования всей суммы по своему усмотрению. Кроме того, было решено командировать его во все районы лагеря с целью демонстрации изготовления ручек на станке.

С развитием стахановского движения резко возросло значение соблюдения техники безопасности. Поэтому ставилась задача — дать возможность спокойно и безопасно работать. С этой целью ежегодно с 10 по 20 января проводился декадник по мобилизации инженерно-технического персонала и общественности на борьбу за технику безопасности. В ходе декадника предписывалось во всех отрядах провести беседы по технике безопасности, обеспечить производственные объекты продуктами по технике безопасности, выпустить специальный бюллетень¹.

Понимая, что результаты производственной деятельности находятся в прямой зависимости от непосредственных организаторов работ, во исполнение п. 20 приказа Наркома «О создании десятникам соответствующего их значению положения» № 248, начальник Дмитровского ИТЛ издал указание по переселению десятников в отдельные бараки к 10 июля 1936 г., а также предоставлению списков лучших десятников к проживанию на частных квартирах с семьями в качестве высшей формы поощрения.

Для укрепления физического состояния заключенных, трудящихся на ведущих ра-

ботах, с 15 апреля 1936 г. предписывалось организовать ночные санотряды с количеством мест на 5 тыс. человек и с пребыванием в них в среднем 15 дней. При этом следовало проверить нетрудоспособных в целях изъятия отказчиков, лодырей, воров, хулиганов, нарушителей дисциплины².

Поиски стимулирования производительности труда заключенных на основе правильного соотношения между выработкой и полученным заработком привело к введению неограниченной сдельщины, которая на основных работах себя оправдала. Однако на подсобных и вспомогательных работах, ввиду невозможности правильного нормирования и при отсутствии должного контроля за качеством выполняемых работ, неограниченная сдельщина привела к разрыву между производительностью труда и заработком в сторону несоответствующего роста последнего. Вследствие этого во многих районах средний заработок на подсобных работах и лагпредприятий оказался в два раза выше, чем на основных.

В целях ликвидации этого несоответствия приказом начальника Дмитровского ИТЛ от 9 марта 1936 г. № 55 был изменен порядок оплаты труда. Неограниченная сдельщина сохранялась только на кубатурных работах по земле (бетону), включая опалубку и другие (свайные, электросварочные, лесозаготовительные, буровые) работы, укладке и балансировке путей, автоперевозках, мехзаводах и мастерских (только по штучным изделиям), электро- и механомонтажных работах. На всех остальных работах следовало применять систему твердых ставок вознаграждения. Доплата сверх этих ставок (за перевыполнение норм) допускалась только за счет сокращения рабочей силы против плана.

Следует отметить, что во многих случаях неудовлетворительное материально-бытовое и медицинское обеспечение, тяжелые климатические условия в местах дислокации ИТЛ несомненно отрицательно сказывались на производительности труда. В середине 30-х гг. XX в. руководители мест лишения свободы исходя из практики привлечения заключенных к труду отдавали себе отчет о том, что он гораздо менее производителен по

¹ См.: ГАРФ, ф. 9481, оп. 2, д. 95, л. 170.

² См.: Приказ начальника Дмитровского ИТЛ от 15 марта 1936 г. № 190.

сравнению с трудом свободных граждан. Поэтому выполнение плановых заданий в местах лишения свободы было возможно главным образом за счет экстенсивных методов (увеличение числа занятых на работах, не связанных со станками и механизмами) или же увеличения продолжительности рабочего дня, что по сути дела вело к усилению эксплуатации труда. Сложившаяся под влиянием практики система мер стимулирования труда осужденных свидетельствует о том, что она была направлена именно на достижение этой цели. Основную роль в стимулировании играла система зачета рабочих дней в срок отбытого наказания. В прямую зависимость от результатов труда были поставлены применяемые нормы питания, возможность иметь больше свиданий, получать больше посылок и передач, пользоваться деньгами и др. Из-за низкой производственной квалификации заключенных руководители лагерей были вынуждены постоянно изыскивать возможности для повышения трудоспособности заключенных. В частности, с мая 1933 г. увеличилась выдача личных денег до 100 % получаемого заключенными премиального вознаграждения, чтобы они имели возможность приобрести любые товары, находящиеся в ларьке на территории учреждения. Прибывшим этапом разрешалось оставлять наличные деньги в сумме 10 рублей, а также выдавалась карточка на текущий месяц по основной норме питания¹. С августа вводилась премиальная карточка. Для ее получения было необходимо отработать 13 дней и в среднем выработать 100 % нормы. Она выдавалась по категории выполняемой работы и дифференцированной шкале ларькового довольствия². Изыскивались и другие методы стимулирования труда. Материальное стимулирование труда подкреплялось системой культурно-воспитательной работы, а также вовлечением осужденных в социалистическое соревнование и ударничество, стахановское движение.

Во второй половине 30-х гг. XX в. все ресурсы страны по-прежнему были сосредоточены на форсировании индустриализации за счет жесточайшей экономии средств в других областях народного хозяйства, изъятия

доходов у колхозов, совхозов и крестьян, а также минимальной оплаты труда заключенных. Продолжалось интенсивное освоение новых экономических районов, где трудилась основная масса заключенных.

В начале 1936 г. в связи с организацией особого строительства строительные ИТК Украины были вынуждены отправить туда лучший контингент, почти всех квалифицированных рабочих 1 и 2-й категории труда. Кроме того, в массовом порядке отправлялись заключенные в лагеря по нарядам ГУЛАГ и в подразделение УШОСДор при одновременном резком сокращении общего числа заключенных на Украине. Это вызвало необходимость полной ликвидации почти всех массовых строительных ИТК, а число заключенных в них сократилось с 18 до 1 тыс. человек³.

В первой половине 1937 г. закончилось строительство канала Москва – Волга. В связи с этим появилась возможность использовать рабочую силу из числа заключенных на новых объектах. В декабре 1937 г. было принято решение о строительстве вторых железнодорожных путей Байкало-Амурской магистрали протяженностью 5 тыс. км. В зоне строительства дороги подготавливались шесть новых лагерей. Огромный объем предстоящих работ потребовал создания специализированного железнодорожного строительного управления в составе ГУЛАГ НКВД СССР.

В конце 1930-х гг. производство мест лишения свободы приобрело плановый характер. В этот период резко увеличилась численность заключенных и заметно удлинились сроки наказания. Если в 1936 г. функционировало 13 лагерей с объемом работ на сумму 1,2 млрд рублей, то весной 1938 г. их было уже 33, а объем капитального строительства возрос до 2,6 млрд рублей. Только в 1937–1938 гг. НКВД организовал 13 новых лагерей, ориентированных на ведение лесозаготовительных работ.

Валовой объем промышленной продукции, выпускаемой ГУЛАГ, увеличивался довольно быстрыми темпами: в 1938 г. было выпущено продукции на 1,5 млрд рублей; 1939 – 2,5; 1940 – 3,7.

На наш взгляд, труд постепенно утрачивает то воспитательное значение, которое он

¹ См.: ГАРФ, ф. 9489, оп. 2, д. 25, т. 2, л. 9.

² См.: там же, л. 159.

³ См.: Архив МВД Украины. 1936, ф. 22, оп. 1, д. 1, л. 13.

имел в начале 1930-х гг. В руководящих документах ГУЛАГ все меньше говорилось о соревновании и ударничестве, теряет свое значение практика премирования осужденных ценными подарками и вещами, отменяются зачеты рабочих дней, имевшие большое стимулирующее значение. В результате, по мнению Г. М. Ивановой, подневольный принудительный труд был значительно менее эффективен по сравнению с аналогичным трудом вольнонаемных граждан¹.

М. И. Ключников,
*старший преподаватель
кафедры боевой и тактико-специальной
подготовки ВЮИ ФСИН России*

УЧЕНИЕ О НАКАЗАНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Одним из основополагающих институтов уголовного права является наказание, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации представляет собой меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда, применяемую к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающуюся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица, предусмотренных ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации. Такое четкое определение, содержащее все необходимые признаки наказания, сложилось в результате длительной эволюции. Истоки современного понимания наказания восходят к российским учениям второй половины XIX – начала XX в. Основными направлениями отечественной политико-правовой мысли, в рамках которых развивалось учение о наказании в этот период, являлись классическая и антрополого-социологическая школы уголовного права.

Классическая школа уголовного права выступала господствующим направлением в доктрине уголовного права данного периода. Название «классическая» дали этой школе оппоненты – сторонники антрополого-социологической школы, вложив в него несколько иронический смысл.

¹ См.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 102.

Библиографический список

1. *Курицин, В. М.* История государства и права России (1929–1940 гг.) / В. М. Курицин. – М., 1998.
2. *Меньшагин, В. Д.* Труд в исправительно-трудовых учреждениях / В. Д. Меньшагин. – М., 1932.
3. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.) / Под общ. ред. П. М. Лосева, Г. И. Рагулина. – М., 1959.

Формирование классической школы уголовного права было связано с эпохой антифеодальных революций в Европе, начавшейся с Великой французской революции 1789 г. В основу классической школы уголовного права были положены принципы, сформулированные в трудах просветителей и гуманистов XVIII в. – Ш. Монтескье, Вольтера, Дж. Локка и особенно Ч. Беккариа. Сторонники классической школы уголовного права в различных странах Европы и в США придали гуманистическим принципам уголовного права, имевшим явно антифеодальную направленность, новые, более точные и конкретные формулировки. Окончательно классическое направление в уголовном праве было оформлено благодаря трудам таких зарубежных ученых, как: И. Бентам, Говард, А. Фейербах, Г. Гегель и др.

В России во второй половине XIX – начале XX в. идеи классической школы уголовного права развивали ведущие криминалисты: А. Ф. Кистяковский, Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев.

Важное значение в доктрине классической школы уголовного права имеет принцип соответствия наказания тяжести совершенного преступления, в соответствии с которым за более тяжкое преступление должно назначаться более строгое наказание, а за менее тяжкое преступление – смягчение наказания. Одно из фундаментальных положений классической школы уголовного права заключается в ограничении сферы уголовной репрессии лишь деяниями, поступками человека, а не его мыслями.

К числу наиболее важных постулатов классической школы уголовного права исследователи относят следующее:

– человек является носителем свободной воли, а преступление есть результат его про-

извольного выбора. Поэтому, если человек, обладая нравственной свободой, избирает зло, он должен нести наказание за свой выбор;

– процесс принятия решения о совершении преступления носит исключительно рациональный характер. Человек совершает преступление в случае, если считает его полезным для себя после того, как оценит все «за» и «против»;

– усиливая наказание, общество делает преступления менее привлекательными, что позволяет удерживать людей от их совершения¹;

– искусство законодателя и его гуманизм состоят в том, чтобы ужесточение наказания проводилось не по принципу «чем больше, тем лучше», а по принципу «ужесточать лишь настолько, чтобы сделать преступление непривлекательным»².

Сторонников классической школы уголовного права отличал «юридический» подход к вопросам уголовной ответственности. Это выражалось в том, что, тщательно анализируя уголовно-правовые проблемы, криминалисты – «классики», как правило, игнорировали проблему причин преступности. В этой связи с критикой разработанного в рамках классической школы уголовного права учения о наказании выступили сторонники антрополого-социологической школы. Данное направление, обратившее особое внимание на юридические факты и их исследование, часто рассматривается как единая позитивная школа. Однако правильное говорить о двух самостоятельных школах: антропологической, выдвигавшей на первый план индивидуальные факторы преступности, и социологической, исследовавшей социальные факторы преступности. Тем более, что антропологическая школа уголовного права не получила достаточного распространения в российской политико-правовой мысли второй половины XIX – начале XX в.

Антропологическая школа уголовного права, основанная итальянским профессо-

ром Ч. Ломброзо во второй половине XIX в., исходила из того, что преступность – это явление не социальное, а биологическое, в силу чего преступника необходимо изучать с антропологической точки зрения. В своем сочинении «О преступном человеке» Ч. Ломброзо предпринял попытку обосновать теорию врожденного и неисправимого преступника. По его мнению, лицо, совершившее преступление, – это особый биологический тип, имеющий такие антропологические признаки, знание которых позволяет безошибочно выявить прирожденных преступников.

Сторонники антропологической школы уголовного права рассматривали карательную деятельность как основное средство защиты общества от преступников. Исходя из своих представлений о причинах преступности и в связи с критикой положений классической школы уголовного права, они предложили создать принципиально иную систему уголовной репрессии, в основе которой лежало учение не о преступном деянии, а о преступной личности. При этом задача уголовного права состояла в выявлении «опасного состояния» личности, предрасположенной к совершению преступлений.

Идеи антропологической школы уголовного права оказали влияние на формирование взглядов социологической школы уголовного права, представители которой также выступили с критикой основных положений классической школы.

Ведущими зарубежными теоретиками социологической школы уголовного права были: Ф. Лист, А. Принс, Ж. Ван Гамель, Г. Тард, А. Лакассань. В конце XIX – начале XX в. многие представители антропологической школы уголовного права присоединились к «социологам», отказавшись от объяснения преступности влиянием только антропологической предрасположенности (например Э. Ферри). В России сторонниками социологической школы уголовного права являлись И. Ф. Фойницкий, А. Н. Трайнин, М. Н. Гернет.

Общепризнанным положением социологической школы уголовного права было учение о факторах преступности, согласно которому преступление представляет собой

¹ См.: Иванов А. А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX веков и формирование личностного подхода в наказании // Журн. рос. права. 2005. № 5. С. 128–129.

² Ишаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997.

результат взаимодействия трех групп факторов: 1) индивидуальных (физических данных, психических свойств личности, возраста, пола, семейного положения); 2) физических (географических, климатических и почвенных условий, времени года и т. д.); 3) социальных (принадлежности к той или иной социальной группе, рода занятий, условий жизни, влияния на преступность безработицы, алкоголизма, проституции и т. д.). При этом решающее значение представители этого направления придавали факторам социального плана.

Между данными направлениями политико-правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. возникла научная дискуссия относительно сущности наказания.

Н. С. Таганцев рассматривал наказание как выражение того особого (юридического) отношения, которое возникает между учинившим деяние и государством. С точки зрения преступника, наказание является последствием им совершенного преступления, с позиции государства – мерой, принимаемой вследствие совершенного виновным деяния.

Ученый утверждал, что далеко не все последствия преступного деяния, не все то, что испытывает преступник по поводу совершенного им деяния, даже не все меры, принимаемые государством за преступное деяние, подходят под понятие наказания.

Наказание – это выражение правового отношения, возникающего между государством и преступником, поэтому к области наказания могут быть отнесены только юридические последствия преступления, изменяющие права и интересы наказываемого лица. Н. С. Таганцев утверждал, что в жизни часто называются наказаниями различные физические страдания, болезни, материальные лишения, которым подвергается человек совершенно независимо от воли и усмотрения государства и которые могут не быть связанными с преступлением, а только случайно совпадать с ним. Однако все эти лишения и страдания, сопровождавшие преступление или как бы вытекавшие из него, не являются наказанием в юридическом смысле.

В связи с этим Н. С. Таганцев отделял от наказания «нравственные мучения, угрызения совести, испытываемые преступником,

даже несмотря на то, что они были столь сильны, что для их прекращения он спешил отдаться в руки правосудия, чтобы выстрадать свою вину, поскольку в данных лишениях не заключается юридического ограничения личности и ее прав»¹.

Поэтому Н. С. Таганцев не был сторонником точки зрения, согласно которой устанавливалась взаимозависимость между уголовным правом, социологией и антропологией. Он заявлял о том, что «уголовное право – есть самостоятельная юридическая наука. Она должна развиваться своим путем, точно так же, как самостоятельные отрасли научного знания должны составлять новые направления, а наука уголовного права должна брать от них все, что полезно для раскрытия понятия преступления, личности преступника, субъекта преступления»².

Сторонники социологического направления в уголовном праве осуждали абстрактность принципов классической школы, забвение изучения целей наказания и то, что цели ответственности она определяла наказанием, а не наказание целью³.

Взгляд на преступление как на результат свободной воли человека, а также вера в спасительное воздействие наказания были неприемлемы для «социологов». Они призывали искать социальные корни преступности, выступали за создание системы приспособления преступника к честной и нормальной жизни при существующих социальных условиях⁴.

И. Я. Фойницкий, критикуя основные положения классической школы уголовного права, отмечал, что «свойство наказания вытекает из его природы и целей, им преследуемых. По своей природе наказание есть государственная мера борьбы с индивидуальными условиями преступности»⁵.

Основной характеристикой наказания, по мнению ученого, является его индиви-

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 7–10.

² Там же. С. 13.

³ См.: Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 262–263.

⁴ См.: Станкевич В. Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении. Спб., 1914. С. 81–90.

⁵ См.: Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным делом. М., 2000. С. 66–69.

дуальность, которая заключается в том, что наказание всегда ограничивается личностью, совершившей преступное деяние. Оно прекращается со смертью виновного и не переходит на третьих лиц ни по порядку представительства, ни по наследованию. Личная природа наказания проявляется и в том, что оно обращается на личные блага: жизнь, здоровье, свободу, честь или полную правность наказываемого. Следовательно, любое наказание представляет собой «личное страдание или лишение, чувствительное для наказываемого»¹.

Сущность лишения состоит в подчинении наказываемого индивида наказывающему его государству, т. е. наказание носит принудительный характер. При этом принуждение может быть непосредственным (физическим) или посредственным (психическим или духовным). В обоих случаях наказание является мерой общественного самосохранения, которое назначается в целях: безопасности, устрашения, исправления.

Представители классической и социологической школ отечественной политико-правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в. неоднозначно подходили и к определению объекта наказания.

Наиболее распространенной была точка зрения социологической школы, согласно которой общим объектом уголовного наказания выступала личность человека, признанного виновным в совершении преступления. К образующим личность преступника элементам И. Я. Фойницкий относил «физические особенности виновного, состояние и развитие его умственных способностей, темперамент, чувствительность, нервозность, временные патологические состояния, условия, приобретенные жизнью и воспитанием»². При таком понимании объект наказания представляется достаточно обширным и неоднородным по своему составу. Однако именно такой подход соответствовал уровню развития юридической науки того периода времени.

Выступая в качестве оппонента И. Я. Фойницкого, Н. С. Таганцев под объектом наказания понимал «преступное деяние как проявление личности, подлежащей за учи-

ненное стеснительным мерам – наказанию»³. При таком понимании наказание связывалось с лицом через посредство преступления и рассматривалось как противодействие: а) причиненного охраняемым законом правовым благам вреда; б) нарушению правовой нормы; в) субъективной вине этого лица⁴.

При этом Н. С. Таганцев в категоричной форме заявлял, что как «теоретически неверно считать объектом карательной деятельности только преступное деяние, забывая лицо, его совершившее, так и ошибочно понимать под ним многозначный и широкий по содержанию термин “состояние преступности”, когда само преступное деяние воспринимается лишь как повод для осуществления карательной деятельности»⁵.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. учение о наказании формировалось в рамках научной полемики между классическим и социологическим направлениями отечественной политико-правовой мысли. До настоящего времени не сформировано единого мнения относительно вопросов о сущности, целях и объекте наказания. В связи с этим обращение к исследованию данных теорий представляется актуальным.

Библиографический список

1. Иванов, А. А. Российская правовая наука рубежа XIX–XX вв. и формирование личностного подхода в наказании / А. А. Иванов // Журн. рос. права. – 2005. – № 5.
2. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : в 2 т. / Н. С. Таганцев. – М., 1994.
3. Фирсова, А. П. История развития научных представлений об объекте наказания / А. П. Фирсова // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. : сб. материалов третьей междунар. науч.-практ. конф. – М., 2006.
4. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – М., 2000.

³ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 87.

⁴ См.: Фирсова А. П. История развития научных представлений об объекте наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: Сб. материалов третьей междунар. науч.-практ. конф. М., 2006. С. 104.

⁵ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 79–81.

¹ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 53.

² Там же. С. 42.

К. В. Кострюков,
соискатель кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ
БОРЬБЫ С МОШЕННИЧЕСТВОМ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Научно-практическое решение проблемы раскрытия и расследования такого вида преступлений, как мошенничество, представляет известную сложность в силу многоаспектности подлежащих изучению вопросов.

Мошеннические посягательства всегда были и остаются в числе преступлений, представляющих повышенную общественную опасность. Причем в годы экономических преобразований наблюдается устойчивая тенденция роста данного вида преступлений, особенно в сфере экономики. Анализ исторического опыта борьбы с мошенничеством и ее современного состояния позволяет сделать следующий научный прогноз: при дальнейшем развитии рыночных отношений следует ожидать повышения количества мошеннических посягательств и отягощения их качественных характеристик, что, безусловно, потребует усиления борьбы с данным противоправным деянием.

По нашему мнению, знание истории противодействия Российского государства подобным деяниям, несомненно, окажет существенную помощь в организации и тактике борьбы с мошенничеством в современный период.

Способы и приемы борьбы с различными уголовными преступлениями (такими, как гонение следа, розыск, сыск) начали складываться в Русском государстве уже на ранних стадиях его развития в XI–XVI вв. В этот период зарождаются первые звенья системы уголовной полиции. Княжеская, а затем царская администрация помимо иных выполняла и полицейские функции. Раскрытие преступлений входило в обязанности губных старост, целовальников, воевод. Центральными органами сыска в рассматриваемый период были Разбойный и Сыскной приказы¹.

¹ См.: Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России, ее классовый характер. М., 1979. С. 3–4.

Процесс централизации государственной власти постепенно привел к выделению полицейских функций и созданию в структуре государственного аппарата органов полиции, на которую в числе других задач возлагалась охрана частной собственности. В одном из законов того времени говорилось, что полиция «...всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных»². Иными словами, полиция была призвана вести борьбу с уголовной преступностью, включая мошенничество и азартные игры.

С развитием капиталистических отношений в России темпы роста преступности стали значительно превышать темпы увеличения населения. Однако царское правительство в течение длительного времени не предпринимало каких-либо существенных мер, направленных на усиление борьбы с преступностью, хотя общая полиция уже не справлялась с непрерывным ее ростом. Данное обстоятельство признавали сами руководители полицейского ведомства. Так, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Ф. Ф. Трепов писал: «...Существенный пробел в учреждении столичной полиции составляло отсутствие особой части со специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений... Обязанности эти лежали на чинах наружной полиции, которая, неся на себе всю тягость полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать в указанном отношении. Для устранения этого недостатка и предложено учредить сыскную полицию»³.

В 1866 г. в Санкт-Петербурге при канцелярии обер-полицмейстера учреждается специальный орган по борьбе с уголовной преступностью – отделение сыскной полиции. Затем такие отделения были созданы в других крупных городах. Однако их штаты были невелики, формы и методы работы четко не регламентировались, а потому и эффективность работы не могла иметь высоких результатов.

«Сыскная полиция была призвана стать "плотиной", которая сдерживает дурные ин-

² История органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1984. С. 156.

³ Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство: Крат. ист. очерк. СПб., 1903. С. 286.

стинкты преступников и приходит на помощь несчастной жертве порочных наклонностей»¹. Однако фундамент этой «плотины» ее создатели заложили весьма непрочный. Немногочисленные сыскные отделения не смогли сдержать волны преступности, захлестнувшей Россию. Только в начале XX в., когда уровень уголовной преступности вырос до угрожающих размеров, царское правительство, чтобы не отвлекать полицию от борьбы с политическими противниками, вынуждено было приступить к повсеместному созданию аппаратов сыскной полиции.

Законом «Об организации сыскной части» (1908 г.) в составе полицейских управлений как в городах, так и в уездах образовывались сыскные отделения по делам общеуголовного характера. Структура этих отделений, а также права и обязанности их сотрудников определялись Инструкцией чинам сыскных отделений, утвержденной министром внутренних дел 9 августа 1910 г. К их компетенции, в частности, были отнесены меры по борьбе с мошенническими проявлениями².

Использование в борьбе с уголовной преступностью агентуры получило распространение со времен одного из первых «доносителей Сысского приказа» – Ивана Осипова, получившего впоследствии прозвание Ванька Каин и признавшегося в совершенных им кражах и мошенничестве. При розыске «воровских людей» Каин часто обходил известные ему воровские притоны, торговые ряды, ночлежки и другие места. В результате с его помощью или при непосредственном участии за два года было задержано и представлено в Сысский приказ 109 мошенников, 37 воров, 50 становщиков, 60 скупщиков краденого, 42 беглых солдата³.

С созданием III отделения Императорской канцелярии (1826 г.) агентурная рабо-

та стала одним из главных методов, используемых для борьбы как с политическими, так и уголовными преступлениями. Сотрудниками этого отделения в 30–40-х гг. XIX в. были заложены основы данной деятельности, а позднее разработаны тактические приемы негласной работы, прежде всего наружного наблюдения, которое велось штатными филерами с помощью агенты (осведомителей и провокаторов).

В Инструкции следственной комиссии, учрежденной для разбора пойманных особыми средствами воров и мошенников, утвержденной в 1843 г., перечисляются «особые средства», имевшиеся в распоряжении полиции. К ним, в частности, относились негласное наблюдение, организация притонов-ловушек и т. п. Для поимки воров, мошенников, бродяг, беглых каторжников эффективно использовалась узкая специализация нижних чинов полиции, которые маскировались под соответствующие категории преступников и вели разведывательно-поисковую работу в местах их вероятного появления⁴.

Опыт, накопленный в охранных отделениях и наружной полиции, в том числе по регистрации мошенников и других преступников, широко использовался и в сыскных отделениях. Так, зарегистрированные преступники подразделялись на 30 категорий. В их число наряду с другими входили мошенники-аферисты, шулеры-картежники, подкидчики, воры с употреблением обмана, гастролеры⁵.

В работе сыскных отделений рассматриваемого периода начали применяться криминалистические методы и некоторые технические средства. В частности, для идентификации преступников использовались антропометрия (бертильонаж) и дактилоскопия. Организация работы по борьбе с рядом преступлений, включая мошенничество, потребовала создания в сыскных отделениях особого карточного розыскного алфавита. Помимо этого составлялись фототальбомы преступников, причем для каждой преступной категории отдельный. Сле-

¹ Отчет о деятельности сысского отделения Киевской городской полиции за 1906 г. Киев, 1907. С. 13.

² По внутренней структуре каждое сыскное отделение имело несколько подразделений – столов: личного задержания; розыска; наблюдения; регистрации. Кадры сыскных отделений делились на две категории: чины сыскных отделений, т. е. их штатные сотрудники, и агентура (см.: История органов внутренних дел дореволюционной России. С. 75).

³ См.: Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л., 1980. С. 24–29.

⁴ См.: Гуров А. И. Криминальный профессионализм и борьба с ним. М., 1983. С. 13.

⁵ См.: История органов внутренних дел дореволюционной России. С. 76.

дует отметить, что в тот период на учете в сыскных отделениях состояло большое число мошенников. Все чины сыскного отделения обязывались знать основы фотографии, уметь читать планы и карты. Они должны были обладать хорошим здоровьем и не иметь физических недостатков¹.

Дальнейшее развитие получает специализация личного состава сыскной полиции. Так, названная выше Инструкция от 9 августа 1910 г. устанавливала правило специализации чинов сыскных отделений применительно к категориям профессиональной преступности: убийства, разбои, грабежи, поджоги, воровские организации, кражи различной преступной направленности, мошенничества, подлоги, обманы, шулерство разного рода, подделки документов, фальшивомонетничество и т. д.

Деятельность сотрудников сыскной полиции основывалась, прежде всего, на широком применении метода личного сыска. Некоторые из них в процессе сыска использовали грим, парики, наклеивали усы и бороды, одевались соответствующим ситуации образом, обходили по ночам притоны, места возможного совершения преступлений и появления преступников. В начале XX в., как свидетельствуют многие литературные исторические источники, отмечались фактическое сращивание полицейских чинов с преступниками, беззастенчивое применение методов провокации и фальсификации агентурной информации, шантаж подозреваемых и получение от них ложных показаний.

Вместе с тем создание сыскных отделений как специального органа борьбы с уголовной преступностью не привело к снижению уровня преступности в стране: по числу совершенных преступлений, включая различного рода мошенничества, Россия занимала одно из первых мест в мире. Невысокой оставалась раскрываемость преступлений, особенно мошеннических проявлений.

Уголовный сыск дореволюционной России представлял собой ближайший резерв политического сыска. В борьбе с революционным движением царское правительство использовало весь полицейский аппарат.

Временное правительство, сформированное в результате Февральской революции 1917 г., пыталось сохранить аппарат сыскной полиции, но при этом уничтожались регистрационные материалы на преступников. Эти материалы ликвидировались как самими чиновниками сыскных отделений, так и преступниками, которых Временное правительство выпустило из тюрем. «Преступники-профессионалы, находившиеся на свободе, с необыкновенной энергией поспешили разгромить при создавшейся сумятице всюду, где это оказалось возможным, столы привода»². Октябрьская революция 1917 г. прекратила существование царского уголовного сыска, подвергла его полному разгрому как наиболее реакционную часть государственного механизма свергнутого политического режима.

После перехода власти в руки Советов борьба со всеми видами уголовной преступности развернулась в первые же дни существования нового политического строя. Однако она велась преимущественно гласными методами, что оказалось явно недостаточным. Поэтому 5 октября 1918 г. в масштабе государства был образован специальный аппарат по предупреждению и раскрытию преступлений – уголовный розыск, построенный на началах демократического централизма. Положением об организации отделов уголовного розыска, принятым НКВД РСФСР, предусматривалось, что для охраны порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера в борьбе с бандитизмом образуются органы уголовного розыска. В составе Главного управления милиции РСФСР было учреждено Центральное управление уголовного розыска (Центророзыск).

Основные формы и методы оперативно-розыскной деятельности, применявшиеся в советском уголовном розыске, зародились в первые годы его существования. Объединение в 1919 г. Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее: ВЧК) и НКВД под руководством Ф. Э. Дзержинского укрепило эти органы и способствовало развитию методов оперативной работы. Ф. Э. Дзержинский добивался централизации работы

¹ См.: Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России: конец XIX – начало XX века. М., 1984. С. 64–72.

² Белкин Р. С. Не преступи черту! М., 1979. С. 164.

милиции, уголовного розыска, их тесной связи с Объединенным государственным политическим управлением. К сотрудникам уголовного розыска стали предъявляться повышенные требования.

В целях повышения эффективности работы в уголовный розыск были направлены сотрудники ВЧК, имевшие уже к тому времени определенный опыт оперативной деятельности.

Таким образом, борьбу с наиболее опасными преступлениями, в том числе сложными мошенническими проявлениями, уголовный розыск осуществлял совместно с ВЧК. В те годы формировались основы агентурной работы уголовного розыска. Важное значение для организации борьбы с преступностью, включая мошенничество, имела Инструкция по уголовному розыску, разработанная Центроуголовным в конце 1919 г. В ней отмечалось, что предупреждение и раскрытие преступлений осуществляется посредством использования негласной агентуры и наружного наблюдения, для чего сотрудники уголовного розыска обязывались иметь своих негласных агентов.

Первоначально в основу организации работы розыскных аппаратов тех лет был положен территориальный принцип, что не всегда способствовало успешной борьбе с отдельными видами преступности. В связи с этим на состоявшемся в марте 1922 г. Первом Всероссийском съезде работников милиции было подчеркнуто, что для совершенствования деятельности уголовного розыска необходимо принять такие меры, как внедрение узкой специализации в профессиональной подготовке работников уголовного розыска и его переход на линейный принцип деятельности.

Впоследствии практика работы оперативных аппаратов подтвердила правильность этих мер.

В период с 1926 по 1937 гг. деятельность аппаратов уголовного розыска в стране строилась по линейному принципу. Основными направлениями их специализации были борьба с бандитизмом, преступлениями против личности, имущественными преступлениями, в том числе мошенническими посягательствами. Например, в Одесском уголовном розыске был разработан и осуществлен проект перевода оперативных сотруд-

ников на линейный принцип работы, позволивший создать бригады по борьбе с убийствами, кражами, мошенничеством и т. д. Переход от универсальности работников уголовного розыска к узкой специализации был одобрен НКВД УССР и осуществлен во всех крупных городах Украины.

К 1926 г. уголовный розыск уже накопил определенный опыт борьбы с преступностью, и НКВД РСФСР издал новое Положение о секретных частях учреждений уголовного розыска. В нем достаточно подробно раскрывались основные теоретические приемы агентурной работы. Наиболее важными представляются разделы Положения, посвященные тактическим особенностям подбора кандидатов в секретные сотрудники и их вербовки. В частности, категорически запрещалось иметь в числе осведомителей лиц, «которые хотят быть осведомителями в расчете избежать суда и наказания за совершенные преступления». Непременное условие для вербовки осведомителей заключалось в получении к этому моменту первого сообщения, представляющего оперативный интерес, так как затем «...он будет давать последующие из-за одной только боязни быть выявленным в своей среде»¹.

С упрочением государства и укреплением органов внутренних дел развивались и аппараты уголовного розыска, в связи с чем остро встал вопрос подготовки квалифицированных кадров для службы в этих органах. Созданные специальные школы милиции требовали необходимых учебных и учебно-методических материалов, соответствующих программам по изучению различных специальных дисциплин. Такие программы были разработаны и объявлены приказом ЦАУ НКВД от 3 февраля 1927 г. № 14². Среди учебных дисциплин особое внимание уделялось изучению курсов «Организация и прохождение службы уголовного розыска» и «Криминалистика». Причем программа по криминалистике относилась названным приказом к циклу уголовно-розыскных предметов. В разделе «Методики расследования отдельных видов

¹ Положение о секретных частях учреждений уголовного розыска. М., 1926.

² Действующие распоряжения по уголовному розыску НКВД. М., 1927. С. 34–51.

преступлений» мошенничеству был посвящен отдельный параграф, в котором рассматривались основные вопросы борьбы с данным видом преступлений.

В конце 30-х гг. XX в. перед органами внутренних дел встали еще более важные задачи, решение которых требовало неуклонного совершенствования организационных форм, постоянного улучшения приемов и методов оперативно-розыскной работы.

Начиная с 1940 г. оперуполномоченные уголовного розыска должны были нести ответственность за результаты борьбы с конкретными видами преступлений, а не только за общее состояние борьбы с преступностью на закрепленной за ними территории. Это требование предопределяло необходимость глубокого изучения работниками уголовного розыска оперативной обстановки, структуры и динамики преступности, способов, причин и условий совершения преступлений, особенностей правонарушителей, тактических приемов борьбы с преступлениями. Предпринятые меры по совершенствованию работы аппаратов дали положительные результаты.

С началом войны деятельность органов внутренних дел во многом усложнилась. Значительная часть личного состава уголовного розыска и других служб была направлена на фронт. Только из Московской милиции в 1941 г. ушли на фронт более пяти тысяч человек¹. В условиях военного времени преступность, включая мошенничество, несколько видоизменилась, возникли новые виды преступлений, более ухищренными стали способы их совершения (особенно дезертирами и другими лицами, уклонявшимися от военной службы в действующей армии). Многие мошеннические деяния совершались путем обмана с использованием форменного обмундирования, орденских знаков и документов (денежных и вещевых аттестатов) военнослужащих армии, сотрудников НКВД. Преступники нередко действовали под видом эвакуированных, инвалидов-фронтовиков, лиц, командированных под вымышленными предлогами и от имени вымышленных ими объектов.

¹ См.: *Биленко С. В.* Годы подвига и славы: Сб. МВД СССР. М., 1985. С. 19.

В военные и послевоенные годы работа аппаратов уголовного розыска по-прежнему осуществлялась преимущественно по линейному принципу. Однако ввиду нехватки опытных кадров и других трудностей их деятельность была перестроена совокупно по зонально-территориальному принципу обслуживания территории, который просуществовал до 1949 г.

С передачей милиции в 1949 г. в состав органов безопасности система руководства и оперативного обслуживания территорий только по зонам была упразднена, как не оправдавшая себя и вновь введена линейная система.

Дальнейшее совершенствование линейного принципа работы и специализации в деятельности аппаратов уголовного розыска по борьбе с мошенничеством происходит начиная с 1966 г. в связи с воссозданием МВД СССР.

Таким образом, мошеннические посяательства были и остаются в числе преступлений, представляющих повышенную общественную опасность. В настоящее время наблюдаются их количественный рост в структуре общей преступности, особенно по группе имущественных преступлений, постоянное обновление способов завладения чужим имуществом, образующих квалифицирующие признаки, увеличение уровня специального рецидива, числа групповых преступлений, совершаемых в группе, в том числе организованными формированиями.

Анализ исторического опыта борьбы с мошенничеством свидетельствует о том, что наиболее эффективной формой ее организации является линейная специализация подразделений, способствующая повышению профессионального мастерства сотрудников и обеспечивающая качественное применение оперативно-розыскных сил, средств и методов выявления и раскрытия преступлений данного вида.

Библиографический список

1. *Гуров, А. И.* Криминальный профессионализм и борьба с ним / А. И. Гуров. – М., 1983.
2. *История органов внутренних дел дореволюционной России.* – М., 1984.
3. *Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России: конец XIX – начало XX века.* – М., 1984.

А. В. Попова,
*заведующий кафедрой частного права
Российского университета кооперации
кандидат юридических наук,
кандидат философских наук, доцент*

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВА
И НРАВСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ
НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ**

Вопросы соотношения права и нравственности всегда находились в центре внимания русской политико-правовой мысли, поскольку для национальной культуры России было характерно искание правды, понимаемой как единство юридического и этического начал. Как отмечал Б. А. Кистяковский, проблема этического обоснования права имела в русской неолиберальной философии права «не только теоретическое, но и глубоко практическое жизненное значение. И именно при решении его ученые и мыслители приходят к наиболее противоположным взглядам»¹. Парадигмой движения «возрожденного естественного права», являющегося теоретическим источником обоснования идеалистического направления неолиберализма, выступала идея об обусловленности права нравственностью. Ведущей тенденцией русской неолиберальной философии права был этический нормативизм, трактовавший идею естественного права как нравственно должного в праве. Основателем данного направления был П. И. Новгородцев, а в числе лиц, разделявших его взгляды — В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, И. А. Покровский, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк и др.

Представители данного направления выступили с обоснованием нового подхода к праву, который П. И. Новгородцев сформулировал как «нравственный идеализм в праве». В основе этого подхода лежало признание самостоятельного значения нравственного начала. Как подчеркивал мыслитель, «...нравственность должна быть понята не только со стороны своей исторической изменчивости, но также как явление

и закон личной жизни, как внутренняя абсолютная ценность»². В контексте концепции «нравственного идеализма в праве» основной вопрос естественного права (будущее права. — А. П.), будущее ставилось в связь с нравственным идеалом. Вместе с тем, по основному смыслу проблемы естественного права, построение будущего было и оценкой настоящего, производимой с точки зрения нравственного должностования. «Задача, — писал П. И. Новгородцев, — состоит в данном случае вовсе не в том, чтобы дать теорию правообразования, объясняющую естественное развитие правовых институтов, а чтобы установить моральные требования, предписывающие идеальные пути развития. Цель заключается не в объяснении, а в оценке явлений, совершаемой независимо от того, как эти явления развивались в прошлом и как они имеют развиваться в будущем»³.

Основной проблемой «возрожденного естественного права» в русской неолиберальной мысли была проблема соотношения права и нравственности. Русские неолиберальные мыслители не только отстаивали самостоятельное значение нравственной субстанции в применении к праву, но и идею взаимодействия права и нравственности, их взаимодополнения в практической деятельности индивидов. И. В. Михайловский систематизировал существовавшие в философско-правовой литературе концепции взаимоотношения права и нравственности, выделяя среди них три типа⁴. Так, к первому типу относилась концепция, согласно которой нет никакой принципиальной разницы по содержанию между правом и нравственностью. Каждое требование нравственности может быть облечено в форму юридической нормы, которая и создает право. Превращение нравственного требования в юридическую норму выступает вопросом о целесообразности, который решается государственной властью по целому ряду практических соображений. Естественно, такая концепция

² Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 274.

³ Там же. С. 225.

⁴ См.: Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 143–146.

¹ Кистяковский Б. А. Методологическая природа науки о праве // Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915. С. 7.

не могла быть принята неолибералами, так как неизбежным следствием такого понимания соотношения права и нравственности является чрезмерное расширение прав государства за счет прав личности.

Концепция второго типа была диаметрально противоположна концепции первого типа. В ней право и нравственность рассматривались как два самостоятельных начала. Такое понимание было характерно для классического либерализма, который требовал невмешательства государства в частную жизнь и ограничивал его задачи лишь охраной безопасности и установлением законов. С точки зрения неолиберальных мыслителей, в концепциях этого типа правильно подмечена самостоятельность права, однако она чрезмерно преувеличена, поскольку принципиального различия между правом и нравственностью нет. Кроме того, отрыв права от этических основ неизбежно ведет к тому, что единственной его санкцией становится власть. В связи с этим представители неолиберализма подвергали критике позитивистское понимание соотношения права и нравственности, которое относится к этому типу.

Основную ошибку позитивистского воззрения на право и нравственность П. И. Новгородцев видел в абсолютизации идеи общественной эволюции. Отрицая существование абсолютных принципов нравственности, эволюционисты утверждали, что нравственность есть всецело результат исторического развития, появившаяся путем постепенности, приспособления, борьбы за существование. Обстоятельством, которое придает нравственный характер поведению, является общественная полезность действий. Отвечая на вопрос, как узнать, какое действие общественно полезно, Г. Ф. Шершеневич писал, что «...объективным основанием нравственной оценки действий является соответствие их с благополучием значительного большинства членов общества»¹. Тем самым ценность этических принципов ставилась в зависимость от количества лиц, признающих эти принципы. Отмечая полное непонимание существа нравственности позитивистами, Б. А. Кистяковский от-

мечал, что позитивистское воззрение не признает нравственно должное как нечто самостоятельное, принципиально отличающееся от того, что естественно необходимо. «Позитивисты и эволюционисты потому и отождествляют нравственно должное с естественно необходимым, что они не вникли в смысл нравственного принципа. Это принцип оценки, устанавливающий различие между добром и злом... Отождествлять их (принцип необходимости и принцип долженствования. – А. П.) или выводить их друг из друга – это значит не понимать смысла ни того, ни другого»². Критикуя позитивистов за то, что нравственно должное они признавали относительным, Б. А. Кистяковский утверждал, что нравственный принцип по самому своему смыслу неизменен и безусловен. «...Значимость нравственного принципа имеет тот же смысл, как и значимость научной истины. Она не находится ни в какой связи с тем, как относится к нравственному принципу та или иная часть человечества, хотя бы это было его большинство или даже все человечество»³.

Концепция третьего типа взаимоотношения права и нравственности не отождествляла право и нравственность, но, исходя из несомненного их родства и тождества содержания большинства юридических и нравственных норм, утверждала, что право есть известная часть нравственности. К этому типу относилась теория этического минимума, выдвинутая Г. Еллинеком и отстаиваемая в русской философско-правовой литературе Вл. Соловьевым. Неолиберальные философы права относились к такому пониманию взаимоотношения права и нравственности критически. По мнению П. И. Новгородцева, определение права как этического минимума покоится на известном недоразумении. «Несомненно, – писал он, – что к области права могут относиться не только действия, безразличные с нравственной точки зрения, но даже и запрещаемые нравственностью. Право никогда не может всецело проникнуться началами справедливости и любви. Но если оно

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 1. С. 176.

² Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 243–244.

³ Там же. С. 243.

вступает в известных случаях в противоречие с нравственными заветами, то его нельзя назвать нравственным даже и в минимальной степени»¹. Отрицательное отношение к такому пониманию соотношения права и нравственности высказывал и Е. Н. Трубецкой. Несостоятельность определения права как низшей ступени нравственности он видел как в существовании юридических норм, безразличных в нравственном отношении, так и в том, что само осуществление права далеко не всегда согласуется с нравственностью².

Проблему соотношения права и нравственности русские нелиберальные мыслители решали в контексте «возрожденного естественного права». В статье «Право и нравственность» П. И. Новгородцев разграничивал право и нравственность, но вместе с тем устанавливал и их органическую взаимосвязь. Обособление права от нравственности и приобретение им самостоятельного значения исторически обусловливается развитием личности. Это ведет, согласно его установлениям, к отличию права от нравственности. Право отличается точностью и ограниченностью своих предписаний. Эта ограниченность, по сравнению с нравственностью, в которой для достижения совершенства нет и не может быть никаких заранее установленных рамок, является первым отличием, заставляющим характеризовать юридическую область как минимум общественных предписаний. Второе отличие состоит в том, что нравственность не удовлетворяется, подобно праву, требованием внешних действий, но принимает во внимание внутренние мотивы, без которых исполнение ее предписаний лишается истинной цены.

В то же время, разграничивая право и нравственность, П. И. Новгородцев ставил вопрос о выяснении их связи. Право, полагал он, не может обойтись без осуществления нравственных начал, которые составляют его существенную принадлежность. «Без нравственных понятий взаимоограничения и обязанности нет права, а есть толь-

ко сила, проявляющаяся произвольно и стихийно, подобно силам природы»³. Выделяя справедливость как нравственный элемент в праве, П. И. Новгородцев отмечал, что она есть сама по себе сила, имеющая свойство подкреплять своим авторитетом другие общественные силы. Следуя Вл. Соловьеву, прогресс в праве он связывал с прогрессом в нравственности. «Нравственное сознание со своими высокими и постепенно развивающимися требованиями ставит праву все новые и новые идеалы, предлагает все новые и новые задачи законодательному творчеству»⁴.

В своих последующих работах П. И. Новгородцев делал акцент на утверждении неразрывной связи права и нравственности, связывая нравственные суждения о праве с естественным правом. Понимание нравственности как явления и закона личной жизни как внутренней абсолютной ценности вводило право в границы нравственных норм и позволяло отстаивать независимую критическую позицию по отношению к социальной жизни. Исходя из разработанных им методологических принципов соотношения права и нравственности, П. И. Новгородцев утверждал, что нравственность столь же неизменна, сколь постоянна сущность человека; она всеобща именно потому, что индивидуалистична: то, что нравственно для одного человека, не может быть этически безразличным для другого. Однако поскольку положительное право исторически изменчиво, необходимо в процессе его совершенствования не выходить за пределы нравственных критериев, а также направлять правотворчество в соответствии с этическим идеалом в той степени и мере, в какой это возможно в данном, исторически определенном обществе.

Е. Н. Трубецкой, ставя проблему соотношения права и нравственности, приходил к выводу, что эти области не только не исключают друг друга, но находятся во взаимосвязи, так как уважение к внешней свободе личности должно быть гарантировано не только правом, но и нравственностью. Основное различие между правом и нравственностью сводится к тому, что «...со-

¹ Новгородцев П. И. Право и нравственность // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. Правоведение. 1995. № 6. С. 105.

² См.: Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 36.

³ Новгородцев П. И. Право и нравственность. С. 111.

⁴ Там же. С. 112.

держанием права является исключительно внешняя свобода лица. Содержанием нравственности является добро, или благо, причем требования добра могут касаться как внутренних, так и внешних проявлений нашей свободы...»¹. Соотношение права и нравственности представляет собой отношение частичного совпадения. С одной стороны, нравственные предписания включают в себя часть права; с другой стороны, правовые предписания включают в себя часть нравственности; но вместе с тем существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, и много таких правовых норм, вовсе не имеющих нравственного содержания.

Е. Н. Трубецкой подчеркивал, что право должно стать правдой. А это означает, что «...право в целом его составе должно быть подчинено цели добра и только в ней может найти свое оправдание»². В этой связи он ставил вопрос о том, обладают ли требования добра, которыми должно определяться развитие права, всегда одинаковым и неизменным содержанием или они меняются соответственно той ступени развития, на которой стоит каждое конкретное общество. Если существует вечный закон добра, проявление которого Е. Н. Трубецкой видел в осуществлении идеи солидарности в истории, то как совместить принцип нравственности в праве с принципом развития как права, так и самой морали? По его мнению, закон добра неизменен, а изменчивость нравственных понятий объясняется тем, что человек не сразу, а постепенно осознает саму сущность добра. Делать вывод об изменчивости добра исходя из того, что меняются человеческие понятия о добре, так же абсолютно неверно, как и отрицать неизменность законов природы на том основании, что на различных ступенях своего развития человек представляет их себе неодинаково. Прогресс нравственного сознания человечества отнюдь не доказывает того, что изменяется сам закон, сама сущность добра. В итоге Е. Н. Трубецкой пришел к выводу: в нравственности необходимо различать два элемента. Первый есть ни что иное, как «вечный закон добра, коим должна определяться конечная

цель нашей деятельности»³, второй определяется исторически конкретным уровнем осознания закона добра и реальными условиями воплощения нравственных ценностей в действительность.

Разграничение права и нравственности Л. И. Петражицкий проводил на основе различия их психических проявлений. «Специфическая природа явлений права, нравственности... их отличия друг от друга и от других переживаний коренятся не в области интеллектуального, а в области эмоционального...»⁴. Поскольку право, по мнению Л. И. Петражицкого, одновременно и нравственное переживание, постольку появляется вопрос о специфике именно правовых феноменов. С его точки зрения, правовая эмоция возникает лишь у субъектов, имеющих право требовать выполнения обязанностей. Нравственное переживание односторонне, оно – лишь чувство обязанности; правовая эмоция двусторонняя, притязательная, объединяющая правомочие и обязанность. Таким образом, в сущности все различия между правом и нравственностью сводятся в концепции Л. И. Петражицкого к одному главному различию – между чисто императивным характером нравственных импульсов и соответствующих им норм и императивно-атрибутивным характером права. В нравственности важен императив, т. е. мотивы обязанности, в праве же главную роль играет атрибутивность, т. е. мотивы притязания, сознание «своего права». «...Под правом в смысле особого класса реальных феноменов, – писал Л. И. Петражицкий, – будем разумеать те этические переживания, эмоции которых имеют атрибутивный характер. Все прочие этические переживания, т. е. переживания с чисто императивными моторными возбуждениями, мы будем называть нравственными явлениями, относить к нравственности»⁵.

Такое понимание соотношения права и нравственности Л. И. Петражицким вызвало критику со стороны других неолиберальных мыслителей. Е. Н. Трубецкой отмечал, что позиция Л. И. Петражицкого не

³ Там же. С. 59.

⁴ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 83.

⁵ Там же. С. 85.

¹ *Трубецкой Е. Н.* Указ. соч. С. 44.

² Там же. С. 46.

дает возможности отличить право от нравственности. То, что правовые нормы всегда устанавливают двустороннюю связь и есть нормы императивно-атрибутивные, не подлежит никакому сомнению. В то же время, писал Е. Н. Трубецкой, «...трудно найти хотя бы одну нравственную норму, которая не была бы «императивно-атрибутивной», которая не закрепляла бы «психически» каких-либо обязанностей одних лиц за другими...». Высшее выражение нравственности – заповедь любви и милосердия, когда она управляет нашей совестью, несомненно, связывает нашу волю по отношению к ближнему, несомненно, закрепляет за ним целую сложную совокупность наших нравственных обязанностей...»¹. Критикуя концепцию соотношения права и нравственности Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцев обращал внимание на то, что в ней остается невыясненным вопрос о связи права и нравственности. «В частных последствиях... – писал П. И. Новгородцев, – они (нравственность и право. – А. П.) могут различаться между собою, но это нисколько не исключает единства их конечной цели. Для права, как и для нравственности имеет силу тот же принцип личности, иначе взятый в той и другой области, но объединяющий их в конечном стремлении к воплощению в жизни идеи добра»².

Задача реализации нравственных требований в жизни требует соответствующих внешних условий. В связи внутренней свободы человека с внешними условиями жизни заключается один из важнейших мотивов, обуславливающих естественно-правовые идеи. Возрождение естественного права неолиберальные философы права понимали, прежде всего, как отражение морально-практического настроения, как «...реакцию нравственного сознания против положительных установлений»³. Нравственная оценка положительных установлений и учреждений выступала существенным моментом естественно-правовой идеи. Положительное

право всегда имеет дело с четко фиксированными нормами, общественные отношения, к которым они применяются, подлежат изменениям, что и придает положительному праву известное несовершенство, которое порождает критику его со стороны нравственного сознания. Поскольку нравственность находится в постоянном взаимодействии с правом, то естественное право, дающее критическую оценку существующему праву, выступает одним из проявлений этого взаимодействия.

Большинством неолиберальных мыслителей идеалистической направленности естественно-правовая проблема понималась как моральная проблема, являющаяся основой идеи естественного права. Выражая самостоятельное значение личности, которое должно принадлежать ей при любых формах политического устройства, естественное право «...представляет протест личности против государственного абсолютизма, напоминающий о той безусловной моральной основе, которая является единственным правомерным фундаментом для общества и государства»⁴. Проблема естественного права как моральная проблема рассматривалась в неолиберальной философии права в двух аспектах. В первом аспекте акцент делался на том, что свои исходные начала и высшие принципы естественное право получает из отвлеченных требований нравственного закона. Во втором случае речь шла о сочетании нравственного закона с условиями общественного развития, и акцент делался на том, что общественная сторона нравственной проблемы, прежде всего, основывается в требованиях естественного права. Если в первом случае вопрос касался цели, то во втором – средств и условий осуществления нравственного закона. Таким образом, в неолиберальной философии права вопрос о естественном праве ставился в связи с философским центром моральной проблемы учения неолиберализма – вопросом об отношении субъективной этики к объективной.

Первоначальная постановка вопроса о естественном праве у П. И. Новгородцева

¹ Трубецкой Е. Философия права профессора Л. И. Петражицкого // *Вопр. философии и психологии*. 1901. Кн. 57. С. 18.

² Новгородцев П. И. К вопросу о современных философских исканиях (ответ Л. И. Петражицкому) // *Вопр. философии и психологии*. 1902. Кн. 66. С. 130.

³ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 17.

⁴ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права. С. 294–295.

имела прямую связь с пониманием естественного права у И. Канта. Для последнего идея естественного права была основана на дуализме теоретической и этической областей, разумного и морального. «При посредстве этого дуализма, — писал П. И. Новгородцев, — естественно-правовые стремления утверждаются на почве самозаконного нравственного сознания и становятся недоступными для выражения историзма. Но, в свою очередь, и они составляют историзм неприкосновенным как теорию, имеющую значение только в известных пределах»¹. Исходя из дуализма теории и морали, идея естественного права для И. Канта есть категорический императив, и, следовательно, норма практического разума. Естественное право, согласно такому воззрению, выступает в качестве нравственного критерия для оценки существующего права независимо от фактических условий правообразования. У немецкого философа «...центр естественного права, — отмечал П. И. Новгородцев, — заключался вовсе не в тех представлениях, на которые нападали исторические юристы, а в утверждении возможности производить нравственную оценку права. А это утверждение установилось совершенно независимо от каких бы то ни было исторических предположений, на основании данных нравственного сознания»².

Возрождение естественного права П. И. Новгородцев связывал с утверждением нравственного идеализма в философии права. Поскольку основной вопрос естественного права есть вопрос о праве будущего, то, согласно его воззрениям, будущее приводилось в связь с известным нравственным идеалом. «Мысль обращалась не к тому, что будет в силу естественных причин, а к тому, что должно быть в соответствии с нравственным законом. По основному смыслу проблемы, построение будущего было вместе с тем и оценкой настоящего, а эта оценка производилась не с точки зрения причинной исторической

последовательности, а с точки зрения нравственного должностования»³.

Позицию связи возрождения естественного права с утверждением нравственного идеализма в философии права разделял и В. М. Гессен. В своей статье «Возрождение естественного права» он выдвинул концепцию «эволюционного естественного права», идейно близкую учению о «естественном праве с переменным содержанием», и рассматривал ее как закономерный итог развития форм естественного права. Поскольку историческое мировоззрение отвергало теорию о естественном праве с определенным абсолютно необходимым содержанием, то содержание естественного права В. М. Гессен выводил из «переплетающихся взаимодействий внутренней психической и внешней социальной среды», обусловленных исторической эволюцией. Понимая роль нравственного идеализма как требование реализации в положительном праве этического идеала, основанного на идее справедливости, нелиберальный мыслитель видел истинное назначение права не в охране интересов, а в осуществлении справедливости. Фактически под естественным правом В. М. Гессен понимал этические нормы, являющиеся «безусловными категорическими императивами переменного содержания», предназначение которых составляет научную критику положительного права с «точки зрения соответствия его этическим нормам правосознания»⁴.

В русской нелиберальной философии права акцент делался на том, что моральная идея личности есть абсолютная основа естественного права. Утверждая эту идею, П. И. Новгородцев понимал естественное право как часть моральной философии, задающей масштаб нормативной оценке правотворчества. И поскольку сущность естественно-правовой идеи состоит прежде в ее критицизме, то этот критицизм имеет этическую обусловленность. Естественному праву, писал П. И. Новгородцев, «свойственно стремление оценивать факт существующего с этической точки зрения. Но

¹ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000. С. 161.

² Новгородцев П. И. Учение Канта о праве и государстве // Вopr. философии и психологии. 1901. Кн. 58. С. 352–353.

³ Там же. С. 254–255.

⁴ Гессен В. М. О науке права // Введение в изучение социальных наук. СПб., 1903. С. 143.

именно в этом и состоит задача философии права»¹. Впоследствии П. И. Новгородцев выступил против формулы «естественное право с изменяющимся содержанием», утверждая, что под естественным правом следует понимать идеальный и безусловный критерий, который является масштабом для оценки прогресса в праве. Восстанавливая старую истину о неизменном естественном праве, следует помнить, писал он, что «...речь идет здесь не о неизменной системе норм права, которая должна заменить собою когда-либо изменчивое положительное право, а о неизменном идеале или принципе права, который всегда направлял и всегда будет направлять развитие положительного права»².

Естественно-правовая концепция Е. М. Трубецкого поднимала проблему реализации нравственных требований в праве. При этом он исходил из того, что философия естественного права должна выражать как тезис идеализма, утверждающего существование вечного закона добра, так и тезис учения эволюционного, согласно которому человеческие понятия о добре развиваются и прогрессируют. К аргументации П. И. Новгородцева о разумно-нравственной природе права Е. Н. Трубецкой добавлял доводы психологической теории права. Первоначальным источником права является человеческое сознание. Поэтому сила и действительность всякого положительного права определяется теми неписаными правовыми нормами, которые являются внутренними велениями этого сознания. Это неопровержимо доказывает существование норм естественного права, авторитетность которых основана на том предположении, что человеческий разум представляет собой независимый от внешнего законодательства источник нравственных суждений.

Согласно идеям Е. Н. Трубецкого, предписания естественного права по своему содержанию вместе с тем есть и предписания нравственные. «Естественное право – то же, что и правда: оно обнимает в себе всю

совокупность тех нравственных требований, в силу которых мы подчиняемся или не подчиняемся тому или другому внешнему правовому авторитету: оно заключает в себе всю совокупность тех нравственных норм, в которых всякий авторитет, всякая человеческая власть и всякое вообще позитивное право находит себе оправдание или осуждение»³. Как синоним нравственно должного в праве естественное право выполняет двоякую роль. С одной стороны, естественное право представляет собой необходимую нравственную основу права положительного, так как всякая норма положительного права нуждается в нравственном оправдании; с другой стороны, в качестве нравственного критерия над правом положительным, оно является необходимым фактором усовершенствования, прогрессивного развития последнего. В своей концепции естественного права Е. Н. Трубецкой исходил из того, что требования естественного права обладают как правовым, так и нравственным характером. Отсюда вытекало различие как непреходящих, так и изменяющихся требований естественного права.

Е. Н. Трубецкой утверждал, что сущность всякого права выражается, с одной стороны, в предоставлении лицу известной сферы внешней свободы, а с другой – в ее ограничении. Будучи нравственным правом, естественное право всегда требует, чтобы внешняя свобода была предоставлена лицу именно в тех границах, которые оправдываются целями добра. Поэтому непреходящее, неизменное требование естественного права заключается в том, что оно предписывает ограничение внешней свободы лица свободой других лиц в той мере, в какой это требует добро. В то же время добро не требует, чтобы пределы внешней свободы лица всегда определялись одинаковым образом. Мера этой свободы не может быть одинаковой для различных уровней исторического развития и национальных культур. В связи с этим Е. Н. Трубецкой делал вывод, что «...естественное право не есть кодекс неподвижных и неизменных требований, и это уже потому, что право как порядок внешний есть сфера благ

¹ Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. М., 1914. С. 110.

² Новгородцев П. И. Современное положение проблемы естественного права // Юрид. вестн. 1913. Кн. 1. С. 22.

³ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. СПб., 1998. С. 67.

относительных, условных, а, следовательно, и конкретные требования добра, предъявляемые к правовым нормам, должны быть условны, изменчивы, потому что безусловное добро не может вписаться в рамки какого-либо внешнего порядка»¹.

Интерес представляет полемика между двумя видными неолиберальными философами права – П. И. Новгородцевым и Л. И. Петражицким, по вопросу понимания естественного права. Рассматривая интуитивное правосознание как источник и проявление нравственного идеала, противостоящего позитивному, действующему праву, Л. И. Петражицкий одним из первых в русской философско-правовой мысли обратил внимание на возможность возрождения с этих позиций традиционно существовавшей доктрины естественного права. Интерпретируя право в психологическом контексте, Л. И. Петражицкий и естественное право наполнял соответствующим содержанием. Роль естественного права виделась ему в выработке и укреплении определенных нравственных норм, воспитании народной психики соответственно требованиям нравственности и справедливости. Л. И. Петражицкий главную ошибку концепции П. И. Новгородцева находил в отождествлении естественно-правовых и нравственных суждений о праве. По его мнению, «нравственные суждения и нравственная оценка явлений относятся именно к нравственности, и называть их естественным или каким бы то ни было правом отнюдь не следует, под страхом смешения разнородных понятий»². Согласно Л. И. Петражицкому, в основе естественно-правовой доктрины лежит интуитивно-правовая, а не нравственная психика. Поэтому отнесение естественного права к области нравственных суждений лишает оправдания саму идею естественного права.

Следует отметить, что Л. И. Петражицкий был не прав, утверждая, что Новгородцев понимал под естественным правом нравственные суждения о положительном

праве. Сущность естественно-правовой концепции П. И. Новгородцева составляла интерпретация естественного права как совокупности нравственных суждений о праве не положительном, а должном быть. В этой связи естественное право выступало как нравственный критерий для оценки, существующий независимо от фактических условий правообразования. Исходя из понимания философии естественного права как науки должных отношений П. И. Новгородцев подверг критике воззрение Л. И. Петражицкого на естественное право, основанное на почве опытно-психологического изучения права, при этом отметив, что «...когда проф. Петражицкий поставил своей задачей опытно-психологическое изучение права и его причинных свойств, причинных действий, то он... избрал такой путь, идя по которому нельзя придти к обоснованию естественного права»³. При всем различии позиций в понимании естественного права, общим у Л. И. Петражицкого и П. И. Новгородцева было то, что основой естественного права они признавали идею автономности человеческого разума.

Таким образом, проблема соотношения права и нравственности как одна из центральных проблем «возрожденного естественного права» получила в русской неолиберальной политико-правовой мысли свое теоретическое рассмотрение. Исходя из признания взаимосвязи нравственной и правовой сущности человека, неолиберальные мыслители отстаивали необходимость ограничения права нравственными нормами.

Библиографический список

1. *Новгородцев, П. И.* Право и нравственность / П. И. Новгородцев // Изв. высш. учеб. заведений. Серия Правоведение. – 1995. – № 6.
2. *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000.
3. *Шершеневич, Г. Ф.* Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1911.

¹ *Трубецкой Е. Н.* Новое исследование о философии права Канта и Гегеля // *Вопр. философии и психологии.* 1902. Кн. 61. С. 603–604.

² *Петражицкий Л. И.* К вопросу о «возрождении естественного права» и нашей программе // *Право.* 1902. № 41. С. 1794.

³ *Новгородцев П. И.* Психологическая теория права и философия естественного права // *Юрид. вестн.* 1913. Кн. 3. С. 16.

Р. В. Байдуж,
*адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии Днепрпетровского
государственного университета
Министерства внутренних дел Украины*

**РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ
В УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Исходя из целей наказания, которые в украинском уголовном законодательстве определены в ст. 50, можно сделать вывод, что главным в работе пенитенциарной системы является не наказание человека, а его исправление, предотвращение совершения преступлений. Достичь этой цели, как показывает практика, невозможно без создания действенного механизма возвращения в общество полноценного гражданина, способного к общественно полезному труду, воспринимающего как должное существующие в обществе правила поведения, в том числе установленные законом. Вопросы, рассматриваемые в настоящей статье, уже в течение долгого времени находятся в центре внимания специалистов в области криминологии, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной науки. Так, теми или иными аспектами данной проблемы занимались: А. М. Бандурка, И. Г. Богатырев, Т. А. Денисова, В. И. Дробышев, М. И. Еникеев, В. И. Закалюк, В. А. Левочкин, В. М. Трубников, А. И. Чернышева и др.

Однако несмотря на большое количество работ по данной проблематике, она остается актуальной, а ряд вопросов, в том числе связанных с практической реализацией разработок ученых, остаются неразрешенными.

В связи с этим нам представляется важным проанализировать существующие проблемы нормативного определения ресоциализации и внедрения научных разработок в практическую деятельность государственных органов.

Определяя понятие ресоциализации, большинство ученых делают вывод о том, что данным термином охватывается как пенитенциарный, так и постпенитенциарный периоды воздействия на личность с

целью ее воспитания как в местах лишения свободы, так и в условиях жизни на свободе после отбывания наказания¹.

Однако с учетом особенностей современной пенитенциарной системы такое определение можно принять только отчасти. Действительно, воздействие на личность должно оказываться как во время отбывания наказания, так и после, но согласиться с выводом о том, что это должно быть именно «воздействием», цель которого – «воспитание», сложно.

Неверной как с правовой, так и формально-логической точки зрения данная посылка является исходя из следующих обстоятельств. Во-первых, если рассматривать ресоциализацию как «воздействие», то можно прийти к ошибочному выводу о том, что это процесс, который направлен исключительно на лицо, отбывающее наказание либо освобождающееся из мест лишения свободы. В то же время это «воздействие» прежде всего на окружающую среду, создание условий, способствующих тому, чтобы человек не ощущал себя оторванным от общественной жизни, изгоем общества. Когда речь идет о трудоустройстве лиц, освободившихся из мест лишения свободы, об обеспечении их жильем, предоставлении гарантий социальной защиты, неужели подразумевается «воздействие» на личность? Во-вторых, указание на цель ресоциализации как на «воспитание» не соответствует ни субъектам ресоциализации, ни самой сущности данного явления. Если сводить его только к воспитательному воздействию, то из сферы действия и определения ресоциализации выпадает широкий круг вопросов относительно деятельности органов, занимающихся ресоциализацией, деятельность которых не связана непосредственно с воздействием на лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, указанных выше. Кроме того, исходя из термина «воспитание» (т. е. вести по жизни), воспитательным процессом является развитие у человека новых качеств, не присущих ему ранее. В таком случае данное определение не

¹ См.: Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особенной части. М., 1985. С. 78.

включает в себя вопросы, связанные с обучением осужденных новым профессиям, отвечающим требованиям современной жизни, адаптацией осужденных к новым реалиям; полностью игнорируются вопросы так называемой постпенитенциарной ресоциализации.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем авторское определение понятия «ресоциализация»: это деятельность государственных органов по воспитанию и обучению граждан, находящихся в местах лишения свободы, освободившихся из таких мест, направленная на их исправление и адаптацию к современным условиям жизни. В нем, по нашему мнению, наиболее точно отображены все стороны процесса ресоциализации, учитывающие как аспекты воспитательного характера, так и деятельность системы государственных органов по обеспечению максимально ускоренного процесса вхождения личности в условия современной жизни.

Ресоциализация – это сложная социально-правовая категория, которая охватывает ряд явлений правового, социального, психологического характера и выступает предметом исследования таких наук, как криминология, уголовно-исполнительное право, уголовное право, социология, психология и педагогика. В результате анализа ресоциализации мы выделили следующие этапы этого процесса:

1. Допенитенциарный: вынесение приговора, определение наказания и выявление отношения осужденного к нему, который признает или не признает вину за содеянное преступление.

2. Пенитенциарные:

– адаптация к условиям отбывания уголовного наказания;

– исправление;

– подготовка осужденных к освобождению.

3. Постпенитенциарный: освобождение и социальная адаптация к условиям жизни на свободе.

На первом этапе ресоциализующее влияние на осужденного оказывают вид и срок определенного судом наказания, а также вид учреждения, где он будет отбывать наказание. Известно, что чрезмерно строгие наказания озлобляют осужденного, препятствуют нормальной адаптации к жизни в условиях лишения свободы, а весьма легкие наказания формируют ложное представление о безнаказанности его противоправных действий, что как следст-

вие приводит к невозможности достижения цели наказания – исправить и вернуть в общество законопослушного гражданина¹.

На пенитенциарных этапах происходят адаптация к месту лишения свободы и ресоциализация личности в учреждениях по исполнению наказаний. От того, насколько осужденный окажется подготовленным к жизни в обществе, насколько изменятся его ценностные ориентации, зависит его дальнейшая жизнь как законопослушного гражданина. Социальная адаптация на свободе происходит успешно, если подготовка осужденного к освобождению окажется достаточно эффективной.

Завершающим этапом ресоциализации осужденных является социальная адаптация к условиям жизни после отбывания уголовного наказания. Этот период самый трудный, свидетельствующий о том, насколько успешно прошел процесс ресоциализации на свободе.

Довольно часто в криминологической литературе процесс ресоциализации отождествляется с социальной адаптацией и считается, что понятие ресоциализации охватывает практически все инстанции реализации уголовной ответственности, т. е. это многогранный, многоаспектный процесс социальной адаптации человека, который совершил преступление.

На наш взгляд, правомерность отождествления понятий «социальная адаптация» и «ресоциализация» вызывает сомнение, хотя между этими понятиями есть много общего. Во-первых, и социальная адаптация, и ресоциализация предусматривают не только влияние внешней среды, но и активность личности (субъекта процесса). Во-вторых, оба явления подразумевают применение к субъекту разнообразных мер государственного, общественного воздействия и социального контроля. Однако ставить знак равенства между ними все-таки не следует. Социальная адаптация, в отличие от ресоциализации, предполагает приспособление индивида к конкретной социальной среде, ее сущность состоит в осознании субъектом норм и правил человеческого сосуществования и их выполнения на всех этапах социализации личности².

¹ См.: *Неживець О. М.* Ресоціалізація засуджених і осіб звільнених з місць позбавлення волі та її оперативне забезпечення // *Держава і право.* 2006. Вип. 32. С. 394–398.

² См.: там же.

С практической точки зрения ресоциализация призвана решить три основные задачи. Первая – обучение, так как в учреждениях исполнения наказаний нередко поступают осужденные, которые не умеют читать и писать, не имеют полного и даже неполного среднего образования.

В 1994 г. школы и профтехучилища на территории «взрослых» колоний были ликвидированы. С 2004 г. их начали восстанавливать совместными усилиями Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний и Министерства науки и образования.

Окончательно проблема разрешилась в 2005 г. Вечерние школы и их филиалы были открыты во всех учреждениях исполнения наказаний, в которых стали обучаться 12 000 осужденных.

Вторая задача – это получение профессии. Для ее решения создаются профтехучилища, которые уже есть в большинстве учреждений исполнения наказаний. В них осужденный имеет возможность освоить несколько специальностей, к тому же профессиональное обучение засчитывается осужденному как работа и отображается в его характеристике на условно-досрочное освобождение как позитивный элемент. И третья задача – это работа на производстве, так как полученные умения и навыки необходимо закрепить.

В связи с тем, что сегодня в учреждениях уголовно-исполнительной системы в трудовом процессе задействовано всего лишь 20–25 % осужденных, проблема их занятости на

производстве остается открытой. Однако она постепенно решается. В первую очередь работой на производстве обеспечиваются осужденные, которые, закончив профтехучилища, должны закрепить полученные во время учебы умения и навыки на практике.

Все это в комплексе должно помочь осужденному адаптироваться к жизни на свободе. Но, к сожалению, на настоящий момент недостаточно эффективно работают социальные службы, занимающиеся постпенитенциарной ресоциализацией осужденных, а именно вопросами трудоустройства лиц, освободившихся из мест лишения свободы, обеспечения их жильем и т. д. Для решения этой проблемы необходимо наладить механизм взаимодействия субъектов допенитенциарной, пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации и выработать единую стратегию реализации этого процесса.

Библиографический список

1. *Богатирьев, І. Г.* Створення системи ресоціалізації засуджених / І. Г. Богатирьев // Проблеми пенітенціарної теорії і практики. – Київ, 1998. – № 3.
2. Кримінально-виконавчий кодекс України. – Київ, 2003.
3. *Неживець, О. М.* Ресоціалізація засуджених і осіб звільнених з місць позбавлення волі та її оперативне забезпечення / О. М. Неживець // Держава і право. – 2006. – Вип. 32.
4. *Стручков, Н. А.* Курс исправительно-трудового права: Проблемы Особенной части / Н. А. Стручков. – М., 1985.

И. Г. Богатырев,
*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Днепропетровского государственного университета
Министерства внутренних дел Украины*

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА УКРАИНЫ КАК ИНСТИТУТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Избранный украинским народом курс на развитие демократического правового государства (ст. 1 Конституции Украины) требует проведения определенной ревизии и переосмысления роли и места пенитенциарной

системы Украины в общегосударственном механизме социального управления.

С целью приведения пенитенциарной системы Украины в соответствие со ст. 3 Конституции Украины, нормами права и морали цивилизованного общества, обеспечения гуманизации пенитенциарного процесса в соответствии с международными стандартами обращения с заключенными необходимо было системно решить комплекс основных проблем пенитенциарной политики государства.

Главной среди них является определение, на каком конкретном этапе социально-экономического развития находится современная пенитенциарная система.

В связи с этим заслуживает внимания мысль о том, что каждый тип пенитенциарной системы зависит:

- от уровня социально-экономического, политического, культурного развития государства и общества;
- осуществления государством уголовно-правовой, пенитенциарной политики;
- характера философских, уголовно-правовых, криминологических, пенитенциарных и других концепций, которые преобладали в конкретно-исторический период и играли роль теоретико-методологической платформы пенитенциарной модели;
- материальных возможностей государства в конкретный исторический период;
- политических, идеологических, религиозных убеждений, доминирующих в обществе¹.

Однако переход к обществу, в котором приоритетными являются права человека, которые основываются на демократии и рыночной экономике, сопровождается такими отрицательными процессами, как: обогащение одних и обнищание других слоев населения, обострение экологических проблем, безработица, алкоголизм, наркомания, – все это ведет к социально-психологическому упадку, криминализации общества.

Угрожающей для Украины является социально-демографическая проблема, главным признаком которой являются отрицательные изменения не только в количестве, но и в качестве населения. Кроме того, низкий уровень рождаемости, высокая смертность, в том числе детская, рост числа разводов, увеличение количества бездетных и семей с одним ребенком, рост инфекционных и паразитарных болезней, социальное напряжение обуславливают определенные условия девиантного поведения отдельных групп населения, уголовное поведение которых становится нормой жизни, а пребывание на воле и жизнь по общечеловеческим ценностям – отклонением от нее.

Вышеперечисленные явления, а также теневая экономика, организованная преступность, коррупция, правовой нигилизм со стороны государственных деятелей беспокоят сегодня население Украины, порождают у

него чувство опасности, стремление к самозащите, принуждают людей требовать жестокого наказания для преступников. Вместе с тем введение мер более жестокого наказания ложится на общество дополнительным бременем: увеличение налогов, человеческих и финансовых затрат на содержание осужденных в местах лишения свободы.

Украина, помимо своих национальных специфических черт, имеет особенности, присущие всем постсоветским государствам. Это прежде всего касается отношения к организации профилактически-воспитательного процесса с осужденными, реализация которого была ориентирована на коллективные методы исправления и ресоциализации осужденного лица.

Наиболее сложной проблемой для пенитенциарной системы Украины, как заметил В. А. Левочкин, стало перенаселение учреждений исполнения наказаний. С экономической точки зрения нереально содержать в удовлетворительных условиях такое количество лиц, лишенных свободы. Опыт стран Европейского сообщества свидетельствует, что данная проблема может быть решена в процессе пересмотра законодательной базы, в основе которой должна быть защита прав и свобод граждан².

По состоянию на 1 апреля 2007 г., в органах и учреждениях исполнения наказаний Украины находится более 346 тыс. лиц, из них в местах лишения свободы – 187 тыс., на учете в подразделениях уголовно-исполнительной инспекции состоит 156 тыс. чел. Кроме того, большое количество лиц осуждено к таким видам наказаний, как: штраф, конфискация имущества, служебные ограничения для военнослужащих, лишение воинского звания, ранга, чина или квалификационного класса, содержание в дисциплинарном батальоне военнослужащих.

Важно помнить, что все осужденные являются гражданами Украины, и по истечении срока наказания они снова возвратятся в общество. Потребность в моральном и духовном возрождении для осужденных стоит более остро, чем для любой иной категории граждан.

¹ Богатириков І. Г. Теорія і практика виконання кримінально-виконавчої інспекцією покарань, не пов'язаних з позбавленням волі: Моногр. Київ, 2005. С. 25.

² Львович В. А. Концептуальні питання реформування кримінально-виконавчої системи України // Проблеми пенітенціарної теорії і практики. Київ, 2002. С. 3.

Вхождение Украины в европейское правовое поле в 1995 г. вызвало необходимость реформирования ее законодательства в соответствии с международными актами о правах человека и взятыми на себя правовыми обязательствами безусловного соблюдения ратифицированных Верховной Радой Украины важнейших европейских правовых актов, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которые являются документами прямого действия.

Эти обстоятельства существенно повлияли на пересмотр уголовного законодательства и содействовали принятию новых Уголовного (2001 г.) и Уголовно-исполнительного кодексов Украины (2003 г.).

Примером инициативной нормотворческой деятельности ГУИС Украины явилось принятие 23 июня 2005 г. Верховной Радой Украины Закона Украины «Про Государственную уголовно-исполнительную службу Украины» (далее: Закон). Данный Закон, по мнению многих ученых в области уголовно-исполнительного права, предоставил возможность социально переориентировать уголовно-исполнительную систему на качественно новую с учетом международных нормативных правовых актов и международного опыта, принципов, закрепленных в ст. 5 Уголовно-исполнительного кодекса Украины.

Вместе с тем А. Х. Степанюк и И. С. Яковец считают, что система уголовно-исполнительного законодательства требует согласования и доработки¹. Во-первых, это касается расхождений между целями наказания, определенными в ч. 2 ст. 50 Уголовного кодекса Украины, и задачами ГУИС (ст. 1 Закона). Во-вторых, это определение четкой целевой ориентации субъектов, входящих в структуру ГУИС Украины. Так, по мнению вышеназванных авторов, в Положении о Государственном департаменте Украины по вопросам исполнения наказаний (далее: Положение о Департаменте) целевая ориентация субъектов, т. е. их задачи, определена более четко.

Содержание, структура и классификация нормативных правовых актов, регулирующих деятельность уголовно-исполнительной системы, имеют важное значение для процедуры их применения. Отдельно следует отметить нормативные правовые акты, принятые Государственным департаментом Украины по вопросам исполнения наказаний (далее: Департамент), цель которых – обеспечить функционирование уголовно-исполнительной политики в этой области путем урегулирования определенной сферы однородных уголовно-исполнительных отношений. Они издаются во исполнение решений органов законодательной и исполнительной власти, по их поручению или вытекают из компетенции, определенной Положением о Департаменте. Согласно п. 7 данного Положения в процессе исполнения возложенных на Департамент задач и в пределах своих полномочий он на основе действующего законодательства издает приказы, организует и контролирует их выполнение. Особенностью нормативных правовых актов Департамента является обязательность их регистрации в установленном порядке, если они содержат правовые нормы (правила поведения), рассчитанные на неопределенный круг лиц, затрагивают права, свободы и законные интересы осужденных, гарантированные Конституцией и законами Украины, устанавливают новый или изменяют, дополняют или отменяют организационно-правовой механизм их реализации.

Необходимо подчеркнуть, что нормативные правовые акты, регулирующие порядок и условия исполнения наказаний, не должны зависеть от социальной, политической и экономической конъюнктуры, а должны основываться на общечеловеческих ценностях, выработанных международным сообществом в положениях борьбы с преступностью, обращения с осужденными, на достижениях науки и практики в этой сфере.

Кроме того, данные нормативные акты подлежат постоянному пересмотру с целью приведения их в соответствие с Конституцией Украины, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, практикой Европейского Суда по правам человека и актами действующего законодательства, а также отмены устаревших и тех, которые не отвечают новым условиям экономического и социального развития Украины.

¹ Степанюк А. Х., Яковець І. С. Система кримінального законодавства потребує узгодження та доопрацювання // Проблеми пенітенціарної теорії і практики. Київ, 2005. С. 290–302.

Вместе с тем отсутствие коллективных обсуждений законодательных актов, игнорирование общественного мнения, отсутствие квалифицированной оценки проектов законов специалистами в области уголовно-исполнительного права приводят к многочисленным проблемам при их внедрении в практику.

Проведенный нами подробный анализ нормотворчества Департамента свидетельствует о несовершенстве многих нормативных правовых актов, их несоответствии Конституции и законам Украины. Такие акты – это своего рода лакмусовая бумажка реального качества нормотворческой интерпретационной правоприменительной деятельности уголовно-исполнительной службы, реальное свидетельство об уровне профессионализма. Именно по ним и сотрудники, и осужденные оценивают уровень работы центрального органа исполнительной власти по вопросам исполнения наказаний¹.

Несоответствие принятых Департаментом нормативных правовых актов действующему законодательству отрицательно влияет на существующую практику исполнения уголовных наказаний, создает ряд серьезных проблем. Среди них:

- проблема исполнения и отбывания наказаний лицами, к которым суд применил отсрочку от отбывания наказания с испытанием;
- проблема предотвращения совершения преступлений осужденными в органах и учреждениях исполнения наказаний;
- проблема социальной и правовой незащищенности персонала органов и учреждений исполнения наказаний;
- проблема законодательного урегулирования гарантий представления жалоб осужденными в местах лишения свободы;
- проблема отсутствия законодательного определения статуса учреждения или уголовно-исполнительной инспекции как субъектов исполнения наказаний;
- проблема отсутствия механизма исполнения наказаний в виде общественных работ и проч.

Одним из актуальных вопросов пенитенциарной системы Украины является проблема соблюдения конституционных прав осужденных в местах лишения свобо-

ды, среди которых можно выделить: противоправные действия относительно осужденных со стороны персонала учреждений исполнения наказаний, бытовые условия, питание, заболевание осужденных и т. п.

Таким образом, несовершенство нормативно-правового обеспечения уголовно-исполнительных отношений в сфере исполнения и отбывания наказаний дает основания говорить о поверхностно-ситуативном их регулировании.

Обобщая вышеизложенное, мы пришли к следующим выводам:

- новейшая история развития пенитенциарной системы Украины свидетельствует о дальнейшем поиске ее оптимальной модели;
- суть проведенных в Украине реформирований системы подчинена главному – обеспечению прав и свобод человека;
- в настоящее время назрела необходимость в определенном пересмотре нормативных правовых актов, регулирующих порядок и условия исполнения наказаний в контексте формирования современной пенитенциарной системы Украины;
- продолжительное время закрытость пенитенциарной системы Украины отрицательно повлияла на информированность о ней, хотя этот процесс характерен для всех постсоветских стран;
- законодательное закрепление базовых категорий оценки и уголовно-исполнительных правоотношений, возникающих в процессе исполнения наказаний, обеспечит стабильность и не допустит нарушения принципов уголовно-исполнительного законодательства, будет оказывать содействие повышению эффективности исполнения и отбывания наказаний;
- важными направлениями реформирования пенитенциарной системы Украины являются социальная и правовая защита персонала органов и учреждений исполнения наказаний, создание ее надлежащей материально-технической базы, изменение приоритетов работы с осужденными.

Библиографический список

1. *Бадира, В. А.* Сучасний процес нормотворчості Державної кримінально-виконавчої служби потребує ефективності та оптимізації. Піднесення права. Реформування кримінального та кримінально-виконавчого

¹ См.: *Львовчик В. А.* Указ. соч. С. 86–88.

законодавства – головний чинник корегування політики України у сфері виконання кримінальних покарань / В. А. Бадира // 36. доповідей та тез ГУ «ЗІДМУ», 21–22 грудня 2006 р.

2. *Богатирьов, І. Г.* Теорія і практика виконання кримінально-виконавчої інспекцією покарань, не пов'язаних з позбавленням волі: монографія / І. Г. Богатирьов. – Київ, 2005.

3. Кримінально-виконавчий кодекс України 11 липня 2003 р. – Київ, 2003.

Н. В. Маринчев,

аспірант Міжнародного незалежного еколого-політологічного університета

ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

«Поразительная стабильность»¹, «внеисторичность»² и «удивительная жизнеспособность», «высокий уровень устойчивости»³ традиционной правовой и социальной системы Древней Индии, по мнению многих исследователей, стали «своего рода научной загадкой»⁴. В то же время известно, что «воздействие государства на личность не может строиться лишь на принуждении и насилии – такого рода формы государственности нежизнеспособны и могут существовать лишь в относительно коротком временном интервале»⁵. Жизнедеятельность правовой системы напрямую зависит от общественного правосознания, т. е. уровня осознанного принятия обществом существующего законодательства. Уровень правосознания в Древней Индии был на-

4. *Львовчик, В. А.* Концептуальні питання реформування кримінально-виконавчої системи України / В. А. Львовчик // Проблеми пенітенціарної теорії і практики : бюл. КІВС. – Київ, 2002.

5. *Степанюк, А. Х.* Система кримінального законодавства потребує узгодження та доопрацювання / А. Х. Степанюк, І. С. Яковець // Проблеми пенітенціарної теорії і практики: Щорічний бюлетень / за заг. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. А. Музики. – Київ, 2005.

столько высок (благодаря идеологическим и социально-психологическим факторам, усиливающим эффективность действия правовых норм), что исключал необходимость государственного принуждения⁶.

Целью настоящей публикации является характеристика философско-теологических основ правосознания в традиционной правовой системе Древней Индии. Данные вопросы актуальны для российской правовой науки, так как в настоящее время в России наблюдается «правовой нигилизм, неуважение к праву и закону, низкий уровень правовой культуры»⁷, а также ценностная дезориентация общества, ставшая следствием отрицания идеологической функции Российского государства⁸.

Теоретик права XIX в. Н. Хлебников отмечал: «Религиозные и философские основы цивилизации влияют на определение правовых начал»⁹. Иными словами, правовая идеология, теоретическое правосознание формируется на основе определенных философских и религиозных воззрений, от которых зависит социальная стабильность и уровень общественного правосознания.

Концепция *дхармы* (священного закона) консолидирует в себе всю совокупность философских, теологических, правовых, этических и моральных идей Древней Ин-

¹ См.: *Danielou Alain*. India. A Civilization of Differences. Inner Traditions. Rochester; Vermont, 2005. P. 4.

² См.: История государства и права зарубежных стран / Под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. М., 2006. Т. 1. С. 89.

³ См.: *Тимошук А. Т.* Особенности правовой системы традиционного общества (на примере классического индусского права) // *Lex Russica*. 2006. № 5. С. 897.

⁴ *Крашенинникова Н. А.* Индусское право: история и современность. М., 1982. С. 4.

⁵ *Хабибуллин А. Г., Рахимов Р. А.* Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // *Государство и право*. 1999. № 3. С. 11–20.

⁶ *Крашенинникова Н. А.* Указ. соч. М., 1982. С. 5.

⁷ Проблемы общей теории права и государства / Н. В. Варламова, В. В. Лазарев, В. В. Лапаева; Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2006. С. 386.

⁸ См.: *Клименко А. И.* Идеология как неотъемлемый признак государства // *Науч. тр. Рос. акад. юрид. наук*. М., 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 212–215.

⁹ *Хлебников Н.* Право и государство в их обоюдных отношениях. Варшава, 1874. С. 75.

дии. Очевидно, что необходим комплексный подход для изучения такого сложного понятия, как «дхарма», ввиду исторической отдаленности объекта исследования, различий в культурах, языках. Для исследования понятия дхармы необходимо рассмотреть психологию ведических писаний, составить представление об основах философско-теологических концепциях Вед. Среди основных методов изучения следует отметить метод самоистолкования традиции, который удачно использовали в своих работах С. В. Ватман, С. А. Миненков, А. С. Тимошук¹. Данный метод подразумевает обращение к информации и опыту, накопленному веками и предоставляемому традицией о самой себе, а также отказ от чисто объективистского подхода². Говоря об исследовании источников права традиционной правовой системы Древней Индии (древние тексты Вед), использование данного метода предполагает анализ и интерпретацию санскритских текстов на основе авторитетных традиционных комментариев ведических ученых, «благодаря которым сохранились фрагменты и ценностно-смысловое наполнение утерянных ведических текстов»³. Основными источниками права в настоящей статье являются Бхагават Гита и Манавадхармашастра⁴.

Бхагават Гита утверждает, что душа (*атма*), пронизывающая тело, неразрушима (*авинаши*) и бессмертна (*авйайасйа*)⁵. Личность, духовная по своей природе, находится в материальном мире, который для нее является местом страданий, где каждый вынужден рождаться и умирать⁶. Таким

образом, эти два утверждения являются завязкой всей философии упанишад. Описывается узел между духом и материей: рождение и смерть не могут затронуть *атму*, трансцендентную (запредельную) материальной реальности, но она переживает страдания из-за ложного отождествления с материальными телом, умом и разумом (*аханкары*). В связи с этим Гитопанишад описывает иерархию покрытий души: «органы чувств материального тела (*индрии*) выше неодушевленной материи, ум (*манас*) выше чувств, разум (*буддхи*) выше ума, а над разумом стоит она (*атма*)»⁷. В соответствии с данной схемой чистое сознание *атмы* сначала покрывает разум (*буддхи*), главной функцией которого является формирование парадигмы, мировоззренческой концепции, на основе которой человек делает выбор благоприятного или неблагоприятного. Следующим покрытием является ум (*манас*), являющийся вместилищем желаний. Его основная функция – принятие и отвержение на основе отождествления разума (*буддхи*) («хочу – не хочу», «нравится – не нравится»). Затем *манас* имеет выход в материальную реальность через пять физических органов познания (*индрии* – зрение, слух, обоняние, тактильные чувства, вкус), расположенных в физическом теле (*деха*) (рис. 1). Основная функция чувств – эксплуатация, потребление. Каждое чувство требует своей «пищи» в форме объектов чувств, которые предоставляет материальный мир.

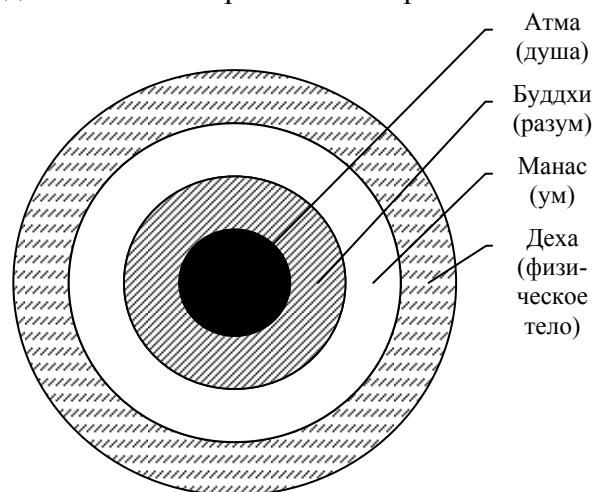

Рис. 1. Иерархия покрытий атмы (души)

¹ См.: Ватман С. В. Бенгальский вайшнавизм. СПб., 2005; Тимошук А. С. Традиционная культура: сущность и существование: Дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2007; Миненков С. А. Методологические проблемы исследования государства и права Древней Индии // История государства и права. 2007. № 5.

² См.: Ватман С. В. Указ. соч. С. 23.

³ Дхармашастры Нарады / Пер. с санскрита и коммент. А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. М., 1998. С. 40.

⁴ Подробнее об этом см.: Маринчев Н. В. Веды как духовный (идеальный) источник права Древней Индии // Традиция. Духовность. Правосознание: Сб. ст. конф. Тюмень, 2007.

⁵ См.: Бхагават Гита. 2.17.

⁶ См.: там же. 8.16.

⁷ См.: там же. 3.42.

Охарактеризовав статус индивидуальной личности в материальном мире, Гитопанишад указывает на два главных направления развития человека ведического общества:

1) духовный прогресс, приводящий к освобождению *атмы* от страданий (*мокша* – состояние свободы от беспокойств и страданий)¹, являющийся приоритетным;

2) цивилизованная жизнь и исполнение желаний в материальном мире (*праса-вишйадхвам* – материальное процветание, связанное с телом, умом и разумом). Бхагавата Пурана указывает, что обретение *мокши* (*мукти*) равносильно освобождению от оскверненного материальными оболочками сознания².

«Мы все обладаем различными способностями, склонностями, талантами. Следовательно, практически невозможно выработать единый свод правил поведения и линию руководства не только для всех людей, но даже для двух личностей»³. Поэтому в соответствии с принципом персонализма в качестве метода достижения *мокши* Веды предписывают индивидуальную дхарму (набор священных обязанностей и предписаний), с учетом уровня развития сознания, психофизических и половозрастных особенностей, социального статуса.

Веды соотносят уровни сознания человека в соответствии с отождествлением *атмы* (чистого сознания индивидуума) с одной из покрывающих ее материальных оболочек. «Способы обоснования правовых ценностей определяются пониманием мировоззренческой модели личности и человека»⁴. Рассмотрев уровни сознания и общие особенности дхармы для каждого из них, а также охарактеризовав правосознание на каждом из уровней, можно выделить пять мировоззренческих моделей, описанных в Ведах.

1. *Анна майа* – низший уровень развития сознания человека, связан с отождествле-

нием *атмы* с физическим телом и органами чувств.

Для данного типа сознания характерно утилитарное, эгоистическое отношение к окружающему. Сфера интересов ограничена грубыми чувственными наслаждениями, удовлетворением основных потребностей (еда, сон, совокупление, оборона, телесный комфорт). Как следствие человек не может контролировать чувства, эмоции, обладает слабым интеллектом. Характерна склонность к употреблению интоксикаций, беспорядочной половой жизни. Веды называют таких людей *двипада-паиу* («двуногие животные»). Правосознание данного типа людей деформировано, варьируется от нигилистического до признания закона из страха перед наказанием. Для людей данного уровня предписания дхармы принимают формы карательных норм уголовного законодательства (не прелюбодействуй, не убий, не укради и т. д.).

2. На уровне *прана майи* (отождествление *атмы* с умом) начинаются взаимоотношения с окружающим миром на условиях обоюдной выгоды («ты – мне, я – тебе»). Сфера интересов человека расширяется до круга родственников, друзей. Человек готов жертвовать собственными наслаждениями ради тех, кто связан с его телом.

На данном уровне развития сознания предписания дхармы регулируют экономические, трудовые, семейные правоотношения, нормируют поведение элементарным этикетом.

Для правосознания людей характерно следование закону из выгоды, готовность интерпретировать закон как угодно, находить в нем лазейки и пробелы для реализации собственных корыстных интересов.

3. *Мано майа* – уровень рассудка, отождествление *атмы* с интеллектом (*буддхи*). Разум является источником понимания того, что благоприятно, а что нет. Человек данного уровня готов жертвовать пищей для чувств, эмоциями ради выполнения долга. Такие люди могут идти на большие жертвы ради своих представлений, чувства долга. Они обладают благородством, героическим характером. На данном уровне наряду с юридическим законом признаются нормы морали: оказание почтения старшим, верность долгу, честность при любых обстоятельствах. Ценностью становятся

¹ Бхагават Гита. 3.10.

² См.: Бхатавата пурана 2.10.66 «*muktir hitvan yatha-rupam svarupena vyavasthitih*»: *Srimad Bhagavatam / an English transl. and the comment. of A. C. Bhaktivedanta Svami Prabhupada* (18 vols.) Los Angeles, 1989.

³ Danielou Alain. Указ. соч. С. 9.

⁴ Бабенко А. Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве // Государство и право. 2002. № 12. С. 93–97.

качества человека: внутренняя чистота, сострадание, контроль чувств.

Для правосознания этого уровня характерно следование закону из чувства долга, понимания того, что подобное поведение – благо как для самого индивида, так и для общества в целом. Присутствует осознание важности личного примера для формирования правового климата в обществе.

4. На уровне *вигьяна майа* (осознание души) человек осознает единую причину, стоящую за разнообразием окружающего мира, а также единство реальности. Фактически человек уже достиг цели, состоящей в освобождении от страданий (*мокиши*), обретя независимость от потребностей тела, ума и интеллекта. Свою главную опору личность находит во внутреннем духовном мире. Такой человек начинает черпать счастье в своем внутреннем чистом сознании, благодаря этому он становится невозмутимым к страданиям тела, не восторгается, когда к нему приходит счастье, не гневается, когда приходит что-то нежелательное¹. Он не видит различия между булыжником, галькой и золотом, равно относится как к доброжелателям и праведникам, так и к врагам и грешникам².

На данном уровне *атма*, осознавая свои взаимоотношения со Всевышним, фактически не обязана выполнять какие-либо второстепенные обязанности *дхармы*³, однако у нее нет оснований для пренебрежения ими.

Для правосознания такого человека характерно спонтанное, естественное следование священному закону, который стал частью внутренней природы. Человек не отвечает взаимностью на насилие по отношению к себе.

5. Наивысший уровень сознания – *ананда-майа*, связан с осознанием личностью своей изначальной природы и взаимоотношений со Всевышним. «Здесь жизнь воспринимается как блаженство, ибо человек видит истинную форму всего и истинные отношения – любовь. Если до этого человек просто получает знание, потом он глубоко постигает его, то на самой высокой стадии он начинает видеть цель знания (любовь). Всякая вещь стремится к своему

пределу. В человеке предел всего – любовь, любование. Это уровень эстетических смыслов, а любование лежит в основе эстетического удовлетворения»⁴.

Таким образом, в соответствии с Ведами все положительные качества (в том числе законопослушность, ненасилие, правовая культура, добропорядочность), изначально присущие личности, скрываются материальными оболочками. Чем больше покрытий, тем меньше проявляется положительных качеств, естественных для духовной личности.

С учетом вышеперечисленных мировоззренческих моделей социальная концепция ведического общества – система *варнашрамы дхармы* – проводит вертикальную стратификацию общества по четырем варнам (социальным группам; буквальный перевод слова «варна» – цвет, поэтому существовала также и цветовая символика *варн*: брахманы – белый цвет (благодать, свет, мудрость), кшатрии – красный (страсть, жизнь), вайшьи – желтый, шудры – черный)⁵. Таким образом, положение в страте определялось не рождением, а уровнем сознания человека. В этом заключается принципиальное отличие *варнашрама-дхармы* от кастовой системы⁶. «В ведийском социуме каждый представитель потенциально и априори является носителем того или иного уровня сознания. Брахманы стремятся к *вигьяна* и *ананда майа*, кшатрии находятся на уровне *mano майа*, вайшьи – *прана майа*, шудры – *анна майа*»⁷. Права и обязанности, описанные в *дхармаштрах* для четырех сословий общества, основываются на градации уровней сознания.

Следует отметить, что *варнашрама* не отвергала людей уровня *анна-майи* – шудр, давая им социальный статус, удовлетворяющий все их потребности. Шудрам предоставлялось положение, позволяющее выполнять свои желания, не понижая моральный и пра-

⁴ Тимошук А. С. Указ. соч. С. 167.

⁵ См.: Ударцев С. Ф. Правовая и политическая мысль Древней Индии. Алма-Ата, 2005. С. 11.

⁶ См. о различии указанных систем: Миненков С. А. Правовые и философские основы социального неравенства в Древней Индии: форма и содержание // Право и политика. 2007. № 8; Тимошук А. С. Традиционная культура: сущность и существование; Benerji Sures Chandra. Society in ancient India. New Delhi, 2007.

⁷ Тимошук А. С. Традиционная культура: сущность и существование. С. 162.

¹ См.: Бхагават Гита 2.55–2.57.

² См.: там же. 6.8, 6.9.

³ См.: там же. 3.17.

новой стандарт общества в целом, быть занятыми полезной деятельностью, которая как приносит благо обществу, так и возвышает сознание самих шудр. Требования дхармы к шудрам были минимальными: практически не существовало экономических отношений (шудры не получали заработной платы, их труд возмещался натуральным хозяйством), нормы семейного права очень примитивные (шудре разрешалось пользоваться услугами женщин легкого поведения), нормы морали находятся в зачаточном виде. Ману свидетельствует, что высшей обязанностью для шудры, приводящей к блаженству, является служение брахманам-домохозяевам, постигшим Веды¹. С другой стороны, самый высокий стандарт поведения предписывался для брахманов, малейшее нарушение моральных принципов и этикета поведения сурово наказывалось². В этом заключалась ответственность брахманов как наставников всего общества (рис. 2). Минимальные потребности и наибольшая ответственность суть бескорыстие, жертвенность.

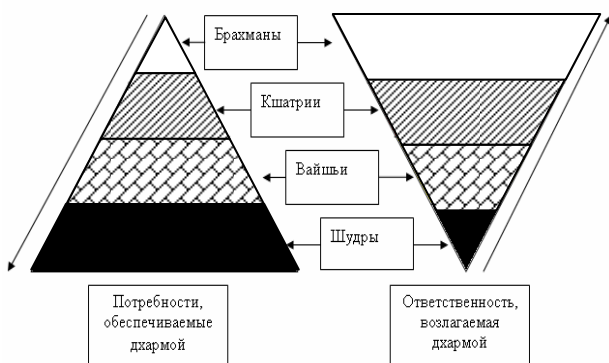

Рис. 2. Уровни ответственности и потребностей в социальной системе Древней Индии (варнашрама дхарма)

Данный принцип (*йаджна*) является объединяющей концепцией для всего ведического социума, главной аксиологической доминантой. Эту же мысль высказывал один из основателей и лидеров евразийцев Н. Трубецкой: «...идея-правительница должна быть такова, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой, во-вторых, чтобы жертва расценивалась бы всеми гражданами как морально

ценный поступок»³. Таким образом, иерархия ведического социума строится по потенциальной способности жертвовать собственными интересами ради общего блага.

Иное, горизонтальное, измерение дхармы производится в соответствии с этапами в жизни индивида. Так, выделяются четыре *ашрама* (*ашрам* – уклад жизни, в центре которого стоит исполнение духовных обязанностей).

Градация на *ашрамы* связывается с психофизическими изменениями, происходящими с человеком в течение различных периодов жизни.

1. В период с 5 до 25 лет у человека формируется мировоззрение, закладываются ценности, происходит процесс воспитания. Данный период жизни, называемый *брахмачари ашрам*, предназначен для ученичества под руководством гуру (его проходят все члены социума, за исключением шудр).

В период ученичества закладывалось уважение к дхарме, священному закону, также формировалось правосознание, правовая культура, подкрепляемая личным примером учителя (гуру).

2. В период с 25 до 50 лет у человека, получившего образование, появляется желание обрести собственное поле для деятельности и применять полученное знание на практике. Таким полем становится собственная семья и сфера приложения труда. Предписания второго уклада жизни (*грихастха-ашрама*) направлены на то, чтобы помочь домохозяину в исполнении обязанностей и привести духовное измерение в его жизнь.

3. После 50 лет, как правило, наступает отход от активной деятельности, человек, имея практический жизненный опыт, начинает думать о том, чтобы посвятить всю свою деятельность поискам высшего блага. С этой целью он оставляет семью и удаляется в лес. Данный период называется *ванпрастха ашрам* (в данный *ашрам* входят только кшатрии и брахманы).

4. Полностью подготовившись и реализовав духовное знание, *ванпрастха* принимает образ жизни странника (*саньяса ашрам*), проповедующего духовную мудрость (*саньяса* предписывается только брахманам).

¹ См.: Законы Ману / Пер. С. Д. Эльмановича; Пров. и испр. Г. Ф. Ильиным. М., 1960. 9.334.

² Benerji Sures Chandra. Op. cit. P. 308.

³ Источник: Ахматов А. В. Государственно-правовые идеи евразийцев // Науч. тр. Рос. акад. юрид. наук. М., 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 38.

Деление на *ашрамы* является еще одним способом персонализировать дхарму. Таким образом, в конкретный момент времени священный долг индивида определяется пересечением двух характеристик: *варны* и *ашрама*. Так, например, образовывается дхарма: *шудры – грихастхи, вайшьи – брахмачари, кшатрия – ванапрастхи, брахмана – саньяси*. При этом у индивида, обладающего конкретным правовым статусом, есть четыре потребности: телесная, умственная, интеллектуальная и духовная (в соответствии с покрытиями *атмы*). Дхарма регулирует их в соответствии с персональным статусом, образованным *варной* и *ашрамом*. Таким образом, например, удовлетворение потребности в пище (телесная сфера) *брахмана-брахмачари* будет отличаться от *брахмана-грехастхи*, а удовлетворение потребности в семейных отношениях (умственная сфера) *брахмана-грехастхи* будет отличаться от *кшатрия-грехастхи*. В связи с этим, например, Ману описывает различные виды браков для разных варн¹.

Предписания *дхармы* образуют матрицу, охватывающую, регулирующую все сферы жизни человека (включая удовлетворение основных потребностей тела), подводя их к одной цели – духовному развитию, тем самым формируя целостную, духовную личность.

Таким образом, данная система возвышала сознание членов общества через психологические и социальные стимулы².

В заключение необходимо сформулировать некоторые принципы, лежащие в основе правосознания традиционной право-

вой системы Древней Индии и обуславливающие ее стабильность:

1. Право нераздельно с системой общечеловеческих и индивидуальных ценностей.

2. Существует единая система религиозных, правовых, этических норм, дающая целостное, непротиворечивое мировосприятие индивида.

3. Четкий философский базис в основе предписаний священного закона.

4. Персонализация предписаний дхармы в соответствии с уровнем сознания индивида, его психофизическими и возрастными особенностями.

5. Реализация воспитательной функции и сознательное формирование ценностей (в том числе правовой культуры) в период ученичества (брахмачари).

6. Присутствие в обществе людей, воплощающих в себе идеалы священного закона и подающих личный пример следования ему.

Библиографический список

1. *Маринчев, Н. В.* Веды как духовный (идеальный) источник права Древней Индии / Н. В. Маринчев // Традиция. Духовность. Правосознание : сб. ст. конф. – Тюмень, 2007.

2. *Миненков, С. А.* Методические проблемы исследования государства и права Древней Индии / С. А. Миненков // История государства и права. – 2007. – № 5.

3. *Тимошук, А. С.* Традиционная культура : сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2007.

4. *Danielou, Alain.* India. A Civilization of Differences. Inner Tradition / Alain Danielou. – Rochester ; Vermont, 2005.

А. В. Ульянов,
адъюнкт кафедры
уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОВ СУДА

Активизирующийся в последние десятилетия процесс мировой глобализации, кото-

рый затронул практически все сферы жизнедеятельности человека, стирает незримые границы между государствами, складывавшиеся на протяжении столетий. Не стала исключением и область юриспруденции. Национальное законодательство любой развитой страны относительно быстро реагирует на изменения в межгосударственных отношениях. Именно поэтому начало процессу унификации внутреннего законодательства и внедрения в него зарубежного опыта положили бурно развивавшиеся на протяжении всего XX в. гражданские, торговые и предпринимательские отношения. Однако наблюдаемые в послед-

¹ См.: Законы Ману. 3.20–3.66.

² См.: Culture India / Editor: Mahendra Kulasrestha. New Delhi, 2006. P. 120.

нее время рост транснациональной преступности, слабая координация деятельности органов уголовной юстиции, повсеместные судебные ошибки, неэффективная защита прав участников уголовного процесса, существующие противоречия в законодательстве разных стран, позволяющие преступникам избежать справедливого наказания, обусловили инициирование процессов унификации и обмена опытом и в сфере уголовного и уголовно-процессуального права.

Многие произошедшие в Российской Федерации в последние 20 лет события (судебно-правовая реформа и др.) свидетельствуют о том, что и наша страна включилась в процесс международно-правовой интеграции¹.

Экстраполируя данный процесс на уголовно-процессуальное законодательство, проведем сравнительный анализ организационных и процессуальных аспектов процедуры пересмотра вступивших в законную силу приговоров суда в некоторых развитых европейских государствах с подобной процессуальной деятельностью по российскому законодательству, поскольку это представляет большой практический и теоретический интерес – при наличии специфики каждого из рассматриваемых институтов пересмотра судебных актов можно выявить их общие черты и тенденции развития. Кроме того, обобщение накопленного столетиями положительного зарубежного опыта надзорного производства, возможно, позволит выработать рекомендации по корректировке на законодательном уровне современного российского института пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

В качестве предмета исследования нами выбраны уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие подобную деятельность во Франции и Федеративной Республике Германии (ФРГ), поскольку уголовные процессы указанных государств относятся к числу наиболее изучаемых в юридиче-

ской науке, а также оказывают значительное влияние на другие страны.

Итак, исследуя порядок и особенности института пересмотра вступивших в законную силу решений судов как особой стадии уголовного процесса *Франции*, необходимо оговориться, что понимание понятия «уголовный процесс» французской правовой доктриной отличается от понимания данного понятия российским законодательством. Французское законодательство рассматривает уголовный процесс не только как совокупность определенных действий, совершаемых компетентными органами, направленных на достижение поставленных целей в соответствии с конкретным этапом движения уголовного дела, но и саму совокупность указанных компетентных органов уголовной юстиции. Более того, к уголовно-процессуальным нормам французское законодательство относит и правовые нормы, которые по российскому законодательству процессуальными не являются: нормы, регулирующие судоустройство, порядок взаимодействия органов уголовной юстиции между собой и с судебными органами и др.

Все вышесказанное можно в полной мере применить к процедуре обжалования вступивших в законную силу приговоров судов французской судебной системы.

Согласно французскому праву, как и большинства стран романо-германской системы права, институт обжалования приговоров имеет публичный характер, т. е. стороны не обязаны им воспользоваться, но в то же время не имеют права и заранее от него отказаться².

Уголовно-процессуальное законодательство Франции предусматривает несколько вариантов классификации способов обжалования и пересмотра приговоров (как вступивших, так и не вступивших в законную силу):

1) в зависимости от характера оснований для обжалования приговоров:

– ординарные (дело пересматривается в полном объеме по любым фактическим и правовым основаниям);

¹ См.: Стойко Н. Г. Уголовные процессы Англии и Уэльса, Германии, Франции и России: общая постановка вопросов для сравнения // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 6. С. 97.

² См.: Боботов С. В. Правосудие во Франции: Учеб. пособие. М., 1994. С. 178.

– экстраординарные (обжалование приговора допускается только в случае исчерпания ординарных способов обжалования и лишь по строго оговоренным в законе основаниям);

2) в зависимости от органа, осуществляющего пересмотр приговора:

– ретракционные (дело пересматривается тем же судом, который выносил обжалуемое решение);

– реформационные (дело пересматривается вышестоящим судом);

3) в зависимости от вступления приговора в законную силу:

– обжалование приговоров, не вступивших в законную силу;

– обжалование приговоров, вступивших в законную силу.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Франции предусматривает две независимые процедуры обжалования вступивших в законную силу приговоров судов – *кассацию и ревизию*.

Первая из указанных процедур, порядок проведения которой складывался во Франции в течение нескольких столетий, представляет собой классический институт, явившийся первоисточником всех остальных его вариантов, присутствующих как во французском законодательстве, так и импортированных в законодательство других стран, в том числе в Россию¹. В соответствии с приведенной выше классификацией способов обжалования и пересмотра приговоров кассация представляет собой экстраординарный реформационный способ обжалования судебных решений, как вступивших, так и не вступивших в законную силу.

В уголовном процессе Франции различаются два вида кассации: кассация в интересах сторон и кассация в интересах закона.

Процедура кассации в интересах сторон предусмотрена для решений, не вступивших в законную силу, в случае, если отсутствует возможность ординарного обжалования данного решения суда. При этом обжалованию подлежат практически все ре-

шения, за исключением оправдательных приговоров суда ассизов².

Правом подачи кассационной жалобы в Уголовную палату Кассационного суда обладают только стороны процесса, причем подсудимый вправе обжаловать приговор как в части публичного, так и в части гражданского иска, прокурор – в части публичного иска, гражданский истец – заявленно-го гражданского иска. Особый интерес представляет форма обжалования приговора подсудимым: жалоба подается в устной форме секретарю суда, постановившего приговор, после чего секретарь составляет акт об обжаловании, подписывает его и отдает на подпись кассатору. Подаваемая жалоба должна содержать предусмотренные законом основания кассационного обжалования, к числу которых относятся нарушения судом норм как материального, так и процессуального права, в том числе превышение судом своих полномочий при провозглашении приговора и неполный состав суда³.

Основная функция Уголовной палаты Кассационного суда при рассмотрении уголовных дел в порядке кассации в интересах сторон – подтверждение соответствия решений судов нижестоящих инстанций нормам права без оценки конкретных фактов по каждому делу. Именно этим объясняется, что подача кассационной жалобы, как правило, приводит к двум результатам: либо оспариваемое решение подтверждается, либо признается недействительным с направлением на новое рассмотрение или без такового, если суд принимает решение о прекращении дела⁴.

Второй вид кассации, предусматриваемый французским законодательством –

² Суд ассизов представляет собой отдельное звено судебной системы Франции, поскольку не является постоянно действующим судебным органом. Он созывается один раз в квартал в каждом французском департаменте. В его состав входят как профессиональные судьи (суд), так и непрофессионалы (жюри). Данные суды рассматривают по первой инстанции только уголовные дела о тяжких преступлениях, а с 15 июня 2000 г. пересматривают такие дела в порядке апелляции.

³ См.: Боботов С. В. Указ. соч. С. 180.

⁴ См.: Общие сведения о судах во Франции: Рос.-фр. сер. учеб. и информ. материалов. М., 1994. С. 31.

¹ См.: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 378.

кассация в интересах закона, – при сохранении общих черт процедуры пересмотра уголовного обжалования приговора в порядке кассации в интересах сторон имеет ряд значительных отличий. К их числу можно отнести возможность обжалования любых решений (как вступивших, так и не вступивших в законную силу) любых судов французской судебной системы, в том числе оправдательных приговоров суда ассизов. При этом субъектами обжалования могут выступать только генеральный прокурор при Кассационном суде и министр юстиции. Основная цель кассации в интересах закона – исправление допущенных судебных ошибок вследствие грубого нарушения норм материального и процессуального права – в ряде случаев не может быть достигнута (отмена оправдательного приговора), поскольку французское законодательство запрещает поворот к худшему при рассмотрении уголовных дел. В этом случае постановления Кассационного суда будут иметь значение лишь в качестве указаний судам нижестоящих инстанций на правильное применение уголовного и уголовно-процессуального закона при рассмотрении аналогичных уголовных дел в будущем.

В отличие от института кассации, который призван исправлять допущенные судами нижестоящих инстанций ошибки при применении норм материального и(или) процессуального права как во вступивших, так и не вступивших в законную силу приговорах, институт *ревизии* создан исключительно для устранения фактических ошибок, выявленных после вступления приговоров в законную силу.

Ревизия, также представляющая собой экстраординарный реформационный способ обжалования, возможна только в пользу осужденного при наличии одного из следующих оснований:

1) после осуждения за убийство появились доказательства, что предполагавшаяся жертва преступления жива;

2) обнаружилось противоречие друг другу обвинительные приговоры, в соответствии с которыми два или более лица осуждены за совершение одного и того же преступления;

3) один из свидетелей по уголовному делу впоследствии признан виновным в даче ложных показаний;

4) появляются новые обстоятельства, неизвестные суду во время рассмотрения уголовного дела, ставящие под сомнение виновность осужденного в совершении преступления¹.

Уголовно-процессуальное законодательство Франции наделяет правом инициирования ревизионного рассмотрения уголовного дела министра юстиции, осужденного, представителя осужденного (при его неспособности действовать самостоятельно) и родственников осужденного (в случае его смерти).

Процедура ревизионного пересмотра приговоров, значительно отличающаяся от аналогичной кассационной процедуры, состоит из трех этапов, каждый из которых может стать последним:

1. Комиссия, состоящая из пяти судей Кассационного суда, производит собственное расследование уголовного дела. Результатом расследования может явиться одно из двух решений: о передаче дела для дальнейшего рассмотрения в Уголовную палату Кассационного суда либо о прекращении ревизионного производства и отказе в удовлетворении заявленного ходатайства.

2. Непосредственное рассмотрение дела Уголовной палатой Кассационного суда, по результатам которого последняя прекращает ревизионное производство, направляет дело на новое судебное разбирательство либо отменяет приговор и принимает решение по существу в случае наличия формальных оснований (истечение сроков давности, смерть лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, и т. д.).

3. Третий этап возможен в случае направления дела Уголовной палатой Кассационного суда на новое разбирательство и заключается в рассмотрении уголовного дела в соответствии с общими правилами уголовного судопроизводства.

Анализируя уголовно-процессуальные нормы французского законодательства, регулирующие процедуру ревизии, следует

¹ См.: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Указ. соч. С. 382.

отметить, что данные положения законодательства, остававшиеся неизменными на протяжении довольно длительного времени, в 2000 г. были дополнены новой процедурой пересмотра решений по уголовным делам в связи с постановлениями Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, в случае установления ЕСПЧ факта нарушения судом, вынесшим обвинительный приговор, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) по инициативе министра юстиции, генерального прокурора либо осужденного Кассационный суд осуществляет пересмотр указанного решения суда. В дальнейшем процедура пересмотра аналогична рассмотренной выше классической процедуре ревизии.

Таким образом, столетиями автономно развивавшаяся процедура пересмотра приговоров различных инстанций французской судебной системы претерпела значительные изменения только на рубеже XX–XXI вв. При этом основная часть изменений обусловлена общемировыми интеграционными процессами уголовного законодательства и усиливающейся ролью международных судебных органов.

Обжалование приговоров, вынесенных судами *ФРГ* по уголовным делам значительно отличается от аналогичной процедуры, закрепленной уголовно-процессуальным законодательством Франции и других стран романо-германской системы права. Отличия проявляются, прежде всего, в значительной структурированности судебной системы *ФРГ*, четком разделении порядка и процедуры обжалования вступивших и не вступивших в законную силу приговоров суда.

Так, среди форм обжалования не вступивших в законную силу приговоров суда выделяют *апелляцию, ревизию и подачу частной жалобы*.

Отдельного внимания заслуживает достаточно своеобразная процедура пересмотра приговоров, вступивших в законную силу, именуемая *возобновлением производства, оконченого приговором, вступившим в законную силу*. К особенностям данной процедуры можно отнести следующие:

1) в законодательстве не установлены процессуальные сроки подачи ходатайства о пересмотре приговора;

2) заявленное ходатайство не влечет за собой безусловного пересмотра уголовного дела, инициируя лишь деятельность суда, направленную на определение необходимости такого пересмотра;

3) подача ходатайства о возобновлении производства по уголовному делу, оконченому вступившим в законную силу приговором, в соответствии с общим правилом, не приостанавливает исполнения последнего, хотя в ряде случаев суд, рассматривающий ходатайство, пользуясь предоставленным законом правом, может приостановить исполнение приговора;

4) основная цель указанной процедуры заключается в исправлении судебных ошибок, не устраненных на стадии апелляционного либо ревизионного производства.

Исключительность данной стадии уголовного процесса *ФРГ* подтверждается и перечнем оснований для заявления ходатайства о возобновлении производства по уголовному делу, которые подразделяются на две группы:

1. Основания для заявления ходатайства о возобновлении производства по делу в пользу осужденного (§ 359 УПК *ФРГ*):

- неподлинность или подложность документов, подтверждающих виновность осужденного;

- установленная приговором суда виновность свидетеля (эксперта) в даче против осужденного ложных показаний (экспертных заключений) либо с умышленным или неосторожным нарушением присяги;

- установленная приговором суда виновность участвовавших при постановлении приговора судьи в нарушении своих обязанностей;

- отмена решения гражданского суда, на основании которого был вынесен обжалуемый приговор;

- представление новых фактов и открытие обстоятельств, имеющих существенное значение для уголовного дела;

2. Основания для заявления ходатайства о возобновлении производства по делу в ущерб интересам осужденного (§ 362 УПК *ФРГ*):

– неподлинность или подложность документа, представленного в суд в интересах осужденного;

– установленная приговором суда виновность свидетеля (эксперта) в даче против осужденного ложных показаний (экспертных заключений) либо с умышленным или неосторожным нарушением присяги;

– установленная приговором суда виновность участвовавших при постановлении приговора судьи в нарушении своих обязанностей;

– заслуживающее доверия признание оправданного в совершении преступления.

В случае признания судом принесенного ходатайства допустимым закон предписывает проведение одним из судей обязательной процедуры расследования обстоятельств, изложенных в ходатайстве, которые могут повлечь за собой его удовлетворение и направление уголовного дела на новое разбирательство. На основании проведенной проверки суд принимает одно из двух возможных решений: об удовлетворении ходатайства и направлении дела на новое судебное разбирательство либо об отклонении ходатайства за его необоснованностью. При этом участники уголовного процесса как со стороны защиты, так и со стороны обвинения в судебное заседание не вызываются, их пояснения могут быть заслушаны только при проведении расследования обоснованности заявленного ходатайства¹.

Таким образом, анализ процедуры пересмотра вступивших в законную силу приговоров суда по законодательству ФРГ показывает, что данный институт позволяет исправить судебные ошибки только при наличии новых либо вновь открывшихся обстоятельств; классический институт судебного надзора, регламентированный уголовно-процессуальным законодательством многих стран, в том числе Российской Федерации, уголовному процессу ФРГ не известен².

Следует отметить, что отечественная система права, исторически ориентированная на романо-германскую систему, имеет

очень много общего в процедуре проверки законности судебных актов, вступивших в законную силу, с другими странами данной правовой семьи – Францией и Германией. Так, институт ревизии во французском уголовно-процессуальном законодательстве и институт возобновления производства, оконченного приговором, вступившим в законную силу, в законодательстве ФРГ практически идентичны известному российскому законодательству институту возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Закономерность данного факта вытекает из заимствования многих прогрессивных норм уголовно-процессуального законодательства Франции дореволюционным российским законодательством, в частности Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., оказавшим значительное влияние на последующее развитие всего уголовно-процессуального законодательства России.

Вместе с тем, следуя общемировым тенденциям гуманизации уголовного и уголовно-процессуального права, законодательство Германии и Франции, регламентирующее процедуры пересмотра приговоров судов первой и апелляционной инстанций, имеет ряд неоспоримых положительных моментов, характерных для уголовного судопроизводства, но недостаточно развитых в Российской Федерации: эффективная защита прав всех участников уголовного процесса, особенно прав подсудимого; осознание законодателем значимости основных принципов уголовного судопроизводства (принцип состязательности сторон, презумпция невиновности, обеспечение подозреваемому права на защиту и др.), что, безусловно, приводит к их неукоснительному соблюдению.

Библиографический список

1. Боботов, С. В. Правосудие во Франции : учеб. пособие / С. В. Боботов. – М., 1994.
2. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов. – М., 2001.
3. Филимонов, Б. А. Уголовный процесс ФРГ / Б. А. Филимонов. – М., 1974.

¹ См.: Филимонов Б. А. Уголовный процесс ФРГ. М., 1974. С. 104.

² См.: там же. С. 108.

О. В. Чупрова,
*соискатель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДАХ О. ФОН БИСМАРКА И Н. МАКИАВЕЛЛИ

Силовой способ решения геополитических проблем в настоящее время активно обсуждается международным сообществом и применяется некоторыми государствами в решении современных вопросов внешней и внутренней политики. Другой вариант – сила убеждения или влияние через культуру и идеологию, но он возможен только при условии отказа от имперских амбиций. Участвуя в обсуждении данных проблем на саммите НАТО в Бухаресте 17 апреля 2008 г. Президент РФ цитировал слова первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка о том, что важно не намерение, а потенциал. Это означает, что приверженцы геополитической концепции XIX в. понимали только один язык – язык силы, который подавляет право, а общечеловеческие ценности не имеют значения и предназначены для успокоения народных масс.

В рамках настоящей публикации проведен сравнительный анализ государственно-правовых взглядов Н. Макиавелли и О. фон Бисмарка, первый из которых теоретически рассуждал и отстаивал, а второй – реализовывал в своей деятельности силовые способы осуществления внутренней и внешней политики государства.

Много общего прослеживается уже в биографиях вышеназванных мыслителей. Н. Макиавелли (1469–1527) – видный флорентийский государственный деятель эпохи Возрождения, основатель политической науки Нового времени. В течение 14 лет Н. Макиавелли занимал должность канцлера-секретаря Совета Десяти Флорентийской республики, кроме того, выполнял дипломатическую работу, а затем занимался литературной деятельностью. Политические и правовые взгляды Н. Макиавелли изложены в таких известных работах, как «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «История Флоренции», «О военном искусстве» и др.¹

¹ См.: Макиавелли Н. Избранные произведения. М., 1982.

Отто фон Шенхаузен Бисмарк (1815–1898) – германский политический деятель, дипломат, князь, первый канцлер Германской империи (второго рейха), прозванный «бешеным юнкером», «железным канцлером», «консерватором до мозга костей», «белым революционером», происходил из знатного, но обедневшего прусского аристократического рода, получил университетское образование. В юные годы его интересовала политика прошлых лет, история военного и мирного соперничества различных государств. Кроме того, он изучал труды И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Б. Спинозы, Р. Штрауса, Л. Фейербаха и английскую литературу. Политические и правовые взгляды О. фон Бисмарка можно выявить из его мемуаров «Мысли и воспоминания»². Следует заметить, что в своих воспоминаниях О. фон Бисмарк выделяет одни факты, замалчивает другие, дает произвольное толкование третьим. Однако, несмотря на это, его труд – замечательнейшее произведение мемуарной литературы XIX в. и своего рода политическое завещание автора³. Кроме того, объективную информацию можно почерпнуть в работах современников О. фон Бисмарка и трудах ученых, исследовавших его личность и политическую деятельность.

Государственно-правовые взгляды Н. Макиавелли и О. фон Бисмарка схожи по нескольким позициям.

Во-первых, авторы были убеждены в том, что политикой и судьбой целого государства может управлять конкретный человек. Все изменения в государстве, смена форм правления совершаются объективно, под воздействием человеческого фактора, так как именно личность управляет историей. О. фон Бисмарк и был той яркой личностью, которая оставила неизгладимый след в мировой истории. Своей политической деятельностью он решил, казалось бы, невыполнимую задачу – объединил Германию в мощную империю под руководством Пруссии, сделал экономически отсталую страну ведущей индустриально развитой европейской державой, осуществляющей

² См.: Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. М., 1940–1941.

³ См.: Чубинский В. В. О. фон Бисмарк: политическая биография. М., 1988. С. 401.

колониальные завоевания. При этом О. фон Бисмарк не был главой государства, но был «истинным кукловодом... королю доставались формальные почести, но политику делал Бисмарк... Ни Фриц, ни Вильгельм не имели представления о том, что им надлежит делать»¹.

Рациональность в поведении политика Н. Макиавелли считал главным залогом успеха его внутренней и внешней политики. Полагая, что судьба государства нередко зависит от фортуны и случая², Н. Макиавелли был убежден, что спасти государство от случайности должна рациональная политическая воля путем политической борьбы и интриг. Так, О. фон Бисмарк в дипломатической деятельности проявил себя величайшим интриганом, который, сохраняя мир в Европе, создал «кошмар коалиций», заключая договоры перестраховки.

Во-вторых, для эффективного решения задач государственному деятелю необходимо четко отделять мораль и политику. Н. Макиавелли не ставил политический успех и стабильность государства в зависимость от добродетели государя. По его мнению, правитель должен обладать «нравственным иммунитетом, позволяющим ему переступать общепринятые нормы морали для достижения единственной цели – создания единого стабильного государства... Чтобы правитель мог успешно решать стоящие перед ним задачи, он должен быть не только выше закона, но и выше нравственности... Победа должна быть полной и окончательной и любой ценой»³. Н. Макиавелли полагал, что в войне и внешней политике не должны действовать никакие правила. Он оценивал ведение войны и дипломатическую деятельность как деяния без чести и совести. По его мнению, в основе политического поведения лежит выгода и сила, а не каноны христианской морали. Н. Макиавелли разработал концепцию политической этики главы государства, который не связан нравственными и правовыми ограничениями в решении госу-

дарственных задач. О. фон Бисмарк в своей политической деятельности неоднократно демонстрировал пренебрежение моральными нормами и прежними соглашениями. Так, добиваясь объединения Германии, в 1866 г. Пруссия развязала Семинедельную войну с бывшим союзником – Австрией.

Цель оправдывает средства, а методы достижения желаемого результата могут быть любыми – вот постулат обоих авторов. Для них власть и политика представляют собой явления внеморального плана. Приемлема любая политика, даже вероломная, если она служит упрочению государства.

В-третьих, оба мыслителя отводят праву второстепенную роль в его соотношении с реальной политикой. Н. Макиавелли – представитель политического объективизма, он полагал, что сила и власть, а не истина творят закон. Так, О. фон Бисмарк объединил Германию и сохранял единство империи силовыми, часто нелегитимными методами. Он ликвидировал некоторые германские государства (Нассау, Ганновер, курфюршество Гессенское), чем, безусловно, нарушил «священные легитимистские традиции», «священное право» монархий⁴, провел военную реформу в Пруссии вопреки конституционным нормам, не считаясь с либеральной оппозицией и правами ландтага. Теория власти О. фон Бисмарка сводится к тому, что, когда возникает конфликт между органами власти, настоящая власть принадлежит тому, на чьей стороне сила, т. е. сила подавляет право. О. фон Бисмарк подавлял свободу печати, подвергая журналы и газеты жесткому административному режиму, а также финансировал существование «рептильной прессы», тратя деньги «рептильного фонда» на подкуп прессы в целях оправдания политики правительства⁵.

Политическое кредо Бисмарка можно сформулировать следующим образом: «Сила преобладает над правом!». Главным аргументом для него была сила: в ней он видел альфу и омегу всякого политического и дипломатического успеха. В русской дореволюционной научной литературе даже вводится термин «бисмаркизм», под которым понимается «си-

¹ Макдоно Джайлз. Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М., 2004. С. 96.

² См.: Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1974. С. 128.

³ Гончаров И. А. Рациональность политики и рациональный политик в «Государе» Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Государь. СПб., 2008. С. 22.

⁴ См.: Германская история в Новое и Новейшее время / Под ред. С. Д. Сказкина, Л. И. Гинцберга, Г. Н. Горошкова, В. Д. Ежова. М., 1970. Т. 1. С. 303.

⁵ См.: Виппер Р. Ю., Реверсов И. П., Трачевский А. С. История Нового времени. М., 1995. С. 398.

ла власти, милитаризм, макиавеллизм»¹, «политическая беспринципность»².

В-четвертых, оба мыслителя придавали огромное значение военной мощи государства, потому что хорошее войско, так же, как и хорошие законы, гарантирует силу, авторитет и стабильность государства. В своих военных действиях государь ничем не ограничен. Н. Макиавелли призывал к тому, что «нет способа надежнее овладеть городом, иначе как подвергнуть его разрушению»³. По мнению О. фон Бисмарка, «одно из главных условий скорого и выгодного для победителя мира – это причинение возможно больших бедствий мирным обывателям побежденной страны. У этих людей должны оставаться только глаза, чтобы оплакивать бедствия войны»⁴.

Причиной общности государственно-правовых взглядов О. фон Бисмарка и Н. Макиавелли является то, что они сформировались под воздействием схожих историко-политических предпосылок. Италия в начале XVI в. и Германия в середине XIX в. пережили период политической раздробленности.

Несмотря на ряд общих позиций О. фон Бисмарка и Н. Макиавелли по государственно-правовым вопросам, их взглядам присущи и некоторые особенности. Они вытекают из различия в их политических пристрастиях.

О. фон Бисмарк был сторонником монархической формы правления, роялистом, считал королевскую власть источником всех прав и вольностей народа, хотя не отрицал пользы и значения народного представительства, но при одном условии – чтобы воля короля всегда признавалась законом, а королевская власть не превратилась в фикцию. По мнению О. фон Бисмарка, существование ограниченной монархии – залог процветания Германии, и он всегда был готов защищать неприкосновенность королевской власти даже от самого кайзера. Мыслитель полагал, что король не должен идти на уступки революционному движению. Для королевской власти должны быть чужды всякие обязательства и договорные отношения с народом.

¹ См.: Виппер Р. Ю., Реверсов И. П., Трачевский А. С. Указ соч. С. 364.

² См.: Гончаров И. А. Указ. соч. С. 10.

³ Макиавелли Н. Государь. СПб., 2008. С. 49.

⁴ Виппер Р. Ю., Реверсов И. П., Трачевский А. С. Указ соч. С. 372.

Н. Макиавелли же был убежденным республиканцем. Идеальной формой правления он считал республику с сильной центральной властью. Он мечтал о создании централизованного, единого, сильного итальянского государства и, будучи отстраненным от политики, указывал пути и средства достижения этой цели.

Несмотря на географическое и хронологическое несовпадение, политическую деятельность О. фон Бисмарка можно оценить как реальное воплощение требований Н. Макиавелли к правителю государства, эффективность которых была подтверждена на практике. Следуя мудрой мысли Н. Макиавелли о том, что «государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей»⁵, О. фон Бисмарк проводил агрессивную внешнюю и не менее активную внутреннюю политику по борьбе с оппозицией. Пруссия провела три победоносные войны: в 1864 г. с Данией, в 1866 г. с Австрией, в 1870 г. с Францией. Объединение Германии и создание Германской империи в 1871 г. произошло благодаря политической деятельности О. фон Бисмарка, который сыграл ведущую роль в процессе создания второго рейха. Однако необходимо помнить, что сделано это было путем кровопролитных войн с другими государствами. Вся политическая деятельность О. фон Бисмарка является реализацией его убеждения в том, что «великие вопросы века разрешаются не речами и не решениями большинства в парламенте, а железом и кровью»⁶. По нашему мнению, это эффективный и быстрый, но далеко не единственный способ решения государственных проблем. В современном мировом сообществе право сильного должно трансформироваться в силу права.

Библиографический список

1. Бисмарк, О. Мысли и воспоминания. В 3 т. / О. Бисмарк. – М., 1940–1941.
2. Виппер, Р. Ю. История Нового времени / Р. Ю. Виппер, И. П. Реверсов, А. С. Трачевский. – М., 1995.
3. Макиавелли, Н. Избранные произведения / Н. Макиавелли. – М., 1982.

⁵ Макиавелли Н. Государь. С. 103.

⁶ Виппер Р. Ю., Реверсов И. П., Трачевский А. С. Указ. соч. С. 398.

**Требования к рукописям,
представляемым для опубликования
в «Вестнике Владимирского юридического института»**

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 авторского листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полуторный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст (печатается в программе Microsoft Word); ключевые слова; библиографические ссылки и библиографический список (5–7 источников), оформленные в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». **Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.**

К представляемой рукописи необходимо приложить аннотацию и рецензию.

Аннотация, ключевые слова, сведения об авторе и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

Работы авторов, не соответствующие вышеназванным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, аннотацией и рецензией необходимо выслать заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 1800 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 06320175960)	Сч. №	40503810900001000001
	БИК	041708001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	Сч. №	
Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала "Вестник")		